

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ В СССР, 1923-1939

ТЭРРИ МАРТИН

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ИМПЕРИЯ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ
В СССР, 1923-1939

ИМПЕРИЯ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ
В СССР, 1923–1939

Мартин проделал самый подробный анализ истоков противоречивой политики советского режима в отношении национальных меньшинств. «Империя “положительной деятельности”» – одна из важнейших книг о советской национальной политике, когда-либо выходящих в свет.

В своей области она сразу же станет классическим трудом.

Марк Бейсингер, Университет штата Висконсин (Мэдисон)

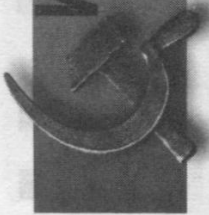
Систематически поощряя развитие национального самосознания этнических меньшинств и образуя для них множество институциональных форм, характерных для современной нации-государства, Советский Союз первым из многонациональных государств Европы столкнулся с нарастающей волной национализма. В 1920-е гг. большевистское правительство, стремясь ослабить националистические настроения, создало десятки тысяч национальных территорий. Оно воспитывало новых национальных лидеров, наделяло официальным статусом национальные языки и финансировало производство культурной продукции на этих языках.

Это был крупнейший и захватывающий эксперимент по управлению многонациональным государством.

Основываясь на архивных источниках, ставших доступными в последнее время, Терри Мартин предлагает всесторонний анализ и интерпретацию советского способа урегулирования национального вопроса.

Он показывает трения и конфликты, порождавшиеся географическим определением национальных территорий, возникновение десятков официальных национальных языков и первые в мире программы массовой «положительной деятельности».

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Handwritten signature or mark.

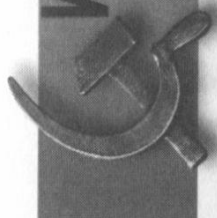

TERRY MARTIN

**THE AFFIRMATIVE
ACTION EMPIRE:
NATIONS AND NATIONALISM
IN THE SOVIET UNION,
1923-1939**

**CORNELL UNIVERSITY PRESS
ITHACA AND LONDON**

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ТЕРРИ МАРТИН

ИМПЕРИЯ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ
в СССР, 1923–1939

Москва
2011

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(2)6-36
М29

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Мартин Т.

М29 Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин ; [пер. с англ. О. Р. Щёлоковой]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 855 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1523-3

Книга профессора Гарвардского университета Терри Мартина посвящена сталинской национальной политике, проводившейся в СССР в 1923–1939 гг. По мнению ученого, Советский Союз не был ни федерацией, ни моноэтническим государством. Оригинальность советской политики заключалась в том, что она поддерживала внешние формы существования национальных меньшинств — культуру, язык, элиты, территории в гораздо большей степени, чем национального большинства — русских. Таким образом большевики пытались объединить требования националистов с требованиями социалистов, ставивших своей целью создание экономически и политически единого государства, для характеристики которого автор вводит новый термин — империя «положительной деятельности».

Исследование основано на архивных источниках, впервые вводимых в научный оборот, а также материалах украинской и российской печати тех лет.

Признанная наиболее важным трудом по истории советской национальной политики и ставшая классической, монография будет интересна не только специалистам-историкам, преподавателям и студентам, но и всем интересующимся историей сталинизма.

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(2)6-36

ISBN 978-5-8243-1523-3

© 2001 by Cornell University

© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Российская политическая
энциклопедия», 2011

Посвящается Сэли и Эли

Десять лет назад со мной проводила лето моя бабушка со стороны матери, Маргарет Хорст, вспоминая о том, как она, молодая меннонитка, жила в дореволюционном Дагестане, где ее соседями были кумыкские татары. А потом, во время революции и Гражданской войны, ей довелось стать свидетельницей безжалостных налетов крестьянских банд Махно на богатую южноукраинскую колонию меннонитов, и только позже, в 1924 г., она наконец покинула Советский Союз и переехала в Канаду, где вошла в состав местной диаспоры русских меннонитов. Ее рассказы заставили меня впервые в жизни задуматься над весьма притягательной проблемой этнической принадлежности. Мне никогда не удавалось дать точный ответ на простой вопрос, который мне всегда задавали, когда я бывал в России или на Украине: «Кто вы по национальности?». «Меннонит» или «канадец» — единственные ответы, которые имели для меня хоть какой-то смысл, — никогда никого не удовлетворяли. Первое относится к религии, а второе — всего лишь гражданство, говорили мне. Так что можно сказать, что эта книга является пространным объяснением, почему я, чьи предки покинули Россию и Украину всего лишь два поколения назад, так до сих пор и не могу дать удовлетворительный ответ на этот, казалось бы, простой для бывших советских людей вопрос.

Эта книга началась как диссертация, которую я писал в Чикагском университете, где в интеллектуальном смысле я чувствовал себя дома как нигде. Мой диссертационный совет был настоящей «командой мечты». В него входили: Ричард Хелли, преподавший мне основы российской истории, после того как я бросил заниматься плановой диссертацией по религиозной английской поэзии XVII в.; Рон Сани, который не только поделился со мной своими энциклопедическими знаниями по национальному вопросу, но и покорила своим веселым нравом и добротой; и, наконец, Дэвид Лэйтин, отличающийся кристально ясным умом и преданностью сравнительным и междисциплинарным исследованиям, который помог значительно расширить мой кругозор. Но больше всего я признателен моему научному руководителю — Шейле Фицпатрик, которая научила меня ремеслу истории, явилась для меня образцом исследовательской честности

и дисциплинированности: оказывая в случае необходимости моральную поддержку, она тем не менее всегда предоставляла мне полную интеллектуальную свободу.

Приношу благодарность и моим друзьям из Чикаго — Мэтту Пейну, Джеймсу Харрису, Джошу Сэнборну, Гольфо Алексопулос, Йону Боуну и Джону Мак-Кеннону, благодаря которым муки писательства стали для меня терпимыми, а сам процесс написания — порой даже и приятным. Особая моя благодарность — Джули Хесслер, и не только за еженедельные партии в бридж и дешевый кьянти, но и за прочтение моей рукописи и ценные советы, которые помогли мне наконец-то понять, какой должна быть структура этой книги. Также особая благодарность и Мэтту Леноэ, идеи которого оказали решающее влияние на формирование моей концепции советской истории.

Помимо них ценные замечания я получал и от Йорга Баберовски, Питера Блитстайна, Дэвида Бранденбергера, Джона Бушнелла, Андреа Грациози, Питера Холквиста, Хироаки Куромия, Дугласа Нортропа, Габора Риттерспорна, Юрия Слёзкина, Романа Шпорлюка, Джейма Юрри, Линн Виола и Марка фон Хагена. Я признателен за помощь моим московским коллегам Александру Лившину, Олегу Хлевнюку, Лидии Кошелевой, Александру Квашенкину, Дине Нохотович и Ларисе Роговой. Я особенно благодарен киевлянам Руслану Пыригу — за проводимую им политику открытости архивов, а также моему доброму другу Юрию Шаповалу, охотно делившемуся своими неисчерпаемыми знаниями истории Украины и ее архивов. И, наконец, мне хотелось бы поблагодарить Уильяма Эксли, Роберта Гушку, Майкла Муррина, Малколма Глэдвелла, Брюса Хедлама, а также весь клан семьи Мартин и самое главное моих родителей — Ллойда и Дельфин Мартин.

Исследования, проводившиеся при подготовке этой книги, осуществлялись при поддержке следующих организаций: IREX — Совета по международным исследованиям и обменов (International Research and Exchange Board); фонда SSHRC — Канадского совета по социальным наукам и гуманитарным исследованиям (Social Sciences and Humanities Research Council of Canada); программы CASPIC Совета по современным исследованиям проблем мира и международного сотрудничества (The Council for Advanced Studies in Peace and International Cooperation), финансируемой фондом Мак-Артуров, а также при поддержке фонда К. Бойдена Грея, финансирующего факультет молодежных исследований отделения истории Гарвардского университета. Фрагменты из главы 2 были опубликованы в 47-м номере журнала *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* (сентябрь 1999 г., с. 538–555) под названием «Borders and Ethnic Conflict:

The Soviet Experiment in Ethno-Territorial Proliferation» («Границы и этнические конфликты: советский эксперимент этнотерриториальной дивергенции»). Первоначальный вариант главы 8 публиковался в 70-м номере «Журнала современной истории» (Journal of Modern History) (декабрь 1998 г., с. 831–861) под названием «Происхождение советских этнических чисток» («The Origins of Soviet Ethnic Cleansing»). Фрагменты главы 10 напечатаны в 39-м номере журнала Cahiers du monde russe за 1998 г. (№ 1–2, с. 99–118) под названием «Русификация РСФСР» («The Russification of the RSFSR»). Приношу благодарность издателям за разрешение переиздать эти материалы.

Эта книга посвящена Сэлли (если бы не ее любовь и невероятное терпение, то она бы никогда не была написана) и Эли, который появился в разгар моей работы и сделал ее гораздо более занимательной.

Т. М.
Кембридж (Массачусетс)

Аббревиатуры

Во всей книге, за одним исключением, используется следующий формат ссылок на архивные документы: архив — фонд — опись — дело — листы. Для протоколов собраний, конференций, съездов, заседаний политбюро коммунистической партии используется следующий формат: архив — фонд — опись — дело — протокол — пункт. Ссылка НІР А26, 43 означает: «Гарвардский проект» (Harvard Interview Project), серия «А», респондент # 26, страница 43.

ВFORC — British Foreign Office: Russia Correspondence («Форин офис»: русская корреспонденция)

CGM — Captured German Materials (Захваченные германские материалы)

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

НІР — Harvard Interview Project («Гарвардский проект»)

РГАЭ — Российский государственный архив экономики

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории

РГВА — Российский государственный военный архив

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

ЦДАГОУ — Центральный державний архів громадських об'єднань України (Центральный государственный архив общественных организаций Украины)

ЦДАВОУ — Центральный державний архів вищих органів влади і управління України (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины)

СОВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Советский Союз был первой в мире империей положительной деятельности. Новая революционная Россия первой из традиционных европейских многонациональных государств оказала сопротивление поднимающемуся национализму, ответив на него систематическим содействием развитию национального сознания этнических меньшинств и созданием для них многих характерных институциональных форм моноэтнического государства¹. Стратегия большевиков заключалась в том, чтобы взять под свой контроль процесс деколонизации, которая казалась неизбежной, и осуществить ее так, чтобы сохранить территориальную целостность бывшей Российской империи. Ради этого Советское государство создало не только двенадцать больших национальных республик, но и десятки тысяч национальных территорий, рассеянных по всему пространству Советского Союза. Новые национальные элиты, проходя подготовку, выдвигались на руководящие должности в управлении, народном образовании и промышленных предприятиях этих новообразованных территорий. На каждой из территорий национальный язык был провозглашен официальным языком органов власти. В десятках случаев это требовало создания письменного языка там, где его не существовало.

¹ Австро-Венгерская империя была первой из старых европейских империй, существованию которой стал угрожать национал-сепаратизм. После 1867 г. в венгерской половине империи был взят курс на создание венгерского моноэтнического государства посредством ассимиляции проживавших там народов, тогда как в австрийской ее половине были впервые разработаны многие из тех методов, которые впоследствии стали применяться и в Советском Союзе. Однако проводившаяся в Австро-Венгрии политика представляла собой в первую очередь оборонительную стратегию предоставления уступок в ответ на националистические требования, тогда как Советы проводили активную упреждающую политику содействия национальному строительству нерусских, чтобы предотвратить рост национализма. О политике Австро-Венгерской империи см.: *Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Band III. Die Völker des Reiches.* Vienna, 1980.

Советское государство финансировало массовое издание книг, журналов и газет, создание кинофильмов, опер, музеев, фольклорных музыкальных ансамблей и другой культурной продукции на языках нерусских народов СССР. Никогда прежде не затевалось ничего подобного, и впоследствии деятельность ни одного многонационального государства (за исключением разве что Индии) так и не сравнялась по своим масштабам с той положительной деятельностью, которая была осуществлена в СССР. Моя книга посвящена исследованию этого поразительного эксперимента в сфере управления многонациональным государством.

Логика положительной деятельности

Так почему же большевики взяли на вооружение именно эту радикальную стратегию? Когда в октябре 1917 г. они захватили власть, никакой последовательной национальной политики у них не было. Но зато у них имелся впечатляющий лозунг, который разделялся и Вудро Вильсоном, — лозунг о праве наций на самоопределение. Правда, этот лозунг был предназначен для того, чтобы, заручившись поддержкой национальностей, провести революцию, а не для того, чтобы создать модель управления многонациональным государством. Национальный вопрос Ленин всегда воспринимал всерьез, но то, что во время революции и Гражданской войны национализм неожиданно проявил себя в качестве мощной мобилизующей силы, его очень изумило и обеспокоило. Большевики ожидали, что национализм может появиться в Польше и Финляндии, но стремительное возникновение многочисленных националистических движений на большинстве территорий бывшей Российской империи застало их врасплох. Особенно их обескуражило мощное националистическое движение на Украине. Именно полное неприятие национализма и вынудило большевиков выработать новую национальную политику².

Не обошлось при этом и без полемики. Одну из сторон в этом споре представляли поборники национального строительства во главе с Лениным и Сталиным, а на другой стороне стояли интернационалисты во главе с Г. Л. Пятаковым и Н. И. Бухариным. В марте 1919 г.

² *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Cambridge, Mass., 1964; *Suny R. G.* The Revenge of the Past. Stanford, Calif., 1993; *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М., 1997; *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. L., 1999; *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. Vol. 53. 1994, Summer. P. 414–452. *Hirsch F.* Empire of Nations: Colonial Technologies and the Making of the Soviet Union, 1917–1939. Ph. D. diss. Princeton University, 1998.

на VIII съезде РКП(б) представители обеих сторон схлестнулись по вопросу о праве наций на самоопределение³. Пятаков утверждал, что, «проделав довольно большой и мучительный опыт, проделав этот опыт на окраинах бывшей царской России», большевики отказались от лозунга о праве наций на самоопределение, потому что он «показал себя на практике, во время социальной революции, как лозунг, объединяющий все контрреволюционные силы»⁴. А после того как пролетариат захватил власть, заявил Пятаков, национальное самоопределение стало ненужным: «Это или просто дипломатическая игра, или это хуже, чем игра, если мы берем это всерьез»⁵. В поддержку Пятакова выступил и Бухарин, полагавший, что право на самоопределение может быть доверено лишь пролетариату, а не какой-то «фиктивной так называемой воле нации»⁶.

По этому вопросу с Пятаковым и другими Ленин спорил как до революции, так и во время нее⁷. И вот теперь он ответил на этот новый вызов с присущей ему энергией. Да, национализм действительно объединил все контрреволюционные силы, охотно согласился Ленин, — но ведь он также привлек на сторону большевиков классовых союзников. Финская буржуазия успешно «обманывала трудящиеся массы тем, что москали, шовинисты, великороссы хотят задушить финнов». И такие аргументы, как у Пятакова, только усиливали этот страх, тем самым усиливая и национальное сопротивление. И только «благодаря тому, что мы признали право наций на самоопределение, процесс [классовой] дифференциации там [у финнов] был облегчен». Росту национализма способствовало и исторически сложившееся недоверие: «Трудящиеся массы других наций были полны недоверия к великороссам как нации кулацкой и давящей». И преодолеть это недоверие, говорил Ленин, может лишь право на самоопределение, тогда как политика Пятакова, наоборот, приведет к тому, что партия унаследует шовинизм эпохи царизма: «Поскрести иного коммуни-

³ О предыстории этих событий хорошо рассказывается в: *Smith J.* Op. cit. С. 7–28.

⁴ Восьмой съезд РКП(б). 18–23 марта 1919 г. Протоколы. М., 1933. С. 79–80.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Там же. С. 48–49. Недолгое время, с декабря 1917 по январь 1918 г., эту точку зрения поддерживал и Сталин, см.: Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте // Соч.: в 16 т. Т. 4. М., 1947. С. 8; Выступления на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Там же. С. 31–32.

⁷ См. две крупные дореволюционные работы Ленина с критикой позиции Пятакова, главной сторонницей которого была Роза Люксембург: Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. М., 1975–1977. Т. 25. С. 255–320; он же. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Т. 27. С. 151–166. Ленин спорил с Пятаковым и в 1917 г. на VII (апрельской) конференции РСДРП(б). См. об этом: Национальный вопрос на перекрестке мнений. М., 1992. С. 11–27.

ста — и найдешь великорусского шовиниста... Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться»⁸.

Участники съезда поддержали Ленина и выступили за сохранение оправданного им права на национальное самоопределение⁹. Разумеется, большинство национальностей бывшей Российской империи были вынуждены осуществлять это право в границах Советского Союза. Именно потому в 1919–1923 гг. пришлось заниматься разработкой самого понятия национального самоопределения нерусских народов в рамках унитарного Советского государства. А конечным результатом стало создание Империи положительной деятельности, нацеленной на борьбу с национализмом путем создания того, что получило наименование «формы национальной государственности». В основе этой политики лежала теория национализма, разработанная в основном Лениным и Сталиным. К национальному вопросу Ленин обращался неоднократно — и в 1912–1916 гг., когда он сформулировал и защитил лозунг самоопределения наций, и потом, в 1919–1922 гг., анализируя тревожащий большевиков успех националистических движений во время Гражданской войны¹⁰. Признанным большевистским «специалистом по национальному вопросу» был также Сталин¹¹ — и как автор образцовой дореволюционной работы «Марксизм и национальный вопрос», и как нарком по делам национальностей (в 1917–1924 гг.), и, наконец, как выразитель официальной позиции партии по национальному вопросу на партийных съездах¹². Между Лениным и Сталиным существовало принципиальное согласие относительно логического обоснования и главных положений новой национальной политики партии, хотя в 1922 г. между ними и возник конфликт по поводу некоторых важных моментов ее осуществления. В основе их представлений по национальному вопросу лежали три следующих фактора.

⁸ Восьмой съезд РКП(б). С. 54–55, 107–108.

⁹ Там же. С. 387. *Smith J.* Op. cit. P. 21.

¹⁰ О периоде с 1912 по 1916 г. помимо цитированных выше работ Ленина см.: Тезисы по национальному вопросу (1913) // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 314–322; Критические заметки по национальному вопросу (1913) // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113–150; Итоги дискуссии о самоопределении (1916) // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 17–58. О периоде 1919–1922 гг. см.: Письмо к рабочим и крестьянам Украины... (1919) // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 41–47; Об образовании СССР (1922) // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211–213; К вопросу о национальностях или об «автономизации» (1922) // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 356–362.

¹¹ Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу 25.04.2 // «Известия ЦК КПСС», 1991. № 3. С. 169.

¹² Статьи и речи Сталина собраны в кн.: *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934.

Марксизм

Самое главное (и в этом взгляды Пятакова и Ленина совпадали) заключалось в том, что национализм был, безусловно, опасной идеологией, ради достижения национальных целей он мог привести к созданию надклассового альянса. Хотя Ленин и называл национализм «буржуазным обманом»¹³, однако он признавал, что им можно воспользоваться в тактических целях. Действенность национализма объяснялась тем, что он служил выражением законного социального недовольства, хотя и выражал его в национальной форме. В 1923 г., на XII съезде партии, Бухарин (а в то время он был пламенным защитником национальной политики партии) отметил, что, когда «мы берем налоги [с нерусского крестьянства], его недовольство получает национальную форму и формулировку, которая используется нашим противником»¹⁴. Эрнст Геллнер, спародировав эту аргументацию, назвал ее «теорией ошибочного адреса» национализма: «Подобно тому как радикальные мусульмане-шииты утверждали, будто архангел Гавриил совершил ошибку, доставив благую весть Магомету, хотя она и была адресована Али, точно так же и марксистам, как правило, нравится думать, будто дух истории или человеческий разум совершил страшную глупость и что спасительная весть была адресована *классам*, но из-за какой-то ужасной почтовой ошибки ее почему-то доставили *нациям*»¹⁵.

Потому-то большевики и считали национализм идеологией, маскирующей свою суть, а в их рассуждениях по национальному вопросу постоянно повторялись метафоры маскировки. Особенно их любил Сталин: «Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии». «И если буржуазные круги... старались придать национальную окраску [нашим] конфликтам, то только потому, что им это было выгодно, что удобно было за национальным костюмом скрыть борьбу с властью трудовых масс»¹⁶. Интерпретация национализма как «маскирующейся идеологии» объясняет, почему большевики продолжали относиться к национальному самовыражению с большой подозрительностью

¹³ Ленин В. И. Как епископ Никон защищает украинцев? (1913) // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 9.

¹⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 612.

¹⁵ Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, N. Y., 1983. P. 129.

¹⁶ Сталин И. В. Политика советской власти по национальному вопросу в России (1918) // Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 54; он же. Выступления на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Соч. Т. 4. С. 31.

даже после того, как они его безоговорочно поддержали. Так, например, оправдывая кампанию репрессий, развязанную в 1933 г. против национальных меньшинств СССР, Сталин, как обычно, прибег к метафоре маскировки: «Пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме»¹⁷.

Такое понимание национализма привело Пятакова к осознанию единственно логичной, по всей видимости, линии действия: осудить национализм как контрреволюционную идеологию и национальность как реакционный пережиток эпохи капитализма. А Ленин и Сталин извлекли из этого положения диаметрально противоположный вывод. Они рассуждали так. Предоставив нациям определенные формы государственности, Советское государство сможет расколоть надклассовый национальный альянс, который имеет своей целью получение государственности. Таким образом произойдет классовое размежевание, что и позволит советскому правительству привлечь на свою сторону пролетариат и крестьянство, которые поддержат его социалистическую программу. Обосновывая свою точку зрения, Ленин приводил в пример Финляндию, где предоставление независимости не только не свело на нет классовые конфликты, но, наоборот, только их усилило¹⁸. К аналогичным последствиям национальное самоопределение приведет и в Советском Союзе. Сталин также настаивал на том, что «необходимо “взять” у нее [национальной буржуазии] автономию, предварительно очистив ее от буржуазной скверны, и превратить ее из буржуазной в советскую»¹⁹. Таким образом, постепенно складывалось представление, что притягательность надклассового национализма утратит свою силу в том случае, если нациям будут предоставлены определенные формы государственности. Такова была марксистская предпосылка.

Модернизация

Этот вывод был подкреплён вторым положением: возникновение национального самосознания — это неизбежный исторический этап, через который на пути к интернационализму должны пройти все народы. В своих дореволюционных работах Ленин и Сталин утвержда-

¹⁷ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 31.

¹⁸ В своих дореволюционных работах Ленин неоднократно писал, что, после того как в 1905 г. Швеция предоставила независимость Норвегии, классовый конфликт в обеих странах усилился. *Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. С. 289; он же. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. С. 253.*

¹⁹ *Сталин И. В. Одна из очередных задач (1918) // Соч. Т. 4. С. 75.*

ли, что нации возникли лишь с подъемом капитализма, будучи и сами по себе следствием капиталистического производства²⁰. Они отнюдь не являются неотъемлемым или неизменным атрибутом человечества. Пятаков истолковал это положение так, будто национальность при социализме станет уже несущественной, а потому нациям не стоит предоставлять особого статуса. Ленин и Сталин, напротив, настаивали, что нации будут долго существовать даже при социализме²¹. И вначале национальное самосознание будет только усиливаться. Еще в 1916 г. Ленин утверждал, что «к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций»²². Впоследствии Сталин объяснял этот парадокс следующим образом: «Мы гарантируем максимальное развитие национальной культуры для того, чтобы она исчерпала себя полностью и тем самым создала основу для формирования интернациональной социалистической культуры»²³.

Это представление о неизбежности национальной стадии развития человечества возникло, судя по всему, благодаря сочетанию двух факторов. Во-первых, крушение Австро-Венгерской империи и, во-вторых, поразительно сильное национально-освободительное движение на территории бывшей Российской империи значительно усилили уважение большевиков к национализму, заставив их признать и его силу, и его повсеместность. Особое впечатление на Сталина произвел процесс национальной консолидации в некогда немецких городах Австро-Венгрии. На проходившем в 1921 г. съезде партии он обратил внимание на то, что всего полвека назад все города в Венгрии были по преимуществу немецкими («имели немецкий характер»), но теперь они стали венгерскими («теперь они мадьяризированы»). Точно так же, утверждал он, будут «неизбежно» национализированы и все русские города на Украине и в Белоруссии. И сопротивляться этому бесполезно: «Нельзя идти против истории»²⁴. А в другом месте Сталин назвал эту модель «всеобщим законом национального развития во всем мире»²⁵. Следовательно, национальная консолидация неизбежна даже и при социализме.

²⁰ Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 4–15; Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. С. 255–271.

²¹ О Ленине см. в: Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет IV секретного заседания ЦК ВКП(б), 1923 г. М., 1992. С. 30–31; о Сталине см.: Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 155–156.

²² Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. С. 256.

²³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 9.

²⁴ Протоколы X съезда Коммунистической партии большевиков. М., 1933. С. 216.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 16.

Более того, эта национальная стадия развития человечества приобрела позитивный смысл, поскольку теперь она связана не только с капитализмом, но и с модернизацией в целом. Возражая Пятакову и Бухарину и сославшись на то, что башкиры по-прежнему относятся к великороссам как к угнетателям, Ленин заявил, что «надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которая неизбежна... ибо все страны — на пути от Средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной — к пролетарской демократии. Это — путь совершенно неизбежный»²⁶. А поскольку основное внимание большевиков Ленин привлек к «отсталым» восточным национальностям Советского Союза, то консолидацию национальной государственности стали связывать с исторически поступательным процессом. Своего апогея эта тенденция достигнет во время культурной революции, когда советская пропаганда будет кичиться тем, что на Крайнем Севере тысячелетний процесс национального становления удалось пройти в сжатые сроки, всего за десятилетие²⁷. Таким образом, формирование наций стало считаться и неизбежной, и позитивной стадией в процессе модернизации Советского Союза. Такова была модернизационная предпосылка.

Колониализм и принцип главной опасности

В основе большевистских взглядов по национальному вопросу было также утверждение, что национализм нерусских народов главным образом является реакцией на их угнетение при царизме и обусловлен исторически оправданным недоверием к великороссам. Особенно энергично на этом настаивал Ленин, который еще в 1914 г. критиковал Розу Люксембург, отрицавшую право наций на самоопределение. Отказывая нациям в самоопределении, она, полагал Ленин, сыграла «на руку черносотенному национализму великорусов... Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великорусов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас». В каждом буржуазном национализме угнетенной нации, утверждал Ленин, было свое «общедемократическое содержание», которое необходимо поддержать, тогда как национализм угнетателей никакой искупительной ценности не имеет. И в завершение Ленин выдвинул лозунг борьбы «со всяким национализмом, и в первую голову с национализмом великорусским»²⁸.

²⁶ Восьмой съезд РКП(б). С. 55.

²⁷ Вторая сессия ВЦИК пятнадцатого созыва. Стенографический отчет. М., 1931. С. 16; *Slezkine Y. Arctic Migrants*. Ithaca, N. Y., 1994.

²⁸ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. С. 277, 275–276, 319.

Поведение большевиков в 1917–1919 гг. убедило Ленина в том, что Российская коммунистическая партия сохранила психологию великодержавного шовинизма, унаследовав ее от царского режима. В нерусских регионах большевики, опираясь почти исключительно на российский пролетариат и крестьян-переселенцев, находящихся там в меньшинстве, зачастую занимали по отношению к местному населению откровенно шовинистическую позицию²⁹. Это встревожило Ленина, и его резкие нападки на Пятакова в какой-то мере объяснялись антиукраинской политикой, которую тот проводил в Киеве. В декабре 1919 г. Ленин опять набросился на большевиков, работавших на Украине, с обвинениями в шовинизме³⁰. Его возмущение достигло апогея во время печально известного «грузинского инцидента» 1922 г., когда он, обвинив Дзержинского, Сталина и Орджоникидзе, назвал их великорусскими шовинистами (обрусевшие инородцы, утверждал Ленин, зачастую становятся самыми яростными шовинистами)³¹. Такого рода большевистский шовинизм Ленин называл «русотяпством», то есть «глупым русским шовинизмом», словом, которое потом вошло в большевистский лексикон и стало бесценным оружием в риторических арсеналах национальных республик³².

Озабоченность Ленина великорусским шовинизмом привела к возникновению ключевого принципа советской национальной политики. В декабре 1922 г. Ленин возобновил критику великорусского шовинизма, начатую им еще в 1914 г., но добавил, что «необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве [совершенного] насилия...»³³. Эта концепция стала частью стереотипной большевистской риторики как объяснение различия между «наступательным» великодержавным национализмом и «оборонительным» местным национализмом, причем последний стали считать оправданной реакцией на первый. А это представление, в свою очередь, привело

²⁹ Протоколы X съезда Коммунистической партии большевиков. С. 195–209; Pipes R. The Formation of the Soviet Union. P. 126–154, 172–183.

³⁰ The Unknown Lenin. New Haven, 1996. P. 76–77.

³¹ Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» С. 356–362.

³² На состоявшемся в 1921 г. съезде партии авторство этого термина Затонский приписал Ленину, см.: Протоколы X съезда Коммунистической партии большевиков. С. 207.

³³ Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации». С. 359.

к утверждению принципа главной опасности, то есть положения о том, что великодержавный (или, иногда, — великорусский) шовинизм более опасен, чем местный национализм³⁴. Такова предпосылка формирования большевистских представлений по национальному вопросу, основанная на убежденности в антиколониальном характере националистических движений.

Ленин сформулировал принцип главной опасности в радикальной форме, и он стал одним из двух пунктов его разногласий со Сталиным по национальной политике в конце 1922 г.³⁵ Сталин поддерживал принцип главной опасности до 1922–1923 гг., снова поддерживал его в 1923 г., а с апреля 1923 по декабрь 1932 г. руководил национальной политикой, в основе которой лежал именно этот принцип. И тем не менее Сталина не устраивала та настойчивость, с которой утверждалось, что абсолютно *все* разновидности местного национализма можно объяснить реакцией на великодержавный шовинизм. Основываясь на опыте, приобретенном в Грузии, Сталин настаивал, что грузинскому национализму тоже присуще стремление к великодержавному угнетению и эксплуатации своих национальных меньшинств — осетинского и абхазского. А потому, выступая против великорусского шовинизма, Сталин всегда критиковал, пусть и менее опасный, местный национализм³⁶. Из-за различия в расстановке акцентов в сентябре 1922 г. Сталин шутливо обвинил Ленина в «национал-либерализме»³⁷. Это различие проявилось и в терминологии, используемой Лениным и Сталиным. Ленин обычно называл русский национализм великодержавным шовинизмом, что отличало его от всякого другого национализма, тогда как Сталин предпочитал использовать выражение «великорусский шовинизм». Но, по-иному расставляя акценты, Сталин последовательно поддерживал принцип главной опасности.

Таким образом, марксизм, модернизация и колониализм стали теоретической основой национальной политики, которую Ленин и Сталин навязали сопротивлявшейся большевистской партии, утвердив ее в ряде резолюций на съездах партии в 1919, 1921 и 1923 гг.³⁸

³⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 693–695.

³⁵ Второе их разногласие возникло по поводу устройства Советского Союза и, в частности, места России в его составе. Этот вопрос рассматривается в главе 10.

³⁶ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 487–490.

³⁷ Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу 25.04.23 // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 16.

³⁸ Ключевые резолюции см. в: Восьмой съезд РКП(б). С. 387; Протоколы X съезда Коммунистической партии большевиков. С. 573–583; Двенадцатый съезд РКП(б). С. 691–697; Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 282–286.

Их аргументация была в общих чертах следующей. Национализм — это идеология, маскирующая свою суть, законные классовые интересы выражаются ею не в адекватном социалистическом движении на классовой основе, а в виде надклассового национального движения. Национальная идентичность не является изначальным, примордиальным свойством общества, а скорее представляет собой неизбежный побочный продукт развития современного капиталистического и досоциалистического мира, и через эту стадию развития человечество должно пройти, прежде чем возникнет зрелое интернациональное социалистическое общество. А поскольку национальная идентификация — это *реально существующее* явление современного мира, национализм угнетаемых нерусских народов выражает не только замаскированный классовый протест, но и законное негодование национальных меньшинств против угнетающего великодержавного шовинизма господствующей русской нации. Следовательно, ни национализм, ни поиск национальной идентичности не могут быть однозначно осуждены как явления реакционные. *Некоторые* национальные требования — национальные по форме — являются законными и должны быть удовлетворены для того, чтобы расколоть надклассовый национальный альянс. Такая политика ускорит классовую дифференциацию и, следовательно, позволит партии заручиться поддержкой нерусского пролетариата и крестьянства, которые помогут ей осуществлять социалистическую программу. А когда нациям будут предоставлены различные формы государственности, национализм будет побежден.

Пьемонтский принцип

Четвертым фактором, приведшим к образованию империи положительной деятельности, стало переплетение интересов национальной и внешней политики советских властей. Еще в ноябре 1917 г. Ленин и Сталин выпустили обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором помимо обещания покончить с имперской эксплуатацией на территории бывшей Российской империи содержался также призыв к живущим за пределами России мусульманам свергнуть колониальных поработителей³⁹. И эта взаимосвязь между внутренней национальной политикой и целями внешней политики на Востоке была в годы Гражданской войны весьма естественной. После того как по Рижскому договору 1921 г. в границах Польши оказались миллионы украинцев и белорусов, внима-

³⁹ Лазовский И., Бибин И. Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР. М.; Л., 1928. С. 2–3.

ние советской власти сместилось к Западу. Теперь западная граница Советского Союза проходила через этнические территории финнов, белорусов, украинцев и румын. Существовала надежда, что нарочито великодушное обращение с этими национальностями в СССР станет притягательным для их этнических собратьев в Польше, Финляндии и Румынии.

Именно привлечение симпатий многочисленного украинского населения Польши и его последующее присоединение к СССР и были самой важной целью этой стратегии. В апреле 1924 г. это желание было выражено на страницах главной газеты Советской Украины⁴⁰:

«Было время, когда Галиция послужила Пьемонтом для украинской культуры. А вот теперь, когда украинская культура задыхается в “культурной”, “европейской” Польше, ее центр естественным образом сместился к Украинской ССР».

В украинском политическом дискурсе 20-х гг. Советская Украина рассматривалась в качестве нового Пьемонта, Пьемонта XX в., которому предстояло стать центром объединения (сначала культурного, а потом и политического) разделенного украинского народа Польши, Чехословакии и Румынии⁴¹. Потому-то я и называю осуществлением Пьемонтского принципа попытки советского правительства использовать трансграничные этнические связи для того, чтобы распространить свое политическое влияние на сопредельные государства. Однако следует подчеркнуть, что эта внешнеполитическая цель никогда не была главным стимулом советской национальной политики. Она влияла на интенсивность осуществления национальной политики в стратегически важных районах, но никак не на ее содержание. И тем не менее именно Пьемонтский принцип послужил главной причиной пересмотра этой политики, который произойдет в конце 1932 г.

Сущность империи положительной деятельности

И наконец, официальное мнение о сущности советской национальной политики было схематически представлено в резолюциях, принятых на XII съезде партии в апреле 1923 г. и на специальной конференции Центрального комитета (ЦК) по национальной политике, состоявшейся в июне 1923 г. Эти резолюции, наряду с речами Сталина в их поддержку, стали двумя нормативными большевистскими

⁴⁰ «Українська культура в “культурній” Польщі» – «Вісті ВУЦВК», № 87 (17.04.24): 1.

⁴¹ См., напр., статью Микола Скрипника «Украинская ССР – Пьемонт украинских трудящихся масс» в: *Скрипник М. Статті і промови*. Т. 2. Ч. 2. Харків, 1931. С. 153–159.

документами по национальной политике и оставались таковыми на протяжении всей сталинской эпохи⁴². Вплоть до апреля 1923 г. национальная политика неоднократно обсуждалась на значимых партийных форумах, а после июня 1923 г. ее публичное обсуждение прекратилось⁴³. В резолюциях 1923 г. утверждалось, что Советское государство будет максимально поддерживать те формы национального устройства, которые не входят в противоречие с существованием унитарного централизованного государства. А это означало, что власти готовы оказать поддержку следующим четырем «формам» существования наций: национальным территориям, языкам, элитам и культурам.

Национальные территории

Национальные территории для большинства крупных советских национальностей к июню 1923 г. были уже фактически созданы⁴⁴. Резолюциями 1923 г. всего лишь подтверждался факт их существования и осуждались всякие планы их ликвидации. А вот проблема территориально рассеянных национальных меньшинств так и оставалась неразрешенной. Советская политика была направлена на противодействие их ассимиляции. Но при этом она же отвергала и предложение австромарксистов создать экстерриториальные национально-культурные автономии⁴⁵. Считалось, что ассимиляция и экстерриториальная национально-культурная автономия неизбежно приведут к росту национализма и обострению этнических конфликтов. Решение, к которому в середине 20-х гг. пришли большевики, было, как всегда, радикальным. Национально-территориальная система Советского Союза должна была распространиться на все национальные территории вплоть до самых мелких (национальных районов, сельсоветов, колхозов) и в конце концов плавно слиться

⁴² Эти манифесты были собраны воедино и приводились во всех переизданиях книги Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос».

⁴³ После июня 1923 г. содержание советской национальной политики больше уже никогда не обсуждалось в высших партийных инстанциях, за единственным исключением: в 1926–1927 гг. действовала комиссия Политбюро по делам РСФСР, совещания которой оказались абсолютно бесплодными (см. главу 10). Время от времени обсуждались отдельные вопросы национальной политики, однако в 1925–1936 гг. она никогда не становилась специальным пунктом повестки дня ни на съездах партии, ни на пленумах ЦК.

⁴⁴ К июню 1923 г. существовало уже 2 федеративные, 5 союзных, 12 автономных республик и 11 автономных областей. Процесс образования новых территорий завершился в 1924 г., когда были определены границы в Средней Азии. Чтобы составить общее представление о том, как создавались в тот период национальные территории, см. специальный выпуск журнала «Жизнь национальностей» (№ 1 за 1923 г.), а также: *Smith J.* Op. cit. P. 29–107.

⁴⁵ *Austro-Marxism.* Oxford, 1978.

с индивидуальной национальностью каждого советского гражданина. В результате образовалась грандиозная пирамида национальных советов, состоявшая из тысяч национальных территорий.

Национальные языки и элиты

Центральным положением резолюций 1923 г. было утверждение необходимости развития национальных языков и создания национальных элит, которые рассматривались как единая политика. На каждой национальной территории язык титульной национальности должен был получить статус официального государственного языка. Национальные элиты, пройдя подготовку, должны были выдвигаться на руководящие должности в партии, органах управления, промышленности и народном образовании каждой национальной территории. И хотя принципы этой политики были сформулированы еще в 1920 г. и официально одобрены на съезде партии в 1921 г., для их осуществления буквально ничего не было сделано⁴⁶. Два постановления 1923 г. осудили эту бездеятельность и потребовали приступить к делу немедленно. Вскоре эта политика получила название «коренизация» и заняла центральное место в советской национальной политике.

Лучшим синонимом слова «коренизация» является «индигенизация» («отуземливание»). Оно образовано не от самого слова «корень», а от прилагательного с этим корнем — «коренной», употребляемого в словосочетании «коренной народ». Создание большевиками этого неологизма — «коренизация» — стало частью их деколонизационной риторики, которая последовательно поддерживала притязания местного населения, ставя их выше интересов «пришлых элементов». Однако в 1923 г. слово «коренизация» еще не вошло в обиход. Вместо него предпочтение отдавалось слову «национализация», в которой акцент делался на программе национального строительства⁴⁷. А в национальных республиках проводимая политика называлась по имени титульной национальности: «украинизация», «узбекизация», «ойротизация». Слово «коренизация» возникло позже в обиходе отвечавшей за национальную политику центральной бюрократии, которая прежде всего обслуживала экстерриториальные национальные меньшинства и потому предпочитала термин, относившийся ко всем индигенным (коренным) народам, а не только к титульным нацио-

⁴⁶ В резолюции съезда партии 1919 г. эта политика еще не была сформулирована. Впервые ее положения были изложены в: *Диманштейн С.* Еще мало опыта // Жизнь национальностей. 1919. 31 авг. С. 1; *Сталин И. В.* Политика советской власти по национальному вопросу в России. С. 58–64.

⁴⁷ Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 284.

нальностям. Со временем для обозначения этой политики стали преимущественно употреблять термин «коренизация», однако следует отметить, что Сталин всегда использовал слово «национализация»⁴⁸.

В резолюциях 1923 г. о коренизации говорилось как о самом главном пункте программы советской национальной политики. При этом в соответствии с той в высшей степени психологизированной характеристикой национализма, которую давали Ленин и Сталин, особо подчеркивалось субъективное воздействие коренизации. Благодаря ей советская власть должна была стать «родной», «близкой», «народной» и «понятной». Она должна была отвечать позитивным психологическим потребностям национализма: «[Нерусские] массы должны увидеть, что советская власть и ее органы являются делом их собственных усилий, воплощением их желаний». Кроме того, она должна лишить оснований негативные психологические опасения, связанные с восприятием власти чужаков: «Советская власть, до последнего времени (до апреля 1923 г. — Т. М.) являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и междунациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей». Родные языки сделают советскую власть понятной, а местные кадры, знающие «нравы, обычаи, быт» местного населения, будут способствовать тому, чтобы советская власть казалась своей, коренной, а не навязанной извне имперской властью русских⁴⁹.

Национальная культура

И наконец, в постановлениях подтверждалось, что партия признает разные национальные культуры и обязуется предоставить для их максимального развития государственную поддержку⁵⁰. В знаменитом определении Сталина о советских национальных культурах говорилось как о «национальных по форме, социалистических по содержанию», хотя Сталин и не уточнил, что это значит⁵¹. И эта неопределенность была намеренной, поскольку планы большевиков по социальному преобразованию страны не допускали сохранения ка-

⁴⁸ Напр., см.: XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 54.

⁴⁹ *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 62; Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 102; Двенадцатый съезд РКП(б). С. 481–482.

⁵⁰ Однако более важное определение национальной культуры содержалось в речи Сталина, произнесенной им в 1925 г. *Сталин И. В.* О политических задачах Университета народов Востока // Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 158–165.

⁵¹ Там же. С. 158. На самом деле в первоначальной формулировке Сталина было сказано «пролетарская по содержанию». В июне 1930 г. он изменил ее на каноническую фразу «социалистическая по содержанию», см.: *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 194.

ких-либо существенных характерных национальных черт — религиозных, правовых, идеологических или относящихся к обычаям⁵². Так что сталинскую «национальную культуру» было бы точнее называть не национальной культурой, а «национальной идентичностью» или «символической этничностью»⁵³.

Советская политика была направлена на систематическое развитие характерной национальной идентичности и национального самосознания нерусских народов СССР. А для этого не только создавались национальные территории, которые управлялись национальными элитами, использующими свои национальные языки, но и активно пропагандировались символические признаки национальной идентичности: фольклор, музеи, национальная одежда и кухня, стиль, опера, поэты, «прогрессивные» исторические события и произведения классической литературы. Цель заключалась в том, чтобы обеспечить мирное сосуществование различных национальных культур с зарождающейся общесоюзной социалистической культурой, которой предстояло прийти на смену национальным культурам. Национальные культуры нерусских народов предстояло деполитизировать путем проявления показного, нарочитого уважения к ним.

Федерация

Таким образом, главными позитивными чертами советской национальной политики были создание национальных территорий, поддержка национальных языков, продвижение национальных элит и культур. И самое главное, все это не предполагало создания федерации, если под этим словом понимать нечто большее, чем всего лишь образование административных территорий по национальному признаку. На проходивших в апреле и июне 1923 г. конференциях украинские делегаты во главе с Х. Г. Раковским весьма энергично настаивали на передаче важных общегосударственных полномочий национальным республикам. Сталин язвительно отверг предложения Раковского и несправедливо окрестил его цель конфедерацией⁵⁴.

⁵² О борьбе с такими обычаями в Советском Союзе см. в: *Massell G.* The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton, N. J., 1974; *Northrop D.* Uzbek Women and the Veil: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ph. D. diss., Stanford University, 1999.

⁵³ *Gans H.* Symbolic Ethnicity: The Future of Ethnic Groups and Cultures in America // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. № 2. P. 9–17.

⁵⁴ Из истории образования СССР.. // *Известия ЦК КПСС*. 1989. № 9. С. 18–19; 1991. № 3. С. 170–172; № 5. С. 154–176; Двенадцатый съезд РКП(б). С. 576–582; Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 107–110; Национальный вопрос на перекрестке мнений. С. 86–91, 97–100.

Хотя в конституционном соглашении 1922–1923 гг. союз республик и назывался федерацией, однако фактически все существенные властные полномочия передавались центру, который и принимал все ключевые решения. Национальным республикам было предоставлено не больше прав, чем русским областям⁵⁵. До июня 1917 г. Ленин и Сталин осуждали федерацию и выступали за создание унитарного государства с областной автономией для национальных регионов. А это означало образование национальных административных единиц и избирательное использование национальных языков в управлении и образовании⁵⁶. Однако в июне 1917 г. Ленин неожиданно реабилитировал слово «федерация», хотя и пользовался им для обозначения более широкой областной автономии. Как стыдливо заметил в 1924 г. Сталин, формы федерации «оказались далеко не столь противоречащими целям экономического сближения... как это могло казаться раньше»⁵⁷. Советская федерация не означала передачи на места политической или экономической власти.

Экономическое выравнивание

Куда менее определенным было положение, которое в советской национальной политике занимало экономическое выравнивание национальных территорий. В постановлениях по вопросам национальной политики, принятых в 1923 г., требовалось принять меры для преодоления «фактического, то есть хозяйственного и культурного, неравенства национальностей Союза Республик». Предлагалось переместить заводы из центра в восточные национальные регионы⁵⁸. Эта политика была принята, но не получила развития. И это оказалось типичным для программ экономического выравнивания регионов. В отличие от культурного и национального выравнивания посредством положительной деятельности в образовании и трудоустройстве желание советской власти провести экономическое выравнивание так никогда и не осуществилось. Провалились и попытки

⁵⁵ Однако им было предоставлено право иметь свои отдельные госструктуры, включая собственный Совнарком, несколько независимых комиссариатов, а на Украине даже отдельное Политбюро.

⁵⁶ *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 42–43, 48–49; *он же.* Против федерализма (1917) // Соч. Т. 3. С. 23–28; *Ленин В. И.* Проект платформы к IV съезду Социал-демократии Латышского края (1913) // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 209–210; *он же.* Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 317–320.

⁵⁷ *Сталин И. В.* Против федерализма. С. 31.

⁵⁸ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 694; Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 285.

«культурно отсталых» республик «выбить» для себя отдельные годовые бюджеты под программы борьбы с их «отсталостью». Комиссары, отвечавшие за хозяйственную деятельность, всегда враждебно относились к советской национальной политике. Правда, чтобы добиться от общесоюзных организаций первоочередных капиталовложений в экономику, национальные республики могли воспользоваться резолюциями 1923 г. и национальной «отсталостью». И зачастую они этим пользовались⁵⁹. Однако они не имели безусловного права притязать на капиталовложения, исходя из своего национального статуса. Герхард Зимон (лишь слегка преувеличивая) приходит к такому выводу: «Советская экономическая политика так никогда и не ликвидировала экономическое отставание неразвитых национальных территорий, хотя этот вопрос и был для нее высокоприоритетным. А если экономическое выравнивание где-либо и происходило, то оно являлось всего лишь побочным результатом иных приоритетов планирования — таких как разработка новых ресурсов, усиление региональной экономической специализации и, самое главное, соображения военно-стратегического характера»⁶⁰.

Миграция

Во время проходивших в 1923 г. дискуссий о национальной политике вопрос о контроле над миграцией в нерусские республики обсуждался далеко не в первую очередь. Советская национальная политика требовала образования национальных территорий. Но принимала ли она при этом меры, направленные на сохранение (или на создание) национального большинства в этих республиках? Вначале казалось, что ответ на этот вопрос утвердительный. Центральные власти даже одобрили изгнание из Казахстана и Киргизии нелегальных крестьян-поселенцев славянского происхождения: это считалось одной из мер деколонизационной политики. И в начале 20-х гг. восточные национальные территории Советского Союза для сельскохозяйственной колонизации были закрыты. Правда, в 1927 г. интересы всей экономики Союза вновь возобладали над местными национальными интересами, и все ограничения на миграцию были сняты.

⁵⁹ *Payne M.* Turksib: The Building of the Turkestan-Siberian Railroad and the Politics of Production during the Cultural Revolution, 1926–1931. Ph. D. diss. University of Chicago, 1995.

⁶⁰ *Simon G.* Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. Boulder, Colo., 1991. P. 297. На эту тему см.: *Nove A., Newth J. A.* The Soviet Middle East: A Model for Development? L., 1967; *Bahry D.* Outside Moscow: Power, Politics and Budgetary Policy in the Soviet Republics. N. Y., 1987.

Империя положительной деятельности

Советский Союз не был ни федерацией, ни, разумеется, моноэтническим государством. Его отличительной чертой была систематическая поддержка внешних форм существования наций — территории, культуры, языка и элит. Правда, эти меры вряд ли можно было назвать оригинальными: в большинстве новообразованных моноэтнических государств они всегда принимались в первую очередь, относясь к числу главнейших внутривнутриполитических задач. Например, советская власть не отказалась от тех достижений, которые в области национального строительства были предприняты правительствами меньшевиков в Грузии и партии «Дашнакцутюн» в Армении, низложенных ею в 1920–1921 гг. Советы не только не отказались от этих достижений, но даже и кичились тем, что они углубили начатую этими правительствами деятельность⁶¹. Оригинальность советской политики заключалась в том, что она поддерживала внешние формы национальных меньшинств в гораздо большей степени, чем национального большинства. Советская власть решительно отвергла модель моноэтнического государства, заменив его моделью с многочисленными национальными республиками. Большевики попытались объединить выдвигавшееся националистами требование собственной национальной территории, культуры, языка и элиты с требованием социалистов, ставивших своей целью создание экономически и политически единого государства. В этом смысле мы могли бы назвать большевиков интернационалистическими националистами, или, еще точнее, националистами положительной деятельности.

Развивая эту мысль, я бы сравнил проводившуюся Советами политику со знаменитой схемой Мирослава Гроха, согласно которой становление национализма среди «малых» народов Восточной Европы, не имевших государственности, совершалось в три этапа. Для первого этапа характерен интерес элиты к фольклору и народной культуре, не связанный с политикой (этап «А»); для второго этапа — консолидация националистической элиты, стремящейся к созданию моноэтнического государства (этап «Б»); для третьего — возникновение националистического движения, пользующегося массовой поддержкой народа (этап «В»)⁶². Грох не учитывал действия многонационального государства, предположив, что оно всегда против-

⁶¹ Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 141–156. Национальный вопрос на перекрестке мнений. С. 141–150.

⁶² *Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, UK, 1985.*

действует подобным процессам. Однако Советское государство, наоборот, буквально возглавило движение на всех этих трех этапах: оно предоставило право голоса национальным культурам, создало национальные элиты и распространяло национальное сознание среди масс населения. Более того, оно осуществляло меры, соответствовавшие этапу «Г» (в данном случае это уже мой собственный термин, а не Гроха), и характерные для новообразованных моноэтнических государств: оно ввело новые государственные языки и создало новые правящие элиты. Или если воспользоваться более привычной большевистской терминологией, то можно сказать, что партия стала авангардом национализма нерусских народов. И если гегемония нужна была партии для того, чтобы вывести пролетариат за рамки его профсоюзного сознания и привести его к революции, то партия также могла вывести национальные движения за рамки буржуазного примордиального национализма и привести их к советскому интернациональному национализму.

Эта политика резко отличалась от той, которая стояла на повестке дня в 1913 г.: тогда Ленин утверждал, что партия должна осудить все виды национальной дискриминации, но при этом говорил, что «дальше [этого] идти в поддержке национализма пролетариат не может, ибо дальше начинается “позитивная” конструктивная деятельность буржуазии, стремящейся к укреплению национализма»⁶³. В том же духе рассуждал и Зиновьев: выступая в 1920 г. перед украинской аудиторией, он заявил, что «языки должны развиваться свободно, а в конце, по прошествии многих лет, одержит победу тот язык, который имеет более глубокие корни, более насыщенную историю и более значительную культуру»⁶⁴. А секретарь ЦК КП(б)У Д. З. Лебедь назвал это теорией «борьбы двух культур», и в этой борьбе, «при наличии партийной политики нейтралитета, победа русского языка будет обеспечена благодаря его исторической роли в эпоху капитализма»⁶⁵.

Однако на состоявшемся в 1923 г. съезде партии нейтралитет в борьбе культур был подвергнут резкому осуждению. Да и сам Зиновьев теперь уже утверждал: «Мы должны прежде всего отвергнуть “теорию” нейтралитета. Не можем мы стоять на точке зрения нейтральности... Мы *должны* помочь [нерусскому народу] создать свою школу, должны ему помочь создать свою администрацию на *родном*

⁶³ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. С. 132.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1709. Л. 50.

⁶⁵ Лебедь Д. Советская Украина и национальный вопрос за пять лет. Харьков, 1924. С. 50.

языке... Коммунисты [не должны] стоять в сторонке и выдумывать мудреное слово “нейтральность”». Нейтралитет, настаивал Зиновьев, был всего лишь прикрытием для великорусского шовинизма⁶⁶. И в резолюциях 1923 г. эта позиция получила поддержку. Как проявление великодержавного шовинизма был осужден не только призыв Пятакова к действенной борьбе с национализмом, но даже ленинская политика нейтралитета, которую он отстаивал до революции. Борьба двух культур, о которой говорил Лебедь, была осуждена в 1923 г. — осуждена точно так же, как и аналогичная левая позиция, которой придерживались в Татарстане и Крыму⁶⁷.

Коммунистическая партия взяла на вооружение «“позитивную” (положительную) деятельность буржуазии», которую Ленин критиковал в 1913 г. Однако, по Гроху, положительная деятельность советской власти была направлена не на национальное большинство, а наоборот, только на национальные меньшинства. Большевики высмеивали буржуазные правительства за то, что они поддерживали только формальное «правовое равенство», но при этом не предпринимали никаких реальных действий, чтобы достичь «фактического равенства»⁶⁸. Именно таким, крайне подозрительным, отношением к нейтралитету в борьбе культур и объясняется одна из самых поразительных особенностей советской национальной политики — решительное неприятие даже естественной ассимиляции народов. Согласно новой концепции, благодаря исторической силе русской национальной культуры нейтралитет неизбежно привел бы к ассимиляции нерусских народов. Чтобы защитить национальную культуру нерусских народов, требовалось начать положительную деятельность. И не было никого, кто осудил бы нейтралитет и ассимиляцию более категорично, чем Сталин⁶⁹:

«Мы начинаем проводить политику максимального развития национальной культуры... Было бы ошибкой думать, что по отношению к развитию национальных культур отсталых национальностей центральным работникам следует придерживаться политики нейтралитета: “Ну хорошо, прекрасно, национальная культура развивается, ну и пусть себе развивается, это не наше дело” Такая точка зрения была бы неправильной. Мы выступаем за покровительственную политику в отношении развития национальных культур отсталых национальностей. Я подчеркиваю это для того, чтобы [было] понятно, что к раз-

⁶⁶ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 604.

⁶⁷ Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 83–84.

⁶⁸ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 694.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 9.

витию национальной культуры мы не безразличны, но относимся к ней покровительственно».

Однако конструктивные действия в интересах одной национальности, разумеется, предполагают разрушительные действия по отношению к другим.

В случае Советского Союза, власти которого предполагали оказать поддержку всем нерусским народам, основную тяжесть дискриминации несли на себе одни только русские. И Бухарин заявил об этом без обиняков: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям [нерусских народов] и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций»⁷⁰. Сталин, более восприимчивый к чувствам русских, упрекал Бухарина за грубую откровенность его заявления, но не оспаривал и не мог оспорить его смысла⁷¹. Советская политика и впрямь требовала от русских жертв в области национальной политики: нерусским республикам были переданы территории, населенные русским большинством; русские были вынуждены согласиться на амбициозные программы положительной деятельности, которые проводились в интересах нерусских народов; русских призывали учить языки национальных меньшинств и наконец, традиционная русская культура была осуждена как культура угнетателей⁷².

Новые явления заслуживают и новой терминологии. Советский Союз в качестве многонационального образования лучше всего определить как империю положительной деятельности (Affirmative Action Empire). Я, разумеется, позаимствовал этот современный американский термин, который используют для определения политики предо-

⁷⁰ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 613.

⁷¹ Там же. С. 651. И действительно, в своей последующей записке Бухарину Сталин заявил, что тот его неправильно понял: «Я никогда не говорил, что борьба с антирусским национализмом является такой важной; наоборот, я говорил, что куда более важной является борьба с русским национализмом... Я даже пошел еще дальше и говорил о необходимости привлекать на свою сторону даже и минимально лояльные [местные] элементы (вплоть до бывших октябристов и включая их)». РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 708. Л. 10.

⁷² Однако это не означало, что русские подвергались дискриминации в каком-либо другом отношении. Все национальности имели равные юридические права. Проявления национальной ненависти карались. Более того, в частном порядке, индивидуально, русские зачастую оказывались в лучшем положении, потому что работа центральных органов власти велась на русском языке, на нем же велось и обучение в лучших вузах.

ставления льгот этническим группам, которые в прошлом пострадали от дискриминации. Такая политика повсеместно распространена во всем мире и известна под разными названиями: «компенсирующая дискриминация», «преференциальная политика», «позитивная деятельность», «позитивная дискриминация»⁷³. Зачастую она сопутствует деколонизации. Однако я предпочитаю термин «положительная деятельность», потому что, как уже было сказано выше, он в точности соответствует именно той концепции советской политики, которая была избрана: осуществлять положительную деятельность, а не придерживаться нейтралитета. Советский Союз стал первой в мировой истории страной, где были разработаны программы положительной деятельности для национальных меньшинств, и до сих пор еще ни одна страна не сравнялась с ним по их масштабности⁷⁴. Помимо них Советский Союз осуществлял и более масштабные программы положительной деятельности в области классовой политики, и значительно менее решительные программы в области гендерной политики⁷⁵. И в результате подавляющее большинство советских граждан получило право на те или иные льготы. Положительная деятельность пронизывала собой весь Советский Союз на раннем этапе его существования и была одной из его характерных черт.

И тем не менее само по себе существование такого рода программ еще не давало права именовать Советский Союз империей положительной деятельности, раз уж я предлагаю именно этот термин в качестве «идеального типа», чтобы отличить Советский Союз как *многонациональное образование* от альтернативных «идеальных типов» — моноэтнического государства, города-государства, федерации, конфедерации, империи. Понятие «положительная деятельность» относится здесь не только к программам, осуществляемым на благо представителей какой-либо этнической группы, но и в первую

⁷³ Galanter M. *Competing Equalities*. Delhi, 1991; Sowell T. *Preferential Policies*. N. Y., 1990; Glazer N. *Affirmative Discrimination*. Cambridge, Mass., 1975; Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley, Calif., 1985. P. 653–680.

⁷⁴ Обычно считается, что положительная деятельность была индийским изобретением, хотя индийские программы положительной деятельности для национальных меньшинств (программы квотного представительства племен) начали действовать в 1951 г. Galanter M. *Op. cit.* P. 18–40.

⁷⁵ Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge, UK, 1979; Goldman W. Z. *Women, the State, and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge, UK, 1993. P. 109–118. Эти советские программы начали осуществляться в то же самое время, что и нацеленные на борьбу с кастами первые программы положительной деятельности в Индии. Эти программы разрабатывались еще до завоевания Индией независимости и были взяты на вооружение в 20-х и 30-х гг. Galanter M. *Op. cit.* P. 18–40.

очередь к советской государственной поддержке национальных территорий, языков, элит и самоидентификации этих этнических групп. Как мы уже отмечали выше, воспользовавшись сравнением с теорией Гроха, коммунистическая партия сама возглавила процесс формирования наций и предприняла положительную деятельность для создания советских интернациональных наций (наций по форме, а не по содержанию), которым предстояло примириться с образованием единого, централизованного Советского государства. Поддержка внешних форм национального устройства составляла саму суть советской национальной политики. С образованием Советского Союза в 1922–1923 гг. получила признание не федерация автономных национальных территорий, а территориальная форма национального существования.

Именно поэтому я и буду говорить об империи положительной деятельности как о форме национального устройства Советского Союза. Говоря об устройстве, я понимаю под этим свод основных законов, организующих политическую жизнь государства. А прилагательное «национальная» я добавляю потому, что меня интересует исключительно то, как был устроен Советский Союз в качестве национального или квазинационального образования, то есть в аспекте проблемы национальности. Советский Союз как национальное образование был создан не официально-юридически, не Конституцией, которая была принята в декабре 1922 г., но, скорее, той национальной политикой, которая была сформулирована в 1923 г. Советский Союз как многонациональное государство был создан положительной деятельностью — в том широком смысле этого термина, который я ему придаю.

Вводя в оборот понятие «империя положительной деятельности», я пытаюсь зафиксировать парадоксальную природу многонационального Советского государства — чрезвычайно агрессивного, централизованного и сильного, организованного, с формальной точки зрения, как федерация суверенных наций; государства, которое, став преемником распавшейся Российской империи, не только вернуло себе большинство бывших национальных пограничных территорий, но и систематически создавало и укрепляло входящие в его состав нерусские нации даже там, где их практически не существовало. В 1967 г. Алек Ноув и Дж. А. Ньюф ломали голову над загадкой государства, которое, судя по всему, предоставляло привилегии своим восточным окраинам, но в то же время держало их в подчинении: «Следовательно, если уж мы не называем эту систему отношений колониализмом, то тогда нам следовало бы изобрести новый термин для обозначения того, что по виду похоже на подчинение, но в то же время совершен-

но очевидно отличается от того империализма, который существовал в прошлом»⁷⁶.

Империя положительной деятельности не была традиционной империей. Я не могу согласиться с теми, кто утверждает, будто Советский Союз, коль скоро он обладал признаками, которые роднили его с другими империями, объективно с точки зрения социологии может быть классифицирован как «империя»⁷⁷. Наоборот, я подчеркиваю его оригинальность. Марк Бэсинджер отмечал, что до распада Советского Союза его именовали империей в основном лишь враждебно настроенные по отношению к нему аналитики⁷⁸, тогда как его сторонники и сохранявшие нейтралитет исследователи называли его государством. Кроме того, Бэсинджер обратил внимание и на неправомерность общепринятого и широко распространенного тезиса, будто Советский Союз (точно так же, как до него империя Габсбургов и Оттоманская империя) распался потому, что был империей, по его мнению, этот тезис является порочным кругом. В данном случае логика такова: в современном мире империи распадаются по своим национальным границам; Советский Союз распался по своим национальным границам; следовательно, Советский Союз был империей; следовательно, будучи империей, Советский Союз был обречен на распад по своим национальным границам⁷⁹. Однако, продолжает рассуждать Бэсинджер, именно потому, что существует широко распространенный тезис о том, что в современном мире империи обречены, империя и является очень важной субъективной категорией. И чем сильнее граждане воспринимают свое государство как империю (а самих себя — как ее подданных), тем более серьезная опасность угрожает его долговечности и жизнеспособности.

Ленин и Сталин очень хорошо понимали, как это опасно — именоваться империей в эпоху национализма. Однако на самом деле именно здесь-то и обнаруживается реальная связь между национальным устройством Советского Союза и крушением империи Габсбургов и Оттоманской империи. Национальный кризис, завершившийся распадом империи Габсбургов, произвел огромное впечатление на Ленина и Сталина, которые усмотрели в нем наглядный

⁷⁶ *Nove A., Newth J. A. Op. cit. P. 122.*

⁷⁷ *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Armonk, N. Y., 1997; After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires. Boulder, Colo., 1997.*

⁷⁸ *Beissinger M. The Persisting Ambiguity of Empire // Post-Soviet Affairs. 1995. № 11. P. 149–151.*

⁷⁹ *Ibid. P. 154–158.*

урок, продемонстрировавший ту опасность, которой чревато восприятие страны как империи. И в результате Советский Союз стал первым в мире многонациональным государством, который заявил о себе как об антиимпериалистическом государстве. Советский Союз не был безразличен к слову «империя»: это слово отвергли со всей определенностью.

И в самом деле, стратегия положительной деятельности была направлена на то, чтобы не допустить восприятие Советского Союза как империи. В основе принципа главной опасности лежало представление о том, что национализм нерусских народов был защитной реакцией на действия русского великодержавного, или имперского, шовинизма. Но поскольку большевики собирались править диктаторски и произвести в обществе радикальные преобразования, то их действия могли быть восприняты как русский империализм. А чтобы не допустить такого восприятия, нельзя было добиться, чтобы государство не считалось государством русским. Следовательно, нужно было принизить русское национальное самосознание. Однако парадокс состоял в том, что именно таким образом и была сохранена национальная структура прежней империи. Советский Союз недвусмысленно отверг само понятие государствообразующей нации. Но, несмотря на это, русские в существенном смысле так и остались государствообразующей нацией Советского Союза. Одним только русским не было предоставлено собственной территории, и только у них не было своей собственной коммунистической партии. Партия потребовала от русских примириться с их официально неравным *национальным* статусом — для того чтобы содействовать сплочению многонационального государства. Таким образом, иерархическое различие между государствообразующей нацией и колониальными народами было воспроизведено, но на сей раз воспроизведено в перевернутом виде: теперь оно существовало в качестве нового различия между ранее угнетавшимися национальностями и бывшей великодержавной нацией. Русских в качестве государствообразующей нации теперь буквально просили нести на себе бремя империи подавляя свои национальные интересы и отождествляя себя с вненациональной империей положительной деятельности. Если бы Ленин прожил дольше и имел возможность написать теоретический труд о своем творении, то он мог назвать его так: «Советский Союз как высшая стадия империализма»⁸⁰.

⁸⁰ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма (1916) // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299–426.

Партия и империя положительной деятельности

Империя положительной деятельности никогда не была самоценной, независимой целью большевиков. Нет, она являлась стратегией, созданной для того, чтобы предотвратить возникновение потенциальной опасности — национализма нерусских народов, а также достичь других важных большевистских целей, каковыми являлись индустриализация, национализация средств производства, ликвидация рынка, коллективизация сельского хозяйства, построение социализма и его экспорт за границу. По мнению большинства рядовых большевиков, основной задачей партии являлось распространение интернационализма, а не поддержка обособленных национальных идентичностей. А потому почти все аналитики согласны с тем, что большинство членов партии не поняли советской национальной политики. В 1919 г. Станислав Пестковский, заместитель Сталина в Комиссариате по делам национальностей, заявил без обиняков: «Среди большинства старых большевиков царит убеждение, что революционным марксистам не следует поддерживать “распространение” национальной культуры. “Мы, интернационалисты, — говорят они, — отдаем себе отчет в том, что разделение на национальности мешает пролетариату всех стран объединиться”»⁸¹. В 1923 г. Зиновьев утверждал, что многие члены партии все еще выражают подобные настроения, говоря: «Еще Карл Маркс в “Коммунистическом манифесте” сказал, что пролетарии не имеют отечества»⁸². Новая национальная политика считалась по преимуществу «временным неизбежным злом». Ее неохотно принимали как одну из многочисленных неприятных «кратковременных» «уступок», связанных с новой экономической политикой (нэпом). Эта точка зрения была столь широко распространена, что татарский коммунист Саид-Галиев обратился с запросом к Ленину и получил от него официальное опровержение таких представлений, потому что Ленин заявил, что национальные республики будут существовать «еще долго»⁸³.

Партийному руководству было хорошо известно, что большинство русских членов партии относились к новой национальной политике с неприязнью и считали ее не более чем временной

⁸¹ Пестковский С. Национальная культура // Жизнь национальностей. № 21. 8 июня 1919 г. С. 1.

⁸² Двенадцатый съезд РКП(б). С. 602.

⁸³ Сталин И. В. Политика советской власти по национальному вопросу в России. С. 62; Из истории образования СССР... // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 18; Национальный вопрос на перекрестке мнений. С. 127; Двенадцатый съезд РКП(б). С. 496; Из истории образования СССР... // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 168–169; Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 30–31.

уступкой. Ее непопулярность оказала немалое влияние на осуществление этой политики, потому что ей все время оказывали активное и пассивное сопротивление. Да и после 1923 г. такие настроения не исчезли. Наоборот, в 1929 г. Сталин публично заявил, что он часто получает письма, в которых «намекается, что существование национальных правительств и национальных республик с национальными правительствами является не нашей целью, а, скорее, тактикой, если угодно, своего рода небольшой краткосрочной уступкой»⁸⁴. Сталин понимал, что в 1929 г. подобные мнения были еще достаточно широко распространены, и именно поэтому посчитал необходимым выступить с их опровержением целых три раза, по отдельным поводам⁸⁵.

«Жесткая» и «мягкая» линии

Проводя свою национальную политику, партийное руководство осуществляло ее не в контексте противопоставления большевистского и меньшевистского, но в контексте противопоставления политики «жесткой линии» и политики «мягкой линии». Фундаментальные задачи большевиков осуществлялись в русле политики «жесткой линии», тогда как политика «мягкой линии» была предназначена для того, чтобы сделать ее притягательной для широких народных масс. Коренизация была самой типичной политикой «мягкой линии», хотя, как мы еще увидим, на местах время от времени предпринимались усилия, чтобы повысить ее статус⁸⁶. Однако это не означало, что эта политика была лицемерной или чисто декоративной; нет, это всего лишь означало, что она имела второстепенное значение и что ее следовало осуществлять лишь в той мере, в какой она не противоречила целям политики «жесткой линии».

Более того, советские учреждения и организации тоже подразделялись на ведомства, которые действовали в русле «мягкой линии», и органы, которые проводили «жесткую линию»⁸⁷. И в каждой политической сфере действовали, как правило, организации обоих типов. Организации, осуществлявшие «мягкую линию», работали напрямую с представителями советской общественности, и их

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 2.

⁸⁵ Там же; *Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим (1929) // Соч. Т. 9. С. 333–355; *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 191–198.

⁸⁶ См. об этом главу 3.

⁸⁷ Более подробно об этом, а также анализ источников, послуживших основой данной книги, см.: *Martin T.* Interpreting the New Archival Signals: Nationalities Policy and the Nature of Soviet Bureaucracy // *Cahiers du monde russe.* 1999. № 40. P. 113–124.

миссия заключалась в том, чтобы представить советскую политику в максимально привлекательном свете. Типичными видами деятельности, осуществляемыми в русле «мягкой линии», были прием прошений и просителей, исправление «перегибов», восстановление в правах, раздача наград и проведение агитации за массовое участие в выборах и советах. А вот организации, действовавшие в русле «жесткой линии», специализировались, со своей стороны, на том, чтобы сохранять большевистскую бдительность и обеспечить проведение стержневой политики большевиков и защиту ее фундаментальных ценностей. Типичными примерами деятельности, проводимой в русле «жесткой линии», были разоблачение врагов, поддержание бдительности, прием доносов, а также аресты врагов и их ссылка.

Основную ответственность за проведение коренизации большевистское руководство возложило на учреждения и организации, работавшие в русле «мягкой линии». К их числу относились: Центральный исполнительный комитет (ЦИК) и одна из его палат — Совет национальностей; Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и входящий в его состав отдел национальностей; и наконец, Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос РСФСР) и его подразделение — Комитет по просвещению национальных меньшинств (Комнац). Надзор за работой этих организаций, а также подавление «националистических» уклонов были поручены органам, осуществлявшим «жесткую линию». К их числу относились: советская политическая полиция (ОГПУ—НКВД); Центральная контрольная комиссия (ЦКК) и Центральный комитет коммунистической партии (ЦК), а также входившие в его состав национальный сектор, кадровый отдел (Орграспредотдел), Оргбюро и Политбюро.

Упор на рассмотрении деятельности организаций только «мягкой» или только «жесткой» линии может легко привести к искажениям в интерпретации истории. В национальной политике деятельность организаций, придерживавшихся «мягкой линии», была почти исключительно положительной. Они обслуживали несколько национальных территорий, содействовали увеличению их численности, прославляли их и чествовали; поощряли создание и развитие национальных школ, газет, театров, письменных языков, музеев, ансамблей фольклорной музыки и так далее. А деятельность организаций, работавших в русле «жесткой линии», была негативной: они осуществляли надзор за выполнением национальной политики и в случае необходимости принимали меры для предотвращения целенаправ-

ленного развития национального самосознания, усиления национал-сепаратизма. И хотя время от времени общая линия национальной политики колебалась, давая преимущество то организациям «мягкой», то организациям «жесткой» линии, самое удивительное заключалось в том, что обе эти политические линии всегда сосуществовали. Более того, это разделение бюрократической ответственности между организациями обоих типов зачастую бывало настолько четким, что в документах организаций «мягкой линии» даже и не упоминалось о мероприятиях, одновременно проводившихся организациями «жесткой линии»⁸⁸.

Например, в 1935–1937 гг. работавшие в русле «жесткой линии» партия и НКВД руководили этническими чистками и массовыми арестами представителей диаспорных национальностей Советского Союза⁸⁹. И одновременно главной задачей Совета национальностей стало постоянное совершенствование национальных институтов тех же самых национальностей. Более того, в служебных документах Совета национальностей не было абсолютно никаких упоминаний о депортациях и арестах, хотя его руководство о них, безусловно, знало. И никаких бюрократических конфликтов не возникало. Политбюро никогда не подвергало критике слабый и раболепный Совет национальностей: если бы он получил хоть какой-то сигнал о недовольстве им, то немедленно пошел бы на попятную. Но он этого не делал — и потому продолжал работу, направленную на максимальное содействие советской национальной политике. Правда, это лишь яркий пример обычного разделения бюрократического труда. Тот факт, что две несовместимые, казалось бы, политические линии не просто существовали, но и были официально одобрены, означал, что истинная политическая линия выработывалась в процессе взаимодействия между ними. А историк, как и местный партработник, вынужден учиться читать сигналы, поступавшие из центра.

Террор как сигнальная система

Самыми важными из имевшихся в распоряжении центра сигнальных устройств были кампании террора. От местных ответственных работников постоянно требовали исполнять невероятное количество зачастую противоречивших друг другу предписаний. Следовательно, им поневоле приходилось учиться читать поступавшие из центра сигналы, чтобы определять, какая именно политическая линия являет-

⁸⁸ Во многом то же самое относилось и к церковной политике. *Martin T. Op. cit.* P. 117.

⁸⁹ *Ibid.* P. 121–122.

ся главной и потому должна быть осуществлена, а какие директивы можно или отложить на потом или вообще безнаказанно проигнорировать. И самым важным сигналом, означавшим, что данная политика является обязательной и должна осуществляться в русле «жесткой линии», был террор. Например, официальная политическая линия, существовавшая на Украине в 1928–1930 гг., требовала усиления украинизации — в соответствии с новыми, ускоренными темпами социалистического строительства. Но при этом одновременно была развязана кампания террора против украинских «буржуазных националистов». И кампания террора подорвала исполнение официальной политики, потому что ответственные работники решили, что осуществлять ее гораздо опаснее, чем ее игнорировать.

Нельзя правильно понять эволюцию советской национальной политики, если не учесть всех последствий, к которым привели кампании террора. Во время трех следовавших друг за другом крупных кампаний (в 1928–1930, 1932–1933 и 1937–1938 гг.) террор осуществлялся асимметрично — в большей степени против буржуазных националистов, чем против великодержавных шовинистов, что представляло собой нарушение принципа главной опасности. И это огорчало национал-коммунистов и, в частности, украинского коммуниста Миколу Скрипника, который считал, что такая политика приводила к подрыву коренизации. Так чем же объяснялась эта странная закономерность? Дело в том, что кампании террора сопутствовали повороту к политике «жесткой линии», нацеленной на осуществление основных задач большевиков. Наличие «жесткой линии» в национальной политике подчеркнуто свидетельствовало об угрозе сепаратистского «буржуазного национализма» и в особенности об угрозе проникновения контрреволюции через трансграничные этнические связи. А в результате объектом преследования становились «буржуазные националисты», что, в свою очередь, приводило к подрыву советской национальной политики.

География империи положительной деятельности

Восток и Запад

Теоретическое обоснование империи положительной деятельности и политики коренизации было тщательно разработано, достаточно последовательно и распространялось на все без исключения нерусские народы СССР. Однако советское правительство по традиции разделило население страны на две основные категории — восточные и западные национальности, причем их противопоставление

друг другу учитывало не столько географическое положение народов, сколько уровень развития, то есть оно было девелопментальным. Привилегии, предоставляемые той или иной нации, объяснялись двумя причинами. Во-первых, индигенностью, то есть местным происхождением («коренностью»), чем могли воспользоваться все нерусские народы, а во-вторых, «культурной отсталостью», распространявшейся только на те народы, которые были признаны отстающими в экономическом и культурном развитии, «девелопментально» отсталыми. В результате бурных споров культурно отсталыми признали подавляющее большинство советских национальностей. Из всех больших титульных национальностей Советского Союза к числу «развитых» отнесли только русских, украинцев, грузин, армян, евреев и немцев, объединив их в одну общую категорию «западных национальностей».

И на советском Востоке, и на советском Западе проводилась одна и та же политика, однако в ее осуществлении имелись значительные различия. Главной проблемой на Востоке был недостаток грамотных, образованных коренных жителей, и потому политический акцент делался на положительной деятельности в области образования и трудоустройства с целью создания национальных элит. Только после решения этих задач можно было приступить к коренизации языковой сферы. Подготовка кадров требовала денег, и потому восточные республики зависели от финансовой помощи центра гораздо больше, чем западные. В наибольшей степени эта помощь оказывалась в годы первой пятилетки (1928–1932) и сопровождалась внедрением мощной «девелопменталистской» идеологии. В результате наиболее значительных успехов коренизация достигла именно в этот период. На советском Западе имелось множество грамотных и образованных коренных жителей, которых можно было продвигать без труда. А потому основной политический акцент здесь делался на коренизации языковой сферы, то есть на присвоении национальным языкам статуса официальных государственных языков республик. Особенно быстрыми темпами этот прогресс шел во времена нэпа (1923–1928), потому что позднее, в годы первой пятилетки, террор и усиление централизации его затормозили.

Украинский вопрос

На протяжении всего сталинского периода центральное место в эволюции советской национальной политики принадлежало Украине. Украинский вопрос стал играть ту же роль, которую в дореволюционной России играл польский. Отчасти это объяснялось численностью украинского населения: в 1926 г. украинцы

составляли 21,3 % общей численности населения Советского Союза, а следующей по численности, наиболее крупной национальностью были белорусы, составлявшие всего лишь 3,2 % населения СССР⁹⁰. Фактически украинцы составляли почти половину (45,6) всего нерусского населения Советского Союза. Однако украинцы были не просто самой большой по численности титульной нацией; их было еще и вдвое больше любого другого национального меньшинства в РСФСР. И наконец, на Украине имелись чрезвычайно сильные кадры опытных национальных коммунистов. Украина была расположена вдоль имевшей ключевое значение советско-польской границы. Ее трансграничные этнические связи с многочисленным украинским населением Польши в 20-х гг. считались существенным внешнеполитическим преимуществом, а в 30-х гг. расценивались как угроза. Украина имела ключевое значение и как сельскохозяйственный, и как промышленный регион. В силу всех этих причин Украина сыграла большую роль в определении курса советской национальной политики. А отражением этой роли является внимание, которое ей посвящено в этой книге.

Русский вопрос

Однако еще большее значение имел русский вопрос. Русские тоже были советской национальностью, хотя вначале Советское государство и пыталось преуменьшить значение этого неудобного факта. Русский вопрос (то есть вопрос о роли и статусе русского народа, русского языка и русской культуры в Советском Союзе) занимает центральное место в моей книге точно так же, как в размышлениях Ленина и Сталина по национальному вопросу. Русский вопрос невозможно понять в отрыве от «нерусского» вопроса. Политика по отношению к нерусским народам определяла политику по отношению к русским. Возьмем хотя бы только самый очевидный пример: положительная деятельность в интересах всех нерусских национальностей неизбежно предполагала действия обратного порядка, то есть дискриминацию русских. И единственным наиболее значимым изменением в советской национальной политике является, пожалуй, реабилитация русских, которая началась после 1933 г. Советскую историю невозможно разделить на историю русскую и историю нерусскую: они неразрывно переплелись друг с другом. Советскую историю можно вполне понять только как историю многонационального государства и многонационального общества.

⁹⁰ Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С. 36–38.

Хронология положительной деятельности

Главная цель этой книги — проанализировать эволюцию империи положительной деятельности от ее возникновения, то есть начиная с принятых в 1923 г. постановлений по национальной политике и вплоть до завершения коренного пересмотра этой политики, произошедшего в самый апогей Большого террора, в 1938 г. Периодизация этапов развития национальной политики воспроизводит традиционную советскую периодизацию: нэп (1923–1928), социалистическое наступление / культурная революция (1928–1932), великое отступление (1933–1938 гг.). Отличительным признаком национальной политики было существенное влияние на нее политики Большого террора.

Новая экономическая политика, 1923–1928 годы

1923–1928 гг. стали временем, когда началась разработка положений, вытекавших из принятых в 1923 г. постановлений по национальной политике. На оба спорных вопроса (могут ли национальные республики контролировать миграцию на своей территории и можно ли предоставить титульным нациям льготный доступ к сельскохозяйственным угодьям) был дан отрицательный ответ. А ответом на проблему существования экстерриториальных национальных меньшинств стало создание тысяч небольших национальных территорий, образовавших пирамиду национальных советов, которые распространялись сверху донизу — от больших союзных республик и до маленьких национальных районов — и в конце концов плавно сливались с личной национальностью каждого конкретного человека. Никто не мог предположить, что появление этих территорий на самом деле приведет и к усилению этнических конфликтов, и к укреплению национального самосознания, поскольку этнические группы предпринимали решительные действия, чтобы не стать национальным меньшинством на национальной территории другой группы. И на советском Востоке, и на советском Западе возник «русский вопрос». На Украине вспыхнул спор о том, можно ли признать национальным меньшинством русских, бывшую великодержавную нацию, и в конечном счете на этот вопрос был дан утвердительный ответ. На советском Востоке возникла другая проблема: попытка выселить новых русских поселенцев из Казахстана, Киргизии и других регионов с высоким уровнем этнической конфликтности. На советском Западе политика поощрения национальных языков достигла немалых успехов, тогда как на Востоке этот процесс застопорился, и в основном из-за финансовых трудностей.

Социалистическое наступление / культурная революция, 1928–1932 годы

В 1928 г. Сталин провозгласил наступление социализма по всему фронту, включавшее в себя принудительную индустриализацию, коллективизацию, упразднение рынка, усиление централизации и террор против «буржуазных» категорий населения. Первоначально, когда социалистическое наступление сопровождалось насилием над «бывшими» и сохранялись утопичные настроения эпохи культурной революции, активные члены большевистской партии предполагали, что империя положительной деятельности будет упразднена. Национальные различия, полагали они, будут объявлены несущественными, и в результате возникнет единая советская национальность. Сталин отверг такую интерпретацию культурной революции и направил ее энергию в «девелопментальное» русло, заявив, что культурная революция означает расцвет наций. Нацеленность на развитие быстро привела к успехам коренизации в восточных национальных регионах, хотя проблема подготовки кадров специалистов так и осталась нерешенной: образованных представителей титульных наций назначали на руководящие должности или направляли на работу в учреждения культуры, и прежде всего в учреждения начального школьного образования.

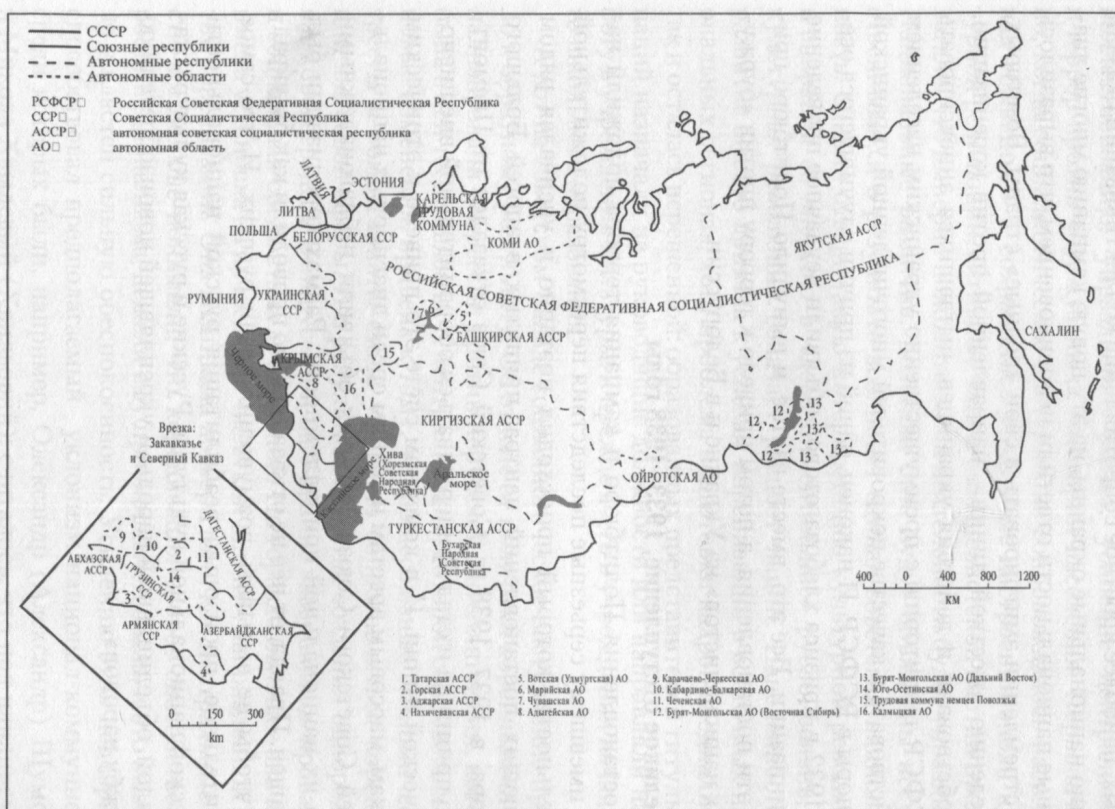
А вот на советском Западе социалистическое наступление привело к обратному результату. Об отходе от политики коренизации сигнализировали репрессии против нерусской интеллигенции, которая была с ней тесно связана. А централизация, которой сопровождалась новая изменения, привела к тому, что общесоюзные экономические тресты и комиссариаты стали усиленно сопротивляться коренизации языковой сферы. И в результате попытка создания однородной языковой среды в Белоруссии и на Украине завершилась провалом, и социальная среда стала двуязычной. Но гораздо большее значение имела установка на проведение «жесткой линии», направленной против коренизации. Она возникала по мере того, как центральные власти все больше понимали, что коренизация скорее способствовала росту национализма, нежели ему противодействовала, и это вызывало у властей сильную обеспокоенность. Усилению этих подозрений способствовал предполагаемый уклонизм национал-коммунистов, среди которых были, например, Олександр (Александр) Шумский и Микола Хвильевый (Хвильовий): считалось, что под влиянием западноукраинских националистов они перешли на националистические позиции.

Декабрьские (1932 года) постановления Политбюро

В декабре 1932 г. под влиянием ряда факторов Политбюро было вынуждено принять два постановления с критикой украинизации, возвестившие о кризисе империи положительной деятельности. Во-первых, наиболее яростное сопротивление коллективизации оказали именно национальные окраины, на эту новую кампанию многие диаспорные национальности ответили неповиновением, что выразилось в их стремлении эмигрировать в свои «родные» страны. Во-вторых, проведению «жесткой линии», направленной против коренизации, способствовали и действия украинцев, пытавшихся аннексировать у РСФСР территорию с преимущественно украинским населением и действовать в качестве покровителей многочисленной украинской диаспоры в РСФСР. И наконец, одной из причин случившегося осенью 1932 г. кризиса хлебозаготовок объявили неудачное проведение украинизации. Все это, вместе взятое, и вынудило Политбюро принять эти постановления, а потом привело к террору против «буржуазных националистов» на Украине и в Белоруссии.

Великое отступление, 1933–1938 годы

Постановления Политбюро и кампания террора положили начало имевшему серьезные последствия пересмотру положительной деятельности, который происходил поэтапно и увенчался рядом решающих постановлений центра, принятых в апогей Большого террора, в 1937–1938 гг. Советский Союз отказался от Пьемонтского принципа и стал придерживаться оборонительной внешнеполитической линии. И в конечном счете это привело к этническим чисткам, массовым арестам и казням среди диаспорных национальностей Советского Союза, которых объявили неблагонадежными из-за их национальной принадлежности. Размах коренизации был сокращен. Правда, от нее не отказались, но проводили как бы украдкой, чтобы не вызывать возмущения среди русских. И что самое удивительное, произошла реабилитация русской национальности и русской национальной культуры. Русские и русская культура стали силой, объединявшей народы и укреплявшей новоизобретенную «дружбу народов».

Карта 1. Административно-территориальный состав СССР, декабрь 1922 года

Часть первая

ОСУЩЕСТВЛЯЯ ПРОГРАММУ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2

ГРАНИЦЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Советская национальная политика началась с образования национальных территорий. Еще в марте 1918 г. было объявлено о намерении создать Татаро-Башкирскую республику. А через два месяца нечто подобное пообещали создать и в Туркестанской области. Однако в реальности, в силу чрезвычайных обстоятельств Гражданской войны, первая национальная республика (Башкирская АССР) была создана лишь в марте 1919 г., но зато вскоре после этого стремительно образовалось великое множество автономных республик, автономных областей и трудовых коммун. Согласно принятому в 1922 г. Договору об образовании СССР, в состав союзного государства вошли кроме них бывшие независимые республики — Украина, Белоруссия, Грузия, Армения и Азербайджан. А после окончания происходившего в 1924 г. национального размежевания Средней Азии процесс формирования больших советских национальных республик был завершен, и теперь Советский Союз состоял из двух федеративных республик, восьми союзных республик, 17 автономных республик и 13 автономных областей¹. Было создано 38 новых национальных «большинства», и в постановлениях по национальному вопросу от 1923 г. была декларирована политика индигенизации этих новых на-

¹ *Schafer D.* Building Nations and Building States: The Tatar–Bashkir Question in Revolutionary Russia, 1917–1920. Ph. D. diss. University of Michigan, 1995. P. 156–226, 345–393; *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. L., 1999. P. 29–65; *Kaiser R.* The Geography of Nationalism in Russia and the Soviet Union. Princeton, N. J., 1994. P. 409–413; *Hirsch F.* Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // *Russian Review*. 2000. № 59. P. 201–226.

циональных территорий². Создавалось впечатление, что «территориализация» этничности уже произошла.

Однако наличие национального большинства предполагает и наличие национальных меньшинств, а сложная структура, состоящая из 40 национальных территорий, предполагала наличие не менее сложной проблемы национальных меньшинств. В то время существовали две модели отношений с территориально рассеянными национальными меньшинствами, но они обе были отвергнуты большевиками. Первая модель предполагала ассимиляцию, и этот вариант подходил для моноэтнических государств. По этой модели национальные меньшинства со временем должны ассимилироваться, слиться с национальным большинством. А потому, следовательно, для них и не стоило создавать особых национальных институтов, не стоило предоставлять им особых прав. А одним из самых поразительных свойств советской национальной политики 20-х гг. была ее непримиримая и бескомпромиссная враждебность ассимиляции, даже ассимиляции совершенно добровольной. Основой положительной деятельности было представление о том, будто царский колониализм систематически распространял русскую культуру и подавлял культуру нерусскую, а потому позиция государственного нейтралитета — позиция попустительства естественной ассимиляции — была одновременно и несправедливой, и опасной. Несправедливой она была потому, что предполагала заигрывание с русскими, а опасной потому, что ответом такого рода ассимиляции мог стать необузданный национализм той части этнической группы, которая оставалась неассимилированной. А потому апологеты Империи положительной деятельности требовали не только поддерживать и укреплять национальные идентичности, но также принять меры, направленные на дерусификацию страны.

А поскольку большевики, враждебно относясь к ассимиляции, выступали в поддержку национальной идентификации, они могли взять на вооружение вторую из существовавших тогда моделей, нацеленных на нейтрализацию национализма, — стратегию экстерриториальной национально-культурной автономии. Принципы этой стратегии были сформулированы австромарксистами (прежде всего — Отто Бауэром и Карлом Реннером), предложившими один из возможных вариантов разрешения той чрезвычайно сложной проблемы национальных меньшинств, которая существовала в Австро-Венгерской Империи. Суммируя ее положения, вкратце можно сказать,

² 38, а не 40, поскольку Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика не была национальной республикой, а РСФСР считалась одновременно и вненациональной федеративной, и союзной республикой с русским большинством.

что это была политика, нацеленная на создание вненациональных административных территорий и особых представительных органов, избираемых всеми представителями данной национальности на территории Империи, — органов, которым должно быть предоставлено исключительное право проводить культурную политику в отношении собственной национальности³. Версальский договор предложил половинчатый и, по сути, неудовлетворительный вариант этой политики, выражением которой была созданная им система экстерриториальной защиты национальных меньшинств в составе новых моноэтнических государств Центральной и Восточной Европы⁴. В 1901 г. эту политику взял на вооружение Бунд — и в результате начал отстаивать право быть единственным представителем еврейского пролетариата в российском социал-демократическом движении. В конце концов эти притязания бундовцев побудили Ленина поручить Сталина написать ставшую впоследствии знаменитой брошюру 1913 г. под названием «Марксизм и национальный вопрос»: в этой работе Сталин защищал строго территориальное определение национальности и потому отвергал экстерриториальную автономию⁵. А поскольку большевики не признавали ни ассимиляцию, ни экстерриториальное существование национальности, то в их стратегии управления многонациональным государством образовался ничем не заполненный вакуум. Проблему национальных меньшинств не разрешило даже образование республик и автономных областей. Об этой проблеме просто перестали говорить, но она никуда не исчезла, поскольку наличие национального большинства этих территориальных образований по-прежнему предполагало наличие национальных меньшинств.

Если сформулировать эту проблему по-другому, то можно сказать, что одной из главных дилемм советской национальной политики было противоречие между территориальным и индивидуальным определением национальности⁶. Узбек, живущий в Узбекской ССР, обладал не только правом выражать свою индивидуальную национальность (в пределах, установленных советской политикой), но еще и средой, в которой он мог ее выражать (благодаря политике, поддерживавшей узбекский язык и культуру). У узбека, живущего за пределами Узбекистана, такой среды не было, и советская власть противодействовала образованию экстерриториальных организаций,

³ *Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Vienna, 1907; *Austro-Marxism / Bottomore T., Goode P. eds.* Oxford, 1978.

⁴ *Macartney C. A.* National States and National Minorities. L., 1934.

⁵ *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 3–45.

⁶ Об этом см.: *Brubaker R.* Nationalism Reframed. Oxford, 1996. С. 23–54.

которые создавали бы эту среду⁷. Но от этого узбека не требовали ассимиляции и не поощряли его желание ассимилироваться. Следовательно, проблема заключалась в создании для территориально рассеянных национальных меньшинств адекватной среды, которая обеспечивала бы их поддержку.

В этой главе анализируется исторически уникальное решение этой проблемы, которое нашел Советский Союз. И этим решением стала стратегия этнотерриториальной дивергенции. Решение, предложенное Советским Союзом, заключалось в том, чтобы распространять существующую систему национально-территориальных образований до самого низа, до мелких территорий, самая маленькая из которых была размером с одну-единственную деревню. Великая эпоха «территориализации» этничности в 1924 г. не окончилась: в тот год она только началась. Советское правительство надеялось, что благодаря наличию этих маленьких национальных советов стоявшая перед ним проблема национальных меньшинств будет разрешена. Тогда над территориально рассеянными национальностями больше уже не будет тяготеть угроза ассимиляции, и потому, согласно советской теории, сойдет на нет и потенциальная возможность возникновения национализма, влекущего за собой этнические конфликты. Или, как это сформулировал один из специалистов по национальной политике: «Создание национальных советов является прежде всего предпосылкой для преодоления национальной вражды, отчуждения и предрассудков»⁸.

Такова была теория. А на практике все происходило совсем наоборот. После того как были проведены десятки тысяч национальных границ, каждая деревня и каждый отдельный человек были вынуждены заявить о своей национальной лояльности. И в результате этнические группы начали бороться за то, чтобы после определения границ ни в коем случае не превратиться в национальное меньшинство. Так что и по этой, и по другим причинам создание национальных советов на самом деле привело как к неслыханному усилению этнической мобилизации, так и к существенному усилению этнических конфликтов. В этой главе я сначала расскажу о возникновении стратегии этнотерриториальной дивергенции на Украине и ее последующем распространении на весь Советский Союз, а потом проанализирую социальные последствия этой беспрецедентной политики.

⁷ В принципе это так. Однако на практике национальные школы создавались и вне национальных территорий, так же, как и некоторые другие учреждения культуры (такие как клубы и читальные залы).

⁸ Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике. Ч. 2. Работа среди национальных меньшинств в БССР. Минск, 1928. С. 100.

Возникновение национальных советов на Украине

Национальные советы возникали непреднамеренно, явившись результатом движения регионализации (районирования). В самом начале районирование было чисто экономической инициативой. Его целью было создание более крупных хозяйственных единиц, которые гораздо лучше соответствовали как экономическим реалиям Советского Союза, так и потребностям центральных планово-хозяйственных органов. Первый проект районирования был представлен на рассмотрение VIII съезда Советов в декабре 1920 г., а в 1921 г. он был опубликован Государственной плановой комиссией (Госпланом)⁹. Этот проект вызвал возмущение руководства национальных республик, потому что в соответствии с ним все небольшие автономные области и республики должны были оказаться в подчинении у новых больших экономических районов без предоставления им какого бы то ни было особого национального статуса. Кроме того, по этому проекту Украина и Казахстан разделялись на несколько более мелких экономических областей, что создавало угрозу для территориальной целостности этих республик. Опубликованный в 1921 г. проект Госплана вызвал целый ряд встречных национальных предложений. Татарстан предложил объединить национальные территории Средней Волги, создав из них отдельную область. На образовании отдельной экономической области настаивали и руководители Республики Коми¹⁰. Столкнувшись с реакцией национальных республик на планы экономического районирования, секретарь ЦИК Авель Енукидзе вынужден был назвать «согласование экономического и национального районирования» самой трудной национальной проблемой, стоящей перед ЦИК¹¹. Правда, в данном случае хозяйственные органы быстро пошли на попятную, и в окончательных планах районирования национальные различия были учтены. Однако, как мы еще увидим, центральные хозяйственные управления впоследствии будут периодически предлагать грандиозные планы районирования, неиз-

⁹ Александров И. Г. Экономическое районирование России. М., 1921; *Smith J.* Op. cit. P. 172–175.

¹⁰ Трайнин И. Экономическое районирование и национальная политика // Жизнь национальностей. 1921. № 1. С. Н. Экономическое районирование и проблемы автономно-федеративного строительства. 1921. № 26. С. 1; Административное деление РСФСР в применении к экономическому районированию // Власть Советов. 1922. № 3. С. 25–37; Казань — центр Волжско-Камской области. Казань, 1923; Автономная область Коми в вопросе о районировании Севера // Коми му (Зырянский край). 1925. № 3–4. С. 2–30.

¹¹ Енукидзе А. Национальная проблема в советском строительстве // Советское строительство. Сб. 1. М., 1925. С. 189–190.

менно враждебные национальным интересам, и в ответ на это национальности станут активно отстаивать свои права, чтобы или смягчить воздействие этих инициатив, или обернуть их в свою пользу.

Национальные советы возникли в результате манипуляций с районированием. Районирование включало в себя два процесса: макрорайонирование, то есть образование больших экономических областей, и микрорайонирование («низовое районирование»), то есть упрощение существующей четырехступенчатой административной системы (сельсовет — волость — уезд — губерния) до трехступенчатой системы (сельсовет — район — округ)¹². Проведение макрорайонирования осуществлялось из центра, тогда как микрорайонирование было передано в ведение местных органов, проводивших первый этап этого процесса в 1923–1926 гг.¹³ Вначале микрорайонирование было лишено национального содержания, но в итоге оно привело к появлению самого главного новшества советской национальной политики — национальных советов.

Первым регионом, где была создана полная система функционирующих национальных советов, стала Украина¹⁴. Украинская система национального районирования предусматривала создание максимально возможного количества национальных советов, причем максимально возможной должна была быть и процентная доля входящего в каждый совет каждого национального меньшинства. А для этого минимальная численность населения, необходимого для создания национальных советов, могла быть и меньше той, которая была необходима для создания обычных советов. И это означало не просто то, что национальные интересы принимались в расчет наряду с экономическими, но еще и то, что они получали абсолютное преимущество. Ну а в самих национальных советах предстояло осуществить всю совокупность мер советской национальной политики: и использование национального языка, и формирование национальных кадров, и развитие национальной культуры. Одним словом, коренизация распространялась до самого низа — вплоть до уровня деревни. Такую систему в качестве образца Украина предло-

¹² Сельсовет — сельский совет.

¹³ *Никитин Л. Л.* Районирование за пять лет // Плановое хозяйство, 1926. № 3. С. 197–202.

¹⁴ Первым регионом, где было проведено национальное районирование, стала, судя по всему, Саратовская губерния, где в конце 1933 г. было создано 10 украинских, 8 мордовских и 8 татарских национальных волостей, хотя они, похоже, существовали в основном на бумаге, и саратовский проект не оказал влияния на последующие действия властей. *Чугунов С.* Районирование Саратовской губернии // Власть Советов. 1923. № 10. С. 61; *Стасевич К.* По национальным меньшинствам // Жизнь национальностей. 1923. № 5. С. 120; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 47. Л. 49–50.

жила и всему остальному Советскому Союзу¹⁵. И в этом ей удалось достичь максимальных успехов.

Эту первопроходческую роль Украина сыграла в силу целого ряда причин. Во-первых, национальные меньшинства Украины были необыкновенно требовательными. Будучи генеральным секретарем ЦК Компартии Украины, Лазарь Каганович в мае 1926 г. отметил: «Наши национальные меньшинства не такие, как в какой-нибудь из областей России. У нас имеются многочисленные, компактно проживающие национальные меньшинства, которые предъявляют нам свои требования. Достаточно привести данные ГПУ, чтобы составить в этом отношении достаточно ясную картину»¹⁶. Каганович имел в виду те народности, которые, по советской терминологии, относились к категории «западных национальных меньшинств», то есть поляков, немцев, болгар и греков¹⁷. Представители этих национальных меньшинств были, как правило, более зажиточными и более образованными, чем украинское большинство; зачастую они проживали в территориально компактных поселениях и обладали основательными дореволюционными традициями местного самоуправления. Советские власти относились к ним с особой подозрительностью как из-за того, что они были более зажиточными, так и из-за того, что они были более религиозными¹⁸. И зачастую это недоверие бывало взаимным. Наиболее ярким проявлением недовольства со стороны национальных меньшинств была массовая эмиграция меннонитов — зажиточных представителей немецких протестантов: в 20-х гг. оно вызывало у властей Украины немалую обеспокоенность¹⁹.

Другим значительным национальным меньшинством на Украине помимо немцев и поляков были евреи. И хотя от упразднения прежних политических ограничений евреи только выиграли и потому вначале зачастую были настроены просоветски, экономическая политика советского правительства привела к разорению еврейских штетлов (местечек). Украинские власти догадывались, что именно эти экономические трудности и стали основной причиной популярности сионизма и появления на Украине множества чрезвычайно активных си-

¹⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 153. Л. 97, 103, 122, 133.

¹⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 44.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1360. Другими большими «западными национальными меньшинствами», жившими за пределами Украины, были финны, эстонцы, латыши и литовцы.

¹⁸ См. отчеты ГПУ: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 2. Л. 133–134; Д. 34. Л. 92–106.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 17. Протокол 82, п. 2; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 153. Л. 162.

онистских групп, действовавших в начале 20-х гг. И угрозу сионизма украинское правительство восприняло со всей серьезностью²⁰.

Общая озабоченность советских властей недовольством немецкого, польского и еврейского национальных меньшинств усугубилась и внешнеполитическими соображениями. В советской внешней политике большое значение придавалось следующей цели: восстановить многочисленное украинское и белорусское население Польши против польского правительства. В частности, с этой внешнеполитической целью была, безусловно, связана и состоявшаяся в 1924 г. передача значительных частей территории РСФСР Белоруссии. Да и Молдавская АССР была образована для того, чтобы заявить о советских притязаниях на оккупированную Румынией Бессарабию²¹. Благодаря Версальскому соглашению политика по отношению к национальным меньшинствам приобрела международную значимость. Условием приема в Лигу Наций 16 государств Восточной Европы и Среднего Востока, в большинстве своем только что созданных, стало обязательное подписание ими соглашений, в которых они брали на себя обязательство защищать юридические и культурные права собственных национальных меньшинств²². Советский Союз хотел, чтобы его политика в отношении национальных меньшинств выглядела более щедрой, чем того требовали условия этих соглашений. И одним из средств для достижения этой цели стало образование тех самых национальных территориальных единиц, создавать которые для своих меньшинств Польша решительно отказалась.

Тем не менее большевики были по крайней мере столь же обеспокоены обратным процессом — влиянием Польши и Германии на советских поляков и немцев. Большевики знали и о той поддержке, которую в 1918 г. украинские немцы оказали немецкой оккупационной армии, и о той поддержке, которую украинские поляки оказали польским оккупантам в 1920 г. во время кратковременной оккупации Польшей Правобережной Украины²³. Кроме того, в отчетах ГПУ Украины середины 20-х гг. подчеркивалось, что через своих консулов и церковных деятелей германское и польское правительства оказывают сильное влияние на свои национальные меньшинства на территории

²⁰ О сионизме см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1396. Протокол 94, п. 8; Оп. 26. Д. 3. Протокол 4, п. 4; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 101.

²¹ Внутриполитическая дискуссия по поводу образования Молдавской АССР со всей очевидностью свидетельствует, что первостепенное значение имели соображения внешнеполитического порядка. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 90, 93, 116–119, 130.

²² *Macartney C. A.* Op. cit. P. 212–369.

²³ Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. Харьков, 1927. С. 5–6.

Украины²⁴. И это не было всего лишь маниакальной советской идеей: в постверсальскую эпоху политизированной этничности и Германия, и Польша действительно проявляли живой интерес к условиям жизни своих национальностей в СССР²⁵. А потому образование национальных советов рассматривалось в качестве шага, который будет способствовать ослаблению национального недовольства и, следовательно, ослаблению потенциального влияния Германии и Польши.

И наконец, самой главной причиной споров вокруг статуса национальных меньшинств Украины стала политика украинизации, которая предполагала как содействие украинскому языку и культуре, так и создание украинской правящей элиты. Среди многих большевиков на Украине и в России эта политика была крайне непопулярна, но поскольку она получала неизменную поддержку со стороны Политбюро и самого Сталина, то критика украинизации велась, как правило, только опосредованно и была в основном направлена против плохого отношения к национальным меньшинствам. Так, например, в 1925–1927 гг. Юрий Ларин предпринял ряд провокационных критических выпадов против Украины, которую он обвинял в дурном отношении к проживающим на ее территории национальным меньшинствам²⁶. Ответом на эту критику стало то, что украинские власти сначала разработали самую последовательную в СССР политику обеспечения прав национальных меньшинств, а потом еще и стали активно пропагандировать эту политику в качестве образца для всех остальных²⁷.

Проблема национальных меньшинств Украины возникла в начале 1924 г., то есть именно тогда, когда предпринимались первые серьезные усилия в области украинизации. В самом деле: в 1923 г. Украина осуществила одну из первых в Советском Союзе программ микрорайонирования, и в этой программе национальный принцип

²⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 2. Л. 117–123, 133–134.

²⁵ О Германии см.: *Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweites Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität?* Gerlingen, 1984; о Польше см.: *Iwanow M. Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939.* Warszawa, 1991.

²⁶ См. выступления Ларина на Третьем съезде Советов и апрельской сессии ЦИК 1926 г.: III съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет М., 1925. С. 277–281; Вторая сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик третьего созыва. С. 458–468; а также его статью «Об извращениях при проведении национальной политики» — *Большевик*. 1926. № 23–24. С. 50–58; 1927. № 1. С. 59–69.

²⁷ См., в частности, статьи в журналах «Власть Советов» (1924. № 9. С. 41–43, 1925. № 12. С. 3–4; 1926. № 19. С. 2–4), «Советское строительство» (1926. № 3–4. С. 120–128; 1927. № 1. С. 79–85; 1928. № 4. С. 89–93). А также: *Буценко А. Советское строительство и нацменьшинства на Украине.* Харьков, 1926; *Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине.*

был совершенно проигнорирован²⁸. Эту политику осудил Эммануил Квириг, первый секретарь ЦК Компартии Украины, выступая на проходившем в мае 1924 г. VIII съезде Коммунистической партии Украины:

«Главная ошибка, товарищи, заключалась в том, что во время районирования проводилась неправильная политика во всех тех наших губерниях, где компактно проживают национальные меньшинства. Вместо того чтобы объединить в один район те области, где компактно проживают национальные меньшинства, их попытались разъединить... Отдельные национальные села передавались ближайшему русскому или украинскому району».

Квириг отметил, что эти решения принимались на основе правильной классовой линии: «В основном эта политика исходила из того, что в этих компактных группах национальных меньшинств проживают люди более зажиточные, чем окружающее крестьянство»²⁹.

И тем не менее Квириг утверждал, что в данном случае национальный принцип должен иметь преимущество по сравнению с принципом классовым³⁰:

«Следовательно, хотя эти товарищи и собирались проводить в этих селах правильную советскую политику, однако на деле они только усугубили антисоветские настроения и оттолкнули от нас эти группы. А когда внимание на этот вопрос обратил ЦК [Компартии Украины], он объявил эту линию неправильной и велел нашей Центральной административной комиссии и нашим губернским комиссиям пересмотреть все эти неправильные размежевания и попытаться объединить эти национальные меньшинства в национальные районы для того, чтобы им была предоставлена возможность развивать свою национальную культуру».

Однако, хотя Квириг уже высказал эти замечания, Украина стала объектом особой критики на XIII съезде РКП(б), состоявшемся в Москве через неделю. В официальном докладе Центрального комитета Зиновьев раскритиковал отношение к национальным меньшинствам на Украине, особо выделив отношение к проживающим на ее территории полякам и немцам³¹. Во время последовавшей за этим

²⁸ Буценко А. Итоги районирования УССР // Власть Советов. 1926. № 15. С. 3–4.

²⁹ Бюллетень VIII Всеукраинской конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины. Стенограмма. Харьков, 1924. Бюлл. 2:94.

³⁰ Там же.

³¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 43.

дискуссии ни один из представителей Украины не высказался, но они наверняка жаловались Зиновьеву в частном порядке, поскольку, выступая с заключительным словом, он обратился к этому же вопросу вновь³²:

«Я сказал, по-видимому, слишком вежливо. Что ж, повторю более откровенно. Дело идет о том, чтобы, например, на Украине, где сильно двинут вперед вопрос об украинизации, обеспечить как следует права, скажем, немцев, поляков, молдаван, евреев и так далее».

За критикой Квиринга и Зиновьева последовали немедленные действия, и 7 июля были образованы два первых немецких округа с центрами в Пришибе и Молочанске³³. А 29 августа Совнарком Украины принял постановление, согласно которому был сокращен обязательный минимум численности жителей, необходимый для создания национальных образований: для национальных районов этот минимум был сокращен с 25 до 10 тысяч жителей, а для национальных сельсоветов — с одной тысячи до пятисот человек³⁴. Вследствие этого постановления начала постепенно создаваться обширная сеть национальных советов. Для определения точного этнического состава каждого совета проводились специальные этнографические экспедиции, с тем чтобы по возможности максимально расширить их сеть. Поразительно большое внимание уделялось и проведению максимальной этнической сегрегации. И уже в 1927 г. украинские власти хвастались тем, что на территориях своих национальных советов проживает 92,1 % болгар, 85,8 % греков, 67,8 % немцев и 100 % шведов³⁵.

Однако, прежде чем завершить создание собственной системы национальных меньшинств, украинцы должны были решить чрезвычайно важный и существенный вопрос: «Являются ли русские на Украине национальным меньшинством?». Сама эта идея представлялась абсурдной большинству русских и нерусских большевиков и меньшевиков. Разве могла «великодержавная» нация быть национальным меньшинством? В начале 20-х гг. слова «нерусские» и «национальные меньшинства» («нацмены») были, по сути, синонимами. До 1926 г. русские не упоминались ни в одном из критических разборов украинской национальной политики, и украинцы не относились к русским как к национальному меньшинству. Молчание по

³² Там же. С. 242.

³³ Буценко А. Советское строительство и нацменьшинства на Украине. С. 17.

³⁴ Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. С. 19.

³⁵ Там же. С. 21; Власенко С. О X Всеукраинском съезде Советов // Советское строительство. 1927. № 5. С. 103–104.

этому вопросу прервал Юрий Ларин, когда в 1926 г. на апрельской сессии ЦИК провокационно коснулся «той части национального вопроса, которую следовало бы назвать русским вопросом на Украине, поскольку такой вопрос, к сожалению, существует»³⁶. Ларин раскритиковал некоторые политические меры, направленные на продвижение украинского языка: принудительную подписку на украинские газеты, обязательные вывески на украинском языке, требование, чтобы русифицированные украинцы посещали украиноязычные школы. Он отметил, что к русским не относятся как к национальному меньшинству и потому отказывают им в праве создавать национальные советы. Стенограмма зафиксировала продолжительные аплодисменты, раздавшиеся по окончании речи Ларина³⁷.

Обратившись к русскому вопросу, Ларин нарушил великое табу империи положительной деятельности. Его выступление вызвало некоторый разлад среди членов обычно такой сплоченной украинской делегации. Григорий Петровский сказал, что речь Ларина особенно опасна потому, что вызвала у слушателей «определенную симпатию». Володимир (Владимир) Затонский выразил то традиционное мнение, что, принимая во внимание мощь русской культуры, «невозможно относиться к русским на Украине как к национальному меньшинству». Поддержал это мнение и Григорий Гринько. Микола Скрипник, самый влиятельный на Украине специалист по национальной политике, выступил в защиту отношения Украины к русским, но вызвал удивление членов своей делегации, согласившись с тем, что к русским следует относиться как к национальному меньшинству³⁸.

Ларина поддержал всего лишь один, но зато влиятельный докладчик — секретарь ЦИК Абель Енукидзе, который заявил, что украинизация была поспешной и что к русской культуре относятся с пренебрежением, не признавая ее роли: «Изучение русского языка и культуры необходимо для строительства нашей культуры, и без овладения русским языком и культурой никаких успехов мы не достигнем»³⁹. Об этих же проблемах Енукидзе писал и в своей статье, которая была опубликована чуть позже⁴⁰. Да и Ларин, переработав свои критические замечания, представил их в основательной статье,

³⁶ Вторая сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик третьего созыва. С. 460.

³⁷ Там же. С. 460–468.

³⁸ Там же. С. 499, 515, 474, 532–536.

³⁹ Там же. С. 500.

⁴⁰ Енукидзе А. К вопросу о национальных языках // Советское строительство. 1926. № 1. С. 39–53.

опубликованной в теоретическом журнале партии «Большевик»⁴¹. Так заявил о себе русский вопрос.

Все эти нападки вынудили украинцев пересмотреть статус русских. Как выяснилось во время дебатов на заседании ЦИК, существовали два подхода к решению русского вопроса. Один из них, представленный Затонским, строился на том, что русские в качестве бывшей господствовавшей национальности занимают в сфере культуры слишком прочное положение, чтобы еще предоставлять им дополнительную защиту как национальному меньшинству⁴². Второй подход, представленный Скрипником, базировался на том, что в результате все более значительных успехов украинизации русские и действительно «стали национальным меньшинством»⁴³. Статус национального большинства был гарантирован украинцам в обоих случаях, однако Скрипник предлагал официально предоставить русским особый статус, что и стало основанием для критики, с которой выступил Ларин.

А потому получила одобрение именно позиция Скрипника, но с одним исключением: все были согласны с тем, что право на образование национальных советов нельзя предоставлять городским русским, потому что в противном случае русскими городами с русскими горсоветами официально стали бы такие ключевые украинские города, как Харьков (тогда столица Украины) и Одесса⁴⁴. И уже с конца 1926 г. начали создаваться русские национальные советы. Затонский относился к этому скептически, зато к тезису о постепенном возникновении русского национального меньшинства — более сочувственно: «Русского национального меньшинства пока еще не существует. Но именно потому, что теперь мы уже довольно далеко продвинулись по пути украинизации, настало время создать штат особых работников, специалистов по национальным меньшинствам [для обслуживания русских]»⁴⁵. И как только статус русских был наконец четко определен, количество живших на Украине национальных меньшинств стремительно увеличилось (см. таблицу 1).

⁴¹ Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 336. Л. 54–55.

⁴³ Буценко А. Національні меншості України // Більшовик України. 1928. № 12. С. 69.

⁴⁴ Буценко рассматривал возможность создания городских русских районов, но из этого ничего не вышло, см.: Первое Всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств. Стенографический отчет, резолюция, постановления. Харьков, 1927. С. 44.

⁴⁵ Там же. С. 16.

Таблица 1. Национальные советы на Украине, 1924–1929 годы

Национальные районы	1924	1925	1926	1927	1928	1929
Русские	–	–	–	9	9	9
Немецкие	5	5	5	7	7	7
Болгарские	1	3	3	4	4	4
Греческие	–	–	–	–	3	3
Польские	–	–	1	1	1	1
Еврейские	–	–	1	1	1	2
Всего	6	8	10	22	25	26
Национальные сельсоветы						
Русские	–	69	122	292	388	408
Немецкие	98	117	221	237	251	253
Польские	15	61	129	139	143	150
Еврейские	19	19	34	56	77	92
Молдавские	–	9	57	57	57	90
Болгарские	25	28	43	42	42	45
Греческие	26	27	27	30	30	30
Чешские	5	13	13	13	13	13
Албанские	–	–	–	3	3	3
Белорусские	–	1	1	2	2	4
Шведские	–	–	1	1	1	1
Всего	188	344	648	872	1007	1089
Национальные горсоветы						
Русские	–	–	–	–	39	41
Еврейские	–	19	52	52	53	66
Всего	–	19	52	52	92	107

Источники: М. В. Итоги низового районирования Украины // Советское строительство. 1929. № 12 (1929). С. 61; От съезда к съезду. Материалы к отчету правительства на V съезде Советов СССР. М., 1929. С. 120. 69 русских сельсоветов, существовавших в 1925 г., были внесены в список задним числом, так как до 1926 г. им не предоставляли официального статуса национальных.

Каким же было социальное воздействие украинской системы национальных меньшинств? Официальная цель этой политики заключалась в том, чтобы предотвратить возникновение надклассового национального движения, преследующего общие национальные цели, и тем самым снизить уровень этнических конфликтов. Или, как

сформулировал эту мысль один авторитетный белорусский деятель: «Национальные советы создают возможность для политического усиления и организации представляющего национальное меньшинство беднейшего крестьянства в его борьбе с кулаками, что приведет к появлению глубокого раскола в существующем национальном единстве». На смену этническим конфликтам должны прийти конфликты классовые: «Организация национальных советов прежде всего является основой для преодоления национального антагонизма и отчуждения»⁴⁶. Такова была теория.

Однако на практике все случилось совсем наоборот. Из представленного в апреле 1926 г. доклада Сазонова, руководителя информотдела Центрального комитета Коммунистической партии Украины, видно, что на самом деле с образованием национальных советов этнические конфликты только усилились. Сазонов отметил, что эта избирательная кампания совпала с «массовым образованием независимых национальных сельсоветов» и что, хотя, согласно инструкциям по проведению выборов, полагалось проводить предвыборные собрания для обсуждения разного рода хозяйственных и классовых вопросов, сложилась совершенно другая ситуация⁴⁷:

«Несмотря на неоспоримую важность этих вопросов... не они составили главное содержание кампаний. Главным вопросом, который на протяжении всей кампании привлекал внимание населения национальных меньшинств (а в смешанных деревнях — всего населения), был вопрос об образовании независимых национальных сельсоветов».

В действительности образование национальных советов только обострило этнические конфликты. На образовании национальных советов национальные меньшинства настаивали «с упрямством и решимостью»: «Более того, именно это стремление лежит в основе того явного антагонизма между населением национального меньшинства и остальным населением, который со всей отчетливостью заявил о себе в процессе создания национальных сельсоветов». «Почти повсеместно национальные меньшинства голосовали за создание независимых национальных сельсоветов, а украинцы — против». Коммунисты разделились по этническому признаку. В одной немецкой деревне русские предложили список, в котором числился один русский кандидат, «и этот список, разумеется, был отвергнут». В другом

⁴⁶ Практическое разрешение национального вопроса... Т. 2. С. 100.

⁴⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2534. Л. 74об.

случае «поляки сорвали предвыборное собрание, демонстративно покинув его после того, как в сельсовет не выбрали поляка»⁴⁸.

Особенно смутила Сазонова тенденция понимать национальные советы экстерриториально: «Например, в одном округе евреи, жившие в деревнях, были приписаны к горсовету, а украинцы, жившие в городе, приписаны к сельсовету». В другом случае заместителя директора местного завода исключили из избирательных списков только потому, что он был украинцем. Но больше всего Сазонова поразили слова секретаря местного парткома: «Я не пойду на выборы в горсовет и не буду там голосовать: ведь и я не понимаю евреев, и они не понимают меня. Лучше уж я пойду в ближайшее село и там проголосую»⁴⁹.

На примере этих случаев очевидна разница между официальной правительственной теорией национальных советов и общепринятым представлением о них. Несмотря на стремление к этнической сегрегации, не отделимое от образования микроскопических национальных территорий, в официальном правительственном положении подчеркивалось, что национальные советы не должны становиться этнически однородными формированиями. Украинцы в немецком сельсовете не утрачивали своих национальных прав. Национальные советы существовали для того, чтобы помочь национальным меньшинствам сохранить свою культуру и пользоваться своим родным языком в повседневной жизни.

А в народе на национальные советы смотрели как на свои собственные территории. Или, как утверждал один еврей-большевик: «В еврейских национальных советах еврейские массы чувствуют жизнь, в полной мере выявляют все свои способности, а вот в других советах они зачастую чувствуют себя чужими»⁵⁰. Но коль скоро официальный этнический статус предоставлялся даже и тем немногочисленным деревням, которые составляли один сельсовет, к меньшинствам почти неизбежно начинали относиться как к чужакам. И именно поэтому местные жители не только могли потребовать их изгнания, но и на самом деле выдвигали такие требования. В отчетах ГПУ Украины сообщалось, что во время переписи 1926 г. в Житомире «в связи со слухами о том, что украинцев будут изгонять из польских сельсоветов, бывали случаи, когда украинцы скрывали свою подлинную национальность и говорили проводившим перепись счетчикам, что они — поляки»⁵¹. А в восточных национальных регионах, как мы еще

⁴⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2534. Л. 74об., 75, 76.

⁴⁹ Там же. Л. 75об.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 153. Л. 87.

⁵¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2524. Л. 2.

увидим, такого рода стихийные этнические изгнания стали на удивление распространенным явлением.

Таким образом, в результате образования национальных советов возникла имевшая большое значение взаимосвязь между этнической идентичностью и административным контролем над территорией. Неудивительно, что к этим двум составляющим впоследствии присоединилась и третья — собственность на землю. Как отмечал Квиринг, до 1924 г. преобладал классовый подход к районированию, когда более обеспеченных крестьян административно объединяли с менее обеспеченными, что должно было способствовать экономическому выравниванию. Однако на практике это означало, что немецкие и польские села объединяли с украинскими и русскими. И когда в 1924 г. эта политика внезапно изменилась и при образовании местных советов национальный принцип возобладал над классовым, русское и украинское крестьянство, естественно, было возмущено. Вот что писал об этом Сазонов: «Особенно энергичным было сопротивление украинского населения польских и немецких сел. В этих селах — из-за того, что национальная политика партии оставалась для крестьян неясной, — образование национальных сельсоветов отождествлялось с реставрацией той экономической силы и тех привилегий, которыми немецкие и польские поселенцы пользовались до революции»⁵². Упоминание о дореволюционных привилегиях позволяет добавить к трем вышеупомянутым составляющим еще и четвертую, которая, по моему мнению, в сочетании с тремя другими факторами способствовала появлению условий для серьезных этнических конфликтов: речь идет о различиях в положении сословий в дореволюционной России. Русские и украинцы относились к крестьянскому сословию, немцы — к более высокому сословию «колонистов». Ну а поляков в народе традиционно считали принадлежащими к знати (хотя на самом деле в Советском Союзе осталось совсем немного польской шляхты).

Более того, эту связь между землевладением, этнической принадлежностью и административной территорией местное крестьянство отнюдь не изобрело. В ноябре 1925 г. ЦК Коммунистической партии Украины принял постановление, в котором отмечалось, что среди немцев широко распространено недовольство недавними конфискациями земли, и в связи с этим приказывалось увеличивать на 20 % площадь земельных участков для всех немецких колонистов, владевших менее чем 32 десятинами (86,4 акра)⁵³. По приблизительным

⁵² Там же. Д. 2534 (1926). Л. 175об.

⁵³ Там же. Д. 2019 (1925). Л. 174.

подсчетам, для реализации этого постановления требовалось 50 тыс. десятин земли. Для удовлетворения этих потребностей предписывалось, чтобы «земельные фонды колонистов, расположенные в уже существующих или проектируемых немецких районах и сельсоветах, были зарезервированы в первую очередь для немецких колонистов-поселенцев»⁵⁴. Иными словами, везде, где бы немцы ни проживали компактно, они могли создавать свои национальные территории, а любая свободная земля в границах этих территорий должна была быть зарезервирована не только за местными немцами, но также и за всякими украинскими немцами, которые хотели бы там поселиться.

Особенно очевидно эта связь между этничностью, территорией и землевладением проявлялась в советской политике по отношению к евреям. Еврейский вопрос оказался для большевиков необычной дилеммой. Большевики решительно противодействовали антисемитизму — и потому, что антисемитизм был одним из любимых ими символов порочности царизма, и потому, что наличие множества евреев в советском правительстве сделало антисемитизм синонимом антибольшевизма. Однако экономическая и классовая политика большевиков в сочетании с их враждебным отношением к торговле и бывшим торговцам привела к тому, что еврейские штетлы (местечки) были экономически уничтожены, а большинство их обитателей получили клеймо «лишенцев» (то есть людей, лишенных избирательных прав)⁵⁵. Такое положение привело большевиков в сильное замешательство⁵⁶. Кроме того, его признали еще и опасным, потому что оно создавало социальную основу для сионизма, который для украинских властей был самой большой проблемой национальных меньшинств⁵⁷. Для разрешения этой проблемы была разработана грандиозная программа компактного поселения евреев в сельскохозяйственных общинах. Эта программа имела своей целью не только перевоспитать бывших еврейских мелочных торговцев, приобщив их к честному сельскому труду, но еще и создать основу для образования еврейских национальных территориальных единиц⁵⁸. Выступая на проходившем в 1926 г. Первом съезде Общества землеустройства

⁵⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2019. Л. 171. См. также: ВУЦИК УССР // Советское строительство. 1928. № 5–6. С. 218–219.

⁵⁵ *Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. М., 1929.

⁵⁶ См. комментарии Калинина: Первый Всесоюзный съезд ОЗЕТ в Москве. Стенографический отчет. М., 1927. С. 64.

⁵⁷ О том, как ГПУ оценивало опасность сионизма, см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2019. Л. 50.

⁵⁸ Об этой программе см.: *Кантор И.* Национальное строительство среди евреев в СССР. М., 1934; *Гольде Ю.* Евреи-земледельцы в Крыму. М., 1932.

еврейских трудящихся, Калинин обратил на эти национальные цели особое внимание⁵⁹:

«Должен сказать, что если мы идеологически рассмотрим этот вопрос с национальной точки зрения, то тогда я готов допустить, что за [экономическим] мотивом скрывается национальный. Мне думается, что это явление представляет собой попытку самосохранения национальности. В противовес ассимиляции и упразднению национального характера, которые угрожают любому малому народу, лишенному возможности национального развития, в еврейских массах возникло стремление к самосохранению, борьба за национальность».

Примечательная реплика Калинина не только является иллюстрацией того, до какой степени советская национальная политика противилась ассимиляции и поддерживала сохранение национальной идентичности, но еще и показывает, каким образом она увязывала поддержку самоидентификации народов с созданием национальных советов.

Первоначально еврейские сельскохозяйственные поселения были сосредоточены на юге Украины и в Крыму, где к 1931 г. было создано четыре национальных района и 127 национальных сельсоветов⁶⁰. Образование еврейских национальных советов вызвало даже еще более сильную этническую вражду, чем создание немецких и польских. В связи с этим Калинин получил так много недовольных писем, что был вынужден опубликовать одно из них в «Известиях» и ответить на него⁶¹. А председатель ГПУ Украины В. А. Балицкий сообщал, что такое недовольство среди крестьян получило широкое распространение⁶². В письме А. Смирнова, которое он направил в Политбюро в апреле 1926 г., говорилось о возмущении среди крестьян⁶³:

«Бесчисленные попытки создать исключительно благоприятные условия для еврейских сельскохозяйственных поселений в ущерб интересам широких масс советских хлеборобов вызвали со стороны последних резкое усиление антисемитских настроений».

Конфликт вокруг еврейских поселений является иллюстрацией одного (и, пожалуй, самого важного) из аспектов образования нацио-

⁵⁹ Первый Всесоюзный съезд ОЗЕТ... С. 65–66.

⁶⁰ Кантор И. Указ. соч. С. 23–28.

⁶¹ Калинин М. И. Евреи-земледельцы в союзе народов СССР. М., 1927. С. 24–40.

⁶² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2019. Л. 86.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 193. Л. 188.

нальных советов. Сочетание этничности, контроля над территорией и землевладения стало причиной политизации этничности. Конкурирующие национальные лидеры (в данном случае — видные коммунисты) открыто вербовали своих приверженцев, рассчитывая на этническую поддержку, или в пользу образования национальных советов, или против этого.

Кроме того, пример с историей еврейского расселения служит еще и иллюстрацией взаимосвязи между образованием национальных советов и переселением национальных групп. И одними только евреями эта политика не ограничивалась. Была создана особая организация для переселения «рома» (цыган), что привело к образованию одного цыганского национального сельсовета и 23 цыганских колхозов. Точно так же компактно была поселена и малочисленная группа территориально рассеянных ассирийцев, что привело к созданию одного-единственного ассирийского сельсовета⁶⁴. В 1933 г. власти Северного Кавказа переселили в единственный там калмыцкий национальный район 300 экстерриториальных калмыков, с тем чтобы их можно было надлежащим образом обслуживать как национальность⁶⁵. Аналогично на Украине, на территории ее немецкого и польского районов, была зарезервирована земля для этнических немцев и поляков⁶⁶. Более того, согласно общесоюзной политике в процессе сельскохозяйственного переселения национальные группы полагалось селить компактно⁶⁷. Эта политика укрепила среди национальных меньшинств ощущение, что они ни к чему не привязаны и потому могут переселиться на ту территорию, где они составляют национальное большинство. И, что еще существенней, та же самая политика у национального большинства укрепила ощущение, что меньшинства ни к чему не привязаны и потому их следует изгонять. Как оказалось, особенно сильным это ощущение было в восточных национальных регионах Советского Союза, где межнациональные отношения были более напряженными.

Итак, сейчас я в общих чертах представил как историю возникновения системы национальных меньшинств на Украине, так и некоторые из наиболее существенных ее последствий. А чтобы подчеркнуть чрезвычайную значимость этой системы, можно противопоставить позиции самого главного ее противника и самого главного ее защит-

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 128. Д. 2. Л. 110, 116.

⁶⁵ Там же. Оп. 141. Д. 1531. Л. 103; Хроника // Революция и горец. 1933. № 8. С. 79–80.

⁶⁶ ВУЦИК УССР // Советское строительство. 1928. № 5–6. С. 218.

⁶⁷ В Совете национальностей СССР // Революция и национальности. 1930. № 1. С. 111.

ника, то есть Авеля Енукидзе и Миколы Скрипника. Енукидзе открыто критиковал украинцев и на проходившей в апреле 1926 г. сессии ЦИК, и в опубликованной после этого статье. Мало того, самую суровую критику он высказал в ответ на доклад об украинской политике в отношении национальных меньшинств, выступив со своими замечаниями 24 июня 1927 г. во время закрытого заседания Президиума Совета национальностей. На этом заседании под прицелом критики Енукидзе оказался самый главный, стержневой принцип украинской системы — присущее ей неприятие ассимиляции. Он раскритиковал тот пункт украинской политики, в соответствии с которым всю переписку с каждым национальным советом полагалось вести на национальном языке этого совета:

«Наша задача заключается в том, чтобы вокруг одной общей культуры объединить все население Украинской республики, включая и все национальные меньшинства, но, проводя политику замыкания каждой национальности в пределах ее собственного языка и осуществляя всю переписку с национальностями на их собственных языках, мы разделяем единую Украинскую республику на отдельные национальности. Разве это необходимо? Нет, в этом нет никакой необходимости».

В этом месте речь Енукидзе кто-то прервал изумленным вопросом: «Так разве нашей целью является ассимиляция?». И Енукидзе ответил:

«Там, где мы можем ассимилировать, мы и должны ассимилировать... Следует понять, что далеко не каждая группа населения является нацией. Нациями мы называем компактные массы, и для этих масс мы создаем автономные республики или области, тогда как небольшие группы населения, которые в РСФСР, например, территориально рассеяны, мы ассимилируем с русской культурой».

Не скрывая своего презрения, Енукидзе утверждал, что украинская политика ведет к созданию ряда «маленьких островков»⁶⁸.

Обычно Енукидзе говорил в насмешливом тоне, хотя его тон мог принимать и угрожающую резкость. На слова еврейского представителя, который жаловался на плохое отношение к евреям, Енукидзе раздраженно ответил⁶⁹:

«Вы демонстрируете сепаратистские притязания, а их существовать не должно. Боюсь, что украинская политика по отно-

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 153. Л. 122.

⁶⁹ Там же. Л. 119–120.

шению к малым национальностям отражает именно эту психологию. Тогда скоро от нас будет чего-то требовать каждый армянин и каждый грек. Наша задача заключается в том, чтобы возвышать национальные меньшинства, приводя их к основной культуре их республики. Это что относится к союзным республикам. А вот по отношению к СССР в целом наша задача состоит в другом. Русская культура и русский язык являются тем главным стержнем, вокруг которого мы и должны возвышать все национальности, населяющие СССР».

Свою критику Енукидзе завершил предостережением:

«Мы создаем замкнутые национальности, совершенно никак не связанные друг с другом, разобщенные и замыкающиеся в кругу своей собственной культуры, своего собственного языка; и это в том государстве, которое строит и должно построить социализм».

В комментариях Енукидзе нашла свое воплощение традиционная концепция моноэтнического государства, конечной целью которого является торжество одной-единственной культуры в одном-единственном государстве. С точки зрения Енукидзе советская национальная политика представляла собой переходную стратегию, нацеленную на достижение этой цели. Каждое национальное меньшинство должно «по восходящей» ассимилироваться с национальным большинством в своей собственной республике, а затем каждое большинство должно в конечном счете ассимилироваться с русской культурой. И в таком случае потребность в национальных советах попросту отпадет. Енукидзе отзывался о них или с презрением, называя их «замкнутыми», «обособленными», «маленькими островками», или с осуждением, усматривая в них потенциальное воплощение «сепаратистских притязаний». Употребив это выражение, Енукидзе таким образом выразил свое отношение к национальным советам, которые в принципе могут скорее способствовать этнической мобилизации, чем сводить ее на нет, что могло привести к обострению этнических конфликтов.

Енукидзе (который был грузином, а не русским) выражал тайные мысли большинства членов партии, но открыто высказывать такие настроения на официальном мероприятии было не принято. Как только Енукидзе закончил, Скрипник, поднявшись, выразил удовлетворение тем, что Енукидзе высказал свое мнение в присутствии стенографиста: «Всегда полезно знать о том, что такая линия существует. Мы ее чувствуем. Она была представлена в разрозненных выступлениях, но до сих пор у нас еще не было теоретического обо-

снования этой линии». Скрипник справедливо отметил, что в выступлении Енукидзе была отражена точка зрения многих коммунистов, хотя до сих пор, как на это справедливо указал Скрипник, еще никто не высказывал ее публично. После этого Скрипник заявил, что она не соответствует «линии партии», и предложил Енукидзе взять свои слова назад⁷⁰. Тот отказался это сделать, однако впоследствии больше уже никогда не говорил на публике ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало сказанное.

Идеологию украинской системы национальных меньшинств Микола Скрипник разработал в высшей степени последовательно и всесторонне. В речи, которую Скрипник произнес в 1931 г., было сделано такое заявление: «Нашей задачей является организовать нашу деятельность так, чтобы трудящиеся массы каждой национальности могли бы развить свое национальное самосознание (*свою національну свідомість. — Т. М.*) максимально широко»⁷¹. Иллюстрируя свою мысль, Скрипник напомнил о недавней полемике, в ходе которой некоторые польские представители в Москве высказали мнение, что советские поляки не могут создать польскую пролетарскую культуру своими силами, потому что в Советском Союзе польского пролетариата нет. Возражая на это, Скрипник тогда сказал, что польские национальные советы «являются не только органами самоуправления; они являются не каким-то органом национальной индивидуальной автономии, но органами пролетарской [советской] власти»⁷². На этом примере была продемонстрирована взаимосвязь двух основных компонентов скрипниковской политики национальных меньшинств — пропаганды этнического самосознания и образования национальных советов. Национальные советы существовали для того, чтобы и сохранять, и развивать национальную культуру.

Советское определение «национального меньшинства» Скрипник довел до логического конца. Выступая в 1930 г. на заседании Президиума Совета национальностей, он обратил внимание на широко распространенную терминологическую путаницу⁷³:

«Думаю, что, говоря о национальных меньшинствах, мы приобрели дурную привычку. Ведь национальным меньшинством является каждая из национальностей, населяющих наш Союз, и украинцы, и русские, и евреи, и белорусы, и так далее...»

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 153. Л. 111, 83.

⁷¹ Скрипник М. Перебудовними шляхами... // Більшовик України. 1931. № 12. С. 14.

⁷² Там же. С. 22.

⁷³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1318. Л. 11.

В этом месте его прервал Семен Диманштейн, многолетний специалист по делам национальностей: «Но только не русские; русских — 57 процентов [от общей численности советского населения]», на что Скрипник ответил:

«Нет, это неверно, теперь положение изменилось... В каждой союзной республике имеются солидные национальные меньшинства, однако нацмены одной республики являются национальным большинством в своем национальном районе. В польском районе национальным большинством являются поляки; на Украине национальным большинством являются украинцы, однако в польском районе они являются национальным меньшинством... Следовательно, когда мы говорим о национальных меньшинствах, то непонятно, о каком именно меньшинстве мы говорим — о национальном меньшинстве республики или района».

Понятия «национальное большинство» и «национальное меньшинство» Скрипник сделал совершенно относительными. Всякий мог представлять собой и национальное большинство, и национальное меньшинство, что целиком зависело от места его проживания.

Скрипнику казалось, будто он разрешил противоречие между территориальной и индивидуальной национальностью, декларированными в Советском Союзе. Разрешить это противоречие значило распространить национальные территориальные образования сверху донизу, до самого нижнего уровня — так, чтобы в итоге они плавно слились с индивидуальной национальностью каждого человека. Потому-то в 1930 г. Скрипник и возражал против создания интернациональных колхозов и ратовал за то, чтобы национальный принцип применялся и на этом уровне⁷⁴. И в результате была создана такая пирамида национальных территориальных советов:

- Советский Союз
- Федеративная республика (РСФСР, ЗСФСР)
- Союзная республика (Украинская ССР, Белорусская ССР и т. д.)
- Автономная республика (Татарская, Молдавская и т. д.)
- Автономная область (Коми, Чеченская и т. д.)
- Автономный округ (Коми-Пермяцкий, Ненецкий и т. д.)
- Национальный район (финский, польский, корейский и т. д.)
- Национальный сельсовет (цыганский, сирийский и т. д.)
- Национальный колхоз (для всех национальностей)
- Личная национальность (закреплена в паспортах в 1932 г.)

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1318. Л. 10.

Енукидзе считал эту структуру своего рода лестницей ассимиляции, седьмая, восьмая и девятая ступени которой были излишними, хотя, по его мнению, в конечном счете придется избавиться и от всех остальных, кроме первой. Скрипник предполагал, что эта пирамида останется неизменной и национальность каждого человека в ней будет и закреплена, и сохранена. Именно эту модель он и другие украинцы предложили в качестве образца для всего Советского Союза.

Национальные советы в Белоруссии и РСФСР

Вскоре украинская модель получила поддержку среди работавших в центре советских специалистов по национальной политике. Когда в 1927 г. на заседании Президиума Совета национальностей представители Украины обосновали свою политику, она была удостоена щедрых похвал. Хацкевич, секретарь Президиума ЦИК Белорусской ССР, назвал проведенную на Украине работу «колоссальной», а представитель Башкирии Кушаев утверждал, что проделанная Украиной работа служит «образцом для остальных союзных и автономных республик»⁷⁵. Семен Диманштейн в качестве заведующего национальным сектором ЦК ВКП(б) постоянно соперничал с украинцами, тем не менее и он неоднократно превозносил украинскую программу национальных меньшинств⁷⁶. Однако самыми поразительными оказались комментарии А. И. Досова, заведующего отделом национальностей ВЦИК: «У меня складывается впечатление, что национальные меньшинства Украины живут лучше, чем наши национальности со своими автономными территориями»⁷⁷.

Первой из республик, которая последовала примеру Украины, стала Белоруссия. И в этом не было ничего удивительно, потому что они обе находились примерно в одинаковом положении. И в Белоруссии тоже имелись свои зажиточные и требовательные западные национальные меньшинства — поляки и латыши⁷⁸. Имелось там и многочисленное и влиятельное еврейское население. Русских в Белоруссии было несколько меньше, однако, после того как в 1926 г.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 153. Л. 133, 103.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 336. Л. 68. Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетов, 1928 г. Стенографический отчет. М., 1928. С. 104.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 153. Л. 97.

⁷⁸ О латышских требованиях см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 100. Л. 35; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 271. Л. 21.

к ней была присоединена Гомельская губерния, Белоруссии тоже пришлось иметь дело с обездоленным русским меньшинством⁷⁹. Белоруссия, как и Украина, испытывала на себе давление аналогичных обстоятельств внешней политики. И наконец, удивительно быстрые успехи белорусизации привели к тому, что вопрос о защите прав национальных меньшинств стал политически чувствительным и здесь.

Белоруссия, как и Украина, сначала завершила микрорайонирование, при котором национальные соображения были проигнорированы, а затем, в конце 1924 г., начала осуществлять программу образования национальных советов.

Таблица 2. Национальные советы в Белоруссии, 1924–1933 годы

Национальные сельсоветы	1924	1925	1926	1927	1928	1933
Польские	–	2	13	23	19	40
Еврейские	7	11	18	22	23	24
Русские	–	1	1	2	16	15
Латышские	2	5	4	5	5	5
Немецкие	–	1	2	2	2	2
Украинские	–	–	–	–	2	6
Литовские	–	–	–	–	–	1
Всего	9	20	38	54	67	93

Источники: Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике. С. 96; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 211. Л. 115; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 631. Л. 33.

Право на образование национальных советов было даже включено в Конституцию Белоруссии. Белоруссия, как и Украина, сначала отказалась предоставить русским статус национального меньшинства, но потом изменила свою позицию – после того как свою политику в этом вопросе изменила Украина⁸⁰. Таблица 2 показывает, как росло число национальных меньшинств в Белоруссии. Однако здесь, в отличие от Украины, приезжие поселенцы не селились компактно, так что удалось создать всего лишь один-единственный национальный район – польский⁸¹.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 206.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 211. Л. 6, 111, 198; Районирование Белоруссии // Социалистическое строительство. 1926. № 8–9. С. 131–132; Хацкевич А. Ажыццяўленне ленінскай нацыянальнай палітыкі ў Беларускай ССР // Бальшавік Беларусі. 1930. № 10–12. С. 25.

⁸¹ И не раньше 1932 г. Принц Е. Нацыянальна-культурнае будаўніцтва польскага насельніцтва БССР // Бальшавік Беларусі. 1932. № 13. С. 43.

А в РСФСР возникновение национальных советов происходило гораздо медленнее. В 1925 г., за немногочисленными исключениями, свои национальные меньшинства РСФСР обслуживала в основном через школы с преподаванием на местных языках. По иронии судьбы к созданию национальных советов подтолкнула украинско-еврейская полемика, которую и на сей раз затеял Юрий Ларин. В начале 1925 г. Ларин представил в Политбюро собранные им материалы о нарушениях прав национальных меньшинств на Украине. И в апреле 1925 г. Политбюро создало комиссию, в состав которой вошли Ларин и Калинин: комиссии предстояло проверить справедливость этих обвинений и выработать последовательную общесоюзную политику в отношении национальных меньшинств⁸². В рекомендациях, которые были представлены комиссией, нашла свое отражение противоречивая программа Ларина и Калинина: с одной стороны, они поддерживали еврейскую колонизацию и, следовательно, еврейские национальные советы, но при этом, с другой стороны, не одобряли мер по предотвращению ассимиляции городских евреев. В частности, они оказали противодействие энергичным усилиям украинцев, стремящимся отправлять городских еврейских детей в идишеязычные школы (причина этих действий была весьма прозрачной: воспрепятствовать росту русского городского населения) в тех случаях, когда этому яростно противились их родители⁸³. Кроме того, комиссия осудила и ряд мер, выявленных в программе украинизации (таких, например, как принудительная подписка на украинские газеты), квалифицировав их как нарушения прав национальных меньшинств.

Защищая себя, украинцы представили на рассмотрение комиссии встречное предложение, в котором, в соответствии с обычной для них

⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 497. Протокол 57, п. 25.

⁸³ Практика посылать всех еврейских детей в еврейские (идиш) школы вызвала огромный протест, и вскоре от нее отказались. Владимир Затонский рассказывал как анекдот о том, что детей, говорящих на идише, хватали и посылали в еврейские школы, ведущие на нем преподавание: «Мы получаем информацию из Николаева, из Киева и из ряда других мест, что во время вступительных экзаменов детей, «заподозренных в принадлежности к еврейской нации», если становится ясно, что «эти злоумышленники знают идиш», то их автоматически посылают в идиш-школу, «потому что, знаете ли, в этом отношении мы предоставляем каждой национальности все права: так что давайте — марш в идиш-школу». Но дети этого не хотят, и родители предупреждают их, чтобы они не признавались, что знают идиш. И потому, товарищи, экзамен проводится так, чтобы обмануть этих детей: они говорят с ребенком по-русски или по-украински, а потом, когда ребенок успокаивается (а они с ним умеют разговаривать!), внезапно экзаменатор говорит ему на идише, чтобы он шел домой. Ребенок по-еврейски поворачивается и уходит. (Смех). «Это значит, что ты знаешь идиш. Мы пошлем тебя в идиш-школу»» (Первое Всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств. С. 14).

стратегией, они пообещали защищать свои национальные меньшинства еще больше⁸⁴. По проекту Ларина в местных областях должно было наличествовать минимально необходимое количество представителей национального меньшинства (по крайней мере 1/6 часть всего населения) — чтобы данное меньшинство могло пользоваться своими языковыми правами в полной мере. А по проекту украинцев никакого минимума не устанавливалось. Область использования языковых прав национального меньшинства украинцы определили куда более детально. Ларин и представители украинской делегации сжестнулись по этим вопросам на III Всесоюзном съезде Советов, проходившем в мае 1925 г. Генеральная резолюция съезда поддержала украинцев. Она требовала⁸⁵:

«...включения представителей национальных меньшинств во все выборные советские органы; если национальные меньшинства составляют большинство местного населения, то следует создавать отдельные советы, с тем чтобы еще и расширялось применение языка этих меньшинств, а также создавались школы и судопроизводство на местных языках и так далее...»

Эта резолюция сделала украинскую систему территориальных национальных советов обязательной для всего Советского Союза, причем ни одна из мер по украинизации не была подвергнута даже и косвенной критике.

Таким образом, украинско-еврейская полемика привела к тому, что было принято постановление Политбюро по созданию национальных советов, после чего комиссия Ларина была распущена⁸⁶. Официальное одобрение Политбюро воодушевило работавших в центре специалистов по национальному вопросу (а они были сконцентрированы в проводивших «мягкую линию» советских органах — ЦИК и входящем в его состав Совете национальностей, а также ВЦИК и его отделе национальностей). И, заручившись этим одобрением, они стали чрезвычайно энергично распространять украинскую систему национальных советов на весь остальной Советский Союз⁸⁷.

⁸⁴ Первое Всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств. С. 10–11.

⁸⁵ III съезд Советов СССР. Стенографический отчет. М., 1925. С. 272–284, 290–294.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 507. Протокол 67, п. 26.

⁸⁷ Две из трех больших партийных комиссий по национальной политике, действовавших в середине 20-х гг. (работавшая в 1925 г. комиссия Оргбюро по советской Конституции в национальных республиках и областях и работавшая в 1926–1927 гг. комиссия Оргбюро по изучению национальной политики), в свои окончательные резолюции включили пункт о поддержке национальных советов. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 715. Л. 10; Оп. 113. Д. 336. Л. 94.

Таблица 3. Национальные советы в Ленинградской области, 1929–1936 годы

Национальность	1923		1936		
	Советов	Районов	Колхозов	Советов	Районов
Финны	67	2	580	62	2
Вепсы	24	–	137	27	1
Эстонцы	8	–	136	17	–
Саамы	6	–	9	10	2
Латыши	5	–	33	3	–
Немцы	2	–	24	2	–
Карелы	2	–	22	2	–
Ижемцы-зыряне	2	–	2	2	–
Ижорцы	1	–	52	7	–
Норвежцы	1	–	1	1	–
Евреи	–	–	1	–	–
Китайцы	–	–	1	–	–
Всего	118	2	998	133	5

Источники: Национальные меньшинства Ленинградской области. Л., 1929; Янсон П. М. От угнетения и бесправия – к счастливой жизни. Л., 1936.

В октябре 1925 г. Совет национальностей выпустил циркуляр, требовавший, чтобы местные власти предоставляли ему информацию о том, как они выполняют принятое III съездом постановление по национальным меньшинствам⁸⁸. А в следующем месяце ВЦИК создал во всех областях и губерниях штат уполномоченных по делам национальных меньшинств, возложив на них обязанность курировать образование национальных советов⁸⁹. В 1926 г. на специальном съезде национальных меньшинств член Президиума ВЦИК казах С. Д. Асфендиаров утверждал, что образование национальных советов стало теперь «самой серьезной нашей заботой»⁹⁰.

Однако из-за масштабов РСФСР и разнородности ее состава процесс образования национальных советов происходил неравномерно. В таких регионах, как Ленинградская область, где зажиточные западные национальные меньшинства были похожи на национальные меньшинства Украины и Белоруссии, он завершился довольно бы-

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 175. Л. 3.

⁸⁹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1925. № 85. Ст. 628.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 76.

стро⁹¹. В 1925 г. в Ленинградской области уже существовал финский район, все двадцать финских сельсоветов которого вели административную деятельность по-фински⁹². Как видно из таблицы 3, со временем в Ленинградской области была создана система национальных советов, сопоставимая с той, которая существовала на Украине и в Белоруссии. Однако в РСФСР было мало областей (даже таких, в которых численность населения национальных меньшинств была гораздо больше), где существовала система национальных советов, сравнимая с ленинградской.

Национально-территориальное устройство РСФСР было настолько сложным, что и процесс образования национальных советов усложнился и политизировался. Зачастую считалось, что национальные советы угрожают существованию российских губерний. Например, если в российской губернии создавался татарский район, примыкавший к Татарской АССР, то зачастую это становилось стимулом для его аннексии. С другой стороны, отказ от создания национальных советов мог быть истолкован в качестве подавления национальных устремлений и потому тоже имел серьезные последствия. Отличную иллюстрацию этой дилеммы представлял собой мордовский вопрос. В РСФСР мордвы составляли третье по численности коренное национальное меньшинство. Однако если для всех тринадцати других наиболее многочисленных национальностей национальные территории были созданы еще до 1923 г., то Мордовская автономная область была образована лишь в 1929 г. Это объяснялось тем, что территориально мордвы слишком рассеяны, чтобы образовать Мордовскую автономную область, в которой они будут составлять большинство. Мордовские руководители возражали, что в РСФСР имеются и другие автономные республики, где коренные народы составляют меньшинство (Карелия, Молдавия, Башкирия, Крым). Однако все они своим существованием были обязаны тактическим соображениям, продиктованным интересами внешней политики или Гражданской войной. А мордвы не представляли никакого стратегического интереса и фактически были настолько ассимилированы, что даже оказали энергичное сопротивление навязываемому им образованию на родном языке⁹³.

И тем не менее, несмотря на крайне низкий уровень национального сознания, в 1925 г. мордовским руководителям удалось ор-

⁹¹ Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств... С. 31.

⁹² Д. Б. Работа среди нацменьшинств // Власть Советов. 1925. № 42. С. 24–25.

⁹³ Ульянов Г. Национально-культурная проблема в мордовской деревне // Коммунистическое просвещение. 1931. № 19. С. 26–37.

ганизовать в нескольких мордовских деревнях уличные митинги в поддержку автономии⁹⁴. А для этого они пустили в ход аргументы экономического характера, справедливо отметив, что план финансовой помощи культурно отсталым регионам, представленным в Совете Национальностей, предусматривал резервирование мест в вузах для «отсталых» народов, а все остальные привилегии Империи положительной деятельности уже были розданы территориально организованным национальностям⁹⁵. Мордовское движение за автономию является одним из лучших примеров того, как советская национально-территориальная система на самом деле содействовала этнической мобилизации и существенно укрепляла этническое самосознание. Центральные власти попытались утихомирить мордовское движение посредством создания национальных советов. В специальном постановлении ВЦИК, принятом в июне 1925 г., требовалось создать максимальное число мордовских национальных советов. Некоторые российские губернии этому подчинились, и было создано несколько десятков мордовских районов и несколько сотен мордовских сельсоветов. Однако другие губернии этому воспротивились, опасаясь, что это станет первым шагом к увеличению мордовской территории⁹⁶. И, как оказалось, предчувствия их не обманули, потому что образование Мордовской автономной области в 1929 г. сопровождалось упразднением нескольких российских губерний и созданием большой многонациональной Средне-Волжской области.

Но если мордовский вопрос послужил иллюстрацией угрозы, которую национальные советы могли представлять для русских регионов РСФСР, то политика, которой сопровождалось проходившее в 1925 г. расширение Чувашской АССР, показала, как национальные советы могут привести к сепаратизму. Увеличить территорию Чувашии стало возможным в силу общего принципа, и на сей раз связанного с той основной логикой положительной деятельности, в связи с которой ради укрепления экономики автономных республик их территории можно расширять за пределы этнографических границ. А это означало присоединение к ним областей с преимущественно русским населением⁹⁷. Башкирия, территория которой в 1923 г. была расширена именно на этом основании, стала республикой с башкир-

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 997. Л. 20–21.

⁹⁵ Там же. Оп. 113. Д. 781. Л. 78, 83–85; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 142. Д. 3. Л. 4–16.

⁹⁶ Советская политика по национальному вопросу в РСФСР за 10 лет / сост. И. Лазовский, И. Бибин М., 1928. С. 157, 164; ГА РФ Ф. 1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 98; Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств... С. 87.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 177 (1924). Л. 26.

ским меньшинством⁹⁸. Руководствуясь этим же принципом, Чувашская АССР заявила о своих притязаниях на всю территорию Ульяновской губернии (на часть которой одновременно претендовали еще и мордвины!) — и это несмотря на то что в результате численность чувашского населения в границах собственной АССР сократилась бы с 82 до 10 %⁹⁹. В полном объеме это требование удовлетворено не было (да чувашаи и сами наверняка знали, что так оно и будет), однако при этом Чувашской АССР выдали своего рода утешительный приз, присоединив к ней три района со значительным чувашским *меньшинством*, в результате чего чувашское большинство в ней сократилось на 74 %¹⁰⁰.

В этих трех районах проживало многочисленное русское, мордовское и татарское население, которое было возмущено этим присоединением, заподозрив, что русские, мордовцы и татары будут ущемлены в правах и окажутся в подчинении у чувашей. В отчетах ОГПУ отмечалось, что на новых территориях постоянно возникают все новые и новые осложнения: «[Здесь наблюдается] массовое недовольство присоединением Алатырского района к Чувашской АССР. Это недовольство переросло в недовольство самим существованием Чувашской АССР»¹⁰¹. Русские жаловались, что после передачи этой территории «чувашаи уволили всех русских работников, включая даже и главу района». Аналогично и мордвинаи утверждали, что «чувашаи живут гораздо лучше, чем мордвинаи, потому что и администрация их поддерживает, и они сами занимают руководящие должности». Один татарин трогательно сетовал: «Раньше мы, татары, зависели от Ивана Грозного, а теперь мы зависим от чувашей и живем под их игом»¹⁰². И даже через два года после того, как территория была передана, ОГПУ все еще отмечало неослабевающие сепаратистские настроения на новых чувашских территориях. Именно эти сепаратистские движения и стали в 20-х гг. главным источником этнической мобилизации. В декабре 1926 г. ОГПУ сообщало, что греки из Карачаевской автономной области обратились с просьбой, чтобы им или предоставили собственную автономную территорию, или присоединили их к соседнему русскому району¹⁰³. Такого рода

⁹⁸ К декрету о Большой Башкирии // Жизнь национальностей. 1922. № 13. С. 5.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 177. Л. 27–28.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 2. Л. 248; Советская политика по национальному вопросу в РСФСР.. С. 105–106.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200а. Л. 237об.

¹⁰² Там же. Д. 201. Л. 81.

¹⁰³ Там же. Д. 200а. Л. 208.

сепаратистская агитация зачастую имела и вполне определенный стратегический смысл. В другом отчете ОГПУ говорилось о том, что жители одного немецкого села в Кабардинии развернули странную агитацию за их присоединение к Ингушетии. Староста немецкой деревни объяснял это тем, что «налоги в Ингушетии гораздо ниже, да и вообще ингуши дадут нам куда более существенные льготы»¹⁰⁴. Из этих примеров видно, каким образом создание сложной национально-территориальной системы и готовность принимать национально обоснованные требования пересмотра границ только усиливали этническую мобилизацию.

Несмотря на эти трудности, в 1928 г. ВЦИК созвал свой второй съезд национальных меньшинств, который констатировал, что сеть национальных советов существенно расширилась по сравнению с той, о которой сообщалось на первом съезде, в 1926 г. Но, пожалуй, еще более существенным было изменение риторики. На съезде 1926 г. Енукидзе все еще мог утверждать: «Мы не можем сказать каждой деревне — например, тем деревням, где живут мордвины, чувашаи и так далее, — что бухгалтерию в своих сельсоветах они должны перевести на свой родной язык: ведь они в достаточной степени ассимилированы и знают русский язык»¹⁰⁵. А в 1928 г. Калинин, непосредственный начальник Енукидзе, зачитал такой основной доклад, под которым мог бы подписаться и сам Микола Скрипник. Как и Скрипник, Калинин обратил внимание на относительность самого понятия «национальное меньшинство»: «Нет ни одной такой этнической группы, которая не составляла бы в той или иной республике меньшинство, не исключая и русских»¹⁰⁶. Он даже повторил приводившийся украинцами аргумент, что по мере нарастания успехов украинизации русские на Украине постепенно становятся национальным меньшинством. И в завершение он, что удивительно, согласился с тем, что национальное самосознание представляет собой особую ценность¹⁰⁷:

«Первым этапом подлинного культурного развития является обнаружение своей собственной национальности: это является и первым шагом в культурном развитии, и первым шагом в политическом самоопределении. А потому я заявляю, что мы будем стремиться к поддержке национальностей, к созданию прообраза правительства, будущего коммунистического правительства».

¹⁰⁴ Там же. Д. 201. Л. 134.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 29.

¹⁰⁶ Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств... С. 1.

¹⁰⁷ Там же. С. 3.

Будущее коммунистическое правительство, считал Енукидзе, должно будет привести к ассимиляции наций. А Калинин, солидаризируясь со Скрипником, считал, что оно должно будет способствовать процветанию наций.

В отчете о деятельности отдела национальностей ВЦИК его руководитель Досов (казах) отметил значительные успехи в построении той многонациональной общности, которую Калинин считал прообразом будущего. Досов сообщил съезду, что, по неполным подсчетам, в масштабах РСФСР была создана целая сеть национальных образований, включающая 2930 национальных сельсоветов, 110 национальных волостей и 33 национальных района¹⁰⁸. И тем не менее Досов все-таки сожалел, что создание этой структуры пока не завершено. Съезд с этим согласился и заявил, что к концу 1930 г. сеть национальных советов РСФСР должна быть создана в полном объеме. Из таблицы 4 видно, что за эти годы были достигнуты существенные успехи.

Таблица 4. Национальные советы в СССР, 1930 год

Республика	РАЙОНЫ			СЕЛЬСОВЕТЫ		
	Всего	Национальные	Процент национальных районов по отношению к общей численности районов	Всего	Национальные	Процент национальных районов по отношению к общей численности районов
Российская СФСР	2 017	127	6,3	52 844	4 264	8,0
Украинская ССР	494	27	5,8	10 880	1 085	9,9
Белорусская ССР	100	—	0,0	1,419	67	4,2
Закавказская СФСР	143	18	1,3	2 501	нет данных	нет данных

Источник: *Зайцев П.* Задачи укрепления аппарата нацрайонов в связи с ликвидацией округов // Революция и национальности. 1930. № 8–9. С. 48. Доля национальных меньшинств в РСФСР был гораздо выше, чем на Украине или в Белоруссии, чем и объясняется их высокая общая численность. Доля национальных меньшинств в ЗСФСР была высокой, но сеть национальных советов — меньше. В эту статистику не входят русские национальные районы и сельсоветы в автономных республиках и областях РСФСР.

¹⁰⁸ Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств... С. 6.

Завершение создания полноценной национальной сети означало не только максимальную численность национальных советов, но еще и минимальную численность смешанных советов. В РСФСР, как и на Украине, упорно стремились к этнической сегрегации, добившись в этом деле немалых успехов. К 1931 г. в 11 национально неоднородных автономных республиках и 15 автономных областях РСФСР из 497 национальных районов лишь 146 были с национально смешанным составом было (29,3 %). И, что еще удивительнее, национально смешанными были лишь 851 из 12 766 национальных советов (6,6 %) ¹⁰⁹. Эти статистические данные свидетельствуют о той масштабности и решительности, с которыми украинская система национальных меньшинств насаждалась как в РСФСР, так и в Белоруссии.

Но эти данные свидетельствуют еще и о том, что распространение национальных советов не ограничивалось одними только русскими областями РСФСР. И все-таки, как заявил на съезде 1928 г. секретарь ВЦИК А. С. Киселёв, политика в области национальных меньшинств столкнулась в автономных республиках РСФСР с неожиданными трудностями. В частности, Киселёв выделил Казахстан ¹¹⁰:

«Там даже не считают украинцев и русских национальными меньшинствами, потому что в эпоху царизма они были народами, которым самодержавие отводило роль колонизаторов... Таким образом, ссылаясь на целый ряд причин, [казахское правительство] всячески противодействует образованию административно-территориальных единиц и отказывается осуществлять директивы партии по этому вопросу».

За два предыдущих года Киселёву пришлось возглавить целый ряд комиссий, имевших своей целью упорядочить положение русских в Казахстане и Киргизии. Он знал, что главную проблему национальных меньшинств в восточных республиках составляло положение русских и что труднее всего восточным национальностям (многие из которых еще совсем недавно подвергались массовой русской колонизации) согласиться с присутствием бывшей великодержавной национальности.

¹⁰⁹ Родиевич Б. Коренизация аппарата в автономиях и районах наименьшинств РСФСР // Революция и национальности. 1931. № 12. С. 113. Точного определения национально смешанного совета не существовало. Обычно в него входило от 20 до 50 % представителей национального меньшинства.

¹¹⁰ Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств... С. 125.

Национальные советы и этнические конфликты на советском Востоке

Как мы еще увидим в двух следующих главах, в советской национальной политике существовало четкое различие между восточными и западными национальностями. И это различие было отнюдь не географическим. Крымские татары считались восточными национальностями, а армяне — западными. К числу восточных национальностей скорее относились те, кого окрестили культурно отсталыми. И они-то и составляли подавляющее большинство советских национальностей. В официальном списке 1932 г. было перечислено 97 культурно отсталых национальностей (см. таблицу 21), имеющих право на льготы при поступлении в университеты¹¹¹. Если говорить в целом, то в число культурно отсталых не были включены лишь западные национальные меньшинства, а также евреи, русские, украинцы, белорусы, грузины и армяне. Когда я говорю о советском Востоке без кавычек, я воспроизвожу именно эту советскую терминологию (хотя, разумеется, ее не одобряю).

Самые ожесточенные этнические конфликты происходили, как правило, на советском Востоке. И в этом не было ничего удивительного. В своем авторитетном исследовании этнических конфликтов Дональд Горовиц показал, что чаще всего зачинателями этнических конфликтов с применением *насилия* становились (и зачастую по инициативе бывших колониальных властей) именно те этнические группы, которые в народе традиционно считались «отсталыми»¹¹². Впрочем, давайте оставим в стороне вопрос о том, как создавались расхожие стереотипы и обратимся к огромному массиву данных, собранных Тедом Гурром в его книге «Меньшинства в состоянии риска» (*Minorities at Risk*) и относящихся к конфликтам, которые происходили после 1945 г. В своем исследовании Гурр обнаружил, что этнические конфликты с применением силы гораздо чаще возникают в бедных странах (определяемых исходя из уровня ВВП на душу населения)¹¹³. Эта же закономерность наблюдается и в Советском Союзе в 20-е гг. — и не только в отношениях между «западными» и «восточными» национальными регионами, но и на самом советском Востоке. В таких республиках, как Татарстан, Крым и Чувашия, этнические конфликты были, как правило, ненасильственными и возни-

¹¹¹ Об ударном культурообразовании отсталых национальностей // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1932. № 5. С. 13–14.

¹¹² Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley, Calif., 1985. P. 141–185.

¹¹³ Gurr T., Harff B. *Ethnic Conflict in World Politics*. Boulder, Colo., 1994.

кали в основном на почве доступа к канцелярской работе и вокруг языковой политики. А в таких республиках, как Казахстан и Узбекистан, преобладали конфликты с применением силы, возникавшие в основном на почве доступа к сельхозугодьям и контроля над административной территорией. Однако, чтобы понять закономерность возникновения этнических конфликтов на советском Востоке, следует принять во внимание и другие факторы, помимо относительной бедности населения.

До сих пор в мою схему объяснения этнических конфликтов были включены три основных фактора. Во-первых, причиной усиления этнических конфликтов стало проведение десятков тысяч границ ради образования десятков тысяч крошечных национальных территорий, поскольку этнические группы (этничность которых получила теперь официальное признание и была определена на государственном уровне) включились в активные действия для того, чтобы не стать национальными меньшинствами на новообразованных национальных территориях. Советская политика политизировала этничность, увязав ее с контролем над административной территорией. Во-вторых, такого рода этническое соперничество еще больше усиливалось там, где эта связь между этничностью и административной территорией сочеталась еще и с контролем над сельхозугодьями и где этническое разделение совпадало с сословным делением, существовавшим ранее. Когда вызывающие неприязнь сословные категории (например, категории инородцев или крестьян) отождествлялись в том или ином регионе с какой-то одной-единственной этнической группой, то они начинали выполнять функцию того, что Горовиц называл «негативными стереотипами». Зачастую советская политика способствовала усилению этого второго фактора — в тех случаях, когда образование национальных советов она откровенно связывала с контролем над сельхозугодьями и сохраняла некоторые признаки сословных стереотипов, установив официальную категорию культурно отсталых национальностей. В-третьих, чаще всего этнические конфликты становились насильственными в беднейших районах. Ну и наконец, чтобы завершить мою схему, к ней необходимо добавить еще один, четвертый, важнейший фактор. Чаще всего этнические конфликты становились насильственными там, где в недалеком прошлом происходила ширококомасштабная сельскохозяйственная колонизация.

На основании этих четырех факторов мы можем разработать типологию этнических конфликтов на советском Востоке — типологию, представленную тремя вариантами. Каждый из этих вариантов я назову по имени той или иной национальности, которая в наибольшей степени представляла каждый тип: татарский вариант, казахский ва-

риант и узбекский вариант. Разумеется, это всего лишь «идеальные типы», и каждая национальная модель имеет свою собственную специфику. А некоторые регионы или не вполне соответствуют этой типологии, или представляют собой смешанные типы. Ниже основные черты трех вариантов я представляю в общем виде.

1. *Татарский вариант.* В данном случае наличествовало значительное и давнее русское колониальное присутствие. Регион был относительно хорошо развит и обладал по сравнению с другими советскими восточными регионами сложившейся национальной интеллигенцией. А поскольку население было представлено двумя нациями и абсолютный национальный контроль над республикой был невозможен, основные усилия национальной интеллигенции сосредоточились на осуществлении советской политики коренизации (индигенизации). В частности, особое внимание уделялось контролю над административными должностями и развитию национального языка. Национальная интеллигенция поддерживала образование национальных советов и деление республики на русские и национальные регионы для доминирования национального языка по крайней мере на внутриреспубликанском уровне. В этой ситуации возникло сильное соперничество этнических элит. Однако, учитывая почти полное отсутствие конфликтов из-за земли, а также исторически сложившегося сословного деления, стихийные этнические конфликты были слабыми, а этнические конфликты с применением насилия отсутствовали полностью. Примеры: Татарстан, Крым, Чувашия, Республика немцев Поволжья.

2. *Казахский вариант.* В данном случае имела место сравнительно недавняя и широкомасштабная сельскохозяйственная колонизация, которая была преимущественно славянской (и воспринималась местным населением как русская). Регион был беден, и национальное движение сравнительно слабо. Вопросы коренизации волновали национальные элиты гораздо меньше (хотя они поддерживали эту политику), чем деколонизация, то есть возвращение сельхозугодий местному населению и в идеале изгнание «русских» поселенцев. Эта программа получила большую поддержку среди населения, учитывая как бедность региона, так и наличие этнических конфликтов по поводу владения землей, а также вызывающего глубокую ненависть сословного деления. В этой ситуации стихийное этническое насилие было широко распространено. Примеры: Казахстан, Киргизия, Башкирия (восточные регионы), Бурят-Монголия, большинство горских районов Северного Кавказа.

3. *Узбекский вариант.* В данном случае наличествовал как низкий уровень колониального заселения, так и низкий уровень развития.

Национальные движения были относительно слабыми, и потому вопросы коренизации не имели большого значения. Однако имелись значительные группы национальных меньшинств и были широко распространены конфликты по поводу владения землей. А потому пограничное размежевание приводило, как правило, к стихийным этническим конфликтам, которые протекали более ожесточенно, чем в татарском варианте, хотя и значительно менее ожесточенно, чем в казахском. Этнические конфликты происходили между представителями коренных народов, а не между местными жителями и русскими. Примеры: Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизия (смешанные узбекско-киргизские регионы).

На конкретных примерах Татарстана, Казахстана и Средней Азии демонстрируются различные модели сельских этнических конфликтов на советском Востоке.

Татарский вариант

Татарское национальное движение было одним из самых сильных в Советском Союзе и уж наверняка самым сильным на советском Востоке. Татарская националистическая элита активно выступала в защиту советской политики коренизации и энергично ее поддерживала — поддерживала образование Татарской республики, выдвижение татар на руководящие должности, использование татарского языка в управлении и образовании и пропаганду татарской национальной культуры. Однако это движение встретило и сильнейшее сопротивление. В своей собственной республике татары составляли незначительное большинство (48,7 % татар и 43,1 % русских)¹¹⁴. Казань имела большое значение как столица региона, старинный университетский город и центр православной миссионерской деятельности, и потому местная русская бюрократия и интеллигенция занимали сильные позиции. Это приводило к постоянным политическим конфликтам на этнической почве. За первые пять лет существования Татарстана в нем сменилось шесть секретарей обкома. Татарстан стал известен в Москве своей непрестанной междоусобной политической борьбой. И в обстановке этого разобщения татарским национал-коммунистам было невозможно ни воспроизвести украинскую модель, ни выступить за татарскую культурную и языковую гегемонию в пределах всего Татарстана.

¹¹⁴ Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С. 45. (В это число входят и татары, и кряшены — крещеные татары, 3,82 % которых заявили, что кряшены — это их национальность.

Однако решение было найдено. Оно заключалось в том, чтобы определить место для татарской языковой гегемонии на региональном, внутриреспубликанском уровне. В отличие от казахских национал-коммунистов, решительных противников образования национальных советов, которые, как они опасались, могли бы узаконить нежелательное русское присутствие в их республиках, Татарстан приступил к национальному районированию еще в 1924 г. — сразу же после того, как первые усилия в этой сфере предприняла Украина¹¹⁵. Однако главной задачей было отнюдь не создание советов для национальных меньшинств, как на Украине, а административное размежевание двух преобладающих национальностей республики — русских и татар. Цель, которую этим преследовали, была совершенно очевидной: создать национально однородные татарские районы, языком управления в которых можно было бы сделать татарский: «Необходимо осуществить капитальную реорганизацию волостей Татарской республики по линии языка, для того чтобы создать одноязычные волости, в которых будет гораздо легче развивать татарский язык»¹¹⁶. Национальное районирование привело к заметному усилению этнической дивергенции — созданию 74 татарских и 52 русских районов, причем 45 % районов были почти полностью одноязычными (94 % или выше). Теперь в русских районах проживало лишь 8 % татарского сельского населения¹¹⁷. Татарскую модель взяли на вооружение и наиболее развитые автономные республики и области, такие как Крым, Чувашия и Республика немцев Поволжья, то есть те регионы, где имелось желание осуществлять решительную коренизацию языковой сферы, но при этом существовало многочисленное и политически влиятельное русское население¹¹⁸.

Как на Украине и в РСФСР, образование национальных советов в Татарстане тоже привело к мобилизации этнических групп, предпринимавших усилия для того, чтобы не оказаться на положении национальных меньшинств. Позже, в 1924 г., здесь в ответ на чувашскую агитацию были созданы два чувашских национальных района. И эти районы незамедлительно обратились с просьбой об отделении от Татарстана и присоединении к Самарской губернии «по причине плохого облуживания со стороны Татарской республики»¹¹⁹. Такой

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 443. Л. 26–35; Чанышев. Проект укрупнения волостей АТССР // Власть Советов. 1924. № 1. С. 141–145.

¹¹⁶ Чанышев. Проект укрупнения волостей АТССР. С. 141.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 443. Л. 27; Чанышев. Проект укрупнения волостей АТССР. С. 141.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 47. Л. 81–84, 102–103.

¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 60. Л. 26, 46.

была типичная стратегическая реакция на национальное районирование: натравить одного потенциального хозяина, представляющего национальное большинство (самарских русских), на другое уже существующее большинство (татар). А поскольку татарское руководство уже вело с русскими яростные сражения из-за коренизации, другого врага оно себе позволить не могло. В 1926 г., а потом еще и в 1930 г. оно приняло в высшей степени либеральные законы о национальных меньшинствах, явно рассчитанные на то, чтобы удовлетворить чувашей¹²⁰.

И отношения с русским крестьянством испортились сразу же после того, как татарские национал-коммунисты в качестве мягкой деколонизационной меры провели законодательство, предоставлявшее татарским крестьянам льготный доступ к вожделенным сельскохозяйственным угодьям вдоль железных дорог и в долинах рек. А еще местные татарские власти обложили русские деревни более высоким налогом — на чисто этнических основаниях¹²¹. Неудивительно, что реакция русских крестьян на такого рода меры оказалась враждебной. Предпринимавшиеся в 1923–1924 гг. попытки изгнать русских крестьян с плодородных земель вдоль рек и железных дорог «зашли так далеко, что едва не привели к мятежу». Летом 1925 г. «ходатайства об отделении от Татарской республики и в непограничных деревнях приобрели массовый характер». Зачастую составители этих жалоб ссылались на то, что они чувствуют себя людьми второго сорта: «Это не наша республика, это ваша республика»¹²². Перед лицом энергичных протестов и угроз татарское правительство отступило и отменило льготную политику, проводившуюся в интересах татарских крестьян. И отнюдь не случайно, что две республики, в которых шли самые яростные войны из-за коренизации, то есть Татарстан и Украина, приняли два самых систематизированных законодательства о национальных меньшинствах.

Казахский вариант

Поскольку деколонизационные меры в Татарстане оказались половинчатыми и кратковременными, этническое соперничество в основном ограничивалось той сферой, где действовала политическая

¹²⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Татарской республики. 1926. Т. 15. Ст. 101; 1926. Т. 21. Ст. 121; 1930. Т. 26. Ст. 249; 1930. Т. 26. Ст. 250.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 210; Оп. 87. Д. 196. Л. 236–248; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 397а (1927). Л. 13–15; Стенографический отчет заседания XIII областной партийной конференции. 23–29 ноября 1927 г. Казань, 1927. С. 215, 229.

¹²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58 (1926). Л. 210; Д. 60 (1926). Л. 29об; Оп. 113. Д. 305 (27.06.27). Л. 54.

элита. А в Казахстане и Киргизии все произошло наоборот. В этих регионах русские колонисты начали селиться недавно, и их расселение приняло массовый характер¹²³. Противостояние, с одной стороны, русских казаков и славянских крестьян-поселенцев и, с другой стороны, местного казахского и киргизского населения усилилось в результате казахского восстания 1916 г. и Гражданской войны¹²⁴. Решительнее всего в Советском Союзе (за исключением, возможно, только Северного Кавказа) требовали принять радикальные деколонизационные меры именно в Казахстане и Киргизии. Главный конфликт в этих республиках разгорался не вокруг прав русских поселенцев, но вокруг самого их присутствия.

В сентябре 1920 г. IX Всетуркестанский съезд Советов при поддержке центральных властей из Москвы принял постановление, предписывавшее выселение нелегальных колонистов, выравнивание размеров земельных участков коренных жителей и «европейцев» и запрет на миграцию в Туркестан¹²⁵. Этим постановлением упразднялась установившаяся во время Гражданской войны солидарность правительства Туркестана с местным русским населением. Теперь оно стало добиваться поддержки коренных жителей, пообещав отнять у русских землю, в немалых количествах захваченную ими в 1916–1920 гг. преимущественно в тех местах, которые после 1924 г. стали территорией юго-восточного Казахстана и Киргизии¹²⁶.

Фактически земельная реформа происходила с января 1921 по декабрь 1922 г. и имела своим результатом массовое изгнание славянских поселенцев и казаков¹²⁷. С 1920 по 1922 г. русское население Казахстана сократилось с 2,7 до 2,2 млн человек (приблизительно на 20 %), а его посевные площади — с 3,3 до 1,6 млн десятин. ОГПУ сообщало, что «эти действия производились особыми карательными экспедиционными отрядами». Согласно одному из отчетов, за один только день «на мороз было выброшено целое поселение [Юрьев], насчитывавшее от 500 до 600 дворов». В центре быстро сообразили, что этот процесс «проходил с чрезмерной жесткостью и принял характер мести». Однако казахские власти даже и в 1927 г. называли его «ма-

¹²³ Demko G. *The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896–1916*. Bloomington, Ind., 1969.

¹²⁴ Pipes R. *The Formation of the Soviet Union*. Cambridge, Mass., 1964. P. 172–184.

¹²⁵ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. 1917–1936 гг. Сб. документов: в 3 т. Т. I. М., 1959. С. 434–436.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 220 (1926). Л. 11–14об.

¹²⁷ Там же. Л. 11об.; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 29 (28.06.22). Л. 121; Д. 30 (17.07.22). Л. 28. См. также: Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году (“Дело Сафарова”) // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 44–58.

лым Октябрем в Казахстане» и считали основой казахской автономии: «Казахский народ понимает автономию прежде всего как право независимо решать земельные вопросы»¹²⁸.

Аналогичные процессы происходили и на Северном Кавказе. Во времена царской власти коренных жителей гор (горцев) мало-помалу изгоняли из более плодородных кавказских предгорий, отесняя их все выше и выше в горы. Их земли были пожалованы сначала казакам, а потом и славянским поселенцам. Возникшая в результате, как и в Казахстане, напряженность привела во время Гражданской войны к ожесточенному национальному конфликту. Первый закон только что образованной в 1921 г. Горской АССР (и на сей раз получивший одобрение центра) имел своей целью исправить эту историческую несправедливость: «Для удовлетворения отчаянных нужд безземельных горцев незамедлительно начать планомерное удаление казахских поселений за границы Горской АССР»¹²⁹. А фактически, согласно полученным из центра приказам, ликвидация девяти поселений терских казаков и депортация примерно 15 тыс. казаков начались в 1920 и завершились в 1921 г.¹³⁰ Казачьи земли были отданы безземельным горцам. Этими депортациями казаков наказывали за их участие в антибольшевистском Белом движении¹³¹. Но, кроме того, депортации были разновидностью антиколониальных компенсаций, непосредственно связанных с образованием новой горской национальной территории.

И хотя проходившие в Казахстане и на Северном Кавказе высылки были в обоих случаях юридически санкционированными акциями, центр считал их исключительными единовременными мерами и сурово осудил те карательные методы, которыми осуществлялись изгнания из Казахстана. Тем не менее казахские власти упорно пытались сохранить в силе два фундаментальных принципа земельной реформы 1921–1922 гг.: во-первых, свое право по-прежнему изгонять тех поселенцев, которые прибыли сюда без законного разрешения после неудачного восстания 1916 г.; и, во-вторых, принцип «очеред-

¹²⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 177 (1924). Л. 28–31; Ф. 1235. Оп. 140. Д. 127 (1926–1928). Л. 39; Ф. 3316. Оп. 64. Д. 220 (1926). Л. 13; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 338 (31.10.27). Л. 105.

¹²⁹ Съезды Советов Союза ССР. Т. 1. М., 1959. С. 718.

¹³⁰ Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е гг.). М., 1998. С. 83–87; Бугай Н. Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–40. Документы см. в кн.: Бугай Н. Ф. Казаки // Шпион. 1993. № 1. С. 40–55.

¹³¹ Holquist P. «Conduct Merciless Mass Terror». Decossackization on the Don, 1919 // Cahiers du monde russe. 1997. № 38. С. 127–162.

ности», означавший, что казахи имеют безусловно первоочередное право приобретать все свободные земли сельскохозяйственного назначения. Джандосов, нарком земледелия Казахской ССР, хорошо обобщил эту позицию: «Наша теперешняя сельскохозяйственная политика основана на том принципе, что прежде всего должны быть удовлетворены интересы казахского населения и что они должны получить землю в первую очередь»¹³². И хотя советская национальная политика предусматривала ряд привилегий для титульных национальностей, такая безусловная первоочередность в хозяйственных делах признания не получила. Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев сформулировал это так: «Как только вы начинаете говорить об очередности, о привилегиях для казахского населения, вы неизбежно отходите от классовой позиции»¹³³. Именно поэтому в августе 1922 г. Москва покончила со всеми высылками и настояла на равных правах для всех оставшихся славянских поселенцев¹³⁴. А казахское правительство, со своей стороны, продолжало настаивать на политике деколонизации¹³⁵.

Позиция казахского правительства привела к созданию обстановки, способствовавшей осуществлению ряда незаконных мер против русских поселенцев. В 1924–1927 гг. в отчетах центрального ОГПУ регулярно упоминалось о следующих действиях против русских в Казахстане и Киргизии: штрафном налогообложении, несправедливых арестах, кражах скота, вооруженных захватах земли, вытаптывании посевов и вооруженных нападениях с целью изгнания из своих домов¹³⁶. Казахи и киргизы, которых назначали на административные должности в русские регионы, систематически отказывались наказывать правонарушителей из числа коренного населения. В августе 1925 г. вооруженные казахи захватили пастбище, принадлежавшее русским. Когда русские пригрозили тем, что потребуют выплатить

¹³² 5-я Всеказачья конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет и резолюции. 1–7 декабря 1925 г. Кзыл-Орда, 1925. С. 3.

¹³³ 6-я Всеказачья конференция РКП(б). Стенографический отчет. Кзыл-Орда, 1927. С. 235.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 220 (1926). Л. 14об.

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 105 (1926–1927). Л. 75об.

¹³⁶ В национальных отчетах ОГПУ за 1924–1927 гг. зафиксированы буквально сотни таких случаев. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181–183, 196–198, 200, 200а, 201. Сведения по Киргизии за 1927 и 1928 гг. и прочие многочисленные отчеты можно найти в ежемесячных сводках Среднеазиатского ОГПУ, см.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 881–882, 1349–1352. Казахстан и Киргизия являются, безусловно, наиболее часто упоминаемыми местами этнических конфликтов с применением насилия, происходивших в 20-е гг.

компенсацию, казахи закричали: «Мы тут никого не боимся, а местных властей — меньше всех»¹³⁷. В своей петиции русские сетовали: «Тут у нас некуда пойти с жалобой: придешь в милицию — там киргиз, придешь в ГПУ — опять киргиз, придешь в местный совет — снова киргиз»¹³⁸. В 1926 г. Яков Петерс, бывший начальник Восточного отдела ОГПУ, назвал русских в Казахстане «вечно преследуемыми»¹³⁹.

ОГПУ внимательно следило за настроениями русских в Казахстане. Одним из ответов русских на сложившуюся ситуацию были просьбы выделить им землю где-нибудь в России. В 1923 г. русские поселенцы даже обратились к Туркестанскому ЦИК с коллективной петицией разрешить им переехать в Западный Китай¹⁴⁰. Русские почти повсеместно требовали, чтобы им разрешили создавать русские национальные советы — и желательно подчиняющиеся РСФСР, а не Казахстану¹⁴¹. И этот внутренний сепаратизм был сопряжен с сепаратизмом внешним — сепаратизмом среди русских Северного Казахстана, просивших передать их территории в состав РСФСР¹⁴². В целом русские остро ощущали утрату своего статуса — утрату, которая представлялась им особенно несправедливой, учитывая их участие в Гражданской войне. Сообщалось, что один коммунист говорил: «Как же это так: мы сражались и сражались, но получили только то, что при советской власти мы не имеем права наломать бока какому-нибудь киргизу». Учитывая эти настроения, многие предсказывали, что русские еще отыграются. В отчетах ОГПУ сообщалось, что русские «грозили перерезать глотки всем киргизам “когда настанут лучшие времена”», или угрожали им: «Только подождите; вот придет время, и для вас, киргизов, все кончится». Подобные настроения заставили руководителя ОГПУ в Средней Азии вполне серьезно говорить о возможности русского восстания в Казахстане¹⁴³.

Столкнувшись с этой потенциальной угрозой, центральные власти с конца 1924 г. несколько раз вмешивались в местные дела. В ноябре 1924 г. Президиум ВЦИК создал Комиссию по вопросу о регули-

¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 196 (1925). Л. 146.

¹³⁸ Там же. Оп. 33. Д. 418 (1927). Л. 50. В этих и других местах под казахами зачастую имеют в виду киргизов, поскольку это слово было общеупотребительным среди русских в царский период. А киргизов называли каракиргизами.

¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 196 (1925). Л. 146; Оп. 33. Д. 418 (1927). Л. 50; Оп. 113. Д. 229 (22.09.26). Л. 38.

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 176 (1926). Л. 13.

¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 61 (1926). Л. 40–41; Оп. 87. Д. 201 (1927). Л. 52об; Д. 200а (1926). Л. 35.

¹⁴² Там же. Д. 200 (1926). Л. 147.

¹⁴³ Там же. Оп. 112. Д. 686 (10.08.25). Л. 29; Оп. 87. Д. 201 (1927). Л. 38об; Д. 196 (1925). Л. 373; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 127 (1927). Л. 200–201.

ровании положения русских в автономных республиках и областях, которую возглавил Енукидзе¹⁴⁴. В апреле 1925 г. пленум ЦК обсудил вопрос о положении казаков и принял резолюцию, направленную на его улучшение¹⁴⁵. А в октябре 1924 г. ВЦИК также создал специальную комиссию под председательством Серафимова, ее исключительной задачей было урегулирование вопросов земельной реформы в Южном Казахстане и Киргизии¹⁴⁶. И наконец, в 1925 г. ЦК направил в Казахстан нового первого секретаря Казахского крайкома — Ф. И. Голощекина. Прежний секретарь крайкома, Ходжанов, безоговорочно поддерживал казахскую националистическую позицию. Голощекин исполнял роль посредника: лавируя между требованиями центра и целями казахов, он таким образом старался ослабить существовавшую прежде казахскую солидарность.

Образование комиссии во главе с Енукидзе свидетельствовало о том, что вопрос о положении русского национального меньшинства впервые получил признание на официальном уровне. Удивительно, но русский вопрос был поднят в РСФСР за два года до подстрекательской речи Ларина на сессии ЦИК в апреле 1926 г. Комиссия Енукидзе изучила русский вопрос в тех регионах, где отношения между русскими и коренным населением были признаны наихудшими: в Казахстане и Киргизии; Восточной Башкирии и Бурят-Монголии. В каждом из этих случаев существовал конфликт между русскими поселенцами и коренными кочевниками (или бывшими кочевниками, недавно перешедшими к оседлому образу жизни). Комиссариат земледелия решительно выступил за то, чтобы защитить культурное русское земледелие от «отсталых» обычаев кочевников. Сотрудники комиссариата отмечали, что в плодородной Жетысуской области Казахстана посевные площади зерновых сократились с 740 тыс. десятин в 1913 г. до 284 тыс. десятин в 1924-м¹⁴⁷. Предложение, с которым выступил Комиссариат земледелия, сводилось к проведению уже известной этнической сегрегации, созданию обособленных национальных советов. И комиссия Енукидзе одобрила эту рекомендацию в своей окончательной резолюции, принятой в феврале 1926 г.¹⁴⁸

Впервые казачий вопрос был поднят в ЦК на заседании Политбюро в октябре 1924 г. — как раз тогда, когда ВЦИК приступил к рас-

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 127 (1924). Л. 1.

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 172 (1925). Л. 386–415; Резолюция Пленума ЦК «по вопросу о казачестве» // Известия ЦК РКП(б). 1925. № 17–18. С. 5.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 220 (1926). Л. 58.

¹⁴⁷ Там же. Оп. 16а. Д. 177 (1924). Л. 31.

¹⁴⁸ Там же. Л. 1–7.

смотрению русского вопроса¹⁴⁹. Причины в обоих случаях были аналогичными. В информационном сообщении ЦК о настроениях среди казачества говорилось: «Не исключена опасность того, что казачьи гнезда могут превратиться в русскую “Вандею”»¹⁵⁰. А двумя казачьими регионами, вызывавшими у Центрального комитета наибольшее беспокойство, были именно те, где казачий вопрос сочетался с русским, то есть Северный Кавказ и Казахстан/Киргизия. В докладе по казачьему вопросу, с которым в апреле 1925 г. на пленуме ЦК выступил Сырцов, на это сочетание было обращено особое внимание. Напомнив, что не стоит питать иллюзий насчет казачьей автономии, Сырцов предположил, что образование отдельных казачьих районов могло бы «смягчить» недовольство казаков советской национальной политикой¹⁵¹. А через год русские национальные советы и впрямь были созданы из казачьих общин Северной Осетии и Чечни¹⁵². Образование казачьих советов (даже если они и назывались «русскими») на Северном Кавказе привело к усилению и без того сильного движения за казачью автономию в Казахстане и Киргизии. У этого движения уже имелись и свои видные лидеры, которых называли автономистами и которые, согласно отчетам ОГПУ, даже установили контакты с Северным Кавказом¹⁵³. И тогда две комиссии, работавшие над казачьим и русским вопросами, пришли к одному и тому же решению — решению создать национальные советы.

Контроль над созданием национальных советов для русских и казаков в Казахстане был поручен комиссии ВЦИК под председательством Серафимова¹⁵⁴. В этом регионе Серафимов предложил создать четыре русских округа, включающих в себя 289 тыс. русских и украинцев. Эти четыре округа, которые между собой даже и не граничили, предполагалось объединить в одно целое, образовав из них Калининскую автономную область, непосредственно подчиняющуюся ВЦИК по политическим вопросам и Комиссариату земледелия РСФСР — по сельскохозяйственным вопросам. Кроме того, им предстояло стать основой будущих земледельческих поселений русских¹⁵⁵. Этот план так и не был осуществлен, так как в нем воплотились взгляды, кото-

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 470 (23.10.24). Л. 30/9; Д. 472 (20.10.24). Л. 32/24.

¹⁵⁰ Там же. Оп. 84. Д. 904 (1925). Л. 82.

¹⁵¹ Там же. Оп. 2. Д. 172 (1925). Л. 407–409.

¹⁵² Советская политика по национальному вопросу... С. 160; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 47 (1928). Л. 46.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 127 (1927). Л. 2–5, 200; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 201 (1927). Л. 76.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 376 (1926). Л. 3; Ф. 3316. Оп. 64. Д. 220 (1926). Л. 98.

¹⁵⁵ Там же. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 220 (1926). Л. 61–80.

рые могли усилить противодействие со стороны казахского руководства. План Серафимова, в котором были связаны воедино и русская национальность, и владение землей, и регулирование иммиграции, и политический контроль над территорией, естественным образом представлял собой угрозу принципам казахского руководства, связывавшего образование Казахской республики с контролем над землей («очередностью») и контролем над иммиграцией. Предложение Серафимова было равнозначно праву на отделение даже и для территориально рассеянных русских. Казахские руководители считали, что такого рода сепаратизм угрожает самому существованию их республики. И это опасение на проходившем в 1925 г. съезде Коммунистической партии Казахстана выразил председатель Совнаркома Казахской АССР Н. Н. Нурмаков¹⁵⁶:

«Мы не можем допускать отделения регионов Казахской республики; этого делать нельзя, потому что это означало бы размежевание Казахской республики... Это будет равнозначно распаду Казахской республики... По этому вопросу съезд должен твердо заявить о своей позиции тем товарищам, которые хотят от нас отделиться, — *равно как и тем товарищам из центра, которые, вообразив, будто казахское население якобы угнетает национальные меньшинства, хотят отделить наши пограничные районы от Казахской республики* (курсив мой — Т. М.). Мы не должны этого допустить ни при каких условиях, потому что, повторю, попустительство дальнейшему отделению может стать причиной распада, ликвидации Казахской республики и всех наших достижений».

Именно поэтому казахское руководство отказалось сотрудничать с комиссией ВЦИК даже и после особого вмешательства Калинина¹⁵⁷.

Тупиковость сложившейся ситуации создала атмосферу неопределенности, способствовавшую усилению этнической мобилизации и этнических конфликтов. А когда в 1925 г. в Казахстане появилась комиссия Серафимова, для местного русского населения это стало сигналом слабости казахских властей, что содействовало усилению сепаратистской агитации. Серафимов заявил, что он получил от местных русских полторы тысячи индивидуальных жалоб¹⁵⁸. А вот местные казахские и киргизские руководители утверждали, что подстрекал к подаче этих жалоб сам Серафимов. Секретарь киргизского обкома написал Сталину, что Серафимов занимался «умышленным

¹⁵⁶ 5-я Всеказахья конференция... С. 15.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 376 (1926). Л. 101–101об.

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 105 (1926). Л. 23.

собираанием жалоб и подстрекал местные советские органы и местное население писать жалобы»¹⁵⁹. Зеленский, руководитель Среднеазиатского республиканского бюро (Средазбюро), с этим согласился¹⁶⁰. Асфендиаров, единственный союзник казахов во ВЦИК, передал секретарю ВЦИК Киселёву специальную подборку материалов ОГПУ, доказывающих сфабрикованность «жалоб, буквально наводнивших приемную Калинина»¹⁶¹. В конечном счете эти обвинения привели к тому, что в апреле 1926 г. комиссия Серафимова была ликвидирована. Однако весь год обе стороны пытались заручиться этнической поддержкой, что, по словам Зеленского, привело к возникновению «сильнейшего националистического взрыва»¹⁶².

И тем не менее было бы неправильно утверждать, что этнические конфликты были всего лишь результатом манипуляций, к которым прибегали элиты. Наоборот, народные представления об исключительном праве владеть территорией были по крайней мере такими же сильными, как и представления элит. Например, во время насильственного захвата земли у местных русских казахи заявили: «Приезжие из России были нашими гостями тридцать пять лет, но вот теперь пусть они убираются отсюда в Россию и покинут наши земли и пастбища»¹⁶³. Эти представления можно было выразить и еще определеннее: «Теперь власть наша, киргизская, а потому мы и делаем, что хотим»¹⁶⁴. Следовательно, в народе существовало представление, будто выделить территорию той или иной национальности означало предоставить этой национальности полный контроль над ней.

С этим мнением было связано и представление о том, что некоренные жители — это гости и что их можно попросить или заставить уехать. В отчетах ОГПУ, составленных в разгар конфликтов, зачастую упоминалось о таких, например, язвительных замечаниях: «Пора уже всем вам, русским, убираться из Киргизской республики». Да и самим русским поселенцам такие представления были отнюдь не чужды. Один русский мельник говорил, что «в Киргизской республике нам житья не будет и было бы лучше, если бы правительство переселило нас в свою республику». Русские были крайне возмущены тем, что теперь они поменялись ролями с аборигенами: «Теперь тут господа — киргизы; они только и знают, что валяются, пьют кумыс,

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 105 (1926). Л. 14.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 127 (1927). Л. 206–209.

¹⁶¹ Там же. Л. 5.

¹⁶² Там же. Л. 207.

¹⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 196 (1925). Л. 6.

¹⁶⁴ Там же. Л. 199.

а русские делают за них половину их работы в поле»¹⁶⁵. На примере этих реплик становится понятно, почему вокруг образования национальных советов возникало так много конфликтов. Каждая группа стремилась утвердить свой статус национального большинства и таким образом не стать национальным меньшинством.

Противодействие, которое население и элита оказали образованию русских национальных советов, помешало тому, чтобы в 1926 г. они возникли во всех тех регионах, где преобладал казахский вариант этнического конфликта. И лишь к концу 1926 г. благодаря достаточно сильному давлению центра в автономных областях Киргизии, Башкирии и Северного Кавказа наконец-то согласились создать русские советы и, следовательно, признать неизменность русского присутствия¹⁶⁶.

А Казахстан по-прежнему не уступал из опасения, что если уже существующее русское колониальное присутствие будет узаконено, то это сделает его беззащитным перед массовым наплывом поселенцев и нарушит этническое равновесие в ущерб казахам. Главным в Казахстане оставался вопрос о том, позволит ли советская национальная политика местной республике контролировать внутреннюю миграцию и, следовательно, этническую демографию собственной республики.

В Татарстане же давление со стороны местных русских и недовольство центра привели к тому, что от проводимой там политики деколонизации пришлось довольно быстро отказаться. А в Казахстане требовался гораздо более сильный нажим центра. В 1927 г. ВЦИК создал еще одну комиссию (уже четвертую комиссию за три года), которую на сей раз возглавлял секретарь ВЦИК Киселёв и которая пользовалась безусловной поддержкой ЦК¹⁶⁷. Ее цель состояла в том, чтобы заставить казахские власти отказаться как от принципа очередности (то есть права казахов получать землю в первую очередь), так и от контроля за иммиграцией. На сей раз русские национальные советы были уже второстепенной целью. В конечном счете это давление со стороны центра привело к тому, что в 1927 г. среди местного казахского руководства произошел раскол, и это позволило Голощекину образовать шаткое большинство, согласное на уступки. И в конце 1927 г. в Казахстане начали создаваться русские национальные

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 196 (1925). Л. 97, 214, 267.

¹⁶⁶ *Фатьянов И. А.* Итоги районирования Киргизии // Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 247–254. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 111 (1927). Л. 23. В Киргизии было создано 29 киргизских, 11 русских, один узбекский и 11 смешанных районов.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 338 (31.10.27). Л. 151/4.

советы¹⁶⁸. В апреле 1928 г. Казахстан согласился отменить принцип «очередности» и открыть свою территорию для иммиграции¹⁶⁹. Это стало важным моментом в истории советской национальной политики, поскольку тем самым устанавливалось, что политика коренизации не означала, что национальному большинству предоставлено право сохранять свой статус демографического большинства.

Однако это коренное изменение политики, имевшее место в 1927–1928 гг., отнюдь не привело к прекращению этнических конфликтов. И все-таки оно изменило баланс сил. В отчетах ОГПУ еще долго сообщалось об угрозах русских отомстить казахам, когда для этого настанет подходящее время: «Я только жду того времени, когда мы наконец отлупим казахов»¹⁷⁰. И весной 1928 г. русские из Семипалатинска явно почувствовали, что их время уже пришло. Исполнение декрета о захвате имущества нескольких сот богатых байских семей вылилось в массовое избиение казахов. Политбюро постановило сместить со своей должности ответственного секретаря Семипалатинского губкома Беккера и для проведения расследования снова направило в Казахстан комиссию под председательством Киселёва (пятую за четыре года). Киселёв доложил, что от беспорядков пострадало более 17 тыс. казахских семей и что произошло «массовое бегство в Китай»¹⁷¹. Аналогичный случай в мае 1928 г. произошел и в самом Семипалатинске. Там подняли бунт безработные, которые прибыли в Семипалатинск в надежде найти работу на строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиба). Среди тех, против кого они взбунтовались, было и малочисленное казахское население города. Более масштабный погром произошел позже, в 1928 г., в казачьей станице Сергиополе. Еще в июле 1926 г. ОГПУ сообщало, что среди

¹⁶⁸ Там же. Оп. 62. Д. 2. Л. 972 (1927). К несчастью для Центра — см. комментарии Киселёва: Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств... С. 125.

¹⁶⁹ Подробности этой битвы можно найти в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 679 (29.03.28). Л. 17/12; Оп. 113. Д. 229 (22.09.26). Л. 58/1; Д. 299 (06.06.27). Л. 119/4; Д. 338 (31.10.27). Л. 151/4; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 283 (1927); Оп. 140. Д. 127 (1926–1928); Д. 376 (1925–1927); Ф. 3316. Оп. 65. Д. 22 (1927). Л. 11–26; 6-я Всеказахья конференция...

Чтобы проинформировать об опасности, возникшей в конце 1927 г., Всесоюзный переселенческий комитет направил в комиссию Андреева (т. е. комиссию ЦК, созданную для разрешения проблем земельной политики в Казахстане) письмо, в котором говорилось, что десятилетний план выселения из Казахстана 5200 тыс. человек выполнить невозможно. Переселенческий комитет предложил определить судьбу 3,6 млн сельскохозяйственных поселенцев. Но в итоге Казахстан стал для раскулаченных крестьян, а потом и для депортированных национальностей одной из самых больших резерваций.

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200а (1926). Л. 73об.

¹⁷¹ Там же. Оп. 3. Д. 697 (26.07.28). Л. 35/22; Ф. 94. Оп. 1. Д. 1 (1928). Л. 625–685.

казаков Северного Казахстана раздавались «заявления о необходимости учинить киргизский погром»¹⁷². В Сергиополе это враждебное отношение казаков к казахам сочеталось с враждебным отношением к ним со стороны рабочих. В отчетах ОГПУ сообщалось о случае этой неприязни, которую русский служащий выразил в Семипалатинске после официальной встречи с местными казахами:

«Что за привычка устраивать такие встречи с киргизами! Будь моя воля, я бы лучше встретился с ними совсем не так; я бы поднял револьвер и встретил их так, чтобы потом их отнесли в братскую могилу, а там я бы поставил памятник с надписью: “На память от заводов Риддера”».

31 декабря 1928 г. эта вражда вылилась в погром, во время которого в массовом избиении казахов приняли участие более четырехсот русских¹⁷³.

Узбекский вариант

В завершение я рассмотрю узбекский вариант этнического конфликта, преобладавший на территории всей остальной Средней Азии. Там русское население и русский колониализм не имели существенного значения в сельской жизни, а наличие многочисленных национальных меньшинств приводило к этническим конфликтам по поводу территориальных границ — и между республиками, и внутри республик между национальными советами. Среднеазиатские границы республиканского уровня были определены лишь в 1924 г. в процессе «национального размежевания», разделившего Туркестанскую АССР на Узбекскую ССР, Туркменскую ССР, Киргизскую АО (в составе РСФСР) и Таджикскую АССР (в составе Узбекской ССР)¹⁷⁴. Предложенное обоснование было обычным, и его официально выразил председатель Средазбюро Ян Рудзутак: «Необходимо ликвидировать момент национальной вражды между разными народами и тем самым создать возможность для выявления классовых проти-

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200а (1926). Л. 11.

¹⁷³ *Payne*. «Turksib»: The Building of the Turkestan-Siberian Railroad and the Politics of Production during the Cultural Revolution, 1926–1931. Ph. D. diss. University of Chicago, 1995. P. 251–259.

¹⁷⁴ Блистательный анализ политики национального размежевания в СССР см. в кн.: *Edgar A.* The Creation of Soviet Turkmenistan, 1924–1938. Ph. D. diss. University of California–Berkeley, 1999. P. 42–84. *Sabol S.* The Creation of Soviet Central Asia: The 1924 National Delimitation // *Central Asian Survey*. 1995. № 14. P. 225–241. Киргизия стала АССР в 1926 г., а союзной республикой — в 1936 г. Таджикистан стал союзной республикой в 1929 г.

воречий внутри каждой национальности»¹⁷⁵. Однако и на сей раз все произошло наоборот.

Почти во всех внутренних отчетах отмечалось неслыханное усиление этнических конфликтов¹⁷⁶. В частности, ОГПУ сообщало о непрекращающихся пограничных спорах, в которых одна национальность агитировала «за присоединение своего района, население которого почти всегда было смешанным, к той или иной из соседних республик»¹⁷⁷. Образование национальных республик не только привело к усилению этнических конфликтов, но еще и превратило местные распри, зачастую имевшие клановый или региональный характер, в национальные раздоры: «Характерно, что группы, конфликтовавшие с данной национальностью до национального размежевания, теперь объединены на почве общих национальных интересов»¹⁷⁸. И это был чрезвычайно важный процесс, поскольку он означал, что любой этнический конфликт незамедлительно привлекал внимание и вызывал интерес у «коренной» республики этой этнической группы. Кроме того, в результате национального размежевания некоторые этнические группы оказались обособленными посреди другой республики. И еще в процессе размежевания из-за этого возникали требования создавать казахские и узбекские национальные советы¹⁷⁹.

Из-за того, что у большинства среднеазиатских национальных меньшинств имелись свои «коренные» республики, становилось трудным отличить пограничные споры от требований о создании национальных советов. Зачастую пограничный район требовал или присоединить его к соседней республике, или создать для него национальный совет¹⁸⁰. Однако пограничные споры лучше всего показывают, какую роль в усилении этнических конфликтов играли административные деятели местного, республиканского и общесоюзного уровней. Все были согласны с тем, что местные ответственные работники манипулировали этническими конфликтами в стратегических целях. В отчете Средазбюро утверждалось: «Местные партийные и советские работники не только не хотят разрешать тот или иной национальный вопрос объективно, с точки зрения общих административных интересов, но обычно и сами принимают активное участие

¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 153 (25–27.10.24). Л. 125, 128.

¹⁷⁶ Там же. Оп. 69. Д. 59 (1926). Л. 23; Ф. 62. Оп. 2. Д. 535 (1926). Л. 58; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 46 (1925). Л. 41–47.

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2245 (1925). Л. 41.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 46 (1925). Л. 42–43.

¹⁷⁹ Там же. Л. 12–15.

¹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 201 (1927). Л. 75; Ф. 62. Оп. 2. Д. 536 (1926). Л. 13.

в разжигании национального антагонизма, а зачастую даже и играют в этом ведущую роль»¹⁸¹. Некоторые работники требовали от противоборствующих сторон привилегий, другие преследовали свои собственные экономические интересы. Но чаще всего к этнической агитации прибегали в битвах за то, чтобы захватить или удержать власть в местных советах¹⁸². А однажды она привела к тому, что конкурирующие этнические элиты даже попытались арестовать одна другую¹⁸³.

Такого рода стратегическое использование этнических конфликтов местными работниками было распространено повсеместно, хотя, судя по всему, наиболее широкое распространение оно получило в Средней Азии. Только для Средней Азии была характерна та масштабность, с которой руководство республиканского уровня использовало этнические конфликты. Затем в эти конфликты втягивались и руководители общесоюзного уровня, которых привлекали в качестве третейских судий. Таким образом, в 20-е гг. ЦИК пришлось создать несколько комиссий для урегулирования пограничных споров в Средней Азии. Проницательный Мурза-Галиев, председатель одной из таких комиссий, пришел к выводу, что «в большинстве случаев зачинателями пограничных конфликтов становились соответствующие правительства, которые иногда действовали через своих доверенных лиц на местном уровне, а иногда — через соответствующие хозяйственные или административные органы». Он отметил, что обычно каждая из сторон предъявляет к другой стороне как можно больше претензий в надежде, что хоть какая-нибудь из них будет удовлетворена: «Однако об этих встречных претензиях незамедлительно узнавало местное население, которое, что естественно, начинало докучать республиканским властям новыми просьбами о присоединении к родственной им республике»¹⁸⁴. Таким образом, манипуляции на местном и республиканском уровнях взаимно друг друга усиливали.

Мурза-Галиев был достаточно наблюдателен и для того, чтобы отметить, что центр играл в таких спорах негативную роль¹⁸⁵:

«Принимая во внимание и то, откуда исходят эти заявления о желании того или иного района воссоединиться с данной национальной республикой; и то, что эти заявления чрезвычайно возбуждают местное население, приводя к усилению конфликта,

¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 945 (1926). Л. 22.

¹⁸² Там же. Ф. 17. Оп. 87. Д. 201 (1926). Л. 52; Ф. 62. Оп. 2. Д. 535 (1926). Л. 3.

¹⁸³ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 536 (1926). Л. 13; Д. 593 (1926). Л. 5.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 31 (1926). Л. 358, 361.

¹⁸⁵ Там же. Л. 362.

было бы лучше запретить [республиканским] органам власти (по крайней мере на три ближайших года) обращаться с ходатайствами в центр, а особенно в Президиум ЦИК и ВЦИК, по поводу споров о границах».

Однако, несмотря на эти разумные предложения, центральные власти так и не прекратили регулярно пересматривать жалобы на положение дел с границами, и это продолжалось примерно до 1929 г., когда Сталин самолично отверг предложение Украины присоединить сопредельные территории РСФСР, объяснив это так: «Слишком часто меняем границы... Внутри мы относимся осторожнее к этому вопросу [об изменении границ], потому что у некоторых русских это вызывает большой отпор»¹⁸⁶.

Поскольку эти споры о границах были повсеместными, то можно было бы ожидать, что в целях предотвращения сепаратистской агитации политика по отношению к национальным меньшинствам должна была быть примирительной. Мурза-Галиев отмечал, что каждая республика изо всех сил стремилась расширить свою территорию, и, «учитывая этот факт, просто удивительно, как мало интереса они проявляют к тем регионам с национальными меньшинствами, которые у них уже есть»¹⁸⁷. И тем не менее как давление со стороны центра, так и непрекращающаяся агитация национальных меньшинств, требовавших создавать национальные советы, вынудили руководство всех среднеазиатских республик провести в 1926–1928 гг. национальное районирование. Результаты представлены в таблице 5. Большинство наблюдателей отмечали, что статус этих национальных советов был ниже, чем у национальных советов в западных республиках¹⁸⁸.

На самом деле образование национальных советов в Средней Азии зачастую вызывало тревогу у самой национальности, для которой и создавался совет¹⁸⁹.

И эта, по видимости, странная реакция объяснялась тем яростным сопротивлением, которое оказывало образованию национальных советов национальное большинство. Как и в Казахстане, конфликты зачастую приводили к требованиям, чтобы меньшинства возвращались в свои «коренные» республики. В отчете ОГПУ сообщалось об узбеках, кричавших туркмену: «Убирайся из Узбекистана, иди в свой Туркменистан». Таджики, захватив киргизскую землю, обосновывали это тем, «что у киргизов есть своя собственная республика, куда

¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490 (1929). Л. 19–20.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 31 (1926). Л. 361.

¹⁸⁸ Там же. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1707 (1929). Л. 71.

¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 196 (1925). Л. 293.

бы им следовало отправляться за землей». И национальные меньшинства приняли эту логику. Киргизы в Узбекистане говорили, что «указы узбекских властей на нас не распространяются»¹⁹⁰. И такие настроения вынуждали национальные меньшинства под угрозой дискриминации, а зачастую и насилия бежать в свои «коренные» республики¹⁹¹. В 1927 г. ЦИК получил сообщение о том, что 200 узбекских семей собрались бежать из Киргизии, и за ними могли последовать еще 16 тыс. узбеков¹⁹².

Таблица 5. Национальные соаеты в Средней Азии, 1927–1928 годы

Национальность	УЗБЕКИСТАН		КИРГИЗИЯ		ТУРМЕНИСТАН
	Сель-советы	Районы	Сель-советы	Районы	Сельсоветы
Таджики	4	81	–	–	–
Казахи	4	68	–	–	3
Киргизы	1	25	–	–	–
Русские	1	20	11	91	10
Каракалпаки	–	17	–	–	–
Туркмены	1	11	–	–	–
Узбеки	–	–	1	19	32
Арабы	–	7	–	–	–
Уйгуры	–	6	–	–	1
Азербайджанцы	–	4	–	–	–
Персы	–	2	–	–	1
Курама	1	–	–	–	–
Дунганы	–	–	–	–	1
Татары	–	–	–	2	–
Бухарцы	–	–	–	–	1
Белуджи	–	–	–	–	1
Джемшиды	–	–	–	–	1
Всего	12	241	12	113	50

Источники: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 945. Л. 1–2; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1707. Л. 72.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 882 (1927). Л. 274; Д. 1808 (1929). Л. 134; Д. 1809 (1929). Л. 3.

¹⁹¹ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 535 (1926). Л. 58.

¹⁹² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 411 (1927). Л. 3.

Если одним из способов утвердить исключительные права большинства было изгнание, то другим была ассимиляция. И если одной из реакций национального меньшинства на преследование было бегство, то другой было сокрытие своей национальной принадлежности. К такому поведению подтолкнула перепись 1926 г. Курды в Туркменистане объявили себя туркменами из опасения, что они могут потерять свои земли. Так же поступали казахи и узбеки — из страха перед насилием. В Узбекистане таджики или сами скрывали свою национальность, или проводившие перепись счетчики объявляли их узбеками, и это приняло такие масштабы, что отчет Контрольной комиссии (Рабкрина) объявил результаты переписи лишенными смысла¹⁹³. В Самарканде городской статистикой было зарегистрировано 76 тыс. таджиков, тогда как по переписи 1926 г. их было всего 10 тыс.¹⁹⁴ И Узбекистан действительно активно принуждал таджиков к ассимиляции. В отчете Средазбюро за 1929 г. узбекская позиция описывалась так: «Таджики — это исчезающая нация, и нет ничего дурного в том, что таджики узбекизируются, потому что культура узбеков выше»¹⁹⁵. В докладе, представленном в Оргбюро в 1929 г., первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Икрамов признал, что такая политика имеет место: «Даже и состоявшие в партии [таджики] боялись, скрывали свое национальное происхождение и объявляли себя узбеками»¹⁹⁶. Центр, как обычно, этому воспротивился и стал поощрять этническое размежевание, для чего в 1929 г. была создана Таджикская союзная республика.

Таким образом, для узбекского варианта были характерны как невероятное усиление национального самосознания, так и высокий уровень этнической конфликтности. Основные национальности, провозглашенные во время национального размежевания Средней Азии в 1924 г., были признаны населением с удивительным энтузиазмом. И это ревностное отношение объяснялось не просто состоявшимся разделением на четыре союзные республики, но еще и непрекращающимися спорами о границах этих республик, а также об образовании в них советов для национальных меньшинств. Это вынуждало местных и республиканских руководителей искать поддержки у национальностей. А готовность центра возвращаться к пересмотру границ снова и снова придавала этим стараниям законную силу. И поскольку

¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 881 (1927). Л. 27; Д. 1279 (1928). Л. 39; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1707 (1929). Л. 64–65.

¹⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2003 (1929). Л. 1–2.

¹⁹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 725 (08.05.29). Л. 44.

национальные границы существовали везде, вплоть до уровня одной деревни, то естественное народное ощущение этнической исключительности, которое до тех пор зачастую выражалось в понятиях родства или принадлежности к клану, теперь выражалось уже в национальных понятиях. Теперь у чужаков уже имелись свои «коренные» республики, куда, как ожидалось, они могли бы и вернуться. Таким образом, национальное размежевание Средней Азии привело к тому, что его разработчики достигли одной из своих целей — усиления национального самосознания. А их надежды на укрепление межнациональной гармонии оказались тщетными.

Выводы

Дилемма советской национальной политики возникла потому, что она одновременно принимала как экстерриториальное личное определение национальности, так и территориальное. Власти не желали признавать экстерриториальных организаций, члены которых принадлежали исключительно к одной-единственной национальности, но в равной степени они не желали признавать и принцип ассимиляции, вытекавший из территориального определения национальности. Советы полагали, будто они разрешили эту дилемму, создав пирамиду национальных территориальных образований, которые начинались с ее вершины — Советского Союза — и распространялись все ниже и ниже, вплоть до все более и более мелких национальных территориальных единиц до тех пор, пока эти единицы плавно не сливались с каждым конкретным человеком. При таком устройстве на своей собственной национальной территории могло бы жить максимальное число отдельных граждан, что и позволило бы им сохранять свою национальность. Калинин назвал эту систему прообразом будущего всемирного коммунистического правительства.

Эта система была основана на предположении, что (если воспользоваться знаменитой формулировкой Сталина) национальные территориальные «формы» можно освободить от национального содержания, создание национальных территорий разрушит национальное единство и классовая дифференциация станет явной. Однако на практике это идеальное большевистское представление о национальных советах вошло в противоречие с повсеместным представлением о национальной независимости — о том, что национальный совет принадлежит национальности, является его собственным, «нашим». Проблема языка была второстепенной (а зачастую и вообще не была проблемой). Теории этнических конфликтов подчеркивают значи-

мость границ. Чем больше территория и чем более многонационален состав ее населения, тем менее остро всякая данная этническая группа будет воспринимать свой статус меньшинства. Но если размер территории невелик и численность проживающих на ней этнических групп сокращается всего лишь до двух, то группа, представляющая меньшинство, начинает остро ощущать свой статус меньшинства¹⁹⁷. Прочертить любую национальную границу значит создать этнический конфликт. А в Советском Союзе были прочерчены буквально десятки тысяч национальных границ. И в результате каждая деревня, а по сути и каждый человек, вынуждены были заявить о верности своему этносу и бороться за то, чтобы остаться национальным большинством и не стать меньшинством. Трудно себе представить любую другую меру, которая могла бы больше способствовать этнической мобилизации и этническим конфликтам.

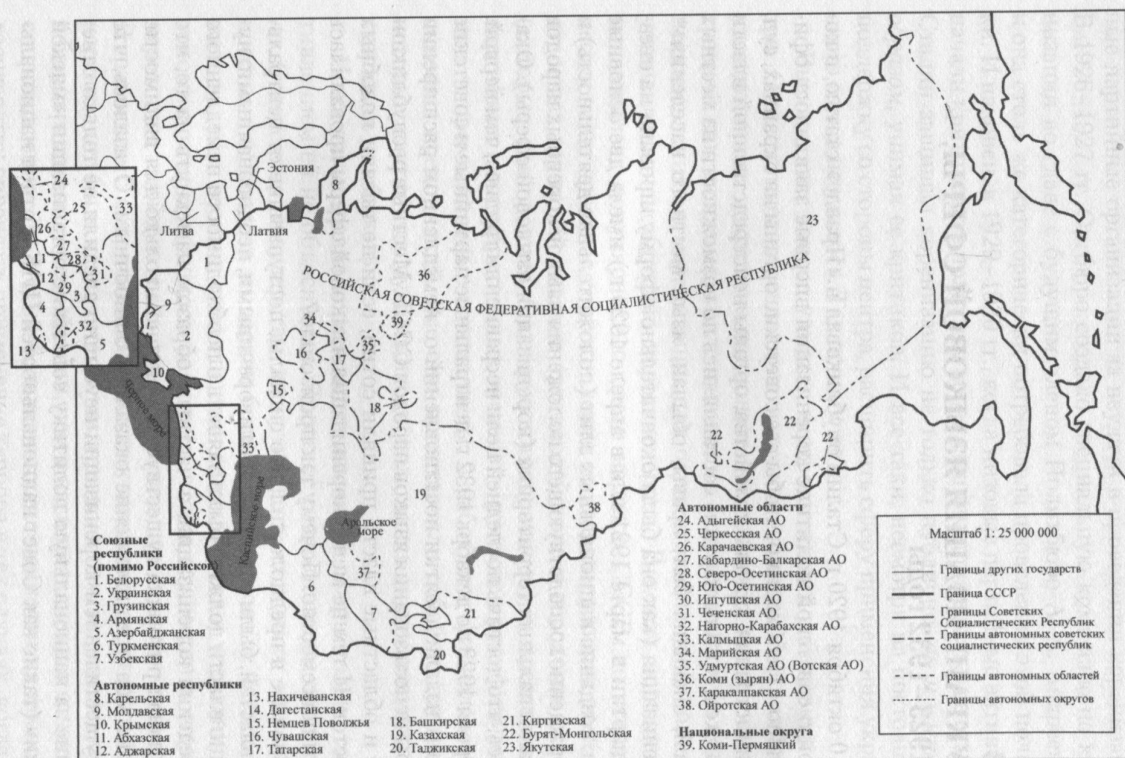
Более того, в таких регионах, как Средняя Азия, где этносы находились в «донациональном» состоянии, определение границ влекло за собой консолидацию разнородных местных этничностей в более крупную национальную идентичность. А это приводило к тому, что локальные межэтнические конфликты перерастали в межнациональные конфликты на местном уровне. Таким образом, советская система не только усилила местные этнические конфликты, но и привела к повышению их значимости. И в результате национальные республиканские власти начали манипулировать локальными конфликтами. Эта тенденция, с моей точки зрения, отмечалась в Средней Азии, и центральные власти РСФСР (а особенно ВЦИК) были обеспокоены судьбой русских, живущих на восточных национальных территориях. В главе 7 мы увидим, что украинское правительство также интересовалось судьбой украинцев, живущих вне территории Украины. Усилению этой тенденции способствовала готовность центральных властей постоянно пересматривать национальные границы на всех уровнях. Следовательно, тысячи национальных границ были не просто прочерчены один раз, но и постоянно пересматривались и перечерчивались.

Более того, сами центральные власти не соблюдали своих обязательств по отношению к бесчисленным национальным территориям. Образование национальных советов они зачастую увязывали с проблемой землепользования — единственным болезненным политическим вопросом 20-х гг. В начале 20-х гг. центральные власти разрешили выгнать русских из новообразованных национальных территорий

¹⁹⁷ *Horowitz D.* Op. cit. P. 66–73.

Северного Кавказа и Казахстана и освободить землю для коренных жителей. Земля в виде больших компактных территорий резервировалась также для еврейского населения, чтобы дать ему возможность создавать национальные советы. Немцам на Украине был предоставлен льготный доступ к свободной земле, которая находилась на территории их национальных советов. В Татарстане и Казахстане землю выделяли в первую очередь коренным жителям. И только позднее в Казахстане были созданы русские национальные советы, ставшие основой для сельскохозяйственного расселения русских. Таким образом, установилась тесная взаимосвязь между национальностью, землепользованием и политическим контролем над территорией.

Вся система была нацелена на усиление этнической сегрегации. А это укрепило существовавшее в народе представление о национальной территории как о своей собственной и привычку считать национальные меньшинства (особенно на местах) чужаками, а зачастую и незваными гостями. Это приводило к постоянным насмешкам и угрозам в адрес меньшинств, которым намекали, что они должны вернуться на «свои» национальные территории, а в сочетании с вопросами землепользования (хотя и не только тогда) проявлялось в виде стихийных этнических чисток. Наиболее впечатляющим примером этого были отношения между казаками и русскими. Подводя итог, можно сказать, что создание пирамиды национальных советов привело не к ослаблению межэтнических конфликтов, а, наоборот, к их существенному усилению.

Карта 2. Административно-территориальный состав СССР, 1926 год

3

УКРАИНИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ СФЕРЫ, 1923–1932 годы

10 октября 1920 г. Сталин опубликовал в «Правде» статью, в которой о советской политике коренизации впервые заявлялось официально: «Необходимо, чтобы все советские органы на окраинах, суд, администрация, органы хозяйства, органы непосредственной власти (а также и органы партии) составлялись по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения»¹. Коренизация (как она была окончательно сформулирована на съездах партии в марте 1921 г. и в апреле 1923 г.) имела две основные цели: создание национальных элит (положительная деятельность) и утверждение господствующего положения языков коренных народов на национальных территориях (коренизация языковой сферы). Оказалось, что достичь последней цели несравненно труднее, чем первой. С апреля 1923 по декабрь 1932 г. центральные партийные и советские органы издали десятки постановлений о немедленном расширении сферы использования языков народов СССР. Местные республиканские и областные власти приняли сотни, если не тысячи подобных декретов. И тем не менее коренизация языковой сферы провалилась почти повсеместно. Почему так произошло?

Вначале я предположил, что сигналы, поступавшие от центральных властей, были заведомо противоречивыми, неоднозначными: публично власти должны были заявить о необходимости немедленного проведения коренизации, а частным образом намекнуть на то, что публичная риторика существует в основном только для видимости. Однако мое предположение оказалось ошибочным. Оказалось, что за осуществлением коренизации неусыпно следили не только отвечавшие за национальную политику советские организации «мягкой линии» (такие как Совет национальностей ЦИК и отдел националь-

¹ Сталин И. Политика советской власти по национальному вопросу в России (1920) // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 62.

ностей ВЦИК); такими же бдительными были и органы «жесткой линии», подчинявшиеся Центральному комитету партии. Оргбюро и влиятельный Отдел кадров ЦК ВКП(б) часто критиковали местные партийные организации за неудачи в проведении коренизации. В 1926–1927 гг. Оргбюро создало специальную комиссию по коренизации во главе с будущим членом Политбюро А. А. Андреевым, и она столь же категорически потребовала проведения этой политики. И наконец, в 1929–1930 гг., когда низовые партийные активисты начали критиковать политику коренизации и призывать к ее отмене, Сталин защищал коренизацию не только публично, но *и частным образом*, унимая ее критиков. И все-таки, несмотря на постоянную поддержку со стороны центра, расширить сферу применения украинского языка не удалось. Так почему же?

Вначале этот вопрос удивлял и ответственных работников центра. Они считали коренизацию народной политикой, призванной удовлетворить искренние национальные чаяния, а вовсе не такой грозной, как, например, коллективизация. Именно поэтому в первых постановлениях о коренизации для осуществления этой политики устанавливались абсурдно короткие сроки. В целом коренизация пользовалась популярностью среди народов СССР, но встретила неожиданно яростное сопротивление со стороны разного рода влиятельных групп. Ей оказали противодействие и городские рабочие (которые, как правило, были русскоговорящими), и представители партийных и государственных органов — русские и русифицированные, и промышленные специалисты, и работники филиалов общесоюзных предприятий. Все они представляли собой те группы, на которые партийные руководители полагались и при возможности старались не обижать.

И все-таки провал коренизации языковой сферы только сопротивлением ей не объясняется. Яростное сопротивление не помешало Советскому государству депортировать несколько миллионов крестьян, исключить из партии больше сотни тысяч ее членов, держать в страхе десятки тысяч ценных специалистов и упразднить автономию всех профсоюзов ради того, чтобы осуществить стоящую перед ним двойную цель индустриализации и коллективизации. В сравнении с сопротивлением коллективизации, противодействие коренизации было незначительным, тривиальным, выражаясь скорее в бюрократическом бездействии, чем в насильственном и отчаянном сопротивлении. Да и сами большевистские ценности не позволяли государству оправдать применение террора в тех случаях, когда речь шла о принуждении к проведению коренизации. Как мы уже видели, в обыденном сознании членов партии коренизация никогда не вос-

принималась в качестве первостепенной большевистской программы, вроде индустриализации или коллективизации: ее воспринимали как своего рода уступку. Выражаясь языком большевиков, это была «мягкая линия», а не «жесткая».

И хотя советское руководство поддерживало коренизацию искренне и последовательно, тем не менее ее осуществление оно считало чем-то второстепенным, скорее вспомогательной, чем первоочередной большевистской задачей, а потому и оказываемая ей поддержка была мягкой. Неудачи в осуществлении коренизации критиковались, но, в отличие от невыполнения норм хлебозаготовок или срыва планов индустриализации, они редко приводили к отставкам и никогда не влекли за собой ни арестов, ни расстрелов. Любопытно, но это означало, что решающими здесь были местные условия. Если руководство республики активно поддерживало коренизацию и могло преодолеть местное сопротивление своими силами, не обращаясь за помощью к центру и обходясь без проводимых центром карательных мероприятий, то коренизация сферы языка была не просто возможна, она осуществлялась на деле. В противном случае она была обречена на провал. Центр не потерпел бы открытого и демонстративного отказа от коренизации, но при этом он не стал бы решительно вмешиваться, чтобы скорректировать не слишком успешное ее проведение.

С точки зрения политики, направленной на расширение сферы использования языков народов СССР, национальные территории страны делились на три категории. Для огромного большинства, то есть для жителей большинства тех регионов, которые Советы называли «культурно отсталыми восточными национальными территориями», всестороннюю коренизацию языковой сферы никогда даже и не пытались проводить всерьез. Национальные языки получали энергичную поддержку в печати и в общем образовании, но были весьма слабо представлены в управлении, промышленности и высшем образовании. Просто-напросто образованных коренных жителей было слишком мало. И в результате все усилия были направлены на осуществление той части программы положительной деятельности, которая предполагала подготовку местных кадров и их продвижение на административные должности. Эту политику и ее последствия я анализирую в главе 4.

В другую категорию входили всего две республики — Грузия и Армения, где местные условия были столь благоприятными, что коренизация языковой сферы осуществлялась быстро и почти не встречая трудностей. Грузинское меньшевистское правительство и армянское правительство партии «Дашнакцутюн» наделили свои

языки статусом государственных до того, как здесь одержали победу Советы². И, что гораздо важнее, в обеих республиках имелись опытные большевистские кадры, которые немедленно заняли в своих республиках руководящие должности. Специфика советской Армении и советской Грузии заключалась в том, что там на высоких партийных должностях находились влиятельные лица, для которых местные языки были родными (к их числу, например, относился Серго Орджоникидзе). Кроме того, в обеих республиках имелась многочисленная местная интеллигенция, а численность русских была незначительной. И в результате грузинский и армянский языки быстро заняли господствующее положение, и коренизация языковой сферы в 20-е гг. попросту не понадобилась³.

Наибольший интерес представляет третья категория. В нее входили республики, где, с одной стороны, были местные силы, которые поддерживали коренизацию языковой сферы, а с другой – силы, ей противодействующие, и их позиции находились в приблизительном равновесии. Больше всего это относилось к Украине, Белоруссии и Татарстану. Политика поддержки украинского языка на Украине пользовалась чрезвычайно сильной поддержкой, но одновременно встречала не менее сильное сопротивление. Более того, и поддержка, и сопротивление исходили из самой партии. Ни в какой другой республике высшее партийное руководство не пыталось проводить коренизацию языковой сферы более последовательно или активно. Но, с другой стороны, ни в какой другой республике оно и не сталкивалось с таким упорным противодействием. В Белоруссии поддержка коренизации была значительно слабее, хотя, если сравнить ее с существующими теперь стереотипами, нельзя было сказать, что ее совсем не существовало. Однако и сопротивление коренизации в Белоруссии тоже было слабее, поскольку там не было ни такого сильного городского русского и русифицированного пролетариата, как на Украине, ни таких же сильных русифицированных кадров старых большевиков. Татарстан был похож на Украину тем, что и там очень сильное национальное движение наталкивалось на более сильное и более прочное русское присутствие. В конце концов многочисленное и политически влиятельное русское население ограничило вве-

² *Suny R.* The Making of the Georgian Nation. Bloomington, Ind., 1998. P. 185–208; *Hovannisian R.* The Republic of Armenia. 4 vols. Berkeley, Calif., 1971–1996.

³ Об Армении см.: *Matossian M.* The Impact of Soviet Policies in Armenia. Leiden, 1962. Коренизация языковой сферы в Грузии не составляла проблемы. Об этом см.: IV съезд КП(б) Грузии. Стенографический отчет. Тбилиси, 1925; V съезд КП(б) Грузии. Стенографический отчет. Тбилиси, 1927; VI съезд КП(б) Грузии. Стенографический отчет. Тбилиси, 1929.

дение татарского языка в официальную сферу теми регионами, где татары составляли большинство, и там коренизация проводилась в высшей степени энергично.

В этой главе я детально рассмотрю в качестве конкретного примера коренизацию языковой сферы на Украине, чтобы понять, почему, несмотря на активную поддержку со стороны высшего руководства республики, она окончилась неудачей.

Предпосылки украинизации, 1919–1923 годы

На протяжении 20-х гг. и украинские, и центральные партийные руководители оставались под впечатлением того, что Г. И. Петровский назвал «жестоким уроком 1919 года»⁴. Петровский имел в виду массовые крестьянские восстания под предводительством Петлюры, который, объединившись с белой армией Деникина, в 1919 г. во второй раз изгнал большевиков с Украины. И этот урок, о котором украинские большевики напоминали снова и снова, с нехарактерной для них откровенностью, заключался в том, что это массовое крестьянское националистическое восстание было вызвано их же собственным шовинистическим поведением. Видный украинский специалист по национальному вопросу В. П. Затонский вспоминал, как солдаты-большевики «едва не расстреляли» его только потому, что нашли у него в кармане украинскую газету, хотя она и была издана большевиками. И это, утверждал он, было типично для той «непримиримой вражды города ко всему украинскому», которая существовала в 1917–1919 гг.⁵ Однако это враждебное отношение разделяли не одни только члены партии, прибывшие из России: «Пролетарские массы не принимали ничего украинского». Затонский, как и Петровский, утверждал, что именно эта ошибочная большевистская политика, а также изначальная враждебность ко всему украинскому и вынудила «деревню восстать против чужаков (чужинців), то есть против нас»⁶.

«Жестокий урок 1919 года» был, пожалуй, самым важным из тех многочисленных факторов, которые вынудили центральное руководство и, в частности, Ленина, проводить политику коренизации. Как мы уже видели, в марте 1919 г. Ленин критиковал Пятакова, тогдашнего руководителя Коммунистической партии Украины, который утверждал, что при социализме национальный вопрос становится

⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 144.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 165; Оп. 85. Д. 108. Л. 65.

⁶ *Затонський В.* Про підсумки українзації // Будівництво Радянської України. Т. I. Харків, 1928. С. 9; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 65.

несущественным. А в конце 1919 г. Ленин был уже не расположен дискутировать и вместо этого заставил Коммунистическую партию Украины принять постановление в поддержку украинизации⁷. Разумеется, одно-единственное постановление вряд ли могло изменить психологию целой партии. В 1919–1923 гг. большинство членов Коммунистической партии Украины относились к политике украинизации так же враждебно, как и прежде. Или эта политика приводила их в замешательство⁸. Высокопоставленные члены партии продолжали противиться украинизации, зачастую выступая с такими заявлениями, которые были гораздо более откровенно шовинистическими, чем те принципиально интернационалистические доводы, на которые опирался Пятаков. Типичным примером можно считать заявление, которое в 1921 г. сделал Х. Г. Раковский, занимавший тогда в большевистской иерархии Украины высокий пост: он утверждал, что «победа украинского языка означала бы власть украинской мелкобуржуазной интеллигенции и украинских кулаков»⁹.

В виде теории эти представления были оформлены в 1923 г. Д. З. Лебедем, вторым в большевистской иерархии человеком на Украине: лозунгом этой теории была так называемая борьба двух культур¹⁰. В ходе смелой полемики, которая привела к созыву съезда ВКП(б) в апреле 1923 г., Лебедь утверждал, что объективно украинизация является «реакционной, поскольку национализация, то есть искусственное внедрение украинского языка в среду партии и рабочего класса, учитывая теперешние политические, хозяйственные и культурные отношения между городом и деревней, будет означать, что мы встанем на сторону менее развитой культуры деревни вместо того, чтобы принять более высокую культуру города. Теоретически мы знаем, что борьба двух культур неизбежна. А на Украине в силу исторических условий культура города является русской, а культура деревни — украинской». Исходя из этого положения Лебедь доказывал, что украинский язык следовало бы использовать лишь для «культурного просвещения» в деревне, чтобы подготовить крестьянство к окончательному переходу к более высокой русской культуре. И ни при каких условиях украинский язык или культуру не следует распространять в городской среде¹¹. И тогда никаких репрессивных

⁷ *Borys J.* The Sovietization of the Ukraine, 1917–1923. Edmonton, 1980. P. 249–257.

⁸ Национальный вопрос после XII съезда партии (письмо из Екатеринослава) // Правда. 1923. 7 июля. С. 4.

⁹ Процитировано Н. Н. Поповым, см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 135.

¹⁰ *Лебедь Д.* Советская Украина и национальный вопрос за пять лет. Харьков, 1924.

¹¹ *Лебедь Д.* Подготовка партийного съезда. Некоторые вопросы партийного съезда // Коммунист. 1923. 17 марта. С. 1. Сведения о документах, сопровождавших эту дискуссию, см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 1–69.

мер не потребуется: победа более высокой русской культуры будет обеспечена благодаря официальному нейтралитету государства.

Полемика, развязанная Лебедем, стала последним случаем открытого внутривластного сопротивления политике украинизации (а в действительности — и коренизации в целом). Тем не менее тот факт, что человек, занимавший второе место в партийной иерархии Украины, позволял себе открыто защищать взгляды, по сути, тождественные тем, на которых была возложена ответственность за «жесточкий урок 1919 года» (то есть защищать то положение, что более высокая русская, пролетарская, культура противостоит менее развитой украинской, крестьянской, культуре), этот факт означал, что на успех украинизации рассчитывать не стоило. И в самом деле: Н. А. Скрипник, пламенный поборник украинизации, назвал декабрьское постановление 1919 г. «пустым манифестом»¹². То же самое относилось и к принятому в феврале 1920 г. постановлению Всеукраинского центрального исполнительного комитета (ВУЦИК), в соответствии с которым украинскому языку, наравне с русским, предоставлялся статус официального государственного языка на Украине¹³. Реальных успехов удалось достичь лишь в начальном школьном образовании, в 1923 г. преподавание на украинском языке велось в 76 % начальных школ. И это было осуществлено в силу преобладавшего мнения, что «преподавание в начальных школах может вестись на украинском, но вот в высшем образовании необходимо сохранить русский язык»¹⁴. Но Лебедею раздражали даже и эти незначительные успехи: «Работа наших органов образования в украинской деревне зачастую приводила к негативным результатам. Деятельностью комиссариата просвещения воспользовались петлюровские агрономы, националистически настроенные учителя и другие группы... Отмечен ряд случаев принудительной украинизации»¹⁵.

Украинизация, 1923–1925 годы

Дерзкое сопротивление Лебедею предвозвестило те трудности, с которыми украинизация столкнулась после того, как решитель-

¹² Цит. по: *Попов Н.* Национальный вопрос на Украине // *Коммунист*. 1923. 5 апр. С. 3.

¹³ *Дурденевский В. Н.* Равноправие языков в советском строе. М., 1927. С. 145.

¹⁴ Бюллетень VIII Всеукраинской конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины. Стенограмма. 12–17 мая 1924 г. Харьков, 1924. Бюлл. 1. С. 27. См. также: *Дурденевский В. Н.* Указ соч. С. 145, 159–160.

¹⁵ VIII Киевская губернская партийная конференция // *Коммунист*. 1923. 24 марта. С. 3.

ные постановления центра в поддержку коренизации (принятые на съезде партии в апреле 1923 г. и на состоявшейся в июне 1923 г. конференции по национальному вопросу) вынудили совершить второй и более решительный поворот к украинизации. И эти события стали показателем того, что теория Лебеда потерпела поражение. Накануне состоявшейся в апреле 1923 г. украинской партконференции была опубликована официальная статья Н. Н. Попова, тогдашнего руководителя агитпропотдела ЦК РКП(б). В этой статье Попов осудил теорию Лебеда, окрестив ее «глупым русским шовинизмом («русотяпством»)» и добавив, что «зазорно писать о таких элементарных истинах через шесть лет после революции»¹⁶. А на самой конференции Лебедь был подвергнут дальнейшей критике как со стороны Фрунзе (тогдашнего заместителя председателя Совнаркома Украинской ССР и официального докладчика по национальной политике), так и со стороны Раковского (который, изменив свое мнение, занимал теперь радикально проукраинскую позицию), а также давнишними соперниками Лебеда — Затонским и Скрипником. Украинская конференция официально объявила теорию Лебеда «шовинистической» и представлявшей собой «неизбежное развитие люксембургистских взглядов»¹⁷. Эта резолюция ознаменовала решительный отказ от теории Лебеда, отстаивавшего нейтралитет государства и партии в национальном вопросе.

Впоследствии период, длившийся с апреля 1923 по апрель 1925 г., получил название эпохи «украинизации по декрету», что служило насмешливым напоминанием о той огромной массе декретов, которые принимались, но потом по большей части игнорировались¹⁸. Первый такой декрет — постановление об украинизации образования и культуры от 27 июля 1923 г. — имел своей целью распространить украинский язык за пределы начальных сельских школ¹⁹. А через пять дней Всеукраинский ЦИК (ВУЦИК) принял знаковое постановление под названием «О мерах по обеспечению равноправия языков и о содействии в развитии украинского языка». В этом постановлении говорилось, что «признававшееся до сих пор формальное равенство между двумя наиболее распространенными на Украине языками — украинским и русским — [было] недостаточно» и [привело бы к] «фактическому преобладанию русского языка». И хотя официальными языками Украины постановление признавало и украинский, и русский,

¹⁶ Попов Н. Национальный вопрос на Украине. С. 3.

¹⁷ Хвилья А. До розв'язання національного питання на Україні. Харків, 1930. С. 16.

¹⁸ Калюжний Н. Українізація і НКРСИ // Вісті ВУЦВК. 1925. 3 июня. С. 1.

¹⁹ Солодуб П. Справи українізації // Більшовик. 1924. 18 июля. С. 1.

оно требовало осуществить «множество практических мер», чтобы сделать украинский единственным языком управления как во всех центральных государственных органах, так и во всех местных органах тех регионов, где этнические украинцы составляли большинство²⁰.

Постановление от 1 августа стало свидетельством решительного отказа от политики «языкового нейтралитета». Чтобы разъяснить это положение, первый секретарь ЦК Компартии Украины Э. О. Квириг написал передовую статью в газету и в который раз повторил утверждение, содержащееся в постановлении: «Мы не можем ограничиться признанием формального равенства наций, потому что это формальное равенство приведет к фактическому неравенству»²¹. Нет, утверждал Квириг, теперь перед партией стоит новая задача — «положительная деятельность в интересах развития [украинской] национальной культуры»²². Теперь украинский язык и культуру нужно поставить в «привилегированное положение»²³. Таким образом на Украине была официально сформулирована политика положительной деятельности в сфере национального строительства, которая была одобрена центром в 1923 г. На сей раз, как и всегда, оправданием для нее послужил «жестокий урок 1919 года», когда украинская деревня восстала против чуждого ей русского города. Утверждалось, что украинизация могла бы преодолеть этот разрыв между городом и деревней и помочь созданию «смычки» между русским городом и украинской деревней²⁴. Нет, не украинская деревня должна учить русский, чтобы ее просветил русский город (а именно это и предлагал Лебедь), но сам город должен выучить украинский, чтобы дать образование деревне. Следом за постановлением от 1 августа был принят целый ряд других постановлений об украинизации в партии, в армии

²⁰ *Хвья А.* Национальный вопрос на Украине. Харьков, 1926. С. 115–121, 116.

²¹ *Квириг.* Практичні засоби у справі національному // Більшовик. 1923. 3 июня. С. 1.

²² *Щупак С.* Практичне переведення національної справи на Київщині // Більшовик. 1923. 15 июня. С. 1; также стало использоваться выражение «активная украинизация», см.: *Постанова ЦК КП(б)У щодо українізації* // Більшовик. 1924. 30 марта. С. 1.

²³ *Квириг.* Практичні засоби у справі національному. С. 1. Об этом см. также: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1978. Л. 1; Бюллетень VIII Всеукраинской конференции... Бюлл. 1. С. 26; Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. С. 108.

²⁴ VII Всеукраинская партийная конференция. Национальный вопрос. Доклад тов. Фрунзе // Коммунист. 1923. 13 апр. С. 3; *Раковский Х.* Национальный вопрос // Коммунист. 1923. 10 апр. С. 3; *Квириг.* Практичні засоби у справі національному. С. 1; *Постанова ЦК КП(б)У щодо українізації.* С. 1.

и профсоюзах²⁵. Но одной только поддержкой украинского языка украинизация не ограничивалась. Этническим украинцам кроме того были предоставлены льготы как при приеме на административную работу, так и при вступлении в партию²⁶.

На сей раз была предложена широкая программа украинизации, однако на практике почти все внимание было сосредоточено на выполнении ключевого постановления ВУЦИК от 1 августа 1923 г., содержавшего амбициозное требование провести за один год полную украинизацию языка административного аппарата на всех уровнях²⁷. А в некоторых регионах от тех административных учреждений, которые были наиболее тесно связаны с деревней, требовали перейти на украинский всего за полгода²⁸. Столь абсурдно короткие сроки были типичными для утопических планов, содержащихся в первых советских постановлениях о коренизации. Чтобы достичь этой цели, Комиссариат просвещения открыл трехмесячные и девятимесячные курсы изучения языка для всех тех служащих, которые не могли продемонстрировать владения украинским языком на должном уровне²⁹. Теоретически санкции для тех, кто так и не смог овладеть украинским, были весьма суровыми. Начиная с 1 августа 1923 г. на работу в государственные учреждения запрещалось принимать тех, кто не владел одновременно обоими языками — и украинским, и русским. А те, кто уже работал в государственных органах, подлежали увольнению в том случае, если они не выучат украинский к 1 августа 1924 г.³⁰

Эта программа сразу же столкнулась с препятствием, которому предстояло стать проклятием всех будущих программ украинизации, — упорным пассивным сопротивлением. От специалистов, которые считались одновременно и буржуазными, и в то же время сильно русифицированными элементами, такого сопротивления ожидали и яростно осуждали его в печати³¹. Однако, к большому изумлению членов партии, самое сильное сопротивление украинизации исходи-

²⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Л. 20. Д. 1978. Л. 2–3.

²⁶ Постановва ЦК КП(б)У щодо українізації. С. 1; Доклад тов. **Лаврентія про роботу** Київського губкому КП(б)У // Більшовик. 1924. 7 мая. С. 2.

²⁷ *Хвыля А.* Национальный вопрос на Украине С. 117–118.

²⁸ *Шулак С.* Указ. соч. С. 1.

²⁹ *Хвыля А.* Национальный вопрос на Украине. С. 121.

³⁰ Там же. С. 120. Совнарком мог предоставить освобождение «исключительно квалифицированным работникам и тем, кого посылали [на Украину] с особыми поручениями».

³¹ *Гунько.* До українізації радпарату // Вісті ВУЦВК. 1924. 6 мая. С. 2; *Сулима М.* Lapsus linguae в украинизации // Там же. 14 сент. С. 1; Українізація українських установ // Більшовик. 1924. 24 июля. С. 5.

ло из самой же партии, и прежде всего от тех, кто занимал руководящие должности³². То же самое будет характерно и для тех инициатив по части украинизации, которые будут приняты позже. Авторы одного из исследований выяснили, что среди государственных служащих хорошо владели украинским 43,7 % беспартийных, а среди членов партии таковых было всего лишь 18,1 %³³. «Безразличие» управленцев приписывали повсеместно низкой посещаемости курсов украинизации — настолько низкой, что зачастую это приводило к их полной ликвидации³⁴. В ЦК Компартии Украины пришли к выводу, что управленцы не считали украинизацию «серьезной политикой» и относились к ней «насмешливо», что и приводило к ее подрыву³⁵. Люди предпочитали говорить по-русски даже тогда, когда они хорошо знали украинский. Инспектор по украинизации сообщал, что когда он внезапно появился с проверкой в одной организации, там все говорили по-русски до тех пор, пока не сообразили, что перед ними — инспектор, и только после этого быстро перешли на беглый украинский³⁶. Столкнувшись с этой ситуацией, партийное руководство ответило на нее резолюциями, принятыми на мартовском пленуме ЦК 1924 г. и на майской партконференции того же года. Эти резолюции требовали, чтобы все члены партии выучили украинский, но никакого заметного результата они не возымели³⁷.

И такое противодействие вряд ли можно было считать неожиданностью. Как мы уже отмечали, коренизация и вообще была непопулярна среди рядовых членов партии, но на Украине она была более непопулярна, что объяснялось горьким опытом времен Гражданской войны. Кроме того, если в штате большинства ключевых украинских комиссариатов находились теперь стойкие поборники украинизации (Микола Скрипник, Володимир Затонский, Олександр Шумский, Григорий Гринько), то о партийном руководстве сказать этого было нельзя. Первый секретарь ЦК Компартии Украины Квириг вы-

³² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1977. Л. 7, 148–152; Постанова ЦК КП(б)У щодо українзації. С. 1; Чубар В. Питання українзації // Більшовик. 1924. 24 марта. С. 5; он же. Українізація партії. // Там же. 1925. 18 апр. С. 2.

³³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1977. Л. 170.

³⁴ Там же. Л. 148–151; Дністренко В. До українзації наших установ // Вісті ВУЦВК. 1924. 22 мая; Кобиляцький П. До українзації // Вісті ВУЦВК. 1924. 24 июля. С. 1; Вайсфлигель М. Про українзацію радапарату // Вісті ВУЦВК. 1924. 8 окт. С. 1; Солодуб П. Справи українзації. С. 1.

³⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1977. Л. 148–151; Чубар В. Питання українзації. С. 6.

³⁶ Вайсфлигель М. Про українзацію радапарату. С. 1.

³⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1977. Л. 7; Д. 1978. Л. 3; Бюллетень VIII Всеукраинской конференции... Бюлл. 4. С. 205.

шел из украинской партийной группировки города Катеринослава (Екатеринослава), которая решительно противилась украинизации, а в 1918 г. даже выступала за отделение от Украины Донецкой и Криворожской областей³⁸. Даже и после 1923 г. Квиринг поддерживал украинизацию с большими оговорками, и это подтверждалось неоднократно высказывавшимся им опасением, что «коммунистическая» украинизация может перерасти в украинизацию «петлюровскую»³⁹. Принципиальным противником украинизации был и второй секретарь ЦК Компартии Украины Лебедь, от которого после его поражения в 1923 г. никто не потребовал отречься от прежних взглядов и который даже обнародовал их в новом, более умеренном варианте⁴⁰. Лебедь не прекращал своих попыток затормозить ход украинизации: «Мне кажется, что сейчас не время ратовать за полную украинизацию наших центральных органов. Местным партийным органам следовало бы сначала провести подготовительную работу»⁴¹.

Непоследовательность высшего партийного руководства привела к возникновению в значительной степени неконтролируемого процесса. От Наркомпроса требовали открывать курсы и проводить экзамены, но, как отмечали обманувшиеся в своих ожиданиях защитники украинизации, при этом никого не обязывали обеспечить их посещаемость или контролировать проведение украинизации на рабочем месте⁴². А потому достоверных данных о результатах украинизации сохранилось совсем немного⁴³. И действительно: в центральных украинских архивах нет буквально никаких данных о том, как проводилась украинизация до апреля 1925 г. Служащие быстро сообразили, что от этой неприятной и тягостной обязанности можно освободиться⁴⁴. Студенты университета могли отказаться слушать лекции на украинском⁴⁵. Руководители государственных органов могли

³⁸ *Скрипник М.* Донбас і Україна // Статті й промови. Т. II. Ч. 1. Національне питання. Харків, 1929. С. 22–31.

³⁹ *Квиринг.* Практичні засоби у справі національному. С. 1.

⁴⁰ *Лебедь.* Советская Украина и национальный вопрос на пять лет. Харьков, 1924; о недовольстве по поводу того, что Лебеда не заставили отречься от прежних взглядов, см.: *Скрипник М.* Зліквідувати люксембургіанство // Статті й промови. Т. II. Ч. 1. С. 68–76.

⁴¹ Бюллетень VIII Всеукраинской конференции... Бюлл. 1. С. 87–88.

⁴² *Солодуб П.* Справи україзації. С. 1; *Кобиляцький П.* До українізації // Вісті ВУЦВК. 1924. 24 июля. С. 1.

⁴³ *Ф. Т.* Од формального виконання декрету – до українізації // Вісті ВУЦВК. 1924. 5 авг. С. 1.

⁴⁴ *Вайсфлигель М.* Про українізацію радпарату. С. 1.

⁴⁵ *Слуцький А.* Українізація народної освіти на Київщині // Більшовик. 1923. 26 июля. С. 2; *Письменний П.* Вища школа і українізація // Там же. 1924. 2 июля. С. 1.

свободно принимать на работу кого хотели, даже если те и не говорили по-украински⁴⁶. Угрозы увольнять саботажников украинизации не исполнялись. А конечная дата полной украинизации переносилась на более поздний срок дважды: сначала с 1 августа 1924 г. на 1 августа 1925 г., а потом раз — на 1 января 1926 г.⁴⁷ Это только укрепило распространенное в партии мнение, что украинизация была не серьезной большевистской политикой, а всего лишь пропагандистской инициативой органов «мягкой линии», которую можно было спокойно игнорировать.

Поскольку отсутствуют достоверные данные, нам трудно оценить результативность этого первого двухлетнего эксперимента в области украинизации языковой сферы. Если судить по нормам, которые были определены постановлением от 1 августа 1923 г. (стопроцентная украинизация за один год), то он завершился полным провалом. И тем не менее очевидно, что кое-каких скромных успехов все-таки удалось достичь. В одном из исследований сообщалось, что курсы украинизации заканчивали лишь 11–15 % тех, кто на них поступал. И тем не менее отчет завершался словами, в общем-то соответствовавшими действительности: «Однако курсы по крайней мере существовали. Успехи в украинизации были, честно говоря, лишь поверхностными и частичными, но по крайней мере это все-таки были хоть какие-то успехи»⁴⁸. Численность украинцев среди административных и партийных работников несколько возросла⁴⁹. Украинизация печати и начального школьного образования продолжалась⁵⁰. К апрелю 1925 г. примерно 20 % административной деятельности осуществлялось по-украински⁵¹.

⁴⁶ *Солодуб П.* Вопросы украинизации // Коммунист. 1924. 17 авг. С. 2.

⁴⁷ Постановва Раднаркому УРСР про українізацію // Більшовик. 1925. 14 янв. С. 3; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1396. Протокол 55, п. 2.

⁴⁸ *Вайсфлигель М.* Про українізацію радпарату. С. 1.

⁴⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1978. Л. 10, 16. С января 1924 по январь 1925 г. численность украинцев в партии возросла с 33,4 до 37,0 %; с апреля 1924 по апрель 1925 г. численность украинцев в комсомоле возросла с 48,3 до 58,1 %.

⁵⁰ *Хвыля А.* Национальный вопрос на Украине. С. 37–40; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1707. Л. 100–102. Численность начальных школ с преподаванием на украинском языке возросла с 50 % в 1922 г. до 77,8 % в 1925 г. С 1923/24 по 1924/25 уч. год количество институтов с преподаванием на украинском увеличилось с 17,1 до 24,0 %; техникумов — с 16,3 до 30,5 % и профшкол — с 1,9 до 22,0 %. За тот же самый период количество книг на украинском языке увеличилось с 31,0 до 40,2 % от общего числа всех изданных на Украине книг, количество журналов — с 32 до 44,6 % и газет — с 37,5 до 38,7 %.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 4. Л. 1; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 105. Л. 144; Д. 102. Л. 11; Девятый съезд Коммунистической партии большевиков. Стенографический отчет. Харьков, 1926. С. 526.

Однако эти достижения распространялись по Украине неравномерно. Чем ниже был уровень советской иерархии, тем выше был уровень украинизации. В органах центральной украинской администрации на украинском языке велось лишь 10–15 % делопроизводства⁵². А сельсоветы были украинизированы почти на 100 %⁵³. С другой стороны, чем дальше к востоку, тем меньше украинского оставалось в органах власти. К апрелю 1925 г. в преимущественно сельскохозяйственных Киевской и Винницкой областях большая часть административного делопроизводства велась на украинском⁵⁴. А на Донбассе уровень украинизации едва-едва поднимался выше нуля⁵⁵. Как сетовал один из защитников украинизации, разрыв между украинской деревней и русским городом продолжал нарастать⁵⁶. А потому радикальным образом переломить эту тенденцию — такой была одна из самых важных задач, стоявших перед Кагановичем в апреле 1925 г., когда он прибыл на Украину, чтобы заменить Квиринга на посту генерального секретаря ЦК Компартии Украины.

Украинизация при Кагановиче, апрель 1925 — июнь 1926 года

Генеральным секретарем Коммунистической партии Украины Политбюро ЦК ВКП(б) назначило Кагановича 26 марта 1925 г.⁵⁷ Впоследствии Каганович признавался, что он очень волновался, имея перед собой перспективу возглавить столь беспокойную и сильную организацию, а время его пребывания на Украине показалось ему очень тяжелым⁵⁸. Тот факт, что Сталин назначил на этот пост именно Кагановича, свидетельствовал о его доверии, поскольку лояльность Украины всегда имела ключевое значение в борьбе Сталина с Троцким и левой оппозицией. Каганович прибыл на Украину, имея четкое задание: осуществить украинизацию. Всего за несколько дней до его

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 4. Л. 50.

⁵³ *Буценко А.* Ужвавити українізацію // Вісті ВУЦВК. 1925. 5 апр. С. 1.

⁵⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1977. Л. 151. Довершити українізацію // Вісті ВУЦВК. 1925. 20 мая. С. 1. О значительных успехах Киевщины см.: Підсумки українізації радянських установ на Київщині // Більшовик. 1924. 2 июля. С. 2; Українізація українських установ. 1925. 24 июля. С. 5; Українізація радянських установ. 1924. 31 июля. С. 3.

⁵⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1977. Л. 153, 170–171; Украинизация на Первомайщине // Коммунист. 1925. 4 апр. С. 3.

⁵⁶ *Солодуб П.* Вопросы украинизации. С. 2.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Л. 494. Протокол 54, п. 2.

⁵⁸ *Каганович Л.* Памятные записки. М., 1996. С. 373–403.

назначения, 4 апреля, пленум ЦК Компартии Украины заслушал доклад Олександра Шумского, выступившего с сокрушительной критикой проводившейся до тех пор и не достигшей почти никаких успехов украинизации. Резолюция пленума подтвердила критику Шумского и призвала возобновить и расширить работу по украинизации⁵⁹. После нескольких месяцев молчания пресса внезапно заполнилась статьями, посвященными неотложной задаче украинизации⁶⁰. 30 апреля ВУЦИК принял новое постановление об украинизации всей административной работы, заменившее собой невыполненное постановление от 1 августа 1923 г.⁶¹ Таким образом, прибытие Кагановича на Украину ознаменовало собой начало третьего этапа украинизации. Эта новая и наиболее решительная фаза была отмечена тремя важнейшими изменениями в политике, каждое из которых представляло собой непосредственную реакцию на неудачи 1923–1925 гг.

Во-первых, на сей раз партия возглавила украинизацию напрямую, не уступив этой роли государственной бюрократии, и настояла на проведении своей собственной украинизации, что было одним из признаков ее лидерства в этом деле. И это было чем-то совершенно новым. В исследовании, проведенном ЦК Компартии Украины, сообщалось, что проводившаяся в 1923–1925 гг. кампания украинизации окончательно скомпрометировала себя пассивным сопротивлением самой партии⁶². А потому апрельский пленум 1925 г. потребовал провести всестороннюю украинизацию партии. Было предписано издавать на украинском все основные печатные издания партии, включая и орган ЦК — газету «Коммунист». Кроме того, аппарат ЦК, равно как и все низовые партийные аппараты, должен был вести все делопроизводство на украинском языке. Требовалось, чтобы на украинском языке проводились собрания; чтобы на украинский язык было переведено преподавание в партшколах и наконец, обязанность изучать украинский была возложена на каждого члена партии, включая и простых рабочих. Все эти требования распространялись и на комсомол⁶³.

⁵⁹ Вопросы украинизации на пленуме ЦК // *Коммунист*. 1925. 2 апр. С. 1; *Петровський Г.* Підсумки пленуму ЦК КП(б)У // *Вісті ВУЦВК*. 1925. 10 апр. С. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 139. Протоколы 63, п. 5; 65, п. 1, 3. Л. 154–155; *Постанова пленуму ЦК КП(б)У про українізацію* // *Вісті ВУЦВК*. 1925. 9 мая. С. 3; *Хвилья А.* Национальный вопрос на Украине. С. 108–114.

⁶⁰ Про українізацію // *Більшовик*. 1925. 5 апр. С. 1; *Шупак С.* Українізація партії. 1925. 12 апр. С. 1; *Чубар В.* Українізація партії. С. 2; *Буценко А.* Ужвавити українізацію. С. 1; *Каганович Л.* Чергові завдання партії // *Вісті ВУЦВК*. 1925. 10 апр. С. 3; Про українізацію партії // *Вісті ВУЦВК*. 1925. 17 апр. С. 1.

⁶¹ *Хвилья А.* Национальный вопрос на Украине. С. 123–128.

⁶² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1977. Л. 170–171.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1396. Протоколы 63, п. 5; 65, п. 1, 3. Л. 154–155; *Хвилья А.* Национальный вопрос на Украине. С. 108–114.

Каганович показал личный пример. До двенадцати лет он жил и воспитывался в украинской деревне и, по его словам, «говорил по-украински с примесью белорусских слов»⁶⁴. И хотя Каганович по прибытии на Украину в 1925 г. слабо владел украинским языком, он сразу же встретился с представителями украинской интеллигенции и заговорил с ними на их родном языке. Кроме того, он пообещал выучить украинский язык так, чтобы уже на следующем съезде партии выступить по-украински (в 1925 г. ему не удалось выполнить это обещание, но уже на следующем съезде, в 1927 г., он по-украински говорил). И что существеннее, в апреле 1925 г. он создал при Политбюро комиссию по украинизации, чтобы контролировать все аспекты этой политики. В эту комиссию были включены все до одного крупные украинские руководители, и Каганович стал ее председателем. В отличие от многих прежних подобных комиссий, эта проводила свои заседания регулярно, и в них принимал активное участие сам Каганович⁶⁵.

Во-вторых, Каганович признал, что необходимо установить контроль за проведением украинизации. Для обслуживания комиссии Политбюро информационному отделу ЦК было приказано требовать регулярных отчетов от местных партийных комиссий по украинизации, которые теперь были созданы в каждой украинской области и каждом городе⁶⁶. И, что существеннее, Контрольной комиссии Украины (объединенной организации ЦКК–Рабкрин) с ее огромным штатом было поручено осуществлять официальный контроль за проведением украинизации, и она провела ряд масштабных исследований⁶⁷. Совнарком тоже создал свою собственную комиссию по украинизации, которая осуществляла контроль и собирала информацию, поступающую из огромной сети комиссий по украинизации, созданных во всех комиссариатах, хозяйственных организациях, местных советах и на заводах⁶⁸. В эту комиссию поступала информация, которой ее снабжали многочисленные сотрудники созданного при Комиссариате просвещения отдела ликвидации украинской неграмот-

⁶⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 154.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1396. Протоколы 63, п. 4, 5; 78, п. 8. Протоколы комиссии хранятся в: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976; Д. 2247.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1396. Л. 154.

⁶⁷ *Хвьяля А.* Национальный вопрос на Украине. С. 127; *Калюжний Н.* Українізація і НКРСИ // Вісті ВУЦВК. 1925. 3 июня. С. 1. См. приводимые ниже исследования из архива ЦКК–Рабкрин: ЦДАВОУ. Ф. 539.

⁶⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976 (1925). Л. 180; *Хвьяля А.* Национальный вопрос на Украине. С. 126.

ности⁶⁹. Таким образом, была создана огромная и охватывавшая всю Украину сеть источников информации, благодаря которым осуществлялся контроль за проведением украинизации. Один только факт создания этой сети свидетельствовал о серьезности новой кампании по украинизации.

В-третьих (и опять-таки в ответ на массовое сопротивление украинизации), партия теперь подчеркивала необходимость принуждения. В апрельской резолюции 1925 г. отмечалось, что до сих пор имела место лишь «естественная, шаблонная украинизация советского аппарата, наиболее тесно связанного с селом, а также украинизация начальных школ»⁷⁰. Дальнейший прогресс, говорилось в постановлении, потребует применения принуждения («нажима»)⁷¹. Впоследствии в своем письме к Сталину Политбюро Компартии Украины будет хвастаться «твердо проводимой линией» украинизации, которую осуществлял Каганович: «Ни один из прежних политических секретарей на Украине... не прибегал к столь сильному нажиму при проведении украинизации»⁷². И это, безусловно, было правдой. Нажим в данном случае означал прежде всего угрозу увольнения, а не ареста. В докладе ЦК призывалось прибегать к «показательным увольнениям за саботаж», чтобы преодолеть инерцию и пассивное сопротивление⁷³. И после пленума, состоявшегося 4 апреля, об этой угрозе было немедленно объявлено во всеуслышание⁷⁴. Публичных высказываний против украинизации теперь уже никому не спускали с рук. Как в следующем году говорил Затонский: «Самое значительное наше достижение состоит в том, что на Украине теперь уже не считается приемлемым, чтобы член партии открыто высказывался против украинизации»⁷⁵.

Эти изменения в политике были составной частью программы Кагановича, попытавшегося недвусмысленно показать, что украинизация всерьез считается большевистской политикой «жесткой линии». И именно поэтому ключевое значение имели позиция и действия

⁶⁹ Об образовании этого органа см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Л. 119; см. также приводимые ниже исследования из архива Наркомпроса: ЦДАВОУ. Ф. 166.

⁷⁰ *Хвьяля А.* Национальный вопрос на Украине. С. 110.

⁷¹ «Нажим» было излюбленным словом, которым для описания этой политики пользовались украинские партийные руководители. См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протокол 14, п. 1. Л. 66; Оп. 69. Д. 59. Л. 162; Оп. 113. Д. 336. Протокол 149, п.1. Л. 55; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 11.

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 4. Л. 3, 7

⁷³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1977. Л. 176.

⁷⁴ *Буценко А.* Ужвавити українізацію. С. 1.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 71.

Центрального комитета Компартии Украины. Как уже отмечалось выше, в советской системе разделения бюрократического труда партия парадигматически была связана с «жесткой линией», а советская бюрократия, возглавляемая ЦИК, — с «мягкой линией». Хозяйственные, правоохранительные и военные комиссариаты группировались, как правило, вокруг партии, а комиссариаты, отвечавшие за культуру, земледелие и социальное обеспечение, находились под эгидой ЦИК. Женский, крестьянский, церковный и национальный вопросы — все они находились в ведении политических органов «мягкой линии», и потому всеми этими вопросами занимался в основном ЦИК. Формально центральный контроль за проведением национальной политики был возложен на Совет национальностей ЦИК и отдел национальностей ВЦИК. Аналогичное разделение обязанностей между советскими и партийными органами воспроизводилось и на республиканском уровне. Лишь за очень немногочисленными исключениями (особенно в Грузии и Армении) первые секретари партии никогда не были представителями титульной нации, тогда как руководители республиканского ЦИК и Совнаркома ими неизменно были. Так было в 1923–1927 гг. и на Украине. Более того, до прибытия Кагановича газета «Вісті ВУЦВК» («Вести ВУЦИК») издавалась на украинском языке, а орган ЦК газета «Коммунист» — на русском.

То же самое разделение проявилось и в попытке провести украинизацию, которая имела место в 1923–1925 гг. В ее фокусе находились прежде всего органы управления, а особенно те, которые имели дело с отсталыми крестьянами, но она не затрагивала партийные органы, имевшие дело с передовыми городскими рабочими. Таким образом, различие, которое Лебедь установил между более высокой русской культурой, связанной с большевиками, и менее значительной украинской культурой, связанной с советскими учреждениями «мягкой линии», сохранилось даже и после того, как в 1923 г. теория Лебедея была официально осуждена. Это отразило априорные представления большинства большевиков, что национальная политика просто не является главной большевистской заботой. И Каганович при усердной поддержке таких украинских большевиков, как Скрипник и Затонский, решил это различие преодолеть. Одним из проявлений этой политики было сознательное употребление риторики «нажима», характерной для «жесткой линии». И, соответственно, украинизацию теперь уже называли «революционной задачей», «великим устремлением» и «трудной задачей», требующей «концентрации силы воли»⁷⁶.

⁷⁶ Буценко А. Ужжавити українізацію; Петровський Г. Указ. соч. С. 1; Про українізацію партії. С. 1.

Иными словами, она стала не уступкой или тактикой, а фундаментальным большевистским проектом.

Такой была тактика, которую избрал Каганович, чтобы осуществить украинизацию. И все-таки было необходимо определить конечную цель более конкретно. Августовское постановление 1923 г. было расплывчатым. В нем говорилось не только о равенстве украинского и русского языков, но и об особых привилегиях для украинского языка. В апреле 1925 г. эта расплывчатость была заменена амбициозной целью — сделать украинский язык господствующим⁷⁷. Русский по-прежнему будет языком, связывающим Украину с центром, а потому он останется обязательным предметом во всех украинских школах. Ну а во всем остальном украинскому предстоит стать единственным и исключительным языком социального общения. Но и эта цель, в свою очередь, тоже являлась тактической, поскольку руководство Украины выступало за создание всецело украинской языковой среды. Критиковавший эту стратегию Б. П. Шеболдаев, член Оргбюро ЦК ВКП(б), определил ее так⁷⁸:

«Существует такая теория, будто следовало бы создать особую среду и объективно организовать дела таким образом, чтобы горожане, вопреки их воле, были бы вынуждены учить украинский — если, например, ввести украинский язык для телефонистов, кондукторов и так далее».

Именно так эта политика и проводилась. Все объявления в общественных местах, все вывески, все официальные печати и бланки печатались исключительно на украинском. Так же, как и субтитры в кинофильмах. В скором времени предполагалось сделать преимущественно украинскими газеты и книги⁷⁹.

Оправданием этой стратегии и на сей раз была необходимость преодолеть опасный разрыв между украинской деревней и русским городом и тем самым, по словам Кагановича, «сохранить гегемонию пролетариата в деревне и руководство ею»⁸⁰. Эта стратегия зачастую вызывала возражения во время всесоюзных конференций. В 1926 г., на апрельской сессии ЦИК, известный своей придирчивостью Юрий Ларин вызвал бурную овацию, когда сравнил эту стратегию с поли-

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1396. Протоколы 63, п. 5; 65, п. 1, 3. Л. 154–155; Хвилья А. Национальный вопрос на Украине. С. 108–114, 123–128.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 141.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 125; Оп. 16. Д. 1396. Л. 154–155; Протокол 63, п. 5. ЦДАГОУ. Ф. 1. Д. 20. Л. 79–80, 186–187.

⁸⁰ Чергові завдання партії. Доклад тов. Кагановича // Вісті ВУЦВК. 1925. 10 апр. С. 3.

тикой Петлюры и заявил о попрании русских национальных прав⁸¹. Петровский раздраженно ответил, что и по сей день крестьяне, приезжающие в Харьков и Одессу, видят исключительно русские вывески и удивляются этому. «Ну и где же здесь Украина?.. — спросил Петровский и добавил: — Мы предпринимаем все усилия для того, чтобы каждый крестьянин мог читать вывески (начиная от вывесок ЦИК и вплоть до самого низового комиссариата) на своем родном языке, чтобы он понял, что это правительство действует в его интересах»⁸². В репликах Петровского воспроизводилась именно та психологическая интерпретация коренизации, которую ей давали Ленин и Сталин, говорившие, что крестьяне должны *почувствовать*, что существующая власть — это их власть. Аналогично и Каганович ответил на критику, прозвучавшую на заседании Оргбюро в Одессе: «Разумеется, Одесса — это в основном неукраинский город; там очень мало украинцев, но вот деревня — она полностью украинская, почти полностью украинская. Город должен вести за собой деревню, не так ли?.. Если окружком будет вести свою работу по-русски, то тогда украинская деревня так и останется индифферентной. И именно поэтому вопрос украинизации совсем не так прост»⁸³.

Украинское руководство было полно решимости принять активные меры, чтобы не дать городам Украины стать русскими городскими островками. Отвечая на очередные нападки на украинизацию, предпринимавшиеся на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), Затонский прояснил свою позицию: «Возьмите вопрос о вывесках и афишах, хотя он и кажется вопросом незначительным и частным. На самом деле это чрезвычайно серьезный вопрос, поскольку он связан с вопросом о том, создадим ли мы в городах отдельные [русские] административные и культурные районы. Вы говорите, что Петлюра тоже перекрашивал вывески и теперь мы делаем то же самое. Да, именно так оно и есть. Мы, как и Петлюра, тоже перекрашиваем вывески, но это нас не пугает... До сих пор было так, что крестьянин приезжал в город и думал, будто он оказался в чужом городе. А нам нужно создать такую среду, в которой крестьянин привыкал бы видеть украинские вывески, объявления и афиши»⁸⁴.

Распространявшаяся на всю социальную среду стратегия украинизации заставила поднять чрезвычайно болезненный вопрос об ассимиляции. Было вполне очевидно, что эта стратегия имела сво-

⁸¹ Вторая сессия ЦИК третьего созыва. Стенографический отчет. М., 1926. С. 458–468.

⁸² Там же. С. 302.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 265. Л. 63.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 172–173.

ей целью ассимилировать городских русских, заставить их принять украинскую идентичность. Однако советская политика была, безусловно, враждебна и принудительной, и добровольной ассимиляции. И поэтому украинцы разделили эту проблему на два вопроса — на вопрос о статусе русифицированных украинцев и на вопрос о статусе русских. Явной целью украинизации была «реукраинизация русифицированных масс»⁸⁵. До тех пор, пока этот процесс происходил поэтапно, постепенно приводя к созданию всеобъемлющей украинской языковой среды, и не предполагал принудительной ассимиляции, его можно было оправдать как деколонизационную меру, призванную преодолеть несправедливое ассимилирующее воздействие русской городской среды, которая была искусственно создана царским колониализмом. Затонский часто с удовлетворением отмечал, что «некоторые люди [теперь] называют себя украинцами, поскольку статус представителя господствующей национальности является во всех отношениях выгодным»⁸⁶. В высшей степени символичным был пример Петровского, председателя ВУЦИК: родился он в украинской деревне, но десятилетиями жил в таких русифицированных украинских городах, как Харьков и Екатеринослав (а также и в Москве, где он был председателем большевистской фракции Думы), и мог говорить по-украински лишь с большим трудом. Вначале, заполняя имевшие повсеместное хождение большевистские анкеты, Петровский писал, что по национальности он русский, однако в результате стремительной украинизации вновь стал определять себя как украинца⁸⁷. А в отношении этнических русских политика была намеренно неопределенной. В 1926 г. были созданы русские национальные сельсоветы и районы. Однако русские городские национальные районы создавать было запрещено. И хотя на этом и не акцентировали внимания, но даже Каганович выражал надежду, что со временем сама украинская среда приведет к окончательной украинизации даже и этнически русского пролетариата⁸⁸.

И наконец, следует заметить, что новая национальная программа Кагановича не ограничивалась лишь активной пропагандой украинского языка, но и включала в себя «развитие украинской культуры». Эта политика была спорной. Представитель левой оппозиции В. А. Ваганян выступил в 1927 г. с разгромной критической работой, изобилвавшей примерами из Украины: Ваганян доказывал, что национальная

⁸⁵ До українзації робітничої маси // Вісті ВУЦВК. 1925. 29 дек. С. 1.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 68; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 22.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 68–69.

⁸⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 52.

политика большевиков должна включать в себя всего лишь пропаганду интернациональной культуры на национальных языках, поскольку национальная культура представляла собой чисто буржуазное явление⁸⁹. Сталин в своей знаменитой речи 1925 г., которую критиковал Ваганян, разумеется, заявил, что советская национальная политика будет развивать культуры «пролетарские по содержанию, национальные по форме»⁹⁰. В 1920 г. Сталин оправдывал коренизацию необходимостью выдвигать «людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения»⁹¹. На Украине, как и в других республиках, политика продвижения украинской культуры привела к тому, что на высокие посты в академических учреждениях республики стали назначать бывших украинских националистов. А в апреле 1925 г. это, в свою очередь, привело к широко распространившемуся страху в связи с тем, что эти интеллигенты уже начали оказывать свое решающее влияние на украинскую молодежь и крестьянство⁹². Следовательно, как утверждалось в апрельском постановлении 1925 г., «теперь партия должна отдавать свою энергию тому, чтобы овладеть всеми культурными и общественными процессами и взять их под свое руководство»⁹³.

А это означало, что члены партии должны освоить не только украинский язык, но и украинскую культуру. Освоение украинской культуры предполагало обязательные курсы «украиноведения» для всех государственных служащих и членов партии⁹⁴. Программа обучения, которая лежала в основе курсов, была амбициозной и включала в себя: историю украинского языка, историю развития украинской экономики, историю дореволюционной и послереволюционной украинской литературы, историю украинского революционного движения, изучение украинской географии и природных ресурсов, истории украинской диаспоры и многое другое⁹⁵. Теоретически провал на экзаменах по этим предметам мог привести к потере работы. И по этому поводу ходило множество анекдотов — о том, например, как судомойку попросили написать очерк об отражении революции 1905 г. в украинской литературе⁹⁶. С целью пропаганды украинской культуры не-

⁸⁹ Ваганян В. О национальной культуре. М.; Л., 1927.

⁹⁰ Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 158.

⁹¹ Сталин И. В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России (1920) // Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 62.

⁹² См., напр., речь Кагановича: Девятый съезд Коммунистической партии большевиков. С. 52–55.

⁹³ Хволья А. Национальный вопрос на Украине. С. 111.

⁹⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 155–158.

⁹⁵ Там же. Л. 155–158.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 265. Л. 46.

мало усилий и денег тратилось на развитие украинской оперы, театра, кино, литературы и т. д. И наконец, это означало, что советская власть заявляет о своих притязаниях на классическую украинскую культуру, и прежде всего творчество Шевченко. В 20-х гг. на Украине был создан настоящий культ Шевченко. Когда один старый большевик в своем очерке о национальной политике Украины выразил тревогу по поводу этого культа, ему сурово возразили, что «битва за Шевченко» является решающей: «Мы боролись [с националистами] за революционного Шевченко, за то, чтобы использовать Шевченко для революционного воспитания масс»⁹⁷. Украинизация подразумевала, что у Петлюры украдут не только его национальную политику, но и его национального героя.

Контроль за украинской культурой означал также, как это ни парадоксально, положительную деятельность. По мнению Ваганяна, каждый, кто говорил по-украински, мог руководить созданием интернациональной культуры на Украине. А согласно концепции Сталина, коль скоро существовала отдельная украинская национальная культура и от партии требовалось взять ее под свой контроль, то были нужны и этнические украинцы, знающие эту культуру. Именно потому принятые в апреле 1925 г. постановления призывали начать массовую кампанию по выдвижению украинцев и в партию, и на государственную службу. Следовало выявить всех безработных украинцев и обеспечить их работой⁹⁸. Украинское правительство попросило Москву предоставить работу на Украине всем украинцам, которые заканчивали вузы в РСФСР. Украинских преподавателей приглашали из-за границы. А если предстояли увольнения, то украинцам предоставляли преимущества по сравнению с неукраинцами⁹⁹.

Таким образом, постановления 1925 г. ознаменовали собой начало нового, беспрецедентно амбициозного этапа украинизации. Но насколько успешной оказалась эта кампания? Благодаря настойчивости Кагановича, требовавшего проводить частые проверки и составлять отчеты, у нас имеется немало данных, чтобы ответить на этот вопрос. Оказалось, что выполнять программы положительной деятельности на Украине было достаточно легко потому, что украинцы были не намного хуже образованы, чем русские. С января 1925 по

⁹⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 22–23; см. также: Оп. 7. Д. 120. Л. 59; Шевченко і національне визволення України // Більшовик. 1925. 11марта. С. 1; Роковина смерті Т. Г. Шевченка // Вісті ВУЦВК. 1925. 11 марта. С. 1.

⁹⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 35.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 678. Протокол 92, п. 8; Оп. 16. Д. 1396. Протоколы 63, п. 5; 65, п. 3; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 81, 108.

январь 1926 г. численность украинцев возросла: в партии — с 37,0 до 43,0 %; в комсомоле — с 50,9 до 63,0 %; на номенклатурных должностях в ЦК — с 15,4 до 34,4 %; в окружках — с 38,8 до 42,4 %; в райкомах — с 38 до 50 %¹⁰⁰. Аналогичные успехи отмечались и в советских органах. Украинцы составляли большинство в ВУЦИК (56,5 %), в окружных исполкомах (60,0 %), в райисполкомах (79,2 %) и сельсоветах (88,5 %)¹⁰¹. Представительство украинцев в местных партийных «тройках» (состоявших из секретаря парткома, заведующего Отделом кадров и заведующего Агитпропотделом) возросло с 31,3 до 37,3 %¹⁰². Процент украинцев в высших учебных заведениях также существенно возрос: в институтах — с 36,3 % до 43,9 %, а в техникумах — с 55,5 до 58,6 %¹⁰³. К концу 1926 г. уже сложилось впечатление, что проблема выдвижения украинцев на руководящие должности вот-вот уже будет решена.

Таблица 6. Печатные издания на украинском языке, 1923–1928 годы (в процентах)

Год	Газеты	Журналы	Книги
1923–1924	37,5	32,4	31,0
1924–1925	38,7	44,6	40,2
1925–1926	60,2	53,5	43,7
1926–1927	60,0	65,0	48,9
1927–1928	63,5	66,4	54,0

Источник: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1707. Л. 100–102.

Стремительных успехов удалось достичь и в украинизации социальной сферы. Вывески и официальные объявления были переведены на украинский. Как видно из таблицы 6, украинизация печатных изданий осуществлялась постепенно и систематически.

Однако имелись и определенные трудности. Апрельские постановления 1925 г. требовали украинизировать орган ЦК газету «Коммунист», однако противодействие внутри самой партии вынудило отложить это мероприятие до июня 1926 г.¹⁰⁴ Однако, даже несмотря на широкое распространение на Украине изданий на украин-

¹⁰⁰ ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 249. Л. 1–3; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 59. Л. 5; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2534. Л. 10–12. Десятий з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 20–29 листопада 1927 р. Стенографічний звіт. Харків, 1928. С. 526–527.

¹⁰¹ ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 249. Л. 1.

¹⁰² ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1709. Л. 64.

¹⁰³ Там же. Д. 1710. Л. 94–95.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протокол 17, п. 3.

ском языке, русские книги (благодаря ввозу печатной продукции из РСФСР) составляли 70–75 % украинского книжного рынка¹⁰⁵. Постепенно украинизировались школы. К 1927 г. на украинский язык стали преподавать в 80,7 % начальных школ, 61,8 % средних школ (семилеток) и 48,7 % профучилищ¹⁰⁶. А высшее образование так и оставалось «слабым местом». Пятилетний план украинизации высшего образования был предложен лишь в середине 1925 г.¹⁰⁷

В апрельских постановлениях 1925 г., как и в августовском постановлении 1923 г., придавалось большое значение украинизации государственных органов. Своими успехами в этой сфере украинское руководство особенно гордилось. В апреле 1925 г., после двух лет усилий, на украинском языке велось лишь 20 % делопроизводства центральных административных органов. А всего через восемь месяцев эта цифра возросла до 65 %¹⁰⁸. Однако, что неудивительно, этот прогресс был неравномерным. Хуже всего дела обстояли на Донбассе и юге Украины. Проводившуюся там украинизацию фактически признали совершенно поверхностной, так как там или нанимали переводчиков, или использовали «невероятно плохой украинский»¹⁰⁹. Что касается центральных административных органов, то здесь дела обстояли гораздо лучше в учреждениях, проводивших «мягкую линию» (ВУЦИК — 90-процентная украинизация, Комиссариат просвещения — 80-процентная), чем в организациях, осуществлявших «жесткую линию» (Комиссариат финансов — 45-процентная украинизация, Комиссариат по внутренним делам — 25-процентная, Комиссариат труда — 25-процентная)¹¹⁰. Положение дел в экономических трестах, особенно в общесоюзных, обстояло хуже. По сути, большинство трестов полностью бойкотировало украинизацию до тех пор, пока в конце 1925 г. партия не применила к ним «нажим»¹¹¹.

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протокол 14, п. 1.

¹⁰⁶ Девятый съезд Коммунистической партии большевиков. С. 456.

¹⁰⁷ *Лозовий О.* Українізація вузів // Вісті ВУЦВК. 1925. 6 авг. С. 1; ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10843. Л. 1–5.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 4. Л. 1; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 105. Л. 144; Д. 102. Л. 11; Девятый съезд Коммунистической партии большевиков. С. 526.

¹⁰⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 106; ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 8. Д. 287. Л. 11–13, 18–21; *Буценко А.* Українізація радянського апарату // Вісті ВУЦВК. 1925. 22 окт. С. 1. Высказывание Затонского см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 11.

¹¹⁰ *Булат І.* Як проводиться українізація в радянських і господарчих установах // Вісті ВУЦВК. 1925. 11 нояб. С. 2.

¹¹¹ О бойкоте см.: *Буценко А.* Українізація радянського апарату. С. 1; а также: *Булат І.* Як проводиться... С. 1. О кампании давления на экономические тресты с целью осуществления украинизации см. ряд отчетов: Українізація в господарчих установах // Вісті ВУЦВК. 1925. 17 дек. С. 4; 1925. 18 дек. С. 4; 1925. 21 дек. С. 4; 1925. 24 дек. С. 3; 1925. 4 дек. С. 4; 1925. 19 дек. С. 5; 1925. 24 дек. С. 5; 1925. 31 дек. С. 6.

Однако одним только делопроизводством на украинском языке кампания по украинизации не ограничивалась. Дальнейшая ее цель заключалась в том, чтобы все украинские государственные служащие хорошо овладели украинским устным и регулярно его использовали в своей повседневной работе. Для достижения этой цели была создана огромная сеть курсов украиноведения, существовавших в каждом госучреждении как в центре, так и в областях. Мне не удалось в точности определить, сколько именно человек посещало эти курсы, но их наверняка были сотни тысяч. Например, в июне 1926 г. от одного только железнодорожного ведомства на курсы украиноведения было направлено 45 096 служащих. В 1926 г. Одесский окружком сообщал, что, по официальным сведениям, украинский язык выучили 15 тыс. служащих¹¹². Таблица 7 показывает, каковы были результаты этой массовой кампании (на основании данных исследования ЦКК–РКИ, проводившегося в январе–феврале 1926 г.)¹¹³. Все служащие, по результатам экзаменов, были отнесены к одной из трех категорий: первая категория – хорошее владение украинским; вторая категория – слабое владение; третья категория – владение украинским языком крайне незначительно или отсутствует (таблица 7). Входившие в третью категорию подлежали увольнению.

Как и раньше, положение дел у административных работников было чуть хуже. К первой категории были отнесены лишь 11,3 % из них, а ко второй – 21,8 %. Эти показатели были лишь ненамного выше, чем показатели классово враждебных специалистов (9,7 % и 18,1 % соответственно)¹¹⁴. И, как сообщалось, несмотря на политику «нажима» и «жесткой линии», члены партии поддавались украинизации хуже, чем беспартийные¹¹⁵. Но хуже обстояли дела в комсомоле¹¹⁶. В процессе работы по-прежнему разговаривали по-русски¹¹⁷. И прежде всего на самом верху. Или, как шутил Петровский на заседании ЦИК: «Мы начнем собрание на украинском, а закончим его на русском»¹¹⁸. Переход на украинский язык в процессе работы так и остался нерешенной задачей.

¹¹² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 37; ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 4. Д. 1399. Л. 277.

¹¹³ Статистика комиссариата и треста основана на анкетировании 35 центральных комиссариатов, хозяйственных и торговых организаций. Статистика по округам основана на анкетировании 29 округов, в число которых входили промышленные округа, но в подборке не указывалось, какие именно комиссариаты, тресты и округа в нее включены, см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 105. Л. 144–150.

¹¹⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 29.

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протокол 14, п. 1; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Л. 102. Д. 16–18.

¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протокол 38, п. 7.

¹¹⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 165.

¹¹⁸ Вторая сессия ЦИК третьего созыва. С. 500.

Таблица 7. Знание служащими украинского языка, февраль 1926 года
(по категориям, в абсолютных цифрах и процентах)

	КАТЕГОРИЯ 1 (Хорошее)		КАТЕГОРИЯ 2 (Слабое)		КАТЕГОРИЯ 3 (Нулевое)	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Центральные Комиссариаты	1247	22,0	2,042	36,1	2,366	41,8
Центральные тресты	497	9,5	2,422	46,5	2,293	44,0
Окружные работники	9,799	22,4	20,641	47,2	13,249	30,3

Источник: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 105. Л. 144–150.

Таким образом, хотя Затонский и хвастался, что благодаря партийному нажиму удалось подавить открытое сопротивление украинизации, главной проблемой оставалось пассивное противодействие. Вряд ли можно было объяснить трудностью задачи то, что десятки тысяч служащих, бегло говоривших по-русски, так и не научились хотя бы слабо владеть украинским. Шумский говорил, что он выучил польский всего за полгода — после того как его послали в Польшу полномочным представителем Украины («А если бы меня послали в Китай, то я бы выучил китайский за два года»)¹¹⁹. В отчетах ЦК по-прежнему сообщалось о пренебрежительном отношении к украинскому языку. Руководитель окружного отдела образования так прямо и заявил инспектору по языку: «Я не знаю украинского, я не хочу учить украинского, но я умею петь украинские песни»¹²⁰. Как уже упоминалось выше, до самого последнего момента общесоюзные организации отказывались подчиняться украинизации хотя бы формально и по-прежнему брали на работу тех, кто не говорил по-украински¹²¹. Специалисты сообразили, какую они представляют ценность, и пригрозили тем, что уедут в РСФСР, если их будут заставлять учить украинский. В ответ на это партия сначала приказала ГПУ установить наблюдение за специалистами из-за их отношения к украинизации, но в конце концов пошла на попятную и продлила конечный срок овладения украинским языком для специалистов на полгода¹²². Встретила сопротивление даже и украинизация органа

¹¹⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 118.

¹²⁰ Там же. Оп. 20. Д. 1976. Л. 165.

¹²¹ Там же. Л. 164; Оп. 6. Д. 105. Л. 145; ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 4. Д. 1399. Л. 153.

¹²² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 86, 170, 189; Оп. 6. Д. 102. Л. 70.

ЦК партии Украины — газеты «Коммунист». Через месяц после того как она стала издаваться на украинском, ее тираж стремительно упал с 70 до 37 тыс.¹²³

Неослабевающее пассивное сопротивление создало для партийного руководства дилемму. В точности исполнить то, что предписывалось риторикой «жесткой линии», было невозможно. В таком случае пришлось бы уволить десятки тысяч людей — около 40 % всех канцелярских служащих Украины. В июле 1925 г. в конфиденциальном отчете Рабкрина, направленном Кагановичу, утверждалось, что установленный на 1 января срок завершения украинизации недостижим, но при этом сообщалось о широко распространенном представлении, «будто “конечный срок снова продлят, и потому не стоит торопиться” Следовательно, мы должны официально признать, что украинизация госаппарата завершена 1 января 1926 года»¹²⁴. Каганович согласился, и в декабре 1925 г. на IX съезде партии он заявил о том, что назначенный на 1 января конечный срок останется в силе и будут уволены лишь «злостные саботажники — те, кто не хочет учиться, кто игнорирует украинизацию»¹²⁵. Таким образом было торжественно провозглашено, что 1 января украинизация завершилась¹²⁶. Через три месяца было уволено 63 злостных саботажника. А остальным (численность которых достигала десятков тысяч), чтобы выучить украинский, было дано три месяца, до 1 июня 1926 г.¹²⁷ Однако задача не была выполнена даже и к этому сроку, и выборочные показательные увольнения продолжались. К 1927 г. было уволено 263 сотрудника центральной администрации Украины¹²⁸. Увольнения происходили и в областях, хотя точными данными о численности уволенных я не располагаю. Общее количество уволенных по всей Украине наверняка превосходило 500 человек, но могло доходить и до тысячи.

Но если показательные увольнения «злостных саботажников» успешно утихомирили открыто выражаемое противодействие украинизации, то за это пришлось заплатить широко распространившимся недовольством русских. Это недовольство находило для себя выход в письменных жалобах. Нападая на украинизацию, Юрий Ларин подкреплял свою критику ссылками на письма, публиковавшиеся

¹²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 50–51.

¹²⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1977. Л. 175–176.

¹²⁵ Девятый съезд Коммунистической партии большевиков. С. 148.

¹²⁶ *Касіянів С.* Закінчити українізацію // Вісті ВУЦВК. 1926. 9 янв. С. 1.

¹²⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 105. Л. 145; ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10854. Л. 3–4.

¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 106. Л. 18–19.

в «Правде»¹²⁹. Да и Сталин сообщал о том, что получал письма с жалобами — такие, например, как это¹³⁰:

«Вы должны сокрушить шовинистическую душу вредоносных украинских шовинистов. Мы, студенты, прочитали постановление Украинской республики, что в университет будут принимать только тех, кто знает украинский язык... Мы — многочисленные и пламенные защитники коммунизма. Мы допускаем, что надо оказывать поддержку национальным потребностям якутов, но уж никак не украинцев, которые прекрасно говорят по-русски, а Чубарь и Петровский открывают заседание на украинском, а заканчивают на его русском — некоторые из нас своими глазами видели подобные сцены... Нам всем плохо. Так пусть главным лозунгом будет такой: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь, и пусть каждый идет к свету и знаниям и входит в дом науки независимо от национальных наречий... Не убивайте пролетарского отпрыска. Долой шовинистов!»».

В ЦК Компартии Украины об этих настроениях знали и относились к ним со всей серьезностью. Когда Калюжный, член комиссии по украинизации Политбюро ЦК Компартии Украины, выступал с речью в Одессе, ему передали следующую записку¹³¹:

«Для вас более чем для кого другого должно быть ясным, что подавляющее большинство населения в Одессе и на Одесщине составляют русские и евреи. Зачем же по-ребячьи тешить себя и других, что это не так? Ведь поголовная украинизация подавляющего большинства неукраинского населения есть акт насильственного действия, свойственный колониаторской политике буржуазии... Вы хотите силком затащить всех неукраинцев, против их воли, в чуждую им украинскую культуру и навязать им украинский язык. Ведь нынешняя линия ведет к искусственному ассимилированию русского и еврейского населения среди привилегированной украинской нации... Как же это соотносить с национальной политикой партии? Никак... Надо же снять наконец шоры с глаз и не душить свободу языка неукраинской нации. Долго ли ЦК КП(б)У будет заниматься насильственной украинизацией и к чему это поведет?»

Кравчук 10.01.26

¹²⁹ Ларин. Об извращениях... // Большевик. 1926. № 23/24. С. 50.

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 164–165. Комментарии Сталина к полученным письмам см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 1.

¹³¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 2–3.

Текст этой записки Калюжный распространил на следующем заседании Политбюро по вопросам украинизации в качестве особенно яркого примера тех многочисленных антиукраинских записок, которые он получил.

Таким образом, в начале 1926 г. будущая судьба украинизации оставалась достаточно неопределенной. Официально намеченный на 1 января 1926 г. крайний срок ее окончания уже истек, и украинизация госаппарата была завершена. Но все понимали, что это совсем не так и что оставалось много работы, которую предстояло сделать. Тем не менее стоило ли возобновлять кампанию принудительной украинизации или же лучше было предпринять более осторожные меры, рассчитанные на длительную перспективу? Рост недовольства русских на Украине и в Москве вынуждал задуматься о необходимости постепенного подхода. С другой стороны, сила сопротивления украинизации требовала, судя по всему, усиления «жесткой линии» украинизации.

Вопрос о темпах украинизации действительно вызывал большие разногласия в Политбюро ЦК Компартии Украины в первой половине 1926 г. В середине марта, когда недолгая передышка в проведении украинизации закончилась, Политбюро ЦК Компартии Украины собралось, чтобы заслушать отчет Затонского о результатах проходившей в предыдущем году кампании по украинизации¹³². И на этом собрании, и на следующем заседании Политбюро в конце марта еле сдерживаемая личная неприязнь между Кагановичем и наркомом просвещения Украины Шумским переросла в открытое столкновение. А их противоборство, в свою очередь, положило начало политическому скандалу, который продолжался целых два года, потребовал личного вмешательства Сталина, вызвал кризис Коминтерна и в результате завершился осуждением того уклона, в котором были обвинены местные украинские коммунисты, — «шумскизма».

А пока достаточно сказать, что «дело Шумского» имело своим началом дискуссию об украинизации пролетариата. В марте 1926 г. Каганович потребовал, чтобы партия не пропагандировала принудительную украинизацию пролетариата. Это вызвало яростные возражения со стороны Шумского. Сталин встал на сторону Кагановича, и уклон Шумского был осужден. Не было ничего неожиданного в том, что в центре политической дискуссии оказался вопрос об украинизации пролетариата. Пролетариат (если воспользоваться выражением Затонского) был единственным русским «городским островком», на который не распространялось действие принятых в апреле 1925 г.

¹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протокол 14, п. 1.

постановлений об украинизации. Более того, это послабление стало возможным только благодаря личному вмешательству Сталина. Согласно первоначальному проекту обнародованного в апреле 1925 г. постановления об украинизации, в число тех, кто был обязан выучить украинский под угрозой увольнения, входили и представители профсоюзов. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) немедленно заявил свой протест Сталину, который, в свою очередь, перенаправил его первому секретарю ЦК Компартии Украины Квирингу, потребовав принять меры¹³³. Отвечая Сталину, Квиринг написал, что закон следовало бы скорректировать так, чтобы угроза увольнения не распространялась на работников профсоюзов¹³⁴. Таким образом, пролетариат и его представители были освобождены от участия в украинизации, проводимой в русле «жесткой линии», начало которой положили апрельские постановления 1925 г.

Действительно, увольнения в Кривом Роге проводили в зависимости от величины трудового стажа, а это означало, что несоразмерно больше других пострадали молодые украинские рабочие¹³⁵. Эта ситуация была диаметрально противоположна той, которая сложилась в восточных республиках Советского Союза, где при трудоустройстве на промышленные предприятия велась активная положительная деятельность. Это различие отчасти объяснялось особой озабоченностью Сталина тем, что имевший ключевое значение пролетариат Донбасса был недоволен советской национальной политикой. В 1926 г. в апрельском письме к Кагановичу Сталин выражал обеспокоенность тем, что принудительная украинизация может «вызвать в неукраинских слоях пролетариата на Украине антиукраинский шовинизм»¹³⁶. Предусмотрительность Сталина имела результат: в 20-е и 30-е гг. межэтнические конфликты в украинской промышленности возникали редко и не доставляли особых хлопот, особенно по сравнению с межэтническими конфликтами, которые случались на строительстве промышленных предприятий в восточных регионах Советского Союза, где часто применялось насилие¹³⁷.

Учитывая все эти факты, можно понять, почему столь бурной оказалась реакция Шумского на заявление Кагановича о том, что принудительной украинизации пролетариата не будет. Ведь вообще-то

¹³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 392. Л. 95–96.

¹³⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 8.

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 89.

¹³⁶ *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 172.

¹³⁷ Разумеется, как это явствует из главы 2, положительная деятельность не была главной причиной межэтнических конфликтов.

оно всего лишь подтверждало уже существующее политическое положение. Однако до сих пор эта политика осуществлялась молча, а потому факт включения Кагановичем этой фразы в новые тезисы ЦК об украинизации Шумский воспринял как явный сигнал о том, что к украинизации промышленных регионов Украины партия относится несерьезно. Шумский выразил недовольство тем, что это «лозунг, который может нанести урон украинизации пролетариата»¹³⁸. И такая интерпретация не была лишена оснований. Например, многие украинские руководители сообщали, что критика украинизации, с которой в апреле 1926 г. на сессии ЦИК выступили Ларин и Енукидзе (хотя и без официального разрешения, на свой страх и риск), украинскими партийными активистами была истолкована именно так¹³⁹. Потому-то руководство Компартии Украины и предприняло такие усилия, чтобы задушить любую критику украинизации внутри партии.

Однако вскоре выяснилось, что Шумский оказался плохим пророком. Состоявшийся в июне 1926 г. пленум ЦК Компартии Украины, обобщив успехи украинизации и наметив новые цели, главными объектами своей программы сделал профсоюзы и городские промышленные центры¹⁴⁰. И, что важнее, пленум провозгласил, что теперь украинизация уже не является всего лишь средством достижения смычки между городом и деревней или способом контролировать создание украинской культуры, но становится «одним из способов построения социализма»¹⁴¹. Выдвинув этот лозунг, партия попыталась ответить на широко распространенное мнение о том, будто украинизация не являлась фундаментальной задачей большевиков и не проводилась в русле «жесткой линии»: ключевой большевистской задачей было «построение социализма». Более того, как и в апреле 1925 г., эта резолюция была незамедлительно подкреплена делами. К их числу относились и произнесенный на партконференции доклад председателя профобъединения с резолюцией об украинизации профсоюзов, и резолюции Политбюро об украинизации партии, комсомола и работников транспорта (причем особое внимание уделялось украинизации промышленных регионов Украины). Ну и, наконец, была возобновлена работа Комиссии по украинизации Политбюро ЦК Компартии Украины, при активном участии ее председателя — Каганови-

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 4. Л. 10.

¹³⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 153. Л. 133; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 9. Л. 22; Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 128–129; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 67.

¹⁴⁰ Будівництво Радянської України. Т. I. С. 65.

¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 136.

ча¹⁴². Кроме того, в своих резолюциях Политбюро, чтобы ускорить украинизацию, особенно рекомендовало проводить показательные увольнения¹⁴³. Как уже упоминалось выше, количество получивших одобрение центра увольнений возросло с 63 (в марте 1926 г.) до 263 (в конце 1927 г.). Таким образом, несмотря на опасения Шумского, «жесткая линия» в проведении украинизации продолжилась.

142.

Провал всеобщей украинизации, 1926–1932 годы

Цель новой кампании, начало которой положил июньский пленум 1926 г., заключалась в том, чтобы выполнить изначальный, принятый в апреле 1925 г. план всеобщей украинизации, то есть сделать украинский язык господствующим языком всей общественной сферы Украинской ССР. На сей раз некоторым задачам было уделено меньше внимания, поскольку казалось, что в значительной степени они уже выполнены. Положительная деятельность осуществлялась по-прежнему, но теперь уже не в первоочередном порядке, потому что к этому времени в основных организациях украинцы составляли большинство. Партия удовлетворилась незначительным украинским большинством (50–60 %) и не требовала, чтобы представительство украинцев было в точности пропорционально их доле в совокупной численности населения (80,02 %). Украинизация начального образования и печати была в основном завершена, хотя, как мы увидим в дальнейшем, этот процесс продолжался и после июня 1926 г. И наконец, удалось значительно расширить сферу применения украинского языка в советских органах и учреждениях культуры.

На сей раз в фокусе украинизации были три проблемных направления: промышленный пролетариат; высшее образование и государственные органы, которые активно сопротивлялись украинизации языковой сферы (в особенности, общесоюзные хозяйственные органы в восточных промышленных районах Украины). К июню 1926 г. на каждом из этих направлений удалось достичь совсем немногого. И на протяжении следующих шести лет партия прилагала немалые, хотя и постепенно ослабевавшие усилия для того, чтобы добиться прорывов на этих трех направлениях. К 1932 г., несмотря на некоторые серьезные успехи, стало очевидно, что поставленная цель — дости-

¹⁴² Перша всеукраїнська конференція КП(б)У. 17–21 жовтня 1926 року. Стенографічний звіт. Харків, 1926. С. 294–309, 384; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протокол 38, п. 7; Д. 39. Л. 4; Д. 43. Л. 6; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 6–149.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Л. 216.

жение всеобщей украинизации — так и не достигнута. Шел процесс формирования двуязычной русско-украинской социальной среды. Фактически провал всеобщей украинизации произошел до декабря 1932 г., когда было принято постановление Политбюро, в котором официально заявлялось об отказе от этой цели. Следовательно, причину провала всеобщей украинизации надо искать не в этом постановлении и не в последовавшей за ним кампании террора 1933 г.; она выяснится в результате анализа последней шестилетней кампании, направленной на достижение тотальной украинизации.

Промышленные предприятия

Как уже отмечалось выше, руководителей компартии Украины чрезвычайно тревожила потенциальная угроза этнических конфликтов, которую таил в себе многонациональный пролетариат республики. Они никогда не собирались использовать в отношении пролетариата принудительные методы украинизации, которые применялись к государственным служащим. Во всяком случае, письмо Сталина, написанное в апреле 1926 г., осуществлять эту стратегию однозначно запрещало. Для рабочих не существовало обязательных курсов украиноведения; существовало лишь совсем немного чисто символических курсов, которые должны были продемонстрировать добровольный энтузиазм рабочих, вдохновленных идеей украинизации¹⁴⁴. Теоретически партийная дисциплина требовала, чтобы украинский учили все члены партии, даже и рабочие. Однако на деле немногие рабочие, состоявшие в партии, изучали украинский, а наказали за отказ его изучать еще меньше.

Да и работники профсоюзов по-прежнему были освобождены от исполнения апрельских постановлений 1925 г. От профсоюзов, большинство членов которых были украинцами, потребовали перевести свою бухгалтерию на украинский, но даже и это власти считали гораздо менее существенным, чем украинизация государственного аппарата. Положительная деятельность применялась при подборе профсоюзных работников, поскольку существовало сильное желание, чтобы эти должности занимали по преимуществу украинцы даже и в том случае, если большинство членов того или иного значимого профсоюза не были украинцами¹⁴⁵. Или, как это лаконично сформулировал Радченко, председатель Всеукраинского совета профсоюзов, «в аппарате наших профсоюзов украинцы представлены шире, чем

¹⁴⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 109; ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 10. Д. 336. Л. 54.

¹⁴⁵ Там же. Оп. 7. Д. 125. Л. 102–104; Оп. 20. Д. 2455. Л. 47; ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1250. Л. 34–35.

в рабочей массе в целом, и это, разумеется, правильно»¹⁴⁶. А при трудоустройстве промышленных рабочих к положительной деятельности никогда не прибегали.

Подводя итог, можно сказать, что в отношении государственных служащих применялись методы строгой дисциплины: либо они выполняют приказ, либо увольняются. Однако, как мы увидим далее, в конце концов партийные руководители отказались от применения таких методов. А по отношению к рабочим партия всегда применяла только убеждение. В постановлениях об украинизации пролетариата постоянно подчеркивалась необходимость разъяснять рабочим, что требуется «овладеть украинской культурой и активно участвовать в украинизации как в одном из процессов социалистического строительства»¹⁴⁷. А это подразумевало, что рабочие, являвшиеся по своему происхождению этническими украинцами, во-первых, должны признать, что они являются этническими украинцами, и, во-вторых, гордиться своей этнической принадлежностью. Различие подходов к административным работникам и рабочим прекрасно иллюстрируется на примере официальной реакции на осуществление политики украинизации. Когда речь шла о государственных служащих, то всегда упирали на неудачи и противодействие украинизации, а когда говорили о рабочих, наблюдалась противоположная тенденция — преувеличивать все успехи.

Акцент делался на культурной работе, проводимой на украинском языке¹⁴⁸. Эта стратегия включала в себя и попытку создать абсолютно украинскую среду в городе, распространив ее влияние на этот последний оплот русской культуры. Рабочих предполагалось буквально окружить украинской культурой. Собирались снабжать их украинскими газетами (республиканскими, городскими, заводскими и стенными), украинскими журналами и книгами. Для них намеревались создавать украинские театры (как городские, так и заводские) и проводить экскурсии в украинские музеи. На заводах их должны были окружить украинскими транспарантами и лозунгами. На украинском языке должны были проводиться как общеобразовательные лекции и публичные чтения, так и украинские культурные вечера¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Перша всеукраїнська конференція КП(б)У. С. 296.

¹⁴⁷ ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1250. Л. 34.

¹⁴⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 70; Д. 2455. Л. 48; ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1250. Л. 34–35.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протокол 42, п. 11; ЦДАГОУ. Ф. 17. Д. 125. Л. 102–104; Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 70; Д. 2455. Л. 48; ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1250. Л. 34–35; Стан українизації в промислових округах // *Гірчак Є. Ф.* Національне питання та правий ухил. Харків, 1930. С.151–158.

В полном объеме эту стратегию предполагалось осуществить лишь на тех предприятиях, где украинские работники составляли большинство, а там, где украинцы были в меньшинстве, она должна была осуществляться лишь частично.

Проект приобщения пролетариата к украинской культуре начал осуществляться умеренными темпами в 1926 г., но потом, с началом в 1928 г. культурной революции, эти темпы резко ускорились, в результате чего акцент был перенесен с создания украинской администрации и высокой культуры на содействие развитию модернизированной, индустриальной украинской культуры. Самым значительным событием культурной революции был трехмесячный фестиваль украинской культуры, проводившийся с июня по сентябрь 1929 г.¹⁵⁰ Он имел своей целью «мобилизовать внимание и активность партии, комсомола и трудящихся масс к задаче национально-культурного строительства, к пропаганде достижений украинской культуры и внедрению их в массы». Главный пропагандист фестиваля так описывал его методы: «Культпоходы в театры, кинотеатры, музеи; встречи с писателями, деятелями искусств, учеными; вечера украинской культуры — вот те новые формы, которые охватывают огромные массы людей и объединяют их с украинской культурой. И эти новые формы работы необходимо внедрить в рабочие районы и на предприятия»¹⁵¹. Знаменитые писатели и академики, включая даже и опального националиста Хвылевого, приезжали в промышленные районы Украины, чтобы читать вслух свои произведения и проводить лекции на свои профессиональные темы. В 1929–1930 гг. на Украине было проведено множество менее масштабных фестивалей-месячников и культпоходов, причем особое внимание уделялось сильно русифицированному Донбассу¹⁵².

Судя по всему, культурная стратегия пролетарской украинизации привела к некоторым результатам в деле внедрения украинского

¹⁵⁰ Гірчак Є. Ф. Національні питання та правий ухил. С. 32–43; *он же*. Завдання національно-культурного будівництва. До тримісячника української культури. Харків, 1929. Скрипник М. Для чого потрібен тримісячник української культури в Донбасі // Статті й промови. Т. II. Ч. 1. Національне питання. С. 142–143.

¹⁵¹ Гірчак Є. Ф. Завдання національно-культурного будівництва. С. 18, 34.

¹⁵² Луцький Ю. Ваплітянський збірник. Oakville, Ont., 1977. С. 63–68; Хвиля А. До розв'язання національного питання на Україні. Харків, 1930. С. 108, 136; XI з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 5–15 червня 1930 року. Стенографічний звіт. Харків, 1930. С. 280; Місячник української культури // Вісті ВУЦВК. 1930. 4 июня. С. 7; Мистецтво: місячникові української пролетарської культури // Вісті ВУЦВК. 1930. 1 июля. С. 10; Місячник української пролетарської культури під загрозою // Вісті ВУЦВК. 1930. 11 июля. С. 8; Місячник української культури — під вогонь пролетарської самокритики // Вісті ВУЦВК. 1930. 24 июля. С. 6.

языка на совершенно русифицированные украинские заводы. Трудно дать точную оценку достигнутым успехам, поскольку полное отсутствие украинизаторской деятельности до июня 1926 г. означало, что исследования не проводились и статистика не велась. И тем не менее проводившееся в феврале 1927 г. исследование пяти самых крупных харьковских заводов дает некоторое представление об общей ситуации¹⁵³. На трех из пяти заводов украинцы составляли большинство (80 %, 55 % и 55 %), на четвертом их было много (45 %), а на пятом они были в меньшинстве (28 %). На всех пяти заводах устная работа велась почти исключительно на русском. Подавляющее большинство подписок составляли подписки на русскоязычные газеты «Правда» и «Пролетарий». Буквально никто не подписался ни на рабочую газету «Пролетар», печатавшуюся на украинском языке, ни на газету «Комсомол України». На одном из заводов подписки на украинские журналы составляли 14,8 % от общего количества подписок (18 из 122), а на другом эта цифра составляла всего 1,6 % (22 из 1362). Заводские стенгазеты были почти исключительно русскоязычными. Количество украинских книг в заводских библиотеках колебалось от максимальных 3,0 % до минимальных 0,4 % (150 из 3400). Единственным позитивным результатом стала популярность украинской драматургии и хоровых ансамблей. Согласно более общему опросу, проводившемуся в январе 1927 г., на украинском языке, по приблизительным оценкам, проводилось лишь 16,7 % всех финансируемых профсоюзами лекций и бесед. В профсоюзах тяжелой промышленности этот показатель резко снижался, составляя 5,7 % для работников угольной промышленности и 7,9 % для работников химической промышленности¹⁵⁴. А если учесть, что неформальное общение было даже больше русифицировано, то, судя по всему, справедливо заключить, что по языку заводы на Украине были почти исключительно русскими.

Как и повсюду на Украине, самые стремительные и самые легкие успехи были достигнуты благодаря программам положительной деятельности. Продвигать этнических украинцев по линии профсоюзной иерархии было относительно просто. После 1926 г. их численность неуклонно росла, и к 1932 г. этнические украинцы составляли большинство почти на всех уровнях профсоюзной иерархии¹⁵⁵. Более

¹⁵³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Л. 54–63.

¹⁵⁴ Там же. Д. 2632. Л. 60об.

¹⁵⁵ *Liber G. Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923–1934. Cambridge, 1992. P. 67–86; ЦДАГОУ. Ф. 2605. Оп. 4. Д. 192. Л. 152–153.*

дивительными были успехи внедрения на предприятия украинско-го языка, поскольку эта политика встретила противодействие со стороны заводской администрации, профсоюзных работников и многих рабочих. В таблице 8 показано, каких успехов во внедрении украинского языка удалось достичь к июню 1932 г. по четырем категориям.

Таблица 8. Профсоюзная деятельность на украинском языке, июнь 1932 года
(в процентах)

Профсоюзы	Культурно-просветительные кружки	Лекции/дискуссии	Вечера культуры	Стенгазеты
Промышленные профсоюзы				
рабочников угольной промышленности	48,5	42,9	нет данных	10,1
шахтеров	61,9	75,0	39,7	29,2
рабочников машиностроения	62,6	66,6	нет данных	67,7
рабочников электрификации/специалистов-техников	21,2	6,9	3,1	48,3
рабочников химической промышленности	55,2	48,2	нет данных	68,4
рабочников печати	86,9	67,1	91,0	нет данных
рабочников строительства	61,5	48,0	нет данных	нет данных
рабочников железнодорожного транспорта	65,9	68,6	3,0	нет данных
рабочников медицины	46,1	33,2	47,9	нет данных
рабочников искусств	75,8	58,4	нет данных	нет данных
рабочников сельского хозяйства	97,8	96,8	97,5	нет данных

Источник: ЦДАГОУ. Ф. 2605. Оп. 4. Д. 192. Л. 144–145.

Хотя эти статистические данные и неполны, но они все-таки подтверждают, что украинский язык получил довольно широкое распространение в культурной работе, проводившейся профсоюзами. И хотя тяжелая промышленность оставалась менее украинизированной (учитывая тотальную русификацию этой отрасли), достигнутые в ней успехи были и в самом деле совершенно удивительными.

К украинскому языку охотно прибегали в обстоятельствах, требовавших исключительно пассивного знания украинского. На украинском языке часто проводились лекции. Количество украинских театров для рабочих возросло с 25 % в 1928 г. до 75 % — в 1931 г.¹⁵⁶ Концерты и выставки проводились преимущественно на украинском. Книги и газеты на украинском языке становились все более и более доступными. К 1931 г. 32 % книг в профсоюзных библиотеках были на украинском языке, хотя для библиотек, принадлежавших профсоюзам тяжелой промышленности, цифры разнились — от 14,5 до 19,3 %¹⁵⁷. К 1933 г. количество украинских книг в профсоюзных библиотеках возросло до 38 %. Такой резкий рост произошел благодаря принятому в 1932 г. апрельскому постановлению Наркомпроса, который предписывал, чтобы 85 % книг, посылавшихся во все библиотеки, были на украинском языке¹⁵⁸. В начале 30-х гг. на многих заводах количество подписок на украинские газеты было таким же, как и на русские¹⁵⁹. Разумеется, из этого не следовало, что все эти книги и газеты читались, а потому куда более существенным было то, что рос и процент заводских газет на украинском языке, поскольку они, по всей вероятности, представляли для рабочих большой интерес. А те мероприятия, на которых рабочим приходилось говорить (как, например, собрания общественности и политические дискуссии), проходили преимущественно на русском¹⁶⁰.

Разумеется, эта украинизация в сфере культуры была всего лишь одним из средств для достижения политической цели — создания на заводах преимущественно украинской среды. Культурная работа составляла лишь незначительную часть общей производственной деятельности. Гораздо больше помогла украинизации первая пятилетка, значительно ускорив приток украинских крестьян в промышленные города и на заводы Украины. Процент украинцев в больших промыш-

¹⁵⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 31.

¹⁵⁷ ЦДАВОУ. Ф. 2605. Оп. 4. Д. 192. Л. 31, 38.

¹⁵⁸ Там же. Л. 146–147, 182.

¹⁵⁹ Там же. Л. 112, 161; Д. 195. Л. 5; Місце ХЕМЗу — не в хвості, а в перших лавах // Вісті ВУЦВК. 1931. 16 июня. С. 3.

¹⁶⁰ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 24.

ленных городах с 1923 по 1926 г., а затем и по 1933 г. стремительно увеличивался: в Луганске (соответственно 21/43/60), в Запорожье (28/47/56), в Харькове (37/38/50), в Днепропетровске (16/36/48), в Сталино (7/26/31). Численность этнических украинцев среди рабочих в промышленности и строительстве возросла с 41,7 % в 1926 г. до составляющих прочное большинство 56,1 % в 1934 г.¹⁶¹ В соответствии с тем примером, который так часто повторял Сталин, со временем этот процесс должен был привести к украинизации городов Украины точно так же, как раньше нечто подобное произошло в Риге, Праге и Будапеште, ставших национальными городами. Но происходило ли это на самом деле? Привносили ли украинские крестьяне украинскую культуру на заводы, или же в годы первой пятилетки всего лишь продолжался процесс превращения украинских крестьян в городских русских?

Исследования языкового общения в производственной среде, проводившиеся в 1928–1933 гг. профсоюзами, ЦКК и агитпропотделом ЦК, наводили на мысль, что русский язык так и остался преобладающим. Почти всеми исследованиями было выявлено, что языком, которым пользовались для общения в процессе работы, был русский. То же самое относилось и к общим профсоюзным собраниям и массовой политической работе¹⁶². В партийных отчетах ответственность за такое положение возлагалась на заводские администрации, поскольку в процессе своей работы они разговаривали (а также все чаще вели переписку) по-русски и потому общались с рабочими исключительно на русском языке. Во всяком случае, новоприбывшие рабочие быстро приспособивались к среде с преобладающим русским языком. В исследовании, которое в 1929 г. ЦКК проводила на трех крупных харьковских заводах, сделан вывод, что этнические украинцы «там быстро русифицируются»¹⁶³. На основании масштабного исследования результатов украинизации, проводившегося агитпропотделом ЦК в декабре 1931 г., выяснилось, что приезжавшие на заводы Донбасса украинские крестьяне вначале, как правило, говорили по-украински, но над ними начинали смеяться, и они «потом от украинского языка отказывались»¹⁶⁴. И, что удивительнее, в профсоюзном отчете 1931 г. отмечалось, что рабочие отказались от украинского даже и на заво-

¹⁶¹ *Liber G.* Op. cit. P. 57, 197.

¹⁶² ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 6. Д. 1599. Л. 17; Оп. 5. Д. 1250. Л. 137; 178; Ф. 2605. Оп. 4. Д. 192. Л. 45об.; Ф. 112. Оп. 2605. Д. 4/194. Л. 25; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 21–29.

¹⁶³ ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1250. Л. 177.

¹⁶⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 28.

де, где украинцы составляли большинство, на заводе, находящемся в украинской культурной столице — Киеве¹⁶⁵.

Но в этих отчетах отмечался и второй существенный субъективный факт: и рабочие, и их руководители обычно считали русских и украинских рабочих одной культурной категорией — категорией этнического большинства, тогда как другие рабочие (немцы, поляки, татары и другие) считались национальными меньшинствами¹⁶⁶. Именно отсутствие сильного чувства культурной дистанции и было одной из причин поразительного отсутствия этнических конфликтов между украинцами и русскими — сравнительно с довольно серьезными конфликтами между русскими и титульными национальностями в других советских республиках. Составленный в декабре 1931 г. всесторонний отчет агитпропа об украинизации смог выявить всего несколько отдельных случаев этнических конфликтов, когда, например, русские шахтеры изводили своего недавно прибывшего сослуживца, украинца: «Эй ты, хохол, убирайся из нашей шахты; здесь работают только русские»¹⁶⁷. Одной из причин этого отсутствия этнической дифференциации был предусмотрительный отказ украинского руководства форсировать темпы украинизации и применять положительную деятельность при трудоустройстве на промышленные предприятия, а также разделять украинцев и русских на «отдельные секции» для проведения профсоюзной работы. Профсоюзная культурная работа могла вестись на русском, на украинском или на смеси этих языков, однако постановлением запрещалось создавать отдельные русскоязычные группы для русских рабочих и для украинских — на украинском¹⁶⁸.

Однако, несмотря на преобладание русского языка и отсутствие ярко выраженной этнической дифференциации, было бы неправильно утверждать, будто советская индустриальная культура всего лишь увековечила дореволюционную парадигму превращения украинских крестьян в русских. Ощущение принадлежности к украинскому народу все-таки постепенно создавалось. Правильнее было бы говорить о том, что и украинские крестьяне, и русские рабочие становились русифицированными украинскими рабочими. Большинство русифицированных украинцев на украинский язык не перешли, однако их противодействие украинизации было весьма пассивным, как и к большинству большевистских кампаний: «Раньше был Закон

¹⁶⁵ ЦДАВОУ. Ф. 2605. Оп. 4. Д. 192. Л. 58–59.

¹⁶⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 107; ЦДАВОУ. Ф. 2605. Оп. 4. Д. 192. Л. 91, 105.

¹⁶⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 33–35.

¹⁶⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Л. 47.

Божий, а вот теперь — украинизация». Согласно одному из отчетов, общественное мнение большинства можно было бы резюмировать в одной фразе: «Нечего вам нас переучивать!». И тем не менее даже на Донбассе небольшая часть рабочих все-таки приняла украинскую идентичность: «Среди некоторых украинских рабочих зарождается ощущение особой национальной гордости... Когда на заводе имени Октябрьской революции фининспектор стал произносить свои заключительные слова на украинском, некоторые рабочие настойчиво потребовали, чтобы он говорил по-русски, но вот зато другие настаивали на том, что он должен говорить по-украински»¹⁶⁹. Да и в других отчетах тоже отмечался рост своего рода украинского патриотизма даже среди русифицированных рабочих¹⁷⁰.

Невозможно сделать окончательные выводы на основании разрозненных, несистематизированных данных, но, судя по всему, настроения, которые приписывались в 1929 г. луганским рабочим, были типичными: «Большинство рабочих (как украинских, так и русских), которые долго жили на Украине, думают, что украинизировать взрослых рабочих — это и неправильно, и ни к чему: “Нам надо изучать более существенные и полезные предметы. Пусть лучше украинизируют детей через школы”»¹⁷¹. По этой схеме выработка городской украинской идентичности как для этнических русских, так и для украинцев должна была включать, с одной стороны, знание украинского языка, самоотождествление с украинской культурой и Украинской ССР, а с другой стороны, повседневное использование русского языка на работе. В своих воспоминаниях известный советский невозвращенец Виктор Кравченко, совершеннолетие которого пришлось на конец 20-х — начало 30-х гг., демонстрировал свою ярко выраженную украинскую идентичность и патриотизм, но в то же время настаивал на том, что специальное образование должно осуществляться по-русски¹⁷².

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на массовый приток украинцев на заводы промышленных городов Украины, несмотря на усилия властей по пропаганде на этих заводах украинского языка, заводская среда так и оставалась преимущественно русскоязычной. А приезжающие в города украинцы реагировали соответственно и перенимали русский, усваивая его в качестве своего профессионального языка, языка производства. Тотальной украинизации язы-

¹⁶⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 108–109.

¹⁷⁰ Хвиля А. До розв'язання національного питання на Україні. С. 92–118.

¹⁷¹ Там же. С. 108.

¹⁷² Цит. по: Liber G. Op. cit. P. 116–117.

ковой сферы так и не удалось добиться (это было просто невозможно сделать всего за шесть лет), да и никаких существенных шагов в этом направлении не предпринималось. А программа пропаганды украинской этнической идентичности и украинского патриотизма оказалась, судя по всему, более успешной — и не только по отношению к вновь прибывающим украинским крестьянам, но также и по отношению к русифицированным украинцам и многим этническим русским, долгое время проживающим на Украине. Таким образом, украинизация пролетариата развивалась, судя по всему, в направлении создания двуязычной территориальной украинской идентичности, открытой как для этнических украинцев, так и для русских.

Высшие учебные заведения

Важным общественным институтом, в котором люди усваивали городскую коммунистическую идентичность, помимо заводов были университеты, институты и техникумы. А потому для осуществления программы тотальной украинизации было делом первостепенной важности превратить вузы из одного русифицированного городского «островка» на территории Украины в украинскую с точки зрения языка среду. Отчасти это было вопросом престижа. Над украинским языком насмехались, его считали языком деревенским. Следовательно, чтобы побороть этот предрассудок, не было ничего лучше, чем сделать украинский язык языком науки. Существенней было то, что в университетах обучались будущие государственные служащие Украины. И украинизация госаппарата произошла бы, разумеется, гораздо легче, если бы, поступая на службу, новые работники уже умели бегло говорить по-украински и были знакомы с городской украинской средой. И в украинизации высшего образования, несмотря на существенное сопротивление, удалось достичь значительных успехов. Одна из причин этого успеха была чисто бюрократической. Самых пламенных поборников украинизации Наркомпрос собрал в своем аппарате. А потому у него были и средства, и желание осуществлять украинизацию. Кроме того, с февраля 1927 по февраль 1933 г. во главе этого наркомата стоял Микола Скрипник — самый страстный и самый влиятельный среди высших руководителей поборник украинизации.

Скрипник хотел, чтобы Украина стала образцом большевистского решения национальной проблемы. Именно потому такое значение имели для него высшее образование и гуманитарные науки. В мае 1926 г. он убедил Политбюро ЦК Компартии Украины создать при Украинском институте марксизма-ленинизма отдельный факультет для изучения национальной политики, и деканом этого факультета

стал сам Скрипник¹⁷³. Это было первое такого рода научное учреждение в Советском Союзе; Комиссия по изучению национального вопроса при Коммунистической академии в Москве была создана лишь в 1928 г.¹⁷⁴ В основном докладе, многозначительно озаглавленном «Национальный вопрос как отдельная научная дисциплина», Скрипник утверждал, что теория ленинизма покоится на трех столпах: взаимосвязи между партией и пролетариатом, взаимосвязи между пролетариатом и крестьянством и, наконец, взаимосвязи между пролетариатом развитых наций и революционным движением колониальных и полуколониальных народов. Отношения первых двух видов методично изучались, а третий вид отношений, по мнению Скрипника, находится в небрежении и требует особого внимания, «прежде всего на Украине»¹⁷⁵. Благодаря факультету Скрипника на Украине образовался избыток специалистов по национальной политике. Кроме того, на этом факультете готовили преподавателей, которые должны были составить штат сотрудников, обслуживающих одно новшество, созданное Скрипником, обязательный курс национальной политики, включенный в учебный план всех украинских вузов¹⁷⁶. Украинские студенты должны были не только учить украинский язык, но и понимать, почему их заставляют его учить.

Изобретательный Скрипник совершил теоретический прорыв, который принес немалую пользу делу украинизации. Одна только эта теория устранила главное препятствие, мешавшее расширению украинизации начального и среднего школьного образования, и уже в июне 1926 г. сеть начальных и средних школ с преподаванием на украинском языке охватывала почти все коренное украинское население. Судя по всему, это означало, что дальнейшего роста численности такого рода школ уже не произойдет, потому что советская политика в области образования решительно утверждала, что все дети должны посещать школы родного языка. Скрипник энергично поддержал это положение, так как оно означало, что украинские родители не имеют права посылать своих детей в русскоязычные школы даже тогда, ког-

¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протоколы 25, п. 6; 27, п. 18, 30; 33, п. 10.

¹⁷⁴ Комиссия по изучению национального вопроса // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 30. С. 261–262.

¹⁷⁵ Скрипник М. Статті й промови. Т. II. Ч. 1. Національне питання. Харків, 1929. С. 5–12.

¹⁷⁶ Про заведення до навч. планів вузів та технікумів курсу нацпитання // Бюлетень НКО. 1930. № 42. С. 5. ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 10. Д. 1128. Л. 4. Эти курсы были упразднены в январе 1933 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 68. Протокол 102, п. 28. Постановка наркома освіти УРСР тов. Скрипника М. О. // Бюлетень народного комісаріату освіти. 1933. № 3/4, 8/9.

да они этого хотят¹⁷⁷. Однако для некоторых этнических украинцев тут имелась одна лазейка.

Множество этнических украинцев говорили на русском языке как на родном. Скрипник неоднократно отмечал, что во время переписи 1926 г. 1,3 млн граждан заявили, что по национальности они являются украинцами, но их родной язык — русский, и только 200 тыс. граждан сказали противоположное. По мнению Скрипника, эти 1,3 млн русифицированных украинцев составляли «коэффициент прежней царистской русификаторской политики», тогда как другие 200 тыс. представляли «ранее русифицированных украинцев, которые теперь дерусифицируются. Они составляют коэффициент нашей национальной политики, проводимой в 1926 году»¹⁷⁸. Очевидно, Скрипник хотел поднять этот коэффициент за счет дерусификации остальных 1,3 млн русифицированных украинцев, но столкнулся с препятствием, которым был принцип образования на родном языке. Чтобы разрешить эту дилемму, он заявил, что русифицированные украинцы на самом деле говорили на «смешанном и исковерканном языке», содержащем элементы русского и украинского, хотя основой этой смешанной речи был, как правило, украинский, и, следовательно, большинство их детей можно смело посылать в украинские школы¹⁷⁹. Скрипнику понравилось такое разрешение дилеммы, и он неоднократно повторял свой довод в самых разных случаях¹⁸⁰.

Этот же аргумент позволял соответственно расширять сеть украинских школ. Подводя итоги 1929/30 уч. года, Скрипник смог сообщить, что школы с преподаванием на украинском языке посещало 97,4 % всех украинских детей, тогда как русских детей в них было всего 81,7 %¹⁸¹. А поскольку у многих детей, которые считались этническими украинцами, родным языком был русский, очевидно, что такая система начального и среднего образования нарушала принцип равенства языков и фактически делала украинский язык основным. Так, например, в Днепропетровске в школах родного языка обучалось лишь 69 % русских детей¹⁸². Кроме того, в ходе исследования,

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1709. Л. 81–83; ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10841. Л. 136–137; Д. 10842. Л. 1.

¹⁷⁸ Скрипник М. Зближення і злиття націй за доби соціалізму // Більшовик України. 1931. № 8. С. 35.

¹⁷⁹ Скрипник М. Перебудовними шляхами // Більшовик України. 1931. № 13–14. С. 32–34.

¹⁸⁰ Десятий з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. С. 525–526; Скрипник М. Стан та перспективи культурного будівництва на Україні. Харків, 1929. С. 53; Скрипник М. Національне питання. Ч. II. С. 142.

¹⁸¹ Скрипник М. Перебудовними шляхами. № 12. С. 27.

¹⁸² Там же. С. 26.

проводившегося в 1932–1933 гг., выявилось, что на Донбассе русскоязычные школы посещали лишь 74,8 % этнически русских детей и 62,7 % детей, для которых родным языком был русский¹⁸³. Таким образом, даже и в наиболее русифицированных областях Украины системы начального и среднего образования получили небольшой уклон в сторону украинского языка. Как уже отмечалось выше, многие родители вынуждены были согласиться на эти украинские школы, хотя Скрипник и признавал, что наибольшее противодействие его образовательной политике оказывали именно русифицированные украинцы¹⁸⁴.

Итак, наибольших успехов политика тотальной украинизации достигла в области начального и среднего школьного образования. И только в сфере печати достигнутые успехи были сопоставимы с успехами в системе образования, и лучшим доказательством этого был рост числа украинских газет. В соответствии с политикой создания украинской городской среды в 1929–1930 гг. партия начала кампанию украинизации газет почти всех крупных промышленных городов Украины¹⁸⁵. На состоявшемся в июне 1930 г. XI съезде Коммунистической партии Украины Косиор хвастался тем, что недавно были украинизированы все газеты Кривого Рога, Зиновьевска, Кременчуга, Одессы и Харькова¹⁸⁶. К концу 1930 г. единственным большим украинским городом с ежедневной газетой на русском языке оставалось Сталино, а его комсомольская газета уже была украинизирована¹⁸⁷. Таблица 9 дает представление как об огромном росте количества газет на украинском языке в 1932 г., так и о перспективе скорого исчезновения русскоязычной прессы на Украине.

Аналогичного преобладания украинского языка удалось достичь и в издании книг и журналов. К 1930 г. на украинском языке издавалось 84,7 % журналов, и постановлением ЦК предписывалась постепенная украинизация даже специальных и научных журналов. На украинском языке издавалось и 80 % всех книг (78,7 % их совокупного тиража)¹⁸⁸. Однако это преобладание в количестве изданий отнюдь

¹⁸³ ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 11. Д. 1121. Л. 51–54.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1709. Л. 85.

¹⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 35. Протокол 155, п. 21.

¹⁸⁶ XI з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. С. 278.

¹⁸⁷ *Liber C.* Op. cit. P. 60–61.

¹⁸⁸ В июне 1930 г. издавалось 84,8 % журналов на украинском языке (278 из 328), а многие другие — на языках национальных меньшинств (евреев, поляков, немцев). Январским 1930 г. постановлением ЦК предписывалась постепенная украинизация специализированных научных и технических журналов. Количество книг на украинском языке возросло с 54 % от общего числа всех издававшихся на Украине книг

не гарантировало преобладания и в численности читательской аудитории, что объяснялось массовым влиянием центральных изданий. Мы уже говорили о том, что большинство рабочих по-прежнему подписывались на общесоюзные газеты, несмотря на все усилия украинских властей этому помешать. Да и сам Скрипник в 1929 г. горько сетовал на то, что лишь 15 % продававшейся на Украине литературы было издано на украинском языке, тогда как остальные 85 % были представлены русскоязычной литературой, завезенной из РСФСР¹⁸⁹. Усиление централизации, которым сопровождалась первая пятилетка, привело и к усилению влияния русского центра, став главной причиной краха тотальной украинизации.

Таблица 9. Тиражи газет на Украине, 1923–1932 годы

Год	Украинский язык		Русский язык		Общий тираж
	тираж	в процентах от общего тиража	тираж	в процентах от общего тиража	
1923	14 373	12,5	100 440	87,8	114 827
1924	21 195	17,9	96 938	81,9	118 475
1925	нет данных		нет данных		нет данных
1926	53 387	29,9	121 392	68,1	178 309
1927	72 745	36,7	119 953	60,5	198 199
1928	111 098	46,3	123 096	51,3	240 030
1929	208 080	62,5	113 935	34,2	332 933
1930	349 290	76,7	85 080	18,7	455 406
1931	464 642	88,9	37 448	7,2	522 919
1932	950 295	91,7	48 948	4,7	1 037 164

Рассчитано по книге: *Liber G. Soviet nationality policy*. С. 60.

Именно усиление централизации стало и одним из факторов, замедлявших украинизацию высшего образования. Согласно первоначальным планам Наркомпроса 1924 г., все вузы, не обслуживавшие национальные меньшинства, должны были перейти к образованию на украинском языке на своих первых курсах к 1927/28 уч. году и за-

в 1927–1928 гг. до 80 % — в 1930 г. XI з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. С. 278; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 35. Протокол 145, п. 12. *Потанчук М.* Робітнича класа України в національно-культурному будівництві // *Більшовик України*. 1932. № 5/6. С. 130.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1709. Л. 84.

вершить украинизацию к 1930/31 уч. году¹⁹⁰. С прибытием Кагановича и ускорением украинизации были выдвинуты более амбициозные планы. Однако, как и в случае с украинизацией госаппарата, эти планы встретили значительное противодействие. Один преподаватель одесского вуза даже демонстративно отвечал по-турецки на все вопросы, с которыми обращались к нему на украинском¹⁹¹. А большинство преподавателей под разными предлогами просто пытались отсрочить украинизацию; например, один преподаватель из Днепропетровска заявил, что его изыскания не оставляют ему времени на изучение украинского языка вплоть до апреля 1931 г.¹⁹² Однако инспектора Наркомпроса настаивали на исполнении планов необыкновенно энергично, подкрепляя свои требования вполне правдоподобными угрозами уволить неподчинившихся¹⁹³. Впрочем, судя по многочисленным циркулярам, инспектора сталкивались с немалыми трудностями и при попытках заставить исполнять закон, согласно которому все студенты должны были выдержать экзамены на владение украинским языком как перед поступлением в украинский вуз (независимо от того, был он украинизирован или нет), так и при его окончании¹⁹⁴.

И тем не менее вполне очевидно, что к началу 30-х гг. большинство студентов украинских университетов были все-таки вынуждены выучить украинский в объеме, необходимом для работы. Таблица 10 позволяет судить о серьезных успехах в украинизации, достигнутых на протяжении 1928/29 уч. года. В 1931 г. ЦК Компартии Украины заявляло (пожалуй, чересчур оптимистично), что преподавание на украинском языке велось в 90 % институтов и 80 % техникумов¹⁹⁵. Как и прежде, наибольшее сопротивление украинизации оказывали технические вузы: именно на них в основном и были направлены усилия Наркомпроса. И все-таки, как констатировало проведенное в 1931 г. исследование, в большинстве (хотя и небольшом) украинских технических вузов (51,21 %) преподавание осуществлялось на украинском языке¹⁹⁶.

¹⁹⁰ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10843. Л. 1–5.

¹⁹¹ Там же. Оп. 9. Д. 784. Л. 68.

¹⁹² Там же. Оп. 10. Д. 336. Л. 104.

¹⁹³ Там же. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1250. Л. 63; Ф. 166. Оп. 6. Д. 10843. Л. 241.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 166. Оп. 10. Д. 336. Л. 119–120; Оп. 6. Д. 10841. Л. 122; Д. 10842. Л. 292.

¹⁹⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 2.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 166. Оп. 9. Д. 784. Л. 69; Оп. 10. Д. 336. Л. 119–120; Оп. 9. Д. 784. Л. 2; Про негайне надсилання відомостей за стан українзації инд. вузів та технікумів // Бюлетень народного комісаріату освіти. 1931. № 4. С. 7.

Тем не менее объявленные впечатляющие достижения оказались под угрозой, вызванной усилением централизации в ходе первой пятилетки. В 1929 г., согласно постановлению ЦК, все вузы были изъяты из исключительного ведения Наркомпроса и переданы соответствующим комиссариатам (медицинские вузы — Комиссариату здравоохранения и т. д.). Это означало, что технические вузы передаются в ведение Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) — общесоюзной организации, которая немедленно оспорила необходимость преподавания в них на украинском языке. Некоторые технические вузы Украины, не дожидаясь указаний, сразу же заявили об окончании украинизации или просто вернулись к преподаванию на русском¹⁹⁷. Скрипник бурно отреагировал на эту угрозу «деукраинизации», что вызвало конфликт между ним и центральными властями.

Таблица 10. Высшее и среднее специальное образование на украинском языке, 1926–1929 годы (в процентах)

Тип учебного заведения	Институты			Техникумы		
	1926–1927	1927–1928	1928–1929	1926–1927	1927–1928	1928–1929
Промышленно-технические	12,0	23,1	34,9	33,2	40,3	36,9
Сельско-хозяйственные	61,0	71,4	69,4	58,9	69,2	71,2
Общественных наук	16,0	42,3	62,5	26,3	33,0	67,1
Педагогические	56,8	75,0	70,1	67,8	82,7	76,0
Медицинские	10,5	28,3	54,9	33,3	43,2	56,4
Всего	32,9	45,8	58,1	46,5	55,6	59,6

Источник: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1710. Л. 2–3.

А самое яростное столкновение произошло в начале 1929 г., когда ЦКК занималась проверкой осуществления национальной политики. Руководитель проверочной комиссии Азатян спросил Скрипника, почему Днепропетровскому горному институту не разрешают вести преподавание на русском, хотя он находится теперь в ведении ВСНХ¹⁹⁸. К удивлению Азатяна, Скрипник разозлился и обвинил Азатяна в сменевеховстве, поскольку его вопрос предполагал, что общесоюзные организации, безусловно, должны быть русскоязыч-

¹⁹⁷ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 9. Д. 784. Л. 65–72.

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1709. Л. 81–93.

ными¹⁹⁹. Скрипник заметил, что Политбюро ЦК ВКП(б) заверило его в том, что переподчинение Горного института не приведет к его русификации²⁰⁰. Раздраженный вопросом Азатяна, Скрипник посетовал на то, что происходит отождествление центральных организаций и культурных интересов русских: «Я могу указать вам на целый ряд странных дел. Общесоюзные научные и культурные учреждения объявляют русские организации общесоюзными, и таким образом русская культура в разных сферах развивается двумя путями — за счет бюджета РСФСР и за счет бюджета всего Союза. Из-за этой [ситуации] культурные ножницы между русской культурой и культурой других национальностей не только не сокращаются, но даже становятся больше»²⁰¹. И здесь высказывания Скрипника опасно сблизились с взглядами сторонников той самой теории «борьбы двух культур», которую он сам же и осудил, когда она была выдвинута Лебедем и Хвылевым. Азатян же, в свою очередь, был возмущен тем, что Скрипник относился к нему как к «глупому русскому шовинисту (русотяпу)», и в своем заключительном отчете ЦКК обвинил Скрипника в национализме²⁰². Однако Политбюро ЦК Компартии Украины поддержало Скрипника, и потому это обвинение не имело прямых последствий²⁰³. И тем не менее даже в марте 1931 г. Наркомпрос тщательно приказывал Горному институту завершить украинизацию к 1931/32 уч. году²⁰⁴. Противодействие общесоюзных организаций стало одним из главных факторов, помешавших полной украинизации технических вузов Украины.

Украинские партийные руководители были обескуражены не только противодействием со стороны преподавателей вузов и общесоюзных организаций; огорчало их и то, что, как оказалось, молодежь вообще и студенты в частности относились к украинизации без всякого энтузиазма. Численность украинцев в комсомоле быстро возросла — с 50,9 % в январе 1924 г. до 66,1 % в октябре 1928 г.²⁰⁵. И тем не менее комсомол критиковали за то, что он украинизировался даже медленнее, чем партия. А особенно его критиковали за неспособность

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Л. 90. О сменовеховстве нерусских народов см. главу 6.

²⁰⁰ Там же. С. 91.

²⁰¹ Там же. С. 90–91. Во главе сменовеховского движения стояли русские националисты, утверждавшие, что большевистский режим стал служить национальным целям и потому заслуживает поддержки. Об этом движении см.: *Hardeman H. Coming to Terms with the Soviet Regime. DeKalb, 1994.*

²⁰² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 14.

²⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 25. Протокол 74, п. 13.

²⁰⁴ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 10. Д. 498. Л. 38–41.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1709. Л. 78.

«уяснить политическое значение [украинизации]»²⁰⁶. Свою речь, произнесенную в мае 1928 г. на VII конференции украинского комсомола, Каганович начал с того, что раскритиковал отношение комсомола к украинизации. Комсомольцы должны были служить «авангардом молодежи», но вместо этого они «отстали, сильно отстали... [из-за] легкомысленного отношения многих комсомольцев и членов партии к наиболее важному историческому процессу — осуществлению ленинской национальной политики»²⁰⁷.

Таблица 11. Украинцы в учреждениях высшего и среднего специального образования (в процентах от общей численности студентов)

Учебный год	Институты	Техникумы	Рабфаки
1924/25	30,5	56,9	45,3
1925/26	36,3	55,5	42,7
1926/27	43,9	58,6	57,8
1927/28	50,9	58,7	58,0
1930/31	56,0	66,0	нет данных

Источники: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1710. Л. 94–95; XI з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. С. 276.

Огорчило украинских руководителей и украинское студенчество. По данным, приведенным в таблице 11, можно судить, что, как и в комсомоле, этнические украинцы быстро стали большинством в украинских вузах. В 1930/31 уч. году украинцы преобладали (правда, незначительно) и в промышленных техникумах Украины (50,7 %) ²⁰⁸. Что касается городского пролетариата, то здесь украинского большинства удалось достичь и без применения официальных программ положительной деятельности. И в университетах, и на украинских заводах не наблюдалось почти никаких признаков этнических конфликтов, и это опять-таки представляло яркий контраст с тем, что происходило в восточных республиках.

Однако и здесь относились к украинизации без особого энтузиазма. Находившиеся в меньшинстве украинские студенты (а особенно студенты-гуманитарии) с воодушевлением поддержали украинизацию и страстно откликнулись на призыв Хвильевого создать со-

²⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протокол 33, п. 7.

²⁰⁷ Доклад тов. Л. М. Кагановича на VII всеукраїнському з'їзді ЛКСМ // Вісті. 1928. № 103, 4 мая. С. 2.

²⁰⁸ По сравнению с низким 20-процентным уровнем 1923–1924 гг. *Потатчук М.* Робітничя кляса України в національно-культурному будівництві // Більшовик України. 1932. № 5/6. С. 130.

временную украинскую национальную идентичность. Тем не менее Наркомпрос сетовал на то, что большинство студентов относятся к украинизации пассивно, а иногда даже и откровенно враждебно. Так, например, в Одесском морском техникуме студенты изводили преподавателя до тех пор, пока он снова не стал читать лекции по-русски²⁰⁹. Как уже отмечалось выше, Виктор Кравченко, несмотря на свой украинский патриотизм, вспоминал, что и он, и его товарищи, этнические украинцы, студенты Харьковского авиационного института, противились украинизации и тайком ее высмеивали, называя ее «национализмом в жанре оперы-буфф»²¹⁰. Аналогичное отношение к украинизации, согласно данным составленного в 1931 г. отчета ЦКК, наблюдалось и в вузах Одессы: «Отмечается беспечное, мелкобуржуазное отношение к украинизации, ироническое и насмешливое, а иногда даже и открыто враждебное»²¹¹. Скрипник пришел в ярость, узнав, что, когда преподаватель одного из вузов Одессы назвал украинизацию «актом насилия», а своих коллег, которые перешли на преподавание на украинском, «ренегатами», ни один студент ему не возразил. Промолчала даже и студенческая коммунистическая ячейка²¹². А с началом социалистического наступления среди студенчества даже возникло широко распространенное представление, будто форсированное строительство социализма сделало украинизацию атавизмом. Постышев называл это позицией «или индустриализация, или украинизация»²¹³. Иными словами, и после всей скрипниковской пропаганды считалось, что «украинское» и «современное» в корне противоположны друг другу.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что украинизация высшего образования оказалась самой успешной попыткой украинизировать непокорный русский «городской островок». И этот успех объяснялся двумя факторами. Во-первых, в отношении студентов и преподавателей, в отличие от пролетариата, можно было применять принуждение. Во-вторых, украинизацией в вузах руководили такие настойчивые люди, как Скрипник и его коллеги по Наркомпросу. И тем не менее в силу противодействия со стороны общесоюзных организаций даже в 1933 г. участь технических вузов оставалась неопределенной. Более того, университеты, хотя на них и оказыва-

²⁰⁹ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 9. Д. 784. Л. 68.

²¹⁰ Цит. по: *Liber G.* Op. cit. P. 116–117.

²¹¹ ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 9. Д. 1399. Л. 5.

²¹² *Скрипник М.* Непремьренним шляхом. Харків, 1929. С. 82–85.

²¹³ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии — ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 108.

ли давление, пытаясь внедрить украинский язык и пропагандируя украинскую культуру, так и не стали в итоге ударными войсками украинизации, на что так надеялся Скрипник. Однако, как и городской пролетариат, украинское студенчество испытывало симпатию к украинской идентичности, что не исключало использования ими русского языка в профессиональной деятельности и ярко выраженного ощущения советской идентичности.

Общесоюзные организации и госаппарат

К окончанию в июне 1926 г. первого этапа украинизации в русле «жесткой линии» на заводах и в вузах Украины удалось достичь лишь совсем незначительных успехов, однако в следующие шесть лет это положение существенно улучшилось. И совсем наоборот обстояли дела в государственных органах, хотя именно они и являлись главными объектами проводившейся в 1925 г. кампании принудительной украинизации. К июню 1926 г. на украинском языке велось уже 65 % административной деятельности, и был окончательно объявлен крайний срок завершения украинизации госструктур — 1 января 1927 г.²¹⁴ Однако дальнейший прогресс оказался крайне трудным, а в 1932 г. начала происходить частичная деукраинизация — в основном из-за того противодействия украинизации, которое было оказано центральными общесоюзными организациями. А это в высшей степени успешное противодействие, в свою очередь, помогало местным украинским администрациям (особенно в восточных промышленных районах) тормозить украинизацию.

Объектами украинизации, которая началась в апреле 1925 г., стали все государственные организации на территории Украины независимо от того, являлись они филиалами более крупных общесоюзных организаций или же были исключительно украинскими. Общесоюзные организации немедленно на это отреагировали, решительно заявив, что эти постановления незаконны. Третейские судьи в этом споре — ЦИК, Совнарком и Политбюро ЦК ВКП(б) — повели себя в высшей степени уклончиво и никакого однозначного решения не приняли. А в результате этот спор продолжался свыше семи лет, и окончательное официальное решение так и не было принято к тому времени, когда предпринятая в 1933 г. атака на украинизацию сделала предмет спора неактуальным. Этот спор представлял собой один пример исключительного положения Украины в национальном вопросе, поскольку она была единственной республикой, которая на-

²¹⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 39.

стаивала, и настаивала энергично, на своем законном праве заставить общесоюзные организации использовать украинский язык. В этом споре можно вычленить три вопроса. Вопрос первый: обязаны ли филиалы общесоюзных организаций на Украине вести переписку с украинскими организациями по-украински? Вопрос второй: обязаны ли филиалы общесоюзных органов на Украине вести свое внутреннее делопроизводство на украинском? Вопрос третий: имеют ли право украинские организации (включая филиалы общесоюзных учреждений и организаций на Украине) вести переписку с общесоюзными организациями в Москве на украинском? На практике в центре дискуссии оказались второй и третий вопросы.

Спор начался через месяц после публикации апрельских 1925 г. постановлений об украинизации — когда 5 мая 1925 г. ВСНХ направил свой протест Президиуму ЦИК, доказывая, что апрельские постановления 1925 г. выходят за рамки республиканской компетенции и требуют непомерных расходов²¹⁵. Решение вопроса было отложено до октября 1925 г., когда Совет национальностей, действовавший прежде всего в качестве лоббиста интересов нерусских национальностей, неожиданно отверг притязания Украины и однозначно принял сторону ВСНХ — одной из тех общесоюзных организаций, которая относилась к коренизации наиболее враждебно. Постановление Совета национальностей отрицало право республик навязывать общесоюзным организациям тот или иной внутренний рабочий язык (вопрос второй). Решение Совета национальностей было передано на утверждение в Президиум ЦИК. Украина немедленно заявила энергичный протест, доказывая, что это является нарушением принципов советской национальной политики²¹⁶. Одновременно ВЦИК постановил, что все документы, которые будут посылаться ему из автономных республик РСФСР, должны быть написаны по-русски (вопрос третий)²¹⁷. Это оказалось важным, потому что Сталин, вмешавшись в спор, высказался в пользу национальных республик и 18 ноября направил письмо Калинину, предписав ВЦИК отменить свое постановление²¹⁸:

«Члены Политбюро поручили мне (вечером 17 ноября) проинформировать вас, что ваше постановление противоречит партийной линии в национальной политике. Президиум должен его

²¹⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 177. Л. 14.

²¹⁶ Там же. Л. 8, 20–21.

²¹⁷ Там же. Оп. 64. Д. 43. Л. 1.

²¹⁸ Там же. Л. 1–2.

пересмотреть и изменить в том духе, что, во-первых, любые документы могут посылаться во ВЦИК представителями любой национальности на любом языке без каких-либо ограничений и, во-вторых, что в самом ВЦИК следует создать особый отдел переводчиков, сведущих во всех языках РСФСР».

Вероятно, об этом вмешательстве немедленно узнали в ЦИК, поскольку он сразу же отменил решение Совета Национальностей и попросил Совнарком принять постановление в поддержку позиции Украины²¹⁹. Письмо Сталина, хотя в нем затрагивался лишь третий вопрос, возымело немедленное практическое действие. Как уже отмечалось выше, в ноябре–декабре 1925 г. филиалы общесоюзных организаций на Украине, пусть и нехотя, начали украинизацию.

Таким образом, благодаря вмешательству Сталина этот вопрос, по всей видимости, был разрешен. Однако предложенный законопроект в поддержку позиции Украины так и завяз в Совнарком. Когда в июле 1927 г. Комиссариат по делам торговли и промышленности обратился с вопросом, действительно ли его филиалы на Украине должны, в соответствии с законом, перейти на украинский (как на этом продолжало настаивать украинское правительство), Президиум ЦИК так и не смог дать определенный ответ. Он мог лишь обратиться в Совнарком с просьбой принять официальный закон. Однако Совнарком всего лишь окончательно подтвердил, что советская армия обладает исключительным статусом и может вести свое делопроизводство на русском на всей территории Советского Союза²²⁰. Этот вопрос снова был поднят в центре в марте 1928 г., когда газета «Известия» пожаловалась ЦИК на то, что украинское правительство угрожает возбудить дело против представительства «Известий» в Киеве, если сотрудники газеты не пройдут экзамены на знание украинского языка. Президиум ЦИК попросил украинцев освободить от экзаменов сотрудников «Известий», но украинское правительство, недовольное тем, как общесоюзные газеты мешали его планам создания всецело украинской языковой среды, решительно отказалось. Тогда Президиум ЦИК сообщил «Известиям», что он ничего не может поделать до тех пор, пока вопрос не будет официально разрешен более высокими инстанциями²²¹. Прошло три года, но второй вопрос (о том, можно ли требовать от общесоюзных филиалов, чтобы они вели свою работу на местном языке) так и остался неразрешенным.

²¹⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 177. Л. 22.

²²⁰ Там же. Оп. 19. Д. 189. Л. 1–7.

²²¹ Там же. Оп. 21. Д. 130. Л. 3, 7–7об., 10–15; Оп. 16а. Д. 353. Л. 7.

Остался открытым и третий вопрос — о том, каким языком должны пользоваться украинские организации в процессе своей переписки с общесоюзными организациями в Москве. В апрельском постановлении ЦИК за 1924 г. содержалась просьба, а не требование, чтобы в ходе переписки с общесоюзными организациями республиканские органы «к тексту на национальном языке прилагали и его перевод на русский»²²². Этому решению абсолютно противоречило письмо Сталина, написанное им в ноябре 1925 г., однако закон так никогда и не был официально отменен. А потому на протяжении всего 1926 г. такие организации, как Комиссариат по делам торговли и промышленности, Верховный суд и ОГПУ жаловались ЦИК, что они получают из союзных республик неперевоенные материалы. Работавший в ЦИК специалист по делам национальностей посоветовал Президиуму ЦИК решить этот вопрос неофициально, коль скоро советская Конституция признавала равенство языков союзных республик, и потому было бы неконституционным его форсировать. Секретарь ЦИК А. С. Енукидзе послал секретарю каждой республики «дружеское письмо», в котором он соглашался, что с точки зрения Конституции вполне законно вести переписку с центром на языках республик, но при этом просил, чтобы они прилагали и русский перевод. Все республики, за исключением Грузии и, разумеется, Украины, ответили, что они уже и так ведут всю переписку на русском и будут продолжать делать это и впредь. Грузия ответила (скорее всего, нечестно), что у нее нет достаточного количества работников, хорошо владеющих русским, и что «не только из конституционных соображений, но также и в силу этих трудностей» она не сможет посылать русские переводы²²³. Украина солгала, сообщив, что она уже ведет переписку на русском, но при этом придает «большое политическое значение праву каждой союзной республики использовать язык своей собственной территории» и потому посоветовала ЦИК нанять переводчиков²²⁴.

Поскольку неофициальный, дружеский подход завершился неудачей, Комиссариат по делам торговли и промышленности, ссылаясь на приятное в апреле 1924 г. постановление ЦИК, начал возвращать корреспонденцию на украинском языке с такими, например, примечаниями: «Мы не сможем этим воспользоваться, поскольку документ написан на украинском языке, и потому [комиссариат] требует, чтобы вы выслали копии этого материала на русском, как это делают все остальные рабочие органы. Кроме того, мы просим, что-

²²² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 190. Л. 12.

²²³ Там же. С. 28–29, 43, 61–63.

²²⁴ Там же. С. 30, 37.

бы и в будущем вы посылали все материалы на всесоюзном языке». Этот ответ разозлил украинцев, которые пожаловались (и справедливо) ЦИК на то, что, согласно Конституции СССР, никакого «всесоюзного языка» не существует²²⁵. Этот вопрос имел для них большое значение, потому что вся программа тотальной украинизации оказалась под угрозой из-за того, что, по мнению сменовеховцев, «общесоюзное» и «русское» являются синонимами. Неизменно бдительный Скрипник рассмотрел этот вопрос в особом меморандуме²²⁶:

«Официальным языком в Украинской ССР является украинский, а русский является языком национального меньшинства — несмотря на его численную значимость, несмотря на тот факт, что за ним стоит вся русская культура и что он является языком, на котором писал Ленин и на котором ведется вся основная коммунистическая работа ЦК ВКП(б). Двужычие было нашей политикой до тех пор, пока мы не взяли курс на украинизацию государственного аппарата. [Двужычие] было отвергнуто после того, как мы приняли политику украинизации. Русский язык признается в качестве языка чрезвычайно значительного национального меньшинства».

ЦИК снова попросил, чтобы украинцы добровольно посылали материалы на русском, но украинцы им опять отказали²²⁷. Таким образом, и в этой сфере языковая политика оставалась неоднозначной.

И наконец, была образована официальная комиссия Политбюро в составе двух представителей от Украины (Кагановича и Чубаря) и одного представителя центра, Орджоникидзе, который к тому же был неофициальным специалистом Политбюро по грузинским делам. С февраля по май 1928 г. этот вопрос ставился в повестке дня Политбюро шесть раз, а потом официально откладывался — по причине непрекращающихся разногласий²²⁸. А 17 мая 1928 г. была принята следующая резолюция²²⁹:

«1. Признать правильным решение украинского правительства, согласно которому от работников всесоюзных государствен-

²²⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 190. Л. 12. С. 8, 5.

²²⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 150. Л. 129–130.

²²⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 190. Л. 10–14.

²²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 688. Протокол 26, п. 14; Д. 672. Протокол 9, п. 28; Д. 674. Протокол 11, п. 2; Д. 675. Протокол 12, п. 1; Д. 685. Протокол 26, п. 18; Д. 686. Протокол 24, п. 1; Д. 687. Протокол 25, п. 1. О том, как в марте 1928 г. Украина отвергла предложение Куйбышева, см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 3.

²²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 688. Протокол 26, п. 14.

ных и хозяйственных органов требуется изучать украинский язык и использовать украинский язык в их переписке со всеми украинскими организациями и с населением Украины.

2. Учитывая то, как трудно будет в ближайшем будущем найти знающие украинский язык квалифицированные управленческие кадры, Политбюро заявляет, что период, необходимый для внедрения украинского делопроизводства на всесоюзные предприятия, продлевается.

3. Признать неправильным любое толкование закона об изучении украинского языка, которое помешало бы брать на работу тех, кто не знает украинского.

4. Признать, что для Красной Армии действующая практика остается в силе (то есть использование русского языка. — Т. М.)».

Украинцы и на сей раз одержали победу в принципе, хотя на практике оставалось довольно много неясного. Во-первых, со времени первоначально установленного срока завершения украинизации прошло уже два с половиной года, и теперь их опять просили продлить конечный срок на неопределенное время. Во-вторых, установленное, хотя зачастую и не соблюдаемое правило о том, что нельзя принимать на работу тех, кто не говорит по-украински, теперь не соблюдалось. И тем не менее в конце концов удалось добиться, чтобы Политбюро официально одобрило их позицию.

Однако время для принятия этого решения оказалось неудачным. За те два с половиной года, пока положение оставалось неопределенным, филиалы общесоюзных организаций на Украине смогли притормозить украинизацию. Во время проводившегося в январе–феврале 1927 г. исследования выяснилось, что хорошо говорили по-украински лишь 27,0 % служащих общесоюзных хозяйственных трестов, а 8,9 % входили в категорию тех, кто совершенно не знает украинского. Согласно официальному украинскому закону, их всех следовало уволить. Более того, 29,2 % этих служащих увильнули и от экзаменов по украинскому языку. С другой стороны, в украинских комиссариатах 50,3 % служащих говорили по-украински хорошо, а не знали языка лишь 2,2%²³⁰. Однако с середины 1928 г. в силу постановления Политбюро общесоюзные организации больше уже не могли утверждать, что украинизация на них не распространяется, и потому кое-каких успехов достичь все-таки удалось.

Правда, после начала в 1928 г. сталинской индустриализации филиалы общесоюзных учреждений и организаций возобновили бой-

²³⁰ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Л. 190–190об.

кот украинизации. Как мы уже видели, усиление централизации, которым сопровождалась сталинская «революция сверху», затруднило также украинизацию технических вузов. Теперь многие члены партии ощущали, что благодаря социалистическому наступлению коренизация и украинизация стали анахронизмами. Это изменение отношения к коренизации имело последствия даже для Грузии, где положение грузинского языка было настолько надежным, что оно редко обсуждалось во времена нэпа. И тем не менее в июле 1929 г. на VI съезде компартии Грузии, своевольный грузинский коммунист Жгенти выступил с яростной речью против растущего влияния русского языка²³¹. Он отметил, что ЦК Компартии Грузии все больше и больше использует в своей работе русский язык и лишь окончательные резолюции переводит на грузинский. Русским пользовались и для того, чтобы рассылать циркуляры по областям, хотя там его зачастую едва понимали. На проходившем незадолго до этого в Тифлисе съезде партии в президиум поступила записка: «Почему вы говорите по-грузински? А не является ли это правым уклоном?»²³² Вину за это Жгенти и его сторонники возложили на Закавказский крайком, все более и более укреплявший свое влияние. И в данном случае ЦК встал на сторону грузин²³³. Сталин редко посещал заседания Оргбюро, но, появившись на одном из его заседаний 19 октября 1931 г., он раскритиковал крайком за чрезмерную централизацию и заявил, что его представители извращают советскую национальную политику. После вмешательства Сталина этот вопрос снова исчез с повестки дня²³⁴.

На Украине, где положение национального языка было гораздо более шатким, «наступление социализма по всему фронту» оказало огромное влияние. В 1928–1929 гг. общесоюзные организации снова стали бойкотировать украинизацию²³⁵. Например, Комиссариат по делам торговли и промышленности дерзко сообщил украинскому ЦК, что работающие в комиссариате инспектора по хлебозаготовкам будут использовать бланки на русском языке, потому что они мало связаны с Украиной²³⁶. Реагируя на изменение политической ситуа-

²³¹ VI съезд КП(б) Грузии. Стенографический отчет. Тифлис, 1929. С. 95–101.

²³² Там же. С. 98.

²³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 18. Д. 29. Протокол 33, п. 25; Постановление ЦК ВКП(б) по докладам Заккрайкома, ЦК Грузии, ЦК Азербайджана и ЦК Армении // Известия ЦК ВКП(б). 1931. № 23. С. 58–61.

²³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 265. Л. 75–202; Оп. 18. Д. 34–39, 45–47; Второй объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б) Грузии. Июнь 1932 г. Стенографический отчет. Тифлис, 1931; IX съезд КП(б) Грузии. Стенографический отчет. Тифлис, 1935.

²³⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 125. Л. 102–104.

²³⁶ ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 6. Д. 1582. Л. 10.

ции, изменил свою позицию и Президиум ЦИК. 3 ноября 1929 г. он выпустил постановление, согласно которому переписку со своим центральным начальством филиалы общесоюзных организаций должны были вести на русском языке, а с республиканскими властями — на языке республики. Внутреннее делопроизводство могло вестись и на русском (что противоречило принятому в 1928 г. постановлению Политбюро), но только если оно не имело непосредственной связи с республиканскими властями. В постановлении ЦИК уточнялось, что это не освобождает служащих от их обязанностей изучать республиканские языки. Разумеется, Политбюро Коммунистической партии Украины немедленно опротестовало это постановление²³⁷. Таким образом ситуация снова оказалась тупиковой. Постановление не было отменено, но оно и не было опубликовано, что представляло собой забавную разновидность компромисса. Таким образом, когда в 1931 г. руководство Всесоюзной фабрично-заводской инспекции обратилось с запросом в ЦИК, на каком языке следует работать его инспекторам, ему выслали неопубликованное постановление от ноября 1929 г., однако на просьбу распространить это постановление среди инспекторов ЦИК ответил отказом, ссылаясь на то, что оно является секретным. Таковой официальной правовой ситуацией оставалась до конца 1932 г.²³⁸

Однако, несмотря на тупиковую ситуацию, возобновить процесс внедрения украинского языка в учреждения не удалось. Инспекторы по украинизации сообщали, что «на практике некоторые служащие восприняли [ноябрьское постановление ЦИК] в том духе, будто оно освобождает их от всяких обязанностей по изучению украинского языка. Более того, опираясь на это постановление, общесоюзные организации начали искоренять любую украинизацию в своем внутреннем делопроизводстве, и служащие перестали изучать язык. И численность обучающихся служащих, а особенно в Харькове, начала сокращаться»²³⁹. В июле 1930 г. администрация Юго-Западной железной дороги разослала циркуляр, требовавший выполнения постановления ЦИК от 1929 г., включая, в частности, и пункт об обязательном изучении украинского языка. Однако, по сообщениям инспекторов, в результате «среди всех служащих и работников транспорта воцарилось мнение, будто в транспортной сфере украинский язык находится под запретом»²⁴⁰.

²³⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 643. Л. 6–8; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 25. Протокол 99, п. 7.

²³⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 643. Л. 1–9.

²³⁹ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10854. Л. 523.

²⁴⁰ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4171. Л. 2–5.

Это мнение получило распространение в филиалах общесоюзных учреждений на Украине. В исследовании состояния украинизации, проведенном агитпропом в декабре 1931 г., говорилось, что вся транспортная отрасль на Украине «проводит русификаторскую политику». А самым дерзким поступком было удаление всех украинских вывесок с железнодорожной станции столицы Украины, Харькова, и их замена на русские. Всесоюзное объединение «Сталь» перевело свое делопроизводство обратно на русский. Власти Черноморско-Азовского морского пароходства в Одессе, Николаеве и Херсоне договорились вести переписку по-русски²⁴¹. О подобных случаях сообщалось и в других отчетах 1931–1932 гг.²⁴² Ни в одном из этих случаев переход на русский не получил одобрения украинских властей, но в 1932 г. они чувствовали себя совершенно неспособными повлиять на этот процесс. В июле 1932 г. исследователь сообщал, что «вся письменная работа в организациях и на предприятиях всесоюзного значения, а также на транспорте ведется преимущественно на русском»²⁴³. Это нанесло смертельный удар по программе тотальной украинизации, поскольку общесоюзные предприятия были представлены на Украине чрезвычайно широко, а особенно на промышленном Востоке. Более того, их поведение разлагающе действовало и на местные украинские организации, подавая им дурной пример. К концу 1926 г. украинскому руководству казалось, что украинизация переписки, ведущейся в процессе административной работы, уже почти завершена. А в 1932 г. об этом уже не могло быть и речи.

Успешное сопротивление общесоюзных предприятий помогло ускорить постепенное сворачивание украинизации, осуществлявшейся в русле «жесткой линии». Как уже отмечалось выше, украинизация в русле «жесткой линии» проводилась в двух основных направлениях. Во-первых, наряду с другими организациями, проводившими «жесткую линию» (такими как ЦКК и Совнарком), руководство этим процессом взяла на себя сама партия, вместо того чтобы предоставлять осуществление национальной политики ее традиционным кураторам, действовавшим в русле «мягкой линии», то есть Наркомпросу и ВУЦИК. Тем самым скептически настроенным рядовым большевикам показали, что национальная политика была большой заботой большевиков, а не одноразовой краткосрочной стратегией. Таким образом предполагалось преодолеть распространенное мне-

²⁴¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 12–15.

²⁴² ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 10. Д. 336. Л. 37; Д. 968. Л. 31–33; Ф. 539. Оп. 10. Д. 1128. Л. 1; Ф. 539. Оп. 9. Д. 1399. Л. 27.

²⁴³ Там же. Д. 968. Л. 31.

ние, будто вопросы и организации культуры являются национальными, а хозяйственные и политические организации и вопросы — общесоюзными и потому, следовательно, имплицитно русскими. Второй особенностью украинизации была готовность для поддержки этой политики использовать принуждение. Украинизация в русле «жесткой линии» продолжалась и после отъезда Кагановича в середине 1928 г., но затем постепенно сошла на нет. И к началу 1932 г. она уже не проводилась.

Проведение украинизации в русле «жесткой линии» было обеспечено активным участием ЦК, символом и воплощением которого была комиссия Политбюро по украинизации под председательством Кагановича, деятельно участвовавшего в ее работе. Комиссия регулярно собиралась в июне 1928 г. Но хотя она официально существовала, по крайней мере, до января 1931 г., нет никаких свидетельств того, что она вела хоть какую-нибудь работу с середины 1928 г.²⁴⁴ Таким образом, комиссия прекратила свою активную деятельность именно в тот момент, когда на посту генерального секретаря Компартии Украины Кагановича заменил Станислав Косиор. Внимание на эту связь обратил бывший боротьбист Иван Майстренко, участвовавший в то время в украинизации: «Косиор не боролся за украинизацию с тем же упорством, как Каганович». Каганович неплохо говорил по-украински, чего нельзя было сказать о Косиоре, и это «затрудняло украинизацию партийных кадров»²⁴⁵. И тем не менее Косиор активно поддерживал украинизацию и энергично защищал ее от постоянно звучавшей в 1928 г. партийной критики. Более того, социалистическое наступление, как мы уже видели, имело и свое собственное, независимое влияние, привлекая внимание ЦК все больше и больше. И в результате украинизация была перепоручена гораздо менее влиятельному Агитпропотделу, имевшему влияние на прессу и на культуру, но никак не на правительство и хозяйственников²⁴⁶. Ослабло и внимание к украинизации со стороны ЦКК. В 1928 г. ЦКК провела несколько всесторонних исследований украинизации. А в 1929–1932 гг. она постепенно сокращала количество исследований — да и те проводились в ограниченном масштабе и время от времени.

²⁴⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 1–66; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 40. Протокол 28, п. 38.

²⁴⁵ *Майстренко І.* Історія мого покоління. Едмонтон, 1985. С. 227–228.

²⁴⁶ Единственным масштабным исследованием, посвященным украинизации, было исследование агитпропа, проведенное в декабре 1931 г., по его итогам даже не было принято резолюции ЦК. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 45. Протокол 87, п. 4.

Комиссия Политбюро представляла собой вершину иерархически соподчиненных комиссий, созданных в 1925 г. и включавших в свое число как комиссию Совнаркома, так и комиссии, действовавшие в каждом округе, городе и на каждом крупном заводе, и предназначались они для того, чтобы проверять исполнение политики украинизации. Комиссия Совнаркома активно действовала на начальном этапе украинизации, но в конце 1927 г. собралась в последний раз²⁴⁷. Да и местные комиссии, лишившись всякого действенного руководства, тоже прекратили свою работу. В 1931 г. они существовали чисто формально²⁴⁸. Официально эту ситуацию признали в 1932 г., когда комиссии были заменены подчиненными Наркомпросу «областными инспекторами по украинизации»²⁴⁹. Это всего лишь узаконило ситуацию, существовавшую уже целых четыре года. С начала 1928 и до конца 1932 г. контроль за осуществлением украинизации осуществлял Наркомпрос и его отдел по ликвидации украинской неграмотности (Ликукнег). Как и в 1925–1926 гг., двумя главными функциями Ликукнега были создание курсов украинского языка для госслужащих и периодическая проверка их знаний. И он это делал весьма энергично. Ликукнег занимался подготовкой новой экзаменационной кампании, демонстративно распространявшейся и на общесоюзные предприятия даже в конце 1932 г., накануне его упразднения в ходе террора, начавшегося на Украине в 1933 г.²⁵⁰

Однако Ликукнег не обладал необходимыми полномочиями для того, чтобы заставить исполнять его программу. Основным средством была угроза уволить тех, кто отказывался учить украинский. Как уже отмечалось выше, в 1927 г. было уволено несколько сот таких людей. Ликукнег продолжал грозить увольнением вплоть до конца 1932 г., однако после 1927 г. увольнений становилось все меньше и меньше²⁵¹. Кроме того, Ликукнег обнаружил, что невозможно выполнить требование ко всем организациям не нанимать сотрудников, не сдавших экзамен на знание украинского языка. В ходе иссле-

²⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 34. Протокол 158, п. 1.

²⁴⁸ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10854. Л. 422; Оп. 8. Д. 287. Л. 11; Ф. 539. Оп. 10. Д. 1128. Л. 1; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 2–9.

²⁴⁹ Про утворення посади обл. інспектора українізації та про його функції // Бюлетень НКО. 1932. № 38. С. 6–7.

²⁵⁰ Про іспити з української мови для службовців усіх установ та підприємств як республіканського, місцевого, так і всесоюзного значення установ транспорту та різних організацій // Бюлетень НКО. 1932. № 59. С. 3–8.

²⁵¹ Об угрозе увольнения см.: ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10854. Л. 528; Ф. 539. Оп. 7. Д. 1192. Л. 9. Я обнаружил сведения всего лишь об одном случае увольнений после 1927 г. Но даже в 1931 г. инспектор Ликукнега в Киеве сообщал о 26 увольнениях. ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 10. Д. 336. Л. 13.

дования, проводившегося в Одессе в 1931 г., было выявлено, что на самом деле скорее подлежали увольнению те, кто знал украинский²⁵². Ликукнег по-прежнему записывал на курсы украиноведения десятки тысяч людей, но эти курсы, как правило, закрывались из-за непосещаемости. В 1931–1932 гг. в Харькове было создано 170 курсов для десяти тысяч служащих, но в действительности действовали лишь 35 курсов²⁵³. Кроме того, Ликукнег продолжал время от времени проводить экзамены. В 1927–1930 гг. всесторонние проверки намечались для всех служащих, однако все больше и больше людей на эти экзамены попросту не являлись и оставались абсолютно безнаказанными²⁵⁴. И хотя Ликукнег неоднократно предпринимал попытки провести всесторонние испытания, ни в 1931, ни в 1932 г. ему этого сделать не удалось²⁵⁵.

Одним словом, украинизация продолжалась с 1928 по 1932 г. Ежегодно десятки тысяч людей посещали курсы и сдавали экзамены. Однако при этом, в отличие от периода 1925–1927 гг., десятки тысяч отказывались или посещать курсы, или сдавать экзамены — и не испытывали при этом страха наказания. Кроме того, Ликукнег все больше и больше тревожило то, что никаких успехов не достигалось из-за «рецидивизма», поскольку те, кто приобретал поверхностное знание украинского, терял его из-за того, что не пользовался им на работе²⁵⁶. Из таблицы 12 видно, что именно вызывало тревогу Ликукнега. В ней показывается, как в 1928 г. уровень знания украинского языка повышался, а потом в 1930 г. произошел незначительный спад.

На Донбассе, который в тот период находился в самом центре украинизации, знание украинского языка служащими возросло с 5,7 % в 1927 до 16,9 % в 1928 г., однако в 1930 г. оно снова упало до 8,5 %. Но важнее то, что число лиц, вообще не явившихся на экзамены, возросло с 21,5 % в 1927 г. до 56,7 % в 1930 г.²⁵⁷ В 1930 г., по словам газеты «Вісті», чувствовалось, что «уровень украинизации среди

²⁵² ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10855. Л. 135об.

²⁵³ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 10. Д. 336. Л. 31–34, 90–91; Ф. 539. Оп. 5. Д. 1250. Л. 224–230; Оп. 10. Д. 1128. Л. 10.

²⁵⁴ Об этих экзаменах, проходивших в 1927–1930 гг., см.: ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10854. Л. 517–532. О массовом отказе от сдачи экзаменов см.: ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 10. Д. 336. Л. 37.

²⁵⁵ Бюллетень НКО. 1931. № 27. С. 9–12; 1931. № 40. С. 12–13; 1932. № 39. С. 6–7; 1932. № 59. С. 3–8.

²⁵⁶ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10854. Л. 517; Ф. 539. Оп. 7. Д. 1192. Л. 13; Оп. 5. Д. 1250. Л. 58.

²⁵⁷ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10854. Л. 519.

служащих значительно снизился»²⁵⁸. И эти опасения были подтверждены проводившимися в 1931–1932 гг. региональными проверками, которые на сей раз выясняли только, знают ли служащие украинский или нет: в Киеве не знали украинского 58 % подвергшихся испытаниям; в Одессе — 50 %; в Харькове — 60 %. И это вынудило Ликукнег в августе 1932 г. разослать циркуляр, в котором сообщалось, что нынешнее состояние украинизации «совершенно неприемлемо»²⁵⁹.

Таблица 12. Знание служащими украинского языка, 1927–1930 годы (в процентах)

Год	Категория			Не сдавали экзаменов по причине	
	1 (хорошее)	2 (хлабое)	3 (нулевое)	отсутствия	освобождения*
1927	16,0	39,0	16,0	29,0	нет данных
1928	25,0	37,0	13,0	25,0	нет данных
1929	21,3	30,2	11,3	30,0	7,2
1930	21,3	32,4	10,8	28,2	7,3

Источник: ЦДАГОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10854. Л. 518.

* С 1929 г. обслуживающий персонал (например, вахтеры и курьеры) был освобожден от сдачи экзаменов. В противном случае их в третьей категории оказалось бы непропорционально много.

Таким образом, эволюцию знания украинского языка госслужащими можно описать примерно так: с 1925 по 1928 г. уровень этих знаний постоянно повышался, потом он находился на одном уровне, а в 1930–1932 гг. стал понижаться. В 1932 г. большинство организаций республиканского уровня основную часть своего делопроизводства вели на украинском, хотя некоторые хозяйственные организации по-прежнему пользовались русским²⁶⁰. Но гораздо более существенным является неоднократно отмечавшийся во многих исследованиях факт, что почти во всех организациях разговорным языком оставался русский. Единственными исключениями были такие работавшие в русле «мягкой линии» учреждения, как Комиссариат просвещения, Комиссариат юстиции, ВУЦИК и Союз художников²⁶¹. Более того, инспектора по украинизации сообщали о решительном нежелании

²⁵⁸ Українізація радпарату підупала // Вісті ВУЦВК. 1930. № 118. С. 3. См. также: ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10854. Л. 527; Національно-культурне будівництво — невід'ємна частина соціалістичного будівництва // Вісті ВУЦВК. 1930. 3 апр. С. 3.

²⁵⁹ Бюлетень НКО. 1932. № 39. С. 6–7.

²⁶⁰ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 5.

²⁶¹ Там же. Д. 2631. Л. 10; Д. 4172. Л. 5; Д. 4172. Л. 5; ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 10. Д. 336. Л. 31; Оп. 8. Д. 267. Л. 19; Ф. 539. Оп. 5. Д. 1250. Л. 172–180; Бюлетень НКО. 1932. № 39. С. 6–7; 1932. № 59. С. 3–8.

пользоваться украинским. Один из инспекторов сообщал о положении дел на харьковском заводе: «В ответ на мои настойчивые вопросы на украинском они так же упорно отвечали по-русски»²⁶². Другой инспектор докладывал об опыте своего общения с сотрудниками ВСНХ: «Когда вы обращаетесь к товарищу на украинском, он недоуменно смотрит на вас секунды три, потом понимает, что вам надо, собирается и с большим трудом отвечает вам по-украински»²⁶³. Разговорный русский язык не только преобладал на работе, но стал проникать и в официальную городскую среду. Например, в 1931 г. все публичные объявления на главной площади Мариуполя были на русском, что было немыслимым на начальном этапе кампании принудительной украинизации²⁶⁴.

Выводы

В 1932 г. проект тотальной украинизации языковой сферы провалился. Целью этого проекта было создание единообразной городской языковой среды, что должно было вынудить и украинцев, и русских признать украинский язык языком общественной жизни на Украине. Однако два самых главных социальных пространства, в которых жители Украины усваивали городскую идентичность, — завод и учреждение — так и остались сферами, где преобладал русский язык. В 1932 г. употребление русского языка в учреждениях возрастало и лишь в небольшой степени пошло на спад на заводах. В университетах украинский язык завоевал более прочное положение, хотя в ведущих технических вузах его положение находилось под угрозой. Одним словом, украинский крестьянин, приезжавший в большой украинский город в 1932 г., скорее всего был вынужден принять русский в качестве языка общения на рабочем месте.

Мой анализ противоречит выводам двух ученых, изучавших украинизацию с социологической точки зрения — Богдана Кравченко и Джорджа Либера²⁶⁵. И Кравченко, и Либер утверждают, что к 1932 г. в результате городской миграции и финансируемой государством украинизации в городах Украины начала преобладать украинская идентичность. А потому и террор 1933 г. на Украине они объясняют прежде всего обеспокоенностью властей этим новым социальным

²⁶² ЦДАГОУ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1250. Л. 175.

²⁶³ Там же. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 10.

²⁶⁴ Там же. Л. 6.

²⁶⁵ *Krawchenko B. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. L., 1985; Liber G. Op. cit.*

явлением и считают, что он стал реакцией на украинизацию городов. Если воспользоваться метафорой Либера, то террор был «уничтожением в огне городского урожая» украинизации. Однако абсолютно украинская городская среда к 1932 г. так и не была создана. Наоборот, возникала двуязычная среда, отчетливо разделявшаяся на две разные сферы — сферу культуры и сферу экономики. И впоследствии в этой развивающейся среде русский язык стал господствующим в хозяйственной и промышленной сферах, а также при проведении «жесткой линии» в политической сфере. А украинский должен был стать ведущим языком в культурной и сельской сферах, а также при проведении «мягкой линии» в политической сфере. Разумеется, именно на ликвидацию такого положения и была направлена украинизация. Наблюдались признаки возникновения территориальной украинской идентичности, однако она была двуязычной и открытой для усвоения этническими русскими. Правда, чтобы это новое равновесие вполне установилось, следовало ослабить преобладание украинского в прессе, образовании и административном делопроизводстве. Впрочем, это произошло бы и без массового террора 1933 г. Террор стал реакцией на политические, а не социальные последствия украинизации.

Но почему же тогда тотальная украинизация окончилась крахом? Во-первых, как мы уже видели, украинизация встретила весьма сильное пассивное сопротивление и саботаж со стороны русского и русифицированного городского украинского населения. Осуществление этой политики оказалось совсем не таким легким делом, как это вначале предполагали большевики. Более того, партия под руководством Кагановича проявила полную готовность прибегнуть к принуждению («нажиму») рядовых русских бюрократов. И однако же подчиняться требованиям украинизации наиболее демонстративно отказывались отнюдь не обычные бюрократы, а члены партии и высокопоставленные администраторы (они не подчинялись им по крайней мере отчасти в силу более прочного своего положения). Центр последовательно поддерживал украинизацию, но его поддержка была мягкой. А в апреле 1925 г. Сталин одобрил «жесткую линию» в проведении украинизации и послал на Украину для ее выполнения Кагановича. Однако когда центр обнаружил, что процесс, вызывающий немалое беспокойство в партии и среди рабочего класса, может затянуться, то он посоветовал придерживаться более осторожного подхода. Это было выражено и в письме Сталина, написанном им в апреле 1926 г., и в резолюциях комиссии Оргбюро по коренизации, принимавшихся в 1926–1927 гг., и в исследованиях ЦКК, проводившихся в 1927–1929 гг., и в неоднозначности той поддержки, которую ЦИК и По-

литбюро оказывали тотальной языковой украинизации филиалов общесоюзных организаций. Партия реагировала не на общественное мнение русских, а на мнение русских членов партии.

К ослаблению «жесткой линии» в проведении украинизации постепенно привел пассивный саботаж членов партии и управленцев и отсутствие настойчивости в поддержке украинизации центром. Политика центра противоречила «жесткой линии», но она была обречена и без этого. Социалистическое наступление привело к усилению централизации, и, как следствие, к более глубокому внедрению русского языка. Кроме того, оно повлекло за собой новый всплеск неприятия украинизации, что также мешало проведению «жесткой линии». И наконец (в силу причин, которые будут обсуждаться в главе 5), волна террора, сопровождавшая социалистическое наступление, была направлена против украинских националистов, а не против великорусских шовинистов. Ни одного директора завода союзного подчинения никогда не осудили на показательном процессе и не расстреляли за срыв кампании по продвижению украинского языка, тогда как за чересчур активную поддержку украинизации многих интеллигентов или расстреляли, или отправили в тюрьму. Террор показывал, что определенная политика, например, коллективизация или индустриализация, проводится в русле «жесткой линии», что речь идет о политике, которая должна быть осуществлена любой ценой. И украинские ответственные работники извлекли из этого соответствующие выводы. Они трактовали украинизацию как культурную политику в русле «мягкой линии», которую следует осуществлять достаточно условно, в чисто пропагандистских целях. Она не была фундаментальной большевистской политикой, и потому важные хозяйственные и промышленные организации, а также работавшие в русле «жесткой линии» политические органы могли ее спокойно игнорировать. Или, как сокрушался один исследователь, «они ожидают от нас, что мы прибегнем к силе, чтобы заставить их украинизироваться»²⁶⁶. Однако к силе никогда не прибегали.

²⁶⁶ ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1250. Л. 70.

4

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА СОВЕТСКОМ ВОСТОКЕ, 1923–1932 годы

В наше время благодаря Эдварду Саиду понятие «ориентализм» стало общепризнанным, вдохновляющим представителей новой научной дисциплины. И потому кажется, что нет ничего более характерного для колониализма, чем разделение человечества на произвольные, предельно обобщенные и имеющие свою иерархию категории Восток и Запад. В связи с этим представляется странным, что Советский Союз, национальная политика которого совершенно очевидно представляла собой систему деколонизационных мер, почему-то не отказался от этих категорий и не заявил вместо этого о единстве человечества. Хотя в определенном смысле Советский Союз это все-таки сделал. Постулаты марксистской социологии вынудили большевиков отказаться от использования категорий Восток и Запад как расовых и от существования каких бы то ни было долговременных различий в экономических, социальных или политических способностях национальностей. Однако признавалось сохранение культурных различий Востока и Запада (что временами могло толковаться как расовые различия). И в этом, по сути, не было ничего удивительного. Империя положительной деятельности сохранила имперские категории (одновременно радикально изменив их политический смысл), и лучшей иллюстрацией этого является тот факт, что созданное колониализмом противопоставление Востока и Запада было и сохранено, и систематизировано. А поскольку это противопоставление оказало реальное влияние и на осуществление политики, то это традиционное противопоставление я сохранил и в моем анализе коренизации. В главе 3 я рассмотрел, как на Украине проводилась коренизация языковой сферы, так как это было самым важным направлением национальной политики на советском Западе. В этой главе я проанализирую самое важное в политике властей на советском Востоке — положительную деятельность, то есть практику предоставления льгот нерусским народам

при приеме в учебные заведения и на работу, а также выдвижение их представителей на руководящие должности в образовании, промышленности и управлении¹.

Восток и Запад

Однако, прежде чем начать этот анализ, необходимо внимательно и тщательно рассмотреть, что лежало в основе противопоставления Востока и Запада в Советском Союзе. Советская империя положительной деятельности располагала двумя важнейшими ресурсами, которыми могли воспользоваться нерусские народы СССР и которыми они пользовались, чтобы отстаивать свои национальные интересы. Первым и самым существенным ресурсом была, если применить не слишком симпатичный неологизм, риторика индигенности (или туземности, аборигенности). Этой риторикой могли воспользоваться все народы Советского Союза, за исключением русских (до эпохи русификации РСФСР в середине 30-х гг.). Как мы уже отмечали в главе 1, коренизация (индигенизация) была профилактической политикой, которая имела своей целью обезвредить национализм и воспрепятствовать его распространению среди ранее угнетавшихся нерусских колониальных народов. И именно поэтому для них предполагалось создать национальные территории, языки, элиты и культуры. Составной частью деколонизационной риторики индигенности было обвинение в дурном обращении с коренными жителями, которые могли быть выдвинуты (и выдвигались) против всякого русского (или русифицированного местного жителя), если считалось, что он ведет себя как колонизатор. То есть речь шла о весьма серьезных обвинениях, которые выдвигал еще Ленин, — обвинениях в великодержавном и глупом русском шовинизме («русотяпстве»).

Таким образом, все нерусские народы имели право предъявлять индивидуальные или коллективные требования центру, ссылаясь на свой особый статус коренных народов. Вторым ресурсом была риторика культурной отсталости, но им могли воспользоваться далеко не все нерусские народы. Категория «культурная отсталость», равно как и категория «индигенность», были связаны с деколонизационной программой большевиков, поскольку считалось, что царский колониальный гнет значительно усилил культурную отсталость нацио-

¹ Лучшим исследованием коренизации на советском Востоке является: *Edgar A. The Creation of Turkmenistan, 1924–1938. Ph. D. diss. University of California–Berkeley, 1999. P. 249–290.*

нальных регионов². Однако, в отличие от индигенности, культурная отсталость была тесно связана с большевистской идеологией девелопментализма. Подобно теоретикам модернизации 50-х гг. XX в., большевики полагали, что существует лишь один, единый для всех путь развития и что разные народы находятся на разных отрезках этого пути. Цель большевиков заключалась в том, чтобы резко ускорить модернизацию бывшей Российской империи, что означало для них индустриализацию, урбанизацию, секуляризацию, развитие образования, всеобщую грамотность и территориальное национальное самоопределение. Если судить по любому из этих показателей, «отсталыми» можно было назвать многие национальности, а особенно «восточные» (слово «культурно» к выражению «отсталые» добавлялось для того, чтобы избежать какого бы то ни было намека на расистскую интерпретацию отсталости). По этой логике модернизация Советского Союза требовала особых мер (которые и были обещаны в резолюциях по национальному вопросу 1923 г.), чтобы преодолеть «фактическое, то есть хозяйственное и культурное, неравенство» «развитых» и «отсталых» советских национальностей³.

Но кого же можно было считать культурно отсталыми? Вначале это было неясно, и, как мы увидим в дальнейшем, за право так называться яростно боролись, поскольку риторика культурной отсталости сулила определенные выгоды, если, опираясь на нее, требовать от центра финансовых ассигнований. Культурно отсталые, но по отношению к кому? Понятное дело — по отношению к русским. Однако нельзя было сказать, чтобы русские считались самым культурно развитым народом Советского Союза. Этот статус, как мы уже видели, был сохранен за «западными национальными меньшинствами» (немцами, поляками, финнами). Русских, как правило, относили к следующей категории. В нее они входили вместе с близкими им по уровню развития белорусами, украинцами, евреями, грузинами и армянами, хотя последние два народа считались «восточными» и «отсталыми», когда предметом обсуждения становились их «феодалные» обычаи. А все остальные, как правило, относились к категории культурно отсталых, причем разделительная линия проходила в точности между официальными уровнями грамотности, зафиксированными в 1926 г. и отраженными в таблице 13.

² Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 693–694.

³ Там же. С. 694. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. С. 285.

Таблица 13. Уровень грамотности народов СССР, 1926 год

Западные национальности (в процентах)		Восточные национальности (в процентах)			
Латыши	78,1	Татары	33,6	Ингуши	9,1
Эстонцы	72,4	Чуваши	32,2	Азербайджанцы	8,1
Евреи	72,3	Марийцы	26,6	Аджарцы	7,8
Литовцы	70,5	Удмурты	25,6	Казахи	7,1
Немцы	61,2	Башкиры	24,3	Кабардинцы	6,8
Поляки	53,8	Буряты	23,2	Балкарцы	5,3
Русские	45,0	Мордва	22,9	Киргизы	4,6
Украинцы	41,3	Осетины	21,2	Узбеки	3,8
Грузины	39,5	Черкесы	16,9	Чеченцы	2,9
Белорусы	37,3	Абхазы	11,3	Туркмены	2,3
Армяне	34,0	Калмыки	10,9	Таджики	2,2
		Карачаевцы	9,2	Каракалпаки	1,3

Источники: Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С. 271–272. В категорию «татары» включены волжские и крымские татары.

Внутри категории «культурно отсталых» кочевые народы составляли категорию наименее развитых, а среди них, как считалось, самыми слаборазвитыми были малочисленные народы Севера. Однако самое существенное значение имело все-таки разделение народов на развитые и культурно отсталые. Официальная граница между двумя категориями была установлена лишь в 1932 г., когда из-за спора о том, кто именно имеет право на те квотные места для культурно отсталых национальностей, которые были выделены для приема во всесоюзный университет, Комиссариат просвещения в конце концов составил официальный перечень 97 культурно отсталых советских национальностей (таблица 21)⁴. Таким образом, разделение национальностей на восточные и западные было концентрированным (и поразительно традиционным) выражением большевистских категорий развитых и культурно отсталых национальностей.

Разделение национальностей на «восточные» и «западные» имело два важных последствия для коренизации. Первым последствием стало увеличение разрыва в развитии восточных и западных республик, который отразился на уровне грамотности населения (см. та-

⁴ Об ударном культуровоспитании отсталых национальностей // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1932. № 5. С. 13–14.

блицу 13). На это различие Енукидзе обратил внимание еще в 1927 г., во время состоявшейся в Оргбюро дискуссии о коренизации: «Одну систему мы имеем в европейских национальных республиках, а другую — в азиатских». И все это потому, говорил он, что если на Украине (или в Белоруссии) обучать и продвигать украинские (или белорусские) кадры легко, то низкий уровень грамотности на Востоке делал эту задачу исключительно трудной: «Задача состоит в том, чтобы начинать снизу. Со временем благодаря деятельности специальных курсов мы создадим удовлетворительные [национальные] кадры»⁵. И Енукидзе был прав. Хотя вначале восточные республики и пытались следовать примеру Украины, в конце концов они были вынуждены сосредоточиться почти исключительно на положительной деятельности, тогда как Украина и Белоруссия уделяли внимание преимущественно коренизации языковой сферы. Для этого, как мы уже видели, Украина пустила в ход риторику «индигенности», предприняв крайне неудачную попытку ограничить вмешательство тех общесоюзных организаций, которые саботировали украинизацию.

А на советском Востоке положение было в корне противоположным. Поскольку подготовка местных кадров и общее образование населения требовали больших затрат, а собственные денежные ресурсы восточных национальных территорий были весьма скудными, то они настойчиво требовали вмешательства центра в виде финансовой помощи, в которой они так отчаянно нуждались. А для этого они, что естественно, прибегали к риторике культурной отсталости, напоминая центру о его обещании помочь им достичь уровня развитых советских национальностей. А это означало, что во времена нэпа именно на советском Востоке были урегулированы два ключевых вопроса советской национальной политики. Первый вопрос заключался в том, смогут ли восточные республики ликвидировать последствия царского колониализма, если они изгонят славянских поселенцев и предоставят местному населению безоговорочные преимущества при распределении земли. После ожесточенной борьбы в Казахстане (как мы об этом уже писали в главе 2) в этом праве нерусским республикам было отказано. Второй вопрос заключался в том, можно ли общую готовность центра помогать нерусским республикам в финансовом и хозяйственном отношении превратить в официальное право на льготы, закрепив его в отдельной бюджетной строке помощи культурно отсталым республикам. И борьба будет вестись вокруг вопроса о создании и институционализации особого культурного

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 336. Л. 33–34.

фонда (в самом названии которого воспроизводилась официальная категория культурной отсталости), призванного помочь нерусским республикам проводить коренизацию.

Свой анализ положительной деятельности на советском Востоке я начну с рассказа о неудачной попытке создать постоянно действующий «культурный фонд». А потом я расскажу о первых попытках проведения коренизации на советском Востоке, показав, каким образом попытка воспроизвести украинскую модель коренизации создала те финансовые, политические и социальные проблемы, которые вынудили восточные республики обуздать свои амбиции и сконцентрироваться на более умеренной положительной деятельности, которую они называли функциональной коренизацией. Далее я рассмотрю два конкретных примера положительной деятельности, показывающие, каким образом они осуществлялись в среде промышленных рабочих и в высшем образовании. На этих примерах будет показано, как серьезные этнические конфликты в сельской местности, возникавшие на советском Востоке во времена нэпа (о них говорилось в главе 2), переместились в городскую среду. И наконец, я проанализирую влияние, которое «наступление социализма по всему фронту» и культурная революция оказали на коренизацию на советском Востоке, и покажу, как сопровождавшая их девелопменталистская идеология означала, что та же самая политика, которая помешала коренизации языковой сферы на Украине и в Белоруссии, значительно усилила коренизацию на советском Востоке.

«Культурный фонд»

Битва за «культурный фонд», которая в 1924–1926 гг. велась в только что созданном Совете национальностей, выявила радикальное различие приоритетов восточных и западных национальностей Советского Союза. Обобщая, можно сказать, что главное внимание западные республики уделяли независимости, а восточные — финансированию. В ходе дебатов об образовании Советского Союза Украина попыталась ограничить представительство в Совете национальностей союзными республиками, в результате чего единственной восточной республикой, представленной в Совете национальностей, остался бы Азербайджан⁶. Однако Сталин навязал свой план, соглас-

⁶ Из истории образования СССР... // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 170–172, 178–180; 1991. № 4. 171–175; 1991. № 5. С. 158–165; 1991. № 9. С. 211–215; Двенадцатый съезд РКП(б). С. 576–582, 655–657.

но которому на каждую союзную и автономную республику приходилось по пять представителей, а на каждую автономную область — по одному. Тем самым большинство делегатов составили представители восточных республик. Но Украина, воспользовавшись своим исключительным влиянием и наличием решительных деятелей, направила деятельность Совета национальностей на достижение украинских приоритетов. Самым влиятельным членом Совета Национальностей был его первый председатель, Микола Скрипник, который помимо этого был наркомом юстиции Украины⁷. Всю свою немалую энергию Скрипник отдавал защите конституционных прав союзных республик от вмешательства центра. На одной только октябрьской сессии 1924 г. он поставил под сомнение права центра в вопросах руководства здравоохранением, курортами и сбором налогов, а также в вопросах внесения поправок в Уголовный и Гражданский кодексы. Он даже поставил под вопрос конституционность Верховного Суда СССР⁸. На последнем заседании ЦИК постоянный противник Скрипника Юрий Ларин посмеялся над его действиями⁹:

«Я знаю, что на заседаниях ЦИК к частым выступлениям товарища Скрипника люди относятся весьма скептически. Стоит ему подняться на трибуну, он сразу же вытаскивает сборник наших законов и начинает говорить: “Это неконституционно и то неконституционно. Вот здесь мы имеем дело с нарушением прав союзных республик, а здесь, посмотрите, имеется проблема, которую не приняли во внимание” И так далее — так, что зачастую кто-нибудь, да брякнет: “Эй, а не все ли равно, где мы поставим запятую — там или здесь?”».

Приправленное юмором выступление Ларина вызвало сочувственные аплодисменты. От бравад Скрипника восточные делегаты нередко приходили в восторг, но их собственные интересы лежали совсем в другой плоскости.

В частности, они были озабочены тем, чтобы выбить у центра как можно больше ассигнований. Еще во время проходивших в 1923 г. дискуссий о советской Конституции будущий первый секретарь Компартии Казахстана С. Х. Ходжанов заметил, что если Украина билась за Конституцию, то главной проблемой восточных респуб-

⁷ Первая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик второго созыва. Стенографический отчет. М., 1924. С. 9.

⁸ Вторая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик второго созыва. Стенографический отчет. М., 1924. С. 326–333, 424–428, 616–624; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 166. Л. 1–6, 22–32.

⁹ Вторая сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик третьего созыва. Стенографический отчет. М., 1926. С. 458.

лик было сокращение центрального финансирования, которым сопровождалось установление нэпа. Постановления 1923 г. намечали перемещение заводов из Центральной России в отсталые восточные республики, однако из-за финансовых трудностей от этих проектов пришлось быстро отказаться¹⁰. И в октябре 1924 г. среди представителей восточных республик распространилось недовольство. Во время дискуссий ЦИК по новому бюджету, согласно которому требовалось, чтобы все культурные программы финансировались местными властями, смелый представитель Дагестана Тахо-Годи гневно напомнил о содержавшемся в постановлениях 1923 г. обещании «создать фактическое равенство среди национальностей» и указал на то, что это требует денег. В Дагестане, отметил он, в настоящее время имеется 130 советских школ с 3000 учащихся и 2000 исламских школ с 40 000 учащихся: «Мы не можем вести борьбу на этом фронте при наличии местного финансирования». Гнев Тахо-Годи был направлен в первую очередь против Украины и Скрипника, который, по словам представителя Казахстана Досова, воспользовался своим «громким голосом», чтобы похитить 20 млн рублей из бюджета Казахстана¹¹. Аммосов, старый большевик из Якутии, вопрос о финансировании поставил особенно жестко: «Если мы не предложим реальной помощи сейчас, то тогда через десять или двадцать пять лет мы будем вынуждены сказать, что такие-то и такие-то национальности были сметены с лица земли»¹².

Восточные представители требовали, чтобы особый «культурный фонд» был создан комиссариатом финансов исключительно для удовлетворения чрезвычайных культурных нужд «отсталых» восточных республик. А фактически это было требованием восстановить особую статью бюджетных расходов в размере 1,2 млн рублей, которые Политбюро постановило выделить на один только 1923/24 бюджетный год в качестве «культурного фонда» для удовлетворения экстренных потребностей отсталых национальных регионов¹³. В результате отчаянного лоббирования «культурный фонд» в размере 5 млн рублей был выделен на 1924/25 бюджетный год — конкретно «для того, чтобы удовлетворять потребности культурно отсталых автономных

¹⁰ Из истории образования СССР. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 175; Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 115–116, 285.

¹¹ Вторая сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик второго созыва. С. 353–355, 392.

¹² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 166. Л. 39.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 414. Протокол 66, п. 15; Д. 418. Протокол 70, п. 38; Д. 420. Протокол 72, п. 10; Д. 432. Протокол 84, п. 17; Оп. 112. Д. 513. Протокол 69, п. 9; Д. 526. Протокол 82, п. 7; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 61. Л. 10.

республик и областей»¹⁴. Впоследствии в их число были включены и культурно отсталые союзные республики. И тем не менее фонд и на сей раз был представлен в качестве «эксперимента в рамках одного бюджетного года»¹⁵.

Таким образом, восточные республики успешно воспользовались риторикой отсталости, чтобы обеспечить себе особую финансовую помощь. Однако оставалось решить, какие именно республики можно считать культурно отсталыми. Представитель немцев Поволжья выразил встретившую насмешки мысль, что в эту категорию стоит включить и поволжских немцев, поскольку «все национальные меньшинства в целом не дотягивают по своему культурному уровню до русского пролетариата»¹⁶. Его просьба была отвергнута. Аналогично и с таким же успехом и белорусы попытались доказать, что они являются культурно отсталыми¹⁷. Признанные таковыми восточные республики принялись состязаться между собой за право считаться наиболее культурно отсталыми, а потому и наиболее нуждающимися. Азербайджан объявил себя «сравнительно отсталой республикой... не имеющей основательных культурных традиций»¹⁸. Обратившись с просьбой выделить им деньги из «культурного фонда», ингуши обосновывали это тем, что они являются «самым культурно и экономически отсталым народом Северного Кавказа», хотя местная гордость и вынудила их добавить: «...за исключением Чечни». В петиции чувашей говорилось о «бедности чувашского народа, доведенного до нищеты, темноты и невежества»¹⁹. А член Президиума Совета национальностей Элиава в конце концов предложил рассчитать «коэффициент отсталости»²⁰. Но если уж культурная отсталость не получила своего материального воплощения и не привела к созданию научного коэффициента, то зато особая комиссия под председательством А. А. Андреева так или иначе выработала некоторые критерии, чтобы на их основании

¹⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 166. Л. 29–30; Оп. 17. Д. 489. Л. 1–54.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 489. Л. 46–48; Оп. 16а. Д. 166. Л. 65.

¹⁶ Там же. Оп. 16а. Д. 166. Л. 44.

¹⁷ Третья сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик второго созыва. Стенографический отчет. М., 1925. С. 69; Вторая сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик третьего созыва. С. 230.

¹⁸ Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик второго созыва. С. 130.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 852. Л. 114, 123.

²⁰ Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик второго созыва. С. 84.

распределить 5 млн рублей среди 28 восточных республик и автономных областей²¹.

Хотя эти 5 млн рублей и были чрезвычайно кстати, конечной целью восточных республик был отнюдь не сам по себе «культурный фонд». Скорее этой целью было утверждение принципа, согласно которому восточные национальности Советского Союза в силу их культурной отсталости имеют *право* на льготные финансовые ассигнования и что это право должно быть воплощено в конкретной форме — в виде отдельной бюджетной строки. Конечной целью было создание сопоставимого фонда для капиталовложений в экономику. Однако этого так и не произошло. В бюджете, предложенном на 1925–1926 гг., фонд был в очередной раз упразднен, однако потом, когда составлялся бюджет для следующего года, снова восстановлен в прежнем объеме²². Уже через год он был вновь упразднен — и на этот раз упразднен уже навсегда. О его ликвидации восточные республики безмерно сожалели не только потому, что она означала прекращение финансирования, но и в еще большей степени потому, что фонд имел «огромное политическое значение»²³.

«Культурный фонд» был последней отдельной программой прямых капиталовложений исключительно в культурно отсталые национальные регионы. Попытка восточных национальностей сделать программу льготных капиталовложений в экономику главной составной частью империи положительной деятельности провалилась точно так же, как попытка взять под свой контроль и владение сельхозугодьями, и миграцию. В 1926 г. ВСНХ ликвидировал свой давно агонизировавший отдел национальностей, и это имело большое символическое значение²⁴. Совету национальностей становилось все труднее вызывать на свои заседания представителя от ВСНХ, который должен был доложить об экономическом развитии в национальных регионах²⁵. В целом и восточные, и западные национальности ощущали, что хозяйственные органы в корне враждебны коренизации. Это, разумеется, не означало, что национальность вообще не играла никакой роли в том случае, когда речь шла о полу-

²¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 489. Л. 60.

²² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 852. Л. 114–134; Вторая сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик третьего созыва. С. 144–148, 151, 174; Власть Советов. 1925. № 8. С. 9–10.

²³ Третья сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик третьего созыва. Стенографический отчет М., 1927. С. 740.

²⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 845. Л. 1–6.

²⁵ Там же. Оп. 20. Д. 216. Л. 23.

чении капиталовложений в экономику. Нет, она могла иметь значение в отдельных случаях, но никак не представляла собой некоего безоговорочного права, как это вытекало из постановлений 1923 г. о национальной политике. Например, казахское правительство, лоббируя в центре строительство Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиба), успешно манипулировало с помощью риторики индигенности и отсталости²⁶. Более того, в годы первой пятилетки центр вновь заявил о своей теоретической готовности строить новые промышленные предприятия в культурно отсталых регионах, а особенно в Казахстане и Средней Азии. И тем не менее историки экономики единодушны в том, что если промышленность в этих регионах действительно развивалась ускоренными темпами (а изначальный уровень индустриализации был там крайне низким), то, осуществляя свои капиталовложения, центр руководствовался при этом в основном интересами общесоюзного хозяйства, и национальность здесь большой роли не играла (если она и вообще играла хоть какую-нибудь роль)²⁷.

Нежелание центра выделять значительные финансовые ресурсы на осуществление его национальной политики оказало на коренизацию советского Востока огромное влияние. 15 % «культурного фонда» было выделено непосредственно на осуществление коренизации, а еще 45 % отложено на поддержку тех учреждений образования, которым предстояло готовить будущие национальные кадры²⁸. Восточные республики неоднократно жаловались, что центр не предоставляет финансовой помощи для проведения коренизации²⁹. Затормозило коренизацию и существенное сокращение штатов государственных органов автономных республик и областей Советского Союза, которое произошло в середине 20-х гг. Как мы увидим далее, недостаток средств для подготовки квалифицированных местных кадров и расширения штатов местных учреждений вынудил власти восточных республик отказаться от политики поощрения национальных языков. Вместо этого они сосредоточились на положительной деятельности, осуществлявшейся ими в грубой форме. И зачастую это подразумевало замену русских представителями титульных национальностей, то есть проведение такой политики, которая приводила к усилению межэтнической вражды.

²⁶ *Payne M.* *Turksib*. Ph. D. diss. University of Chicago, 1995.

²⁷ *Davies R.* *Crisis and Progress in the Soviet Economy. 1931–1933*. L., 1996. P. 485–490.

²⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 489. Л. 49–51.

²⁹ Там же. Ф. 1235. Оп. 118. Д. 1.

«Механическая коренизация», 1923–1926 годы

На своем раннем этапе коренизация на советском Востоке напоминала ту ситуацию, которая складывалась на Украине. На Востоке было принято несколько постановлений, чисто символических по своему значению, и первое — в июне 1921 г. чрезвычайно деятельным правительством Татарской республики. Однако серьезная работа началась лишь после того, как появились постановления по национальной политике, вышедшие соответственно в апреле и июне 1923 г.³⁰ Сразу же после XII съезда партии постановления о коренизации были приняты буквально в каждой республике и автономной области, что привело к появлению таких экзотических движений, как зырянизация и якутизация³¹. В феврале 1924 г. ВЦИК, юрисдикция которого в то время распространялась на все восточные республики Советского Союза, кроме тех, которые находились в Закавказье, образовал специальную комиссию для контроля за коренизацией. Результатом работы комиссии стали апрельское постановление 1924 г. и последующий циркуляр: в этих документах центр одобрял коренизацию и заявлял о том, что берет ее под свое руководство³².

Так начался период, который впоследствии получил уничижительное название «период механической коренизации». Под «механической коренизацией» понималась положительная деятельность, осуществлявшаяся в грубой форме. Такие программы включали в себя и увольнения русских, которым предстояло потесниться, чтобы освободить места для коренных жителей, и введение совершенно произвольных квот для их трудоустройства. Тем не менее первые постановления воспроизводили украинскую модель, так как главное внимание в них уделялось расширению сферы использования национальных языков. Это относилось и к постановлениям, принятым в Татарстане, официально заявленной целью которых была «реализация татарского языка», и к распространявшемуся на все республики декрету ВЦИК, принятому в апреле 1924 г. и озаглавленному: «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки»³³.

³⁰ Дурденевский. Указ. соч. С. 189–191, 200–201, 218–220; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 118. Д. 1. Л. 1–5, 69–70.

³¹ Шахов Н. Зырянизация // Коми му (Зырянский край). 1924. № 1–2. С. 65–73; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 166. Л. 2–28; Дурденевский. Указ. соч. С. 119–237.

³² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 118. Д. 1. Л. 21–22, 27–60; Дурденевский. Указ. соч. С. 176–177.

³³ Дурденевский. Указ. соч. С. 176–177, 192–195.

Подобно декрету, принятому на Украине в июле 1923 г., но в отличие от постановления, принятого в апреле 1925 г., декреты восточных республик утверждали не превосходство местного языка, но лишь его равенство с русским. Как отмечалось в главе 2, в Татарстане, где татары составляли незначительное большинство (44,88 % против 43,13 % русских), татарский язык предписывали использовать во всех регионах, где проживало много татар. Переписку с этими регионами центральные органы должны были вести на татарском, а в своей повседневной работе пользоваться русским. Большинство других восточных республик последовали примеру Татарстана³⁴. И только в республиках с незначительным русским меньшинством (например, в Средней Азии, Азербайджане, Якутии и Автономной области Коми) татарский план рассматривался лишь в качестве временного шага на пути к достижению конечной и перспективной цели – тотальной коренизации языковой сферы³⁵.

Как и на Украине, трудности этого процесса недооценивались, а предложенные сроки перехода на местные языки оказались крайне утопичными. В ноябре 1923 г. в Казахстане было принято постановление, согласно которому переход к параллельному делопроизводству на казахском языке во всех центральных государственных органах требовалось осуществить всего за 13 месяцев (несмотря на то что уровень грамотности там составлял 7,1 %). Постановлением, которое было принято в Узбекистане в декабре 1924 г., предписывалось осуществить переход к параллельному делопроизводству на узбекском языке на областном и центральном уровнях незамедлительно (при уровне грамотности в 3,8 %). К концу 20-х гг. ни одна из республик не смогла заявить о том, что на местном языке велось хотя бы 10 % делопроизводства³⁶. Большинство восточных республик последовали примеру Украины и в том, что создали курсы для русских по изучению национального языка. Якутия даже приняла закон (опять же составленный по образцу украинского), который грозил увольнением всем тем государственным служащим, которые не выучили якутского языка³⁷. Однако эти курсы не оказали

³⁴ Дурденевский. Указ. соч. С. 119–241.

³⁵ Об Узбекистане и Казахстане см.: Дурденевский. Указ. соч. С. 135–136, 201–202; о Республике Коми см.: Шахов Н. Зырянизация; о Якутии см.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 166. Л. 34–38; о Средней Азии см.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 220. Л. 2–52.

³⁶ Дурденевский. Указ. соч. С. 201–202; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1707. Л. 112, 117. 7-я Всеказахья партийная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Алма-Ата, 1930. С. 254.

³⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 101. Л. 26–26об., 54; Оп. 118. Д. 1. Л. 4; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 111. Л. 17.

никакого влияния: они всего лишь ненадолго посеяли панику среди местных русских³⁸.

Трудно составить достоверное впечатление о том, насколько успешными оказались первые программы коренизации языковой сферы, поскольку статистика по большей части или отсутствует, или является в высшей степени сомнительной. И тем не менее на основании множества разрозненных данных можно предположить, что к концу 20-х гг. ни одна восточная республика не могла ничем похвастать — разве что самым минимальным использованием национального языка и на республиканском, и на региональном уровне (то есть на уровне области, округа или района). В наиболее успешных восточных республиках — в Татарстане, Чувашии, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане — национальный язык использовался в большинстве государственных органов на уровне райсоветов и сельсоветов³⁹. Татарстан проводил наиболее систематичную и энергичную коренизацию, а потому и вел самую достоверную статистику. В 1924 г. татарский язык использовался в 82 % сельсоветов и 45,9 % райсоветов с татарским большинством. В 1927 г. эти статистические показатели стали еще выше, составив 90 и 76,9 % соответственно⁴⁰. А поскольку Татарстан обладал наиболее грамотным населением и проводил гораздо более решительную политику в сфере управления, то маловероятно, чтобы какая-либо другая восточная республика достигла лучших результатов.

Поборники коренизации в восточных республиках быстро поняли, что единственным способом внедрения родного языка в центральные республиканские организации является массовое выдвижение представителей титульных народов в центральный аппарат. Именно поэтому в 20–30-х гг. абсолютным приоритетом коренизации на советском Востоке стала стратегия положительной деятельности. И здесь важно отметить, что, основываясь на собственном опыте, восточные республики выработали мнение (вскоре одобренное центром), что лучше всего идти именно этим путем. Центр не заставлял восточные

³⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 118. Д. 1. Л. 4; см. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 60. Л. 24; Оп. 32. Д. 111. Л. 17.

³⁹ О Чувашии и Казахстане см.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 102. Л. 1–5; также о Казахстане см.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 431. Л. 90; об Азербайджане см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 13. Л. 144–148; об Узбекистане см.: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1707. Л. 110–112.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 443. Л. 27; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 166. Л. 103–104. В 1924–1927 гг. административно-территориальное деление Татарстана изменилось, вместо волостей были введены районы, более крупные административные единицы. Последние статистические данные за 1927 г. относятся к районным исполкомам (райисполкомам), а не к волостным исполкомам.

республики вести другую политику. Как раз наоборот, принятый в апреле 1924 г. декрет ВЦИК оказался весьма утопичным, потому что в нем советскому Востоку советовали взять за образец украинскую модель.

Поиск наилучшей стратегии положительной деятельности имел своим результатом, помимо прочего, неистовый приступ экспериментаторства. Первым методом, основанием для которого был длившийся с 1924 по 1926 г. кратковременный период финансовой щедрости центра, представлял собой программу национального «практикантства» (ученичества). По этой программе неквалифицированным представителям титульных национальностей государственная зарплата выплачивалась в полном объеме в течение всего срока, пока они проходили практику, обучаясь навыкам государственного делопроизводства. В апрельском циркуляре ВЦИК за 1924 г. национальным республикам великодушно разрешалось увеличить численность имеющих у них служащих на целых 10 %, чтобы трудоустроить этих национальных «практикантов»⁴¹. В результате в 1924 г. 126 из 1288 центральных государственных служащих администрации Туркестана (то есть 9,8 %) составляли национальные «практиканты». И это непосредственно содействовало делу коренизации, стало огромным вкладом в него. «Практиканты» составляли 46,7 % всех представителей титульных народов в составе правительства Туркестана. Кроме того, тысячи «практикантов» имелись на региональном и местном уровнях⁴².

В общесоюзных комиссариатах и хозяйственных организациях к «практикантам» относились с большим неодобрением, потому что зарплату им приходилось выделять из собственных бюджетов этих организаций. По сообщениям туркестанских властей, вначале эти организации «категорически отказывались принимать “практикантов”». А когда им приказали это сделать, они продолжали саботировать программу, делая рабочие условия для «практикантов» невыносимыми и относясь к ним как «к временному и чуждому явлению, которое, несомненно, будет ликвидировано в ближайшем будущем»⁴³. Русские, обучавшие «практикантов», естественно, недолго любили их, видя в них угрозу своему служебному положению. Так как «практиканты» обходились слишком дорого (в 1927 г. эта программа стоила Татарстану более миллиона рублей), практикантство начали

⁴¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 118. Д. 1. Л. 197.

⁴² Там же. Л. 144; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 59. Л. 18.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 489. Л. 30–31.

упразднить в 1926 г. — тогда же, когда был упразднен и «культурный фонд»⁴⁴. И к концу 1927 г. оно совершенно исчезло.

«Практикантство» стало последним случаем, когда центр был готов финансировать увеличение штатов госаппарата исключительно для того, чтобы содействовать коренизации. А поскольку в большинстве восточных республик во времена нэпа численность госаппарата или осталась неизменной, или даже сократилась, то коренизация подразумевала открытую конкуренцию за рабочие места между русскими и представителями титульных национальностей. И юридическое преимущество в этой конкуренции было на стороне последних. В апрельском декрете ВЦИК 1924 г. говорилось, что «при приеме на государственную службу, при прочих равных условиях, преимущество должно отдаваться лицам, знающим местные языки»⁴⁵. Но в республиках, вместо того чтобы предоставлять некоторые преимущества знающим язык титульной нации, отдавали приоритет не знанию языка, а этничности соискателя должности. В своем отчете о коренизации Казахстан хвастался тем, что «почти все комиссариаты, краевые и губернские учреждения установили правило, что при появлении каждой новой вакансии в аппарате в первую очередь следует приглашать казаха, и лишь тогда, когда на эту должность невозможно назначить казаха, ее следует отдавать русскому»⁴⁶. Горский обком Северного Кавказа дал всем своим подразделениям указание «не принимать на службу негорцев или принимать их лишь в крайних случаях, когда не имеется квалифицированных горцев»⁴⁷. Это же правило действовало и в случае увольнений. ЦИК Туркестанской республики постановил в периоды временных увольнений преимущественное право на рабочие места предоставлять коренным жителям⁴⁸.

Но одно дело было отдавать преимущества местным национальностям, и совсем другое — находить хотя бы минимально квалифицированных кандидатов на вакантные должности. В большинстве восточных регионов уровень грамотности в 1926 г. (см. таблицу 13) не поднимался выше 10 %, причем в это число входили и многие мусульманские религиозные лидеры. Сообщалось, что в 1927 г. на всю Киргизскую республику было всего 960 грамотных киргизов⁴⁹.

⁴⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 69. Д. 59. Л. 18, 106; Оп. 85. Д. 206. Л. 12; Ф. 62. Оп. 2. Д. 489. Л. 44; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 431. Л. 39.

⁴⁵ Дурденевский. Указ. соч. С. 177.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 101. Л. 8.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 382. Л. 1.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 118. Д. 1. Л. 137.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 220. Л. 12.

Это отчаянное положение вынудило Сталина в 1923 г. посоветовать советским органом восточных республик рекрутировать всех представителей национальной интеллигенции «вплоть до бывших октябристов»⁵⁰. В 1927 г. Зеленский сформулировал этот принцип без околичностей: «Наша главная задача — привлекать все культурные силы [в Средней Азии] безотносительно к их классовой позиции: главное, чтобы они были лояльны к советской власти»⁵¹. И это было сделано. Уже в 1927 г. Голощекин сообщал, что он «набрал в партийный, советский, профсоюзный и хозяйственный аппараты всех грамотных и полуграмотных казахов, которые у нас есть»⁵².

Привлечение представителей титульных народов к работе в управленческом аппарате и промышленности зачастую поручалось специальным комиссиям по коренизации. Татарстан и на сей раз послужил примером, создав в 1922 г. свой Комитет по реализации татарского языка⁵³. Эти комиссии всегда действовали при республиканских ЦИК и имели свои филиалы в исполкомах вплоть до районного уровня⁵⁴. Ни в одной из восточных республик не было создано партийного органа по контролю над коренизацией по образцу Украины, так что коренизация здесь была закреплена за организациями, действовавшими в русле «мягкой линии». Теоретически специальные комиссии должны были контролировать осуществление политики поощрения национальных языков, однако на практике они ограничивались двумя задачами. Во-первых, они составляли ежегодные планы коренизации, где определялось количество коренных жителей, которых каждый государственный орган должен был трудоустроить у себя к концу года. Это называлось «системой резервирования» или «методом процентных норм»⁵⁵.

Во-вторых, комиссии помогали выполнению этих планов, классифицируя всех имеющихся в их распоряжении представителей титульных народов и посылая их на соответствующие рабочие вакансии. Один узбекский ответственный работник говорил, что его комиссия по коренизации «на самом деле была рынком труда. Каж-

⁵⁰ Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 102.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 220. Л. 14.

⁵² 6-я Всеказахья конференция ВКП(б). 15–23 ноября. Стенографический отчет. Кзыл-Орда, 1927.

⁵³ *Дурденевский*. Указ. соч. С. 190.

⁵⁴ О татарской системе см.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 118. Д. 1. Л. 1–5; о казахской системе см.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 101. Л. 5–13; об узбекской системе см.: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1707. Л. 110–119.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 168. Л. 125об.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 243; Оп. 85. Д. 206. Л. 19; *Дурденевский*. Указ. соч. С. 176–177.

дый день к нам является двадцать — двадцать пять товарищей, которые просят их трудоустроить»⁵⁶. А один татарин работу местной комиссии по коренизации описывал так: «В нашем районе имеется такой представитель комиссии [по коренизации], который бегаёт по предприятиям и говорит: “У меня есть машинистка. Если вам требуются машинистки, возьмите её. Она татарка”»⁵⁷. Программы положительной деятельности осуществлялись в грубой форме, и потому эти комиссии были весьма непопулярны. Зеленский резко критиковал среднеазиатские комиссии по коренизации: «Надо сказать, товарищи, что нет организаций более безответственных, чем эти комиссии. Похоже, что нет такого человека, который не ругал бы эти комиссии за то, что они плохо работают и мешают работать другим, не ругал бы за их националистический уклон... Вместо того чтобы разрабатывать способы внедрения местных языков в государственные органы, когда вы спросите в любой комиссии, что они сделали, все они ответят, что они послали 117 человек [на работу]»⁵⁸.

Критикуя комиссии, пославшие на работу эти 117 человек, Зеленский ругал их не только потому, что многие из этих работников были неквалифицированными, но и потому, что зачастую для этих людей попросту не было вакансий. Эта практика, наряду с нереалистично высокими нормами коренизации на ограниченном рынке труда, вынуждала руководителей учреждений открыто заменять русских коренными жителями. Комиссия Оргбюро под председательством Андреева выявила, что такого рода открытое замещение русских, названное «квотной механической национализацией», было широко распространено на советском Востоке в 1923–1926 гг.⁵⁹ Да и казахская комиссия по коренизации в 1924 г. сообщала, что «широко использовался метод открытого замещения русских служащих казахами». В конце 1923 г. в Туркестанской республике был обнародован закон, разрешавший заменять русских квалифицированными представителями коренной национальности и требовавший всего лишь, чтобы русские получали такие же выходные пособия, как и те, кто был уволен в связи с сокращением штатов госаппарата. Бурят-Монголия приняла аналогичный закон в июне 1927 г., да и другие республики неофициально поступали точно так же⁶⁰.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 3. Д. 207. Л. 30.

⁵⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 41.

⁵⁸ Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 220. Л. 32.

⁵⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 336. Л. 149/1, 20.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 101. Л. 8; Оп. 118. Д. 1. Л. 137, 597; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 298. Протокол 118, п. 10, 103; Д. 193. Протокол 27, п. 1. Л. 48.

Русские, разумеется, были недовольны положительной деятельностью в целом, но особенно испортило межэтнические отношения открытое замещение русских коренными жителями. На съезде компартии Азербайджана один делегат сообщал, что русские говорили: «Почему они уволили меня и на мое место взяли азербайджанца? Ну и чем же он лучше меня?»⁶¹. А в Казахстане, как сообщалось, русским выдавали «свидетельства о том, что они были уволены “в результате коренизации”, и свое вполне объяснимое недовольство [они] распространяли среди других служащих»⁶². Довольно часто русских огорчало и полное отсутствие такта при проведении коренизации. ОГПУ сообщало, что русские были «недовольны татаризацией», потому что руководитель Татарского отделения Государственного банка отклонил их заявления о приеме на работу, ответив им так: «В первую очередь нам нужны татары, и мы можем обойтись и без русских»⁶³.

В Узбекистане ОГПУ, чтобы знать о настроениях среди населения, вскрывало письма русских, писавших своим родственникам в РСФСР. В письмах, перехваченных в феврале–марте 1928 г., выражались возмущение коренизацией и ненависть к узбекам⁶⁴:

«Я обеднел и остался без работы, а найти работу трудно. А когда здесь и бывает работа, то она достается в основном местному населению, то есть узбекам, а на нашего брата, европейца, хотя бы он и умирал с голода, не обращают никакого внимания».

«Жить здесь трудно. Вся работу забирают себе узбеки, а русским найти работу трудно».

«В Средней Азии русским и сейчас трудно найти себе работу, а через два — три года это будет вообще невозможно. Они тут проводят полную национализацию».

«Они даже приняли закон о неукоснительном осуществлении узбекизации, то есть о замене русских служащих местными узбеками».

«Я живу и работаю среди узбеков впервые, и это, в общем, трудно. Национальная ненависть приняла резкую форму».

Именно в это время, в марте 1928 г., группа рабочих написала в Среднеазиатское бюро письмо, которое обсуждалось на собрании его комиссии по коренизации⁶⁵:

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 13. Л. 185.

⁶² Там же. Ф. 17. Оп. 69. Д. 61. Л. 17.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 196. Л. 288.

⁶⁴ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1349. Л. 103–107; Д. 1350. Л. 46–47.

⁶⁵ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1262. Л. 2–3.

«В каждой республике внедряется “их литература” и “их язык” А потому возникает вопрос: “Куда же деваться русским? Где теперь работать русским?” Из-за проведения узбекизации в наших учреждениях можно и не сомневаться, что всех русских заменят узбеками — это факт... Часто приходится слышать, как выражают свое недовольство служащие и рабочие, которые были во множестве уволены в связи с коренизацией... Наши власти, разумеется, считают, что все русские, хотя бы они того или нет, должны уехать в Россию: из-за коренизации и узбекизации русские будут вынуждены бежать в Россию... Уже и от узбеков частенько приходится слышать: “Это наша страна, а не ваша”».

Письмо завершалось вопросом: какие меры собираются предпринять власти и куда деваться всем русским после окончания узбекизации?

Таблица 14. Представители крупных национальных меньшинств (КНМ) Узбекской ССР, занятые в центральных административных и хозяйственных органах республики, 1925–1928 годы

Период	Центральные административные органы			Центральные хозяйственные органы		
	служащие из КНМ	общее число служащих	доля КНМ от общего числа служащих (в процентах)	служащие из КНМ	общее число служащих	доля КНМ от общего числа служащих (в процентах)
Август 1925 г.	238	1253	19,0	623	1844	33,8
Февраль 1926 г.	254	1412	18,0	392	1766	22,2
Сентябрь 1927 г.	195	1160	16,8	135	1047	12,9
Март 1928 г.	227	1414	16,1	199	1310	15,2
Апрель 1928 г.	211	1741	12,1	161	1064	15,1

Источник: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1707. Л. 108–109.

Весьма поучительно сравнить эти радикальные мысли с теми выводами, к которым Рабкрин пришел в 1929 г. на основании исследования проведения узбекизации. Исследование завершилось выводом, что серьезная работа в области узбекизации до конца 1928 г. даже и не начиналась и что ряд постановлений, принятых в 1923–1928 гг.,

носит в основном «декларативный характер»⁶⁶. Как это видно из таблицы 14, комиссия Рабкрина выявила также и то, что с августа 1925 по апрель 1928 г. численность представителей «больших местных национальностей» (узбеков, туркмен, киргизов, таджиков) в центральных государственных и хозяйственных органах Узбекистана стремительно сократилась. И сократилась как в абсолютных числах, так, особенно, и в процентах по отношению к общей численности рабочей силы. Но если статистические данные таковы, то как же тогда объяснить широко распространенное недовольство русских узбекизацией и даже их панический страх перед ней?

Можно привести как минимум пять факторов, которые, судя по всему, создали эту ситуацию и действовали также в других восточных республиках. Во-первых, в своих «декларативных» постановлениях о коренизации советское правительство постоянно обещало гораздо больше, чем оно, вероятно, могло дать. А это помогало распространению паники. Во-вторых, ухудшению межэтнических отношений содействовали и немногочисленные проявления бестактности, включая и открытое замещение русских коренными жителями. В-третьих, осуществление положительной деятельности зачастую влекло за собой несоизмеримо более сильное этническое недовольство. Когда получал работу один неквалифицированный узбек, обманутыми себя чувствовали сотни русских, хотя реально он занял место только одного. В-четвертых, многие восточные национальности воспринимали коренизацию буквально как деколонизацию и, как это видно из перехваченных писем, стали относиться к русским как к временному и нежелательному элементу. А русские, как представители ранее господствовавшей национальности, были сильно возмущены утратой своего прежнего статуса. В-пятых, в большинстве случаев во время Гражданской войны местное русское население поддерживало большевиков, тогда как местное население в лучшем случае сохраняло нейтралитет. А потому, когда плоды революции достались местному населению, русские почувствовали себя обманутыми: «Когда мы, русские, боролись и не скрывали своей поддержки, буряты ничего не делали. А теперь им дали все льготы»⁶⁷.

«Функциональная коренизация», 1926–1928 годы

С 1923 по 1926 г. — это период экспериментаторства: сначала восточные республики перешли от коренизации языковой сферы

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1707. Л. 113.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 201. Л. 140.

к «практикантству», потом — к квотной системе и даже открытому замещению русских представителями титульных наций. А в 1926 г. начался пересмотр этих планов коренизации — как в центре, так и в восточных республиках. Поддержка центра оставалась неизменной. Ее по-прежнему оказывали как работавшие в русле «мягкой линии» советские органы (такие как Совет национальностей ЦИК и отдел национальностей ВЦИК), так и важнейшие партийные органы, работавшие в русле «жесткой линии» (отдел кадров ЦК ВКП(б) и Оргбюро). В 1924–1929 гг. Оргбюро неоднократно заслушивало отчеты первых секретарей партии разных национальных регионов, во время которых обсуждались вопросы коренизации. А резолюции ЦК, которые принимались на их основе, неизменно призывали ускорить проведение коренизации⁶⁸. Я уже упоминал о работавшей в 1926–1927 гг. комиссии по коренизации при Оргбюро: и она тоже безоговорочно поддержала эту политику и одобрила меры по ее дальнейшему осуществлению⁶⁹. Более того, и Каганович, и Молотов, которые в 1924–1930 гг. председательствовали на заседаниях Оргбюро вместе с Косиором, во время этих заседаний лично выступали в поддержку коренизации⁷⁰.

И хотя центр последовательно поддерживал коренизацию, указания, касающиеся ее осуществления, оставались расплывчатыми. Какой уровень представительства местного населения в государственных органах можно считать достаточным? Должен ли он выражаться в процентах по отношению к совокупному населению республики? Или же местные в органах власти должны составлять простое большинство? Или можно ограничиться их значительным присутствием? До какой степени надо использовать в административной работе национальные языки? И какой должна быть цель всех этих меропр-

⁶⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 531. Л. 87/3; Д. 691. Л. 105/1, 105/2; Д. 699. Л. 112/1, 112/2; Д. 715. Л. 125/1; Оп. 113. Д. 193. Л. 27/1; Д. 270. Л. 95/1; Д. 301. Л. 121/1; Д. 305. Л. 125/1, Д. 656. Л. 63/2; Д. 669. Л. 73/1, 117/1; Д. 756, 138/1.

⁶⁹ Основные материалы комиссии Андреева см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58; Оп. 85. Д. 206; Оп. 114. Д. 336. Л. 6–148.

⁷⁰ Например, во время проходившего в августе 1925 г. обсуждения доклада секретаря Крымского обкома Молотов сказал: «Нельзя согласиться с мнением товарища Калинина, что произошло лишь техническое улучшение в работе советского аппарата. В этой области было многое сделано для того, чтобы привлечь новых работников, чтобы в местном аппарате перешли на новый [татарский] язык управления. И здесь мы имеем безусловный плюс в работе обкома». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 691. Л. 159. Во время состоявшегося в октябре 1928 г. обсуждения доклада первого секретаря Вотского обкома Каганович заметил: «Возьмем национальную политику... Руководящие местные работники более или менее на своем месте. Это огромное достижение. Но этого недостаточно. Следует увеличить численность местных работников, лояльных партии и советской власти». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 669. Л. 136.

ятий — тотальная коренизация языковой сферы, как на Украине, или всего лишь использование местных языков для обслуживания коренного населения, как в Татарстане? На практике такие инициативные республики, как Украина, Татарстан и Казахстан, начинали осуществлять программы коренизации сами, а центр возражал против этих действий тогда, когда их результаты его не устраивали. И хотя до какой-то степени негодование русских принимали как неизбежное, в целом именно оно тревожило центральные власти больше всего. Таким образом, хотя центр и не оспаривал неограниченных преимуществ, предоставляемых коренным национальностям при трудоустройстве, он неизменно осуждал практику увольнения русских для замещения их представителями титульных наций. Оргбюро решительно осудило бурятский закон, одобрявший такие действия. Осудила их и комиссия Андреева, назвав подобную практику «механической» коренизацией⁷¹.

Таблица 15. Занятость представителей титульных национальностей, 1925–1926 годы (в процентах от общего числа служащих)

Должности	Татарстан	Башкирия	Узбекистан
1. Руководящие	19,6	14,8	35,0
2. Технические специалистов	13,7	5,0	13,0
3. Обслуживающие	21,9	5,4	26,0
4. В целом	17,0	нет данных	нет данных

Источники: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 166. Л. 105; Д. 168. Л. 590b; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 9.

Главной, но не единственной проблемой, которая привела в 1926 г. к пересмотру планов коренизации, было недовольство русских. В Советском Союзе титульные национальности не встречали препятствия в виде «стеклянного потолка», который помешал бы им достичь руководящих должностей; нет, проблема (как это видно из таблицы 15) состояла в том, что существовал «вакуум посередине». Эта диспропорция смущала и комиссию Андреева, и руководителей восточных республик, поскольку наименее всего представители титульных наций были представлены на тех должностях, где осуществлялось административное делопроизводство, а это означало, что введение национальных языков в официальную сферу так и осталось далекой целью. Кроме того, многие из тех квалифицированных профессиона-

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 298. Л. 118/10; Д. 336. Л. 20.

лов, которые наиболее тесно взаимодействовали с «национальными массами» — агрономы, землемеры, ветеринары, врачи, — были в основном русскими⁷². А это мешало нерусским народам почувствовать, что коренизация сделала советское государство — их государством.

Таблица 16. Представительство титульных национальностей в выборных советских органах, 1927 год (в процентах)

	Село	Волость	Уезд	ЦИК	От общей численности населения
Башкирская АССР	25,9	29,4	34,7	34,7	23,7
Бурят-Монгольская АССР	50,8	47,6	55,1	49,1	43,8
Дагестанская АССР	67,4	нет данных	56,0	нет данных	61,8
Казахская АССР	59,9	62,5	нет данных	нет данных	57,1
Карельская АССР	49,6	45,0	38,7	36,4	37,4
Киргизская АССР	73,1	66,7	55,2	50,0	66,6
Крымская АССР	37,4	нет данных	нет данных	29,3	25,1
Татарская АССР	51,9	52,8	55,2	52,4	44,9
Чувашская АССР	77,8	77,6	68,2	78,3	74,6
Якутская АССР	92,9	81,2	71,1	69,4	85,1

Источник: Национальный состав выборных органов власти РСФСР в 1927 г. М., 1928. С. 56–66.

Отчасти это положение объяснялось существовавшей системой выделения квот: квоты устанавливались для определенного процента коренных жителей, которых полагалось трудоустроить в каждое учреждение, хотя при этом не уточнялось, какие именно должности они должны занимать. И казахские, и татарские ответственные работники утверждали, что организации, чтобы выполнить эти нормы, нани-

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 59. Л. 6; Д. 61. Л. 6–9; Д. 60. Л. 132–136; Оп. 17. Д. 12. Л. 148–149.

мали «судомоек, вахтеров, сторожей и кучеров»⁷³. Потому-то в Татарстане и стала такой популярной шутка о том, что власти «проводят не коренизацию, а кучеризацию»⁷⁴. Наряду с практикой направлять местных на работу в сфере услуг существовала и уравнивающая ее тенденция назначать их на самые заметные руководящие должности, и прежде всего выборные, как это видно из таблицы 16. Программы положительной деятельности для выборных должностей было выполнять легче всего, потому что работа на выборных должностях не требовала специальной квалификации. Многие республики вводили особые этнические квоты для всех существовавших у них выборных должностей⁷⁵.

Стремление назначать представителей титульных национальностей на руководящие должности, где им подчинялись преимущественно русские специалисты, вызвала озабоченность центра как минимум по трем причинам⁷⁶. Во-первых, из-за того, что многие из только что выдвинутых руководителей не имели большого опыта и беспартийным специалистам было легко ими манипулировать. Особенно серьезной эта проблема была в Узбекистане, где, согласно одному из докладов, в сельхозотделе Кокандской области и председатель этого отдела, и его заместитель были только что выдвинутыми узбеками: «И тем не менее обнаружилось, что ни председатель отдела, ни его заместитель не руководили работой. Ни у того, ни у другого не было даже ни стола, ни стула, чтобы можно было сесть... А на самом деле хозяином государственного земельного фонда был беспартийный специалист, который и руководил всей работой»⁷⁷. Примерно о том же писал в перехваченном письме и один русский: «Здесь и председатель, и другие администраторы — все они сарты (так пренебрежительно называли коренных жителей Средней Азии. — Т. М.), но зато специалисты и все технические работники — русские, которые знают свое дело лучше. Вот так [азиаты] и прячутся за спинами русских и получают хорошую зарплату»⁷⁸. С одной стороны, это являлось национальным вариантом традиционной проблемы «красные/специалисты». С другой стороны, это было повторением того явления, которое отмечалось и в других странах, осуществлявших положительную деятельность. Например, в Малайзии предприятия,

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 61 л. 16; Д. 60. Л. 46.

⁷⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 58. Л. 36.

⁷⁵ Стенографический отчет заседания XI областной партийной конференции. Казань, 1935. С. 344.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 336. Протокол 149, п. 1. Л. 19.

⁷⁷ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 489. Л. 10об.

⁷⁸ Там же. Д. 1349. Л. 300об.

принадлежавшие малайцам, получали льготы, поэтому там возник «Али-баба бизнес»: малайцу («Али») платили за то, чтобы он фигурировал в качестве формального собственника, в то время как китаец («баба») реально владел и управлял предприятием⁷⁹.

Другой проблемой было стремление представителей титульных народов безапелляционно заявлять о своем несомненном праве занимать руководящие должности, а не принимать их с надлежащей благодарностью и смирением. Русские неоднократно сетовали на то, что каждый местный житель хотел бы стать народным комиссаром (наркомом): «Как только [он] получает какое-никакое образование, он сразу же воображает, будто уже готов стать наркомом и вы не имеете права поручать ему канцелярскую работу»⁸⁰. То же самое местные грузины говорили и об аджарцах: «Все аджарцы хотят стать наркомами»⁸¹. Такого рода реплики служили выражением того расхожего предубеждения, будто представители восточных национальностей — люди ленивые и испорченные и что они скорее используют коренизацию в корыстных целях, чем принимают ее со всей искренностью: «Они знают, что они — узбеки, что они получили свою работу благодаря коренизации, и потому [говорят]: “Я могу больше ошибаться и меньше работать, чем другие” Такое чувство безответственности присуще многим служащим». А когда с них начинали спрашивать, они могли ответить так, как ответил один татарин: когда русские пригрозили ему, что его не выберут на руководящую должность, он ответил: «Если вы [меня] не выберете, то тогда вы — великодержавные шовинисты»⁸².

Таковы были лишь наиболее циничные проявления этого общего явления — использования этничности в корыстных целях. Коренные жители (а многие из них не имели образования и не знали русского языка) старались воспользоваться предоставленным им социальным капиталом, ресурсы которого были весьма ограниченными. Большевистские власти считали такое поведение эгоистичным или националистическим, хотя их собственная политика и создала этот социальный капитал. И только такой редкостно проницательный большевик, как Зеленский, первый секретарь Средазбюро, в январе 1927 г. смог описать это явление спокойно и точно⁸³:

⁷⁹ Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, CA, 1985. P. 666.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 25. Об аналогичной жалобе из Азербайджана см.: Там же. Оп. 17. Д. 12. Л. 173.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1483. Л. 44.

⁸² 2-й пленум областного комитета ВКП(б) Татарской республики II созыва. Стенографический отчет. Казань, 1926. С. 16–17.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 220. Л. 35.

«Наш местный *интеллигент* менее образован, менее культурен и не так хорошо подготовлен для работы в государственном аппарате. Но зато он хочет преуспеть. Если он коммунист, то у него есть преимущество: именно этим, в значительной степени и объясняется стремление [местной] интеллигенции вступать в партию. Но если он не коммунист — то как же ему тогда продвигаться вверх по лестнице государственной службы? Тогда он или должен работать как европеец, или же он может поднять какой-нибудь другой вопрос, который поставит его в привилегированное положение по сравнению с европейцем. Потому-то он и поднимает вопрос коренной национальности. И этот источник национализма еще только-только начинает себя проявлять, и чем больше будет у нас [местной] интеллигенции, тем сильнее будет на нас давление со стороны этого источника».

Однако даже Зеленский, правильно понимавший это явление, считал корыстное использование этничности разновидностью национализма. Как мы увидим в главе 6, одновременно с ним к аналогичному выводу пришел Каганович на Украине. Чем больше коренизация воспринималась как явление, способствующее усилению и национализма, и межэтнических конфликтов, тем слабее была поддержка, оказываемая этой политике.

И наконец, ощущая смутную тревогу в связи с ростом национализма, центр был озабочен и тем, что коренизация использовалась в местных фракционных битвах внутри самой партии. Фракционность в национальных республиках была гораздо сильнее, чем в российских регионах, а в восточных национальных республиках она была сильна как нигде. Партийные расколы в нерусских регионах зачастую проходили по этническим линиям. Обычно русская фракция, объединившись с фракцией национального меньшинства, начинала борьбу против фракции национального большинства. И в этой ситуации коренизацией могли воспользоваться для того, чтобы посадить на руководящие должности своих политических союзников и материально зависимых подчиненных: «Казахизацией иногда пользуются для того, чтобы поддержать кого-то из фракционных соображений»⁸⁴. Одной из республик, которые наиболее пострадали от фракционности, был наряду с Крымом и Татарстаном Казахстан⁸⁵. В 1925 г. (тогда

⁸⁴ 5-я Всеказачья конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет и резолюции. 1–7 декабря 1925 г. Кзыл-Орда, 1925. С. 17.

⁸⁵ О Татарстане см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 535. Протокол 91, п. 3; Д. 700. Протокол 113, п. 1; 7-я областная партийная конференция Татарской Республики. Стено-

же, когда Кагановича послали на Украину) Сталин сместил казахского национал-коммуниста Ходжанова и послал в Казахстан старого большевика Филиппа Голощекина. Задачей Голощекина, как и Кагановича, было провести коренизацию таким образом, чтобы она не стала источником политических распрей.

Голощекин сразу же начал заменять дискредитировавшую себя стратегию «механической коренизации» новой политикой, которую в мае 1926 г. он стал проводить «под лозунгом функциональной коренизации»⁸⁶. Кроме того, последовав примеру Кагановича, Голощекин объявил, что впредь осуществление коренизации партия будет считать своим собственным делом. «Функциональная коренизация» предполагала, что перемены в политике будут происходить в четырех направлениях. Во-первых, общие квоты для трудоустройства коренных жителей предстояло заменить списками конкретных должностей (номенклатурой), на которые полагалось найти исполнителей. Теоретически это были должности, особенно необходимые и для поддержки коренизации языковой сферы, и для обслуживания казахских масс. Во-вторых, критерием для подбора людей на эти должности должна была стать не этническая принадлежность, не принадлежность к казахской нации, а владение казахским языком. В-третьих, «практиканство» предстояло упразднить, заменив его специализированными краткосрочными курсами. В-четвертых, ликвидировалась казахская комиссия по коренизации, а контроль над коренизацией (опять-таки по примеру Украины) передавался Рабкрину⁸⁷.

Голощекин со всей определенностью дал понять, что причиной перехода к «функциональной коренизации» было недовольство русских. В своем письме он сообщал: «Механическое замещение европейцев казахами... приводит к обострению межэтнических конфликтов. Уволенные русские... передают свое объяснимое недовольство другим служащим, которых ничто не защищает от такой же участи». Кроме того, настроения среди служащих влияют и на «настроения профсоюзных масс, [которые говорят] “Коренизация означает привилегии для казахов”, “Казахстан — для казахов”, “Нам придется отсюда уезжать”»⁸⁸. А поскольку на заводах Казахстана и Средней

графический отчет. Казань, 1923; Стенографический отчет IX областной конференции татарск. организации РКП(б). Казань, 1924; о Казахстане см.: 5-я Всеказахья конференция Российской коммунистической партии (большевиков); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 61. Л. 14–23. Это первое упоминание об этой политике, которое я обнаружил в центральных архивах.

⁸⁷ Там же. Л. 16–20.

⁸⁸ Там же. Л. 17.

Азии острые этнические конфликты происходили повсюду, то наибольшую озабоченность вызывал именно последний пункт. «Функциональная коренизация» имела своей целью ослабить недовольство русских двумя способами. Во-первых, она ограничила число должностей, к которым была применима коренизация, и особенно число руководящих должностей, занимаемых влиятельными русскими коммунистами. Во-вторых, русские на номенклатурных должностях могли оставаться на них до тех пор, пока учили казахский язык. Разумеется, на самом деле Голощекин не ждал, что русские будут массово изучать казахский, прекрасно понимая, что таких людей будет совсем немного⁸⁹. И тем не менее с психологической точки зрения это было полезно — заменить общие этнические привилегии льготами, основанными на реальном навыке — владении местным языком.

«Функциональная коренизация» стала также реакцией на явную неудачу с подготовкой специалистов, поскольку большинство номенклатурных должностей входило именно в эту категорию. В Казахстане номенклатура республиканского уровня включала в себя 1036 должностей, и лишь 158 из них занимали служащие, говорящие на казахском языке. В целом же в Казахстане имелось 13 тыс. номенклатурных должностей, 2300 из которых занимали казахи⁹⁰. План «функциональной коренизации» предусматривал создание множества курсов (от полугодовых до двухгодичных). На них должны были обучаться говорящие на казахском языке (на практике — казахи), чтобы занять эти 10 700 вакантных номенклатурных должностей. И вскоре исследование ЦИК отметило, что «курсы имеются везде и повсеместно»⁹¹. У функциональной системы было еще одно преимущество: в соответствии с ней признавалось, как говорил Зеленский, что «наши ресурсы небезграничны»⁹². Тотальная коренизация в том виде, как она проводилась на Украине и в Белоруссии, на Востоке была попросту неосуществима.

Вначале новая политика Голощекина встретила противодействие. И тогда он написал Сталину подробное письмо, вкратце рассказав о тех пяти новшествах, которых он стал придерживаться в политике; одним из них была «функциональная коренизация». И получил

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 61. С. 138; Д. 60. Л. 24. На практике в результате перехода к «функциональной коренизации» русские принялись активно изучать язык коренного населения, но очень скоро внезапно прекратили. Там же. Ф. 17. Оп. 69. Д. 61. Л. 133–134; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 431. Л. 88.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 20; 6-я Всеказачья конференция ВКП(б). С. 292–293.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 431. Л. 27, 89.

⁹² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 220. Л. 10.

на это письмо лаконичный ответ: «Товарищ Голощекин! Думаю, что политика, которую вы обрисовали в этом письме, — это в целом единственно правильная политика. И. Сталин»⁹³. Получив поддержку Сталина и позже официальное одобрение комиссии Андреева, «функциональная коренизация» в 1926–1927 гг. быстро распространилась и на другие крупные восточные республики⁹⁴. Об успехах «функциональной коренизации» судить трудно, поскольку 1926–1928 гг. для республиканских властей были особенно тяжелыми. В 1927 г. было проведено массовое сокращение управленческих штатов в автономных республиках и областях Советского Союза⁹⁵. Летом 1927 г. численность служащих в административных аппаратах 23 автономных республик и областей Советского Союза была сокращена на 26,5 %, с 15 398 человек до 11 249 человек. В Казахстане было уволено 390 работников (39,1 %), а в Татарстане — 782 (25,2 %)⁹⁶. Теоретически от этих сокращений представители титульных национальностей должны были только выиграть. Однако Татарстан и Башкирия сообщили о замедлении темпов коренизации⁹⁷. Да и в Узбекистане процент узбеков в центральном административном аппарате сократился с 18,0 % до 16,8 %, а в центральном хозяйственном аппарате — с 22,8 % до 12,9 %⁹⁸.

Таблица 17. Представители титульной нации в центральном государственном аппарате Татарстана, 1921–1930 годы (в процентах)

Год	Татары	Год	Татары
1921	7,8	1926	17,0
1922	8,9	1927	16,6
1923	9,7	1928	19,7
1924	14,0	1929	24,6
1925	16,8	1930	35,4

Источники: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 40. Л. 24; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 443. Л. 29об.

⁹³ 6-я Всеказачья конференция ВКП(б). С. 90–95.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 168. Л. 57–60; Ф. 3316. Оп. 19. Д. 852. Л. 1–5; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 111. Л. 25–26; Оп. 113. Д. 335. Протокол 149, п. 1; Ф. 62. Оп. 1. Д. 220. Л. 2–49; Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Татарской республики. 1927. № 11. С. 153–159.

⁹⁵ Об этих сокращениях см.: ГА РФ. Ф. 406. Оп. 11. Д. 1005. Л. 1–49.

⁹⁶ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 413.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 182; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 168. Л. 57об.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1743. Л. 44–45.

Таким образом, «функциональная коренизация» имела значение как свидетельство озабоченности Советов недовольством русских, потому что большого влияния на осуществление коренизации она не оказала. Гораздо более способствовало успеху коренизации введение общих правил приема на государственную службу. Таблица 17 ясно свидетельствует о том, что численность татар в госаппарате Татарстана неуклонно возрастала с 1921 по 1925 г. — когда государственный аппарат расширился, замерла на одном уровне в 1925–1927 гг. — когда он сокращался, и снова стала увеличиваться в годы социалистического наступления.

Вторым существенным фактором, сдерживавшим коренизацию, было отсутствие подготовленных профессиональных кадров. Для большевиков в основном существовало два источника пополнения аппарата госслужащих — пролетариат и выпускники вузов. В начале 20-х гг. в восточных республиках национального пролетариата практически не существовало, а в вузах национальные кадры были представлены крайне слабо. И большевики принялись исправлять эту ситуацию при помощи активной положительной деятельности в промышленности и высшем образовании. В следующих разделах я анализирую и эти программы, и их влияние на общество с учетом того колоссального воздействия, которое оказала на положительную деятельность на советском Востоке культурная революция.

Положительная деятельность и этнические конфликты в промышленности

В постановлениях 1923 г. по национальной политике огромное внимание уделялось созданию национального пролетариата на советском Востоке⁹⁹. И если на Украине существовала огромная пропасть между русским пролетариатом и украинским крестьянством, что привело к «жестокому уроку 1919 года», то еще более глубокая пропасть существовала в Средней Азии и Казахстане, где большевики опирались почти исключительно на русских поселенцев и железнодорожных рабочих¹⁰⁰. Националистическая, а зачастую и откровенно расистская политика первых большевистских правительств в Туркестане способствовала значительному усилению среднеазиатских

⁹⁹ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 693–695; Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 283.

¹⁰⁰ *Park A.* Bolshevism in Turkestan, 1917–1927. N. Y., 1957. P. 3–58; *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. N. Y., 1980. P. 172–184.

басмаческих мятежей¹⁰¹. Как уже отмечалось в главе 2, центр предпринял решительные меры в 1921 г., когда происходила радикальная земельная реформа, в ее ходе земля изымалась у русских поселенцев и передавалась местному крестьянству. Это могло умиротворить национальное крестьянство, но национальный пролетариат еще предстояло создать. Даже в декабре 1926 г. среди заводских рабочих был всего лишь 81 таджик, 139 киргизов, 306 туркмен, 2215 казахов, 7684 узбека, а численность якутского пролетариата составляла «огромную» цифру в семь человек¹⁰². Постановления по национальной политике от 1921 и 1923 гг. обещали переместить заводы из районов Центральной России в Среднюю Азию, однако, как мы уже видели, под давлением обстоятельств, сложившихся в годы нэпа, от этой программы втихомолку отказались. Существенный рост промышленности в восточных национальных регионах Советского Союза произошел лишь в годы первой пятилетки. А это означало, что местные власти при трудоустройстве местных жителей на ограниченном рынке труда вынуждены были проводить положительную деятельность.

Положительная деятельность в пролетарской среде оказалась одним из наиболее спорных аспектов советской национальной политики как по практическим, так и по идеологическим причинам. На Украине положительная деятельность при трудоустройстве рабочих не проводилась из-за опасений Сталина, что это может привести к этническим распрям в среде имевшего большое политическое значение пролетариата Украины. Закавказские большевики, учитывая опыт жуткого этнического насилия революционных лет, всячески избегали положительной деятельности в промышленности¹⁰³. А Орджоникидзе даже заявил, что «среди рабочих не может быть различий по национальности»¹⁰⁴. Многие большевики были согласны с Орджоникидзе в том, что коренизацию, возможно, было бы уместно провести для административных работников (особенно для беспартийных), но пролетариат — чисто интернациональный класс, и потому положительная деятельность в промышленности недопустима хотя бы из идеологических соображений. Многие научились помалкивать — многие, но только не Михаил Калинин, который, к несчастью для своих коллег, не слишком-то четко уяснил смысл новой советской национальной политики и зачастую открыто выражал свои ерети-

¹⁰¹ *Hayit B. Basmatschi. Köln, 1992.*

¹⁰² Рассчитано по: Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С. 126–128.

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 12. Л. 227; Д. 30. Л. 64–65.

¹⁰⁴ III съезд коммунистических организаций Закавказья. 13–15 мая 1924 года. Стенографический отчет. Тифлис, 1924. С. 32.

ческие взгляды. На I съезде компартии Узбекистана Калинин сказал, что «национальный вопрос — это чисто крестьянский вопрос... Лучший способ искоренить национальность — это огромный завод с тысячами рабочих... который подобно жернову перемалывает все национальности и создает новую национальность. И этой национальностью является всемирный пролетариат»¹⁰⁵.

Несмотря на идеологические и практические проблемы, положительная деятельность при трудоустройстве промышленных рабочих на советском Востоке все-таки применялась. Казахстан ввел «систему льгот для казахских рабочих, распространяющуюся на принятие любых решений о наймах и увольнениях»¹⁰⁶. В Средней Азии местным национальностям были законодательно предоставлены «льготы при регистрации на биржах труда, при приеме на работу и увольнениях»¹⁰⁷. ЦК и ЦКК ВКП(б) знали о таких программах льгот и их признавали¹⁰⁸. Но одними только национальными республиками положительная деятельность не ограничивались. В 1928 г. власти Северо-Кавказского региона приняли к исполнению пятилетний план ежегодного трудоустройства тысячи горцев на заводы Ростова и других крупных северокавказских городов¹⁰⁹. Подобные программы существовали и в других российских регионах: например, в Москве, где существовал план трудоустройства на заводы города 5 тыс. цыган¹¹⁰. Квоты по программе положительной деятельности появились вскоре после 1923 г. и открыто действовали даже в 1933 г.

Как и при коренизации госслужащих, положительная деятельность при трудоустройстве промышленных рабочих тоже зачастую предполагала открытое замещение русских представителями титульных национальностей. В Казахстане отмечалось широкое распространение «метода механического внедрения казахов в промышленность путем увольнения рабочих других национальностей и замены их казахами»¹¹¹. В Узбекистане комиссия по коренизации направила на завод 70 узбеков «с рекомендацией их трудоустроить, и если не хватит мест, то уволить европейцев»¹¹². В Бурят-Монголии такие за-

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 149. Л. 109.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 69. Д. 61. Л. 6.

¹⁰⁷ Там же. Оп. 24. Д. 15. Л. 170/3.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1708. Л. 35; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 725. Протокол 725, п. 1. Л. 98.

¹⁰⁹ У. Формируется национальный пролетариат // Революция и горец. 1929. № 11/12. С. 64–66.

¹¹⁰ Абрамов С. Национальная работа советов в городах. М., 1935. С. 14.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 61. Л. 6.

¹¹² Там же. Оп. 85. Д. 206. Л. 5.

мещения были разрешены законом¹¹³. ОГПУ отмечало, что русские рабочие возмущены тем, что профсоюзы этому попустительствуют, и цитировало слова русского рабочего: «Если они меня уволят и на мое место возьмут бурята, то я сначала убью этого бурята, а потом пусть они делают со мной что хотят»¹¹⁴. Предприняв расследование, ЦК обнаружило что такого рода открытые замещения были широко распространены и что в результате «русские рабочие озлобились и против советской власти, и против профсоюзов»¹¹⁵. Комиссия Андреева осудила практику замещения русских рабочими коренных национальностей, но при этом не потребовала отказаться от квотной системы: ведь при трудоустройстве неквалифицированных промышленных рабочих «функциональная коренизация» была неприменима¹¹⁶.

И потому неудивительно, что столь грубо осуществлявшаяся в Казахстане и Средней Азии положительная деятельность привела к значительному усилению межэтнических конфликтов. Разумеется, это не было единственной и даже не самой существенной причиной. Этническое смешение ранее обособленных народов всегда приводит к усилению этнических конфликтов¹¹⁷. Более того, как мы уже видели, в начале и середине 20-х гг. этнические конфликты в сельской местности были сопряжены с насилием во многих местах — в Средней Азии и Казахстане, в Бурят-Монголии и Башкирии, и повсюду эти конфликты были жестокими. А по мере того как рабочий класс пополнялся крестьянством, эти этнические конфликты в значительной своей части должны были естественным образом перемещаться и в города. В течение 1926 г. в политических докладах ОГПУ об этнических конфликтах главное место отводилось этническим конфликтам в сельской местности¹¹⁸. Однако в 1927 г. этнические конфликты в сельской местности пошли на спад, и в отчетах Среднеазиатского ОГПУ теперь уже особо отмечалось «усиление межэтнической вражды на основе борьбы за рабочие места»¹¹⁹. Начиная с 1927 г. главной ареной происходивших в Советском Союзе этнических конфликтов становились заводы (а также биржи труда).

Взаимосвязь между этническими конфликтами и коренизацией прекрасно демонстрируют события, происходившие на Ташкентской

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 298. Л. 118/10.

¹¹⁴ Там же. Оп. 87s. Д. 201. Л. 83.

¹¹⁵ Там же. Оп. 113. Д. 298. Л. 118/10, 102.

¹¹⁶ Там же. Д. 336. Л. 149/1, 92.

¹¹⁷ *Horowitz D.* Op. cit. P. 95–140.

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 196–200a; Ф. 62. Оп. 2. Д. 535–536.

¹¹⁹ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 882. Л. 5.

бирже труда. Заместитель начальника Ташкентской биржи Валиходжаев был бескомпромиссным и бестактным активистом коренизации. Так, в марте 1927 г. в присутствии находившихся на бирже труда 200 безработных Валиходжаев заявил, что он против того, чтобы на строительные работы посылали русских, и крикнул: «Посылайте узбеков, местное население. А если вы не пошлете узбеков, то я буду жаловаться в обком». А на другой день на двери биржи повесили объявление: «Требуются рабочие-узбеки». В феврале 1928 г. произошел еще один случай: когда биржа труда выдала русской женщине направление на работу — на вакансию судомойки в Комиссариате торговли, — Валиходжаев отнял у нее это направление, отдал его узбечке и сказал: «Я посылаю ее по программе коренизации, вот и все»¹²⁰.

Иногда такое поведение приводило к инцидентам и даже дракам, случавшимся в помещении биржи труда. Например, в апреле 1927 г. на биржу явился представитель комиссии по коренизации по Ташкентской области и во всеуслышание заявил, что ему для новой работы нужны «только представители коренной национальности». Безработные «европейцы» начали кричать: «Ну и что же тогда, скажите на милость, делать русским? Или они не хотят есть? Русские сражались и завоевали свободу для вас, чертей, а теперь вы говорите, что узбеки — хозяева в Узбекистане. Ну ничего, погодите: придет время, и мы вам еще покажем. Мы вам еще бока наломаем!». Узбеки отвечали: «Только погодите, совсем скоро мы попросим всех вас, европейцев, убираться к себе на родину и искать работу там». Агент ГПУ сообщал, что вскоре обстановка накалилась и что узбеки, хотя на их стороне и было численное превосходство, бросились бежать¹²¹. В другой раз, в феврале 1928 г., безработные русские и узбеки затеяли драку¹²²:

«На бирже труда вспыхнула драка между узбеками и русскими на почве национальной вражды. Узбеки заявили, что скоро они выгонят русских из Узбекистана — и потому, что скоро у них будут свои собственные специалисты, и потому, что русские всегда пытаются отнимать у узбеков их рабочие места. Русские говорили, что во время революции узбеки были басмачами, а теперь они пролезают во власть. Из-за этой [перепалки] разгорелась драка, которая была пресечена милицией».

Драки возникали на бирже труда и по многим другим поводам¹²³.

¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 881. Л. 105; Д. 1351. Л. 29; Д. 1349. Л. 94.

¹²¹ Там же. Д. 881. Л. 125.

¹²² Там же. Д. 1351. Л. 191.

¹²³ Там же. Д. 881. Л. 105.

Вызывающее поведение Валиходжаева отчасти объяснялось и тем ожесточенным сопротивлением, с которым он столкнулся, пытаясь проводить коренизацию. Русские директора предприятий зачастую отказывались принимать узбеков, которых он им посылал. Директор бутылочной фабрики вернул девять узбечек «на основании того, что узбечки не умеют мыть бутылки»¹²⁴. Более того, ГПУ со всей серьезностью относилось к угрозам безработных русских «жестоко избить [Валиходжаева]» за его методы проведения коренизации¹²⁵. В середине 1927 г. ГПУ было озабочено также угрозами безработных «поднять черный флаг» и напасть на биржу труда¹²⁶. И в этом не было ничего невероятного. В 1928 г. в городе Сергиополе, в Казахстане, безработные русские вместе с русскими рабочими, занятыми на строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиба), разъярившись, избили казахов (около 50 человек были ранены) и взяли штурмом городское отделение ГПУ, чтобы освободить товарищей, арестованных во время предыдущих этнических стычек. И хотя бунтовщики были сурово наказаны, такое давление со стороны безработных русских, искавших работу в Казахстане, стало одной из главных причин того, что администрации строительства Турксиба так и не удалось выполнить установленную для нее норму трудоустройства казахов¹²⁷. Аналогичная ситуация существовала и в Средней Азии. В 1926 г. из Узбекистана сообщалось, что «на [Ташкентской] бирже труда собираются приезжающие из РСФСР безработные европейцы, и из-за того давления, которое они оказывают, биржа труда не имеет возможности проводить правильную политическую линию в национальной политике»¹²⁸. Угрозы со стороны русских и реальные акты насилия зачастую были спонтанными реакциями на то, что представлялось им вопиющей несправедливостью, но насилие могло быть и сознательной формой сопротивления коренизации. По донесениям ГПУ, на одном из заводов Казахстана кто-то сказал так: «Они могут и уволить нескольких русских рабочих, и заменить их казахами. Но если это произойдет, то мы устроим казахам хорошую взбучку и так нагоним страху и на них, и на всех остальных»¹²⁹.

А поскольку коренизация повсюду переплеталась с политикой, то любое решение о найме и увольнении неизбежно превращалось в по-

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 883. Л. 21–22.

¹²⁵ Там же. Д. 882. Л. 275.

¹²⁶ Там же. Д. 882. Л. 275–275об.; Д. 883. Л. 9–24.

¹²⁷ Рауне М. *Op. cit.* P. 237, 256–258, 288–296.

¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 489. Л. 7.

¹²⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 87. Д. 196. Л. 374.

литическое событие. На масложировом заводе в Туркменистане двое рабочих-туркмен подрались, и оба были уволены. Остальные туркмены принялись утверждать, что это было лишь поводом, чтобы заменить их русскими¹³⁰. После увольнения с винзавода одного из узбеков узбекские рабочие начали забастовку, требуя проводить «реальную узбекизацию»¹³¹. Таким образом, этнические конфликты возникали не только между безработными. На заводах то и дело происходили драки. Многие из этих конфликтов объяснялись также страхом потерять работу. В частности, оказались тщетными попытки отдавать среднеазиатов на выучку к русским. Как отмечал Зеленский, русские рассуждали так: «Я сейчас здесь работаю, а завтра ты меня отсюда прогонишь, так что черт с тобой. Ты можешь провести со мной сколько угодно времени, но я научу тебя только тому, как выгребать уголь — и ничему больше»¹³².

Тем не менее было бы большой ошибкой объяснять межэтнические конфликты одной лишь положительной деятельностью и страхом оказаться без работы. Ведь этнические конфликты усилились после 1929 г., когда в результате первой пятилетки безработица была ликвидирована и возникла нехватка рабочей силы. Этнические конфликты подразумевают, как правило, не только конкурентную борьбу за трудоустройство и другие выгоды, но и имеющую символический смысл борьбу за статус и первенство на данной территории¹³³. Мы уже обращали внимание на это явление, когда говорили о сельских этнических конфликтах в Средней Азии и в большинстве регионов советского Востока. Русские воспринимали коренизацию как серьезный и незаслуженный удар по их статусу. Во время инцидентов на этнической почве русские неоднократно указывали на свои революционные заслуги: «Мы боролись, проливали кровь, и вот теперь они считают нас гостями. Разве мы не такие же люди, как узбеки?». Когда русские видели на бирже труда объявление о том, что требуются одни только узбеки, они сетовали: «Ну и где они были с этими объявлениями тогда, когда мы проливали кровь и мерли, как мухи, в среднеазиатских пустынях? Если вспыхнет война, то мы пойдем на фронт, но будем там сражаться против такой администрации, как эта». В другом случае, когда узбеки заняли рабочие места русских, один русский стал жаловаться: «Русские боролись за победу революции; мы мерли, как мухи, и вот вам результат: всем теперь завладели эти скоты, которые

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1809. Л. 28.

¹³¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1708. Л. 36.

¹³² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 220. Л. 47.

¹³³ См.: *Horowitz D.* Op. cit.

теперь гордятся и заявляют: “Вы сражались в войне. Ну и спасибо вам. А работать теперь будем мы”»¹³⁴. В жалобах русских преобладали две темы: во-первых, что русские принесли огромные жертвы во имя революции, а теперь им несправедливо отказывают в заслуженных наградах, и, во-вторых, что коренизация сделала их чужаками, гостями на той земле, которую они считали своей родиной. А особенно русские возмущались тем, что коренизация предполагала, будто Узбекистан принадлежит узбекам, и что «мы завоевали Туркестан, и теперь здесь хозяйничают узбеки»¹³⁵.

Судя по всему, в том же духе воспринимало коренизацию и большинство узбеков. Советскую риторику деколонизации они восприняли всерьез и истолковали коренизацию как предоставление им безусловного преимущества абсолютно во всех сферах жизни в Узбекистане, а не только в сферах, относящихся к национальной культуре, что, собственно говоря, советское руководство и подразумевало под коренизацией. Во время драк на бирже труда узбеки говорили русским: «Это мы — хозяева в Узбекистане, и потому именно нам должны давать работу в первую очередь»¹³⁶. И хотя эту формулировку трудно было назвать советской, в данном случае ее политический подтекст был вполне приемлемым. А в другом случае узбекам за одинаковую с русскими работу на заводе заплатили больше. Один рабочий-узбек объяснил это просто: «Власть принадлежит нам, а потому мы и получаем больше»¹³⁷. И это ощущение, будто Узбекистан принадлежит им, заставляло узбеков говорить о русских как о «гостях», а во время стычек на этнической почве заявлять: «Убирайтесь вон из Узбекистана» и «Возвращайтесь к себе на родину»¹³⁸. Это стремление коренных жителей абсолютизировать то, что Советы воспринимали в качестве вспомогательного средства практической политики, постоянно создавало проблемы в восприятии коренизации. Но не только коренные национальности так воспринимали коренизацию. Хотя в 20-е гг. русские сохраняли господствующее положение как в госаппарате, так и в промышленности, они постоянно говорили о своем страхе в связи с тем, что их «выгоняют из Средней Азии»¹³⁹. И эти, казалось бы, чрезмерные опасения стоило принимать всерьез, потому что они выражались не только во время открытых конфликтов,

¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 881. Л. 141; Д. 1351. Л. 29; Д. 1350. Л. 103.

¹³⁵ Там же. Д. 1808. Л. 109.

¹³⁶ Там же. Д. 1351. Л. 156.

¹³⁷ Там же. Д. 882. Л. 274об.

¹³⁸ Там же. Д. 882. Л. 274; Д. 881. Л. 125.

¹³⁹ Там же. Д. 1809. Л. 73.

но и в письмах, которые перлюстрировались ОГПУ: «Я попытался найти работу на заводе, но они берут одних узбеков. Может быть, скоро всем русским придется уехать отсюда в Россию»; «Скоро настанет время, когда они вежливо попросят всех русских уехать в европейскую часть России»¹⁴⁰.

Наличием именно этого, реального конфликта объяснялись по крайней мере три характерные особенности этнических отношений на промышленных предприятиях советского Востока. Первой такой особенностью была повсеместно распространенная этническая сегрегация, второй — внезапность и спонтанность этнических конфликтов, а третьей — присущее этим конфликтам свойство принимать определенные символические формы. Посторонних наблюдателей почти всегда шокировала этническая сегрегация, распространявшаяся повсеместно. В отчете об условиях труда на нефтяном месторождении в Туркмении отмечалось: «Первое, что поражает наблюдателя, — это что рабочие разделены по национальностям по трем отдельным баракам»¹⁴¹. То же самое относилось и к горцам в Ростове, где потрясенный наблюдатель обнаружил, что даже в спальном помещении рабочие «группируются на основе “национальной идентичности” или, точнее сказать, разделены на “национальные ячейки”»¹⁴². В другом случае, когда для казахов и русских был выделен один общий барак, «посередине соорудили деревянную перегородку, чтобы разделить две национальности»¹⁴³. Комиссия Андреева обнаружила, что в восточных регионах Советского Союза этот обычай получил повсеместное распространение¹⁴⁴. Сегрегация проникала и в повседневную жизнь. Действовали отдельные клубы и закусовые. А особенно шокировал Зеленского обычай выстраиваться в разные очереди за водой¹⁴⁵.

Сегрегация действительно беспокоила советские власти не только потому, что она нарушала их интернационалистические принципы, но еще и потому, что она указывала на недостатки проводимой ими национальной политики. Большинство большевиков были воз-

¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 1808. Л. 74; Д. 1349. Л. 106.

¹⁴¹ Там же. Д. 2245. Л. 189.

¹⁴² *Кар И.* Как живут, в чем нуждаются и на что жалуются рабочие-националы в краевой промышленности // Революция и горец. 1931. № 6/7. С. 86.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 131. Д. 23. Л. 52.

¹⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 336. Л. 46.

¹⁴⁵ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 882. Л. 274; Д. 1349. Л. 91; *Зеленский И.* Против великодержавного шовинизма и местного национализма // Парработник (Ташкент). 1930. № 3. С. 10. См. также: Две очереди — узбекская и русская // Правда Востока. 1931. 27 июля. С. 3.

мущены сегрегацией среди «интернационалистического» пролетариата¹⁴⁶. И именно поэтому советская национальная политика была направлена против предоставления преимуществ титульным нациям и требовала равенства всех национальностей на данной территории. Однако в то же время она требовала обслуживать все национальности на их собственных языках. Как мы уже видели, это вело к образованию национальных территорий в пределах деревни, что было разновидностью национальной сегрегации. И было непонятно, почему этот принцип нельзя распространить и на большие заводы. Так, например, на Урале образование 337 национальных рабочих бригад приветствовалось и считалось примером просвещенной национальной политики¹⁴⁷. Однако враждебно настроенный наблюдатель мог назвать это сегрегацией. После того как в Магнитогорске произошел серьезный межэтнический конфликт, городские власти отреагировали на него отнюдь не возобновлением пропаганды объединения, а, наоборот, расширением системы национальных рабочих бригад¹⁴⁸. Это был путь наименьшего сопротивления. Попытки объединить рабочие бригады или ликвидировать сегрегацию в спальнях помещений зачастую встречали яростное сопротивление¹⁴⁹. Когда инспектор Среднеазиатского бюро спросил у представителей местных властей, почему они строят отдельные бараки, они дали ему простой ответ: «Тогда бывает меньше драк»¹⁵⁰.

Таким образом, власти примирились с существованием сегрегации на рабочих местах, хотя это и вызывало у них недовольство: примирились и потому, что это было удобно, и потому, что с виду это не противоречило их национальной политике. В Средней Азии большевикам досталось в наследство сегрегированное общество. Они ликвидировали правовую сегрегацию, но во многом сохранили ее, и не только на практике, но и в сознании. Удивительно, как быстро среднеазиатские большевики, включая и самого Зеленского, приняли дореволюционные категории «европейцев» и «азиатов»¹⁵¹. В 1929 г. инспектор ЦКК был шокирован повсеместным употреблением этих слов, что, по его мнению, было «несовместимо с представлениями

¹⁴⁶ Хроника // Революция и горец. 1930. № 6/7. С. 104.

¹⁴⁷ *Ибрагимов, Садыков С.* Успехи ленинской национальной политики на Урале. Свердловск, 1932. С. 26.

¹⁴⁸ *Нугаев А.* Практика национальной политики на Магнитогорске // Революция и национальности. 1931. № 8. С. 18.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 946. Л. 3.

¹⁵⁰ Там же. Д. 2280. Л. 9.

¹⁵¹ Пример из выступления Зеленского (далеко не единственный) см.: *Зеленский И.* Указ. соч. С. 10.

о братстве, единстве и равенстве трудящихся всех наций». И это разделение отнюдь не было чисто расовыми, поскольку слово «европеец» применялось по отношению ко «всем приезжим», включая тюркоязычных азербайджанцев и волжских татар, а слово «азиат» было синонимом местного населения¹⁵². К татарам фактически относились как к европейцам: они жили в «европейских» бараках и стояли в «европейских» очередях¹⁵³. Удивительно, что коренизация не упразднила слово «европеец» (поскольку она предполагала одинаковое отношение ко всем представителям нетитульной нации), а превратила местных недифференцированных «азиатов» в узбеков, таджиков, туркмен и киргизов.

Сегрегация на рабочих местах в сочетании с конфликтами из-за статуса, связанными с коренизацией, создала чрезвычайно напряженную обстановку, в результате чего даже и самые незначительные инциденты могли перерасти (и перерастали) в этническое насилие. ГПУ отмечало, что «национальные отношения настолько напряжены, что ссору может вызвать даже малейший повседневный инцидент, что и дает узбекам повод говорить об угнетении со стороны европейцев»¹⁵⁴. В обычных драках конфликт, как правило, возникал между русским и местным, потом к ним присоединялись их соплеменники, что и приводило к межэтнической потасовке¹⁵⁵. Большие драки, как правило, разгорались в напряженных ситуациях, когда после работы собирались многочисленные этнические группы. Чаще всего такие драки возникали в длинных очередях в заводские магазины: «Очереди являются питательной средой для великодержавного русского шовинизма и местного национализма. В очередях вы можете услышать, как европейцы называют националов ослами, придурками и так далее, а националы обзывают русских собаками»¹⁵⁶.

Один из самых крупных в Средней Азии этнических мятежей как раз и возник в подобной ситуации. В апреле 1931 г. группа из 300 узбеков разграбила шелкомотальную фабрику в городе Маргилане (Ферганская область), на которой они работали, действуя «под лозунгами “Русские нас угнетают” и “Бейте русских”». Во время драки один рабочий был убит, а двое русских и четверо узбеков были серьезно ранены. Инцидент начался с оскорблений, которыми осыпали

¹⁵² ГА РФ. Ф. 374. Оп 27с. Д. 1707. Л. 206.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2245. Л. 187; Д. 2541. Л. 51.

¹⁵⁴ Там же. Д. 1808. Л. 20.

¹⁵⁵ Там же. Д. 881. Л. 72.

¹⁵⁶ Там же. Д. 2245. Л. 154.

друг друга русский рабочий Куличнов и узбек Каримов. Вспыхнула драка, и Куличнов бил Каримова до тех пор, пока последний не потерял сознание. Милиционеры отвели Куличнова в отделение, чтобы защитить его от толпы в 250–300 узбеков, которые собрались около завода и принялись кричать: «За убитого узбека бейте русских. Мы уничтожим и фабрику, и русских. А потом мы уйдем к басмачам. Они-то нас поддержат и помогут нам разгромить фабрику и выгнать русских»¹⁵⁷. В конце концов узбеки захватили отделение милиции, но милиционеры вместе с Куличновым уже убежали. В аналогичных ситуациях возникали и многие другие, хотя и не такие крупные межэтнические стычки¹⁵⁸.

Большинство конфликтов происходило, разумеется, без применения силы. Чаще всего оскорблениям подвергались национальные и религиозные символы. На фоне конфликта по поводу того, кто именно имеет право считать среднеазиатские республики своими, особую важность приобретали вопросы, связанные с такого рода символами. Например, в 1929 г. русские были возмущены переносом празднования Рождества на 2 января. «Они заставляют нас отмечать узбекские праздники, а наши праздники они нам приказывают отмечать не в те дни, когда полагается»; «Мусульманские сарты потешаются над нами, что русские дураки празднуют свои праздники не в те дни»¹⁵⁹. Поводом для драки стал спор о том, кто главнее — Магомет или Христос¹⁶⁰. Но гораздо чаще сообщалось о том, что русские натирали губы мусульман свиным салом или заставляли их есть свинину¹⁶¹. Тем самым они, безусловно, намеревались унижить мусульман как можно глубже и продемонстрировать господствующее положение русских в заводской среде. Хотя на самом деле позиции русских в промышленности советского Востока никогда и не оспаривались. А реакция на это советской власти, а также на постоянные межэтнические конфликты определялась резкими переменами, которыми в 1928 г. сопровождалось начало социалистического наступления.

¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2198. Л. 1, 5.

¹⁵⁸ Там же. Д. 2541. Л. 49–52.

¹⁵⁹ Там же. Д. 1808. Л. 34.

¹⁶⁰ Там же. Д. 2278. Л. 5.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1708. Л. 35; РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 943. Л. 7–8; 7-я Всеказачья партийная конференция ВКП(б). С. 253; *Рауне М.* *Op. cit.* Р. 285; *Гутте И.* Большой вопрос // Революция и горец. 1930. № 11–12. С. 71; *Макаров Ф.* Огонь по великодержавному шовинизму! // Революция и горец. 1931. № 3. С. 43.

Культурная революция и коренизация на советском Востоке

«Наступление социализма по всему фронту» оказало огромное влияние на проведение советской национальной политики. Мы уже видели, как централизация и этатизм, воплотившиеся в новой политике, нанесли коренизации языковой сферы на Украине смертельный удар. Однако благодаря культурной революции их влияние на коренизацию на советском Востоке было совсем другим. В данном случае нам было бы удобнее выделить в культурной революции два процесса. Во-первых, деструктивный, который был связан с усилением классовой борьбы и подразумевал мобилизацию активных «пролетарских» большевиков, призываемых на борьбу с различными прежде терпимыми «буржуазными элементами» и организациями — академиками и университетами, священниками и религией, писателями-попутчиками и их журналами. Этот процесс сопровождался проходившей под руководством государства кампанией террора, началом которого стало «Шахтинское дело» 1928 г., показавшее, какие категории населения подвергаются репрессиям и, следовательно, становятся уязвимыми. В национальных регионах главным объектом террора во времена культурной революции стали сменовеховцы — националистически настроенные интеллигенты, принявшие предложение большевиков работать на благо коренизации. Скомпрометировать коренизацию были призваны и процессы по национальным делам (о них говорится в главе 5): ведь они сигнализировали, что самые пламенные ее сторонники на самом деле были контрреволюционерами. Культурная революция на советском Востоке отличалась еще и тем, что здесь она включала в себя массовую кампанию против «феодалных» обычаев, которая началась в 1927 г. с борьбы против ношения женщинами паранджи¹⁶².

Второй, конструктивный, аспект культурной революции был представлен множеством неосуществимых проектов и экспериментов, нацеленных на создание нового социалистического образа жизни («нового быта»), призванного заменить оказавшиеся теперь под ударом буржуазные институты¹⁶³. Этот процесс подразумевал также высвобождение энергии утопизма, которая до тех пор временно сдерживалась прагматизмом нэпа. Если говорить о сфере национальной

¹⁶² *Massell G.* The Surrogate Proletariat. Princeton, N. J., 1974; *Northrop D.* Uzbek Women and the Veil: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ph. D. diss., Stanford University, 1999; *Edgar A.* Op. cit. P. 145–201.

¹⁶³ *Kotkin S.* Magnetic Mountain. Berkeley, 1995. P. 72–105.

политики, то здесь большинство большевиков вначале предполагали, что упразднение нэпа и борьба с националистическим сменовеховством означают, что наступил конец и неавистному для них компромиссу с национальной идентичностью. Утопический проект, который они поддерживали, означал создание интернациональной советской идентичности. Распространение этого популярного представления было пресечено Сталиным — сначала в нескольких частных комментариях 1929 г., а затем и в решительном публичном заявлении на съезде партии, состоявшемся в июне 1930 г. Там он предложил альтернативный утопический проект: «Период строительства социализма есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме... Развитие национальных культур должно развернуться с новой силой»¹⁶⁴. Благодаря выступлению Сталина утопические устремления культурной революции были направлены в другое русло: теперь они имели своей целью стремительное ускорение национального строительства, а не создание вненациональной советской идентичности.

И лишь на советском Востоке, в силу его культурной отсталости, ускоренное национальное строительство приобрело достаточно утопический характер, чтобы соответствовать утопизму культурной революции. Так, например, создание национальных территорий, языков и культурных учреждений для малых народов Севера восхвалялось в 1931 г. как «создание новых национальностей из племен, которые раньше никогда и не мечтали о национальном существовании». Приветствовалось и то, что «всего за шесть лет они миновали все стадии развития, для чего другим народам требовались тысячи лет»¹⁶⁵. Это был классический утопизм культурной революции. Им-то и можно объяснить, почему во время культурной революции судьбы коренизации на советском Востоке и Западе оказались такими разными. Прагматизм нэпа способствовал осуществлению программ, которые были основаны на риторике индигенности, и был враждебен тем, которые были основаны на признании культурной отсталости нерусских народов. А утопичная политика культурной революции содействовала только тем индигенизационным проектам, которые являлись составной частью девелопменталистского проекта преодоления культурной отсталости. Теперь я возвращусь к анализу трех кампаний культурной революции, которые повлияли

¹⁶⁴ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии — ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 55–56.

¹⁶⁵ Вторая сессия ЦИК пятнадцатого созыва. Стенографический отчет. М., 1931. С. 16.

на развитие коренизации на советском Востоке: кампании против великодержавного шовинизма, положительной деятельности в высшем образовании, а также крупной пропагандистской кампании коренизации восточных национальных территорий.

Кампания против великодержавного шовинизма

В той же самой июньской речи 1930 г., в которой Сталин заявил, что культурная революция означает расцвет, а не ликвидацию национальных культур, он одновременно подверг критике активистов культурной революции, которые оспаривали общепризнанное положение, согласно которому великодержавный шовинизм более опасен, чем местный национализм¹⁶⁶. А поскольку коренизация была основана на этом утверждении, то замечания Сталина совершенно успокоили ее поборников. В течение нескольких предыдущих месяцев состоялся ряд показательных процессов, которые были направлены против нерусской сменовеховской интеллигенции, обвинявшейся в национализме. И при этом ничего сопоставимого против великодержавных шовинистов предпринято не было. В результате многие большевики подумали, будто принцип главной опасности утратил свою силу. Однако Сталин не уточнил, каких именно великодержавных шовинистов следует критиковать. И при отсутствии указаний от центра местные власти сосредоточились на своей самой насущной национальной проблеме — проблеме межэтнической напряженности, этнических конфликтов и предубеждений, распространенных среди пролетариата. Как это видно из приведенных выше примеров и как это было подтверждено более поздними советскими исследованиями, зачинателями межэтнических конфликтов с применением силы были, как правило, русские¹⁶⁷. Во время социалистического наступления межэтнические конфликты только усилились¹⁶⁸. И в результате было принято решение, отразившееся в той кампании, которая была

¹⁶⁶ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии. С. 54. Сталин называл его «великорусским шовинизмом», но пресса, официальные документы и большинство других ответственных работников продолжали употреблять излюбленное ленинское словосочетание «великодержавный шовинизм».

¹⁶⁷ См. также: На борьбу с шовинизмом // Советская юстиция. 1934. № 22. С. 8–9.

¹⁶⁸ Этот вывод можно сделать, читая всего лишь три журнала, публиковавшие отчеты о межэтнических конфликтах, см.: Революция и национальности. 1930. № 3. С. 9–10; № 7. С. 102–103; № 8/9. С. 25–34; 1931. № 2/3. С. 76–81, 129–131; № 8. С. 18–25; № 9. С. 86–91, 151–156; 1932. № 3. С. 19–22; 1933. № 3. С. 92–96; 1934. № 1. С. 80–86; Просвещение национальностей. 1930. № 4/5. С. 45–49; Советская юстиция. 1929. № 4. С. 83–85; 1931. № 2. С. 29–31; 1931. № 15. С. 31; 1931. № 19. С. 16–19; 1932. № 3. С. 34–35; 1932. № 11. С. 8–10; 1932. № 19. С. 18–20; 1933. № 9. С. 18; 1934. № 5. С. 10–11; 1934. № 16. С. 13; 1934. № 22. С. 8–9.

развязана в среднеазиатской прессе сразу же после речи Сталина. Решение заключалось в том, чтобы сделать объектом критики дурное обращение с нерусскими рабочими на производстве, проводимой под лозунгом борьбы с великодержавным шовинизмом¹⁶⁹. Таким образом, противовесом кампании против местного национализма, главной мишенью которой была творческая и научная интеллигенция, должна была стать кампания против великодержавного шовинизма, направленная против русской заводской администрации и русских рабочих.

Кампания против великорусского шовинизма была направлена не против сегрегации, которая, по логике вещей, и должна была бы стать мишенью интернационалистской кампании, а против неравных условий труда и быта людей разных национальностей. Спальные помещения для коренных национальностей были почти всегда хуже, чем для русских¹⁷⁰. На строительных объектах казахам и узбекам зачастую вообще не предоставляли жилья, и они спали «под открытым небом»¹⁷¹. Сообщалось, что в Караганде жилье для казахов было хуже предоставлявшегося раскулаченным крестьянам¹⁷². Кроме того, восточные национальности страдали от дискриминации при получении продуктов и потребительских товаров¹⁷³. Зачастую за одну и ту же работу им платили меньше, чем русским, объясняя это тем, что они не умеют говорить по-русски¹⁷⁴. Как уже отмечалось выше, их постоянно обзывали, а мусульман зачастую заставляли есть свинину.

Власти опасались, что дискриминация помешает созданию национального пролетариата. Текучесть кадров среди национальных рабочих на советском Востоке была гораздо выше, чем среди русских. Именно высокую текучку власти считали главной причиной относительно медленного (если судить по процентам от общего количества рабочей силы) роста численности местного пролетариата — несмотря на те благоприятные условия, которые были созданы в результате промышленного роста и активной положительной деятельности¹⁷⁵.

¹⁶⁹ См.: *Зеленский И.* Указ. соч.; Борьба с великодержавным шовинизмом — наша основная задача // *Правда Востока.* 1930. 6 авг. С. 2; Огонь против великодержавного шовинизма и местного национализма! // Там же. 8 авг. С. 2; Беспощадно вытравлять великодержавный шовинизм и местный национализм // Там же. 14 авг. С. 3.

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 336. Протокол 149, п. 1, 46; Д. 725. Протокол 117, п. 1.

¹⁷¹ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2278. Л. 8; *Payne M.* Op. cit. P. 278–279.

¹⁷² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1565. Л. 24–28.

¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2245. Л. 62; *Payne M.* Op. cit. P. 278–279.

¹⁷⁴ Там же. Д. 2278. Л. 5.

¹⁷⁵ К несчастью, статистические сведения по большим восточным национальностям не публиковались и архивные данные весьма отрывочны. К январю 1933 г. коренизация заводского пролетариата в автономных республиках и автономных областях РСФСР

А поскольку безработные русские, чтобы помешать положительной деятельности в сфере трудоустройства, прибегали к силе, то в 1931 г. Комиссариат юстиции выпустил циркуляр, обвинявший шовинистов в том, что они умышленно прибегали к дискриминации, чтобы «вытеснить национальные меньшинства из состава рабочей силы»¹⁷⁶. Местные власти с этим согласились. В отчете ЦК Компартии Узбекистана о состоянии дел в транспортной отрасли, которая была известна своим сопротивлением коренизации, отмечалось, что «добровольные увольнения узбекских рабочих в подавляющем большинстве случаев должны расцениваться не как добровольные, но вызванные неумением создать удовлетворительные условия для работы»¹⁷⁷. Северо-Кавказский крайком осудил «возмутительные факты оскорблений, грубого обращения, преследования и даже избиений некоторых националов»: это видно из того обстоятельства, что 62 из 69 горцев, которых направили на работу на один из заводов Ростова, через несколько месяцев оттуда уволились¹⁷⁸.

Вскоре кампания против великодержавного шовинизма вышла за рамки одной только пропаганды и выразилась в проведении показательных процессов против великодержавных шовинистов. В ноябре 1930 г. на одной из строек Магнитогорска между рабочими русской и татарской бригад возникла драка: русские напали на татар с криками: «Бейте татар, бейте татарских собак!»¹⁷⁹. Одна только эта драка привела к четырем «большим судам» над 15 обвиняемыми и к 16 менее значительным процессам, состоявшимся в первой половине 1931 г. После того как русские напали на 20 татар, только что прибывших на Березниковский завод на Урале, и избили пятерых из них,

достигла следующих уровней: Коми АО — 62,9 % представителей народа коми по отношению к общей численности пролетариата, составлявшей 1077 человек; Карелия — 16,3 % (200 078 человек); Удмуртия — 20,7 % (5503); Марийская АО — 20,0 % (5205 для 1932 г.); Чувашия — 41,9 % (7441); Башкирия — 24,3 % (35 546 человек); Татарстан — 36,8 % (52 130); Мордовия — 19,6 % (4217); АССР немцев Поволжья — 64,9 % (6711); Калмыкия — 45,0 % (324); Адыгея — 9,5 % (929); Ингушетия — 8,2 % (976); Кабардино-Балкария — 16,2 % (2366); Карачаевская АО — 18,1 % (451); Северо-Осетинская АО — 26,0 % (4464); Чеченская АО — 7,7 % (19 008); Черкесская АО — 4,1 % (447); Дагестан — 23,2 % (9263); Крым — 7,3 % (40 336); Киргизия — 27,2 % (7505); Бурят-Монголия — 8,8 % (7433); Каракалпакия — 81,6 % (745 человек). См.: Итоги разрешения национального вопроса в СССР. М., 1936. С. 140–141.

¹⁷⁶ Борьба органов юстиции с великодержавным и местным шовинизмом // Советская юстиция. 1932. № 3. С. 34–35.

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2866. Л. 7.

¹⁷⁸ Постановление Севкавказкома ВКП(б) // Революция и горец. 1931. № 3. С. 10–12; см. также: Хроника // Там же. № 4. С. 64–65; О вовлечении националов в промышленность Грознефти // Там же. № 5. С. 80–81; Воронков. Внимание подготовке промышленных кадров // Там же. № 8. С. 9–12.

¹⁷⁹ Нугаев А. Указ. соч. С. 18.

русские правонарушители были публично осуждены и приговорены к суровому сроку — к пяти годам лагерей¹⁸⁰. Показательные процессы проводились не только в связи с такими крупными случаями: теперь к ним периодически прибегали и для рассмотрения отдельных драк, которые прежде квалифицировались по менее суровой статье — как хулиганство. В мае 1931 г. ГПУ сообщало, что во время драки, которая произошла в очереди за сахаром в магазине Ташкентского кирпичного завода, русский избил узбека до потери сознания. А завершалась эта информация такими словами: «Мы ходатайствуем перед Комиссариатом юстиции о проведении на заводе показательного суда над Семеновым»¹⁸¹. На Северном Кавказе, где было повсеместно распространено дурное обращение с горцами, работавшими в Ростове, крайком распустил заводской партком и предписал провести «публичные показательные процессы» — но не в связи с какой-то конкретной дракой, а по поводу дурного обращения с горцами вообще, так как это вынудило их уволиться с завода¹⁸². В первые два месяца 1932 г. прокуратура Северного Кавказа возбудила 62 дела, по которым проходили люди, обвинявшиеся в великодержавном шовинизме¹⁸³.

Кампанию подхватил Комиссариат юстиции РСФСР: в апреле 1931 г. он распространил циркуляр, требовавший обращать больше внимания на борьбу с великодержавным и местным шовинизмом. Последнюю категорию, судя по всему, включили просто для того, чтобы воспроизвести формулировку Сталина, поскольку все дела, о которых сообщалось далее, имели отношение только к великодержавному шовинизму. В декабре 1931 г. комиссариат выпустил еще один циркуляр, в котором проводившаяся до сих пор кампания именовалась «крайне неудовлетворительной», а также содержалось требование активнее бороться с шовинизмом «и, в особенности, с великодержавным шовинизмом»¹⁸⁴. В 1932 г. во время исследования, проводившегося в пяти областях, выяснилось, что по обвинению в шовинизме было возбуждено 87 судебных процессов. В каждом из них подсудимым предъявлялось обвинение в великодержавном шовинизме¹⁸⁵. В целом, если судить по разрозненным статистическим

¹⁸⁰ Вагров П. Как ведется работа по обслуживанию нацменов органами Урала // Советская юстиция. 1932. № 11. С. 9–10.

¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2541. Л. 150.

¹⁸² Постановление Севкавказрайкома ВКП(б). С. 10–12.

¹⁸³ Материалы и решения 3-го общегородского нацмен-совещания. 7–8 июля 1932 года. Ростов-на/Д, 1932. С. 24.

¹⁸⁴ Борьба органов юстиции с великодержавным и местным шовинизмом. С. 31–32.

¹⁸⁵ Петрова Е. Мобилизовать внимание общественности на борьбу с шовинизмом // Советская юстиция. 1933. № 9. С. 18.

данным и отчетам, опубликованным в журнале Комиссариата юстиции, кампания против великодержавного шовинизма достигла своего пика в 1931–1932 гг., продолжалась на умеренном уровне до 1934 г., а потом прекратилась.

Кампания против великодержавного шовинизма была исключением, потому что лишь во время ее проведения судебные органы были подключены к систематической пропагандистской борьбе против тех, кто препятствовал коренизации. Все прочие судебные кампании, как мы увидим ниже, проводились против местных националистов, которые слишком рьяно поддерживали коренизацию. Ну и, разумеется, кампания против великодержавного шовинизма была лишена того политического подтекста, которым обладали кампании террора против националистов, проводившиеся в 1928–1930, 1932–1933 и 1937–1938 гг.: кампания против великодержавного шовинизма предполагала лишь уголовные обвинения против отдельных лиц, а не политические обвинения в контрреволюции, выдвигавшиеся против представителей целых категорий населения. Но каковы же были результаты этой кампании? У нас нет данных, чтобы ответить на этот вопрос, однако несомненно, что ее воздействие никак не могло быть таким же, как и у кампаний террора против националистов. А они-то оказали на коренизацию большое влияние, сигнализируя членам партии и государственным служащим, что по обвинению в местном национализме человека могут арестовать или казнить, тогда как обвинение в великодержавном шовинизме могло в самом худшем случае привести лишь к понижению в должности. Ну а простые русские рабочие (а особенно те, которые были склонны затевать межэтнические драки) к таким сигналам не прислушивались. Они просто не хотели иметь неприятностей с государством, а кампания против великодержавного шовинизма была куда менее грозной, чем многие другие. Так что вряд ли она могла бы иметь хоть какое-то влияние, кроме локального, на тех немногочисленных заводах, где проходили показательные процессы.

Положительная деятельность в высшем образовании

Таким образом, русский пролетариат по-прежнему преобладал в восточных регионах Советского Союза и численно, и политически, и социально. И тем не менее, несмотря на огромные трудности, с которыми пришлось столкнуться в ходе положительной деятельности, в результате усилий советской власти местный пролетариат был не только создан, но исчислялся сотнями тысяч. К январю 1933 г. численность местного промышленного пролетариата в 9 восточных автономных республиках и 12 восточных автономных обла-

стях РСФСР составляла 164 459 человек (14,9 %) ¹⁸⁶. А в восточных союзных республиках численность промышленного пролетариата была еще выше — как в абсолютных, так и в относительных числах (20,1 % — в Казахстане, 36,7 % в Азербайджане, 29,7 % — в Узбекистане), хотя повсюду он так и оставался в меньшинстве ¹⁸⁷. Этот новый восточный пролетариат являлся пусть и неглубоким, но все-таки источником резервов. Теперь из него можно было набирать и посылать в вузы представителей титульных национальностей, чтобы, получив подготовку, они заняли должности специалистов в государственных учреждениях и промышленности. И образцом для этого послужила широкомасштабная кампания выдвижения русских рабочих, проходившая в 1928–1931 гг. ¹⁸⁸ Однако к этим неподготовленным людям — национальным кадрам предъявлялись совершенно непосильные для них требования. Все руководители, и местные, и центральные, торопились исполнить обещание, которое было дано в 1923 г., а потом возобновлено в годы культурной революции, — обещание поднять культурный уровень отсталых национальностей до уровня передовых. Потому-то кампания набора представителей восточных народов в вузы и происходила одновременно с кампаниями по созданию национального пролетариата, ускорению выполнения коренизации и созданию системы всеобщего начального образования. Решить все эти задачи было невозможно, однако утопизм культурной революции приводил к тому, что руководство категорически отказывалось не только признать этот факт, но и хотя бы серьезно его учесть.

Программы положительной деятельности в высшем образовании существовали и до начала культурной революции. Как только в восточных республиках были созданы вузы, в них сразу же были установлены квоты для титульных национальностей, а зачастую и для других культурно отсталых народов ¹⁸⁹. В 1924 г. эта практика была одобрена комиссией ЦК, постановившей: «На всех рабфаках и во всех вузах национальных республик и областей достаточное количество мест [должно быть] зарезервировано для коренной национальности» ¹⁹⁰. Резервирование, или квотирование, называлось бронью (сокращение

¹⁸⁶ Рассчитано по: Итоги разрешения национального вопроса в СССР. С. 140–141.

¹⁸⁷ Национальный состав пролетариата в СССР. М., 1934. С. 39, 46, 64.

¹⁸⁸ *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, UK, 1979. P. 181–205.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 101. Л. 26об.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 60. Л. 119; Бюллетень ЦИК Чувашской АССР. 1926. № 13/14. С. 2–7; Бюллетень Наркомпроса Карельской АССР. 1927. № 3/4. С. 17–28.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 485. Л. 18.

от слова «бронирование» — «резервирование»). Однако о брони было бы точнее говорить как о высокой цели или о чем-то желательном, потому что обычно ее норма была такой высокой, что выполнить ее было практически невозможно¹⁹¹. В наибольшей степени это относится к временам культурной революции, когда 70 % студенческих мест в вузах, находившихся в национальных республиках и подчинявшихся общесоюзным комиссариатам, эти комиссариаты начали резервировать за титульными национальностями, а Среднеазиатское бюро потребовало, чтобы за местными было зарезервировано целых 75 % мест в промышленно-ремесленных училищах¹⁹². Выполнить хотя бы половину такой нормы — и то было утопией.

Но самым удивительным в системе квот, которые в 1924–1932 гг. выделялись в соответствии с местными программами положительной деятельности, было, пожалуй, то, что о них открыто объявлялось. Все вузы не просто имели свои квоты, но и открыто о них оповещали. Во время каждой приемной кампании среднеазиатская газета «Правда Востока» публиковала десятки объявлений из среднеазиатских университетов, в которых открыто заявлялось о предоставляемых ими льготах и квотах для местных национальностей: «70 процентов — для представителей титульной национальности, 20 процентов — для представителей национальных меньшинств и 10 процентов — для европейцев»; «Для местных коренных национальностей могут допускаться исключения [из требований приемных комиссий]»; «Большинство принятых должны быть местными националами»¹⁹³. В некоторых случаях квоты определялись весьма подробно: «Местных национальностей — не менее 85 процентов (среди них нацмен — не менее 10 процентов); женщин — 45 процентов; рабочих — не менее 40 процентов; батраков — 20 процентов; колхозников и бедняков — 30 процентов; служащих и крестьян — 10 процентов. Членов партии и комсомола — не менее 90 процентов»¹⁹⁴. Разумеется, благодаря таким квотам представители титульных национальностей с правильной классовой и гендерной характеристикой приобретали для работников университетских приемных комиссий невероятную ценность.

В этих откровенных объявлениях о квотах поражала их кажущаяся бестактность, безразличие по отношению к чувствам русских

¹⁹¹ См. об этом: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2245. Л. 35; Д. 2597. Л. 2–3.

¹⁹² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 854. Л. 36–37, 64, 71; Д. 768. Л. 35. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2597. Л. 3.

¹⁹³ Правда Востока. 1931. 24 июня. С. 4; 1932. 7 окт. С. 4.

¹⁹⁴ Там же. 1931. 3 янв. С. 4.

и других западных национальностей. А потому и неудивительно, что русские были возмущены этими льготами. В отчете ГПУ было зафиксировано типичное высказывание русского в Узбекистане: «Сарты и киргизы учатся в университетах за наши деньги, а потому там и нет мест для нашего брата, русского»¹⁹⁵. Этнические конфликты между русскими и восточными национальностями постоянно происходили как в центральных, так и в республиканских университетах, хотя такого рода инциденты и случались гораздо реже, чем в промышленности, и бывали существенно менее жестокими¹⁹⁶.

Наиболее важным местом осуществления положительной деятельности были центральные вузы Москвы и Ленинграда. В восточных республиках система вузов и техникумов (большинство из которых были педагогическими и сельскохозяйственными) находилась в зачаточном состоянии. И лишь в центральных вузах РСФСР можно было получить образование, необходимое для подготовки кадров специалистов, в которых так нуждались национальные республики, чтобы проводить коренизацию. В середине 20-х гг. Комиссариат просвещения РСФСР установил для национальных меньшинств специальную бронь¹⁹⁷. В 1928/29 уч. году бронь составляла около тысячи мест¹⁹⁸. И если бы эта норма была выполнена, то численность обучающихся в вузах восточных националов существенно повысилась. Однако принципы предоставления брони были недостаточно хорошо разработаны: хотя она была создана для того, чтобы разрешить проблему культурной отсталости, выделяли ее всем без исключения национальным меньшинствам, поэтому квоты предоставлялись даже Белоруссии и Украине¹⁹⁹. И, что еще существенней, хотя бронь распределялась по республикам, выделялась она отдельным людям, так что восточные республики, где было

¹⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1808. Л. 35.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200. Л. 129об.; Оп. 69. Д. 60. Л. 16–18; *Ошаев Х.* За большевистские темпы подготовки кадров для горских областей // Революция и горец. 1931. № 3. С. 17–20; *Л. П.* Школа еще не подняла оружия против шовинизма и национализма // Правда Востока. 1930. 4 дек. С. 3.

¹⁹⁷ Неясно, когда именно начала действовать бронь для национальных меньшинств. В архиве Совнацмена и отдела национальностей имеются документы приемной кампании 1925/26 уч. года и последующих лет. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 13. Л. 199–204; Ф. 296. Оп. 1. Д. 257. Л. 1–40; Д. 98. Л. 18–22. Представители Дагестана в Оргбюро упоминали о брони для коммунистических вузов центра в 1924/25 уч. году. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 608. Л. 46об.

¹⁹⁸ *Диманштейн.* О практическом проведении национальной политики в области народного просвещения в СССР // Народное просвещение. 1929. № 5. С. 46.

¹⁹⁹ По крайней мере, так было в 1925/26 уч. году. ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 257. Л. 31, 38.

очень мало достаточно образованных коренных жителей, посылали в вузы в основном русских и евреев²⁰⁰. В январе 1927 г. Зеленский жаловался, что 90 % выделенной им брони среднеазиатские республики заполнили «европейцами»²⁰¹. И в результате первая выделенная центром бронь почти никак не послужила интересам культурно отсталых восточных национальностей.

Таблица 18 дает представление о том, как в конце 20-х гг. культурно отсталые восточные национальности были представлены на всех уровнях «профессионального образования» (то есть образования, выходящего за рамки девятиклассной системы).

Абсолютная численность представителей восточных национальностей в высшем образовании была довольно приличной (учитывая существовавший среди них уровень грамотности), однако в целом число учащихся из восточных республик уменьшалось. Эта тенденция наблюдалась с 1926/27 по 1929/30 уч. год и не затронула только рабфаки, которые в национальных регионах обычно заменяли собой средние школы (с 5-го по 9-й класс), почти полностью отсутствовавшие. Более того, статистика учитывает только поступивших, а не выпускников, а потому в ней не отражена численность тех, кто оставил учебу, а их численность среди восточных национальностей была гораздо выше, чем среди западных. К 1 ноября 1928 г. численность принятых в вузы представителей восточных национальностей сократилась с 6,9 до 4,4 %, численность принятых в профшколы — с 3,5 до 2,3 %, а в техникумы — с 8,1 до 6,3 %²⁰². Число окончивших учебные заведения было еще меньше. И наконец, как показывает таблица 19, представители восточных национальностей получали в основном наименее престижные профессии и были сосредоточены главным образом в педагогических и относительно слабо представлены в более престижных технических, медицинских и социально-экономических училищах. Все эти статистические показатели заставляют специалистов по национальному вопросу заключить, что предоставление брони в вузах так и не помогло преодолению отсталости восточных национальностей.

С началом культурной революции были возобновлены усилия по привлечению восточных национальностей в вузы: ведь высшее обра-

²⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 247; Оп. 113. Д. 270. Протокол 95, п. 2. Л. 76–80.

²⁰¹ Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 220. Л. 31.

²⁰² Рассчитано по таблице, воспроизведенной в: ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 492. Л. 10–11; Д. 460. Л. 87; *Диманштейн*. Указ. соч. С. 45; *Эстрин А.* К вопросу планирования подготовки национальных кадров специалистов // *Революция и национальности*. 1930. № 2. С. 51. Численность поступающих на рабфаки сократилась всего лишь с 14,5 до 14,1 %.

зование составляло саму суть культурной революции. «Шахтинское дело» 1928 г. было организовано для того, чтобы сигнализировать о необходимости заменить прежнюю нелояльную интеллигенцию новой пролетарской. Для подготовки красных специалистов ЦК постановил, что 65 % принятых в технические вузы осенью 1928 г. должны составить рабочие или дети рабочих²⁰³. Вначале эта кампания «выдвижения» затрагивала в основном этнических русских и русифицированных представителей западных национальностей, поскольку именно они составляли большинство пролетариата и в особенности тех, кто обладал минимальными навыками для поступления в преимущественно русскоязычные технические вузы. Кампания «выдвижения» продолжалась с 1928 по 1931 г. — пока не вмешался центр, чтобы реабилитировать старых специалистов и сократить масштабы массового выдвижения рабочих.

Культурная революция в сфере образования нерусских народов началась позже, как только кампания против великодержавного шовинизма переросла в кампанию террора против старой русской и национальной интеллигенции. Прежняя бронь для национальных меньшинств сохранялась и в 1928/29, и в 1929/30 уч. годах, однако никаких особых усилий для ее расширения не предпринималось²⁰⁴. Кроме того, здесь, как и в ходе кампании против шовинизма, положение дел изменилось благодаря вмешательству Сталина. В неопубликованной беседе с членами делегации украинских писателей, состоявшейся в феврале 1929 г., Сталин обратил особое внимание на необходимость всеобщего начального школьного образования на родных языках: «На каком языке можем мы достичь [общего образования]? На русском? Нет, только на родном языке. Если мы хотим широкие массы народа поднять на высшую ступень культуры... мы должны родной язык каждой национальности развивать максимально». За этим последовал его призыв способствовать «расцвету национальных культур», прозвучавший на XVI съезде партии в июне 1930 г. и вылившийся в резолюцию партии о том, чтобы «всеми силами содействовать развитию национальной культуры и родных языков»²⁰⁵.

²⁰³ *Fitzpatrick S.* Op. cit. P. 184.

²⁰⁴ *Диманштейн.* Указ. соч. С. 46.

²⁰⁵ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии. С. 10, 55. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 860. Протокол 203, п. 2. Л. 74.

Таблица 18. Национальный состав учащихся профессиональных учебных заведений РСФСР с 1925/26 по 1929/30 уч. год (в процентах)

Уч. год	Профшколы			Техникумы		
	Русские	Культурные народы	Отсталые народы	Русские	Культурные народы	Отсталые народы
1925/26	88,0	6,6	5,4	77,9	10,3	11,8
1926/27	86,5	8,8	4,7	76,2	9,9	13,9
1927/28	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
1928/29	нет данных	нет данных	3,5	83,3	8,6	8,1
1929/30	нет данных	нет данных	3,5	нет данных	нет данных	8,0
От общей численности населения РСФСР	73,4	10,4	16,2	73,4	10,4	16,2

Уч. год	Рабфаки			Вузы		
	Русские	Культурные народы	Отсталые народы	Русские	Культурные народы	Отсталые народы
1925/26	80,4	9,4	10,2	74,7	21,1	4,6
1926/27	75,4	11,5	13,1	75,4	16,0	8,6
1927/28	75,0	11,0	14,0	75,6	19,1	5,3
1928/29	74,0	11,5	14,5	74,7	18,4	6,9
1929/30	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	6,0
От общей численности населения РСФСР	73,4	10,4	16,2	73,4	10,4	16,2

Источники: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 5. Л. 87-88; Оп. 141. Д. 562. Л.16; Ф. 406 Оп. 11. Д. 1285. Л. 171об.; Рахимбаев А. Новый этап // Просвещение национальностей 1929. № 1. С. 54.

Таблица 19. Состав учащихся профессиональных учебных заведений РСФСР, 1928/29 уч. год (в процентах)

Тип учебного заведения	Культурные народы	Отсталые народы
Промышленно-технические	31,7	18,7
Сельскохозяйственные	13,7	15,8
Педагогические	14,4	45,5
Медицинские	14,3	0,0
Социально-экономические	14,9	10,5
Художественные	11,0	9,5
Всего	100,0	100,0

Источник: *Диманштейн. Указ. соч. С. 45.*

В конце 1929 г. Комиссариат просвещения РСФСР, в первоначальном пятилетнем плане которого образованию национальных меньшинств не уделялось совершенно никакого внимания, скоропалительно составил «пятилетний план образования среди национальных меньшинств»²⁰⁶. Из-за этой задержки культурная революция в образовании нерусских народов проходила с 1930 по 1934 г., а не с 1928 по 1931 г. Восточные республики располагали весьма ограниченными культурными ресурсами — и при этом перед ними стояло множество неотложных задач в области образования. В их числе были и ликвидация неграмотности среди взрослых, и распространение всеобщего начального образования, и создание образования на родном языке, и расширение системы среднего школьного образования (с 5-го по 9-й класс), и подготовка кадров специалистов в центральных университетах РСФСР. Столкнувшись с этими сложными задачами, комиссариат, как всегда, заявил, что альтернативы не существует: «Пятилетний план культурной работы для создания образования среди национальных меньшинств должен быть составлен так, чтобы к концу первой пятилетки эти культурно отсталые национальности смогли подняться до среднего уровня тех областей и регионов, где они проживают»²⁰⁷. Прежний план, согласно которому начальное образование должно было стать всеобщим к 1937 г., был отменен в пользу абсурдно оптимистического срока: достичь этой цели к 1931/32 уч. году²⁰⁸. И хотя во многих восточных республи-

²⁰⁶ *Панфилов В. Н. Культурная революция и пятилетка наименпросвещения. М.; Л., 1930. С. 3–13.*

²⁰⁷ *Панфилов В. Н. Указ. соч. С. 14.*

²⁰⁸ *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 131. С. 851; 1930. № 39. С. 479; Решительная схватка: вопросы всеобща*

ках уровень грамотности был ниже 10 % (см. таблицу 13), всеобщей грамотности среди взрослых в возрасте с 16 до 40 лет тоже полагалось достичь всего за два года. Образование на родном языке предполагалось внедрять не только во все начальные школы, но даже и выше — вплоть до вузов. Систему среднего образования намечалось максимально расширить. И наконец, было решено установить новую бронь с большим количеством мест в вузах для культурно отсталых национальностей с целью изучения ими специальных предметов в центральных вузах РСФСР²⁰⁹. Этот всесторонний план был типичным образчиком утопизма, присущего культурной революции. Скорее всего, он был попросту неисполним. И тем не менее чрезвычайно энергичные и неподдельные попытки, предпринятые для его осуществления, повлекли за собой некоторые важные последствия.

Во-первых, резко увеличилась и численность, и процент представителей восточных народов, обучавшихся педагогике и становившихся учителями. Численность учащихся начальных школ в автономных республиках РСФСР почти удвоилась — с 1 085 097 человек в 1929/30 уч. году до 1 861 038 человек в 1931/32 уч. году²¹⁰. И это требовало огромного увеличения количества учителей. А поскольку одновременно почти все начальные школы становились школами родного языка, требовалось, чтобы эти учителя были местными жителями. Для этого в РСФСР создавались новые национальные педагогические техникумы, численность которых возросла с 85 в 1928/29 уч. году до 199 в 1932/33 уч. году, когда в них уже обучалось в общей сложности 48 тыс. студентов. Кроме того, нерусские студенты составляли и колоссальные 30 % от общего числа студентов обычных российских педагогических техникумов. За тот же самый период количество национальных педагогических вузов возросло с 3 до 24, а численность учащихся — с 2242 до 9967 человек. Кроме того, в 1932/33 уч. году существовало 37 национальных педагогических рабфаков, на которых обучалось 10 300 студентов. Но хотя педагогике обучалось так много студентов, в 1931/32 уч. году эти училища выпускали лишь 15–20 % от общего числа учителей, необходимых для выполнения планов всеобщего образования, и предполагалось, что в 1932/33 уч. году эти училища подготовят не более 25 % требующихся учителей.

в национальных областях Северо-Кавказского края // Просвещение национальностей. 1931. № 1. С. 45–48.

²⁰⁹ *Панфилов В. Н.* Указ. соч. С. 14, 49, 55; Революция и национальности. 1930. № 4/5. С. 138; ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 485. Л. 32–34; Д. 499. Л. 112–112об.; Д. 452. Л. 86–94.

²¹⁰ Итоги разрешения национального вопроса в СССР. С. 192–193.

Для удовлетворения этой потребности создавались краткосрочные педагогические курсы, которые в 1931/32 уч. году ускоренными темпами окончили 10 140 представителей национальных меньшинств, а в 1932/33 уч. году — еще 11 500²¹¹.

В результате всех этих усилий доля обучавшихся в педагогических училищах представителей восточных народов возросла с уже и без того высоких 45 % (по сравнению с 14,4 % западных национальностей) в 1928/29 уч. году до 63,8. Во-первых, это затрудняло (а по сути, делало невозможным) заполнение щедрых квот, которые во время культурной революции выделялись восточным народам для обучения в престижных технических и промышленных центральных вузах. Следовательно, пока создавалась новая пролетарская техническая интеллигенция, представителей восточных национальностей концентрированно направляли в педагогические училища. Кроме того, это было время, когда быстро росло количество вузов и техникумов. Центральный комитет потребовал, чтобы первостепенное значение в национальных регионах уделялось созданию педагогических училищ²¹². Таким образом, структура образования в восточных национальных регионах приобрела крен в сторону педагогики. Все это способствовало усилению давней тенденции, в соответствии с которой интеллигенция в восточных национальных регионах разделялась на русскую техническую и национальную гуманитарную.

Стремление спешно создать всеобщее начальное школьное образование на родных языках имело также несколько других последствий. Поскольку у достаточно образованных коренных жителей восточных регионов имелось немало и других более привлекательных вариантов трудоустройства, помимо учительства, то люди, поступавшие в педагогические училища, являлись, по словам одного чиновника Наркомпроса, «неподходящим человеческим материалом». Многие из них не знали русского и едва умели читать и писать на родном языке. И в результате образование, полученное ими на русском языке, было убогим, что становилось дополнительным препятствием для них при поступлении в центральные технические вузы²¹³. Кроме того, стремление записать всех без исключения восьмилетних детей в первый класс, зачастую преобладало над желанием удержать их в школе. В 1933 г. в Средней Азии первый класс посещали 64 % детей коренных национальностей, второй класс — 26, третий — 7, а чет-

²¹¹ ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 529. Л. 32, 92об.-93, 95об.-96, 98.

²¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 860. Л. 82.

²¹³ ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 529. Л. 93об., 118.

вертый класс — лишь 2 %²¹⁴. Исключительное внимание к начальной школе привело и к тому, что средней школе (с 5-го по 9-й классы) внимания уделялось относительно мало: в 1934 г. средние школы во многих восточных регионах существовали чисто номинально.

Одновременно особое внимание уделялось и вузам: были возобновлены усилия по привлечению туда студентов восточных национальностей. На 1930/31 уч. год была выделена новая бронь, отличавшаяся от прежней тем, что она предназначалась непосредственно культурно отсталым национальностям²¹⁵. Это являлось составной частью происходившего во времена культурной революции общего сдвига в сторону идеологии девелопментализма, способствовавшей скорее преодолению культурной отсталости, чем национальному строительству, которое происходило в таких более сильных западных республиках, как Украина. В первый учебный год почти ничего не удалось сделать, зато в 1931/32 уч. году была выделена внушительная бронь на 7958 мест, распространявшаяся на центральные вузы, техникумы и рабфаки, перечень которых приводится в таблице 20. В педагогических училищах было зарезервировано лишь 18,7 % мест, тогда как в технических вузах — 37,6 % (24,3 % — в престижных вузах, находившихся в ведении ВСНХ). В 1931/32 уч. году Наркомпрос зафиксировал 50-процентный уровень заполнения брони, что стало большим разочарованием, хотя эта цифра все-таки свидетельствовала о существенном росте представительства восточных национальностей в высшем образовании²¹⁶. Ведь в 1929/30 уч. году в центральных вузах обучалось всего лишь несколько сотен уроженцев Востока.

Наркомпрос по-прежнему жаловался на то, что для заполнения выделяемых им квот национальные республики посылали представителей «культурных» национальностей. Некоторые посылали русских. Закавказье посылало армян и грузин, хотя обе эти национальности были и без того перепредставлены в высшем образовании²¹⁷. И это подтолкнуло Наркомпрос к тому, что в 1932 г. он составил официальный перечень (см. таблицу 21) национальностей, которые были официально признаны культурно отсталыми и потому «имеющими право на льготную помощь и пользующимися соответствующими по-

²¹⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1039. Л. 62–63.

²¹⁵ ГА РФ. Ф. 406. Оп. 11. Д. 1285. Л. 161об.–162; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 820. Протокол 203, п. 2. Л. 82–86; Революция и национальности. 1930. № 7. С. 93; *Тахо-Годи А.* Подготовка вузовских кадров нацмен // Революция и национальности. 1930. № 6. С. 85.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 463. Л. 113.

²¹⁷ Там же. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 854. Л. 8–8об.

ощрениями и преимуществами»²¹⁸. Наркомпрос выделил пять официальных признаков культурно отсталых национальностей²¹⁹:

«1) Крайне низкий уровень грамотности — как всего населения, так и, в особенности, активной взрослой группы;

2) незначительный процент детей в школах в целом, а особенно в школах родного языка;

3) отсутствие письменности и единого развитого литературного языка;

4) наличие повседневных социальных пережитков: угнетения женщин, религиозного фанатизма, кочевничества, расовой вражды, клановой мести и так далее;

5) полное отсутствие или огромный дефицит национальных кадров во всех сферах советского строительства».

Перечень был составлен в соответствии с общепринятой традицией, за исключением того, что, во-первых, в него были включены греки и болгары, отнесенные к категории культурно отсталых, и, во-вторых, делалось любопытное уточнение, что татары являются культурно отсталыми лишь за пределами Татарской АССР. Все это выглядит курьезом, учитывая, что коренизация в Татарстане проводилась чрезвычайно усердно!

Таблица 20. Бронь для культурно отсталых национальностей, 1930/31 уч. год

Принимающие институты	Численность студентов	Посылающий регион	Численность студентов
Технические	3029	Автономные республики РСФСР	3104
Сельскохозяйственные	1449	Автономные области РСФСР	3258
Торговые	754	Края/области РСФСР	724
Медицинские	917	Союзные республики	872
Юридические	404		
Педагогические	1505		
Всего	8058	Всего	7958

Источники: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 854. Л. 7–8; Ф. 296. Оп. 1. Д. 463. Л. 115–116. В обоих источниках в первой колонке общее количество студентов представлено числом 8058, а во второй приводится цифра 7958, указывающая на количество в действительности занятых мест.

²¹⁸ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 476. Л. 138.

²¹⁹ Там же. Л. 128.

Таблица 21. Официальный перечень культурно отсталых национальностей

1. Абхазы	35. Кумандинцы
2. Адыги	36. Кабардинцы
3. Аджарцы	37. Карачаевцы
4. Ассирийцы	38. Кайтаги
5. Аварцы	39. Курды
6. Алеуты	40. Курды-езиды
7. Баксаны	41. Коми-зыряне
8. Балкарцы	42. Коми-пермяки
9. Бесермяне	43. Карелы
10. Болгары	44. Карагасы
11. Буряты	45. Кеты
12. Башкиры	46. Лопари
13. Вогулы	47. Ламуты
14. Водцы	48. Лаки (лакцы)
15. Вепсы	49. Лезгины
16. Гиляки	50. Монголы
17. Гольды	51. Мордовцы
18. Греки	52. Марийцы
19. Даргинцы	53. Молдаване
20. Долганы	54. Манегры
21. Дунгане	55. Ненцы
22. Ингуши	56. Нагайбаки
23. Ижорцы	57. Ногайцы
24. Калмыки	58. Остяки
25. Камчадалы	59. Ойроты
26. Казахи	60. Орочи
27. Каракалпаки	61. Орочены
28. Караногайцы	62. Осетины
29. Китайцы	63. Персы
30. Корейцы	64. Рутульцы
31. Коряки	65. Сойоты
32. Киргизы	66. Тунгусы
33. Кумыки	67. Тептяри
34. Крымчаки	68. Телеуты

69. Таджики	83. Чукчи
70. Таты	84. Чеченцы
71. Туркмены	85. Черкесы
72. Таранчи	86. Чуваши
73. Табасараны	87. Чудь
74. Азербайджанцы	88. Чуванцы
75. Татары (за пределами АССР)	89. Шапсуги
76. Удзгейцы	90. Шорцы
77. Узбеки	91. Эскимосы
78. Уйгуры	92. Юкагиры
79. Удмурты	93. Якуты
80. Ульчи	94. Тавгийцы
81. Хакасы	95. Негидальцы
82. Цыгане (рома)	96. Юраки
	97. Самагиры

В 1932/33 уч. году бронирование мест в учебных заведениях для нерусских национальностей достигло своего апогея. В общей сложности было зарезервировано 13 616 мест (7500 — в вузах, 2138 — в техникумах, 3978 — на рабфаках)²²⁰. Количество студентов восточных национальностей было таково, что бронь в вузах была заполнена почти полностью — на 95,4 %, в техникумах — на 59,0 и на рабфаках — на 77,8²²¹. Правда, эти показатели до какой-то степени вводили в заблуждение, поскольку центральные институты часто исключали неподготовленных студентов или же лишали их стипендии и общежития, что было осуждено ЦИК в марте 1933 г.²²² А это способствовало тому, что количество бросавших учебу оставалось весьма большим. В 1933/34 уч. году право устанавливать бронь было изъято у Комиссариата просвещения и передано Всесоюзному комитету по высшему техническому образованию (ВКВТО), который в качестве предста-

²²⁰ ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 463. Л. 20–22; Ф. 3316. Оп. 24. Д. 854. Л. 63. Эти места распределялись так: РСФСР и автономные республики (АССР) ЗСФСР получили 4970 мест, автономные области (АО) РСФСР — 3802 места, края и области РСФСР — 3550 мест и союзные республики — 1294 места.

²²¹ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 463. Л. 14–15, 20. Эти цифры представляют общее количество поступивших, однако некоторые приезжали в центральные учебные заведения по своей собственной инициативе, тем не менее им предоставлялись места в учебных заведениях. Доля абитуриентов, имевших бронь официально, составляла 49,2 % в вузах, 53,1 % — в рабфаках и 39,9 % — в техникумах.

²²² Там же. Ф. 1. Оп. 296. Д. 463. Л. 35–40; Ф. 3316. Оп. 24. Д. 854. Л. 117–119.

вителя общесоюзных хозяйственных комиссариатов был равнодушен к проблеме образования среди национальных меньшинств²²³. Ну а после завершения культурной революции центральные институты старались и вовсе не принимать плохо подготовленных представителей национальных меньшинств. И в результате ВКВТО предложил усеченную бронь в количестве 5678 мест для одних только центральных вузов, а в действительности было принято всего лишь 1026 студентов, что составляло позорных 18 %²²⁴. А в следующем году введение брони было признано неудачей, и она была упразднена как «механическая [и] не отражающая кадровых потребностей национальных республик и областей»²²⁵.

Это было, безусловно, излишне жесткое решение. Стоило бы подумать о том, почему оказалось так трудно заполнить предложенную центром бронь. Центральные власти обвиняли в этом три инстанции: центральные вузы и те комиссариаты, которые ими управляли; восточных студентов и, наконец, восточные республики. Общесоюзные комиссариаты легко было обвинять потому, что их враждебное отношение к коренизации было хорошо известно. Их обвинили в том, что они самовольно отказывались от обучения восточных студентов, отказывались выплачивать им стипендии и предоставлять жилье и питание — да и вообще отказывались признавать за национальной бронью «достаточное политическое значение»²²⁶. И хотя комиссариаты действительно относились к бронированию без особого энтузиазма, зачастую им приходилось сталкиваться с таким абитуриентом, который, будучи посланным по брони в престижный московский технический вуз, совершенно не знал русского языка, на котором велось преподавание в вузе. ЦИК неоднократно требовал от национальных республик улучшить преподавание русского языка²²⁷. Действительно, именно опыт бронирования мест в учебных заведениях за представителями национальных меньшинств и подтолкнул к тому, чтобы начать в 1938 г. кампанию по улучшению преподавания русского языка в национальных республиках. На критику позорного провала заполнения брони в 1933/34 уч. году ВКВТО ответил следующим образом: «Беда состоит не в том, чтобы двери в высшее образование были закрыты для культурно отсталых национальностей; нет, они не

²²³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 854. Л. 137.

²²⁴ Там же. Д. 768. Л. 14.

²²⁵ Там же. Л. 16.

²²⁶ Там же. Д. 854. Л. 1; Ф.1325. Оп. 128. Д. 1. Л. 19; Ф. 296. Оп 1. Д. 441. Л. 30; Д. 463. Л. 1–2; Д. 475. Л. 19.

²²⁷ Там же. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 854. Л. 117, 136, 144.

закрыты. Беда состоит в том, что национальные республики и области слишком плохо готовят кадры для поступления в вузы и втузы»²²⁸. И ЦИК был вынужден принять это объяснение. Проблема заключалась в том, что республики просто не посылали достаточного количества абитуриентов.

Для многих специалистов по национальной политике в центре было совершенно непонятно, почему политика предоставления брони потерпела крах. Они ожидали всяких пакостей со стороны бездушных общесоюзных комиссариатов, которые симпатизировали восточным республикам до тех пор, пока те жаловались, что центр не выделяет им финансирования, необходимого для проведения коренизации, а теперь они обнаружили, что после разработки амбициозной программы подготовки почти неограниченного количества технических кадров в финансируемых центром вузах те же самые восточные республики упорно не посылают им достаточного количества абитуриентов, которые могли бы заполнить зарезервированные места. Казалось, что в этом отражается недостаток рвения в проведении коренизации. Однако, как объяснил сотрудник ВЦИК З. Островский, один из самых проницательных специалистов по национальному вопросу, причиной неудачи было *именно* это необузданное желание провести коренизацию как можно быстрее: «Нам следовало бы уяснить, что владеющему русским языком [коренному жителю восточных республик], хорошо подготовленному для поступления в вуз, не позволят ехать учиться. Такие товарищи сидят на руководящих должностях, и их не посылают учиться»²²⁹. Такое же объяснение — с точки зрения студента — дал и Голощекин: «Зачем мне учиться, получая жалкую стипендию, если потребность в минимально грамотных казахах столь велика, что можно получить руководящую должность и хорошее жалованье»²³⁰. Когда республики создали подготовительные курсы для поступления в вузы (курсы, на которых в основном учили русскому), эти курсы стали готовить к быстрому поступлению на работу в госаппарат²³¹. Именно желание достичь как можно более высокого уровня коренизации за короткий срок и вынуждало республики пренебрегать возможностью добиваться более основательной и долговременной коренизации собственных кадров технических специалистов.

²²⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 768. Л.14.

²²⁹ Там же. Д. 854. Л. 62.

²³⁰ 6-я Всеказахья конференция ВКП(б). 15–23 ноября. Стенографический отчет. Кзыл-Орда, 1927. С. 66.

²³¹ Об этих курсах см.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 768. Л. 76.

И хотя, как отмечал Островский, именно республиканское руководство зачастую не давало грамотным коренным жителям идти учиться, некоторые ответственные работники (такие как Голощекин) осуждали и студентов — за их эгоизм. Еще в 1927 г. комиссия Андреева выражала свою озабоченность тем, что льготы в сфере образования «развратят националов»²³². На Северном Кавказе горцы, которые, злоупотребляя тем, что северокавказские вузы испытывали в них огромную потребность, то и дело переходили из одного института в другой, получили прозвище «летунов». Один ответственный работник требовал «бойкотировать этих летунов», которые, пользуясь «потребностью в каждом даже и едва грамотном горце», бросали институты ради «должностей, зарплата на которых была в два или три раза больше их стипендий»²³³. Разумов сетовал на то, что сложилась такая система, при которой татарам автоматически платили стипендии на 10–15 % больше, чем русским²³⁴. И опять манипуляции с этническим капиталом раздражали большевистских работников.

Но одной только борьбой за относительно высокооплачиваемые должности на госслужбе не объяснить, почему республики не желали использовать бронь в полной мере. Около половины коренных жителей восточных регионов поступили в центральные вузы в начале 30-х гг. не по официальной брони, а по своей воле («самотеком»)²³⁵. Некоторым из них на местах отказывали в предоставлении брони, они пытались перехитрить местные власти, и большинство, разумеется, было принято. Островский и на сей раз предложил свое объяснение: «Оканчивающие вузы не возвращаются [в свои республики]. Это ставит местные власти в такое положение, что они заполняют выделенные им квоты довольно небрежно, лишь бы только отделаться от порученного. Они не станут посылать ценных людей»²³⁶. С самого начала действия брони в середины 20-х гг. и на протяжении всех 30-х республики постоянно жаловались, что им никак не удастся возвращать выпускников²³⁷. Черкесский ответственный работник заявил, что «если у нас и имелись хоть какие-то [черкесские] инженеры и специалисты, то

²³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 58. Л. 249.

²³³ Ошаев Х. За большевистские темпы подготовки кадров для горских областей // Революция и горец. 1931. № 3. С. 18–20.

²³⁴ Объединенный пленум ОК и ОКК ВКП(б). Стенографический отчет. Казань, 1933. С. 49.

²³⁵ Статистические данные см.: ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 463. Л. 14–15, 20. О явлении в целом см.: Там же. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 854. Л. 8об., 66.

²³⁶ Там же. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 854. Л. 62.

²³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 668. Протокол 83, п. 1; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1587. Л. 2; Ф. 3316. Оп. 13. Д. 27. Л. 32; Ф. 406. Оп. 11. Д. 1285. Л. 22.

потом все они, как правило, получали высшее образование в Москве и там оставались»²³⁸. Центр несколько раз издавал постановления, требовавшие, чтобы все коренные жители восточных регионов, получив высшее образование, возвращались на родину²³⁹. Однако многие из тех студентов, кто добирался до Москвы и Ленинграда, этой земли обетованной, не спешили покидать насиженные места и ехать на Восток. Не редкостью были и фиктивные браки ради того, чтобы обеспечить постоянное проживание в одной из двух столиц²⁴⁰.

Подводя итог, можно сказать, что в результате культурной революции в системе образования культурно отсталых восточных республик отказ от выбора приоритетов привел к тому, что началось жестокое соперничество за квалифицированные кадры. Реализация ускоренной программы создания всеобщего начального образования на родном языке всего за два года привела к тому, что множество представителей титульных национальностей было направлено в педагогические училища, а потом и в школьные классы. В восточных республиках это стало причиной разрыва между гуманитариями, которые в основном представляли коренные национальности, и элитой специалистов, представленных русскими, — разрыва, который будет сохраняться до самого распада Советского Союза. Исключительное внимание к начальному и педагогическому образованию привело к тому, что республики стали полагаться на Москву, ожидая, что именно там подготовят кадры специалистов. Центр предложил широкомасштабную программу положительной деятельности, однако нехватка квалифицированных кадров в восточных регионах, враждебное отношение со стороны центральных хозяйственных комиссариатов и, самое главное, нежелание восточных республик рисковать потерей образованных людей — все это, вместе взятое, подорвало исполнение этой программы. И кампания против великодержавного шовинизма, и создание брони в высшем образовании были в конечном счете нацелены на осуществление коренизации в восточных республиках. А теперь я завершу эту главу анализом итогов коренизации во время культурной революции.

Провал коренизации, 1928–1932 годы

Девелопменталистский утопизм культурной революции содействовал развитию не только восточных республик вообще, но и самых

²³⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 27. Л. 189.

²³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 668. Протокол 83, п. 1; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1587. Л. 1; Ф. 3316. Оп. 24. Д. 854. Л. 117.

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 536. Л. 156.

маленьких и наименее развитых из них в частности. В январе 1931 г. делегат от Дагестана в Совете национальностей со злорадством отмечал, что внимание властей теперь переключено с Украины и Белоруссии, этих некогда доминировавших «китов», на «малые национальные регионы»²⁴¹. Как мы видели, в период нэпа на советском Востоке отказались от амбициозных планов тотальной коренизации в пользу более скромной программы «функциональной коренизации». Однако с началом культурной революции прежний оптимизм вернулся. В марте 1929 г. Якутия, центральный аппарат которой состоял в то время из представителей титульной национальности всего лишь на 13 %, неожиданно заявила, что ставит перед собой цель достичь 15-процентного представительства якутов во властных структурах республики всего за девять месяцев. В конце 1929 г. власти Республики Коми потребовали осуществить полную комизацию языковой сферы всего за несколько месяцев²⁴². И если во времена нэпа ВЦИК пытался сдерживать национальные регионы, то теперь, наоборот, потворствовал их амбициям. С июня 1929 по ноябрь 1931 г. ВЦИК подверг критике за неудовлетворительное проведение коренизации 16 национальных регионов РСФСР²⁴³.

В центре моего внимания будут автономные области Северного Кавказа, потому что именно они считались наиболее «отсталыми» среди всех национальных регионов РСФСР. Но, несмотря на их отсталость, в октябре 1928 г. ВЦИК предписал этим регионам завершить тотальную коренизацию языковой сферы на всех уровнях власти к 1 января 1932 г.²⁴⁴ А поскольку даже Украина после трех лет упорных усилий достигла лишь 65-процентного уровня украинизации языковой сферы, перспективы коренизации на Северном Кавказе не могли быть благоприятными. Тем не менее эту программу принялись энергично осуществлять. Десятки тысяч горцев (при том что всего их было чуть больше миллиона) были направлены на краткосрочные курсы (а курсы во время культурной революции считались универсальным средством разрешения любых проблем), на которых

²⁴¹ Третья сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик пятого созыва. М., 1931. С. 5.

²⁴² Из решений обкома ВКП(б). Об якутизации (от 06.03.29) // По заветам Ильича. 1929. № 3. С. 27–39; Постановление бюро ОК о комизации // Коми му (Зырянский край). 1929. № 21. С. 41.

²⁴³ Родиевич Б. Коренизация аппарата в автономиях и районах нацменьшинств РСФСР // Революция и национальности. 1931. № 12. С. 12–21; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 123. Д. 68. Л. 1–366.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 1051. Л. 34; Белячков П. Очередные задачи советского строительства в национальных областях края // Революция и горец. 1929. № 2. С. 14.

их готовили к работе на скромных должностях, например колхозными счетоводами. А для поддержки местных языков буквально ничего не было сделано²⁴⁵. В середине 1931 г. в постановлении по Северному Кавказу выражалось недовольство тем «возмутительным фактом, что сроки завершения коренизации переносились на более позднее время четыре или более раза»²⁴⁶. А потом их перенесли еще несколько раз до тех пор, пока в конце 1933 г. от этой программы потихоньку отказались.

Пример Северного Кавказа показывает, как быстро во время культурной революции отказались от прагматической стратегии «функциональной коренизации». Один только Татарстан продолжал кропотливо и весьма успешно прилагать усилия, направленные на постепенное увеличение численности татар на тех должностях, которые требовали высокой квалификации²⁴⁷. А на Северном Кавказе по-прежнему процветала старая «механическая коренизация». Там по-прежнему устанавливались квоты и по-прежнему русских замещали местными, несколько, по всей видимости, не заботясь о том, какой будет их реакция. В Черкесской автономной области была даже установлена стопроцентная норма представительства черкесов на руководящих должностях в областной администрации²⁴⁸. В начале 1930 г. власти Северного Кавказа приказали повысить долю чеченцев на руководящих должностях за четыре месяца с 27 до 50²⁴⁹. А чтобы эта мера была осуществлена, русских, разумеется, предстояло сместить. Удивительно, но ВЦИК оказался не менее предусмотрительным: в 1931 г. он принял постановление, в соответствии с которым представительство титульных национальностей в госаппарате менее чем за полгода предписывалось поднять с тогдашнего уровня в 20–30 % до 70²⁵⁰.

²⁴⁵ Опять-таки за исключением Осетии, где большая часть делопроизводства сельской администрации была переведена на осетинский язык. *Сабинин В.* Вопросы коренизации аппарата поставить в центре внимания // *Революция и горец.* 1931. № 5. С. 66; *Тлюняев А.* Коренизация аппарата в нацобластях — одна из основных задач социалистического строительства // *Революция и горец.* 1932. № 8/9. С. 43–46; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 123. Д. 68. Л. 3–5.

²⁴⁶ Сломить оппортунистическое сопротивление коренизации, провести ее в срок // *Революция и горец.* 1931. № 9. С. 68.

²⁴⁷ О том, как в Татарстане по-прежнему осуществляли «функциональную коренизацию», см.: *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Татарской республики.* 1929. № 16. С. 236–248; 1930. № 22. С. 435–436; 1932. № 3. С. 35–38.

²⁴⁸ *Тлюняев А.* Плаи коренизации аппарата Черкесии // *Революция и горец.* 1929. № 7–8. С. 21.

²⁴⁹ *Хроника* // *Революция и горец.* 1930. № 3. С. 98.

²⁵⁰ *Тлюняев А.* План коренизации аппарата Черкесии. С. 47.

Разумеется, ни одна из этих норм не была выполнена, однако это не означало, что они были чисто пропагандистскими. Активная положительная деятельность повлекла за собой быстрое увеличение численности горцев на руководящих должностях. В Карачаевской автономной области численность карачаевцев в руководстве возросла с 34,4 % в 1929 г. до 61,4 % в 1931 г., однако в целом количество карачаевцев в управленческом аппарате возросло совсем незначительно — с 21,5 до 24,6 %²⁵¹. Такие пусть скромные, но реальные успехи были характерны для периода 1929–1932 гг., однако в 1933 г., когда энтузиазм культурной революции ослабел, темпы коренизации резко замедлились. И к середине 1933 г., как это видно из таблицы 22, численность горцев на руководящих должностях (несмотря на огромные усилия властей по их выдвижению) сократилась по сравнению с уровнем, достигнутым в конце 1928 г.

Таблица 22. Коренные жители автономных областей (АО) Северного Кавказа в составе служащих госаппарата (в процентах)

Регион	1929	1932	1933
Кабардино-Балкарская АО	21,8	30,0	16,2
Карачаевская АО	21,5	24,6	20,4
Северо-Осетинская АО	70,1	60,4	43,4
Черкесская АО	15,7	27,0	16,6
Ингушская АО	нет данных	51,9	нет данных
Чеченская АО	нет данных	20,3	11,1

Источники: *Нагиев Д.* Задачи коренизации советского аппарата в нац. обл. Сев.-Кав. края // *Революция и горец.* 1929. № 1–2. С. 34; *Тлюняев А.* Коренизация аппарата в нацобластях... С. 43; *Д. Ц.* По-большевистски бороться за коренизацию // *Революция и горец.* 1933. № 9. С. 10–11, 12.

Таблица 23 показывает, что за время культурной революции в некоторых национальных регионах РСФСР в сфере коренизации управленческого аппарата удалось достичь некоторых успехов, тогда как в других регионах она была полностью провалена²⁵². Большевистские руководители обнаружили, что культурную отсталость оказа-

²⁵¹ *Баронов Н.* Коренизация — узкое место в Карачае // *Революция и горец.* 1931. № 10–11. С. 86–89.

²⁵² Я исключил Башкирскую АССР, где с 1930 по 1933 г. уровень коренизации вырос с 6,8 до 25,6 %, хотя башкиры составляли всего лишь 23,7 % всего населения республики. В статистических сводках татар зачастую считали вместе с башкирами; именно этим, как я подозреваю, и объясняется резкий рост коренизации, что в ином случае можно было бы считать замечательным фактом.

лось гораздо труднее преодолеть, чем это представлялось, исходя из идеологии культурной революции, так же как и из идеологии нэпа.

Таблица 23. Коренные жители автономных республик (АССР) и автономных областей (АО) РСФСР в составе служащих госаппарата, 1930–1933 гг. (в процентах)

Регион	1930	1933	Доля в общей численности населения
Карельская АССР	17,9	16,7	37,4
Чувашская АССР	46,6	54,5	74,6
Татарская АССР	30,7	38,5	44,9
Марийская АО	28,0	35,4	54,1
Мордовская АО	18,2	17,6	29,3
Крымская АССР	10,6	14,8	25,7
Дагестанская АССР	23,2	15,0	62,5

Сокращенный вариант таблицы, опубликованной в кн.: *Simon G. Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union*. Boulder, Colo., 1991. С. 39.

Аналогичным, как мы увидим, проанализировав узбекский опыт коренизации, было положение в союзных республиках Средней Азии. С декабря 1923 по август 1928 г. в Узбекистане было принято не менее двенадцати постановлений по коренизации, и тем не менее количество узбеков в центральном госаппарате упало с 19,0 % в апреле 1925 г. до 12,1 % в апреле 1928 г.²⁵³ Поэтому к началу культурной революции узбекские власти были готовы отказаться и от «функциональной коренизации», взяв на вооружение стратегию тотальной узбекизации. Принятое в декабре 1928 г. постановление требовало вести делопроизводство на узбекском языке во всех государственных организациях Узбекистана, начиная с сельсовета и заканчивая органами республиканского уровня. Внедрить делопроизводство на узбекском языке предполагалась лишь чуть меньшими темпами, чем на Украине. Организации были разделены на три категории. Первая категория (проводившие «мягкую линию» центральные учреждения — такие как ЦИК и Наркомпрос) должна была перейти на узбекский к 1 января 1930 г. Вторая категория (центральные учреждения, проводившие «жесткую линию», — такие как Комиссариат финансов и ВСНХ) переходила на узбекский к 1 января 1931 г. А организации третьей категории (хозяйственные тресты и большие городские организации) — к 1 января 1932 г., когда узбекизация должна была за-

²⁵³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 27с. Д. 1707. Л. 112–119.

вершиться. После 1 октября 1929 г. было запрещено принимать на работу тех, кто не говорит по-узбекски²⁵⁴. Узбекский должны были выучить все «европейцы», в противном случае им грозило увольнение²⁵⁵. Среднеазиатское бюро даже разрешило повышать (до 10 %) зарплату тем, кто выучил узбекский язык²⁵⁶.

Попытка заставить «европейцев» учить узбекский язык вначале была воспринята достаточно серьезно. В исследовании Раб-крина сообщалось, что «европейцы изучали [узбекский] весьма энергично»²⁵⁷. Однако гораздо более красноречивыми были письма, перехваченные ГПУ в январе 1929 г.: их авторы предупреждали своих знакомых из РСФСР о том, что не стоит приезжать в Ташкент, «потому что нужно знать узбекский язык, который теперь обязателен во всех организациях»²⁵⁸. В отчете ЦК Компартии Узбекистана сообщалось, что вначале на курсы узбекского языка записалось 60 % «европейцев», но потом этот процент стремительно снизился²⁵⁹. В Узбекистане не было таких принуждавших к исполнению закона ответственных работников, каких мобилизовала Украина, и потому «европейцы» быстро сообразили, что они могут безнаказанно пренебрегать посещением курсов. А результатом стало то, что декабрьское постановление 1928 г. буквально никак не повлияло на численность «европейцев», знающих узбекский язык²⁶⁰. А поскольку все это время узбеки так и оставались меньшинством в госаппарате республики, это обрекло узбекизацию языковой сферы на поражение.

Органы центральной власти Узбекистана (за одним-единственным поучительным исключением) никогда (разве что время от времени) не прилагали переводы на узбекский язык к рассылавшимся инструкциям, которые были написаны по-русски. Исключением из правила был Комиссариат просвещения, парадигматически следовавший «мягкой линии»: в августе 1931 г. он действительно полностью перешел на узбекский, который стал рабочим языком аппарата этого

²⁵⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 27с. Д. 1707. Л. 14; Ф. 3316. Оп. 24. Д. 595. Л. 45; РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1743. Л. 14–15.

²⁵⁵ А. Б. Саботируют коренизацию // *Правда Востока*. 1930. 14 авг. С. 3; *Преподаватель*. Коренизации аппарата угрожает срыв // *Правда Востока*. 1930. 10 дек. С. 3.

²⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1262. Л. 4.

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1707. Л. 114.

²⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1808. Л. 73.

²⁵⁹ Там же. Д. 2272. Л. 27.

²⁶⁰ Там же. Л. 3; А. Б. Саботируют коренизацию. С. 3; Речь тов. Кахиани на 5-м курултае КП(б)Уз // *Правда Востока*. 1930. 18 авг. С. 2; РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2866. Л. 19; Д. 2280. Л. 7.

комиссариата²⁶¹. Опыт Наркомпроса Узбекистана оказался поучительным. Его внутренняя работа шла как обычно, но его корреспонденция, направляемая в другие организации, либо оставалась без ответа, либо возвращалась обратно с требованием прислать перевод на русский. В комиссариате шутили, что это было для них большим преимуществом: «Законодательные органы, а особенно Совнарком, теперь стали принимать все наши предложения в том виде, в каком мы их подготовили (то есть на узбекском языке)»²⁶². Этот эксперимент продолжался больше года, и в 1933 г. комиссариат снова перевел свое делопроизводство на русский. То же самое произошло и в многочисленных сельских и районных советских организациях в Узбекистане (да и в других местах тоже), которые перешли на родной язык, но всю информацию получали на русском и потому постепенно тоже перешли на русский²⁶³. А поскольку культурная революция была сопряжена с существенным усилением влияния центра в сельских районах, по иронии судьбы, это привело к сокращению сферы использования языков народов СССР²⁶⁴. Здесь, как и на Украине, усиление централизации нанесло удар по коренизации языковой сферы.

А перспективы выдвижения узбеков в органы власти были более обещающими, поскольку социалистическое наступление привело к внезапному увеличению размера управленческого аппарата. А это означало, что при выдвижении узбеков можно было обойтись и без увольнения русских. Однако усиление классовой бдительности, с которым была сопряжена культурная революция, работало против коренизации. Кампании террора против сменовеховской национальной интеллигенции заставляли руководителей восточных республик увольняться с госслужбы всех «бывших»²⁶⁵. В исследовании центрального Рабкрина утверждалось, что этот процесс зашел слишком далеко: «Под видом исполнения нашей классовой политики националов увольняют. Это замаскированное преследование националов, это

²⁶¹ Второй этап борьбы за коренизацию аппарата Наркомпроса УзССР // Правда Востока. 1931. 12 окт. С. 3.

²⁶² Там же. С. 3.

²⁶³ Речь тов. Кахиани на 5-м курултае КП(б)Уз. С. 2.

²⁶⁴ Достоверные статистические данные о проведении языковой коренизации в деревне отсутствуют. Они имеются только по Татарстану, где, несмотря на предприятия властями усилия, ситуация все-таки ухудшилась. *Ошаров А.* Из опыта коренизации в Татарской АССР // Советское государство и право. 1930. № 4. С. 139. На основании многочисленных разрозненных сообщений можно со всей определенностью заключить, что подобный спад происходил повсюду.

²⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 756. Протокол 138, п. 1, 116; Д. 847. Протокол 847, п.1. Л. 280об.

неправильная линия»²⁶⁶. В отчетах ГПУ отмечалась, что узбекские «бывшие» живут в атмосфере всепроникающего страха: «Дальше так больше жить уже невозможно, когда за каждым твоим движением следит сотня подозрительных глаз. Упаси Бог, чтобы кто-нибудь написал на меня опасный донос или я с кем-нибудь поссорился! Они наверняка меня арестуют, потому что я сын известного имама»²⁶⁷. Увольнение с административных должностей представителей старой национальной интеллигенции наносило коренизации особый ущерб, поскольку среди восточных национальных кадров именно они, как правило, были и самыми образованными, и самыми квалифицированными.

В России чистка старорежимной интеллигенции сопровождалась массовой кампанией «выдвижения» рабочих, которые должны были заменить «вычищенных». А на Востоке, как мы уже видели, не было ни внушительного по численности пролетариата, ни достаточного количества грамотных коренных жителей, которые могли бы занять места в университетах, на которые выделялась бронь. А потому здесь «выдвижение» приобрело другой смысл. В России оно подразумевало непосредственное выдвижение рабочих и крестьян, которые от физического труда в промышленности или сельском хозяйстве переходили к интеллигентской работе в органах управления. Так что в восточных регионах эта кампания опять отстала от «выдвижения», начавшегося в центре. Всерьез ее начали осуществлять лишь после того, как в декабре 1931 г. Среднеазиатское бюро приняло постановление, дополненное списком, состоявшим из 61 фамилии коренных жителей, которых нужно было выдвинуть непосредственно на руководящие должности в разных хозяйственных организациях²⁶⁸. Так, например, Шериф Нурматов, машинист паровоза с 12-летним рабочим и 5-летним партийным стажем, был назначен заместителем директора Среднеазиатской железной дороги и начальником ее отдела кадров. Постановлением предписывалось, чтобы то же самое сделали и все низовые партийные организации на республиканском, региональном и районном уровнях. Киргизия ответила тем, что на работу в центральном аппарате выдвинула 125 представителей местных национальностей, а на должности районного уровня — 240 человек²⁶⁹. В результате этих действий уровень коренизации в Киргизии

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1483. Л. 121.

²⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1809. Л. 28.

²⁶⁸ О выдвижении // Революция и национальности. 1931. № 3. С. 2.

²⁶⁹ Константинов А. Выдвижение, подготовка **нацкадров** и задачи коренизации в Кир. АССР // Правда Востока. 1931. 21 сент. С. 3.

повысился с 9,8 % (в январе 1931 г.) до 17 % (в июне 1931 г.). В течение 1931 г. планировалось выдвинуть свыше тысячи коренных жителей. Существовало представление, что благодаря «решительному и смелому выдвижению» проблему коренизации можно будет решить всего за несколько лет.

Опыт новых «выдвиженцев» вряд ли можно было назвать удачным. Излюбленной темой газетных статей, разоблачавших великодержавный шовинизм помимо межэтнических конфликтов на заводах было и дурное обращение с «выдвиженцами». В лучшем случае к ним относились как к «неизбежному злу»: их игнорировали и оставляли, по словам официального сообщения, «вариться в собственном соку»²⁷⁰. Враждебное отношение «европейцев» нельзя было объяснить одними только расовыми предубеждениями. Многие «выдвиженцы» были людьми неквалифицированными, и Среднеазиатское бюро требовало, чтобы на хозяйственных предприятиях были «организованы специальные курсы, учебные группы и проводилась индивидуальная подготовка» «выдвиженцев», причем эта деятельность должна была происходить во внеурочное время²⁷¹. Разумеется, крупную руководящую должность не может занимать человек, нуждающийся в приобретении элементарных навыков. А потому многих «выдвиженцев» постоянно высмеивали; им не давали жилья, да и вообще создавали для них «отвратительные жилищные и рабочие условия». Такие условия вынудили одного из «выдвиженцев», проработавшего полтора года в Комиссариате земледелия, заявить, что «при первой же возможности он вернется к себе домой в колхоз, где жилищные условия гораздо лучше». Комиссия, проанализировав чрезвычайно высокий уровень текучести кадров среди «выдвиженцев», пришла к заключению, что «им давали указания и материалы исключительно на русском, а это неизбежно вело к тому, что они совершали ошибки. И, следовательно, из опасения потерять свои партбилеты они увольнялись с работы при первой же возможности»²⁷². Все это являлось отражением и высокого процента студентов-националов, бросивших учебу в вузах, и высокого уровня текучести кадров среди местного пролетариата. И во всех трех случаях попытки быстро решить долговременные проблемы приводили к плачевным результатам.

Ну а в целом коренизация в Средней Азии протекала примерно так же, как и на Северном Кавказе. В 1932 г. отмечался существен-

²⁷⁰ Галкина, Филонов. Здесь гнездятся шовинисты // Правда Востока. 1930. 5 окт. С. 2; РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2390. Л. 62.

²⁷¹ О выдвижении. С. 2.

²⁷² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 3133. Л. 21–25.

ный рост уровня коренизации: в Туркменистане она поднялась с 9 % в январе 1930 г. до 18,8 % в марте 1932 г., а в Киргизии — с 6,4 % в ноябре 1930 г. до 20,8 % в декабре 1932 г.²⁷³ Как и на Северном Кавказе, рост касался в основном руководящих должностей. Общий показатель коренизации в Узбекистане возрос после шести лет застоя с 16,9 % в 1931 г. до 19 % в 1932 и 22,5 % в 1933. В эти же годы показатели замещения руководящих должностей составляли соответственно 47,5, 49,4 и 77 %, а должностей специалистов — 5,5, 8,5 и 7,7 %²⁷⁴. По мере ослабления усилий, которым сопровождалось окончание культурной революции (и опять-таки по примеру Северного Кавказа), в конце 1932 — начале 1933 г. произошел внезапный спад: в Туркменистане — с 18,9 % до 13,8 %, в Таджикистане — с 16,3 % до 15,1 % и в Киргизии — с 20,7 % до 13 %²⁷⁵. Как и на всем советском Востоке, огромные усилия, потраченные на проведение коренизации во время культурной революции, привели к удивительно скромным успехам. К 1933 г. стало ясно, что если коренизация и будет завершена, то это будет очень не скоро.

1

Выводы: коренизация на Востоке и Западе

Эволюция коренизации в многочисленных и разнообразных регионах советского Востока по мере изменения обстановки во времена нэпа и культурной революции становилась чрезвычайно сложным процессом. Однако ее запутанная история подтверждает справедливость нескольких существенных общих моментов. Во-первых, касательно единства советской политики. Возникает вопрос: сколько же на самом деле существовало советских национальных политик — одна или две? Первоначальный ответ, данный в 1923 г., был недвусмысленным: существовала всего одна-единственная политика коренизации, которая предполагала создание национальных территорий, элит, языков и культур для всех советских национальностей безотносительно к их численности, уровню развития или силе националистических движений. После того как постановления 1923 г. были обнародованы, попытки осуществить тотальную коренизацию языковой сферы и положительную деятельность начали как западные, так и восточные республики. Эта политика разделилась надвое лишь в процессе ее осуществления. В западных республиках создание

²⁷³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 3133. Л. 1; Оп. 1. Д. 1038. Л. 125. *Константинов А.* Указ. соч. С. 3.

²⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 3163. Л. 203.

²⁷⁵ Там же. Д. 3133. Л. 8; Д. 3163. Л. 163.

местной элиты произошло без особых осложнений, и потому главные усилия были направлены на исполнение труднейшей задачи — расширить сферу использования национальных языков. А в восточных республиках осуществить коренизацию языковой сферы оказалось совершенно невозможным, так что всю энергию пришлось сосредоточить на выполнении программ положительной деятельности по созданию местных элит. И здесь важно отметить, что решения принимались на местном уровне исходя из представлений республиканского руководства, и только потом утверждались центром. Они не были навязаны сверху. Местные условия были решающими как на Востоке, так и на Западе.

Но это, разумеется, не означало, что категории «Восток» и «Запад» возникли лишь в результате коренизации. Предлагая в 1923 г. единую национальную политику, центр основывался на двух основных принципах — индигенности, который был первостепенным, и культурной отсталости, которая считалась второстепенным принципом. Последний сохранял в себе дореволюционное противопоставление Востока и Запада, хотя, что характерно для Империи положительной деятельности, его политический смысл был коренным образом изменен благодаря тому, что культурно отсталым народам были предоставлены преимущества. Советская власть скорее унаследовала, чем создала противопоставление Востока и Запада, но было бы справедливым сказать, что это противопоставление она сделала более систематичным. Так, например, для проведения коренизации на Востоке было предложено одно-единственное решение — «функциональная коренизация», и центральные власти осуществляли ее так, как если бы этот регион был единым целым. Аналогично дело обстояло и с проблемами набора в вузы. Сначала эти проблемы вынудили перейти от характерной для положительной деятельности брони, основанием для которой была индигенность (общая для всех национальных меньшинств), к другому принципу, основанием для которого служила культурная отсталость, распространявшаяся лишь на восточные национальности. В конце концов категория «восточные народы» была полностью систематизирована: это произошло тогда, когда были определены 97 культурно отсталых национальностей. Таким образом, девелопменталистский социальный континуум, в который довольно органично включили все национальности — от малочисленных народов Севера до латышей и эстонцев, — был разделен на две абсолютно противопоставленные друг другу части — Восток и Запад, «развитых» и «отсталых».

Изменение обстоятельств советской политики, и особенно резкий переход от нэпа к культурной революции, совпало с примени-

ем принципов индигенности и культурной отсталости, что привело к дальнейшему расхождению в ходе коренизации на Востоке и Западе. Благодаря своему финансовому прагматизму и менее радикальной централизации нэп благопрियтствовал использованию принципа индигенности, поэтому 1925–1928 гг. стали кульминацией коренизации на Украине и в Белорусии. А характерная для социалистического наступления централизация в совокупности с классовой направленностью культурной революции нанесли политике поощрения национальных языков в этих республиках (и даже в Грузии) существенный урон. С другой стороны, централизация и созидательный утопизм культурной революции содействовали осуществлению девелопменталистского проекта преодоления культурной отсталости, так что кульминацией коренизации на Востоке стали 1928–1932 гг.

И здесь необходимо констатировать существенное различие между влиянием культурной революции на отношения центра с окраинами и на отношения между русским и местным населением окраин СССР. Социалистическое наступление и культурная революция означали укрепление Империи положительной деятельности — и ее программы централизации экономики и политики, и программы понижения значимости русской национальной культуры и идентичности при одновременном содействии национальной идентификации нерусских народов СССР. И опять это шло больше на пользу Востоку, чем Западу. Ударом по коренизации языковой сферы на Украине стал конфликт между Украинской республикой и центральными организациями. А Восток централизацию приветствовал: ведь она означала и увеличение финансовой помощи, и поддержку в конфликте между русскими и коренными жителями восточных республик, которую Восток получил в виде кампании против великорусского шовинизма.

Расхождение путей коренизации во время культурной революции можно понять и через призму различий, существовавших между «жесткой» и «мягкой» линиями. Социалистическое наступление и культурная революция ознаменовали решительный поворот к осуществлению главных большевистских программ — ускоренной индустриализации, коллективизации, абсолютной политической гегемонии партии, а также преследования буржуазии и других «бывших». И осуществление этих программ помешало попыткам проводить украинизацию в русле «жесткой линии». Но почему же этого не произошло и на советском Востоке? На самом деле в какой-то степени это произошло и там. Центральные власти СССР чинили препятствия не только «бронированию» в Москве и «выдвижению» в Средней Азии, но и любым попыткам коренизации языковой сфе-

ры. Однако существенное различие состояло в том, что коренизации на советском Востоке помогали как политике, проводимой в русле «мягкой линии». Уже отмечалось выше, что «жесткая» и «мягкая» линии, как правило, сосуществовали. Но при этом «жесткая линия» была приоритетной, а «мягкая линия» проводилась лишь в той мере, в какой она не противоречила «жесткой линии». На Украине такое противоречие возникло в результате усиления централизации. А на советском Востоке девелопменталистский проект преодоления культурной отсталости посредством положительной деятельности отлично дополнял в высшей степени централизованный, но при этом патерналистский и антиколониальный этатизм социалистического наступления и культурной революции. Противоречие возникнет только тогда, когда централизованное государство вновь будет отождествлено с русским народом как таковым.

К этим общим соображениям о коренизации на Востоке и Западе необходимо добавить также второй важный момент, имеющий отношение к социальной структуре, которая возникла на советском Востоке к 1933 г. и которая до определенной степени осталась характерной для восточных национальных регионов вплоть до распада Советского Союза в 1991 г. Речь идет о том, что ранее я назвал «вакуумом в середине»: о проблеме отсутствия в восточных республиках национальных инженерно-технических и административных кадров, способных обеспечить расширение сферы использования национальных языков и абсолютную власть местных элит. Появление «вакуума в середине» было в значительной степени обусловлено объективными факторами и, в частности, малочисленностью достаточно образованных представителей титульных национальностей. И этот «вакуум в середине» можно было постепенно заполнить лишь благодаря тщательным и хорошо продуманным усилиям наподобие тех, которые были предприняты в Татарстане. Однако повсеместно распространенное нежелание расставлять приоритеты только усугубляло эту проблему. Стремление моментально создать систему всеобщего начального образования на родном языке привело к тому, что большое количество образованных коренных жителей были направлены учиться в педагогические вузы и преподавать в средних школах. Наиболее талантливых коренных жителей выдвигали непосредственно на руководящие должности. В результате стало невозможным заполнять брешь, щедро предоставлявшуюся культурно отсталым национальностям в самых престижных промышленных и технических вузах Москвы и Ленинграда. Вот потому-то восточные национальности и не смогли принять участие в масштабной кампании «выдвижения», которая создала новую советскую техническую интел-

лигенцию. Разделение интеллигенции в восточных республиках на два типа — национальную творческую интеллигенцию и на русскую техническую — относится именно к тем временам, когда эта возможность была упущена.

А это заставляет нас сделать третье и последнее общее замечание по поводу политики коренизации. Удивляет, что главным образом она была направлена на создание национальных элит на республиканском уровне и ниже. При этом практически ничего не делалось для выдвижения нерусских элит в *центральные* организации. Это важно отметить именно потому, что в теориях национализма постоянно подчеркивается первостепенное значение блокирования социальной мобильности существующих на периферии элит для возникновения националистических движений²⁷⁶. Так, например, в своем недавнем исследовании русскоязычного населения Эстонии, Латвии, Украины и Казахстана Дэвид Лэйтин использует переменную «блокированная мобильность» для создания типологии трех моделей вхождения окраинных элит в Советский Союз. Во-первых, это модель «наиболее привилегированных властителей», при которой титульные национальности республик легко могут занять важные должности общесоюзного значения, и действительно их занимают (Украина). Во-вторых, это «унитаристская» модель, при которой элиты контролируют свои республики и либо не могут, либо не хотят переходить на общесоюзные должности (Латвия, Эстония). И наконец, это «колониальная» модель, при которой титульные национальности делят с русскими власть в своих республиках и не имеют буквально никакой возможности занять важные общесоюзные должности (Казахстан)²⁷⁷.

Эта типология полезна, потому что она помогает прояснить как цели коренизации, так и ее «мертвые зоны». «Мертвой зоной» было отсутствие представителей нерусских народов в органах центральной власти. Цель на местном уровне заключалась в том, чтобы перевести каждую республику от колониальной модели существования к унитаристской. К 1932 г. в западных республиках эта цель была в основном достигнута. По крайней мере в партии и советском аппарате этих республик имелась критическая масса нерусских работников, достаточная, чтобы образовать сеть этнизированных связей между «патронами» и «клиентами», в результате чего представители титульных наций со временем могли возглавить эти республи-

²⁷⁶ Anderson B. Imagined Communities. L., 1991. P. 47–65; Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, N.Y., 1983. С. 52–87.

²⁷⁷ Laitin D. Identity in Formation. Ithaca, N.Y., 1998.

ки²⁷⁸. Однако такую критическую массу на советском Востоке создать не удалось, что объяснялось необходимостью полагаться на русских, которые и занимали там ключевые административные должности. И даже когда в эпоху Брежнева этнизированные связи между «патронами» и «клиентами» стали наконец доминировать, на Востоке по-прежнему полагались в основном на русских специалистов²⁷⁹.

Но при этом проблема вхождения представителей нерусских народов в состав центральной элиты так и осталась неразрешенной. Почему же это не стало наиболее заметным компонентом коренизации? Разве представители нерусских народов не были допущены в состав центральной элиты? Разумеется, нет. Империя положительной деятельности предполагала вненациональную центральную государственную элиту, которая создавалась на основе исторического опыта большевистской партии. В ее состав всегда входило множество представителей западных национальностей Российской империи, и тем не менее она считалась вненациональной, или наднациональной, но никак не многонациональной партией. В 20–30-е гг. грузины, армяне, украинцы и представители других западных национальностей еще поднимались на ключевые должности в партии и правительстве, но начиная с середины 30-х гг. представителей диаспорных национальностей (поляков, латышей, а со временем и евреев) стали с этих должностей убирать как потенциально неблагонадежных. А восточные национальности всегда были ограничены такими отвечавшими за национальную политику организациями «мягкой линии», как Совет Национальностей (в 1927–1935 гг. возглавлявшийся туркменом и узбеком) и Отдел национальностей (возглавлявшийся сменяющимися друг друга казахами). Намеренно ли создавались препятствия для социальной мобильности восточных национальностей, отражая сознательный или подсознательный расизм? Может быть, хотя, скорее всего, объяснение тут будет таким же, как и объяснение краха введения общесоюзной брони. Все мало-мальски способные и благонадежные коренные жители восточных республик уже и так находились на крупных руководящих должностях и не могли быть назначены в центр. А те уроженцы Востока, которых направляли в Москву, были людьми, проигравшими во фракционных битвах, их ссылали подальше и на незначительные должности. При таком масштабе коренизации, как на Востоке, это было проблемой предложения, а не спроса.

²⁷⁸ Классическая работа об этнизированных связях «патронов» и клиентов» в сталинскую эпоху: *Fairbanks C. Clientelism and the Roots of Post-Soviet Disorder // Transcaucasia, Nationalism, and Social Change. Ann Arbor, Mich., 1996. P. 341–376.*

²⁷⁹ О данном конкретном случае см.: *Lubin N. Labour and Nationality in Soviet Central Asia. Princeton, N. J., 1984.*

5

ЛАТИНИЗАЦИЯ И СОЗДАНИЕ СИМВОЛОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Латинизация проводилась ради языка, но в большей степени ради того, что символизировал собой язык. А язык (не публичное его использование, а словарь, грамматика и алфавит) символизировал национальную культуру. Развитие национальной культуры было самым неоднозначным из четырех основных элементов коренизации. Образование национальных территорий, более широкое использование национальных языков и создание национальных элит (а именно эти вопросы мы рассматривали во 2, 3 и 4-й главах) были ясными, хотя зачастую и трудновыполнимыми целями. А что такое национальная культура?

Как известно, Сталин дал советским национальным культурам ставшее знаменитым определение, назвав их «национальными по форме и социалистическими по содержанию». Однако в связи с этим сразу же вставал вопрос о том, что значит «национальные по форме», и Сталин совершенно сознательно предпочел не разъяснять этого. Спорным было и само понятие национальной культуры. Левый оппозиционер Ваганян от лица многих членов партии утверждал, что «национальная культура» является по своей сути буржуазным и националистическим понятием и что большевики должны создать интернациональную, или социалистическую, культуру на национальных языках — и ничего более. И хотя Сталин никогда этого не признавал, мнение Ваганяна было близко тому, что он подразумевал. Когда Сталин говорил о задачах, возникающих в процессе строительства национальной культуры, первое, на что он указывал, были, как правило, школы на родном языке¹. К перечням достижений «национально-культурного строительства» их авторы, как правило, добавляли литературу на языках коренных народов, театр и оперу (которая считалась особенно «культурной»). А поскольку содержание школь-

¹ *Сталин И.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 157–158.

ного образования и литературных произведений должно было стать социалистическим, создание литературы и искусства на национальных языках было практически равнозначно тому, что имел в виду Ваганян, когда говорил о социалистической культуре.

Включала ли в себя советская национальная культура хотя бы один из тех признаков, которые повсеместно признаются неотъемлемой частью национальных культур? Такие, например, как характерные представления и обычаи? Нет, не включала. В теоретическое определение нации, данное в 1913 г., Сталин включил понятие «быт» (обычаи, образ жизни) и повторил это в 1925 г. в своих ставших советской классикой заметках о национальной культуре. Однако на практике специалисты по национальному вопросу никогда не уточняли, какие именно стороны национального «быта» надо сохранять и развивать. Все наиболее существенные национальные представления и обычаи – религия, гендерные и социальные отношения, организация хозяйства – были или упразднены, или усреднены, слиты в том понятии, которое Сталин называл одновременно и «социалистическим содержанием», и «общечеловеческой культурой»². Разумеется, Сталин, в противовес Ваганяну, утверждал, что национальная культура существует и ее пережитки останутся надолго. Это было одним из оправданий того, что национальные республики управляются местными жителями. Однако это не означало, что такого рода пережитки следует сохранять или что им нужно потворствовать. Как раз наоборот.

Тем не менее неясно, в чем же заключается позитивное содержание национальной культуры. Как показано в главе 1, сталинский термин «национальная культура» означает, скорее, не национальную культуру как таковую, а национальную идентичность или то, что американский социолог Герберт Ганс называл «символической этничностью»³. Содействовать «национальной культуре» – это значило активно развивать символы национальной идентичности и в то же время бороться с характерными национальными представлениями и обычаями. Объяснение советской национальной политики, которое давали Ленин и Сталин, было в значительной степени основано на психологии. Ленин подчеркивал, что необходимо преодолеть «недоверие» к русским, сложившееся у ранее угнетавшихся национальностей, а Сталин – что национальные правительства должны восприниматься как «близкие и понятные [нерусским] трудящимся массам»⁴.

² Там же. С. 158.

³ *Gans H. Symbolic Ethnicity: The Future of Ethnic Groups and Cultures in America // Ethnic and Racial Studies, 2. 1979. № 1. С. 9–17.*

⁴ *Сталин И. Указ. соч. С. 157.*

Поощряя создание символов национальной идентичности и решительно противодействуя ассимиляции, советская власть проявляла показное уважение ко всем нерусским народам. Такова была главная составляющая стратегии положительной деятельности, направленной на предотвращение роста националистических настроений.

Демонстрация уважения к национальной культуре была особенно необходима потому, что советская политика предполагала, что центр (который, скорее всего, и будет тогда восприниматься как «русский») нанесет удар по традиционным национальным представлениям и обычаям, и прежде всего по религии. Так что если «недоверие» будет преодолено и нерусские народы станут воспринимать свои правительства как «близкие», то этот удар воспримется как внациональный, основанный на всеобщей классовой идеологии социализма. А поэтому ему не будут сильно сопротивляться (или будут сопротивляться только классовые враги), и в результате возникнет однородная социалистическая «общечеловеческая культура», разукрашенная символическими признаками национальной идентичности. Символы идентичности, которые поддерживали советские власти, были паразитально похожи на те, которые дороги независимым националистам всего мира: национальный фольклор, одежда, кухня, революционные герои, «прогрессивные» исторические события и классические литературные произведения. Как мы увидим далее в главе 10, в 30-е гг. особое значение приобрели национальные поэты. А национальный алфавит был самым неоднозначным и, следовательно, весьма интересным символом.

Реформу алфавита вряд ли можно считать главной проблемой национальной политики в таком сложном по составу государстве, как Советский Союз. И тем не менее в 20-е и 30-е гг. она стала не только важнейшим проектом в области языкового строительства, но и наиболее важным предметом спора при формировании политики создания символов национальной идентичности. Непомерное внимание, уделявшееся тогда алфавитам, удивительно не только современному наблюдателю, но и публицисту, который уже тогда поражался «непонятному политическому значению вопросов развития алфавитов» и пытался разгадать причину «необъяснимого проникновения яростного классового конфликта в такую узкую и специализированную область, представляющую интерес, как могло бы показаться, только для ученых, — область алфавитов»⁵. Такое

⁵ Орлицкий Д. Национал-демократизм в вопросах языка и письменности // Большевик. 1934. № 6. С. 81.

значение алфавитная политика приобрела потому, что письменность оказалась необыкновенно многозначным символом, способным передавать множество самых разных представлений как о национальном составе Советского Союза в целом, так и о культурной и политической ориентации составляющих его наций и групп наций. Среди тех национальных ориентаций, о которых мог бы сигнализировать выбор того или иного алфавита или о которых можно было бы заключить на основании этого выбора, были и пантюркизм, и интернационализм, и русофобия, и преданность Западной Европе, и преданность восточному колониальному миру, и предательский ирредентизм, и верноподданический ирредентизм, и русский национализм. А если говорить о политической ориентации, то по выбору алфавита можно было определить и приверженца культурной революции, и великодержавного шовиниста, и религиозного реакционера, и местного националиста.

Эта глава посвящена исследованию одного конкретного примера политики создания символов национальной идентичности. Могло бы показаться, что этот вопрос не заслуживает отдельной главы. Однако создание символов имело во времена Сталина ключевое значение. А поскольку большевики считали, что идеология должна быть единой и всеобъемлющей, то открыто говорить о чем-либо, что противоречило этой идеологии, было невозможно. А потому и само государство зачастую использовало символы в качестве средства коммуникации, и это называлось «сигнализированием». В главах 3 и 6 я говорю о той роли, которая была отведена кампаниям террора. Кампании террора сигнализировали местным работникам, какую именно политику центра следует считать основной, «жесткой линией» большевиков и, следовательно, надо осуществить любой ценой, а какая является второстепенной, «мягкой линией», и ей надо следовать лишь в том случае, если она не противоречит основной. Разумеется, террор был лишь самой крайней формой сигналов, подаваемых центром. Гораздо больше таких сигналов посылалось через печать. Решение центра поддерживать связь со своими работниками и населением именно таким образом привело к возникновению своего рода политики создания символов, которую, в свою очередь, могли взять на вооружение различные властные элиты, и не только они ради того, чтобы передавать представления, предпочтительные для них. Кроме того поступающие из центра сигналы могли потихоньку искажаться. Или же могли предлагаться новые символы. Большевистское руководство хорошо понимало суть политики создания символов, а потому и тщательно следило за ее проявлениями, чтобы контролировать посылавшиеся сигналы.

Латинизация

Кампания за латинизацию явилась парадигматической политической созданием символов. Она началась снизу (в данном случае — восточными региональными элитами), центральные власти приняли ее лишь со временем. Латинизация подразумевала отказ от арабского и кириллического алфавита и введение латинской графики либо создание письменности на основе латиницы для тех языков, которые ее не имели. Своим успехом движение за латинизацию было обязано сочетанию настоятельных требований, выдвинутых новой советской национальной политикой, с программой создания символов отдельной восточной элиты. Потребность в создании письменности малых народов была очевидна: в соответствии с советской национальной политикой предполагалось, что вся образовательная и административная деятельность должна вестись на родном языке. Ну а поскольку письменности большинства малых национальностей Советского Союза находились в самом зачаточном состоянии, то внезапно возникла потребность в быстром проведении языковой реформы.

Однако только из-за этого вопрос об изменении алфавитов никогда бы не встал. Решающим оказалось сочетание радикальной языковой реформы с захватившей нерусские народы деколонизационной идеологией, которая в определенных пределах получила поддержку в национальной политике большевиков. Кириллическая письменность была тесно связана с православной миссионерской деятельностью и российским колониализмом. У большинства новообращенных христианских народов Российской империи (прежде всего угро-финских народов Средней Волги и Крайнего Севера) имелась основанная на кириллице письменность, которая была создана православными миссионерами. Известный православный миссионер и реформатор образования Николай Ильминский распространил эту практику и на мусульманские народы. В возникшем после революции лингвистическом хаосе (прежде чем была выработана хоть какая-то единая центральная политика) кое-где спонтанно происходила латинизация. Свою кириллическую письменность на латиницу поменяли якуты (в 1920 г.) и осетины (в 1923 г.)⁶. Аналогичные движения возникали и среди христианских национальностей Поволжья (марийцев, мордвин, чувашей, удмуртов), однако в конечном счете они высказались за реформу своих уже существующих кириллических

⁶ Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля — 5 марта 1926. Стенографический отчет. Баку, 1926. С. 289 и сл.; *Тедеев П.* Новый алфавит в Осетии // *Культура и письменность Востока.* 1928. № 1. С. 101–106.

алфавитов⁷. Коми тоже рассматривали вопрос о переходе на латиницу, но создали свою собственную особую кириллическую письменность. Калмыки, пользовавшиеся древней монгольской письменностью, приняли кириллицу. Представители их элит обосновывали это тем, что раз уж они живут среди русских и вынуждены учить русский язык, этот выбор имеет смысл⁸. Другие малые народы в аналогичной ситуации (ойроты, хакасы, шорцы, цыгане, ассирийцы) тоже приняли кириллицу⁹.

Гораздо более спорным вопрос выбора алфавита оказался для мусульманских народов, да и сама латинизация как движение возникла именно в мусульманских регионах. Арабская письменность была тесно связана с исламом, что делало ее привлекательной для консервативных элит и подозрительной для элит, настроенных на реформирование. Реформаторы ссылались также на то, что арабской письменности присущи непреодолимые технические недостатки. Ее буквы трудно отличить друг от друга, и они приобретали различный смысл в зависимости от своего места в слове. И, что существеннее, в арабской письменности отсутствовали гласные, это было серьезным препятствием для их использования, учитывая тот факт, что во многих тюркских языках наличествует гармония гласных (сингармонизм). Кириллица стала проклятием, и особенно для тюркских народов, поскольку была связана с миссионерской деятельностью эпохи царизма и предполагаемым национал-уклонизмом тюркоязычных чувашей и татар-кряшен (крещеных татар Поволжья), языки которых были на ней основаны. Вначале в тюркских регионах было принято компромиссное решение в пользу реформированного арабского алфавита. Наиболее последовательные реформы попытались осуществить в Татарстане и Казахстане¹⁰. Однако мусульманские народы, не имевшие письменности, склонялись в пользу более нейтральной латиницы. В 1923–1927 гг. все мусульманские горские народы Северного Кавказа приняли адаптированные к местным особенностям латинские алфавиты¹¹.

⁷ Грен А. К вопросу о применении латинского алфавита к языкам коми и удмурт // Коми му (Зырянский край). 1924. № 3. С. 50–59; О чувашском правописании // Бюллетень ЦИК Автономной Чувашской ССР. 1926. № 21/22. С. 6–18.

⁸ Первый Всесоюзный тюркологический съезд. С. 294.

⁹ Яковлев Н. Некоторые итоги латинизации и унификации алфавитов в СССР // Революция и письменность. 1932. № 4/5. С. 25–46. Попытка перевести на латиницу ассирийский язык провалилась.

¹⁰ О том, какие доводы приводились в защиту усилий, предпринимавшихся реформаторами, см.: Первый всесоюзный тюркологический съезд... С. 163 и сл., 243 и сл., 287 и сл., 306 и сл.

¹¹ Алиев У. Латинизация письменности, борьба за новый алфавит и наши успехи // Революция и горец. 1928. № 1. С. 29–39.

В такой обстановке азербайджанская элита, состоявшая из бывших членов левых партий, которые вступили в партию большевиков и заняли в новом советском азербайджанском правительстве видные руководящие должности, начала кампанию за латинизацию арабских алфавитов тюркских народов. Возглавил эту кампанию Самед Агамали-оглы — старый азербайджанский революционер, ветеран революции 1905 г. и бывший член социалистической партии «Гуммет». В 1920 г. он стал членом только что созданного большевистского правительства Азербайджанской ССР, заняв в нем пост наркома земледелия, а с 1922 по 1929 г. был председателем ЦИК Азербайджанской ССР. Агамали-оглы сделал латинизацию делом своей чести¹². В 1922 г. он убедил правительство Азербайджана поддержать также образование Комитета нового тюркского алфавита (Комитета НТА) и создание латинизированной азербайджаноязычной газеты под названием «Я а юл» («Новый путь»). Как на это указывает само название (новый тюркский алфавит), устремления Агамали-оглы простирались далеко за пределы Азербайджана. В Азербайджане успехов удалось достичь быстро: в октябре 1923 г. латинице был предоставлен статус, равный статусу арабской письменности, а в 1924 г. латиница стала единственной официальной письменностью на всей территории Азербайджана¹³.

Затем Агамали-оглы принялся пропагандировать латинизацию среди других тюркских народов Советского Союза. Во-первых, как человек практичный, он приехал к больному Ленину и там, как утверждал впоследствии Агамали-оглы, получил от умирающего вождя благословение своему движению под лозунгом «Латинизация — это великая революция на Востоке». Этот лозунг станет повсеместно распространенной охранной грамотой для латинизации¹⁴. Вооружившись цитатой из Ленина, в 1924–1925 гг. Агамали-оглы совершил вояж по тюркоязычным республикам, где он агитировал

¹² Алиев У. Победа латинизации — лучшая память о тов. Агамали-оглы // Культура и письменность Востока. 1931. № 7–8. С. 17–30; также см.: Революция и национальности. 1930. № 7. С. 17–28.

¹³ Алиев У. Победа латинизации... С. 24.

¹⁴ До января 1928 г. лозунг ограничивался словами «Латинизация — это революция на Востоке». А потом Агамали-оглы «вспомнил», что на самом деле Ленин на его пропаганду латинизации ответил по-другому: «Он сказал: “Да, это великая революция на Востоке!” Но потом из формулировки этого великого человека я выпустил слово “великая”, и потому осталось: “Это революция на Востоке” Через пять лет я вспомнил, сколь безупречно точен был товарищ Ленин, и поспешил поправить определение, данное этим великим человеком». — Стенографический отчет второго пленума Всесоюзного комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в г. Ташкенте от 7-го по 12-е января 1928 года. Баку, 1929. С. 23.

за латинизацию. Кроме того, он написал и поручил написать несколько брошюр и нашел себе союзников как в тюркских республиках, так и в Москве. И в феврале–марте 1926 г. его усилия увенчались успехом: в Баку состоялся I Всесоюзный тюркологический съезд, на котором присутствовали представители всех тюркских народов Советского Союза. Съезд одобрил программу латинизации, предложенную Азербайджаном. В следующем году Агамали-оглы получил от центрального советского правительства официальное разрешение занять пост председателя Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита (ВЦК НТА), и теперь он мог возглавить движение за латинизацию на всей территории Советского Союза¹⁵. К середине 1928 г. все тюркоязычные республики перешли к НТА на законном основании и начали пользоваться им практически¹⁶. Это показало, что у политики создания символов, которая проводилась на раннем этапе существования Советского Союза, блестящие перспективы.

Но осуществить ее было нелегко. Первоначальная реакция центрального советского правительства на движение за латинизацию была прохладной. До 1926 г. центральные партийные органы вообще не поднимали вопроса о латинизации¹⁷. Однако 18 февраля 1926 г., за неделю до начала работы I тюркологического съезда, Политбюро приняло следующую резолюцию¹⁸:

«По Тюркологическому съезду в Баку.

1. Коммунисты на съезде обязаны принять ту линию, что съезд должен ограничиться рассмотрением возможности перехода на латинскую письменность, но не принимать никакого безусловного решения о непосредственном переходе на эту письменность.

2. Съезд не должен создавать никакого функционирующего, выборного органа...»

Эти указания шли вразрез с намерением Азербайджана воспользоваться съездом, чтобы получить одобрение латинизации внутри республики и приступить к выполнению программы всесоюзной латинизации.

¹⁵ Алиев У. Победа латинизации...

¹⁶ Назиров Ю. Проведение нового тюркского алфавита в СССР и ближайшие перспективы // Культура и письменность Востока. 1928. № 1. С. 11–33.

¹⁷ Возможно, исключением были попытки Н. Ф. Яковлева, одного из самых видных «латинистов», основать в 1924–1925 гг. Комитет по изучению языков и этнических культур народностей Востока. Совет национальностей отклонил эти предложения. См.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 695; Оп. 16а. Д. 167. Л. 10об., 20об.; Д. 211. Л. 3.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 547. Протокол 11, п. 25.

Резолюция Политбюро подтверждала решение Оргбюро, принятое тремя днями раньше на основе меморандума А. К. Аболина, заместителя заведующего агитпропотделом ЦК ВКП(б). Аболин занял осторожную позицию. Он отметил, что любой переход с арабского алфавита на другую письменность может быть воспринят верующими мусульманами враждебно, однако латиница, пожалуй, была бы «менее неприятной», чем кириллица. В завершение он сказал, что хотя «все доводы как в пользу латиницы, так и против нее достаточно серьезны, переход на латиницу можно считать целесообразным. Весь вопрос только в том, как на нее перейти». Аболин полагал, что важнее всего «не дать повода обвинить центральные власти в том, что они принудительно навязывают восточным народам новую письменность. Резолюции тюркологического съезда будут восприняты мусульманскими массами в качестве декрета высшей власти». А потому он посоветовал не форсировать латинизацию и, самое главное, не создавать центральный орган латинизации, в состав которого неизбежно войдет «множество беспартийных востоковедов и преподавателей вузов»¹⁹. Таким образом, партия предоставляла движению за латинизацию лишь весьма и весьма условную поддержку. В данном вопросе она, в соответствии с идеологией нэпа, больше всего была озабочена тем, чтобы не возбуждать ненужного возмущения в среде мусульман.

Любопытно, что азербайджанцы предпочли пренебречь авторитетом Политбюро. Съезд принял резолюцию, против которой выступила одна только татарская делегация: резолюция превозносила принятую азербайджанцами программу латинизации и рекомендовала ее в качестве образца всем остальным тюркским республикам²⁰. Но еще более дерзким было решение провести собрание, состоявшееся через день после окончания съезда. Его участники проголосовали за то, чтобы считать азербайджанский Комитет НТА руководящим центром, ответственным за распространение НТА по всему Советскому Союзу, и чтобы избрать его председателем Агамали-оглы. Кроме того, на собрании было принято 14 других резолюций, и все они, вопреки желанию Аболина, были нацелены на то, чтобы форсировать латинизацию²¹. Однако вскоре на пути этой односторонней инициативы появились препятствия. Во-первых, компартия Азербайджана (а ее контролировала другая политическая группа, на которую не произвела впечатления попытка Агамали-оглы установить, по его словам, «азербайджанскую гегемонию») потребовала, чтобы эта

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 169. Протокол 9, п. 6. Л. 185–187.

²⁰ Первый Всесоюзный тюркологический съезд. С. 401.

²¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 65. Д. 10. Л. 4.

инициатива была одобрена центральным правительством. Кроме того, Совнарком СССР отказался финансировать чисто азербайджанскую организацию²².

Так вопрос о латинизации был вынесен на рассмотрение центральных властей во второй раз. Латинизацию одобрил ЦИК, который 30 июля 1926 г., «учитывая большое политическое значение перевода алфавитов всех тюркских народов с арабского на латиницу», согласился, что следует «признать Комитет НТА всесоюзным и передать его в ведение ЦИКа СССР»²³. ЦИК поручил Кульбишерову (тогдашнему председателю Совета национальностей, выступавшему в поддержку этой инициативы) познакомить Оргбюро с Комитетом НТА. Кульбишеров был туркменом и ярким приверженцем НТА²⁴. А потому можно было ожидать, что его поддержка НТА и поддержка многочисленной группы представителей восточных национальностей в составе Президиума ЦИК будут иметь немалое значение.

Оргбюро рассмотрело ходатайство ЦИК 13 августа 1926 г. Аболин проголосовал против него. То же самое сделал и Семен Диманштейн, хотя впоследствии он стал видным сторонником НТА. И тем не менее Оргбюро не отвергло ходатайства, а потребовало его дальнейшего изучения²⁵. «Дальнейшее изучение», как это уже неоднократно бывало, тянулось целых полгода, до тех пор пока Агамали-оглы снова не взял это дело в свои руки. В феврале 1927 г. на заседании ЦИК он собрал представителей тюркских делегаций, и они избрали Всесоюзный комитет НТА²⁶. И по какой-то причине эта вторая односторонняя акция заставила Оргбюро незамедлительно прореагировать: оно почему-то не стало сопротивляться и сразу же сдалось. 28 февраля 1927 г. Оргбюро одобрило создание Всесоюзного центрального комитета НТА (ВЦК НТА) и проголосовало за то, чтобы предоставить ему финансирование²⁷. ЦИК официально объявил о своем решении 11 мая, и вскоре после этого на финансирование комитета Агамали-оглы было выделено 500 тыс. рублей²⁸. Тем самым Агамали-оглы по-

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 1. Л. 152–159; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 65. Д. 10. Л. 17.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 219. Протокол 49, п. 7. Л. 76.

²⁴ *Кульбешеров Б.* Итоги 2-го пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита и очередные задачи дела введения этого алфавита // *Культура и письменность Востока.* 1928. № 2. С. 6–21.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 219. Протокол 49, п. 7. Л. 71–72.

²⁶ Стенографический отчет первого пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Баку от 3-его до 7-го июня 1927 года. М., 1927. С. 7.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 268. Протокол 94, п. 11.

²⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 13. Л. 5.

лучил как официальную государственную поддержку, так и средства, чтобы «протащить» латинизацию.

Но почему же все-таки центральное правительство уступило? В 20-е гг. оно постоянно уступало местным властям по вопросам, которые не имели принципиального значения. Кроме того, Агамалиоглы хорошо организовал кампанию в свою поддержку и держался твердо. А потому и была принята компромиссная линия: ВЦК НТА станет официальной правительственной организацией, он будет под контролем (т. е. *в ведении*. — Т. М.) ЦИК, но не частью ЦИК (*не при ЦИК*. — Т. М.). И это позволит правительству отвести от себя потенциальное негодование мусульман, направив его на «независимую» организацию (аналогичная попытка уже предпринималась в церковной политике — с Союзом воинствующих безбожников). Или, как это сформулировал Семен Диманштейн на первом пленуме ВЦК НТА: «Мы являемся организацией, созданной самими восточными народами. Центральная власть ее поддерживает, но не делает ничего, чтобы форсировать [латинизацию]; в борьбе между арабистами и латинистами она держит нейтралитет»²⁹. И хотя формально это заявление явно не соответствовало истине, однако оно отлично выражало саму суть компромисса, достигнутого по вопросу о латинизации: ВЦК НТА будет использовать неафишируемую правительственную поддержку, чтобы форсировать вопрос о латинизации, а правительство будет использовать декларируемый нейтралитет, чтобы иметь возможность возложить на ВЦК НТА ответственность за все проблемы, которые могут возникнуть. Как уже отмечалось выше, к середине 1928 г. НТА был официально принят всеми тюркоязычными республиками Советского Союза.

Так чем же объяснить эту удивительно скорую победу (особенно учитывая неопределенность политики в языковой сфере, которая преобладала после революции, и тот факт, что центр одобрил программу латинизации лишь после долгих колебаний)? Что же сделало это движение привлекательным для тюркских элит настолько, что оно было скоропалительно признано? На этот вопрос, судя по всему, существует два ответа: один из них — культурная революция, а другой — пантюркизм. В главе 4 мы рассмотрели культурную революцию с точки зрения большевистского центра и выделили в ней два главных направления. Первое — разрушительная классовая борьба, направленная против классовых врагов, их организаций и традиций, и второе — конструктивное и утопическое по своим целям движение,

²⁹ Стенографический отчет первого пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита. С. 105.

направленное на создание нового социалистического образа жизни. Более того, как мы отмечали выше, на советском Востоке это девелопменталистское движение имело целью стремительное преодоление культурной отсталости восточных народов. Именно поэтому культурная революция способствовала осуществлению коренизации на советском Востоке.

Изучение латинизации предоставляет возможность рассмотреть культурную революцию с точки зрения тех восточных национальных элит, которые и симпатизировали большевистскому руководству, и поддерживали его в период, наступивший непосредственно после революции. В культурной революции они видели не только несокрушимую идею. Еще более притягательной она была для них с точки зрения тогдашней риторики. Во времена нэпа, когда культурная революция недооценивалась центральными властями, на ней сосредоточилась вся риторика латинизации. Редкая речь, статья или резолюция о латинизации не содержала в себе прославления культурной революции³⁰. Как мы уже видели, слова, которые умирающий Ленин якобы сказал Агамали-оглы (о том, что «латинизация — это великая революция на Востоке»), стали бесконечно повторявшимся лозунгом, призванным сплотить ряды сторонников этого движения. Эти же образы воскрешал и лингвист Н. Ф. Яковлев, повествуя о первом латинизированном чеченском букваре: «Когда первый учитель приехал в горы с букварем на чеченском языке, напечатанном латиницей, они взяли этот букварь под прицел, “ранили” его и казнили»³¹. Да и Агамали-оглы тоже любил вспоминать о том, «что если в Дагестане горец-мусульманин находил скомканный обрывок газеты, напечатанной арабским шрифтом, то он его сразу же поднимал, бережно прятал и относил домой. Почему? Да потому что в самих буквах содержится частица божества»³². И латинизация была призвана освободить суверенного мусульманина от рабского благоговения перед архаичной письменностью, которое делало его зависимым от духовенства, знающего арабский язык.

Таким образом, благодаря ее риторике латинизации была представлена как движение, призванное содействовать разрушающей стороне культурной революции, как атака на ислам и феодальный образ мышления. А потому и неудивительно, что во многом кампания за

³⁰ Алиев У. Культурная революция и латинизация // Культура и письменность Востока. 1928. № 2. С. 22–30; Агамали-оглы С. А. Культурная революция и новый алфавит. 1929. № 3. С. 3–9 и др.

³¹ Первый всесоюзный тюркологический съезд. С. 219.

³² Стенографический отчет второго пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита. С. 19.

латинизацию так широко распространилась в начале нэпа и на деле стала первой восточной программой культурной революции, получившей одобрение центра. Ведь именно тогда забуксовала кампания, которая была направлена против ислама и ношения женщинами паранджи, являвшаяся частью культурной революции. В середине 20-х гг. позиции ислама были гораздо прочнее, чем православия. Было еще не время проводить против ислама кампанию наподобие той, которая в 1918–1922 гг. велась против православия. В середине 20-х гг. по-прежнему действовали и исламские школы, и исламские суды, и исламские благотворительные организации — и зачастую они были гораздо более влиятельными, чем конкурирующие советские организации³³. А обычай ношения женщинами паранджи во многих регионах Средней Азии и Кавказа так и оставался нормой, принимавшейся почти без возражений³⁴. В такой обстановке латинизация позволила восточным реформаторам предпринять атаку на ислам хотя бы с помощью символов.

Однако конструктивная сторона проекта культурной революции привлекала любого восточного реформатора гораздо больше: они видели в ней своего рода крестовый поход против культурной отсталости. Всю вину за отсталость тюркских народов возложили исключительно на арабскую письменность, ибо она отрезала тюркские народы от передовых культур Запада³⁵. По словам одного из делегатов тюркологического съезда, арабская письменность «помешала приобщению тюрко-татарских масс к культуре и цивилизации, которые и по сей день остаются собственностью одних только европейских народов»³⁶. Мало было таких грехов, которые бы не приписывались арабской письменности. Агамали-оглы даже высказал весьма странное мнение о том, что арабская письменность «значительно притупила аналитические способности [детей], их способность оперировать абстрактными категориями»³⁷. А потому и неудивительно, что, как он полагал, изучать новый тюркский ал-

³³ Keller S. The Struggle Against Islam in Uzbekistan, 1921–1941. Ph. D. diss. Indiana University, 1995.

³⁴ См.: Massell G. The Surrogate Proletariat. Princeton, N. J., 1974.

³⁵ Напр., см.: Кульбешеров Б. Итоги 2-го пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита... С. 7. Чобан-Заде Б. Итоги унификации алфавитов тюрко-татарских народов // Культура и письменность Востока. 1929. № 3. С. 18–19.

³⁶ Первый Всесоюзный тюркологический съезд. С. 11.

³⁷ Агамали-оглы. Рубикон перейден // Культура и письменность Востока. 1928. № 2. С. 5.

фавит — это все равно, что «перейти Рубикон»: при этом в человеке «происходит внутренняя революция»³⁸.

Такое — почти религиозное — представление о внутреннем преобразении было весьма далеким от агрессивной риторики, присущей большевикам. В общем-то латинизация действительно имела своей целью адаптировать к современным условиям возникшее еще до революции мусульманское движение реформаторов, больше всего заботившихся о том, чтобы объяснить и преодолеть культурную отсталость: теперь это движение предстояло приспособить к условиям гегемонии большевиков³⁹. Г. И. Бройдо, заместитель Сталина в Комиссариате по делам национальностей, вначале относился к латинизации весьма скептически, но затем уловил эту особенность и выступил с критикой латинизации за ее небольшеvistский стиль — «в высшей степени гадкий и, в частности, интеллигентски-надуманный утопический и эсеровский подход к делу»⁴⁰. В качестве специалиста по национальному вопросу Бройдо хорошо знал это явление. Как мы уже видели, для осуществления коренизации большевикам приходилось, по словам Сталина, брать на работу все национальные кадры «вплоть до октябристов и включая октябристов»⁴¹. Эта политика привлечения националистов, которые были известны как представители нерусского сменовеховства, стала возможной благодаря пересечению их интересов и большеvistской национальной политики. Точкой пересечения их интересов была культурная революция и в особенности девелопменталистский проект преодоления культурной отсталости. Однако хотя их интересы и пересекались, совершенно не удивительно, что восточные элиты смогли привнести в этот проект и свои собственные заботы, и свое собственное психологическое восприятие. Латинизация была проектом культурной революции, осуществлению которого всегда содействовали на местном уровне.

С наибольшей отчетливостью преимущество в проведении латинизации, продолжению которой не помешал даже революционный водораздел, проявилась в необыкновенном интересе (а по сути — одержимости) участников движения к ее истории. Теоретический журнал ВЦК НФА изобилует статьями о дореволюционных пред-

³⁸ Стенографический отчет второго пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита. С. 20. См. также: *Агамали-оглы*. Рубикон перейден.

³⁹ *Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform*. Berkeley, Calif., 1998.

⁴⁰ *Бройдо Г. И.* Моим оппонентам // Жизнь национальностей. 1924. № 1. С. 163.

⁴¹ Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. С. 102.

шественниках идеологов латинизации, начиная с ее колумба — азербайджанского драматурга Мирзы Фатали Ахундова, который еще в 1857 г. представил проект латинизации турецкому султану⁴². В этих рассказах, на что впоследствии обратили внимание критики, представала вневременная череда надклассовых героев и злодеев — соответственно латинистов (среди которых были даже правители) и арабистов⁴³. Ну а главная идея, судя по всему, заключалась в том, что Октябрьская революция создала более благоприятные условия для проведения латинизации, хотя во всем остальном движение оставалось таким же, как и раньше.

Латинизацию — в качестве символического выражения культурной революции на Востоке — центральные власти не только могли поддержать, но в конце концов и поддержали. Вторая составляющая первоначальной латинизации — пантюркизм — была гораздо более сомнительной. Большевики крайне подозрительно относились и к панисламским, и к пантюркским движениям, как правило, были склонны преувеличивать их силу и чрезвычайно сурово карали за их проявления. Арест и показательное разоблачение Мир-Саида Султан-Галиева, обвиненного в пантюркистском национализме и чрезмерном почитании ислама, наиболее ярко показывают, насколько опасным могло быть такое обвинение⁴⁴. К духу латинизации взывали для того, чтобы подогреть пантюркские настроения с помощью сугубо культурного и имевшего символический смысл движения, которое официально было направлено на борьбу с культурной отсталостью Востока, последовательно ведущейся большевиками. Официально латинизация была ориентирована на весь советский и несоветский Восток (отсюда и название ее органа — журнала «Культура и письменность Востока»). Однако 95 % усилий по ее проведению было направлено на тюркские народы. Целью латинизации было создание нового *тюркского* алфавита. И в самом деле, все национальности, вначале принявшие НТА (горские народы Северного Кавказа и немногочисленные малые народности Средней Азии и Закавказья), считались принадлежавшими к тюркской сфере культурного влияния. Само по себе представление о такой культурной сфере было, разумеется, весьма пантюркистским. Представление об этой культурной сфере отлично иллюстрируется принятым в 1923 г. и впоследствии анну-

⁴² Культура и письменность Востока. 1928. № 2. С. 58–61, 146–148; № 3. С. 10–17, 91–102; № 4. С. 7–16, 69–73, 127–157.

⁴³ Ровинский Л. Об одной национал-демократической концепции // Правда. 1934. 17 февр. С. 3; Орлицкий Д. Указ. соч.

⁴⁴ Bennigsen A. A., Wimbush S. E. Muslim National Communism in the Soviet Union. Chicago, 1979; Султан-Галиев М. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992.

лированным решением дагестанского правительства сделать официальным языком Дагестана азербайджанский, входящий в тюркскую группу языков⁴⁵. А среди зарубежных стран наибольшее внимание сторонников латинизации привлекала Турция, родина аналогичного модернизационного антиисламского течения — кемализма. Переход Турецкой республики на латиницу в 1928 г. был воспринят как победа теми пантюркистами, которые участвовали в движении за латинизацию.

Но нигде пантюркизм не заявлял о себе более ярко, чем на тюркологическом съезде, состоявшемся в Баку в 1926 г. Удивителен сам факт и его проведения, и присутствия на нем гостей из Турции и Венгрии (считалось, что венгерский язык входит в состав более крупной алтайской языковой группы уральских языков). Трудно вообразить себе аналогичный панфинский съезд в Карелии, а еще труднее — панславянский съезд в Минске. Звучавшие на съезде речи были преисполнены тюркской гордости и содержали в себе призывы к тюркскому единству. Узбеку не нравилось, когда его путали с иранскими таджиками: «В их чертах нет абсолютно ничего тюркского». А один ойрот, волнуясь, рассказывал о том, как он лишь недавно обнаружил, что он «тюрк». Возражая на утверждение другого делегата, будто ойроты — это всего лишь тюркизированные монголы, он сказал: «Я протестую против такого определения, потому что хочу быть представителем этой *нации*, которая представлена на этом съезде (курсив мой. — Т. М.)». А потом он попросил, чтобы «тюркологический съезд обнародовал историю ойротов»⁴⁶.

Главным вопросом съезда было единство языка. Официальный докладчик по вопросам терминологии, азербайджанский языковед Чобан-Заде, столь энергично ратовал за то, чтобы очистить тюркские языки от арабских и персидских терминов и создать новые термины лишь на основе тюрко-алтайских корней, что другой докладчик обвинил его в стремлении к «единому тюркскому национальному языку». Более умеренный делегат попросил извинения за то, что ратует лишь за «интеграцию тюркских языков»⁴⁷. И действительно, заимствование турецких слов в азербайджанском языке было настолько распространено, что первый секретарь партии даже предостерегал от его оттоманизации⁴⁸.

⁴⁵ Тахо-Годи А. Проблема языка в Дагестане // Революция и национальности. № 2. С. 68–75.

⁴⁶ Первый Всесоюзный тюркологический съезд. С. 85–86.

⁴⁷ Там же. С. 212, 165.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 12. Л. 164.

Третьим характерным признаком движения за латинизацию помимо пантюркизма и культурной революции было враждебное отношение к русской культуре. Для отказа от арабской письменности существовали объяснимые идеологические (враждебное отношение к исламу) и практические мотивы (существенные технические недостатки этой письменности). Но гораздо менее ясно, почему латиницу следовало предпочесть кириллице: до того как по идеологическим причинам латиница была провозглашена единственной «прогрессивной» графикой, большинство лингвистов считали, что по своим техническим параметрам латиница и кириллица вполне сопоставимы⁴⁹. А учитывая, что русский язык преподавался (или считалось, что преподавался) во всех нерусских школах и что он уже утвердил себя в качестве лингва-франка Советского Союза, то в пользу принятия кириллицы можно было выдвинуть серьезные и принципиальные аргументы⁵⁰. Как мы уже отмечали выше, калмыки и некоторые другие жившие в русских регионах малые народы предпочли кириллицу именно поэтому. Однако и этот аргумент, и все прочие были перечеркнуты одним-единственным соображением — предполагаемым «недоверием» нерусских народов к русской культуре и, следовательно, по ассоциации, недоверием к «русской письменности» (в 20-е и 30-е гг. так называли кириллицу). Считалось, что русская письменность окончательно скопрометировала себя связью с колониальной, миссионерской политикой русификации, проводимой царским режимом⁵¹. И в соответствии с принципом главной опасности великодержавный шовинизм был более опасен, чем местный национализм. Одним из главных преимуществ участников движения за латинизацию была изначально имевшаяся в их риторике возможность назвать великодержавным шовинизмом любую поддержку кириллицы.

Всем этим объясняется притягательность движения за латинизацию и его значение. Риторика культурной революции была не просто обращена к восточным элитам, она предоставила им возможность использовать ортодоксальный большевистский язык, на котором они могли пропагандировать культурный пантюркизм, в противном случае представлявший значительную опасность для властей. В то же время риторика культурной революции стала для восточных рефор-

⁴⁹ *Жирков Л.* К реформе алфавитов восточных народностей // *Новый Восток*. 1926. №. 10/11. С. 223–235; *Яковлев Н.* Проблемы национальной письменности восточных народов СССР. С. 236–242.

⁵⁰ Об этом см.: *Дурденевский В. Н.* Равноправие языков в советском строе. М., 1927.

⁵¹ *Жирков Л.* К реформе алфавитов восточных народностей. С. 227; *Яковлев Н.* Проблемы национальной письменности восточных народов СССР. С. 242.

маторов символическим средством, с помощью которого они могли демонстрировать свою антиисламскую позицию в относительно спокойные времена нэпа. Однако после того как в 1928 г. центр начал культурную революцию, политика латинизации стала развиваться в направлении, не предусмотренном ее основателями. Но такие повороты в политике создания символов происходят сплошь и рядом.

Латинизация как дерусификация

Поскольку с самого начала о латинизации было заявлено как об одной из кампаний культурной революции, призванной преодолеть восточную отсталость, то неудивительно, что с началом в Советском Союзе культурной революции успехи латинизации стали гораздо более существенными; культурная революция способствовала также успехам коренизации на советском Востоке. До 1928 г. центральные власти требовали, чтобы ВЦК НТА придерживался осторожного подхода к латинизации. Именно поэтому хотя формально латинизация и получила распространение во всем советском тюркоязычном мире, большинство принятых в 1927 и 1928 гг. важных постановлений определяли для ее осуществления пятилетний срок⁵². Когда в апреле 1928 г. ВЦК НТА представлял Совету Национальностей свой первый устный отчет, его докладчик Агамали-оглы попытался как можно более определенно подчеркнуть именно эту постепенность; аналогично поступил и Совет Национальностей — в своей резолюции по его докладу⁵³. А в результате хотя к середине 1928 г. тюркские республики формально и приняли латинизацию, в большинстве из них по-прежнему преобладала арабская письменность.

С самого начала участники движения за латинизацию стремились заручиться безусловной поддержкой центральных властей, с тем чтобы ее можно было проводить принудительно. И с началом культурной революции эта поддержка была им предоставлена. В октябре 1928 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли постановление, согласно которому НТА становился обязательным во всех тюрко-татарских регионах РСФСР⁵⁴. А через два месяца решением третьего пленума

⁵² *Кульбешеров Б.* Итоги 2-го пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита... С. 17, 28; *Агамали-оглы.* К делу и к делу! // *Культура и письменность Востока.* 1928. № 1. С. 6.

⁵³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 218. Л. 18–44; В Совете национальностей // *Советское строительство.* 1928. № 4. С. 122–124.

⁵⁴ *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР.* 1928. 10.15. 130/846.

ВЦК НТА пятилетний срок латинизации был сокращен до двух лет, то есть до конца 1930 г. Агамали-оглы намекнул, что большинство республик могло бы провести латинизацию еще быстрее⁵⁵. В конце концов, в августе 1929 г. ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление, согласно которому с этого момента латиница являлась обязательной для всех тюрко-татарских языков Советского Союза. Постановлением запрещалось использовать арабскую письменность в прессе, школах, государственных органах и так далее; запрещалось даже ввозить книги, напечатанные на арабском языке⁵⁶. Разумеется, арабская письменность не пропала в одночасье, однако после этого постановления она начала стремительно исчезать. И теперь, когда главная миссия ВЦК НТА была выполнена, пошли разговоры о том, чтобы его распустить⁵⁷.

Однако движение за латинизацию не только не завершилось, но наоборот, внезапно и быстро распространилось, охватив собой почти все языки Советского Союза. И произошло это потому, что внимание участников движения переместилось с пантюркизма на интернационализм и значительно усилилась присущая ему русофобия. До сих пор я изображал движение за латинизацию как в основном монолитное. Но оно, разумеется, таким не было. Самые существенные разногласия были между политиками и учеными, многие из которых (хотя и не все) были русскими. Политики, занимавшие руководящие должности в тюркоязычных республиках, главным образом стремились вытеснить арабскую письменность из своих республик и создать символ тюркского единства. Ученые имели совсем другую, собственную сверхзадачу — унификацию алфавитов. Унификация алфавитов (в том виде, в каком она была одобрена на состоявшемся в 1927 г. первом пленуме ВЦК НТА) предполагала, что каждая буква нового тюркского алфавита будет обозначать один и то же звук в каждом из языков, которые его примут⁵⁸. В принципе, политики тюркских республик поддерживали стремление создать единый для всех тюркских народов алфавит. Но на практике они защищали от изменений латинские алфавиты своих языков. Особенно сопротивлялись унификации азербайджанцы, которыми руководил Агама-

⁵⁵ Агамали-оглы. Итоги 3-го пленума ВЦК НТА // Культура и письменность Востока. 1929. № 4. С. 3.

⁵⁶ Собрание законов и распоряжений СССР. 1929. 07.08. 52/477; Революция и национальности. 1930. № 8/9. С. 108–112.

⁵⁷ Стенографический отчет четвертого пленума Всесоюзного комитета нового тюркского алфавита. М., 1931. С. 30.

⁵⁸ Приложение // Культура и письменность Востока. 1928. № 1. С. 113–139.

ли-оглы⁵⁹. Ученые, в большинстве своем специалисты по восточным языкам, преследовали еще более масштабные цели: они добивались создания алфавита, единого не только для всех тюркских народов, но и для всех народов вообще, то есть интернационального алфавита. Как мечтал один из его первых поборников, «[НТА] станет средоточием единства письменности, первым во всем Востоке, а потом, быть может, и во всем мире»⁶⁰. Это была утопия в масштабе культурной революции.

А на деле латинизацию от ее пантюркского наследия избавил именно интернационализм. Кампании террора, проводившиеся в национальных республиках в годы культурной революции, были направлены против сменовеховской национальной интеллигенции, многие представители которой были активными участниками кампании за латинизацию на советском Востоке. Обвинение, выдвигавшееся против подсудимых, оставалось неизменным — «национализм», а в таких республиках, как Татарстан, Крым и Узбекистан, — «пантюркизм». Некоторые из подвергшихся чисткам были латинистами, хотя до тех пор никого не репрессировали *как* латиниста. И все-таки они были, безусловно, напуганы. В августе 1930 г. резолюция Совета национальностей отметила в качестве одного из недостатков в деятельности ВЦК НТА⁶¹:

«Некоторые элементы пантюркской тенденции пока еще не были полностью преодолены, несмотря на правильную линию, которой, противодействуя этой тенденции, придерживается в этом вопросе ВЦК».

Это бы первый публичный выговор, который ВЦК НТА получил за пантюркские тенденции в своей деятельности. Он привел к переориентации движения, которое ушло от своих пантюркских истоков и приобрело новую, интернациональную, миссию, что отразилось и в новом, усеченном, названии организации: Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦК НА).

Главным препятствием для осуществления всемирной миссии НА (по крайней мере в границах Советского Союза) был русский алфавит. После революции кое-где начинали поговаривать о том, чтобы латинизировать русский алфавит, но из этого ничего не вышло⁶².

⁵⁹ Агамали-оглы. К делу и к делу! С. 8.

⁶⁰ Юшманов Н. В. Опыты всемирного алфавита // Культура и письменность Востока. 1929. № 4. С. 70.

⁶¹ Хроника // Революция и письменность. 1931. № 7/8. С. 225.

⁶² Самойлович А. Новый турецкий алфавит // Новый Восток. № 5. С. 390.

В 1929 г. в связи с подъемом второй волны борьбы за интернационализацию этот вопрос снова был вынесен на обсуждение. Несколько статей в поддержку латинизации русского алфавита написал Луначарский⁶³. Он, как и Агамали-оглы, утверждал, будто заручился одобрением Ленина. Но гораздо важнее, что Луначарский подбросил эту идею тем, кто руководил образованием. 19 октября 1929 г. «Учительская газета» опубликовала дискуссионную статью о латинизации русского алфавита⁶⁴. А через месяц «Известия» объявили о планах реформирования русской орфографии. При Главнауке Наркомпоса были созданы три комиссии — по орфографии, по орфоэпии и по латинизации русского алфавита⁶⁵. Одновременно в составе Совета Труда и Оборона (СТО) была создана и комиссия для рассмотрения тех последствий, которые предложенные реформы будут иметь для полиграфии. И, по крайней мере, один из членов этой комиссии тоже открыто выступал за латинизацию⁶⁶. В Коммунистической академии, изначально выступавшей за латинизацию, была проведена посвященная новому алфавиту выставка, на которой демонстрировалось, как при русификаторском царском режиме происходило активное распространение русского алфавита и как сужалась сфера его действия при новой, прогрессивной советской власти⁶⁷. Всплеск активности свидетельствовал о том, что вопрос о латинизации русского алфавита рассматривается всерьез.

Самым пламенным ее сторонником был, несомненно, Н. Ф. Яковлев, специалист по кавказским языкам и активный латинист. Яковлев участвовал в латинизации с самого ее начала. Он помог разработать латинские алфавиты для северокавказских языков, выступил с главным докладом о латинизации на тюркологическом съезде и был неустанным пропагандистом этого движения. Он был организатором и председателем подкомиссии по латинизации русского алфавита при Главнауке, которая в ноябре и декабре 1929 г. провела пять заседаний. На втором заседании Яковлев представил ряд тезисов о лати-

⁶³ Луначарский А. Латинизация русской письменности // Красная газета. 1929. 6–7 янв.; Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. 1930. № 6. С. 20–26.

⁶⁴ Культурная жизнь в СССР, 1928–1941. Хроника. М., 1980. С. 146; см. также: ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 15. Д. 4.

⁶⁵ Реформа орфографии // Известия. 1929. 23 нояб. С. 3.

⁶⁶ Статью проф. М. Щелкунова см.: За интернациональный аппарат // Коми му (Зырянский край). 1929. № 22. С. 35–38.

⁶⁷ Правда. 1929. 22 нояб. С. 5; Левин В. И. Новая письменность народов СССР // Просвещение национальностей. 1930. № 3. С. 55–59; Хроника // Революция и горец. 1928. № 4. С. 88.

низации русского языка, содержащих суровый приговор русскому алфавиту.

Нет документа, который бы лучше, чем тезисы Яковлева, передавал антирусский характер движения за латинизацию, который оно приобрело к 1929 г.⁶⁸:

«2. Русский гражданский алфавит в его истории является алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма, что в особенности проявляется в русификаторской роли этого алфавита по отношению к национальным меньшинствам бывшей Российской империи... В то же время этот алфавит является орудием пропаганды русского империализма за рубежом (славянофильство, борьба за проливы).

3. [Русский алфавит и после его частичной реформы в 1917 г.] продолжает оставаться алфавитом национал-буржуазной великорусской идеологии. Это особенно ясно сказывается в стремлении национальностей, пользовавшихся русской графикой, перейти на латинскую графику (осетины, абхазы, движение у коми и т. д.) как на графику, идеологически более нейтральную и международную...

5. ...На смену унаследованной национально-буржуазной графике должен прийти алфавит социалистического общества. Речь идет не просто о создании новой национально-буржуазной разновидности латинского алфавита, какие мы имеем в современной Западной Европе, но о едином международном латинизированном алфавите социализма...

7. Русский алфавит является в настоящее время не только идеологически чуждой социалистическому строительству формой графики, но также служит главным препятствием делу латинизации как других национальных по форме алфавитов (еврейский, армянский, грузинский и пр.), так и график, построенных на основе кириллицы (белорусская, украинская, восточнофинские и др.)...».

Трудно себе представить большую неприязнь. Кроме того, стоит заметить, что если рассуждать логически, то аргументы Яковлева можно было бы в равной степени приложить и к русскому языку, и к русской культуре в целом. Если Октябрь не очистил русскую письменность, то мог ли он очистить язык и культуру, которые письменность в себе несет?

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 14. Д. 81. Л. 27–28; см. также: *Яковлев Н.* За латинизацию русского алфавита // *Культура и письменность Востока.* 1930. № 6. С. 27–43.

Яковлев научился ловко, и даже чересчур ловко, оперировать новой риторикой культурной революции. Его аргументы против русского алфавита потом повторяют, хотя и в более сдержанной форме, «латинисты», нападавшие на кириллицу, в других национальных республиках. Если русскую письменность можно было связать с колониаторским, миссионерским прошлым России, то тогда любое выступление в ее защиту можно расценить как великодержавный шовинизм, то есть как уклон, который был канонизирован Сталиным в качестве главной опасности в национальной политике. А «латинистов» невозможно было обвинить даже в местном шовинизме. Это обвинение приберегалось для тех, кто хотел сохранить устаревшие национальные алфавиты⁶⁹. Истинными интернационалистами были лишь «латинисты». Именно это ощущение идеологической неуязвимости и наделяло в течение нескольких лет представителей движения за латинизацию той непоколебимой самоуверенностью, которая всегда характерна для еретиков.

И тем не менее попытка сокрушить русский алфавит завершилась провалом. Конец движению положила лаконичная резолюция Политбюро от 25 января 1930 г.⁷⁰:

«О латинизации

Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита».

Происхождение этого решения неясно. После отказа от латинизации русского языка критики Луначарского и Яковлева обвиняли их в том, что они «стреляли холостыми снарядами». Однако такому представлению противоречит тот факт, что предполагаемое изменение письменности широко рекламировалось. Кроме того, о предстоящей латинизации русской графики упоминалось по крайней мере в одном документе Культпропотдела ЦК. И тем не менее создается впечатление, что действия Яковлева ВЦК НА поддерживал искренне. Журнал ВЦК НА публиковал статьи о латинизации русской графики всего лишь один раз⁷¹. Более того, на IV пленуме ВЦК НА в мае 1930 г. Яковлева подвергли критике за то, что он не проинформировал ВЦК НА о своей работе в подкомиссии при Главнауке⁷². Во

⁶⁹ Классическое изложение этой позиции см.: *Латинист. Алфавитное строительство в СССР // Национальная книга. 1931. № 7. С. 3–7.*

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 774. Протокол 115, п. 26.

⁷¹ *Луначарский А.* Указ. соч.; *Яковлев Н.* За латинизацию русского алфавита.

⁷² Стенографический отчет четвертого пленума Всесоюзного Комитета нового тюркского алфавита. С. 78–82; 116–117.

всяком случае, весьма существенно, что с одной стороны, и решение Политбюро не было предано огласке, и, с другой, не были осуждены ни латинизация русского языка, ни кто-либо из ее поборников. А поскольку никакой огласки не последовало, то журналы, посвященные национальному вопросу, по-прежнему сообщали о предстоящей латинизации русской графики⁷³. Нападки на русскую графику продолжались, хотя теперь уже с помощью обходных маневров, а не впрямую.

В мае 1930 г. на новый алфавит перешли 36 языков⁷⁴. Кроме тюркских и северокавказских народов в 1929–1930 гг. на него перешли три национальности, говорящие на языках монгольской группы. В их число входили калмыки, отказавшиеся от русской письменности в пользу латиницы, бурят-монголы и монголы в Монголии, страны — сателлита Советского Союза. Для унификации своих алфавитов они провели в Москве панмонгольскую мини-встречу в верхах⁷⁵. Приняли новый алфавит и семь иранских языков, включая языки горских евреев Дагестана и бухарских евреев Средней Азии: и те и другие отказались от еврейской письменности⁷⁶. В привычной риторике культурной революции она была «Порт-Артуром иудейства»⁷⁷. Многочисленные советские еврейские организации приняли резолюции о латинизации идиша, которую считали всего лишь делом времени⁷⁸. Ассирийцы тоже отказались от кириллицы в пользу латиницы. В Баку (но ведь, однако, не в Ереване!) была даже создана комиссия по латинизации старинной армянской письменности, хотя из этой инициативы ничего и не вышло⁷⁹. Единственная графика, которую абсолютно не собирались латинизировать, была, что неудивительно, грузинская.

В 1930–1932 гг. ВЦК НА направил свои усилия на достижение трех дальнейших целей — латинизацию китайского и корейского языков, создание латинской графики для малочисленных народов Севера и, что гораздо существеннее, латинизацию кириллических

⁷³ За интернациональный аппарат. С. 35; Хроника // Революция и горец. 1930. С. 88; Левин В. И. Указ. соч. С. 56.

⁷⁴ Стенографический отчет четвертого пленума Всесоюзного Комитета нового тюркского алфавита. С. 13.

⁷⁵ Хроника // Культура и письменность Востока. 1931. № 9. С. 66–67.

⁷⁶ Нечаев Ф. Н. Новый персидский алфавит // Культура и письменность Востока. 1932. № 10. С. 41–42.

⁷⁷ Шаулов Л., Разилов Р. Горские евреи и латинский алфавит // Революция и горец. 1929. № 5. С. 61.

⁷⁸ Зарецкий А. К проблеме латинизации еврейского письма // Революция и письменность. 1932. № 1/2. С. 15–32.

⁷⁹ Стенографический отчет четвертого пленума Всесоюзного Комитета нового тюркского алфавита. С. 36.

алфавитов восточных финнов и чувашей. Латинизация китайского и корейского имела важное значение по двум причинам. Во-первых, она была попыткой форсировать латинизацию письменности народов, большая часть которых жила за рубежом в тех странах, где существовали большие надежды на коммунистическую революцию. От возражений, что такая политика сделает советскую китайскую и корейскую культуру (а на советском Дальнем Востоке проживало несколько сотен тысяч корейцев и китайцев) недоступной для их соотечественников за рубежом, отмахивались, отвечая на них характерной бравадой: «Авангардом культурной революции корейского народа станет не двадцатимиллионное население Кореи, но стасемидесятитысячное корейское население Советского Союза»⁸⁰.

Во-вторых, эти письменности были иероглифическими, и поэтому заменить их фонетической латинской графикой было гораздо сложнее. Более того, не было единого китайского устного языка, но зато существовал ряд китайских диалектов, носители которых друг друга не понимали. Противники латинизации утверждали, что лишь иероглифическая письменность объединяет Китай. «Латинисты» на это отвечали, что этот аргумент находится в противоречии с советской национальной политикой, которая всегда отдавала предпочтение диалекту по сравнению с искусственными «государственными языками»⁸¹. Так оно и было. Чеченский и ингушский языки были чрезвычайно близки лингвистически, тем не менее пришлось создать два обособленных литературных языка, что к тому же привело к возникновению двух отдельных автономных областей. Точно так же окончились неудачей и попытки соединить в один литературный язык горное и луговое наречия марийского языка, и в результате образовался Горномарийский автономный район. Эта политика получила название «национал-лингвистического районирования»⁸². В конечном счете было принято решение создать пять отдельных систем латинской графики для пяти главных китайских диалектов⁸³.

⁸⁰ Булатников И. О латинизации корейской письменности // Просвещение национальностей. 1930. № 6. С. 107.

⁸¹ Сяо Э. Революция в китайской письменности // Национальная книга. 1931. № 7. С. 11; Лайхтер И. О латинизации китайской письменности // Культура и письменность Востока. 1931. № 9. С. 25.

⁸² Сухотин А. М. К проблеме национально-лингвистического районирования в Южной Сибири // Культура и письменность Востока. 1931. № 7/8. С. 93–108.

⁸³ Группа северных диалектов: шаньдунский, гуаньдунский, фуцзяньский, цзянси/шэсяньский, хунань/чэньси, см. об этом: Первая Всесоюзная конференция по латинизации китайской письменности // Революция и письменность. 1932. № 1/2. С. 130.

Всякого китайца, выразившего озабоченность по поводу последствий, которые эта кампания может иметь для территориальной целостности будущего коммунистического Китая, уверяли, что «даже и в рамках буржуазных демократических революций свободное развитие национальных языков и культур и право наций на полное самоопределение, включая образование своего собственного государства, является условием, способствующим единству многонациональных демократических государств»⁸⁴. Однако на практике латинская графика была одобрена лишь для северного шаньдунского диалекта и употреблялась только советскими китайцами⁸⁵. Планы создания латинской графики корейского языка были одобрены, но, судя по всему, так и не осуществлены.

А малочисленные народы Севера представляли собой совершенно противоположный случай. В 20-е гг. их считали слишком малочисленными, слишком географически рассеянными и, самое главное, слишком отсталыми, чтобы предоставлять им статус полноценных национальностей⁸⁶. Но с началом культурной революции такие сомнения были отброшены: «В социалистической стране нет и не может быть неравных народов, каким бы ни был уровень их развития»⁸⁷. Для малочисленных народов Севера должны были создаваться их собственные литературные языки, их собственные школы родного языка и их собственные автономные национальные области. Однако по поводу письменности шли споры. Во многих северных регионах русские составляли большинство. Уровень двуязычия малочисленных народов был весьма высоким. Преподавание на родном языке велось в лучшем случае до четвертого класса, после чего переходило на русский. Следовательно, все логические соображения свидетельствовали в пользу выбора кириллицы. Даже Яковлев в 1928 г. говорил, что на этнически однородных территориях, где преобладает высокий уровень двуязычия, следует выбрать графику «культурно влиятельной национальности»⁸⁸. Однако поборники латинизации вновь подняли вопрос о связях кириллической письменности «с русификаторской политикой царской России», и потому в начале 1931 г. ВЦК НА утвердил для малочисленных народов Севера 12 литературных языков, основанных на латинице⁸⁹.

⁸⁴ Лайхтер И. Указ. соч. С. 26.

⁸⁵ Хроника // Культура и письменность Востока. 1931. № 9. С. 80.

⁸⁶ Slezkine Y. Arctic Mirrors. Ithaca, N. Y., 1994. С. 131–217.

⁸⁷ Алькор (Кошкин) Я. П. Письменность народов Севера // Культура и письменность Востока. 1931. № 10. С. 18.

⁸⁸ Яковлев Н. Развитие национальной письменности. С. 228.

⁸⁹ Алькор (Кошкин) Я. П. Указ. соч. С. 25–27.

Апогеем кампании за латинизацию явилась попытка перевести с кириллицы на латиницу восточные финно-угорские и чувашский языки. В 1929 г. в Советском Союзе было 11 языков, которые пользовались кириллицей⁹⁰. После того как Политбюро приняло свое постановление, вопрос о латинизации русского, украинского и белорусского языков был закрыт. Языками болгар, рома (цыган) и молдаван (изменение молдавской графики произошло в 1932 г.) пользовались малочисленные группы населения. Оставались носители восточных финно-угорских языков (коми, удмурты, мордвины, марийцы) и христианизированные тюркоязычные чуваша. Все эти пять национальностей получили свою письменность в XIX столетии от русских миссионеров. К 1930 г. на языках этих народов имелась солидная литература, постоянно повышался уровень грамотности; на этих языках велось преподавание, вплоть высшей школы; на родных языках этих народов (по крайней мере, коми) осуществлялась и значительная часть административной деятельности. Более того, хотя эти народы и соответствовали советскому определению «восточных», поскольку их относили к категории «отсталых», но то, что они принадлежали к финно-уграм, придавало им одновременно и западный облик. А потому они могли быть обвинены в панфинских настроениях. И это вполне могло случиться, ведь еще в 1924 г. один «латинист», представитель народа коми, призывал к созданию «объединенного финно-угорского блока по вопросам общего культурно-исторического характера — блока, который может быть создан лишь благодаря тому, что все финно-угорские народы примут латиницу»⁹¹.

Движение за латинизацию возродилось в 1928 г. в печати коми. Главнаука, которая в то время рекламировала идею латинизации русской графики, ответила на это организацией лингвистической конференции коми, состоявшейся в июле 1929 г. Конференция приняла решение о переходе на латиницу совместно с русским народом и народами финно-угорской группы⁹². В начале 1930 г. Коми обком ВКП(б) одобрил переход на латиницу, а облисполком создал комиссию по латинизации⁹³. Одновременно вопрос о латинизации был поднят и в Удмуртии, где в 1928–1930 гг. по этому поводу шли споры в партии и печати, хотя ни одна из сторон так и не одержала решающую победу. В результате власти Коми и Удмуртии выступили с со-

⁹⁰ Сухотин А. К вопросам алфавитной... // Просвещение национальностей. 1930. № 4/5. С. 97.

⁹¹ Грен А. Указ. соч. С. 53.

⁹² Разманов И. Результаты работ Коми лингвистической конференции Главнауки // Коми му (Зырянский край), 1929. № 16/17. С. 38–45.

⁹³ Нечаев Ф. Н. Унификация коми и удмуртского. С. 15–16.

вместным обращением к центральным властям. В составе ВЦК НА был образован комитет, который, что неудивительно, в январе 1931 г. порекомендовал перейти на латиницу. В апреле Совет национальностей одобрил это решение, а правительство Удмуртии утвердило его в июне. В начале 1932 г. был разработан единый коми-удмуртский алфавит⁹⁴. Другие финно-угорские национальности двигались в этом направлении куда медленней. В декабре 1931 г. в Средне-Волжском крае был создан комитет по латинизации мордовского и чувашского языков⁹⁵. В 1932 г. ВЦК НА одобрил латинские алфавиты для двух основных мордовских языков и продолжал работать над чувашским и марийским вариантами⁹⁶. Кроме того, в 1932 г. литературные языки на основе латиницы были созданы для трех малочисленных финно-угорских народов, не имевших литературных языков, — вепсов, ижорцев и тверских карелов⁹⁷.

Таким образом, формально к 1932 г. все финно-угорские языки находились в процессе латинизации. А на практике реальный переход на латиницу осуществили лишь коми. В Удмуртии латинизация застопорилась. Переходу воспротивились несколько влиятельных партийных деятелей⁹⁸. Вероятно, они полагали, что русский у них в области был и останется преобладающим языком. Не оказывая латинизации открытого сопротивления, они тем не менее выдвинули против своих противников два серьезных обвинения. Во-первых, они обвинили нескольких местных «латинистов» в сочувствии панфинским настроениям⁹⁹. Это лишило «латинистов», которые были словно заговоренными, неуязвимости перед обвинениями в местном шовинизме. И эти обвинения были усугублены внутренними распрями внутри самого движения лингвистических реформ. Несколько сторонников Н. Я. Марра, который разработал свою собственную модель универсальной письменности, также основанную в основном на латинице, обвинили ВЦК НА в том, что он содействует лишь «семейной унификации», то есть унификации семей языков — тюркской, монгольской, яфетической (кавказской группы, теория которой

⁹⁴ Там же. С. 18–21. Гранде Б. Латинизация письма в Удмуртской АО. Миссионерские алфавиты // Революция и письменность. 1933. № 1. С. 59–62.

⁹⁵ Латинизация мордовского и чувашского алфавитов // Правда. 1931. 2 дек. С. 4.

⁹⁶ Хроника // Революция и письменность. 1932. № 1/2. С. 156–158, 165–166.

⁹⁷ Яковлев Н. Некоторые итоги латинизации и унификации алфавитов в СССР // Революция и письменность. 1930. № 4–5. С. 34.

⁹⁸ Гранде Б. Указ. соч. С. 59.

⁹⁹ Иванов Т. Об унификации удмуртского (вотского) алфавита // Культура и письменность Востока. 1931. № 7/8. С. 169–170; Нечаев Ф. Н. Унификация коми и удмуртского. С. 17.

была создана Марром), а затем финно-угорской¹⁰⁰. Эти яростные споры в сочетании с публичными пререканиями ослабили движение за латинизацию, нанеся ущерб его интернационалистской репутации¹⁰¹.

Второе и более опасное обвинение заключалось в том, что «латинисты» были настроены антирусски. «Антилатинисты» аргументировали это так: «А какая разница, кто создал наш алфавит? Ну и что с того, что он когда-то был создан миссионерами? Ведь сейчас-то он является орудием в руках пролетариата и служит цели советского строительства»¹⁰². Этим аргументом пользовались наряду с реанимированными утверждениями о том, что русский язык — это «язык Ленина, язык Октябрьской революции»¹⁰³. В 20-е гг. это был общераспространенный риторический оборот, и его возрождение в 1931–1932 гг. предвещало окончание культурной революции и резкую перемену в судьбах латинизации.

Своего высшего уровня латинизация достигла в 1932 г. Н. Ф. Яковлев представил статистические данные об общей численности языков, подвергавшихся латинизации ежегодно, вплоть до конца 1932 г. (см. таблицу 24). Так что в ноябре 1932 г., когда ВЦК НА передал на рассмотрение Совета национальностей свой отчет, составившийся дважды в год, Совет национальностей принял по нему в целом положительную резолюцию¹⁰⁴. Однако уже в феврале 1933 г. на первом пленуме научного совета ВЦК НА возникла совершенно новая идеологическая атмосфера; вопрос стоял уже не о том, сколько еще языков осталось латинизировать, а о том, не стоит ли прекратить латинизацию.

В программной речи, с которой на пленуме выступил Семен Диманштейн, не только осуждался пантюркизм («очень многие делегаты имеют пагубную, чисто националистическую пантюркистскую ориентацию»), но и объявлялось о новом отношении к русскому языку: «Остался ли русский язык для нерусских после революции тем же самым, каким он был до нее? Нет, не остался. Во-первых, на этом языке нерусские добровольно получают многое из того, что имеет большую ценность... Первоначально работы Ленина и Сталина и все основополагающие документы революции появились на русском... Кроме того,

¹⁰⁰ Гранде Б. К вопросу о новом коми-удмуртском алфавите // Просвещение национальностей. 1932. № 2–3. С. 67.

¹⁰¹ Трибуна // Революция и письменность. 1932. № 1–2. С. 87–95.

¹⁰² Гранде Б. Латинизация письма в Удмуртской АО. С. 60.

¹⁰³ Гранде Б. На фронте терминологического строительства // Просвещение национальностей. 1932. № 8/9. С. 88.

¹⁰⁴ Революция и письменность. 1933. № 1. С. 140–141.

теперь русский язык имеет совсем иное классовое содержание»¹⁰⁵. Такое отношение к русскому языку и русской культуре предвзоветило радикальный пересмотр принципов положительной деятельности.

Таблица 24. Латинизированные языки

Год	Количество
1922	2
1923	6
1925–1926	10
1926–1927	16
1928	28
1929	35
1930	39
1931	52
1932	66

(В конце 1932 г. в процессе латинизации находились еще семь языков.)

Источник: Революция и письменность. 1933. № 1. С. 140–141.

Как отмечалось в главе 4, культурная революция привела к усилению внедрения принципов положительной деятельности, и данный пример является еще одним доказательством этого. В соответствии с главным принципом положительной деятельности следовало перестать особо выделять русскую культуру и русские национальные интересы, чтобы не испугать недоверчивые народы и не вызвать ответного национализма. Стремление латинизировать русскую графику исходя из того, что по своей сути она является миссионерско-колониаторской, а также издание карт, на которых показывалось распространение кириллицы при царизме и ее сворачивание при советской власти, явились кульминацией враждебного отношения советского государства к традиционной русской культуре. Кроме того, империя положительной деятельности была основана на вненациональной природе Советского Союза и отказе от создания советской национальности. Интернационализм нашел свое отражение в кампании за латинизацию во время культурной революции, когда была предпринята попытка не только создать универсальную письменность для всего Советского Союза, но и экспортировать ее китайцам, корейцам и в конечном счете распространить по всему миру. И наконец,

¹⁰⁵ Диманштейн С. М. Принципы создания национальной терминологии // Письменность и революция. 1933. № 1. С. 31, 33–34.

в основе положительной деятельности лежал принцип этнической дивергенции, согласно которому ни одну этническую группу, какой бы маленькой она ни была, нельзя принуждать к ассимиляции, всем этническим группам должны быть предоставлены какие-либо формы национального устройства. Примером этой политики явилось увеличение численности национальных языков во время культурной революции.

Высказывания Диманштейна в феврале 1933 г. свидетельствовали не только об окончании латинизации, но и о существенном изменении в советской национальной политике. Причины этого резкого изменения идеологической атмосферы были связаны не с самой по себе латинизацией, но, скорее, явились следствием политического кризиса украинизации в декабре 1932 г. Это явление будет обсуждаться в главе 7. И тем не менее истоки этого нового отношения к русской национальности можно обнаружить, если хотя бы бегло проанализировать политику в отношении языков и связанный с ней террор на Украине и в Белоруссии.

Язык и террор на советском Западе

Латинизация почти исключительно ограничивалась советским Востоком. И все же один раз возникло предложение латинизировать русскую графику, а вопрос о латинизации белорусского и украинского языков поднимался дважды. Символический смысл латинизации на советском Западе был совершенно другим. Здесь элемент «культурно-революционного» начисто отсутствовал. Украинцы и белорусы не считались культурно отсталыми, и латинизация их языков не обсуждалась в контексте создания утопической модели единой универсальной письменности. Более того, вызывавший тревогу национальный вопрос здесь имел отношение не к широкому культурному движению (такому, например, как пантюркизм), он касался существования трансграничных национальных связей между советской Белоруссией и Украиной и белорусским и украинским населением Польши. Трансграничный национализм вовсе не обязательно был антисоветским. Как мы уже видели, применение Пьемонтского принципа означало использование трансграничных этнических связей для подрыва власти в сопредельных государствах, и прежде всего в Польше. Существуют «верноподданнический ирредентизм» и «предательский ирредентизм». В этом разделе будет рассказано о том, как проекты языковой реформы в Белоруссии и на Украине были истолкованы как «предательский ирредентизм». Так что и на сей раз схема,

которой следовали на советском Западе, отличалась от той, которая действовала на Востоке. На Востоке во время культурной революции ориентация на западную культуру и русофобия приветствовались. А на Западе это считалось предательством.

В 1926 г. Белоруссия, а в 1927 г. Украина провели международные конференции для обсуждения реформ соответственно белорусского и украинского языков¹⁰⁶. Это были западные аналоги состоявшегося в 1926 г. тюркологического съезда, за исключением того обстоятельства, что западные съезды затрагивали интересы не супранациональной группы, а одной-единственной национальности. Белорусская академическая конференция состоялась в ноябре 1926 г., и для участия в ней были приглашены белорусы из нескольких европейских стран. Конференция заложила основы орфографической реформы и предоставила Советам возможность заняться пропагандой своей национальной политики, однако при этом она вызвала скандал. Сразу же после ее завершения состоялось совещание членов Бюро Центрального Комитета Компартии Белоруссии, на котором организаторов конференции подвергли критике: зал для заседаний был декорирован исключительно в цветах национальной символики; ни одного советского флага вывешено не было; из вестибюля убрали портрет Ленина; белорусского националиста Алехновича приветствовали чересчур тепло; в своей программной речи нарком образования Балицкий обошел вниманием роль Компартии в создании белорусской национальной культуры. Письма с объяснениями и извинениями были посланы Сталину и в ЦК ВКП(б)¹⁰⁷.

В частности, возмущение членов Бюро ЦК Компартии Белоруссии вызвало то, что несколько делегатов, включая и видных коммунистов, предложили принять латиницу. Этот вопрос был поднят лидером белорусских национал-коммунистов Адамовичем. В поддержку его инициативы выступил кандидат в члены ЦК Компартии Белоруссии Жилунович, выдержки из его речи были опубликованы в местной прессе¹⁰⁸. Это предложение одобрил Игнатовский, официальный организатор конференции и член Бюро ЦК, с одной лишь оговоркой, что переход на латиницу в Белоруссии должен состояться одновременно с переходом других народов Советского Союза¹⁰⁹. И хотя это

¹⁰⁶ *Shevelov G. The Ukrainian Language in the first Half of the Twentieth Century (1900–1941): its State and Status. Cambridge, Mass., 1989. P. 131–140.*

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1693. Л. 57; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 468. Л. 14–17, 36–42.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 69–70.

¹⁰⁹ Там же. Оп. 33. Д. 468. Л. 170.

предложение вскоре было отвергнуто, создалось впечатление, будто Белоруссия приняла решение перейти на латиницу, и несколько иностранных белорусских газет сообщили об этом как о свершившемся факте¹¹⁰. Реагируя на этот скандал, Бюро ЦК Компартии Белоруссии приняло следующую резолюцию: «Постановка этого вопроса объективно отражает стремление части нашей интеллигенции ориентироваться на “независимость” и ориентироваться на Запад»¹¹¹. Таким образом, обсуждение на конференции в Минске политики латинизации было признано националистическим уклоном, хотя за восемь месяцев до этого на аналогичной международной конференции в Баку эта политика была поддержана почти единодушно и провозглашена единственной прогрессивной политикой.

Всеукраинская конференция по реформе правописания, проходившая в Харькове в мае–июне 1927 г., подобного скандала не вызвала. На ней, как и на белорусской конференции, так и не пришли к окончательному соглашению об орфографической реформе, но зато она заложила основы для реформы, которая была проведена позже и одобрена в сентябре 1928 г.¹¹² Вопрос о латинизации был поднят писателем и литературным деятелем Сергием (Сергеем) Пилипенко, однако заметной поддержки он не получил¹¹³. Более перспективным оказалось предложение организатора конференции Миколы Скрипника ввести две латинские буквы — «s» и «z» — для обозначения звуков «дз» и «дж». Однако и это предложение принято не было¹¹⁴. Реформой 1928 г. было введено галицийское «Г» для обозначения твердого «г». В целом реформа правописания на Украине представляла собой компромисс между двумя традициями — восточнукраинской и западноукраинской, а потому в результате литературный украинский стал слегка отличаться от русского¹¹⁵.

Эти две конференции, судя по всему, не привели к особым результатам, если не считать неприятного, но кратковременного скандала в Минске. Однако с наступлением культурной революции все изменилось. В 1929–1930 гг. языковая политика переплелась с шумными политическими чистками, происходившими в Белоруссии и на Украине. Во время состоявшегося на Украине показательного суда

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 70.

¹¹¹ Там же. Оп. 33. Д. 468. Л. 156–157.

¹¹² *Shevelov G.* Op. cit. P. 132.

¹¹³ *Хвиля А.* Викорінити, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // *Більшовик України.* 1933. № 7/8. С. 49; *Mace J.* *Communism and the Dilemmas of National Liberation.* Cambridge, Mass., 1983. P. 134.

¹¹⁴ *Хвиля А.* Указ. соч. С. 49.

¹¹⁵ *Shevelov G.* Op. cit. P. 132–134.

над членами Союза освобождения Украины (Спілки визволення України, СВУ) и проходивших в Белоруссии политических чисток, жертвами которых стали члены Союза освобождения Белоруссии (СВБ), мишенью стала сменовеховская интеллигенция, а видное место среди обвиняемых занимали лингвисты. В самом деле, ГПУ поместило белорусских лингвистов буквально в центр мнимого заговора СВБ. Утверждали, что в Научно-терминологической комиссии Комиссариата просвещения БССР была создана контрреволюционная организация, которая, как сообщалось, и организовала лингвистическую конференцию 1926 г. Ее участники ориентировались на Польшу и потому стремились «наводнить белорусский язык польскими словами, ввести латинскую графику и так далее». Основным опорным пунктом этой организации была якобы Белорусская академия наук, а «главная проблема состояла в том, что национал-демократы сами занялись выработкой белорусской терминологии. Для национал-демократов это имело не только научное, но и прежде всего политическое значение. Им нужно было выработать не просто обычную терминологию, но и такую терминологию, которая бы отгородила белорусскую культуру от всесоюзной культуры»¹¹⁶. Значение «лингвистической диверсии», как ее называли, раздули в статьях, написанных после того, как было объявлено о чистках¹¹⁷. И это станет общим правилом всех последующих национальных чисток. Язык в их риторике играл даже большую роль, чем в политике, приводившей к чисткам. Язык и террор были взаимосвязаны.

Аналогичная схема действовала и во время показательного процесса над украинской СВУ, проходившего в 1929–1930 гг. Как и в Белоруссии, главные дискуссии, которые привели к судам и чисткам, разворачивались вокруг литературной политики и контроля над ней со стороны Украинской академии наук¹¹⁸. Как и там, политика в сфере языка играла важную роль и на самом показательном процессе, но в данном случае подсудимых обвиняли в «терминологической диверсии», а не в попытках латинизации. В своем отчете о процессе Скрипник отмечал, что «множество старорежимных лингвистов теперь, во время процесса над СВУ, сидит на скамье подсудимых, поскольку стало известно, что они занимались вредительством в об-

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1968. Л. 2, 4, 26, 66.

¹¹⁷ Сянкевіч А. Барацьба з ухіламі у нацыянальным пiтаньні і нацрабце // Бiльшавік Беларусі. 1930. № 5. С. 12–15; А. В. Палiтычная сутнасць беларускага нацыянал-дэмакратызму. 1930. № 10/12. С. 40–53.

¹¹⁸ Luckyj G. Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917–1934. N. Y., 1956; Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років. Київ, 1993. С. 64–81.

ласти терминологии»¹¹⁹. И в некоторых статьях, появившихся после суда, это обвинение повторялось¹²⁰.

Таким образом, к 1930 г. в западных республиках установилась прочная и стабильная связь между проблемами языка и террором. Совершенно очевидно, что в первую очередь она должна была возникнуть на советском Западе, потому что именно там вопросы культурной гегемонии воспринимались особенно болезненно. Украинская и белорусская культуры были очень близки как к русской, так и к польской культурам. Следовательно, всякое заметное неприятие русской культуры воспринималось как движение навстречу польской культуре, а поскольку отношения между Советским Союзом и Польшей были враждебными, обвинение в этом быстро стало идеологическим. И если существовавшее на Востоке враждебное отношение к русской культуре воспринималось как враждебное отношение к царскому колониализму, то применительно к Западу оно воспринималось как нежелание подчиняться власти центра и опасная ориентация на сопредельный Запад. С небольшими видоизменениями это воспроизводило модель, описанную в главах 3 и 4, и в соответствии с которой антирусская кампания на Востоке получила одобрение, а стремления Украины удалиться от центра решительно пресекались. Как мы увидим ниже, обвинение в «предательском ирредентизме» возродится с началом кризиса политики украинизации в декабре 1932 г. и в ходе кампаний террора 1933 г. на Украине и в Белоруссии, когда языковые проблемы снова станут играть заметную роль в обвинениях, выдвигавшихся против украинских и белорусских националистов. Причины возникновения этих явлений и их влияние на политику коренизации будут рассматриваться в следующих двух главах.

119 *Скрипник М.* Контр-революційне шкідництво на культурному фронті // Червоний шлях. 1930. № 4. С. 142.

120 *Shevelov G.* Op. cit. P. 154–155.

Часть вторая

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ИМПЕРИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

6

ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМА, 1923–1930 годы

В первой части исследования был проведен анализ осуществления программы положительной деятельности, а теперь рассмотрим кризис политики коренизации. В этой главе будет показано, как во время нэпа в русле «жесткой линии» началась, а затем в период сталинского социалистического наступления усилилась критика коренизации. В главе 7 будет показано, каким образом конфликт между Украиной и РСФСР в конечном счете привел к тому, что в декабре 1932 г. во время кризиса хлебозаготовок победила «жесткая линия» и Политбюро приняло два постановления по Украине. Эти постановления положили начало коренному пересмотру принципов, лежащих в основе империи положительной деятельности.

В апреле 1925 г. Каганович, приехав на Украину, попытался добиться признания украинизации фундаментальной большевистской политикой, которая должна проводиться в русле «жесткой линии». Как мы уже видели, ему удалось достичь немалых успехов. А потом украинизации, проводившейся в русле «жесткой линии», был нанесен удар. Удар ей нанесла централизация, которая усилилась в связи с началом социалистического наступления. Однако это не было концом украинизации. От нее и не думали отказываться. Ее даже не критиковали. Просто был подорван ее авторитет — ее теперь уже окончательно стали считать второстепенной политикой в русле «мягкой линии». Однако для того чтобы декабрьские постановления 1932 г. по Украине появились, этого было мало. Требовалось гораздо большее: не просто уверенность в том, что коренизация

является делом второстепенным или что иногда она препятствует выполнению главных большевистских проектов, требовалось убеждение, что коренизация существенно противоречит основным большевистским принципам.

И это убеждение постепенно укреплялось. Оно возникло в процессе политической борьбы, сопровождавшей коренизацию в национальных республиках. В ходе этой борьбы все большее число влиятельных большевиков приходили к убеждению, что на деле коренизация скорее усиливает национализм, чем препятствует его росту. И распространению этого представления содействовало сразу несколько факторов: во-первых, продолжавшаяся политика национальной идентификации; во-вторых, растущая озабоченность влиянием сменовеховцев в национальных республиках; в-третьих, тем, что трансграничные связи использовались скорее во вред Советскому Союзу, чем на пользу; в-четвертых, сохранение русского вопроса и, в-пятых, усиление централизации, которым сопровождалось социалистическое наступление.

«Дело Шумского»

Вкратце мы уже касались «дела Шумского» в главе 3. Оно внезапно возникло в начале 1926 г., когда Политбюро ЦК Компартии Украины обсуждало вопрос о том, как лучше продолжить украинизацию после чрезвычайно успешной кампании принудительной украинизации 1925 г., которая, однако, не была завершена. На заседании Политбюро, состоявшемся 19 марта, Каганович заявил, что партии не следует «принудительно украинизировать пролетариат». Такова была ортодоксальная политика партии, но Шумский, судя по всему, почувствовал, что выдвижение этого лозунга указывает на слабость его собственной позиции. И в результате 31 марта на втором заседании Политбюро, посвященном украинизации центральной газеты «Коммунист», органа ЦК, Шумский выступил с резкой критикой Кагановича и остальных членов Политбюро ЦК Компартии Украины, поставив им в вину медленные темпы украинизации¹. Шумский обвинил Кагановича в том, что тот сказал, будто партия не должна украинизировать пролетариат, но при этом Шумский упустил ключевое слово «принудительно». Другие члены Политбюро заступились за Кагановича, сказав, что ничего подобного он не говорил. Рассердившись, Шумский набросился

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Протокол 17, п. 3.

с критикой на все Политбюро, адресовав ему такую великолепную инвективу²:

«В партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием относящийся к коммунисту-украинцу; господствует, опираясь на презренный, шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципен, лицемерен, рабски дwoедушен и предательски подхалимен. Он сейчас щеголяет своим интернационализмом, бравирует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его (может, иногда по-украински), если это даст возможность выслужиться и получить теплое местечко».

Каганович, естественно, возразил Шумскому, а последний в свою очередь заявил, что он больше не может работать на Украине³.

Подоплекой этого случая были два важных факта. Во-первых, в 1909–1918 гг. Шумский был членом Украинской партии социалистов-революционеров, а в 1918 г. участвовал в создании Украинской коммунистической партии боротьбистов, названной по имени ее печатного органа, журнала «Боротьба» («Борьба»). Созданная на основе левого крыла Украинской партии социалистов-революционеров, она заключила тесный альянс с украинскими большевиками⁴. В марте 1920 г. под давлением большевиков боротьбисты ликвидировали свою партию, а наиболее влиятельные ее члены вступили в Коммунистическую партию Украины — КП(б)У. Ленин дал личное указание, чтобы Шумского включили в состав ЦК Компартии Украины. Шумский был типичным представителем многочисленных национал-коммунистов, которых большевики набирали из левых националистических партий, так же как Агамали-оглы, член левой азербайджанской партии «Гуммет». Такие люди зачастую становились специалистами по национальной политике. Шумский сначала выступал посредником в отношениях с Коммунистической партией Западной Украины (КПЗУ), которая действовала в Польше, а потом стал наркомом просвещения Украины. На апрельском пленуме 1925 г. он произнес важ-

² Цит. по: *Гірчак Є.* Шумський і розкол в КПЗУ // *Більшовик України.* 1928. № 5. С. 39–40. Существовала стенограмма этого заседания, но она, по всей видимости, не сохранилась.

³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 129; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 738. Л. 14–16.

⁴ Все биографические детали взяты из «Справки о бывшем члене ЦК и Оргбюро ЦК КП(б)У Шумском Александре Яковлевиче». См.: ЦДАГОУ. Раскаталогизированный документ. Л. 1–9. О боротьбистах см.: *Maistrenko I.* *Borot'bism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism.* N. Y., 1954.

ную программную речь, на основании которой была принята «жесткая линия» в проведении украинизации.

Во-вторых, критику Шумского следует рассматривать в контексте яростной борьбы внутри коммунистической партии, которая велась во всех национальных республиках. Украинские национал-коммунисты уже избавились от Квиринга и Лебеда — да так, что это вызвало осуждение со стороны Политбюро⁵. Шумский, несомненно, надеялся, что то же самое можно будет сделать и с Кагановичем. Еще в октябре 1925 г. во время встречи, которую Сталин проводил в Москве с делегацией КПЗУ, Шумский намекнул, что Кагановича следовало бы заменить этническим украинцем. Сталин, как сообщали, согласился с тем, что это было бы желательно в принципе, но заметил, что с политической точки зрения это преждевременно⁶. И борьба между Шумским и Кагановичем продолжилась.

Тем не менее их конфликт не имел бы большого политического значения, если бы на встрече, состоявшейся 20 апреля, Шумский опять не обратился к Сталину с просьбой сместить Кагановича. Шумский предложил заменить его Чубарем, который был председателем Совнаркома УССР, а на его место назначить или Затонского, или Скрипника, или Григория Гринько. Все они были этническими украинцами, а Гринько некогда был попутчиком боротьбистов, хотя 30-е гг. он занимал пост наркома финансов СССР и его имя и фамилию писали и произносили только по-русски⁷. Вначале Сталин посоветовал проявить терпение.

А тем временем Каганович, проявив смекалку, написал Сталину письмо, в котором разъяснял суть своего конфликта с Шумским⁸. В первую очередь он преуменьшил значение этого дела, заявив, что хотя Шумский и утверждал, будто конфликт возник по поводу украинизации, в действительности у него «не было абсолютно никакого основания в реальной политике». На самом деле, писал Каганович, конфликт лишь отражал недовольство Шумского тем, что его не из-

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 497. Протокол 57, п. 32. В постановлении было сказано: «1. Не возражать против отзыва товарища Квиринга с Украины. 2. Заявить ЦК КП(б)У, что ему следовало бы посоветоваться с ЦК РКП до того, как они приняли решение об отзыве Квиринга с Украины...»

⁶ «Справка...», 6–7. Кроме того, см.: *Шановал Ю. І. Україна 20–50-х років. Сторінки ненаписаної історії*. Київ, 1994. С. 21–22. *Radziejowski J. The Communist Party of Western Ukraine, 1919–1929*. Edmonton, 1983. P. 118, 126n.

⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 129–130, 176, 191; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 552. Л. 107.

⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 738. Л. 12–14. Письмо не датировано и потому не ясно, было оно написано до или после встречи Сталина с Шумским, состоявшейся 20 апреля.

брали в Политбюро ЦК Компартии Украины. Каганович небезосновательно заявил, что его скорее можно обвинить в чересчур активном содействии украинизации, чем в противодействии ей. И, завершив это безобидное вступление, Каганович ловко выдвинул два опасных обвинения. Во-первых, утверждал он, Шумский провел собрание бывших боротьбистов для объединения сил против Кагановича. Сталин должен был понять, что столкновение Кагановича и Шумского не межличностный конфликт, в нем проявилось желание украинских националистов создать политическую оппозицию. Во-вторых, к своему письму Каганович приложил шесть страниц с выдержками из только что опубликованных памфлетов украинского писателя Миколы Хвылевого, принадлежавшего к числу ярых национал-коммунистов, в которых тот утверждал, что украинская культура должна ориентироваться на Западную Европу, а не на Москву⁹. Каганович отметил, что Шумский защищал Хвылевого, и намекнул, что их последние действия свидетельствуют о «росте мелкобуржуазного шовинизма». В конце своего письма Каганович написал, что ему было бы интересно узнать, «какое значение вы, товарищ Сталин, придадите писаниям [Хвылевого]», и попросил Сталина «написать небольшое письмо со своими соображениями по поводу этого казуса».

И Сталин схватил наживку Кагановича. Своим письмом от 26 апреля, адресованным Кагановичу и ЦК Компартии Украины, он обострил ситуацию. Сталин отметил, что у Шумского «есть некоторые верные мысли»: движение за украинскую культуру растет; партия должна им овладеть, потому что в противном случае она потеряет свое влияние и отдаст это движение на откуп враждебных сил, и потому царящий в партии «дух иронии и скептицизма в вопросе об украинской культуре» необходимо преодолеть. Сталин также отметил «по крайней мере, две серьезные ошибки»¹⁰:

«Во-первых, [Шумский] смешивает украинизацию наших партийного и иных аппаратов с украинизацией пролетариата. Можно и нужно украинизировать, соблюдая при этом известный темп, наши партийный, государственный и иные аппараты. Но нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя заставить русские рабочие *массы* отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей.

⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 738. Л. 17–22.

¹⁰ *Сталин И.* Из письма тов. Кагановичу и другим членам ЦК КП(б)У // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 172–173.

Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета. Несомненно, что состав украинского пролетариата будет меняться по мере промышленного развития Украины, по мере притока в промышленность из окрестных деревень украинских рабочих. Несомненно, что состав украинского пролетариата будет украинизироваться, так же как состав пролетариата, скажем, в Латвии и Венгрии, имевший одно время немецкий характер, стал потом латышизироваться и мадьяризироваться. Но это процесс длительный, стихийный, естественный. Пытаться заменить этот стихийный процесс насильственной украинизацией пролетариата сверху — значит проводить утопическую и вредную политику, способную вызвать в неукраинских слоях пролетариата на Украине антиукраинский шовинизм».

Высказав все эти суждения — как позитивные, так и негативные — Сталин поддержал существующий курс на украинизацию.

Сталина чрезвычайно возмутили выдержки из памфлетов, присланные ему Кагановичем, он осудил Шумского за то, что тот защищал Хвылевого¹¹. Хвылевой был одним из самых популярных и вызывавших восхищение молодых и талантливых украинских писателей-большевиков. В апреле 1925 г. он опубликовал провокационный памфлет с критикой украинской литературной организации «Плуг», ставившей перед собой цель создать массовое объединение крестьянских писателей, своего рода сельский Пролеткульт. Эта статья Хвылевого положила начало дискуссии по поводу украинской литературы, длившейся с 1925 по 1928 г.¹² Хвылевой в общих чертах дал «объяснение двум психологическим категориям — “Европа” и “Просвита”»¹³. «Просвита» (от укр. «Просвіта», то есть «Просвещение») — дореволюционная организация, целью которой было улучшение культурного и материального положения украинского крестьянства. Однако для Хвылевого «Просвита» была синонимом традиционной украинской отсталости, провинциализма и культурного раболепия, выражением которых являются «приторные, популистские лозунги, замедляющие национальное развитие... рабская психология... психологическая категория подавляющего типа... наша

¹¹ Сталинская копия выдержек изобилует резкими подчеркиваниями в тексте и на полях. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 738. Л. 17–22.

¹² О литературной дискуссии см.: *Shkandrij M. Modernists, Marxists and the Nation*. Edmonton, 1992; *Luckyi G. Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917–1934*. Durham, N. C., 1990.

¹³ *Khvylovy M. The Cultural Renaissance in Ukraine*. Translated, edited and introduced by Myroslav Shkandrij. Edmonton, 1986. P. 41.

“Хохляндия”». Занимая левацкую позицию, близкую к позиции все-союзной организации «На посту», Хвылевой осудил «Плуг» как организацию, являющуюся носителем кулацкой идеологии, как «красную “Просвиту”». Сознательно противопоставив свои взгляды идеологии объединения «На посту», он выступал поборником стратегии литературной элиты, ориентирующейся на вечную «психологию Европы», так как, по его мнению, «классический тип гражданина был создан Западом»¹⁴. Статья Хвылевого была манифестом, призывавшим к тому, чтобы модернистская, городская, прозападная, высокая украинская культура заменила собой презренную, традиционную, деревенскую фольклорную.

Чем дальше продолжалась литературная дискуссия, тем смелее становился Хвылевой, он уточнил, в чем именно заключается традиционное украинское раболепие¹⁵:

«Поскольку наша литература может, наконец, пойти своим собственным путем развития, перед нами стоит такой вопрос: на какую из мировых литератур взять курс? *Во всяком случае, не на русскую.* Это окончательно и безоговорочно. Наш политический союз не следует смешивать с литературой. От русской литературы, от ее стиля украинская поэзия должна убегать как можно скорее... Дело в том, что русская литература тяготеет над нами веками как хозяин положения, приучивший психику к рабскому подражанию...».

Убежденный сторонник левых взглядов, Хвылевой настаивал, что преодолеть русскую культурную гегемонию сможет только полностью украинизированный пролетариат: «На повестке дня стоит немедленная дерусификация пролетариата... Мы требуем, чтобы власти серьезно отнеслись к украинизации пролетариата»¹⁶. И, наконец, в роковом апреле 1926 г. Хвылевой подверг традиционное «русское мессианство» более общей критике. Этому вопросу он посвятил свой памфлет под названием «Украина или Малороссия?» («Україна чи Малоросія?»). Он писал: «Нынешний центр всесоюзного мещанства — это Москва, в которой пролетарские заводы, Коминтерн и Всесоюзная коммунистическая партия — это словно оазис мирового масштаба»¹⁷.

¹⁴ Ibid. P. 125, 124, 185, 97, 116–121. Хохол — презрительное прозвище украинца, намекающее на его отсталость и провинциальность.

¹⁵ Ibid. P. 222.

¹⁶ Ibid. P. 215, 212.

¹⁷ Ibid. P. 228–229.

Намеренная провокация Хвылевого не могла не вызвать гнев Сталина¹⁸:

«Во-вторых... Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это [украинское культурное] движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против русской культуры и ее высшего достижения — ленинизма... [Я имею в виду] требования Хвылевого о “немедленной дерусификации пролетариата” на Украине, его мнение о том, что “от русской литературы, от ее стиля украинская поэзия должна убегать как можно скорее”, его заявление о том, что “идеи пролетариата нам известны и без московского искусства”... В то время как западноевропейские пролетарии полны симпатий к “Москве”, к этой цитадели международного революционного движения и ленинизма... Хвылевой не имеет сказать в пользу “Москвы” ничего другого, кроме как призвать украинских деятелей бежать от “Москвы” “как можно скорее” Шумский не понимает, что овладеть новым движением на Украине за украинскую культуру возможно лишь, борясь с крайностями Хвылевого в рядах коммунистов...».

Таким образом, сталинская критика была направлена и против Шумского, и против Кагановича и фокусировалась вокруг большого русского вопроса: Сталин боялся, что русские рабочие будут недовольны украинцами и насаждением украинской культуры, а украинская интеллигенция — насаждением русской культуры и в еще большей степени.

Тот вариант письма Сталина, который впервые был опубликован в 1934 г. и обильно цитировался в 1926 г., содержал только критику Шумского. Однако в неопубликованном варианте умеренной критики удостоился и Каганович: «Возможно, что у Кагановича есть некоторые недостатки в том смысле, что он слишком увлекся администрированием. Возможно, что организационный нажим и впрямь применялся товарищем Кагановичем»¹⁹. В неопубликованном варианте письма Сталин совершенно определенно поддержал Шумского и украинизацию²⁰:

¹⁸ Сталин В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 173.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 4–5.

«Вывод такой: мы не должны преследовать бывших боротьбистов за их прошлое. Мы должны забыть, что когда-то они согрешили: у нас нет ни одного, кто был бы без греха. Мы должны привлекать их к партийной работе и на местном, и на центральном уровне, безусловно и непременно. Мы должны подключить товарища Шумского к руководящей партийной работе. Мы должны активно готовить новые кадры из украинцев. Мы должны уделить особое внимание школам, украинской молодежи в школах, набирая самых способных людей. Мы должны серьезно работать, чтобы овладеть новым движением на Украине, в то же время борясь с крайностями таких товарищей, как товарищ Хвылевой».

Сталин в своем письме поддержал и Кагановича, но небезоговорочно.

Заседание Политбюро ЦК Компартии Украины было созвано для обсуждения будущих планов украинизации и развивающегося «дела Шумского». Шумский, как всегда, вел себя дерзко. Он вновь критически высказался о Кагановиче и украинизации и, несмотря на вмешательство Сталина, выступил в защиту Хвылевого как «талантливый писатель» и «крупного деятеля нашей партии». И наконец, он выступил в защиту своей боротьбистской деятельности в партии боротьбистов в 1917–1920 гг., сделав заявление, которое особенно возмутило Политбюро: «Моя [революционная] работа началась в Октябре, и с тех пор я не отступил от нее ни на йоту»²¹. Гринько, хоть он и дистанцировался от Шумского, тоже возмутил слушателей, объявив Кагановича «временной фигурой... [человеком, который не был] глубоко и органично связан с Украиной», что намекало и на еврейское происхождение Кагановича, и на то, что его революционная деятельность протекала за пределами Украины²².

А Каганович повел себя по отношению к своим слушателям гораздо более почтительно. Он изобразил себя человеком твердым, но скромным, сделал упор на необходимости коллективного руководства и подчеркнул значимость Украины²³:

«До какой степени я подхожу — мне это сказать трудно. И я должен признать, что невозможно не совершать ошибок, работая в столь многочисленной организации, как партия Украины... Только попробуйте найти такого героя — Кагановича или не Кагановича, — дайте ему попробовать поработать в такой высоко

²¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 4–5, 119, 121–125, 176–177, 191.

²² Там же. Л. 184.

²³ Там же. Л. 198–200.

квалифицированной организации, как [украинское] Политбюро, дайте ему попытаться управлять вместе с такими крупными политическими деятелями, как Влас Яковлевич [Чубарь] и товарищ Петровский. У нас в Политбюро нет иерархии. Разумеется, там могли быть конкретные ошибки. Но разве мы не смертные? Смертные. Могло ли случиться так, чтобы я сказал Григорию Ивановичу [Петровскому] что-нибудь неделикатное? Могло. Что касается политических навыков и умения руководить, то я согласен с тем, что на Украине нельзя быть просто организатором. Здесь требуются еще и политики. Это не простой губком или область, как Урал».

Он сожалел о конфликте с Шумским и настаивал на том, что может с ним работать. Поведение Кагановича оказалось правильным. В письме к Сталину Политбюро единодушно расхваливало Кагановича, а обвинение в деспотизме, которое Шумский бросил Кагановичу, было названо «абсолютно безосновательным: оно вызывает у нас чувство негодования»²⁴. Эта единодушная поддержка со стороны коллег позволила Кагановичу навязать Шумскому свои условия борьбы. Шумский боролся почти год, в течение которого от него неоднократно требовали признавать свои ошибки (что он делал с большой неохотой и без убежденности), и в конце концов его сослали в Саратов. Позже он переехал в Ленинград, где в 1933 г. был арестован как руководитель вымышленной контрреволюционной украинской националистической группы²⁵.

Несмотря на вмешательство Сталина, «дело Шумского» имело бы лишь ограниченное политическое значение, если бы оно не пересеклось с интересами Советского Союза в Польше. Советское руководство разрешило создать независимую Коммунистическую партию Западной Украины (КПЗУ), чтобы воспользоваться недовольством украинского населения Польши. Этой стратегии был нанесен сильный удар на проходившем в 1927 г. февральско-мартовском пленуме ЦК КП(б)У, специально созванном для того, чтобы официально по-

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 4. Л. 1–7. Каганович добавил постскрипtum, в котором заявлялось о его «совместной дружеской работе» с Политбюро и, в частности, о тесном сотрудничестве с Григорием Ивановичем и Власом Яковлевичем.

²⁵ О признаниях Шумского см.: Будівництво радянської України. Т. I. Харків, 1928; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 4. Л. 9–13; Оп. 33. Д. 552. Л. 107–111; Ф. 85. Оп. 27. Д. 91. Л. 3–14; ЦДАГОУ. Ф. 17. Оп. 20. Д. 2247. Л. 95–114. О его переводе в Саратов см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 306. Протокол 126, п. 38; о его дальнейшей судьбе см.: Шаповал Ю. І. Людні і система. Штрихи до портрету тоталітарної доби в Україні. Київ, 1994. С. 134–151. Гринько перевели в Москву, где он вполне преуспел и впоследствии поднялся до должности наркома финансов СССР.

ложить конец «делу Шумского»: официальный представитель КПЗУ Карл Максимович демонстративно встал на его защиту. Максимович заявил о своей безоговорочной поддержке политики КП(б)У по национальному вопросу, однако добавил, что не согласен с осуждением Шумского из-за такого незначительного разногласия во мнениях. Он отметил прежние заслуги Шумского перед КПЗУ и сказал, что решение пленума плохо воспримут на Западной Украине. ЦК КП(б)У немедленно составил проект письма к руководству КПЗУ, в котором содержалось требование осудить позицию Максимовича. Это письмо и последующая резолюция КП(б)У, в которой осуждались замечания Максимовича, были КПЗУ отвергнуты. В течение следующих восьми месяцев Коминтерн пытался помешать отступничеству руководителей КПЗУ, но в результате у него так ничего и не получилось²⁶. В январе 1928 г. руководство КПЗУ большинством голосов приняло резолюцию, осуждавшую «бюрократическое искажение процесса украинизации... отрицание необходимости украинизировать городской пролетариат... устранение лучших украинских сил под предлогом национального уклона (Шумского, Гринько)»²⁷. И тогда Коминтерн был вынужден распустить весь Центральный комитет КПЗУ и сформировать совершенно новое руководство партии, что оказалось необычайно трудно. Оказавшееся в неловком положении руководство Коммунистической партии Украины обозлилось и объявило «шумскизм» и идеологически родственный ему «хвylieвизм» «теоретическим выражением украинского фашизма»²⁸.

Таким образом, за два года «дело Шумского» быстро переросло из типичной борьбы группировок, которая была характерна для нерусских республик, в международный скандал и закончилось разоблачением фашистского уклона в Коммунистической партии Украины. Как мы видели, эта затянувшаяся политическая битва оказала лишь кратковременное воздействие на осуществление украинизации. Однако в долгосрочной перспективе ее воздействие было существенным, поскольку под влиянием «дела Шумского» окончательно сложилась политика, направленная против коренизации, которая формировалась в русле «жесткой линии» в результате пересечения

²⁶ Radziejowski J. Op. cit. P. 108–169; Будівництво радянської України. Збірник. Випуск I. За ленінську національну політику. Харків, 1928; Національне питання на Україні та розлам в КПЗУ. Збірник статей і документів. Харків, 1928; Скрипник М. Джерело до причини розламу в КПЗУ. Харків, 1928; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 6. Л. 1–9; Д. 3. Л. 193, 196, 318, 327, 338; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Протоколи 1, п. 11; 4, п. 31. Л. 11–12; 9, п. 24.

²⁷ Radziejowski J. Op. cit. P. 154–155.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 15. Л. 3; Ф. 558. Оп. 11. Д. 738. Л. 28–80.

четырёх частично совпадающих проблем: национальной культуры, сменовеховства, реализации Пьемонтского принципа и, самое главное, положения на Украине русских и русской культуры. А поскольку эти проблемы Украиной не ограничивались и способствовали усилению озабоченности проведением коренизации во всем Советском Союзе, я подробно анализирую и каждую из этих четырех проблем, и их совокупное влияние на процесс коренизации.

Как мы видели в главе 5 при рассмотрении вопроса о латинизации письменностей в Советском Союзе, политика, направленная на поддержку национальных культур, была в высшей степени неоднозначной. С точки зрения центра, было бы идеально свести ее к поддержке национальной самоидентификации с помощью создания нескольких символов идентичности. Национальную культуру, по формулировке Сталина, следовало лишить национального «содержания». Однако советская политика требовала и создания национальных элит. Более того, одним из оправданий привлечения этих элит к руководству было то, что различные национальные культуры на данный момент существуют и потому требуют таких руководителей, которые в них разбираются. А это влекло за собой назначение всех умеренно революционных коренных жителей на важные руководящие должности в национальных республиках. А они, естественно, свою озабоченность формированием национальной культуры и идентичности приносили в коммунистическую партию. Например, Агамали-оглы и его азербайджанские сторонники из партии «Гуммет» привнесли в партию свою озабоченность «духовным обновлением» отсталого Востока. И этот лексикон раздражал большевиков. Аналогично и Шумский и его сторонники в партии, бывшие боротьбисты, принесли с собой особую украинскую одержимость украинской национальной культурой. А в результате в середине 1926 г. Коммунистическая партия Украины оказалась в невероятно затруднительном положении, вынужденная обсуждать на заседаниях Политбюро и пленумах партии такой тягостный вопрос: «Кого же именно можно считать истинным украинцем?».

Нападки Шумского на «презренный шкурнический тип малоросса» и раздражали, и воодушевляли членов Коммунистической партии Украины. Это стало главной темой на июньском пленуме 1926 г. Когда Затонский начал зачитывать статистические данные о том, сколько украинцев состояло в партии, один остряк выкрикнул: «А сколько в ней малороссов?». Присутствующие были убеждены, что их оскорбили, но не понимали, в чем именно заключалось оскорбление. Один русский из Донбасса, судя по всему, подумал, что оно относится к русским: «[Согласно Шумскому] все коммунисты — это русские

“малороссы”, вредные элементы, которые окружают ЦК, и многие товарищи говорят: “Нам придется бежать [в Россию]” А почему? Человек работает и работает, и вот вдруг его начинают дразнить малороссом». А другой выступавший, этнический украинец, саркастически заметил: «Меня уже спрашивали, кто я по национальности, и кто знает, кто я такой — украинец или малоросс?»²⁹. Каганович признал существование подобного недовольства и сосредоточился на этом вопросе для яростной атаки на Шумского³⁰:

«Мы уже разделили партию на русских, украинцев, евреев, а вот теперь еще говорят: “Малороссы” Какой политический смысл вкладывают здесь в это слово? Как нам следует его понимать? В самом деле, товарищи: разве это не является моральным и политическим террором против того или иного украинца? Разве это не является целенаправленной попыткой терроризировать украинскую молодежь и тех, кто мог бы и не согласиться с этими неправильными мнениями? И вот их-то именуют “малороссами”, добавляя и некоторые другие эпитеты».

Многие члены партии связали оскорбительные для большевиков высказывания Шумского с его боротьбистским прошлым. Боротьбистов в партии называли «бывшими», но тем же самым словом именовали и представителей дореволюционных привилегированных классов. К «бывшим» относились весьма неприязненно. Например, украинскому руководству пришлось оказать давление на рядовых коммунистов, чтобы они выбрали Гринько и Шумского в ЦК Компартии Украины³¹. Однако «бывших» ценили как специалистов по украинской культуре. В одном из первых исследований истории Коммунистической партии Украины даже доказывалось, что у нее были «двойные корни»: с одной стороны, большевистские, связанные с городской русской культурой, и, с другой, боротьбистские, связанные в сельской украинской культурой. Однако уже в конце 1925 г. эта схема была признана ошибочной³². Тем не менее оставалась в силе сама идея о том, что только «бывшие» были достаточно подготовлены для проведения национальной политики. Затонский, который как старый большевик и этнический украинец особенно этим возмущался, заметил, что, «с одной стороны, “бывшие” требуют сохранить

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 79, 93, 96.

³⁰ Там же. Л. 145.

³¹ Там же. Оп. 85. Д. 4. Л. 6.

³² *Равич-Черкасский М.* История Коммунистической партии (большевиков) Украины. Харьков, 1923. Л. 9; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1396. Протокол 98, п. 9.

за ними определенные должности на том основании, что только они могут надлежащим образом осуществлять национальную политику; а с другой стороны, [они жалуются], что их называют «бывшими»³³. Большинство украинских коммунистов полагало (и, вероятно, справедливо), что Шумский считает «бывших» истинными украинцами, а этнических украинцев, состоящих в партии большевиков, — малороссами.

Если даже этнические украинцы, состоявшие в партии большевиков, были слишком далеки от украинской культуры, чтобы проводить советскую национальную политику, то русские и евреи, естественно, были способны к этому еще меньше. Отзыв Гринько о Кагановиче как о «временной фигуре» и человеке, не имеющем «органической связи» с Украиной, разъяснил партийному большинству, представленному русскими и евреями, мнение о нем «бывших». А это указывало на существование существенного противоречия в национальной политике большевиков на Украине. Тотальная украинизация имела своей целью установить гегемонию украинской культуры, или, скорее, украинцев, поскольку культуру нужно было очистить от ее национального «содержания» и тем самым сделать доступной для всех живших на территории Украины. Однако советская положительная деятельность наделяла этнических украинцев особыми правами. Ради осуществления национальной политики они ставили в привилегированное положение «природных» украинцев, потому что они знали украинскую культуру, хотя ту украинскую культуру, которую они знали, нужно было и очистить от ее национального «содержания». Многие влиятельные украинцы, включая Чубаря, испытывали неловкость из-за того внимания, которое уделялось «чистокровным» украинцам³⁴. Июньский пленум 1926 г. защитил Кагановича, осудив мнение, что «все члены партии, а особенно неукраинцы, не имеют органической связи с Украиной, если они работали на Украине до и после революции, но какое-то время после Октября вели свою коммунистическую работу за пределами Украины»³⁵. Многим хотелось бы пойти дальше и лишить этнических украинцев каких бы то ни было преимуществ.

Однако Сталин твердо стоял на своем. В своем письме Кагановичу он заявил, что «прав Шумский, утверждая, что руководящая верхушка на Украине должна стать украинской». А поскольку приведенный им перечень видных украинцев не включал Кагановича, то

³³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 102. Л. 161.

³⁴ Там же. Оп. 6. Д. 102. Л. 89.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 552. Л. 7.

он, безусловно, имел в виду этнических украинцев³⁶. Более того, в тот самый день, когда Сталин написал Кагановичу, он посетил заседание Оргбюро, что делал крайне редко. Это заседание было посвящено деятельности Башкирского обкома. Сталин внес только одно предложение: «А не могли бы мы, скажем, подыскать башкира на должность второго секретаря — разве это не было бы хорошо?»³⁷. Удивительно, но партийный руководитель Башкирии, первый секретарь Башкирского обкома Разумов, с этим предложением не согласился, сославшись на многочисленность татарского и русского населения республики. Сталин — и теперь уже несколько раздраженно — продолжал настаивать на своем предложении³⁸:

«Я вас спрашиваю: кто в Башкирии председатель Совнаркома? Башкир. Председатель ЦИКа? Башкир или татарин? Башкир. А почему не татарин? Почему по советской линии, которая взаимодействует со всем населением, которая взаимодействует с партией, — почему по советской линии вы соглашаетесь с тем, чтобы башкир был председателем Совнаркома, председателем ЦИКа?.. Язык башкирский отличается от татарского значительно меньше, чем язык хозяйственников от языка профессионалистов. (Смех.) Я предлагаю, чтобы мы решили этот вопрос. Мы можем выдвинуть башкира, татары не оскорбятся. Председатели Совнаркома и ЦИКа — башкиры, но татары не обижаются, они к этому привыкли. Вам нужен помощник, имеющий связи с партийными массами башкир и татар, который может помочь вам в работе. Так почему же вы этого не хотите?».

Шутка Сталина по поводу сходства башкирского и татарского языков ясно указывала, что Сталин хотел избрания башкира исключительно потому, что он был башкиром. Сталин заявил о своей позиции вполне определенно. 26 апреля 1926 г. он дважды выступил в защиту положительной деятельности, которую следовало предпринять в отношении высших должностей в партийном руководстве национальных республик.

Я уже несколько раз указывал на то, что коренизация была стратегией глубоко психологической. Сталин полагал (и современные теории национализма, как правило, подтверждают его мнение), что большинство высших должностей (хотя и не все) на своих национальных территориях должны занимать представители титульных

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 4. Л. 5.

³⁷ Там же. Оп. 113. Д. 190. Л. 56.

³⁸ Там же. Л. 62.

национальностей. Однако современные нации желают, как правило, не только чтобы ими правили соотечественники, но также чтобы их руководители принадлежали к данной национальной культуре и любили ее. Шумский заявлял, что «если руководители партии не засучат рукава, если не возьмутся за работу с любовью к этому делу [украинизации], то тогда без любви ничего не получится»³⁹. И это высказывание шокировало многих членов партии, став для них еще одним доказательством того, что Шумский по своей сути не является большевиком. Каганович с Шумским не согласился, он упрекал своих коллег⁴⁰:

«Все толкования, все намеки на то, будто украинизация — это просто своего рода уступка кому-то и будто мы проводим украинизацию в силу какой-то страшной необходимости, под давлением враждебных сил, — все это абсолютно неправильно... [Это играет на руку нашим врагам, которые говорят, что] большевики неискренни, что большевики лгут, когда они говорят об украинизации, что это уловка большевиков, что большевики делают это только для того, чтобы вас обмануть, что большевики проводят украинизацию, не желая ее, не веря в нее, не любя ее и так далее...».

Коренизация была вспомогательной стратегией, но, чтобы стать действенной, она должна была представляться целью, имеющей фундаментальное значение. Коренизация была направлена на то, чтобы свести национальную культуру к ее внешним признакам, и пока существовали люди, пламенно преданные национальной культуре, это можно было осуществить. Все эти противоречия свидетельствовали о том, что имеются более существенные вопросы: «А не могла ли коренизация превратиться из вспомогательной стратегии в фундаментальную цель? Не могла ли она укрепить любовь к национальным культурам?». И наконец, ключевой вопрос: «Обезвреживала ли коренизация национализм или, быть может, она его только усиливала?». Многие члены партии ответили бы на этот вопрос утвердительно, но Сталин, судя по его выступлениям 26 апреля 1926 г., был не из их числа.

Второй проблемой, тесно связанной с коренизацией, был рост влияния украинских сменовеховцев. Выражение «сменовеховство» произошло от названия русского националистического движения «Смена вех», возникшего в эмиграции, представители которого считали, что русским националистам следует прекратить борьбу с большевизмом и перейти к сотрудничеству с ними, поскольку с определенного

³⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 129.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 139.

времени большевизм служит русским национальным интересам⁴¹. А если так, то в результате советской национальной политики сменовеховство нерусских народов должно было стать явлением еще более масштабным. Из-за границы вернулось несколько десятков выдающихся украинских националистов, привлеченных большевистской программой украинизации⁴². Особую роль сыграло возвращение в Киев 7 марта 1924 г. старейшины украинских историков Михайлы (Михаила) Грушевского, который в 1917–1918 гг. был председателем Украинского правительства (Центральной рады) во время его конфликта с большевиками. Вернувшись в Киев, Грушевский стал руководителем историко-филологического отдела Всеукраинской академии наук. В 1926 г. с разрешения большевиков был отпразднован шумный юбилей в честь 60-летия со дня его рождения⁴³. Более того, Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось на предложение украинцев (и это тоже произошло в имевшем ключевое значение апреле 1926 г.) избрать Грушевского главой Всеукраинской академии наук, хотя в результате этого так и не произошло⁴⁴. Трудно себе представить, чтобы подобных почестей мог удостоиться Павел Милюков. А украинским сменовеховцам было позволено действовать с таким размахом по трем причинам. Во-первых, именно из их числа набирали специалистов по украинской культуре, в которых существовала большая потребность. Во-вторых, именно они помогли убедить украинскую интеллигенцию, что большевики относятся к украинизации со всей серьезностью. И наконец, как мы увидим далее, они были нужны большевикам для осуществления их внешнеполитических целей.

Между сменовеховцами и «бывшими» имелось очевидное сходство. И тех и других привлекала к большевикам проводимая ими национальная политика; и те и другие представляли интерес для большевиков потому, что они были ценными специалистами в области культуры. Однако большевики никогда не обольщались: сменовеховцы — представители буржуазии и поэтому настроены контрреволюционно. Сотрудничества с ними добивались исключительно из тактических соображений. От них отнюдь не ожидали, что они станут большевиками; их к этому даже не и не подталкивали. Как правило, они служили в учреждениях культуры и научных учреждениях или

⁴¹ *Hardeman H.* Coming to Terms with the Soviet Regime. The «Changing Signposts» Movement among Russian Emigrés in the Early 1920s. DeKalb, 1994.

⁴² *Шаповал Ю. І.* Людина і система. С. 108–128; *Пиріг Р.* Життя Михайла Грушевського: останнє десятиліття, 1924–1934. Київ, 1993.

⁴³ *Пиріг Р.* Указ. соч. С. 55–72.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 556. Протокол 20, п. 4; *Пиріг Р.* Указ. соч. С. 36–89.

в бюрократическом аппарате, хотя на советском Востоке они могли подняться и до влиятельных должностей в государственной администрации, но, как правило, не в партии. Большевики считали «бывших» (которых я называю национал-коммунистами, потому что в них сочеталась искренняя вера в национализм и коммунизм, и в их совместимость) попутчиками революции. Им было позволено вступать в партию, и они могли занимать в ней очень высокие руководящие должности. Ходжанов стал первым секретарем компартии Казахстана, а Саид-Галиев, Файзулла Ходжаев и Панас Любченко были председателями Совнаркомов в Татарстане, Узбекской ССР и на Украине соответственно. Но была и третья, небольшая, категория местных специалистов по национальному вопросу. Это старые большевики из числа коренных жителей, ставшие яркими приверженцами осуществления советской национальной политики. Самым видным из них был действовавший на Украине Микола Скрипник, но были и десятки других. И этих людей я тоже называю национал-коммунистами, потому что они разделяли веру в совместимость национализма и коммунизма. Взаимодействие национал-коммунистов и сменовеховцев впоследствии имело решающее значение.

Таким образом, сменовеховцев призывали служить украинизации, но в то же время они раздражали большевиков. Вот как однажды высказался Каганович: «У нас в Харькове и Киеве присутствует сразу несколько правительств. Например, Голубович спокойно разгуливает по улицам и совершенно свободно работает. Это все люди, которые не только прошли школу политической борьбы, но еще и служили в нескольких правительствах. Возьмите Грушевского, который легализовался в качестве сменовеховца»⁴⁵. Приехав на Украину, Каганович встретился с Грушевским и другими сменовеховцами и, обеспокоенный их самонадеянностью, создал секретную комиссию Политбюро по украинской интеллигенции и приказал ГПУ усилить бдительность⁴⁶.

Отчеты ГПУ были неутешительными. Например, распространенный в сентябре 1926 г. внутренний циркуляр ГПУ «Об украинском сепаратизме» представлял мрачную картину, изображавшую сменовеховскую интеллигенцию⁴⁷:

⁴⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 44. В январе 1918 г. Голубович был председателем кабинета первого независимого правительства Украины.

⁴⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 178.

⁴⁷ ЧК–ГПУ–НКВД в Україні. Київ, 1997. С. 256–257, 263–264. Об аналогичном сообщении ГПУ см.: Михайло Грушевський: справа «УНЦ» и останні роки (1931–1934). Київ, 1999. С. 139–157.

«Их надежды на свержение советской власти рухнули. Националисты были вынуждены принять советскую власть как неизбежный факт. А потому и была выработана новая тактика борьбы. Против советской власти предстояло использовать новое оружие “культурной работы” [Для содействия росту национализма] использовались все возможности. Украинизация используется для того, чтобы внедрить сторонников национальной идеи во все жизненно важные сферы государственного организма. Они создали Украинскую автокефальную церковь, которая является мощным оплотом национализма и отличным орудием агитации. Всеукраинская академия наук сплотила вокруг себя тесный круг видных деятелей бывшей Украинской народной республики. В общем, представители украинского национализма неустанно работают над тем, чтобы внедрить в массы националистические чувства...».

Не обошли они вниманием и членов партии:

«Шовинистские круги уделяют огромное внимание поэту Хвылевому, несмотря на тот факт, что он является членом КП(б)У. Шовинистическая иностранная пресса иногда перепечатывает его сочинения из наших журналов и пытается повлиять на него в националистическом духе. Внутренние шовинистические круги тоже интересуются молодыми писателями, в том числе и коммунистами. Авторитетный представитель харьковского правого крыла сказал следующее: “Мы можем поддержать Хвылевого. Мы должны распространить наше влияние на украинских коммунистов и вести нашу деятельность так, чтобы они не отходили от нас, но чтобы мы вместе с ними боролись за украинизацию, за Украину”».

В связи с этой последней цитатой встает ключевой вопрос: если украинизация могла использоваться большевиками, чтобы изменить ориентиры украинских националистов, заставив их ориентироваться на советскую Украину, то не могла ли она использоваться и сменовеховцами, чтобы изменить ориентиры украинских коммунистов, таких как Хвылевой и Шумский (и даже Скрипник), заставив их повернуться лицом к украинскому национализму? Не могли ли национал-коммунисты стать сменовеховцами?

Наиболее последовательно «жесткую линию» против коренизации проводило ГПУ. После «дела Шумского» аргументы этой организации стали казаться более убедительными. Анализируя «дело Шумского», Каганович согласился с тем, что украинизация способствовала борьбе с украинским национализмом. Он осудил украинский шовинизм, усилившийся в условиях нэпа, который, как

предсказывал Сталин, мог привести к росту и русского шовинизма, и шовинизма нерусских народов Советского Союза. Однако Каганович добавил, что сменовеховцы «перешли на нашу сторону, рассчитывая, что они смогут переориентировать нас». И вместо того чтобы их разоружить, на деле украинизация позволила им «быстро осмелеть»⁴⁸:

«Мы являемся свидетелями усиления двух параллельных процессов — процесса нашего роста, роста советской культуры и общества; и процесса роста враждебных сил, которые пытаются перехватить руководство этим процессом. И наша украинизация естественным образом содействует зарождению этих враждебных сил. Мы должны это видеть, мы должны это понимать. И всякий, кого это пугает, не понимает того, что мы должны были бы это предвидеть. Мы знаем, что это неизбежно связано с тем конфликтом, который мы сейчас имеем».

Согласно новой теории Кагановича, воздействие украинизации было двояким. Ее позитивным следствием было то, что она помогала партии управлять украинскими массами. А негативным — то, что она укрепляла сменовеховство как вне партии, так и внутри нее. Таким образом, украинизация уже больше не рассматривалась как однозначно позитивная политика; скорее она была опасной политикой, приносившей немалые прибыли, но в то же время требовавшей и значительных издержек. Таким образом, утвердилась «жесткая линия», направленная против коренизации.

Проблема национал-коммунистического уклона теснейшим образом переплеталась с внешнеполитическими проблемами, связанными с реализацией Пьемонтского принципа. Советский Союз пытался с помощью трансграничных этнических связей подорвать власть в сопредельных государствах. До 1923 г. в фокусе этой политики был Восток. Однако в июне 1923 г., после того как населенная украинским большинством Восточная Галиция была официально передана Польше, Сталин заявил, что Украина имеет такое же значение для Запада, какое Туркестан для Востока⁴⁹. В декабре 1924 г. Коминтерн принял резолюцию, требовавшую передать Украине все населенные украинским большинством территории Польши, Чехословакии и Румынии. Отдельные коммунистические партии были

⁴⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 102. Л. 45–46.

⁴⁹ Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. С. 261.

созданы для польских украинцев (КПЗУ) и для польских белорусов (КПЗБ). Одна из целей украинизации заключалась в том, чтобы сделать Украинскую ССР «центром притяжения для массы недовольных украинцев [в Польше]»⁵⁰.

Значение Украины в деле подрыва польского власти на Западной Украине было столь велико, что ей была предоставлена необыкновенная самостоятельность во внешнеполитических делах. Например, радиотелеграфное агентство Украины (РАТАУ) было единственным в республике телеграфным агентством, которому было предоставлено право освещать новости, приходящие из-за рубежа. В Политбюро ЦК Компартии Украины имелся постоянный комитет по иностранным делам. Украина добилась для себя права предоставлять советское гражданство украинским эмигрантам. И, что гораздо важнее, Украине позволили вторгнуться в компетенции Коминтерна, поскольку она контролировала деятельность КПЗУ, официальный представитель которой, Карл Максимович, был кандидатом в члены ЦК Компартии Украины⁵¹. Главные украинские специалисты по национальному вопросу — Шумский, Затонский и Скрипник — регулярно занимались внешними делами Украины и выступали с критикой коммунистических партий Чехословакии и Польши за пренебрежение украинскими делами. Ни одна другая республика не могла бы соперничать с Украиной, имевшей столь привилегированный внешнеполитический статус.

Уклон в руководстве КПЗУ, выступившем в защиту Шумского, стал сокрушительным ударом по внешнеполитическим амбициям Украины и создал большие проблемы для Коминтерна. И тем не менее этот поворот событий не вызвал бы у советских руководителей особой тревоги, если бы они не произошли в 1927 г., когда угроза войны достигла своего апогея. Государственный переворот, который в мае 1926 г. маршал Пилсудский совершил в Польше, вначале вызвал некоторое смятение, но вскоре был истолкован в качестве первого шага к неминуемому нападению мирового империализма на Советский Союз⁵². А широко разрекламированные внутривнутриполитические инициативы Пилсудского, имевшие своей целью улучшение отношений с украинским и белорусским населением Польши, взволновали совет-

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 166.

⁵¹ Там же. Оп. 60. Д. 847. Л. 38–39; Д. 888. Л. 1–6; Оп. 113. Д. 592. Л. 89–107; Оп. 3. Д. 683. Л. 23/16; Оп. 162. Д. 6. Л. 1/11, 4/31, 11–12; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 5, 6, 51, 23, 90, 99, 108–111, 160, 194.

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Протокол 27, п.1; 28, п. 79; 28, п. 1, 35; 29, п. 84; *Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley, Calif., 1994. P. 206–232.*

ское руководство еще больше. Они были восприняты в качестве попытки «обеспечить свои тылы в случае конфликта с СССР, а [Пилсудский] определенно ведет политику, нацеленную на такой конфликт»⁵³.

Уклон в КПЗУ был, естественно, истолкован в соответствии со сценарием военного конфликта. Про те западноукраинские слои общества, которые прежде благодаря политике украинизации относились к Советской Украине положительно (а это были заграничные сменовеховцы), стали говорить, будто теперь они «изменили свою позицию» и создали объединенный украинский националистический фронт, заключив тактический союз с Пилсудским. И это в значительной степени способствовало попыткам «международного и особенно английского империализма... и нынешнего польского фашизма... превратить Западную Украину в плацдарм для наступления на Советскую Украину»⁵⁴. В этом анализе была использована и излюбленная советская категория сменовеховства: «Перемена [ориентации] западноукраинской буржуазии... представляет собой решительный отказ от стремления ориентироваться на Советский Союз и от тех вариантов разрешения национального и в особенности украинского вопроса, которые были предложены советской властью»⁵⁵. В марте 1928 г. Каганович и Скрипник настояли на аналогичном объяснении «предательства» руководителей КПЗУ. Они были не просто замаскированными негодяями. Они искренне приняли большевизм. Однако, столкнувшись с новыми проявлениями классового гнета и инициативами Пилсудского в отношении украинцев, совершили предательство и вернулись на свои изначальные националистические позиции⁵⁶.

Провал политики сотрудничества с заграничными сменовеховцами означал отказ от попыток использовать Пьемонтский принцип не только в данное время, но и в будущем. Затонский с тревогой отмечал, что «благодаря ловкой политике Пилсудского» Западная Украина превращается в «Пьемонт для привлечения недовольных элементов на [Советской] Украине»⁵⁷. Иными словами, использование Пьемонтского принципа оборачивалось против Советского Союза. Каганович со всей ясностью заявил об этой тревожной перспективе в своей речи на мартовском пленуме 1928 г.⁵⁸:

⁵³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 3. Л. 133–134; *Radziejowski J.* Op. cit. P. 94–96; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 468. Л. 38об.–39.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 468. Л. 124.

⁵⁵ Там же. Л. 127.

⁵⁶ Будівництво радянської України... С. 231–239; *Скрипник. М.* Джерело до причини розламу в КПЗУ. С. 78–107.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 167.

⁵⁸ Будівництво радянської України... С. 235.

«В теперешней сложной международной обстановке империализм пытается использовать украинский национальный вопрос в своей борьбе против нас, поскольку украинский национальный вопрос приобретает теперь международное значение, а польская буржуазия в лице Пилсудского готовит нападение на Советский Союз и на Советскую Украину».

То, что украинизация могла привести некоторых национал-коммунистов на позиции украинского национализма, было существенной, но не роковой опасностью. Гораздо более опасным было то, что в атмосфере надвигающейся войны она могла привести к отступничеству зарубежной Коммунистической партии Украины.

И наконец, последним ключевым элементом в «деле Шумского» был чрезвычайно деликатный русский вопрос. Русский вопрос поднимался трижды в марте–апреле 1926 г. На заседании Политбюро ЦК КП(б) Украины Шумский не согласился с призывом Кагановича отказаться от принудительной украинизации русского пролетариата, за что был осужден Сталиным. В украинской печати Хвылевой призывал украинскую культуру бежать прочь от косной России и ориентироваться на цивилизованный Запад, что также вызвало критику со стороны Сталина. И, наконец, как об этом говорилось в главе 2, Юрий Ларин при поддержке Енукидзе открыто поднял «русский вопрос» на проходившей в апреле 1924 г. сессии ЦИК, где он обвинил Украину в подавлении русского меньшинства республики. Ларин сознательно нарушил это табу советской национальной политики, которая строилась на отрицании существования русского вопроса. Украина отнеслась к критике Ларина как к опасной провокации и чуть ли не как к призыву к погрому: «На Украине наших душат»⁵⁹. Сталин возражал и против публичного обсуждения русского вопроса, и (даже в большей степени) против всякой политики, которая вызывала недовольство русских.

С точки зрения нашего исследования важным аспектом русского вопроса представляется его переплетение с военной угрозой и уклоном в КПЗУ. В этом контексте призыв Хвылевого ориентироваться на цивилизованный Запад и бежать прочь от России выглядел как опасный призыв к украинскому сепаратизму. Пленум ЦК КП(б) Украины, воспроизводя лексикон Хвылевого, назвал целью КПЗУ и Пилсудского войну «за европейскую культуру [и] за союз Украи-

⁵⁹ *Хвиля А.* Про націоналістичні збочення Лебеда, Ваганяна, Зінов'єва і Ларина // Будівництво радянської України...; Національне питання на Україні та розлам в КПЗУ. С. 33.

ны с европейской культурой»⁶⁰. Семен Диманштейн, заведующий национальным сектором ЦК ВКП(б), будучи страстным защитником советской национальной политики, тем не менее выразил немалую озабоченность, выступая в 1927 г. на заседании комиссии по украинизации Оргбюро⁶¹:

«Мой первый вопрос заключается в том, чем объяснить существующее на Украине стойкое отчуждение от России? Не связано ли оно с украинизацией? Несомненно, так оно и есть. Если теперь на Украине русский язык имеет равный статус с украинским, если теперь деревня в общем и целом его знает, то теперь мы движемся в направлении той ситуации, при которой в ближайшие десять–пятнадцать лет подавляющее большинство украинцев не будет знать русского».

Он отметил, что работающие на Донбассе старые большевики теперь идут на «смычку» с РСФСР, но что «эта объединяющая смычка постепенно будет сходиться на нет». Кроме того, он обратил внимание на опасность иностранной интервенции: «Если бы существовала опасность отделения Украины, изоляции Украины, [то в таком случае ориентация на Запад была бы весьма кстати], однако теперь речи об этом не идет, и нам следует замедлить (а если необходимо — то и искусственно) быстрые темпы украинизации»⁶². В главе 5 мы уже говорили о критике усилий реформаторов белорусского и украинского языков, пытавшихся переориентировать их в сторону Запада.

Подводя итог, можно сказать, что в затянувшемся «деле Шумского» постепенно возникла «жесткая линия», направленная против коренизации. Крепло представление о том, что коренизация скорее усиливает национализм, чем противостоит ему. Коренизация побуждала национал-коммунистов предлагать партии и обществу националистические идеи, не связанные с большевизмом. В частности, Шумский был озабочен вопросом, кого можно считать истинным украинцем. Этому способствовала деятельность украинских сменовеховцев, идеи которых подталкивали видных украинских коммунистов (таких как Шумский и Хвылевой) к переходу на позиции украинского национализма. Кроме того, надежды с помощью украинизации привлечь симпатии населения Западной Украины к Советской Украине оказались иллюзорными, наоборот, западноукраин-

⁶⁰ Скрипник М. Джерело до причини розламу в КПЗУ. С. 127–128.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 144.

⁶² Там же. Л. 145–147.

ские националисты получили возможность оказывать на Советскую Украину все больше и больше влияния. И в конце концов сменовеховство приобрело антирусскую направленность, что привело к усилению украинского сепаратизма.

Национальность и левая оппозиция

А теперь я вкратце проанализирую политику коренизации на советском Востоке. И в данном случае имеются существенные различия между Востоком и Западом. «Жесткая линия», направленная против коренизации, могла возникнуть лишь на советском Западе, поскольку там угроза иностранного вторжения была очевидной. Кроме того, лишь на Западе национал-коммунизм был движением, достаточно сильным для того, чтобы оказать влияние на республиканских политиков. С другой стороны, между Востоком и Западом было, по сути, много общего. Как на Востоке, так и на Западе велась яростная внутривнутрипартийная борьба. И там и там роль сменовеховства была и весьма значительной, и противоречивой. Отличительной особенностью восточных политиков было их разделение на две соперничающие партийные группировки, которые назывались левыми и правыми. И потенциально это имело большое значение с точки зрения той борьбы, которую в годы нэпа вел Сталин с левой оппозицией в ВКП(б).

Раскол на левых и правых возник буквально в каждой республике советского Востока, но наиболее сильно он проявился в двух татарских республиках — в Крыму и Татарстане⁶³. И объяснялось это тем, что в этих республиках имелся наиболее значительный слой дореволюционной интеллигенции, одновременно и националистической, и левой, а ожесточенное соперничество между группами интеллигенции было перенесено и в большевистскую партию. В центре моего внимания будет Татарстан. Неоспоримым лидером правых в Татарстане до своего первого ареста в мае 1923 г. был Мирсаид Султан-Галиев⁶⁴. Другими выдающимися представителями правых были К. Г. Мухтаров, Мансуров, А. М. Енбаев и Сабиров. Лидеры татарских правых вышли из левого крыла дореволюционного националистического движения и приняли большевизм почти исключительно благодаря

⁶³ Согласно типологии, представленной в главе 2, в Татарстане возможность возникновения различных группировок внутри партии была наибольшей, в Казахстане — чуть меньше, а в Узбекистане — еще меньше.

⁶⁴ *Bennigsen A., Wimbush E. Muslim National Communism in the Soviet Union. Chicago, 1979; Султангалиев М. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992.*

тому, что власти пытались решить национальный вопрос: «Они питали надежду, что смогут примирить национализм с коммунизмом»⁶⁵. Иными словами, они были национальными сменовеховцами. На Украине сменовеховцы почти никогда не допускались на значительные государственные должности, и их деятельность была ограничена рамками научных учреждений. А на советском Востоке, где нехватка национальных кадров была особенно острой, сменовеховцы могли подняться до таких высоких должностей, как должность председателя республиканского Совнаркома. Как сторонники сменовеховства, татарские правые, естественно, выступали за коренизацию. С августа 1921 по февраль 1924 г. татарские правые держали под своим контролем правительство Татарстана, но не партию⁶⁶.

Руководство татарских левых состояло в основном из бывших социалистов-революционеров (эсэров). К ним присоединились и активные молодые татарские большевики, которые до революции в политическом движении не участвовали. В 1920–1921 гг. их лидером был умеренный левый — Сахиб-Гарей Саид-Галиев, председатель Совнаркома Татарской АССР. Более радикальные левые — такие как Г. К. Шамигулов, Сагидуллин и С. Атнагулов — полностью отрицали правомочность существования национальной культуры и требовали ликвидации Татарстана и других национальных республик. Они гордо называли себя «интернационалистами» и «бухаринцами», сознательно взяв за образец Бухарина, каким он был до 1923 г., когда вместе с Пятаковым отрицал существование надклассовой национальной культуры⁶⁷. Они резко критиковали татарских правых как тайных националистов, которые «сделали фетиш из национального вопроса в Татарстане» из-за «недоверия к российскому пролетариату»⁶⁸. Левые контролировали Татарское правительство с июня 1920 по июнь 1921 г., а потом снова — с февраля 1924 по октябрь 1925 г.

Таким образом, принадлежность к левым или правым всего лишь сигнализировала об отношении того или иного человека к коренизации. На Украине дела обстояли совсем не так. Хвелевой сознатель-

⁶⁵ *Рубинштейн Л.* В борьбе за ленинскую национальную политику. Казань, 1930. С. 4.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 525. Протоколы 81, п. 8; 91, п. 3; Оп. 84. Д. 742. Л. 5–10.

⁶⁷ *Султангалиев М.* Указ. соч. С. 329, 364–370, 433; Тайны национальной политики... С. 26–31, 35–36, 49; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 535. Л. 31–32.

⁶⁸ 7-я областная партийная конференция Татреспублики. Стенографический отчет. Казань, 1923. С. 168; Стенографический отчет совещания членов Татобкома и ОКК совместно с ответственными работниками по национальному вопросу // Татарстан. 1991. № 2. С. 50.

но именовал себя ультралевым и вызывающе восхищался Троцким; Шумский презирал Троцкого, и, когда встал вопрос, к какой категории уклонистов его отнести, Шумский был отнесен к правым⁶⁹. Аналогично в годы Гражданской войны силы, выступавшие против украинизации, были представлены и левой интернационалистской группировкой Пятакова в Киеве и ориентировавшимися на РСФСР правыми во главе с Квирином в Катеринославе (Екатеринославе). Этому имеется два объяснения. Во-первых, хотя национальный вопрос и имел для Украины огромное значение, для *коренных украинцев* он не стал настолько важным, чтобы расколоть всю партию. Во-вторых, наличие гораздо большей, чем на Украине, социальной дистанции между русскими и коренными национальностями советского Востока вело к тому, что левые среди представителей национальных меньшинств не могли объединиться с русскими, настроенными против коренизации, а существовали независимо или в неустойчивом союзе с ними.

На протяжении первых пяти лет существования Татарской республики шла открытая и непрерывная борьба между двумя сплоченными и дисциплинированными национальными группировками — татарской левой и правой. В 1923 г. на какое-то время локальный конфликт был перенесен на общесоюзную сцену. Султан-Галиев знал, что Ленин предложил Троцкому выступить с критикой Сталина на апрельском съезде Коммунистической партии 1923 г.: Троцкий должен был осудить позицию Сталина по национальному вопросу. И Султан-Галиев предложил Троцкому заключить союз против Сталина⁷⁰. Троцкий этим не заинтересовался, но это стало предупреждением для Сталина, который понял, что в будущем оппозиция сможет довольно легко манипулировать восточными республиками Советского Союза благодаря существующим там глубоким разногласиям. В апреле 1923 г. центр перехватил два написанных Султан-Галиевым конспиративных письма, в которых он сообщал, что у него имеются связи среди басмачей, и говорил о своей готовности использовать их для того, чтобы содействовать осуществлению своей программы. Располагая такими доказательствами, Сталин устроил и арест Султан-Галиева в мае 1923 г., и его официальное осуждение на состоявшемся в июне 1923 г. совещании ЦК РКП(б) по национальной политике. Левые восприняли это как знак, они решили, что пришло их время,

⁶⁹ *Khuylovu M.* Op. cit. P. 43, 59, 66, 130. *Гірчак Є. Ф.* Хвильовізм. (Спроба політичної характеристики.) Харків, 1930. С. 87; *Ловицкий Н.* Що таке шумськизм // *Більшовик України.* 1928. № 6. С. 64.

⁷⁰ *Султанбеков Б.* Введение // *Султангалиев М.* Статті, виступлення, документи. С. 14.

и на этом совещании набросились на правых⁷¹. Шамигулов злорадствовал, он напомнил, что левые еще «в 1918–1919 годах заявляли, что если ЦК будет ориентироваться на этих националистов с буржуазным происхождением (то есть на татарских правых. — Т. М.), то он совершит ошибку, и [правые] в конце концов начнут действовать против советской власти»⁷².

Однако Сталин не хотел отдавать правых (их было больше и они имели гораздо большую поддержку среди населения) в руки Троцкого или каким-либо другим оппозиционерам в будущем. Он многозначительно напомнил членам июньского совещания 1923 г., что он и сам не только покровительствовал Султан-Галиеву, но и защищал башкирского руководителя Ахмет-Заки Валидова, который впоследствии переметнулся к басмачам. Сталин защищал практику активного привлечения восточных сменовеховцев: «Интеллигентов, мыслящих людей, даже вообще грамотных в восточных республиках и областях так мало, что по пальцам можно пересчитать, как же после этого не дорожить ими?». Сталин осудил правых за то, что им так и не удалось стать «надежным заслоном против националистического движения... которое благодаря нэпу растет и укрепляется». Однако левых Сталин осудил еще более сурово: «Они не умеют и не хотят маневрировать в деле привлечения этих [лояльных национальных] элементов... Если они думают, что можно русские образцы механически пересаживать в специфическую национальную обстановку, не считаясь с бытом и конкретными условиями; если они думают, что, борясь с национализмом, надо вместе с тем выкинуть за борт все национальное... то... из двух опасностей “левая” опасность может оказаться наиболее опасной»⁷³. Эти слова в очередной раз продемонстрировали, что Сталин поддерживает коренизацию и считает возможным осуществлять ее с помощью сменовеховцев.

И в самом деле, в 1923–1926 гг. Сталин лично несколько раз выступал как в поддержку коренизации, так и против тех притеснений, которым на местах нередко подвергались сменовеховцы. За несколько месяцев до начала совещания по национальному вопросу Сталин инструктировал новых партийных руководителей Киргизии: «Невозможно управлять Киргизской республикой без киргизов. Вы должны обучать и переделывать тот человеческий материал, который

⁷¹ *Султанбеков Б. Введение // Султангалиев М. Статьи, выступления, документы. С. 327–331; Тайны национальной политики... С. 29–37, 280–281; Стенографический отчет совещания членов Татобкома... С. 49–52; № 3. С. 47–52; № 6. С. 38–45.*

⁷² *Тайны национальной политики... С. 35.*

⁷³ Там же. С. 81, 83, 84–85.

у вас есть. Людей, которые были бы лучше, не найти. А потому вы не имеете права объявлять войну существующей киргизской элите»⁷⁴. В августе 1924 г. Сталин написал руководству компартии Белоруссии следующую лаконичную записку, в которой он возражал против устранения белорусских сменовеховцев: «Мне стало известно, что Желукова, Балицкого и некоторых других этнических белорусов — заместителей наркомов — вычистили из партии. Считая этот шаг роковой ошибкой, я настоятельно требую, чтобы вы приняли меры для предотвращения этой ошибки. Подтвердите получение»⁷⁵. В январе 1925 г. Сталин защитил председателя Крымского ЦИК национал-коммуниста Вели Ибрагимова от притеснений со стороны секретаря Крымского обкома Шварца, послав в Крымский обком открытое письмо, в котором Шварцу было приказано работать с Ибрагимовым и в целом «придерживаться более гибкой и более уместной тактики в национальном вопросе»⁷⁶. И, наконец, в апреле 1926 г., за два месяца до начала «дела Шумского», Сталин написал руководителю Среднеазиатского бюро Зеленскому, еще раз громко выступив в защиту политики привлечения сменовеховской интеллигенции для осуществления коренизации⁷⁷:

«В культурной работе вам следует руководствоваться тем принципом, что даже и минимально лояльного узбекского интеллигента следует привлекать к государственной работе, а не прогонять его. Не следует смотреть на узбекскую некоммунистическую интеллигенцию как на однородную реакционную массу и угрожать ей масштабными арестами, как это делают некоторые товарищи. Вместо этого надо обращаться к ней и привлекать ее лучших представителей. А потому я и требую исполнять это на основании постановлений совещания по национальному вопросу, которые были приняты несколько лет назад и которые остаются обязательными и по сей день».

Недавно ставшие доступными архивные данные опровергают всякие утверждения о том, что поддержка, которую Сталин оказывал коренизации в годы нэпа, была весьма умеренной, либо она была фальшивой, ненастоящей. Наоборот, эта политика отождествлялась с личностью самого Сталина, и он неоднократно оказывал ей решительную поддержку.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 31. Л. 23. Киргизы, которые здесь упоминаются, на самом деле казахи.

⁷⁵ Там же. Д. 32. Л. 102.

⁷⁶ Там же. Д. 33. Л. 24.

⁷⁷ Там же. Д. 34. Л. 56.

В 1923–1928 гг. ЦК также предпринимал последовательные и настойчивые попытки свести к минимуму хронические разногласия по национальному вопросу, существовавшие в партийных организациях советского Востока, категорически отрицая, что эти разногласия имеют хоть какое-то идеологическое содержание. Эта новая политическая линия была сформулирована в июньском постановлении Оргбюро 1924 г., которое требовало от «Татарского обкома и особенно от его первого секретаря Морозова не разделять ответственных работников на “левых” и “правых”»⁷⁸. Этот же принцип применялся и по отношению к другим восточным республикам; этим же принципом руководствовался и Каганович при рассмотрении «дела Шумского». Однако, несмотря на все старания ликвидировать конфликт между левыми и правыми, Оргбюро было вынуждено множество раз вмешиваться в дела национальных республик, чтобы урегулировать споры, главными причинами которых были разногласия относительно того, как проводить коренизацию, существовавшие между представителями титульных национальностей⁷⁹.

Внутрипартийная борьба в национальных республиках была хронической, так как вызывавшая ее причина была структурной. Как правило, Сталин назначал представителей титульной национальности руководителями советских органов республики (то есть председателями Совнаркома, ЦИК и независимых республиканских комиссариатов), а первыми секретарями партии — представителей нетитульной нации (хотя далеко и не всегда русских)⁸⁰. Как Сталин объяснил это Шумскому приватно, а на собрании в июне 1923 г. публично, он делал это потому, что понимал: большинство представителей титульных наций если и не законченные сменовеховцы, то настолько привержены коренизации, что на них нельзя опереться в борьбе против «националистических тенденций»⁸¹. Эта задача возлагалась на первого секретаря партии, что ставило его в чрезвычайно трудное положение, потому что он был обязан наблюдать не только за проведением коренизации, но также за тем, чтобы она выполнялась не слишком быстро. А это неизбежно приводило к конфликту с правыми из числа представителей титульных национальностей, ко-

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 566. Л. 1/5.

⁷⁹ Там же. Д. 568. Л. 3/2; Оп. 113. Д. 171. Л. 13–15; Д. 268. Л. 94/2; Д. 725. Л. 117/1; Д. 756. Л. 138/1; Д. 656. Л. 63/2; Оп. 112. Д. 691. Л. 105/1. Сталин зачастую вмешивался таким же образом: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 33. Л. 106, 115; Д. 1103. Л. 153–154.

⁸⁰ Исключением из этого правила были опять-таки Грузия и Армения, где в годы правления Сталина представители титульной национальности возглавляли и партию, и правительство.

⁸¹ Тайны национальной политики... С. 83.

торые, как правило, занимали прочное положение в советских органах (даже и тогда, когда руководящие должности контролировались левыми), были отлично дисциплинированы и могли пустить в ход обширные личные связи против чужака — первого секретаря. Кроме того, они могли апеллировать и к своему особому статусу «ранее угнетавшихся национальностей», и к своей компетентности в деле разрешения проблем национальной политики.

Сталкиваясь с такими опасными врагами, первый секретарь, естественно, искал себе союзников среди представляющих национальное меньшинство левых — как для того, чтобы обеспечить себе защиту против обвинений в великодержавном шовинизме, так и для того, чтобы иметь под рукой ценный источник информации с мест. Так, например, в марте 1924 г. без разрешения ЦК первый секретарь компартии Татарстана Морозов объединился с татарскими левыми, чтобы сместить правое правительство Татарской республики. Они сознательно (и вполне успешно) проигнорировали резолюцию Политбюро, в которой им приказывалось не смещать правого Мухтарова с занимаемого им поста председателя Совнаркома Татарской АССР⁸². Таким образом, в 20-е гг. положение русского первого секретаря партии в национальной республике было в высшей степени трудным. Сталин высоко ценил таких управленцев, как Каганович, которые умели успешно проводить коренизацию и держать под контролем местных национал-коммунистов.

А большинству это не удавалось. Со времени образования Татарской республики в мае 1920 г. и вплоть до октября 1925 г. там сменилось шесть первых секретарей. В октябре 1925 г. состоялось заседание Оргбюро, на котором был подвергнут критике и смещен с должности последний из неудачливых назначенцев — Морозов, и новому первому секретарю вновь было поручено обеспечить сотрудничество между левыми и правыми (при этом Оргбюро проигнорировало свой же собственный запрет на эти термины) и проводить коренизацию надлежащими темпами. Один из присутствующих, И. М. Варейкис, имевший опыт работы в Средней Азии, возразил, что эта цель попросту недостижима⁸³:

«Что касается конфликтов группировок, то это абсурдно — требовать прекращения конфликтов группировок в Татарской республике. Надо не понимать условий работы в национальной

⁸² Стенографический отчет IX областной конференции Татарск. организации РКП(б). Казань, 1924. С. 10–18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 525. Протоколы 81, п. 8; 91, п. 3; Оп. 566. Протокол 1, п. 5.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 703. Протокол 115, п. 1. Л. 77.

республике, чтобы говорить, будто ЦК может разослать циркуляр под названием “О ликвидации конфликтов группировок” Там всегда будут происходить конфликты группировок. Каждый из нас, кто в свое время поработал в той или иной национальной республике, очень хорошо знает, насколько сильны эти конфликты группировок. Каждый из нас ставил перед собой задачу ликвидации этих конфликтов группировок, но на деле терпел поражение, потому что ликвидировать эти конфликты группировок целиком и полностью попросту невозможно».

К несчастью для Варейкиса, на сей раз присутствовал и другой человек, редко посещавший заседания Оргбюро, Сталин, который возразил⁸⁴:

«Товарищ Варейкис неправ, если он думает, что мы не можем принять резолюцию о преодолении групповых конфликтов. А почему бы и нет? Мы можем. Это неприемлемо, что существуют два лагеря, ведущих открытые битвы. Взаимодействия между областными организациями не было достигнуто, это факт. Товарища Морозова большинство нынешнего обкома всеми средствами использовало для того, чтобы разжечь страсти и изгнать меньшинство. Но давали ли мы на самом деле такую директиву? Нет, ЦК никогда не давал такой директивы. ЦК заявил, что пришло время преодолеть групповые конфликты и национализм... Товарищ Морозов не принял все меры для того, чтобы эти разногласия и групповые конфликты не переросли в битву между двумя лагерями».

Сталин подкрепил свои слова решением послать руководить Татарской республикой видного деятеля партии М. М. Хатаевича, председателя влиятельного отдела кадров ЦК⁸⁵.

Приехав в Татарскую республику, Хатаевич быстро решил, что примирение невозможно. Он, как и Морозов, полагал, что для восстановления порядка ему необходимо наказать тех, кто заражен татарским национализмом. А чтобы не казалось, будто он настроен антитатарски, Хатаевич одновременно приказал партии более активно проводить коренизацию, взяв для себя за образец Кагановича на Украине и Голощекина в Казахстане. Любое нарушение партийной дисциплины татарскими коммунистами он воспринимал как свидетельство национального конфликта группировок. И в результате вскоре он поссорился не только с татарскими правыми, но и со мно-

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 703. Протокол 115, п. 1. Л. 84.

⁸⁵ Там же. Оп. 3. Д. 524. Протокол 84, п. 29.

гими левыми, которых он изобретательно окрестил ультралевыми. Ультралевые, утверждал он, использовали интернационалистическую риторику, чтобы оказать противодействие централизму Москвы, «не замечая, что таким образом они иногда соскальзывают в настоящий национализм»⁸⁶. Через несколько месяцев после прибытия Хатаевича делегации татарских коммунистов направились в Москву, в надежде добиться его смещения⁸⁷. Даже этнические русские были обеспокоены «грубостью» Хатаевича и утверждали, что «ЦК наверняка будет вынужден вмешаться в татарские дела еще раз»⁸⁸. Присутствовавший на Татарской партийной конференции в декабре 1926 г. Станислав Косиор, тогдашний секретарь ЦК ВКП(б), подверг Хатаевича публичной критике за то, что он проигнорировал инструкции ЦК по поводу разделения коммунистов на левых и правых: «Понятия “левый” и “правый” товарищ Хатаевич пытался наполнить неким идеологическим содержанием, но это ему не удалось»⁸⁹.

Развернутую в Татарстане кампанию по смещению его с должности Хатаевич истолковал как доказательство наступления татарского национализма. На партийном совещании в июне 1926 г. он попытался оспорить нормативное положение советской национальной политики: «Хотя в СССР в целом наиболее опасен великодержавный шовинизм, но в Татарской республике одинаково опасны оба уклона. Сейчас здесь положение уже не такое, каким оно было до XII съезда. Происходит быстрый рост национальной буржуазии»⁹⁰. В декабре он утверждал, что местный шовинизм зачастую носит «наступательный характер», а русский шовинизм — «оборонительный характер»⁹¹. Выдвинутое Хатаевичем предложение пересмотреть положения национальной политики испугало многих татарских коммунистов, стали распространяться слухи, что планируется ликвидация Татарской республики. Судя по всему, была встревожена и Москва. Поэтому на Татарскую областную партийную конференцию в 1926 г. послали такого крупного деятеля, как Косиор, и он публично осудил политическое новшество, предложенное Хатаевичем⁹². Пожалуй, Хатаевич

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 60. Л. 33.

⁸⁷ 2-й пленум областного комитета ВКП(б) Татарской республики одиннадцатого созыва. Стенографический отчет. Казань, 1926. С. 18.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 180. Л. 1–5.

⁸⁹ Стенографический отчет заседания XII областной партийной конференции. Казань, 1927. С. 135.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 59.

⁹¹ Там же.

⁹² Стенографический отчет заседания XII областной партийной конференции. С. 99–100, 137.

неверно истолковал «дело Шумского» на Украине, восприняв его как сигнал для атаки на национал-коммунистов в других республиках. На самом же деле центр и не возбуждал, и не желал возбуждения «дела Шумского». Но, несмотря на сильное противодействие со стороны татар и отказ в поддержке со стороны Москвы, Хатаевич оставался на своем посту еще два с лишним бурных года. В конце концов разразилась «забастовка наркомов». Делегация в составе десяти наркомов и других высокопоставленных татарских деятелей, включая двух членов Бюро обкома, приехала в Москву, где ее принял Косиор, тогдашний секретарь ЦК ВКП(б). Делегаты обратились к Косиору с ходатайством о смещении Хатаевича. На сей раз Хатаевич спокойно согласился с переводом на другую работу, и в начале 1928 г. ЦК, едва не назначив первым секретарем Татарстана Николая Ежова, в конце концов определил на эту должность М. О. Разумова, которого перевели из Башкирии⁹³. На примере происходившего в Татарстане понятно, как было трудно руководить национальной республикой в 20-е гг.⁹⁴ Однако Хатаевич, несмотря ни на что, был талантливым советским политиком, и Сталин по-прежнему назначал его на должности, требовавшие деликатности. И только лишь когда «социалистическое наступление» позволило усилить применение принудительных мер и террора, первые секретари национальных республик стали постепенно превращать эти республики в свои вотчины⁹⁵.

Пример с Татарстаном показывает, насколько глубоким был раскол в партийных организациях восточных республик, и что оппозиция легко могла этим воспользоваться. Однако вплоть до лета 1927 г. ни одна из сменявших друг друга оппозиционных групп не интересовалась национальным вопросом⁹⁶. И этот промах можно объяснить тремя основными причинами. Во-первых, как утверждали во время проходивших в 1923 г. дискуссий по национальному вопросу сторонники Сталина, считавшие себя специалистами по националь-

⁹³ *Султанбеков Б.* Николай Ежов: палач и жертва // Татарстан. 1992. № 1. С.32.

⁹⁴ Как известно, Татарстан был особенно трудной республикой. Однако противоборствующие группировки существовали также в партийных организациях Крыма, Дагестана, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, в Марийской и Удмуртской областях. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 171. Протоколы 11, п. 1. Л. 103; 171, п. 1; Д. 314. Протокол 133, п. 1; Д. 644. Протокол 53, п. 1; Оп. 112. Д. 568. Протокол 3, п. 2; Оп. 113. Д. 268. Протокол 94, п. 2; Д. 725. Протокол 117, п. 1; Д. 756. Протокол 138, п. 1; Д. 656. Протокол 63, п. 2; Оп. 112. Д. 691. Протокол 105, п. 1.

⁹⁵ *Fairbanks C.* Clientelism and the Roots of Post-Soviet Disorder // *Transcaucasia, Nationalism and Social Change.* Ann Arbor, Mich., 1996. P. 341–376.

⁹⁶ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927: в 4 т. М., 1990.

ному вопросу, руководители оппозиции абсолютно не разбирались в национальной политике. Из заметок Троцкого о беседе с казахским коммунистом в марте 1927 г. видно, что он не знал о тех политических значимых проблемах, которые существовали в национальных регионах, и имел самое смутное представление о том, как они связаны с основными задачами оппозиции⁹⁷.

Во-вторых, члены левой оппозиции не разбирались в национальной политике, потому что она им была совершенно неинтересна. И это отражало мнение большинства русских членов партии, считавших, что национальная политика не имеет большого значения. Например, в 1927 г. первый секретарь Казахского крайкома партии Филипп Голощекин сообщал: «Когда я упомянул о [национальном] вопросе на нашей краевой конференции, один из сторонников оппозиции крикнул, что у нас есть и куда более важные вопросы [для обсуждения]»⁹⁸. В-третьих, многие оппозиционеры не просто не интересовались ленинской национальной политикой, они относились к ней откровенно враждебно. Это было продолжением твердого интернационализма Пятакова. Написанная в 1927 г. книга Ваганяна «О национальной культуре» развивала его идеи: в ней доказывалось, что партия должна способствовать созданию единой интернациональной культуры, а не отдельных национальных культур. Книга Ваганяна не была официальным документом оппозиции. Однако, поскольку представленные в ней аргументы отражали широко известные взгляды оппозиционеров и в мае 1927 г. Ваганян подписал составленную оппозицией «платформу 83-х», его книгу стали повсеместно считать манифестом оппозиции о национальной культуре⁹⁹. Как было сказано выше, если бы оппозиция решительно поддержала Ваганяна, она бы встретила сочувственный отклик в национальных регионах — как у русских, так и у представителей коренных национальностей, составлявших левую оппозицию. И в самом деле, в середине 1927 г. татарский левый С. Атнагулов развернул полемику в поддержку взглядов Ваганяна на национальную культуру¹⁰⁰.

⁹⁷ Национальные моменты политики в Казахстане // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР.. Т. 2. С. 197–199.

⁹⁸ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 174.

⁹⁹ Ваганян В. О национальной культуре. М.; Л., 1927; *он же*. Не согласен ни с одним из моих оппонентов. М., 1927; «Заявление 83-х» // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР.. Т. 3. С. 60–72.

¹⁰⁰ Стенографический отчет заседания XIII областной партийной конференции. 23–29 ноября 1927 г. Казань, 1927. С. 98–99; Султанбеков Б. Последний бой Галимджана Ибрагимова // Татарстан. 1995. № 7/8. С. 46–58.

Однако оппозиция так никогда и не смогла выработать последовательную позицию по национальному вопросу. 24 июня 1927 г. на совещании ЦКК Зиновьев обвинил Сталина в «колониализме» и нежелании надлежащим образом осуществлять ленинскую национальную политику. Однако помимо этого он утверждал, что «на Украине проводят такую “украинизацию”, которая явно противоречит нашей национальной политике. Это ужасно! Они поддерживают петлюровщину и не борются против истинного шовинизма»¹⁰¹. Письмо, которое Сталин написал в сентябре 1927 г., свидетельствует о его презрении к Зиновьеву и уверенности в том, что сам он достаточно разбирается в национальном вопросе: «Я жду с нетерпением, чтобы оппозиция рискнула заикнуться о принципиальной стороне национального вопроса в открытой полемике во время [XV] съезда партии. Боюсь, что она не рискнет, так как после неудачного зиновьевского выступления на пленуме ЦК и ЦКК оппозиция предпочла совершенно замолчать в своей недавней “платформе” вопрос о национальной культуре»¹⁰².

Сталин ошибался. Большой раздел о национальной политике оппозиция включила в текст своей окончательной платформы, представленной на рассмотрение ЦК в сентябре 1927 г. В нем заявлялось об отказе от твердого интернационализма Ваганяна и Пятакова, и (за исключением повторения критики украинского шовинизма) была предпринята попытка перещеголять самого Сталина с программой, которую можно назвать суперкоренизацией. Например, программа оппозиции включала проведение следующих мер¹⁰³:

- усиление темпов индустриализации промышленно отсталых окраин;
- пересмотр переселенческой политики в пользу нерусского населения;
- последовательная коренизация советского, а также партийного, профсоюзного и кооперативного аппаратов;
- решительная борьба с великорусским шовинизмом, особенно в центральных наркоматах и госаппарате;
- превращение Совета национальностей в орган, на деле отстаивающий национальные интересы;

¹⁰¹ Цит. по: *Хвиля А.* Про націоналістичні збочення Лебедя, Ваганяна, Зінов'єва і Ларина. С. 17.

¹⁰² *Сталин И. В.* Товарищу М. И. Ульяновой. Ответ товарищу Л. Михельсону // Соч. Т. 10. С. 151–152.

¹⁰³ Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б) // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР... Т. 4. С. 142–146.

– усиление внимания формированию кадров местного пролетариата и проведению профсоюзной работы на национальных языках;

– созыв V национального совещания ЦК на основе реального представительства «низов» титульных национальностей.

Эта программа была, безусловно, нацелена на завоевание поддержки правых в национальных регионах. Однако было уже поздно. Украинцев развеселило то, что они единственные удостоились критики, и они, злорадствуя, обозвали Зиновьева великодержавным шовинистом¹⁰⁴. На Востоке, где партийные разногласия по вопросам национальной политики были особенно глубокими, платформа оппозиции не получила почти никакого отклика. А в таких республиках, как Татарстан, Крым и Казахстан, где расхождения между левыми и правыми были особенно заметными, ни одна из сторон не проявила к оппозиции активного интереса. К левым относились с презрением, а правые припомнили, что такие оппозиционеры, как Пятаков, Ваганян, Преображенский, Крестинский и другие, выступали против коренизации. Они полагали, что оппозиция враждебно относится к национальному самовыражению, и считали ее платформу (возможно, вполне справедливо) лицемерной¹⁰⁵. Существенную поддержку оппозиции оказали лишь в Грузии, где к ней присоединились многие члены бывшего грузинского руководства, которые были обижены на Сталина и Орджоникидзе еще со времен «грузинского дела» 1922–1923 гг.¹⁰⁶

Таким образом, в определении окончательной судьбы левой оппозиции национальная политика не сыграла никакой роли. Однако ее запоздалое решение обратиться к национальному вопросу возымело свое влияние в другом: центр усилил внимание к левым и пра-

¹⁰⁴ Десятый з'їзд Комунистичної партії (більшовиків) України. 20–29 листопада 1927 р. Стенографічний звіт. Харків, 1928. С. 125; *Хвиля А.* Про націоналістичні збочення Лебеда, Ваганяна, Зінов'єва і Ларина. С. 13–41; XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)... С. 647–649; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2315. Л. 17–17об.

¹⁰⁵ Оппозиция и национальный вопрос. [Б. м.], 1927. С. 11; XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 150–152, 174–175, 1160.

¹⁰⁶ Оппозиция обещала ликвидировать ненавистную Закавказскую федерацию. См.: V съезд Коммунистической партии (б) Грузии. Стенографический отчет. Тифлис, 1927. Бюлл. 2. С. 46–53; Бюлл. 3. С. 26; Бюлл. 8. С. 17; Пятый съезд коммунистических организаций Закавказья. Стенограмма. Тбилиси, 1928. С. 22–23, 285–286; XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 225–226; XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 октября – 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 84. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР.. Т. 4. С. 142.

вым в национальных регионах, связав раскол в партийных организациях республик с политикой, проводимой центром. Несмотря на то что оппозиция предложила гипернационалистическую платформу, для рядовых партийцев левые по-прежнему ассоциировались с интернационалистическими установками Пятакова и Ваганяна. И об этом не следует забывать, потому что, когда в 1928 г. Сталин начал свою «революцию сверху», объявил правый уклон наиболее опасным и приступил к ликвидации нэпа, в партии широко распространилось мнение, что это означает победу левой оппозиции и в национальной политике. Ни Сталин, ни его ближайшие соратники не разделяли интернационалистическую позицию по национальному вопросу, которой придерживались Ваганян и Пятаков. Однако постепенно Сталин и его окружение все больше склонялись к тому, что «жесткая линия» должна быть направлена против коренизации. Это мнение окончательно оформилось в ходе «дела Шумского», когда стало ясно, что в реальности коренизация скорее усиливает национализм, чем ослабляет.

Социалистическое наступление и культурная революция

Социалистическое наступление, начавшееся в 1928 г., стало поворотным моментом в эволюции национального устройства Советского Союза. Я использую термин «социалистическое наступление» для обозначения периода с 1928 по 1932 г., а также совершавшегося в этот период необычайно стремительного переустройства советского общества, которое включало в себя ускоренную индустриализацию, ликвидацию частной торговли, коллективизацию сельского хозяйства, раскулачивание и существенное укрепление и централизацию диктатуры¹⁰⁷. Термин «культурная революция» я использую применительно к двум специфическим аспектам еще более масштабного социалистического наступления. Во-первых, применительно к разрушительному процессу «классовой борьбы», включавшей в себя государственный террор и мобилизацию активного большевистского пролетариата, которая была направлена против доселе терпимых «буржуазных элементов» и социальных институтов. И, во-вторых, применительно к созидательному, конструктивному процессу, включавшему в себя массу утопических проектов и экспериментов, нацеленных на создание нового социалистического образа жизни¹⁰⁸.

¹⁰⁷ См., напр.: *Davies R.W. The Socialist Offensive. The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930. Cambridge, Mass., 1980.*

¹⁰⁸ *Cultural Revolution in Russia, 1928–193. Bloomington, Ind., 1978.*

Культурную революцию можно представлять себе и как стратегию, и как настроение. Стратегия заключалась в том, чтобы мобилизовать активных большевиков на уничтожение дискредитированных категорий населения. А настроение было и воинственным, и утопичным: и то, и другое оказали влияние на общий ход социалистического наступления. В главах 4 и 5 я рассмотрел конструктивный аспект культурной революции применительно к советскому Востоку. А в этом разделе я сосредоточусь на анализе деструктивного аспекта культурной революции и в особенности кампании террора, проводившейся государством. Однако основное внимание я уделю воздействию социалистического наступления на осуществление коренизации и эволюцию империи положительной деятельности, которая была весьма масштабной.

В официальной сталинской истории партии большевиков — «Кратком курсе» — дано знаменитое определение социалистического наступления, которое представлено следующим образом: «Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена сверху, по инициативе государственной власти»¹⁰⁹. Следовательно, социалистическое наступление надо рассматривать как революцию сверху¹¹⁰. Баррингтон Мур и его ученики сравнили причины и последствия народных социальных революций снизу (Франция, Россия, Китай) и революций сверху (Германия, Япония, Турция), осуществленных под руководством элит¹¹¹. И хотя различия между ними очевидны, важно отметить и сходство между сталинской революцией сверху и подобными ей случаями «революций сверху». К числу последних относились, например, реставрация Мэйдзи в Японии и создание Ататюрком Турецкой республики¹¹². Обе эти «революции» произошли в странах, которые, как и СССР, ощущали себя социально и экономически отсталыми и нуждавшимися в ускоренной модернизации, чтобы догнать наиболее развитые западные страны. В обоих случаях потребность в ускоренной модернизации объясня-

¹⁰⁹ History of the Communist Party of the Soviet Union/Bolsheviks. Short Course. M., 1945. P. 305.

¹¹⁰ Иной подход см.: *Tucker R. Stalinism as Revolution from Above // Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N. Y., 1987. P. 72–107. Tucker R. Stalin in Power. N. Y., 1990.*

¹¹¹ *Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, Mass., 1966; Skocpol T. States and Social Revolutions. Cambridge, UK, 1979; Trimberger E. Revolution from Above. New Brunswick, N. J., 1978.*

¹¹² В дополнение к цитированной выше книге Тримбергер см.: *Walt S. Revolution and War. Ithaca, N. Y., 1996. P. 299–310; Lewis B. The Emergence of Modern Turkey. Oxford, 1968.*

лась военной угрозой независимости государства и даже его существованию. Модернизация подразумевала коренное преобразование социальной структуры страны, осуществляемое под руководством государства, и основной ее целью была форсированная индустриализация¹¹³. И наконец, в обоих случаях идеология революции была государственнической, а результатом — централизация политической, военной и экономической власти.

Но, разумеется, имелись и фундаментальные различия между социалистическим наступлением в СССР и «революциями» в этих странах. Идеология классической революции сверху является, как правило, не только государственнической, но и националистической, причем национальный идеал обычно представлен в виде некоего образца из прошлого, который следует возродить путем социального и культурного очищения пришедшего в упадок настоящего. Такой национализм выражает себя в государственническом патерналистском популизме, утверждающем единство народа и иерархию внутри него. При этом долг граждан заключается в том, чтобы приносить жертвы ради блага нации, которое, как правило, отождествляется с мощью централизованного государства. Государство, в свою очередь, обязательно заботиться о своих гражданах. Государство не мобилизует массы для осуществления социальных перемен, а, скорее, нейтрализует их. Кроме того, революционное государство постепенно обезоруживает и привлекает на свою сторону бывший правящий класс и не стремится быстро и бесчеловечно его уничтожить¹¹⁴.

Ни одну из этих характеристик невозможно применить к сталинскому социалистическому наступлению. Сталин стремился к быстрому и насильственному уничтожению классовых врагов, для чего ему и требовалось массовое народное участие. И, что важнее, для мобилизации населения вместо идеологии национализма Сталин использовал идеологию классовой борьбы. Такова была стратегия культурной революции. С другой стороны, перечисленные выше признаки классической «революции сверху» — государственный патернализм, демобилизация населения, единство народа и его покорность — точно характеризуют *результат* социалистического наступления. Таким образом, сталинская революция сверху (она называлась культурной революцией) отличалась от классических революций сверху скорее тактикой, чем конечной направленностью. Культурная революция

¹¹³ О концепции отсталости и стремлении к форсированному развитию в социалистических государствах см.: *Kornai J. The Socialist System. Princeton, N. J., 1992. P. 160–163.*

¹¹⁴ *Trimberger E. Op. cit. P. 13–39, 105–146.*

укрепляла империю положительной деятельности, хотя одновременно, как мы увидим, сталинская революция сверху подрывала некоторые ее принципы. Однако прежде чем сделать какие-то выводы относительно воздействия социалистического наступления на Империю положительной деятельности, я проанализирую настроения, существовавшие в начале культурной революции, для которых было характерно враждебное отношение к коренизации, а по сути — и к самому понятию «национальность».

Народное наступление на национальность

Наилучшей иллюстрацией отношения партийных масс к коренизации является первоначальная реакция на развертывание социалистического наступления, а также публичное осуждение правого уклона, состоявшееся в 1928 г. И вскоре прежде всего на Украине возникла следующая интерпретация социалистического наступления: во времена нэпа наибольшую опасность представлял левый уклон, проявлявший себя в великодержавном шовинизме Пятакова, Зиновьева и Ваганяна; а в период социалистического наступления наибольшую опасность представляет правый уклон. А следовательно, местный национализм, являющийся выражением правого уклона в национальных республиках, стал теперь более опасным, чем великодержавный шовинизм, отождествляющийся с левым уклоном¹¹⁵. А поскольку тезис о том, что великодержавный шовинизм представляет собой главную опасность, был основным принципом всей советской национальной политики, то это означало, что власти окончательно отказались от уступок местному национализму, на которые они шли во времена нэпа, точно так же, как они отказались от уступок крестьянству и буржуазной интеллигенции. Почувствовав, что появилась возможность реабилитировать свои прежние идеи, Дмитрий Лебедь опубликовал статью в журнале «Большевик» — главном теоретическом журнале партии. В этой статье он доказывал, что украинский национализм стал теперь более опасным, чем русский шовинизм¹¹⁶.

Станиславу Косиору, который был в это время генеральным секретарем компартии Украины, эта теория показалась настолько опас-

¹¹⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2921. Л. 1–62; *Скрипник М.* Національні перетинки. Теоретична і політична боротьба на терені національного питання в УСРР у сучасній момент реконструктивної доби // Національне питання. Т. II. Частина друга. Харків, 1931. С. 274–329; *Гірчак Є. Ф.* Національне питання та правий ухил. Харків, 1930; *Сенченко А.* Національні питання в період розгорнутого соціалістичного наступу на всьому фронті // *Більшовик України*. 1929. № 17. С. 47–61.

¹¹⁶ *Лебедь Д.* Внимание идеологическому фронту // *Большевик*. 1928. № 7. С. 79–87.

ной, что он счел необходимым подвергнуть ее критике на партийной конференции, состоявшейся в Киеве в декабре 1928 г.¹¹⁷:

«Несколько слов о том, как правый уклон проявляет себя в национальном вопросе здесь, на Украине. Некоторые товарищи, а особенно здесь среди вас, в Киеве, придерживаются той точки зрения, будто украинский шовинизм является правым уклоном, а великодержавный [шовинизм] является “левым”. Следовательно, на Украине правый уклон проявляет себя преимущественно в виде украинского шовинизма. Давайте расшифруем эту точку зрения: поскольку прежде всего мы должны направить наш огонь на правый уклон, то это означает, что прежде всего мы должны направить наш огонь на украинский шовинизм. Правильна ли эта точка зрения? Разумеется, нет. Оба шовинизма — и украинский, и великодержавный — обладают правым характером, оба толкают партию к враждебным элементам, оба противоречат правильной линии. Ни один из них не “лучше”; с обоими мы должны безжалостно бороться. Те, кто говорят, что борьба с русским великодержавным шовинизмом может быть ослаблена, глубоко заблуждаются. Это совсем не так».

Это стало обычной реакцией украинского руководства. В феврале 1929 г. эта теория была одобрена Сталиным во время его встречи с делегацией украинских писателей¹¹⁸. Речь Сталина не была опубликована, но поскольку она была обращена к беспартийным, то наверняка предполагалось, что его слова станут широко известны в кругах украинской интеллигенции, переходя из уст в уста.

Однако, несмотря на вмешательство властей, мнение о том, что украинский национализм представляет теперь главную опасность, по-прежнему высказывалось публично, что было еще одним свидетельством его силы. Украинский историк опубликовал статью в московском журнале (излюбленная стратегия, применяемая с целью избежать вмешательства украинских цензоров), доказывая, что великорусский шовинизм теперь уже не является важной проблемой на Украине¹¹⁹. Особую тревогу руководства вызвали два случая, которые произошли во время партийных собраний, организованных именно для того, чтобы ликвидировать это заблуждение. В январе

¹¹⁷ Гірчак Є. Ф. Національне питання та правий ухил. С. 3.

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 1–12.

¹¹⁹ Опубликовано в № 3 журнала «На літературному посту» («На литературном посту») за 1929 г. и процитировано в статье Скрипника «Національні перетинки» (Національне питання. Т. II. Частина друга. С. 284).

1929 г. состоялось специальное совещание Киевского окружкома, посвященное национальной политике. Во время этого совещания, прошедшего всего через несколько недель после выступления Косиора, некоторые докладчики снова стали намекать на то, что главной опасностью следует считать украинский национализм¹²⁰. А через четыре месяца, во время дискуссии о «правом уклоне и национальном вопросе», проводившейся в Украинском институте марксизма-ленинизма (УИМЛ), с аналогичными заявлениями выступили и некоторые аспиранты¹²¹. Последний инцидент особенно смутил руководство, потому что этот институт был создан для защиты чистоты партийного учения и имел кафедру для изучения национального вопроса, заведовал которой сам Скрипник. Тревожило еще и то, что молодые партийные активисты, судя по всему, были настроены против украинизации¹²².

На этот вызов украинское руководство дало решительный ответ. И главные специалисты по национальному вопросу, и ведущие политики опубликовали статьи или произнесли речи о «наступлении социализма по всему фронту» и национальной политике¹²³. Принятое в декабре 1929 г. постановление Харьковского окружкома, позже подтвержденное ЦК Компартии Украины, содержало резкую критику Института марксизма-ленинизма за то, что он допустил образование групп «большинства и меньшинства» в национальной политике¹²⁴. В постановлении говорилось, что великодержавный и украинский шовинизм не связаны ни с левыми, ни с правыми, они могут маскироваться фразеологией любого из этих уклонов. Во время социалистического наступления активизировались и левые и правые уклонисты, и потому следует бороться с обоими. Однако окончательно утихо-

¹²⁰ Сенченко А. Національні питання в період розгорнутого соціалістичного наступу на всьому фронті. С. 60–61; Скрипник М. До реконструкційних проблем. Харків, 1929. С. 29.

¹²¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2921; *он же*. Національні перетинки. С. 285–329.

¹²² Об этой проблеме см.: Доклад тов. Кагановича на VII всеукраїнському з'їзді ЛКСМ // Віст. 1928. 4 мая. С. 2; Скрипник М. Непремиренным шляхом. Харків, 1929. С. 82–85.

¹²³ Скрипник М. Непремиренным шляхом; *он же*. До реконструкційних проблем; *он же*. Національні перетинки; Затонський В. На фронтах національної культури або «Де той правий, а де лівий бік» // Вісті. 1929. 7 дек. С. 2–3; Попов Н. Национальная политика партии в период социалистической реконструкции // Правда. 1929. 31 окт. С. 2–3; речь Хвыли см.: Друга конференція КП(б) України. Стенографічний звіт. Харків, 1930. С. 109–110; Гірчак Є. Ф. Національне питання та правий ухил. Речь Косиора см.: XI з'їзд КП(б) України. Стенографічний звіт. Харків, 1930. С. 274–289; Постишев П. У боротьбу за ленінську національну політику. Харків, 1934. С. 53–77.

¹²⁴ Гірчак Є. Ф. Національне питання та правий ухил. С. 145–151.

мирились наиболее активные противники коренизации лишь после того, как в июне 1930 г. в дело публично вмешался Сталин.

Движение за пересмотр советской национальной политики на Украине отличалось тем, что борьба шла между украинским и русским шовинизмом. В других местах национализм противопоставлялся интернационализму, который считался целью культурной революции. Интернациональная культура противопоставлялась всем национальным, но прежде всего — русской. Мы уже видели, как борьба за интернациональную культуру проявилась в кампании за латинизацию. Другими ее проявлениями были движение в поддержку эсперанто и идей Марра о пластичности этничности¹²⁵. Интернационализм пропагандировался через национальную печать. В декабре 1928 г. газета «Заря Востока», орган Закавказского крайкома, опубликовала статью, открыто защищавшую эту позицию: «Для левых нация и национальная культура принадлежат прошлому. А для правых нация и национальная культура сохраняются и являются ближайшей истиной... Следовательно, центральной опасностью в национальных отношениях является теперь не “пятаковщина” или “ваганянщина”, а правый уклон — не недопонимание, но переоценка национального вопроса, зараженность националистической идеологией и забвение интернационализма»¹²⁶.

Подобные позиции разделял Семен Диманштейн, выступивший летом 1929 г. в Москве в Коммунистической академии с лекцией о социалистическом наступлении и национальной политике¹²⁷. Это стало крупным событием, потому что этот вопрос был спорным, а Диманштейн считался одним из ведущих советских специалистов в этой области. Его взгляды, как обычно, были крайне ортодоксальными, однако на сей раз он попытался предвосхитить перемену политического курса. Диманштейн противопоставил всесоюзную, интернациональную, городскую, пролетарскую культуру сельским национальным культурам и, отступив от общепринятых взглядов, заявил, что между ними существует противоречие¹²⁸:

«В настоящее время мы наблюдаем определенные противоречия в развитии национальной культуры. Применительно к вопросу о слиянии культур это противоречие заключается в том,

¹²⁵ *Smith M.* Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953. Berlin, 1998. С. 81–102.

¹²⁶ Цит. по: *Гірчак Є. Ф.* Національне питання та правий ухил. С. 48.

¹²⁷ *Диманштейн С. М.* Проблема национальной культуры и культурного строительства в национальных республиках // Вестник Коммунистической академии. 1929. № 31. С. 113–143.

¹²⁸ Там же. С. 121.

что, с одной стороны, мы предпринимаем огромные усилия по интернациональному воспитанию ради сплочения национальностей, укрепления их братства, но в то же самое время мы проводим и большую национальную работу, и, вопреки нашим желаниям, это отделяет одну нацию от другой, обособляет культуру одной нации от другой...».

Критики Диманштейна быстро обратили внимание на то, что, согласно ортодоксальной политике партии, две политические линии дополняли друг друга. И Диманштейн, разумеется, об этом прекрасно знал. Но он предвосхитил изменение этой политической линии.

В наиболее важном пассаже своей лекции Диманштейн заявил, что те социальные и экономические перемены, которые начались во время нэпа и происходили в то время ускоренными темпами (такие как электрификация, железнодорожное и промышленное строительство, создание местного пролетариата, освобождение женщин и земельная реформа), сделали прежнюю национальную политику ненужной: «Мы не можем оправдать практику правого уклона в национальной политике. Мы не можем переносить в современность то, что было правильным для другого периода. Разумеется, это не означает, что должны исчезнуть все национальные различия, однако их значение будет заметно уменьшаться»¹²⁹. Иными словами, Диманштейн считал, и на это с возмущением указывали его критики, что в тогдашних условиях исполнение принятых в 1923 г. постановлений по национальной политике будет представлять собой правый уклон¹³⁰. Однако Диманштейн ошибся в своих предположениях. Изменения в политике не произошло, а его самого подвергли критике и в главных теоретических журналах партии, и на Украине. Его осудили за то, что и он, как и Ваганян, встал на позиции великодержавного шовинизма под фальшивым прикрытием интернационализма¹³¹.

В результате усиления централизации экономики, которым сопровождалось социалистическое наступление, хозяйственные органы вновь выдвинули свою старую «интернационалистическую» про-

¹²⁹ Там же. С. 124.

¹³⁰ Гірчак Є. Ф. Національне питання та правий ухил. С. 62–66.

¹³¹ Таболов К. Против великорусского шовинизма в вопросах национальной культуры // Большевик. 1930. № 13. С. 88; За правильную национальную политику партии // Коммунистическая революция. 1931. № 4. С. 71–74; Гірчак Є. Ф. Національне питання та правий ухил. С. 61–87; І. Гехтман. До проблеми національної культури (З приводу доповіді т. С. Діманштейна в Комакадемії) // Більшовик України. 1929. № 21/22. С. 98–114; Сенченко А. Національні питання в період розгорнутого соціалістичного наступу на всьому фронті; Критика і бібліографія // Більшовик України. 1931. № 1. С. 81–84. Скрипник критиковав Диманштейна и на сессии Совета национальностей, см.: 3-я сессия ЦИК СССР 5-го созыва. М., 1931. Бюлл. 11. С. 25.

грамму — провести административное деление территории страны на основе хозяйственных, а не национальных критериев. Фактически Госплан начал продвигать эту программу еще в 1921 г., когда составлялись первые планы экономического районирования, но тогда он получил отказ. И все-таки начиная с 1928 г. небольшие автономные области и республики включались (и зачастую вопреки их воле) в состав более крупных административных краев¹³².

Существованию национальных республик это не угрожало. Однако с началом социалистического наступления возродилась идея о том, что территориальное деление по национальному признаку устарело. В 1929 г. Сталин сообщал, что он часто получает письма, в которых намекалось, что национальные республики следовало бы упразднить¹³³. В конце 1929 г. открытая дискуссия по этому вопросу разгорелась в многотиражке ЦИК «Советское строительство». Автор одной из статей, журналист Тоцкий, доказывал, что национально-территориальные образования подходили для первого этапа социализма, однако второй, только что начавшийся этап будет «характеризоваться образованием государственных территорий, основой для которых будут преимущественно экономические интересы». Национальные территории, «а особенно национальные территории экономически отсталых республик, совершенно непригодны для обслуживания их экономического, социального и культурного развития»¹³⁴. То, что Тоцкий был немедленно подвергнут критике за извращение линии партии, не было удивительным. Весьма удивительным было другое: редакция газеты посвятила целый номер дискуссии по этому вопросу. Затем газета опубликовала опровержение, написанное Тоцким, и последующую критическую статью его оппонента, Ангарова, после чего главный вопрос дискуссии повис в воздухе¹³⁵. А это наводило на мысль, что редакция все еще ожидает официального заявления по этому поводу. Одновременно и в других газетах публиковались сведения о разных планах ликвидации национально-территориальных образований¹³⁶.

¹³² *Еремеев М.* Районирование РСФСР и автономные республики // Советское строительство. 1928. № 10. С. 14–27.

¹³³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп 1. Д. 4490. Л. 2.

¹³⁴ *Тоцкий Н.* Советское строительство. 1929. № 12. С. 85.

¹³⁵ *Ангаров А.* Буржуазная теория районирования // Советское строительство. 1930. № 1. С. 59–64; *Тоцкий Н.* Ответ А. Ангарову // Там же. № 2. С. 70–74; *Ангаров А.* Еще раз о буржуазной теории районирования Н. Тоцкого // Там же. С. 75–79.

¹³⁶ *Гебрарт И.* Перестроить работу Советов в немецких районах // Революция и национальности. 1930. № 1. С. 45; *Сомойлович П.* Организационное укрепление национальной работы в РСФСР. С. 85.

Новым толчком к осуществлению планов ликвидации национально-территориальных образований стала коллективизация. В январе 1930 г. появились сообщения, авторы которых жаловались на стремление местных ответственных работников в процессе коллективизации «ликвидировать национальные сельсоветы». Кроме того, распространялось мнение, будто тотальная коллективизация означает ликвидацию «тех языковых и других особенностей национальных меньшинств, которыми и была вызвана необходимость образования национально-административных территорий»¹³⁷. Еще в одной статье говорилось, будто колхозы станут интернациональными¹³⁸. Президиум Совета национальностей счел эту тенденцию настолько тревожной, что даже разрабатывал планы борьбы с ней¹³⁹.

Затянувшаяся неопределенность в этом вопросе объяснялась тем, что центр не торопился делать официальное заявление о том, как социалистическое наступление и национальная политика связаны между собой. Действительно, после того как в 1923 г. состоялись две большие дискуссии по национальной политике (тогда партия отдавала немало сил ее осуществлению), на высшем уровне не произошло буквально ни одной дискуссии о возможных политических альтернативах. Однако в 1926 г. ЦК образовал две комиссии для основательного изучения возникающих национальных проблем. Вопросом о статусе РСФСР занималась комиссия Политбюро под председательством Калинина, но, несмотря на всю шумиху, она так и не сделала ничего, чтобы предложить хоть какие-нибудь существенные реформы¹⁴⁰. Да и андреевская комиссия Оргбюро по коренизации всего лишь заново подтвердила постановления 1923 г. — и ничего более¹⁴¹. В 1928–1929 гг. среди руководителей национальных республик было настолько широко распространено желание провести пятое совещание ЦК РКП(б) по национальному вопросу (проходившее в июне 1923 г. совещание с ответственными работниками национальных республик и областей было четвертым), что требование о его проведении левая оппозиция даже включила в свою последнюю программу¹⁴². В 1928 г. ЦК поручил ЦКК, которая прежде не играла никакой

¹³⁷ Сомойлович П. Указ. соч. С. 85.

¹³⁸ Ошаров А. Коренизация в советском строительстве // Революция и национальности. 1930. № 4/5. С. 115.

¹³⁹ В Совете Национальностей // Революция и национальности. 1930. № 8/9. С. 143–148.

¹⁴⁰ См. главу 10.

¹⁴¹ О материалах и заключительном докладе комиссии Андреева см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58; Оп. 85. Д. 206; Оп. 114. Д. 336. Л. 6–148.

¹⁴² Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР... Т. 4. С. 145.

роли в национальной политике, провести всестороннее исследование коренизации в целях подготовки к специальному совещанию ЦК¹⁴³. И в 1929 г. ЦКК действительно провела исследование в десятках национальных республик¹⁴⁴. Только для Белоруссии это имело важные политические последствия. А в остальном исследование ни к чему не привело: по его итогам даже не было принято стереотипной резолюции, не говоря уж о том, чтобы созвать совещание ЦК. Неопределенность продолжалась вплоть до самого начала XVI съезд ВКП(б), состоявшегося в июне–июле 1930 г. Поэтому такой удивительно интересной, по меркам советской печати 1930 г., оказалась дискуссия по национальной политике, которая до начала съезда велась на страницах «Правды»¹⁴⁵. На съезде Сталин решительно вмешался в ход дискуссии об отношении социалистического наступления к национальной политике.

Вмешательство Сталина

Став признанным экспертом, опыт которого выходил далеко за пределы того, что входило в компетенцию «специалиста по национальной политике», Сталин продолжал внимательно следить за состоянием дел в этой сфере. А потому он хорошо понимал, что политика коренизации и поддержки национальной культуры не популярна среди рядовых членов партии. В неопубликованном письме 1927 г. Сталин отвечал на жалобы по поводу несовместимости национальной культуры и социализма¹⁴⁶. Кроме того, в начале 1929 г. Сталин говорил, что часто получает письма, в которых «намекалось на то, что существование национальных правительств и национальных республик с национальными Совнарками является не нашей подлинной политикой, но тактикой и, если хотите, небольшой кратковременной уступкой. Я часто получаю такие письма»¹⁴⁷. Он сказал, что сожалеет,

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1374. Л. 207. ЦКК провела исследование украинизации в 1927 г., см.: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 3. Д. 86; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1382. Л. 312; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 120. Л. 105/1, 33, 65.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1691–1709.

¹⁴⁵ *Диманштейн С.* Вопросы национальностей на XVI партсъезде // Правда. 1930. 14 июня. С. 4; *Ангаров А.* О формах колхозов в животноводческих национальных районах и о национальной политике // Там же. 20 июня. С. 4; *Авторханов А.* За выполнение директив партии по национальному вопросу // Там же. 22 июня. С. 4; *Таболов К.* О национальной политике партии // Там же. 26 июня. С. 4; *Готфрид Л.* О правильных и правооппортунистических предложениях т. Авторханова // Там же. 30 июня. С. 3; *Классовое содержание национальной политики* // Там же. 2 июля. С. 7; *Авторханов А.* Письма в редакцию // Там же. 4 июля. С. 6; *Таболов К.* Национальный вопрос на XVI съезде партии // Там же. 27–28 июля. С. 2.

¹⁴⁶ *Сталин И. В.* Товарищу М. И. Ульяновой.

¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 2.

что у него не хватило времени собрать материалы по этому вопросу и сделать официальное заявление.

Следовательно, Сталин понимал необходимость уяснения связи между социалистическим наступлением и национальным вопросом. Во время своего двухмесячного отпуска осенью 1928 г. Сталин интенсивно работал над большой статьей по национальной политике. Он запросил и получил от своего личного секретаря, Товстухи, десятки работ по национальному вопросу, включая все, что когда-либо писал по этому вопросу Ленин¹⁴⁸. В феврале 1929 г. у него уже был готов черновик статьи с опровержением «широко распространенного мнения», что «период перехода от капитализма к социализму... является периодом ликвидации наций, периодом отмирания национальных культур и национальных языков. Я решительно оспариваю это широко распространенное мнение, которое не имеет ничего общего с марксизмом»¹⁴⁹. Впервые Сталин обнародовал эти идеи во время его встречи с делегацией украинских писателей, состоявшейся в Москве в феврале 1929 г. Свое обращение к писателям он начал с краткой характеристики общераспространенного в партии мнения по этому вопросу¹⁵⁰:

«Они утверждают... что социализм уже приводит к отмиранию национальной культуры и что в переходный период от капитализма к социализму следует создать общий, всемирный язык. В нашем Союзе все это, судя по всему, приведет к слиянию национальных культур в одну-единственную культуру и один язык — конечно, русский как наиболее развитый... (курсив мой. — Т. М.) Они намекают, что существование национальных правительств и национальных республик с национальными Совнарками — это не наша политика, но тактика; если хотите, понимайте это как своего рода маленькую уступку, в высшей степени временную. Я часто получаю такие письма».

Сталин категорически отверг эту позицию. Мимоходом произнесенное «конечно, русский» служило подтверждением как его собственного, так и ленинского представления о том, что в советских условиях интернационализм, направленный против коренизации, является, как правило, легким прикрытием русского шовинизма.

¹⁴⁸ О переписке между Сталиным и Товстухой и обширном списке книг, полученных Сталиным, см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 72. Л. 58–59, 67–69.

¹⁴⁹ Там же. Д. 132. Л. 38. В последнем варианте статья была опубликована в собрании сочинений Сталина под названием «Национальный вопрос и ленинизм».

¹⁵⁰ Там же. Д. 4490. Л. 1–2.

Опровергая предсказания быстрой ассимиляции, Сталин повторил свой любимый аргумент: латышские и венгерские города когда-то были немецкими, а потом стали национальными, точно так же этот процесс будет происходить и в Советском Союзе — «это всеобщий закон». А еще он повторил мысль о том, что национальность — это та стадия, через которую должны пройти все народы по пути к интернационализму: «Мы осуществляем политику максимального развития национальной культуры для того, чтобы она полностью себя исчерпала. И только тогда будет создана основа для организации интернациональной социалистической культуры не только по содержанию, но и по форме». А это произойдет, предупреждал Сталин, лишь после победы социализма в мировом масштабе, а не во время или после его полной победы в одном лишь Советском Союзе. Сталин заверил своих слушателей, что национальная культура не исчезнет: «Какие тут имеются перспективы [для национальной культуры]? Эти перспективы таковы, что будут развиваться национальные культуры даже и самых малочисленных народов СССР и что мы будем помогать им развиваться»¹⁵¹.

Выступление Сталина перед украинскими писателями предназначалось для того, чтобы они убедились в отсутствии угрозы украинской культуре и украинизации. Однако выступление Сталина опубликовано не было. И лишь в июне 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) Сталин опроверг интернационалистическую позицию вполне открыто и официально. И на сей раз Сталин начал с того, что резюмировал сущность позиции своих оппонентов, и на этот раз совершенно определенно назвал ее великодержавным шовинизмом¹⁵²:

«Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей; в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций.

Уклонисты этого типа исходят при этом из того, что так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 72. Л. 16, 9, 8, 11.

¹⁵² XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии — ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 54.

пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия и отказаться от политики поддержки развития национальной культуры ранее угнетенных народов».

Уклонисты, продолжал Сталин, прикрываются «маской интернационализма и именем Ленина», этот уклон «является самым утонченным и потому самым опасным видом великорусского национализма»¹⁵³. Каганович назвал Госплан одной из тех организаций, которые более всего заражены этим видом шовинизма, скорее всего, Каганович имел в виду новые планы Госплана по хозяйственному районированию. Косиор критиковал весь центральный советский аппарат. А Скрипник снова набросился на Семена Диманштейна — этого вечного «мальчика для битья», на которого так любили нападать национал-коммунисты¹⁵⁴.

Трудно себе представить более решительную атаку на активных пропагандистов популярной в широких слоях рядовых членов партии национальной политики. И тем не менее на сей раз Сталин не просто осудил их позицию, но и дал положительную оценку влиянию, которое культурная революция оказывала на национальную культуру¹⁵⁵:

«Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма глубоко ошибаются, полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как раз наоборот. На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме... Они, очевидно, не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке».

Как мы уже видели в первой части книги, эти высказывания четко определили программу культурной революции в сфере национальной политики. Главным пунктом этой программы было увеличение темпов коренизации и развития национальной культуры, причем акцент делался на девелопменталистском проекте преодоления культурной отсталости восточных национальностей Советского Союза. Предстояло ускорить положительную деятельность, а не отказываться от нее. Это должно было дать выход энергии утопизма, которая была присуща культурной революции.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. С. 77, 180, 243.

¹⁵⁵ Там же. С. 55–56.

Всего за неделю до того, как Сталин произнес эту речь, состоялось заседание Оргбюро, обсудившее формы проведения культурной революции в национальных регионах. В соответствии с высказываниями Сталина Оргбюро одобрило «значительное ускорение темпов культурного строительства»¹⁵⁶. На съезде партии Каганович отметил, что «если у нас и имеются некоторые достижения в наиболее прогрессивных республиках, таких как Украина, то в некоторых восточных республиках [коренизация] все еще находится в очень плохих условиях»¹⁵⁷. Оргбюро с этим согласилось и порекомендовало направить энергию государства на «наиболее отсталые восточные национальности»¹⁵⁸. Как мы уже видели, для культурной революции действительно было характерно перемещение внимания с советского Запада к Востоку. В качестве механизма ускорения культурная революция практически предполагала следующую политику:

ускорение темпов введения всеобщего начального школьного образования (глава 4);

радикальные программы положительной деятельности для «культурно отсталых» национальностей («бронь») в центральных университетах (глава 4);

положительная деятельность, направленная на создание пролетариата из коренных жителей на советском Востоке (глава 4);

возобновление усилий по коренизации управления в восточных национальных республиках (глава 4);

завершение создания сети национальных советов (главы 2 и 7);

признание новых советских национальностей — этническая дивергенция (Главы 2, 5 и 11);

создание новых письменностей (глава 5);

латинизация большинства языков народов СССР, включая и некоторые из тех, которые ранее использовали кириллицу (глава 5);

возобновление усилий, направленных на пропаганду и укрепление национальных культур Советского Союза (Глава 11).

Если не считать нападков на сменовеховцев в национальных регионах, к рассмотрению которых мы вскоре обратимся, можно сказать, что культурная революция привела к укреплению империи положительной деятельности.

Решительный отказ Сталина от интернационализма, к которому он пришел в 1929–1930 гг., стал поворотным пунктом в эволюции советского национального устройства. Именно тогда идея создания

¹⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 860. Л. 79.

¹⁵⁷ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии — ВКП(б). С. 77.

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 860. Протокол 203, п. 2.

единой советской национальности в последний раз рассматривалась при Сталине всерьез. Кроме того, именно тогда у режима в последний раз было достаточно энергии и воли, чтобы взяться за достижение столь радикальной стратегической цели. Следовательно, Советскому Союзу предстояло остаться многонациональным государством. Сталин недвусмысленно изложил свои взгляды на политику коренизации (или, как он ее всегда предпочитал называть – национализации). Однако в то же время он потребовал решительнее бороться против местного национализма и великодержавного шовинизма (или, как он предпочитал его называть, великорусского шовинизма). В главе 4 мы видели, что высказывания Сталина положили начало кампании против великодержавного шовинизма на промышленных предприятиях советского Востока. Значение этой кампании снизилось из-за террора против местных националистов, развернутого в 1928 г. и продолжавшегося с небольшими перерывами до 1933 г. Поразительно, но террор против местных националистов был сильнее террора против великодержавных шовинистов, и такое положение сохранялось на протяжении всего правления Сталина и имело огромное влияние на эволюцию империи положительной деятельности.

Показательные процессы на Украине в период культурной революции

Террор и показательные процессы были излюбленными приемами, использовавшимися советской властью, для осуществления культурной революции. Действительно, заявление о разоблачении Шахтинского заговора нередко считается сигналом к началу культурной революции¹⁵⁹. Не меньшее значение террор и показательные процессы имели и в национальных республиках. Показательные процессы, направленные против национальной интеллигенции, проходили в большинстве республик, где ее было много еще до революции, — на Украине, в Белоруссии, Татарстане, Крыму, Узбекистане¹⁶⁰. Чистки

¹⁵⁹ Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. С. 12; *Kuromiya H.* Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge, 1988. С. 14–17.

¹⁶⁰ Об Украине и Белоруссии см. ниже. О Татарстане см.: *Рубинштейн Л.* В борьбе за ленинскую национальную политику. Казань, 1930; *Касымов Г.* Пантюркистская контрреволюция и ее агентура — султангалиевщина. Казань, 1931; *Султангалиев М.* Статьи, выступления, документы. С. 458–517. О событиях в Крыму см.: *Бочагов А. К.* Милли Фирка — национальная контрреволюция в Крыму. Симферополь, 1930; а также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 644. Протокол 53, п. 1; Ф. 85. Оп. 27. Д. 219. О том, что происходило в Узбекистане, см. большую подборку статей о «касимовщине» в газете «Правда Востока», публиковавшихся с марта по октябрь 1930 г.; а также: РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 162; Ф. 62. Оп. 2. Д. 2338, 2455, 2126, 2125.

проходили и в других национальных регионах, но они и не получили такой громкой огласки¹⁶¹. А суд по делу «Союза освобождения Украины» («Спілка визволення України» — СВУ) привлек гораздо больше внимания, чем все показательные процессы и чистки в национальных регионах, вместе взятые. Он стал своего рода «Шахтинским делом» по отношению к национальному вопросу и имел огромный резонанс не только на Украине, но и в Москве и других национальных республиках. С февраля по апрель 1930 г. «Правда» посвятила этому делу свыше 30 пространных статей¹⁶². Показательные процессы в других национальных республиках подробно освещались лишь в местной печати¹⁶³. Таким образом, суд над СВУ еще раз показал, что центр в проводимой национальной политике отводит Украине ведущую роль.

Показательный процесс над СВУ

Громкий показательный процесс над СВУ проходил с 9 марта по 19 апреля 1930 г. в помещении Харьковского оперного театра¹⁶⁴. Сорок пять обвиняемых были тщательно подобраны, чтобы представлять такие частично совпадающие категории: членов Всеукраинской академии наук (ВУАН), руководителей Украинской автокефальной православной церкви, членов бывших украинских национал-социалистических партий и других известных этнических украинцев — беспартийных интеллигентов. Таким образом, ясно, что мишенью организаторов этого процесса были украинские сменовеховцы. Руководителем и организатором СВУ был объявлен Сергей (Сергей) Ефремов, выдающийся украинский литературовед: во время Гражданской войны он был одним из лидеров Украинской партии социа-

¹⁶¹ *Sakunov K.* Stalinist Terror in the Mari Republic: The Attack on «Finno-Ungrian Bourgeois Nationalism» // *Soviet and East European Review*. 1996. № 74. С. 658–682; *Тараканов Ф.* Против мешанины и отсебятины в вопросах национальной политики партии // *Коми му (Зырянский край)*. 1929. № 18/19. С. 42–46; *Минский А.* Странное и непонятное // *По ленинскому пути*. 1930. № 3/4. С. 6–10; Решение объединенного заседания Бюро ОК и Президиума ОКК от 14 февраля 1930 г. // Там же. С. 12–13; *Ильчуков Ф.* О национальном шовинизме среди руководящего актива парторганизаций // Там же. С. 15–21.

¹⁶² *Правда*. 1930. 27 февр. — 21 апр.

¹⁶³ «Правда» в основном проигнорировала такие заметные явления, как «касимовщина» в Узбекистане и «султангалиевщина» — в Татарстане, см.: *Касимовщина* // *Правда*. 1930. 24 марта; *Таболов К.* Социалистическое наступление и активизация буржуазных националистов // *Правда*. 1929. 4 нояб. С. 2.

¹⁶⁴ *Справа «Спілки визволення України»* / сост. Володимир Пристайко і Юрій Шаповал. Київ, 1995; «Спілка визволення України». Стенографічний звіт судового процесу. Т. I. Харків, 1931; *Українська контрреволюція сама про свою роботу*. Випуск II–III. Харків, 1930.

листов-федералистов, а также вице-президентом ВУАН¹⁶⁵. Последнее не было случайностью. Процесс по делу СВУ явился кульминацией проводившегося партией постепенного сокращения, а затем и упразднения автономии ВУАН, которую они справедливо считали центром украинского сменовеховства¹⁶⁶. Было заявлено, что 45 обвиняемых представляли собой лишь верхушку айсберга. 1 декабря 1929 г. по всей Украине по обвинению в связи с СВУ было арестовано 700 человек. А впоследствии их общая численность составляла тысячи человек. Материалы следствия ГПУ в общей сложности составили 254 тома¹⁶⁷.

Благодаря недавним публикациям о деле СВУ мы знаем больше, чем о большинстве других сталинских показательных процессов. В мае 1928 г. украинскому ГПУ было приказано усилить репрессии против кулаков в деревне и враждебных интеллигентских элементов в городе¹⁶⁸. Одновременно ГПУ должно было «возобновить работу по делу Ефремова»¹⁶⁹. А через год, 18 мая 1929 г., киевское ГПУ арестовало студента М. В. Павлушкова, который проживал вместе с Ефремовым. Павлушкова вынудили признаться, что он состоял в контрреволюционной группе под названием «Союз украинской молодежи» («Спілка української молоді», СУМ) и что Ефремов был «идеологическим вдохновителем и организатором группы»¹⁷⁰. Балицкий сообщил об этом в ЦК Компартии Украины 7 июня¹⁷¹. 27 июня Павлушков начал давать показания о вышестоящей организации, СВУ, которую якобы возглавлял сам Ефремов. В результате 21 июля Ефремов был арестован. Вначале он отрицал существование СВУ, но 10 сентября его вынудили признать это¹⁷².

3 ноября украинское Политбюро дало разрешение провести в Харькове показательный процесс, в котором должны были участвовать не более 40 обвиняемых. К 1 декабря украинское ГПУ тщательно продумало историю создания и деятельности СВУ, а также несколько имевших «воспитательное» значение «линий», на которые во время предстоящего показательного процесса был сделан особый упор:

¹⁶⁵ Шаповал Ю. І. Людина і система. С. 82–96.

¹⁶⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 6. Л. 146–168, 307; Справа «Спілки визволення України». С. 131; Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років. С. 76.

¹⁶⁷ Шаповал. Україна 20–50-х років. С. 76.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 384. Л. 99–101; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 6. Л. 49–53.

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 384. Л. 99–101; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 6. Л. 49–53; Справа «Спілки визволення України». С. 36.

¹⁷⁰ Справа «Спілки визволення України». С. 36.

¹⁷¹ Там же. С. 108–110.

¹⁷² Там же. С. 115–127, 366–370.

академическая (то есть линия ВУАН); школьная, молодежная, церковная (автокефальная), литературно-издательская, кооперативная и сельская линии¹⁷³. Кроме того, был составлен «предварительный список арестованных в Киеве, которых предлагалось сделать представителями на процессе СВУ». В списке был 41 человек и 9 «возможных» дополнительных фигурантов, представлявших семь «линий». Другой список — «кандидатов для процесса СВУ с периферии» — состоял из 14 человек, арестованных в восьми украинских округах, а также Молдавской АССР¹⁷⁴. Во время подготовки к суду ЦК Компартии Украины получал регулярные инструкции от Политбюро ЦК ВКП(б), в том числе была получена по крайней мере одна телеграмма от Сталина, который, предвещая «заговор врачей», настаивал на разработке еще и медицинской линии¹⁷⁵. Общественным обвинителем ЦК Компартии Украины назначил бывшего боротьбиста Панааса Любченко. Его обязанность состояла в том, чтобы объяснить публике смысл показательного суда над СВУ

Украинское ГПУ и украинский ЦК под контролем ЦК ВКП(б) (а также, по всей видимости, ОГПУ) уделили немало внимания воспитательной функции показательного процесса над СВУ. Я попытаюсь показать, что украинское и всесоюзное партийное руководство собиралось донести до разных слоев советского населения с помощью суда над СВУ Советские показательные процессы эпохи культурной революции выполняли по меньшей мере четыре основные функции. Во-первых, они должны были объединить массы. Например, «Шахтинское дело» было призвано побудить рабочий класс поддержать социалистическое наступление. Во-вторых, с помощью показательных процессов создавали козлов отпущения. «Шахтинское дело» отвело гнев рабочего класса от большевистских организаций, направив его на буржуазных специалистов. В-третьих, они выполняли функцию устрашения. «Шахтинское дело» должно было запугать буржуазных специалистов и тем самым предотвратить всякое противодействие социалистическому наступлению. И наконец, показательные процессы были призваны обозначить политические приоритеты режима. «Шахтинское дело» сигнализировало о том, что режим чрезвычайно серьезно относится к программе ускоренной индустриализации.

¹⁷³ Справа «Спільки визволення України». С. 131–208. ГПУ предложило провести на процессе еще три политические линии: инженерно-техническую, сельскохозяйственную и медицинскую.

¹⁷⁴ Там же. С. 213–217.

¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Протоколы 106, п. 14, 27; 115, п. 1; Справа «Спільки визволення України». С. 236.

Функция объединения масс не имела существенного значения ни в показательном процессе над СВУ, ни в других показательных процессах эпохи культурной революции, проходивших в национальных окраинах. Для поддержки процесса над СВУ могли быть привлечены категорические противники коренизации в рядах партии. Однако украинское руководство, объявляя о суде над СВУ, постаралось их изолировать. Активистов культурной революции привлекли к участию в осуществлении национальной политики только один раз — во время кампании, направленной против ношения женщинами паранджи, которая была развернута в Средней Азии и других мусульманских регионах¹⁷⁶. А поскольку во время суда над СВУ ничего подобного не намечалось, украинское руководство заявило, правда, довольно неуверенно, что процесс над СВУ привлечет студентов — этнических украинцев, которые, как предполагалось, должны заменить старую дискредитировавшую себя буржуазную украинскую интеллигенцию новой и стать чисто пролетарской украинской интеллигенцией, выступающей за ускоренное проведение украинизации¹⁷⁷. Трудность состояла в том, что студенчество не было расположено активно поддерживать украинизацию, оно относилось к ней довольно индифферентно, если не откровенно враждебно.

Функция устрашения во время показательных процессов на Украине получила полное развитие. Показательный процесс над СВУ был направлен преимущественно против украинских сменовеховцев. Показательные процессы периода культурной революции во всех национальных регионах использовались для того, чтобы обозначить конец эпохи национального сменовеховства. История возникновения СВУ, которая была старательно сфабрикована украинским ГПУ для суда над этой организацией, свидетельствовала именно об этом. Согласно сценарию ГПУ, после того как в 1920 г. польское вторжение на Украину было подавлено, Ефремов возглавил группу украинских заговорщиков. В 1924 г. эта группа распалась из-за распространения среди антисоветской украинской интеллигенции «сменовеховских настроений»¹⁷⁸. По определению ГПУ, «сменовеховство — это контрреволюционная буржуазная концепция, возникшая из-за того, что против диктатуры пролетариата нужно было бороться путем исполь-

¹⁷⁶ *Massell G.* The Surrogate Proletariat. Princeton, N. J., 1974; *Northrop D.* Uzbek Women and the Veil: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ph. D. diss. Stanford University, 1999.

¹⁷⁷ XI з'їзд КП(б) України. С. 274; Банкоуты // Вісті ВУЦВК. 1930. 9 марта. С. 1; Справа «Спільки визволення України». Промова громадського обвинувача тов. Любченка // Вісті ВУЦВК. 1930. 13 апр. С. 3.

¹⁷⁸ Справа «Спілька визволення України». С. 14–15.

зования всех легальных средств для оказания антисоветского идеологического влияния на широкие массы»¹⁷⁹. Имея в виду эту цель, группа Ефремова поступила на работу в ВУАН¹⁸⁰:

«Воспользовавшись тем обстоятельством, что советская власть широко привлекала специалистов и интеллигентов к работе в области культурного и хозяйственного строительства, члены группы злостно воспользовались доверием, возложенным на них как на квалифицированных специалистов, и использовали предоставленные им волей рабочих и крестьянских масс широкие возможности не на пользу, а во вред этих масс, организуя активный саботаж во всех тех сферах, где они работали (Академия наук, школы, кооперативы)».

Этот фрагмент отлично иллюстрирует противоречивое отношение режима к сменевеховству. С одной стороны, власти поддерживали движение, надеясь на то, что антисоветские группы прекратят свое существование, а с другой стороны, тем самым они предоставляли этим группам возможность действовать против советской власти легально.

Один из обвиняемых по делу СВУ, давая показания, заявил, что «Академия наук [образовала] островок внутри советской власти, обладавший уникальной политической экстерриториальностью»¹⁸¹. Эта цитата неоднократно повторялась большевистскими пропагандистами, писавшими о процессе над СВУ. Она стала символом сменевеховства ВУАН и Украины в целом — символом чего-то идеологически чуждого и постороннего, не перевариваемого советским организмом. А история, состряпанная ГПУ, — история, изобиловавшая воображаемыми заговорами, — была нужна для того, чтобы придать этому чисто психологическому фактору конкретную контрреволюционную форму. Согласно этому сценарию, в середине 1926 г. интеллигенция, группировавшаяся вокруг ВУАН, была не просто удручена своей неспособностью изменить советскую власть, вместе с западноукраинскими националистами она вела активную заговорщическую деятельность, направленную на создание СВУ. Заговорщики не только противились социалистическому наступлению, не только боялись его, они организовали заговор, чтобы вызвать народное восстание, которое должно было стать прелюдией иностранной

¹⁷⁹ «Спілка визволення України». С. 17

¹⁸⁰ Там же. С. 15.

¹⁸¹ *Любченко П.* З Варшавським договором проти п'ятирічки (до процесу СВУ). Харків, 1930. С. 12.

интервенции¹⁸². По всей видимости, партийное руководство надеялось, что народ воспримет эту историю буквально¹⁸³. Для партийного руководства истинной была ее психологическая составляющая: с началом социалистического наступления, считали партийные лидеры, сменовеховская интеллигенция наверняка будет действовать именно так, и потому ее следует ликвидировать заблаговременно. Подводя итог, можно сказать, что процессы по делу СВУ и аналогичных организаций в других национальных регионах были направлены против национальной сменовеховской интеллигенции и четко обозначили конец сменовеховства в национальных республиках.

Таким образом, террор, развязанный на Украине, был направлен против старой украинской интеллигенции. Кроме того, он был рассчитан и на аудиторию в Европе, что со всей очевидностью показывала телеграмма, которую 2 января 1930 г. Сталин направил в адрес Политбюро ЦК КП(б) Украины¹⁸⁴:

«Когда предполагается суд над Ефремовым и другими? Мы здесь думаем, что на суде надо развернуть не только повстанческие и террористические дела обвиняемых, но и медицинские фокусы, имевшие своей целью убийство ответственных работников. Нам нечего скрывать перед рабочими грехи своих врагов. Кроме того, пусть знает так называемая Европа, что репрессии против контрреволюционной части спецов, пытающихся отравить и зарезать коммунистов-пациентов, имеют полное “оправдание” и по сути дела бледнеют перед преступной деятельностью этих контрреволюционных мерзавцев. Наша просьба согласовать с Москвой план ведения дела на суде».

Странное выражение Сталина «так называемая Европа» было, судя по всему, насмешкой над «Европой», идеализированной Хвылевым. В этом смысле суд над СВУ откровенно предостерегал предполагаемых европейских друзей Хвылевого, и особенно западноукраинские националистические партии и маршала Пилсудского, от любых попыток повлиять на Советскую Украину. Процесс воплотил в себе страх советского руководства перед возможным заговором сменовеховской интеллигенции, ее западноукраинских партнеров, а также польского и германского правительств. Таким образом, процесс по делу СВУ стал еще одним шагом по пути постепенного отказа

¹⁸² Справа «Спілка визволення України». С. 14–30.

¹⁸³ Согласно отчету ГПУ, реакция была неоднородной. ЦДАГОУ Ф. 1. Оп. 20. Д. 3192. Л. 87–93.

¹⁸⁴ Справа «Спілки визволення України». С. 236.

от Пьемонтского принципа, а также признаком усиливающегося недоверия ко всем заграничным связям советских людей и показателем решимости Советов занять активную оборонительную внешнеполитическую позицию.

В связи с наличием внешнеполитического аспекта встает вопрос: не являлись ли мишенью суда над СВУ и национал-коммунисты, то есть те этнические украинцы, которые были наиболее привержены украинизации? Ведь в конечном счете наибольшую озабоченность во время «дела Шумского» вызывало то, что находившиеся за рубежом украинские националисты скорее сами переориентируют украинских коммунистов, склонив их к национализму, чем перейдут в лагерь большевизма. И хотя в связи с процессом по делу СВУ ни одного коммуниста не арестовали, почти во всех остальных национальных показательных процессах фигурантами дел были видные коммунисты¹⁸⁵. Зачастую в центре внимания на процессе была сама должность наркома просвещения, которую нередко занимали бывшие националисты¹⁸⁶. Следовательно, было бы наивно предполагать, что если национал-коммунистов на Украине не арестовали, то их и не собирались запугивать в ходе суда над СВУ. И действительно, Николай Попов в своей известной статье, опубликованной в «Правде», напрямую связал воображаемую измену сменовеховской интеллигенции из СВУ, которая произошла после захвата власти Пилсудским, с возникшим одновременно уклоном Шумского и руководства КПЗУ¹⁸⁷.

Террор как сигнальная система

Тот факт, что национал-коммунистам было сделано предостережение, заставляет задуматься и над другим вопросом — о политическом влиянии процесса над СВУ в частности и террора в период культурной революции в национальных республиках в целом. Об одном очевидном политическом результате мы уже говорили: процесс над СВУ означал конец национального сменовеховства. Но как процесс над СВУ повлиял на проведение украинизации? Согласно одному из направлений официальной пропаганды, разрабатывав-

¹⁸⁵ Например, в Татарстане и Крыму было арестовано большинство видных правых. Касьянов Г. Указ. соч. С. 79; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 763. Протокол 104, п. 14.

¹⁸⁶ Например, в Белоруссии — нарком просвещения Балицкий (см. ниже), а в Узбекистане — нарком просвещения Бату, см.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2199. Л. 20–42.

¹⁸⁷ Попов Н. Судороги украинской контрреволюции // Правда. 1930. 11 марта. С. 2–3. См. также обвинительную речь Любченко «Промова громадського обвинувача т. Любчеика» (Вісті ВУЦВК. 1930. 12 апр. С. 5).

шемуся в связи с показательным процессом, он призван был содействовать ускорению украинизации благодаря устранению старой контрреволюционной украинской интеллигенции, которая должна была уступить дорогу новой, пролетарской, интеллигенции. Как мы уже видели в главе 3, новая кампания за украинизацию пролетариата проходила в период между объявлением о существовании заговора СВУ и показательным процессом над ним. Однако активные противники украинизации могли воспринять процесс над СВУ как сигнал для атаки на нее. Так они его и восприняли. Ведь если было низвергнуто национальное сменовеховство, которое поддерживалось постановлениями 1923 г. по национальной политике, то почему бы тогда не отказаться и от других приоритетов национальной политики эпохи нэпа?¹⁸⁸ И внутренние отчеты ГПУ по делу СВУ в какой-то мере подтверждают эту точку зрения. В них неоднократно говорилось, что заговорщики использовали украинизацию и курсы украиноведения (украинознанства) для того, чтобы посадить своих людей на важные должности и чтобы вербовать новых сторонников¹⁸⁹. Однако эти конфиденциальные материалы не вошли в окончательный текст опубликованного отчета ГПУ

Более того, в своем выступлении на съезде Коммунистической партии Украины, проходившем в 1930 г., особым объектом критики Косиор сделал интерпретацию деятельности СВУ в духе борьбы с украинизацией¹⁹⁰:

«В связи с процессом по делу СВУ пошли разговоры — в одних случаях шепотом, а в других в полный голос, — что в результате политики партии сама же партия и насадила украинский национализм, и вот теперь она вынуждена пожинать такие плоды, как СВУ. Такого рода разговоры имели место и в Киеве, и в других местах.

Если вы хотите, чтобы мы дали истинную оценку процессу над СВУ, то тогда можно сказать, что он продемонстрировал блистательную победу нашей партии, ставшую результатом правильного осуществления нашей национальной политики. В ходе этого процесса мы не только разоблачили и политически ликвидировали контрреволюционную националистическую организацию, не только сокрушили наиболее значительные центры прежнего укра-

¹⁸⁸ XI з'їзд КП(б) України. С. 287–288.

¹⁸⁹ Справа «Спїлки визволення України». С. 136, 141, 187–188, 196, 210.

¹⁹⁰ XI з'їзд КП(б) України. С. 287–288.

инского буржуазного национализма, но еще и изолировали их, откололи их от оставшихся колеблющихся слоев старой украинской интеллигенции. Это стало возможным лишь благодаря нашим огромным успехам в осуществлении нашей национальной политики. Это наша победа, а не поражение. А те, кто пытаются представить процесс над СВУ как поражение нашей партии, фактически повторяют слова Зиновьева, который в июне 1927 г. на собрании президиума ЦКК... заявил: «На Украине они проводят «украинизацию», которая явно идет вразрез с нашей национальной политикой... играет на руку петлюровщине и не дает отпор истинному шовинизму»».

Хотя позицию, которую осудил Косиор (будто украинизация скорее способствовала, чем препятствовала развитию украинского национализма), публично одобряли лишь те, кто находился в открытой оппозиции, ее поддерживали все больше и больше коммунистов. Однако в тот момент Косиор придерживался партийной линии, согласно которой главной опасностью был великодержавный шовинизм.

Но если великодержавный шовинизм действительно представлял собой главную опасность, то почему террор был направлен исключительно против украинского национализма? Этот вопрос давно занимал Миколу Скрипника. Еще в апреле 1923 г. он возражал против «двойной бухгалтерии» Сталина: «Мы все время пытаемся достичь равновесия в национальном вопросе. Всякий пытается найти среднюю линию. Всякая критика великодержавного шовинизма должна уравниваться противонаправленной критикой шовинизма нетитульных наций, и тогда мы покончим с двойной бухгалтерией... Но так мы никогда не закончим борьбу против великодержавного шовинизма»¹⁹¹. Но через два месяца после этого, став свидетелем возбуждения дела против Султан-Галиева, Скрипник отказался от своего требования усилить террор против великодержавных шовинистов и попросил всего лишь соблюдать равенство. Скрипник начал с легенды о том, как освящали в древности новое здание, окропляя его краеугольный камень кровью священной жертвы. Вот и преследование Султан-Галиева, виновность которого на самом деле вызывала у него сомнения, Скрипник представил в виде ритуальной жертвы, кровью которой оросили краеугольный камень здания новой советской национальной политики. Однако он сетовал на то, что в партийной организации Украины имеется немало великорусских

¹⁹¹ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 572.

шовинистов, которые преследовали этнических украинцев: «Мне думается, что кровью одного из этих преступников тоже стоило бы окропить краеугольный камень правильной политики партии — вместе с кровью этого преступного типа, Султан-Галиева»¹⁹². Посредством этой устрашающей метафоры Скрипник откровенно указал на связь между террором и осуществлением политики украинизации.

Так было на протяжении всего сталинского периода: борьба с национализмом велась гораздо более жесткими методами, чем борьба с великодержавным шовинизмом. Если говорить о периоде нэпа, то целесообразно сравнить судьбы Лебеда и Шумского. Лебедь открыто критиковал официальную линию партии накануне XII съезда РКП(б). Потерпев поражение в этой полемике, он изложил свои взгляды в печатной брошюре. Его никогда не принуждали заниматься публичной самокритикой. Лебедь продолжал работать на Украине секретарем ЦК компартии. В этой должности он проработал еще два года — и только после этого, по словам Затонского, «товарищ Лебедь перешел на работу, связанную с более высокой культурой, то есть в Москву, а мы остались на Украине осуществлять другую линию»¹⁹³. В Москве он стал заместителем наркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР (Рабкрина) и членом ЦК. В 1928 г., к огромной досаде Скрипника, в авторитетном всесоюзном теоретическом журнале «Большевик» он опубликовал критическую статью о национальной политике, проводившейся компартией Украины¹⁹⁴.

А Шумский был всего лишь недоволен темпами проведения украинизации. Тем не менее его неоднократно вынуждали заниматься самокритикой, а когда он не смог сделать этого с достаточным самоуничижением, обличили как идеолога национал-фашистского уклона. Его выслали с Украины — сначала в Саратов, потом он занимал незначительные должности в Ленинграде, не имел возможности публиковаться. В 1933 г. Шумский был арестован и осужден как руководитель контрреволюционной украинской националистической организации.

С началом культурной революции террор против националистов усилился. Например, в апреле 1929 г. инспекционная группа ЦКК под руководством Азатяна обвинила украинцев в том, что против русского шовинизма они борются сильнее, чем против шовинизма

¹⁹² Тайны национальной политики... С. 62.

¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 66.

¹⁹⁴ *Лебедь Д.* Указ. соч.; *Скрипник М.* Лист до тов. Лебеда // *Статті й промови.* Т. II. Частина перша. Національне питання. Харків, 1929. С. 302–324.

украинского¹⁹⁵. Это обвинение вызвало у украинцев возмущение и недоумение. Представитель украинского ГПУ предоставил длинный перечень украинских националистических организаций, разоблаченных ГПУ. А сторонники Лебеда, как всегда, не пострадали¹⁹⁶. Скрипник пришел в ярость¹⁹⁷:

«Скрипник: Мне бы хотелось сейчас спросить, кого мы тут побили как русского шовиниста? Какие кампании мы провели против великодержавного шовинизма? На кого мы нападали?

Хвыля: Это наша недоработка.

Любченко: На Малицкого.

Скрипник: Ну и что же мы сделали [Малицкому]? Мы сделали ему выговор, когда, в качестве члена Верховного суда [Украины], он потребовал, и потребовал решительно, чтобы мы говорили с ним только по-русски. Ну и как же после этого вы можете говорить, что мы больше боролись с великорусским шовинизмом? Разве мы провели кампанию [против Малицкого]? Нет. Мы приняли резолюцию. А вот против Шумского мы вели серьезную борьбу...».

Малицкий был не просто членом Верховного суда Украины, он был его председателем. Он сильно возмутился, когда в январе 1928 г. книга, которую он написал по-русски, сначала была опубликована в переводе на украинский. Его вызвали в ЦКК, сделали строгий выговор; однажды даже раскритиковали в «Коммунисте», но свой пост он сохранил¹⁹⁸.

Процесс над СВУ, разумеется, вызвал тревогу у Скрипника, однако он прибег к оригинальной стратегии, чтобы свести к минимуму его влияние на проведение украинизации. Давая определение процессу над СВУ, Скрипник назвал его атакой на национализм украинских буржуазных специалистов, предпринятую для того, чтобы уравновесить начатое ранее наступление на великорусский шовинизм шахтинских специалистов, которые «были упорными русскими националистами. Вам известно о том отчаянном и сознательном сопротивлении, которое они оказали... украинизации и созданию украинской национальной культуры»¹⁹⁹. По этому сценарию оба

¹⁹⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 1–23.

¹⁹⁶ Там же. Д. 120. Л. 50–54.

¹⁹⁷ Там же. Л. 68.

¹⁹⁸ Будівництво радянської України... С. 158–161; Національне питання на Україні та розлам в КПЗУ. С. 49–54.

¹⁹⁹ Скрипник М. Контр-революційне шкідництво на культурному фронті // Червоний шлях. 1930. № 4. С. 139; см. также: Скрипник М. Спілка визволення України // Більшовик України. 1930. № 8. С. 23.

процесса были нацелены прежде всего против национализма и потому политически друг друга уравнивали. Тем не менее впоследствии Скрипник жаловался, что это не принесло результатов²⁰⁰:

«К сожалению, надо признать, что в нашей прессе этот аспект “Шахтинского дела” не подчеркивался: он не был представлен в виде отдельной темы и не был проанализирован с точки зрения теории национальной политики. А ведь этот факт имеет значение, очень большое значение. Письменные объяснения, признания и свидетельства шахтинских вредителей ясно показывают, сколь враждебно они были настроены по отношению к национальной политике партии на Украине. Они продемонстрировали свою великорусскую ориентацию. В своей практической работе они оказывали фанатичное сопротивление украинизации хозяйственных органов... отвергая... все, что хотя бы пахло украинским языком».

Эта цитата в очередной раз показывает, что Скрипник прекрасно понимал политическое воздействие террора. Он также добивался, чтобы «Шахтинское дело» воспринималось в русле определенной политической линии. Шахтинских диверсантов надо было покарать за яростное сопротивление, которое оказывали украинизации всесоюзные хозяйственные органы. Однако и здесь он потерпел явное поражение. 20 марта 1930 г., в разгар процесса над СВУ, Скрипник в письме Косиору попросил, чтобы в деле СВУ было достигнуто некоторое равновесие. Он настаивал на том, чтобы свидетелю со стороны защиты разрешили рассказать о том, каким потенциалом обладала ВУАН для развития украинской национальной культуры²⁰¹. Но Скрипнику и на сей раз ничего не удалось. Процесс над СВУ стал моделью для проведения террора против националистов и на Украине, и в других национальных республиках. По этой же схеме впоследствии рассматривали дело «Украинского национального центра» (1931), дело «Украинской военной организации» (1933) и огромное множество других дел (1933–1938). Суды над великорусскими националистами были частыми, но они, как правило, проходили в центре, получали менее шумную огласку и, что еще важнее, не имели той связи с национальной политикой, которую Скрипник пытался приписать «Шахтинскому делу»²⁰².

²⁰⁰ Скрипник М. Національні перетинки. С. 282–283.

²⁰¹ Справа «Спілки визволення України». С. 250–251.

²⁰² О терроре на Украине после процесса над СВУ см.: Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років. С. 82–240; Рублёв О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50 роки ХХ ст. Київ, 1994. С. 104–183.

Террор против украинских националистов имел для судьбы украинизации решающее значение. Власти столкнулись с большими трудностями при исполнении своих постановлений. Во время социалистического наступления «проверка исполнения» была, пожалуй, самой больной проблемой руководства²⁰¹. Чтобы принудить к исполнению своих решений, власти применяли террор, что показывало, какие именно направления политики «жесткой линии» должны осуществляться неукоснительно, не встречая ни малейшего противодействия. Политика «мягкой линии» пользовалась, как и прежде, постоянной поддержкой, однако для принуждения к ее исполнению террор не применялся. Как мы уже видели, быстрых успехов Кагановичу удалось добиться именно потому, что проводившаяся им «жесткая линия» украинизации характеризовалась использованием «нажима» в виде увольнений за противодействие ей. Однако проведение этой «жесткой линии» не сопровождалось террором. Всесоюзные организации могли принять на работу уволенных ранее и нанимать тех, кто не только не говорил по-украински, но и открыто пользовался русским языком в делопроизводстве. Они никогда не получали сигналов в виде показательных процессов о том, что власти этого не потерпят. Наоборот, они часто получали сигналы противоположного толка — что основную опасность представляют украинские националисты: те, кто слишком рьяно заботится о проведении украинизации и украинской культуре. И в этом случае присущий «жесткой линии» язык террора оказался более доходчивым, чем настойчивые утверждения представителей «мягкой линии» о том, что главной опасностью остается великорусский шовинизм.

Почему возникло это странное расхождение между линией партии и практикой террора? Существует по крайней мере четыре объяснения того, почему национальная политика так и осталась политикой «мягкой линии», тогда как для подавления национального самовыражения прибегали к мерам, осуществлявшимся в духе «жесткой линии». Во-первых, как доказывалось выше, с точки зрения культурной политики большевиков создание империи положительного действия отнюдь не считалось главной большевистской задачей, тогда как борьба против буржуазного национализма таковой считалась. Считалось, что для осуществления первой задачи подходит нажим, а для осуществления второй — террор. Во-вторых, с практической точки зрения местный национализм выражал себя, как правило, в публикациях, тогда как русский шовинизм — в бюрократическом противодействии. В-третьих, как это продемонстрировало «дело Шумского»,

²⁰³ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 82–86.

местный национализм благодаря наличию трансграничных этнических связей связывали с угрозой иностранного влияния и идеологического, которая была достаточно серьезной для того, чтобы служить основанием для террора.

И наконец, социалистическое наступление привело к заметному усилению централизации советского государства и, следовательно, влияния общесоюзных предприятий и комиссариатов. А поскольку центральные органы вели свою деятельность на русском языке, то централизация привела к усилению конфликтов на местах по поводу его использования. Кроме того, она усилила ощущение того, что центр является русским, а окраины — нерусскими. Таким образом, если бы кто-то обвинил центральных работников в русском шовинизме, то его самого могли обвинить в сопротивлении законной централизации и симпатии к «местничеству». Именно поэтому так интересна перепалка, которая в феврале 1929 г. произошла между представителями Украины и Сталиным. Один украинец пожаловался, что Украина добросовестно боролась с местным национализмом в соответствии с той формулой, которая содержалась в постановлениях 1923 г.²⁰⁴:

«Но эта формула плохо усвоена в руководящих органах, даже в Москве... Если говорится о борьбе с великодержавным шовинизмом, то тогда нам следует разоблачить этот шовинизм в какой-то конкретной форме. На Украине мы имели такую конкретную форму — шумскизм — и вели с ним борьбу. А на практике московской работы и работы в РСФСР этого нет, хотя фактов шовинизма в отношении Украины можно найти много... Этот вопрос имеет большое значение, и о нем следовало бы оповестить в конкретной форме».

Очевидно, представитель Украины просил применить то или иное примерное наказание. Сталин ответил:

«У вас получается нечто вроде декларации. Я несколько раз беседовал с товарищами Петровским, Чубарем и Кагановичем, когда он работал на Украине. Они высказывали недовольство тем, что в наркоматских аппаратах проявляют полное пренебрежение к хозяйственным и культурным нуждам Украины. Эти товарищи могут подтвердить это. Я каждый раз ставил вопрос — назовите хоть одно лицо, чтобы его можно было высечь на глазах у всех... Я спрашивал [их], и ни разу они не попытались назвать хоть кого-нибудь. Они всякий раз стоваривались и ни разу не назвали никого. Они пойдут, испугаются, отступят, и на этом дело и закончится. Они ни разу никого не назвали».

²⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 35–36.

Сталин со всей очевидностью дал понять, что существовало что-то, что вызывало страх, потому что в противном случае украинцы назвали бы имена сотен людей. Однако они ясно понимали, что требование примерно наказать, а тем более подвергнуть террору ответственных работников центра за их пренебрежение к интересам национальных регионов окажется и безуспешным, и нежелательным. Таким образом, суд над СВУ продемонстрировал характерное противоречие между целями террора и содержанием национальной политики. Официальная политика на протяжении всего периода культурной революции оставалась в основном неизменной, тем не менее террор применялся для устрашения исполнителей этой политики, национал-коммунистов, и это, судя по всему, сигнализировало о начале проведения новой политики — политики отказа от коренизации. В других национальных республиках были арестованы и публично осуждены несколько выдающихся национал-коммунистов, однако и после этого официально заявленная политика оставалась по сути без изменений.

Террор и пересмотр национальной политики в Белоруссии

Ярким исключением из этого правила стала политика террора, проводившаяся во время культурной революции в Белоруссии. Было арестовано немало высокопоставленных партийных деятелей республики — этнических белорусов. И, что еще существеннее, белорусских национал-коммунистов обвинили в том, что они перевернулись на сторону национализма, — и обвинили в точности по тому же сценарию, который прежде был состряпан для «дела Шумского». В результате не подвергшиеся террору партийные руководители Белоруссии официально заявили, что главной опасностью является белорусский национализм, и потому прекратили белорусизацию. И эта робкая попытка пересмотреть политический курс предвзовет радикальный поворот в национальной политике, который произошел в декабре 1932 г. Это была первая, хотя и кратковременная, победа «жесткой линии», направленной против коренизации.

То, как стоял национальный вопрос в Белоруссии, имело поразительно много общего с тем, как он стоял на Украине, — факт, неоднократно отмечавшийся как этническими русскими, так и работавшими в республике белорусскими коммунистами²⁰⁵. Существование

²⁰⁵ О некоторых примерах этого ряда см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 4. Л. 4; Сянкевич А. Клясава барацьба ў беларускай літаратуры // Бальшавік Беларусі. 1930. № 8/9. С. 28.

обеих наций — белорусской и украинской — при царизме отрицалось. Обе нации оказались разделены советско-польской границей. Отдельные коммунистические партии были созданы в Польше как для украинского (КПЗУ), так и для белорусского (КПЗБ) национальных меньшинств. В обеих республиках сельское население было преимущественно коренным, а городское население — русским и еврейским. Однако чувство национального самосознания в Белоруссии было развито гораздо слабее. Многие белорусские крестьяне отчаянно сопротивлялись образованию Белорусской республики. Даже в 1929 г. крестьяне, не таясь, заявляли комиссии ЦКК под руководством Затонского, что они говорят только по-русски, даже и не догадываясь о том, что на самом деле они говорят по-белорусски²⁰⁶. Однако хотя национальное самосознание белорусов было слабым, осуществление коренизации в Белоруссии облегчалось тем, что там не было сплоченной русифицированной коммунистической партии, и, по сравнению с Украиной, в Белоруссии было меньше евреев и еще меньше русских. Поэтому власти Белоруссии составляли свою программу коренизации по украинскому образцу. Они создали точно такую же сеть обязательных курсов белорусского языка, точно так же угрожали увольнять с работы уклоняющихся от их посещения, объявили о проведении «жесткой линии» в белорусизации, потребовали создания курсов белорусоведения, содействовали возвращению на родину белорусских сменовеховских националистов и так далее²⁰⁷.

Белоруссия считается наименее подверженной национализму и наиболее русифицированной из всех советских республик, поэтому особенно поражают успехи белорусизации в 20-е гг. Белорусское руководство было просто одержимо идеей национального строительства и посвящало ему даже больше внимания, чем руководство Украины. В 1926 г. Бюро ЦК Компартии Белоруссии обсуждало национальную политику 41 раз. Для сравнения: в том же 1926 г. Бюро ЦК Компартии Грузии обсуждало этот вопрос всего шесть раз²⁰⁸. Численность центральных ответственных работников, которые владели бе-

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 23; Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 175. Л. 48–51; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 59. Л. 17; Оп. 85. Д. 365. Л. 98–99.

²⁰⁷ Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. 1. Белорусизация. Минск, 1927. С. 87–146; Национальны пытанне / сост. А. Будзин. Менск, 1930. С. 252–330. *Дурденевский*. Равноправие языков в советском строе. С. 162–174.

²⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 100. Л. 8; Оп. 18. Д. 2. Протоколы 11, п. 1; 18, п. 10; 25, п. 12; 25, п. 16; 30, п. 1; 39, п. 2. Ни разу, кстати сказать, Бюро не обсуждало проблемы национального строительства в Грузии. Все его обсуждения касались национальных меньшинств.

лорусским языком и вели на нем работу, резко возросла — с 21,9 % в 1925 г. до 80 % к концу 1927 г. и примерно до 90 % в 1929 г. (что значительно выше достигнутого к этому времени на Украине). Как и на Украине, почти все делопроизводство было переведено с русского языка на местный, то есть в данном случае на белорусский, в то время как разговаривали в учреждениях и организациях на русском²⁰⁹.

Пресса стала почти исключительно белорусской. В 1929 г. существовала всего лишь одна русскоязычная газета, и не выходило ни одного русскоязычного журнала²¹⁰. Официальная газета ЦК «Звезда» с начала 1927 г. стала издаваться исключительно на белорусском²¹¹. Подобные успехи были достигнуты и в начальном школьном образовании, где произошла стремительная активизация белорусизации: если в 1924/25 уч. году на белорусском языке шло преподавание лишь в 28,4 % школ, то в 1929/30 — в 93,8 %, что было просто фантастическим успехом²¹². Как и на Украине, гораздо большее сопротивление введению преподавания на белорусском языке оказали вузы и профсоюзы, однако белорусский язык завоевал прочные позиции и там²¹³. Наиболее убедительным свидетельством успеха белорусизации стало то, что здесь, опять-таки как на Украине, русифицированные белорусы массово меняли свою официальную национальную принадлежность с русской на белорусскую²¹⁴. Затонский, хорошо знавший украинские условия, не думал, что Белоруссия продвинулась так же далеко в процессе коренизации, как Украина, однако из материалов, которые собрала возглавляемая им комиссия ЦКК, было видно, что Белоруссия не слишком отставала от Украины и быстро преодолевала существовавший разрыв²¹⁵.

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1694. Л. 290об., 79; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 47–48; XI з'езд Камуністычнай партыі (б) Беларусі. 22–29 лістапада 1927 году. Стэнаграфічную справаздачу. Менск, 1927. С. 403; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 27–28, 47–48.

²¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 41–43. Параллельно на двух языках издавались три газеты и шесть журналов.

²¹¹ Нацыянальны пытанне. С. 283.

²¹² Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. С. 44; Хацкевич А. Ажыццяўленне ленинскай нацыянальнай палітыкі ў Беларускай ССР // Бальшавік Беларусі. 1930. № 10–12. С. 24.

²¹³ Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. С. 19–26, 55–59; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1694. Л. 6–8, 50–58.

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1691. Л. 40; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 414. Л. 12; Оп. 85. Д. 365. Л. 54.

²¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 27–63.

Комиссия ЦКК ВКП(б) во главе с Затонским прибыла в Белоруссию 9 мая 1929 г., чтобы провести инспекцию, осуществляемую в рамках масштабного исследования советской национальной политики, которое проводила ЦКК. Затонский провел в Белоруссии 52 дня, собрал несколько тысяч страниц материалов и направил в адрес Орджоникидзе в высшей степени критический отчет. А содержание письма, которое он написал Сталину, было еще более безотрадным²¹⁶. Отчет Затонского оказался единственным из всех проводившихся в 1929 г. расследований ЦКК, который вызвал политические чистки. Это (по крайней мере, отчасти) объяснялось и немалым авторитетом Затонского в области национальной политики (Орджоникидзе считал, что без Затонского исследования в 1929 г. было невозможно провести), так и его огромной самоуверенностью²¹⁷.

В отчете комиссии ЦКК под руководством Затонского белорусизация была не просто одобрена, ее рекомендовалось проводить еще решительнее. Однако Затонского чрезвычайно встревожили откровенно антирусские настроения, с которыми он столкнулся в Белоруссии. Он написал Сталину: «Я много всякого видел на Украине, но вот степень неприязни к Москве, дающей о себе знать на каждом собрании писателей или академиков, здесь на несколько порядков выше, чем она была у самого бешеного национализма петлюровщины в 1918 г. И этот шовинистический экстаз захватил и многих коммунистов»²¹⁸. Убежденный национал-коммунист, Затонский был особенно оскорблен провинциализмом белорусского национализма: «В Белоруссии выражение “любовь к родине” и даже “Мать-Беларусь” [“Маці-Беларусь”] отнюдь не звучит иронически, как “Нэнька Украина” и “Русь-матушка”»; «Здесь имеется ориентация на Запад, но при этом имеется и гораздо более сильная ориентация на лапти, на местные лапти»²¹⁹. Затонский отметил, что такие украинские националисты, как Хвылевой, совершенно презирают подобную провинциальность.

В подтверждение Затонский привел несколько случаев. В ноябре 1928 г. «Савецкая Беларусь» опубликовала коллективное письмо нескольких видных белорусских писателей, критиковавших белорус-

²¹⁶ О чрезвычайно интересных материалах, собранных Затонским, см.: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1691–1698. О его отчете Орджоникидзе см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365; о письме Сталину см.: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1691. Л. 2–10; о другом письме Орджоникидзе см.: РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 345. Л. 1–2; о времени, проведенном Затонским в Белоруссии, см.: Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 64.

²¹⁷ См.: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1382. Л. 312.

²¹⁸ Там же. Д. 1691. Л. 2.

²¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 103; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1691. Л. 43.

ский национальный театр за то, что он ставит переводные русские пьесы. В качестве примера они опрометчиво выбрали произведение революционной классической драматургии — «Бронепоезд 14-69». А несколько ранее «Савецкая Беларусь» опубликовала статью белорусских коммунистов с критикой русифицированного белорусского кинематографа, а месяцем ранее выразила недовольство тем, что в Белорусском государственном университете создается враждебное отношение к белорусским писателям²²⁰. Эти статьи заставили Затонского усмехнуться: «Вовремя же мы советизировали “Советскую Белоруссию”»²²¹. В заключение он отметил, что «во всех этих статьях дают о себе знать антимосковские настроения, насмешливое отношение к всесоюзному статусу этих [литературных] произведений и жажда [белорусского] “Ренессанса” мелкобуржуазного типа»²²². Кроме того, Затонский отметил, что главный партийный специалист по национальному вопросу в Белоруссии член Бюро ЦК Игнатовский опубликовал работу по истории Белоруссии, которая впоследствии была запрещена как националистическая.

Затонский, разумеется, знал о подобных случаях по своей работе на Украине. Следовательно, его тревогу вызвали не сами по себе проявления национализма, но то, что белорусское партийное руководство прореагировало на них, по его мнению, слишком «деликатно»²²³. Опять-таки, основываясь на своем украинском опыте, Затонский полагал, что белорусское партийное руководство относится к местной сменовеховской интеллигенции чересчур уважительно и фактически находится под ее идеологическим влиянием. Как и на Украине, в Белоруссию вернулось множество видных националистов Гражданской войны Белорусской республики, и им были предоставлены должности в Белорусской академии наук. В письме Сталину Затонский нарисовал зловещую картину, показывающую связь партийных руководителей Белоруссии со сменовеховской интеллигенцией²²⁴:

«Даже и в самые напряженные периоды нашей борьбы с шумскизмом даже и самые фанатичные сторонники Шумского никогда не говорили вслух таких вещей, которые совершенно открыто и без всяких опровержений печатаются в белорусских газетах и журналах.

²²⁰ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1691. Л. 43; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 75–77. Другие свидетельства см.: Некрашевіч А. Беларускі нацыянал-фашызм і нацыянал-дэмакратызм // Асьвета. 1930. № 11/12. С. 18–32.

²²¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1691. Л. 42.

²²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 76.

²²³ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1691. Л. 44.

²²⁴ Там же. Л. 2.

Независимо от того, как далеко отошел от партийной линии Шумский, никто бы даже и не посмел заподозрить, что после всех баталий в Бюро ЦК он бы отправился пить чай к Грушевскому и советоваться с ним относительно тактики их совместной борьбы. А в Белоруссии все это в порядке вещей. И если высшие коммунистические руководители советуются со своими белорусскими грушевскими теперь уже не так часто, то они все равно по-прежнему сохраняют с ними самые тесные отношения и не ведут борьбы против наступательного белорусского национализма. А все прочие деятели, занимающие в иерархии чуть более низкое положение, но тем не менее входящие в правительство и близкие к ЦК, взаимодействуют с беспартийными националистами так тесно, что между ними уже и невозможно провести границу».

Затонский отмечал, что секреты Бюро ЦК немедленно становятся известны сменовеховской интеллигенции²²⁵.

Затонский привел многочисленные примеры проявления чрезмерного почитания сменовеховской интеллигенции. Он с раздражением отметил, что ее представителей официально восхваляют как «пионеров белорусской культуры» и что за право публиковать их статьи боролась даже газета «Звезда», орган ЦК²²⁶. Как ветеран битвы за реабилитацию Шевченко, Затонский согласился, что выдающихся национальных литературных деятелей необходимо признавать. Однако он был шокирован тем, что белорусские лирические поэты Янка Купала и Якуб Колас (а во время Гражданской войны оба были националистами и выступали против большевиков и даже теперь оставались сменовеховцами, пребывающими в раздумьях) были официально провозглашены «народными поэтами Белоруссии» — и это сделал сам ЦК Политбюро Компартии Белоруссии. Портрет Купалы, раздраженно заметил Затонский, висит в каждой белорусской школе рядом с портретом Ленина²²⁷. Столь почтительное отношение Затонский объяснил с точки зрения психологии. Белорусские руководители были не уверены ни в том, что они истинные белорусы, ни в том, что они способны руководить созданием белорусской национальной культуры. И именно поэтому они и пытаются добиться того, чтобы «пионеры белорусской культуры» признали их «стопроцентными белорусами». На совещании Бюро ЦК Компартии Белоруссии Затонский сказал им об этом прямо в лицо²²⁸:

²²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365. Л. 86.

²²⁶ Там же. Л. 75, 84.

²²⁷ Там же. Л. 102.

²²⁸ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1691. Л. 49.

«Вы слишком много заигрываете с националистами. Я понимаю, что было время, когда эмигранты возвращались из-за границы и что в интересах нашей внешней политики было необходимо их приветствовать, давать им должности в учреждениях и так далее. Так мы поступили с Грушевским. Я принял его у меня в кабинете наркома просвещения, но я никогда не пил с ним чай. Я никогда не приглашал его к себе домой. Я понимаю, что было время, когда нам было нужно использовать их для наших целей. Это было правильно, но не можем же мы вечно ходить вокруг них на цыпочках... Характерно, что и по сей день все еще существует желание, чтобы они признавали вас стопроцентными белорусами. Вы чего-то ожидаете от них, заигрываете с ними, вместо того чтобы постепенно отойти от них и заменить их новыми кадрами».

Затонский сурово осудил их за это и добавил, что они никак не могут понять, что начало социалистического наступления означает ликвидацию сменовеховства.

Дело Шумского заставило украинское руководство опасаться, что использование сменовеховской интеллигенции с целью повлиять на настроения населения Западной Украины может привести к прямо противоположному результату. Вместо того чтобы сменить ориентиры западноукраинского населения, повернуть его в сторону большевизма, украинские большевики могут сами соблазниться украинским национализмом и, соответственно, сменить ориентиры. И этот украинский кошмар, полагал Затонский, уже материализовался в Белоруссии. В какой-то степени даже само белорусское партийное руководство стало сменовеховским. В своем письме Сталину Затонский назвал нескольких белорусских коммунистов, ставших националистами, — наркома земледелия Дмитрия Прищепова, который проводил «откровенно правоуклонистскую сельскохозяйственную политику», наркома просвещения Антона Балицкого, «типичного националиста», и бывшего руководителя отдела печати ЦК Александра Адамовича, который поддерживал «стопроцентно белорусскую» интеллигенцию²²⁹.

Более того, Затонский опасался, что даже не являвшиеся этническими белорусами могли измениться, приспособившись к местному окружению. Например, второго секретаря ЦК КП(б) Б. Василевича Затонский считал «убежденным революционером». Василевич состоял в партии с 1918 г., «но, прибыв в Белоруссию, он довольно серьезно заболел местной болезнью»²³⁰. Затонский имел в виду, что

²²⁹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1691. Л. 5–6.

²³⁰ Там же. Л. 5.

такие люди, как Василевич, попадали под влияние либо национал-коммунистов (в его случае — Адамовича), либо их сменовеховских союзников, либо не выказывают ни малейшего намерения решительно с ними бороться. Из представителей высшего руководства Затонский сделал исключение лишь для назначенного незадолго до этого первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии Яна Гамарника и будущего председателя Совнаркома Белоруссии Н. М. Голодеда. В результате Затонский был вынужден сделать грозное предостережение Сталину: «В то время, когда Польша открыто готовится к войне, положение советской власти и диктатуры пролетариата в Белоруссии защищено очень слабо. Откровенно кулацкая земельная политика сильно укрепила позицию кулаков, и очевидно, что теперь они начинают использовать национальный момент как свое идеологическое знамя»²³¹.

Составленный Затонским отчет ЦКК и его секретные письма Сталину и Орджоникидзе содержали в себе недвусмысленный призыв провести чистку белорусского политического руководства. И в этом Затонский добился успеха. В конце 1929 г. началась новая атака на белорусский национализм. В Белорусской академии наук были произведены аресты. Со своих постов были смещены Прищепов, Балицкий и Адамович²³². В сентябре 1930 г. все они были арестованы ОГПУ Белоруссии вместе с Петром Ильющонком — менее значительным партийным руководителем. Составленный Затонским отчет ЦКК ОГПУ превратило в историю возникновения контрреволюционной организации под названием «Союз освобождения Белоруссии» («Саюз вызвалення Беларусі» — СВБ). История создания СВБ почти в точности воспроизводила историю аналогичной украинской организации, которая послужила для нее прототипом²³³. Как и СВУ, СВБ якобы состоял из сменовеховской интеллигенции — белорусской, центром заговора также была представлена Академия наук — Белорусская академия наук. Кроме того, СВБ изображался как альянс живущих в Белоруссии и Польше белорусских интеллигентов, выполняющих приказы польского правительства. Цель СВБ, как и СВУ, заключалась в том, чтобы подготовить и в надлежащий момент поднять народное восстание, расчистив путь для иностранной интервенции

²³¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1691. Л. 2.

²³² Некрашэвіч А. Указ. соч. С. 21–37; Сянкевіч А. Барацьба з ухіламу нацыянальным питаньні і на працы // Бальшавік Беларусі. 1930. № 5. С. 12–15.

²³³ О внутреннем отчете ОГПУ см.: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1968. Л. 58–69; о версиях, опубликованных позже, см.: Гірчак С. Ф. Білоруські нацыянал-дэмакратызм. Харків, 1931; Супраць контррэвалюцыйнага беларускага нацыянал-дэмакратызму. Менск, 1931; а также целый ряд статей в журналах «Бальшавік Беларусі» и «Асьвета» за 1930–1931 гг.

и образования самостоятельного белорусского государства под протекторатом Польши. Хронология деятельности СВУ и СББ была почти одной и той же²³⁴. Сообщалось, что Ефремов даже установил контакт с руководителями СББ, чтобы координировать усилия с целью создания постоянно действующего «союза национальностей» («спілка народностей»)²³⁵.

Однако в описаниях деятельности СВУ и СББ имелось одно важное отличие. В состав последнего входили видные белорусские партийные деятели. В отчете ОГПУ утверждалось, что четверо обвиняемых партийных деятелей, не входя официально в состав СББ, регулярно встречались с заговорщиками и образовали с ними единый фронт²³⁶. Удивительно, до какой степени история, придуманная ОГПУ, совпадала с теми опасениями, которые выражал Затонский, встревоженный контактами между партийными руководителями и белорусской интеллигенцией. Согласно ОГПУ, руководители СББ «“под шумок” вечеринок» с Прищеповым разработали свою аграрную политику и, кроме того, обсуждали политику в области образования, «приглашая [Балицкого] на всякого рода вечеринки». Балицкий и Прищепов показали, что эти вечеринки они проводили для «предварительного обсуждения вопросов». И опять-таки, уловив озабоченность Затонского, ОГПУ представило дело так, будто эти встречи проходили в кабинетах редакции газеты «Савецкая Беларусь» и в квартире «народного поэта» Купалы²³⁷. Совершенно очевидный смысл дела СББ оставшиеся на свободе белорусские руководители уловили очень быстро. После того как в прессе появилась первая информация о СББ, руководитель агитпропотдела Белоруссии А. Санкевич, хотя и не был привлечен по этому делу, написал покаянное письмо в ЦКК. Он оправдывал себя по всем пунктам обвинения, кроме одного, признав свою «грубейшую политическую ошибку — посещение вечеринок и застолий» с представителями белорусской интеллигенции²³⁸.

²³⁴ Например, предшественницами обеих организаций были менее крупные группы, существовавшие в эпоху Гражданской войны. Обе организации возникли после того, как в 1926 г. к власти пришел Пилсудский, а в республиках произошли имевшие ключевое значение события, связанные с решением национального вопроса: литературная дискуссия и «дело Шумского» на Украине и академическая конференция в Белоруссии. Образованию организаций предшествовало возвращение на родину двух видных эмигрантов: Никовского — на Украину и Ластовского — в Белоруссию. СВУ якобы была создана в середине 1926 г., а СББ — в начале 1927 г.

²³⁵ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1968. Л. 62; Спілка визволення України. С. 35.

²³⁶ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1968. Л. 13–14.

²³⁷ Там же. Л. 15, 27, 21, 13, 17.

²³⁸ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1959. Л. 5.

Таким образом, отчет ОГПУ всего лишь представил в форме заговора то, о чем так тревожился Затонский: что часть белорусского руководства сочувствует сменовеховской интеллигенции и проводит ее политическую линию. ОГПУ заставило одного из руководителей СВБ признать, что в 1926 г. «руководство [СВБ] поставило перед собой цель: сделать так, чтобы все вопросы — до того, как решение по ним будет принято правительством — предварительно обсуждались белорусской интеллигенцией и только после этого поступали на утверждение правительства». Другой «заговорщик» описал это «как попытку заменить диктатуру пролетариата диктатурой белорусской интеллигенции». Более того, поскольку считалось, что СВБ выполнял приказы польского правительства, ОГПУ вынудило одного из обвиняемых по делу СВБ похвастаться, что «бюджет Белорусской ССР утверждался не в Москве, а в Варшаве»²³⁹. Тем самым и на этот раз было облечено в форму заговора беспокойство Затонского о том, что правительство Пилсудского может воспользоваться антирусскими настроениями белорусского руководства в своих целях. ОГПУ обвинило СВБ в подготовке заговора с целью захвата сопредельной территории РСФСР, а также дерусификации и полонизации белорусского языка. Цель членов СВБ, согласно ОГПУ, состояла в том, чтобы оградить Белоруссию от любого русского влияния путем «создания искусственных границ на востоке»²⁴⁰.

На Украине ОГПУ лишь намекнуло, что украинизация могла содействовать возникновению заговора СВУ — и Косиор тут же решительно осудил это мнение. А в Белоруссии, где в деле СВБ было замешано в определенной степени практически все белорусское партийное руководство, ОГПУ пошло дальше. Как и члены СВУ, руководители СВБ признались, что их целью было «взять под свой контроль белорусизацию». А поскольку в числе сочувствующих заговору были и нарком просвещения, и руководитель Отдела печати ЦК, то утверждать, что это им удалось, было гораздо легче. Давая показания ОГПУ, Балицкий сознался, что курсы белорусоведения были созданы по совету СВБ и что «эти курсы, как засвидетельствовали некоторые арестованные, были настоящей школой подготовки национал-демократических пропагандистов и агитаторов». Адамовичу поставили в вину также то, что он проводил «активную белорусизацию восточных районов [Белоруссии], например проводил стремительную белорусизацию Калининского округа»²⁴¹. А поскольку

²³⁹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1968. Л. 20, 24.

²⁴⁰ Там же. Л. 37.

²⁴¹ Там же. Л. 9, 29–30, 38.

и создание курсов белорусоведения, и активная белорусизация были официальной политикой партии, то в данном случае их критика предполагала, что белорусизация подлежала, по крайней мере, пересмотру, если не упразднению.

Потрясенное белорусское партийное руководство поняло намек. И отчет ЦКК, составленный Затонским, и последующие чистки, проводившиеся ОГПУ, вынудили его отказаться от фундаментального принципа советской национальной политики. В конце 1929 г. «Звезда» опубликовала статью, в которой заявлялось, что главной опасностью в Белоруссии является белорусский национализм. Это заявление немедленно подхватили все главные белорусские журналы²⁴². Аргументация была точно такой же, как у украинских ревизионистов в 1928–1929 гг. Социалистическое наступление означало, что главной опасностью стал правый уклон, а местный национализм отождествлялся с правыми²⁴³. В Белоруссии этот аргумент был подкреплен еще и тем, что Затонский связал кулацкую аграрную политику Прищепова с белорусским национализмом. И здесь тоже, как и на Украине, непрестанно упоминали о внешнеполитической угрозе, исходившей от Пилсудского, который, как говорили, вступил в альянс с белорусским «национал-фашизмом»: «Белорусскому национал-фашизму удалось увести коммунистического [писателя] М. Зарецкого с советской позиции. В связи с этой активизацией борьбы против Советского Союза... наш главный огонь мы теперь должны направить против белорусского национализма и национал-демократии... которая фактически пошла на приступ УССР»²⁴⁴.

Как мы уже видели, принцип «главной опасности» был тесно связан с коренизацией. А если так, то отказ от него ставил под вопрос всю политику белорусизации. Но никакого официального отказа не произошло, хотя после нескольких лет настойчивого внимания к этому вопросу он внезапно исчез и со страниц белорусской печати, и из партийных резолюций. Оказалось, что белорусское руководство неверно истолковало сигналы, поступавшие из центра. В июне 1930 г. Сталин заявил, что великодержавный шовинизм по-прежнему остается главной опасностью во всем Советском Союзе. Белорусская пресса немедленно изменила курс и в качестве покаяния обрушилась на беднягу Семена Диманштей-

²⁴² Главные тезисы статьи, опубликованной в «Звезде», см.: Некрашевіч А. Указ. соч.; см. также: Куница. Нацыянальнае будаўніцтва на Гомельшчыне за апошнія тры гады // Бальшавік Беларусі. 1930. № 1/2. С. 120–126.

²⁴³ Куница. Указ. соч. С. 121.

²⁴⁴ Некрашевіч А. Указ. соч. С. 36–37.

на²⁴⁵. В статьях снова стали указывать на угрозу, которую несет белорусизации великодержавный шовинизм²⁴⁶. Официально ЦК КП(б)Б пересмотрел свою политику на октябрьском пленуме 1930 г.²⁴⁷ За свою ошибку белорусское руководство подверглось официальной критике: она прозвучала на заседании Оргбюро, проходившем в феврале 1931 г. Каганович отметил «антибелорусские настроения», существовавшие в русифицированной Гомельской области, и призвал к «активной работе по национальному вопросу»²⁴⁸.

Однако повторное провозглашение верности принципу «главной опасности» в Белоруссии было еще менее искренним, чем на Украине. В декабре 1930 г., после целого года шумной деятельности ОГПУ, было объявлено, что раскрыт заговор СВБ. А это вновь вызвало поток статей с критикой белорусского национализма²⁴⁹. Более того, в этих статьях осуждались не только арестованные «национал-демократы» из Белорусской академии наук и четверо партийных руководителей. Самокритичные статьи опубликовали и несколько «национал-оппортунистов», то есть те, кто не состоял в СВБ, но якобы подпал под идеологическое влияние заговорщиков. В их числе были Игнатовский (член Бюро ЦК), Жилунович (главный партийный специалист по национальному вопросу и литературным делам) и два народных поэта — Купала и Колас²⁵⁰. А до этого открытой критике со стороны ЦКК был подвергнут председатель ЦИК БССР Червяков, которого обвинили в «национал-оппортунизме»²⁵¹.

²⁴⁵ Барацьба на два фронту ў нацыянальным пытанні — барацьба за дыктатуру пралетарыяту // *Большавік Беларусі*. 1930. № 8/9. С. 3–6; *Некрашевіч А.* 16-й з'езд УсеКП(б) аб нацыянальнай палітыцы // *Асьвета*. 1930. № 9/10. С. 81–87.

²⁴⁶ *Красіна Н.* Аб вялікадзяржаўнім шавінізме // *Большавік Беларусі*. 1930. № 8/9. С. 7–14.

²⁴⁷ Нацыянальны пытанне. С. 304–314.

²⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 212. Протоколы 36, п. 1. Л. 22–24, 75.

²⁴⁹ *А. В.* Палітычная сутнасць беларускага нацыянал-дэмакратызму // *Большавік Беларусі*. 1930. № 10/12. С. 40–53; *Альшэвскі А.* Беларуская агентура інтэрвентаў // *Асьвета*. 1930. № 12. С. 11–18; *Нацыянал-дэмакраты за працай* // *Асьвета*. 1930. № 12. С. 18–32; *Супраць контррэвалюцыйнага беларускага нацыянал-дэмакратызму; Беларускі нацыянал-дэмакратызм на ідеалагічным фронце БССР* // *Правда*. 1930. 28 дек. С. 3.

²⁵⁰ Эти письма были опубликованы в газете «Звезда» в декабре 1930 г. Воспроизведены в № 12 журнала «Асьвета» за 1930 г. (с. 13–18). О том, что происходило позже, см. в: *Гей К. В.* КП(б) Белоруссии за генеральную линию партии // *Правда*. 1931. 8 янв. С. 3–4; *Национал-оппортунисты, фашистские агенты Игнатовский и Жилунович выброшены из партии* // *Правда*. 1931. 24 янв. С. 5; *Дунец К.* Национал-оппортунистов гнать из партии // *Правда*. 1931. 16 февр. С. 5.

²⁵¹ *Аб пазіцыі Чарвякова на пытаннях барацьбы з правым ухілам і нацыянал-дэмакратызмам* // *Большавік Беларусі*. 1930. № 1/2. С. 172–173.

Таким образом, хотя официально партия провозгласила, что главной опасностью является великодержавный шовинизм, за это преступление никого не арестовывали, а лишь критиковали за то, что великодержавный шовинизм замедляет белорусизацию. То есть формально белорусский национализм считался менее опасным, хотя он и привел к созданию конспиративной организации, в которую входил цвет белорусской интеллигенции и несколько крупных партийных деятелей и которая пользовалась молчаливой поддержкой других высокопоставленных партийных деятелей и властей сопредельной страны, собиравшейся развязать войну с СССР. Противоречие между официальной политикой и направлением применения террора (еще более выраженное, чем на Украине) были настолько сильными, что Политбюро ЦК ВКП(б), судя по всему, решило, что официальный показательный процесс будет излишним, и потому ограничилось относительно короткой, но интенсивной кампанией в прессе²⁵².

Таким образом, проводившаяся в годы культурной революции кампания террора была в основном направлена против местного национализма, а не против великодержавного шовинизма. И хотя в большинстве республик (за исключением Белоруссии) они сопровождались официальными заявлениями и действиями в поддержку коренизации, применение террора в корне подрывало эту политику. Одной из важнейших функций террора в Советском Союзе было обозначение политических приоритетов. Тот факт, что центр (к огорчению Миколы Скрипника) отказался от террора против великодержавных шовинистов, сигнализировал рядовым партийным работникам, что в данном случае речь идет о политике «мягкой линии», которой можно оказать пассивное сопротивление — хотя и небезнаказанно, но все же без трагических последствий. Террор против местных националистов нанес непоправимый удар украинизации, которую проводил Каганович в русле «жесткой линии». Истоки «жесткой линии», направленной против коренизации, можно обнаружить и в «деле Шумского», и в растущем опасении, что национал-коммунисты под давлением сменовеховской интеллигенции как в самом Советском Союзе, так и за границей переметнутся на сторону националистов. Культурная революция, при всей ее декларативной поддержке коренизации, на самом деле значительно укрепила «жесткую линию», направленную против коренизации. И она окончательно восторжествовала через три года благодаря «Кубанскому делу» и в 1933 г. привела к террору на Украине.

²⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Протоколы 12, п. 21; 23, п. 3.

Выводы

Таким образом, к концу 1930 г. политика коренизации зашла в тупик. С одной стороны, конструктивный аспект культурной революции, решительно одобренный самим Сталиным, способствовал ее проведению. С другой стороны, ее деструктивный аспект мешал коренизации. Публичные заявления Сталина оставались, как правило, позитивными, однако при этом он был не вполне удовлетворен результатами положительной деятельности. Он также разделял растущую обеспокоенность тем, что коренизация привела к появлению национал-коммунистического уклона. И свидетельством его обеспокоенности стало то определение местного шовинизма, которое Сталин дал на XVI съезде партии²⁵³:

«Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы наций СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга».

В 1929–1931 гг. советское руководство начало новую кампанию, призванную создать «братство народов». Первым эпизодом этой кампании стал состоявшийся в феврале 1929 г. визит делегации украинских писателей в Москву, в ходе которого Сталин выступил в защиту коренизации. Эта кампания положила начало новому советскому национальному устройству, возникшему в середине 30-х гг., символом которого стала повсеместно употреблявшаяся метафора «дружба народов».

Одной из главных особенностей «дружбы народов» стала реабилитация традиционной русской культуры и русского национализма как силы, обеспечивающей советское единство. На первый взгляд кажется, что культурная революция должна была привести к совершенно противоположному результату. В частности, интернационализм культурной революции (примерами которого были предложения властей латинизировать русский алфавит) выражал себя в нападках на традиционную русскую культуру. Однако в то же самое время присущие революции сверху радикальная централизация и этатизм вынуждали большевиков больше доверять той единственной нации,

²⁵³ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии — ВКП(б). С. 56.

которая отождествлялась с советским государством больше всего, то есть русским. Как мы уже видели, в процессе своего развития революции сверху имеют тенденцию постепенно эволюционировать в националистическом направлении.

Наиболее откровенно эта тенденция выразилась в русификации большевистской революции сверху, которую проводил Сталин, о чем в феврале 1931 г. он заявил в своем обращении к группе советских хозяйственников²⁵⁴:

«Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно... [Если] ты слаб — значит ты не прав, стало быть, тебя можно бить и поработать. [Если] ты могуч — значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нельзя нам больше отставать... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Высказывания Сталина представляли собой декларацию программы классической националистической революции сверху. Но при этом они очень сильно отличались от его заявлений, сделанных на съезде партии в июне 1930 г.: в них открыто декларируемый интернационализм был осужден как завуалированный русский национализм, а теперь он внезапно был возведен в ранг государственной политики. Более того, в своих высказываниях Сталин на этом не остановился, а пошел дальше, заявив, что преодоление исторической отсталости России является не только долгом перед советским рабочим классом, но и «нашим долгом перед всемирным пролетариатом»²⁵⁵. Таким образом открыто декларируемый русский национализм стал завуалированным интернационализмом.

Но откуда же появился этот русский национализм? Можно указать на четыре его возможных источника. Во-первых, присущие социалистическому наступлению централизация и этатизм привели к

²⁵⁴ Сталин И. О задачах хозяйственников // Соч. Т. 13. М., 1953. С. 38–39.

²⁵⁵ Там же. С. 39–40.

тому, что власти все больше и больше стали полагаться на русских и доверять русским как тому народу, который более других отождествлялся с центром государства. Противодействие требованиям центра (в частности, противодействие украинцев употреблению русского языка работниками всесоюзных органов) все больше и больше воспринималось как противодействие русским. Вторым источником русского национализма была внешняя политика. По мере того как Советский Союз постепенно отказывался от применения Пьемонтского принципа и начинал придерживаться оборонительного внешнеполитического курса, трансграничные этнические связи нерусских народов СССР казались все более и более опасными. И выражением этих опасений стал террор времен культурной революции. А русские, как центральная советская нация, имели таких внешних связей меньше всех. В-третьих, наиболее яростное и насильственное сопротивление коллективизации было оказано в национальных регионах Советского Союза²⁵⁶. В результате русские опять-таки оказались наиболее надежной нацией. В-четвертых, Сталина все больше тревожило то, что русские недовольны империей положительной деятельности. В своих высказываниях во время встречи с украинскими писателями, которые остались неопубликованными, он выразил озабоченность тем, что русские недовольны и коренизацией, и передачей русских территорий национальным республикам²⁵⁷. А поскольку это недовольство выражалось *внутри* коммунистической партии, то вызывало некоторую озабоченность. Партийные массы были на стороне интернационализма. Однако Сталин отказался от него и обратился, наоборот, к русскому национализму — и тем самым удовлетворил национальные чувства русских. По мере постепенного отказа от мобилизующей стратегии классовой борьбы, которая была присуща революции сверху, происходило усиление государственной пропаганды русского национализма.

Централизация, усиление ксенофобии и коллективизация характерны для революции сверху. Недовольство русских было постоянной проблемой, которая была связана с положительной деятельностью, а во время социалистического наступления эта проблема существенно обострилась. Следовательно, социалистическое наступление должно было укрепить империю положительной деятельности, но фактически оно незаметно подрывало ее главные принципы. Русский национализм, постепенно заявлявший о себе в публичных заявлениях властей после 1933 г., присутствовал в рассуждениях Ста-

²⁵⁶ См. главы 7 и 8.

²⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 16, 19–20.

лина уже в конце 1930 г. В дополнение к своей публичной речи перед хозяйственниками, которую Сталин произнес в феврале 1930 г., в декабре он написал Демьяну Бедному примечательное письмо, в котором разругал Бедного за клевету на русский народ, проявившуюся в его недавнем фельетоне²⁵⁸:

«Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу, и прежде всего *русскому* рабочему классу (курсив Сталина. — Т. М.), авангарду советских рабочих как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуринных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса».

Эти слова Сталина положили начало пропагандистской кампании 30-х гг. Из этого фрагмента ясно, что Сталин, взывая к национальной гордости русских рабочих, имел при этом весьма практическую цель — вызвать энтузиазм и побудить «творить чудеса». И поэтому особенно важно, что впервые эту стратегию он сформулировал в ответ на «клевету» в адрес русского народа²⁵⁹:

«А Вы?.. [Вы] стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения... что “лень” и стремление “сидеть на печке” является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит, и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а *клевета* на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата (курсив Сталина. — Т. М.)».

В середине 30-х гг. обращение к русской национальной «гордости» было представлено как ответ на «клевету» в адрес нации и предназна-

²⁵⁸ Сталин И. Тов. Демьяну Бедному // Соч. Т. 13. М., 1953. С. 24–25. О фельетоне Бедного и о его письме в собственную защиту см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп 1. Д. 2939.

²⁵⁹ Там же. Л. 25.

чалось русской аудитории, которая действительно была недовольна. И наконец, читая последние фразы письма Сталина, мы видим, что он отождествляет русский пролетариат с советским пролетариатом и одновременно с Россией. Русской истории, культуре и традициям предстояло стать силой, объединяющей советские народы. Единственное существенное отличие письма Сталина от последующих пропагандистских кампаний середины 30-х гг. заключается в том, что руководящая роль в нем по-прежнему отводилась русским рабочим, а не народу. Однако вскоре нация полностью заняла то место, которое раньше занимал класс.

7

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ГОЛОД 1933 года

В 1931 г. политика коренизации осуществлялась в крайне противоречивых политических условиях. С одной стороны, во время культурной революции окончательно оформилась «жесткая линия», направленная против коренизации, что привело к изменению политики в Белоруссии, правда, ненадолго. Кампания террора против национальной сменовеховской интеллигенции и элиты национал-коммунистов по-прежнему сигнализировала о том, что коренизация находится в опасности. Усиление централизации мешало превращению национальных языков в государственные и на Украине, и в других местах. Антирусские настроения и конфликты между коренными жителями и русскими стали восприниматься как свидетельство роста прозападных настроений и неприязни к центру. Но, пожалуй, самым важным было то, что после измены Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ) трансграничные этнические связи стали вызывать все большие опасения, и это было вызвано внешне-политическими соображениями. Все эти факторы в совокупности усиливали ощущение, что коренизация скорее способствует распространению национализма, чем мешает этому. С другой стороны, невероятная одержимость, присущая культурной революции, усиливала действенность тех девелопменталистских программ национально-государственного строительства, которые применялись на советском Востоке, что, в свою очередь, укрепляло неприязнь к традиционной русской культуре. И наконец, Сталин открыто и решительно выступил в поддержку коренизации, заставил замолчать ее критиков и отказаться от пересмотра национальной политики, который начался в Белоруссии. Прежде чем Сталин поддержал «жесткую линию», направленную против коренизации, должно было произойти еще одно политическое потрясение. И этим потрясением стал случившийся осенью 1932 г. кризис хлебозаготовок, завершившийся «Кубанским делом» и принятием в декабре 1932 г. постановлений Политбюро по Украине.

Своим происхождением «Кубанское дело» обязано затянувшемуся территориальному спору между Украинской ССР и РСФСР. Спор из-за определения границы между Украиной и РСФСР не прекращался потому, что Украина настойчиво требовала от РСФСР создавать на ее территории украинские национальные советы. И действительно, образование украинских национальных советов могло бы стать заключительным актом создания грандиозной пирамиды национальных советов (см. главу 2) точно так же, как их упразднение стало бы началом постепенного разрушения этой пирамиды. Десятилетний территориальный спор постепенно становился для центральных властей все более весомым свидетельством того, что следует придерживаться «жесткой линии» против коренизации. Требования Украины можно было расценить и как стремление украинских национал-коммунистов распространить влияние Украины на центральные регионы РСФСР. В них можно было увидеть не только доказательство существования украинского национализма — эти требования увеличивали опасения по поводу растущего влияния украинских националистов, находящихся за границей, которое привело к национал-уклонизму Шумского и Хвылевого и считались серьезной угрозой единству Советского Союза.

Пьемонтский принцип и споры о внутренних границах

Связь между целями советской внешней политики и созданием национальных территорий в Советском Союзе, а особенно со спорами о внутренних границах этих территорий не столь уж очевидна. И тем не менее она была прямой и непосредственной. В 20-е гг. советское руководство возлагало на Пьемонтский принцип большие надежды: оно полагало, что трансграничными этническими связями можно воспользоваться для того, чтобы распространить советское влияние на сопредельные государства. Пьемонтский принцип не был главным оправданием ни коренизации, ни образования национальных территорий (потому что главная цель заключалась в борьбе с национализмом в Советском Союзе) — и тем не менее он был важным фактором, способствовавшим усилению коренизации, которую руководство требовало проводить во всех советских пограничных районах. Как мы уже отмечали в главе 2, именно попытка реализовать Пьемонтский принцип привела к созданию национальных советов на Украине. Они были нужны для того, чтобы поставить в неудобное положение Польшу, где украинцы и белорусы не имели национальных автономий и положение этих национальных меньшинств было

настолько тяжелым, что это вызывало постоянную критику польских властей со стороны Лиги Наций¹. Советские газеты регулярно ругали Польшу за дурное обращение с проживающими на ее территории украинцами и белорусами, а советский Наркомат иностранных дел даже выступал с официальными дипломатическими протестами².

Однажды стремление реализовать Пьемонтский принцип даже стало главным мотивом образования национальной республики — Молдавской АССР. Советский Союз никогда не признавал аннексию Бессарабской губернии Румынией. В 1924 г. СССР начал оказывать на население Бессарабии сильнейшее давление, пытаясь вызвать восстание. В Бессарабии создавались, обучались, финансировались партизанские отряды, а оперативное руководство ими осуществлялось из СССР³. Подразумевалось создание Молдавской АССР, или, как выразился Володимир (Владимир) Затонский, «нашего собственного молдавского Пьемонта»⁴. И хотя эта новая территория была совсем маленькой, она получила статус автономной республики «в силу будущих политических перспектив Молдавии», т. е. предстоящей аннексии Бессарабии⁵. По этой же причине, несмотря на протесты румынских коммунистов, был создан молдавский литературный язык и формировалась особая молдавская национальная идентичность⁶. Все детали политики в отношении Молдавии были продуманы так, чтобы произвести на Бессарабию максимально выгодное впечатление.

Молдавская АССР осталась частью Украинской ССР, и украинское руководство охотно поддержало ее образование. Однако Украина и Белоруссия ссылались на Пьемонтский принцип еще и для того, чтобы заявить о своих притязаниях на территории РСФСР. И это привело к жестокой борьбе за территории между тремя славянскими республиками. А поскольку белорусское руководство своих территориальных целей достигло и тем самым создало прецедент, то я начну

¹ Révész L. Minderheitenschicksal in den Nachfolgestaaten der Donaumonarchie. Vienna, 1990. S. 334–345.

² Факти гноблення нацменшостей у Польщі доведено // Вісті ВУЦВК. 1924. 10 июня. С. 1; Угнетение национальных меньшинств в Польше // Там же.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 94–98.

⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 933. Л. 28. Об образовании Молдавии см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1.

⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 95. В действительности территория была аннексирована в 1940 г. в ходе раздела Восточной Европы между СССР и нацистской Германией; тогда же была создана Молдавская ССР.

⁶ Там же. Л. 119–120. В первоначальном варианте закона о языке содержалась фраза о «желании максимально приблизить [новый молдавский литературный язык] к языку молдавского населения Бессарабии».

свой рассказ именно с этого эпизода. После того как по Рижскому договору 1921 г. к Польше отошли обширные территории, населенные белорусским большинством, в остальной части Белоруссии, в Белорусской республике, осталось лишь около 1,5 млн жителей. А это, как сетовали ее руководители, было «почти карикатурой на автономную республику: столь ничтожной была численность проживающего в ней населения»⁷. Миллионы белорусов компактно проживали в сопредельных районах РСФСР, но эти районы первоначально не были включены в состав образованной в декабре 1918 г. Белорусской республики как из-за слабости белорусского национального самосознания, так и из-за опасения советских властей, что на белорусскую территорию будет притязать Польша⁸.

В конце 1923 г. Советский Союз резко изменил свою внешнеполитическую линию и занял по отношению к Польше наступательную позицию, что подразумевало и попытки (аналогичные тем, которые предпринимались в Бессарабии) поднять восстания среди белорусской и украинской диаспор Польши⁹. Чтобы увеличить возможности применения Пьемонтского принципа, в ноябре 1923 г. Политбюро проголосовало за расширение Белоруссии путем передачи ей прилегающих территорий РСФСР, населенных белорусами¹⁰. Это решение немедленно привело в действие привычную схему этнической политики, описанную в главе 2. Русское руководство оказавшихся под угрозой Витебской и Гомельской губерний РСФСР развернуло среди населения этих губерний активную кампанию по противодействию этому. Судя по всему, оно действовало весьма успешно, поскольку было признано, что население этих регионов, хотя и является преимущественно белорусским, выступает против их передачи Белоруссии¹¹.

Белорусское руководство потребовало проигнорировать эти настроения, и его аргументами позднее воспользовались на Украине. Во-первых, белорусские руководители пожаловались, что российские власти вызвали противодействие передаче искусственно¹²:

⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 206. Л. 2.

⁸ Вялікі А. «...По прочтении... это письмо сжечь» // Беларускі гістарычны часопіс. 1995. № 1. С. 35.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Протокол 45, п. 13.

¹⁰ Там же. Л. 8. Эта территория включала в себя часть Смоленской губернии и большую часть Витебской и Гомельской губерний.

¹¹ Там же. Л. 11–22, 34–46, 65. XIII конференция Коммунистической партии (больш.) Белоруссии. Стенографический отчет. Минск, 1924. С. 45–46. Вялікі А. Указ. соч. С. 34–36.

¹² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 206. Л. 37–38.

«Как только Политбюро приняло свое решение о расширении Белоруссии, Витебский губком принял постановление, в котором заявлялось, что для Витебска этого вопроса не существует. Они обсуждали его в печати; для того, чтобы показать, что белорусского вопроса не существует, была организована спланированная кампания. Они запугали население тем, что сразу же после передачи [их территории] Белоруссии белорусский язык повсеместно заменит собой русский. И в результате они добились от населения [негативной] реакции».

Во-вторых, руководители Белоруссии признали, что белорусское национальное самосознание действительно слабое, но, утверждали они, это трагический результат русификации, проводившейся при царизме, и эта политика должна быть коренным образом пересмотрена. И наконец, они разыграли внешнеполитическую карту: «Образование расширенной Белоруссии привлекло бы взоры зарубежных белорусов к их родной Белоруссии». Существующее положение мешало этой пропаганде: «Молодежь учат в школе, что существуют три Белоруссии: одна — оккупированная Польшей, вторая — советская... и третья — по какой-то необъяснимой причине присоединенная к России»¹³. В их аргументации дерзко ставился знак равенства между историей образования польско-белорусской границы, которая, по официальной советской версии, возникла в результате империалистической агрессии Польши, и спорной российско-белорусской границы.

Однако возобладали внешнеполитические соображения. И об этом четко заявил Абель Енукидзе, председатель комиссии по пограничному спору¹⁴:

«Надо говорить честно. Эта [передача] является ударом по местному населению, и я понимаю опасения белорусов. Их дети понимают русский лучше, чем белорусский, и с культурной точки зрения мы жертвуем интересами народа... Однако в данном случае мы руководствуемся политическими соображениями, и мы должны расширить Белоруссию и привлечь внимание к ней зарубежных стран. Исходя из этих соображений мы увеличиваем численность населения Белоруссии и тем самым демонстрируем национальную политику советской власти».

В марте 1924 г. пограничная комиссия проголосовала за передачу Белоруссии 16 уездов с населением около 2 млн жителей. Эта акция свидетельствовала о том, что Пьемонтскому принципу придавалось

¹³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 206. Л. 105.

¹⁴ Там же. Л. 40.

большое значение в пограничных республиках Советского Союза, и о том, что для советских властей ассимиляция, даже добровольная, была неприемлема.

Таблица 25. Численность белорусов и русских на территориях РСФСР, граничащих с Белорусской ССР

Области	Русских	в процентах от общей численности населения	Белорусов	в процентах от общей численности населения	Всего
Псковская губ.					
Велижский уезд	111 961	87,3	9 528	7,4	128 241
Невельский уезд	125 156	83,4	16 746	11,2	150 030
Себежский уезд	118 216	92,5	4 326	3,4	127 779
Смоленская губерния					
Демидовский уезд	162 949	98,7	141	0,1	165 024
Смоленский уезд	498 279	92,3	10 246	1,9	539 871
Рославльский уезд	351 316	95,8	3 171	0,9	366 630
Брянская губерния					
Клинцовский уезд	263 989	88,3	6 679	2,2	298 825
Новозыбковский уезд	139 737	78,4	5 608	3,1	178 136
По восьми уездам в целом	1 771 603	90,6	56 445	2,9	1 954 536

Рассчитано по кн.: Всесоюзная перепись населения в 1926 г. Т. I–II. М., 1926.

В декабре 1926 г. из Гомельской губернии передали Белоруссии еще два уезда, в результате чего и была установлена окончательная граница между Белоруссией и РСФСР¹⁵. Образовавшаяся граница

¹⁵ Лазовский И., Бибин И. Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР. М.; Л., 1928. С. 150, 171–172. Завораживающий рассказ о том, как в Политбюро проходили прения по этому вопросу, см.: Вялікі А. Указ. соч. С. 36–37.

почти полностью удовлетворила белорусские власти и свела на нет всякую возможность возникновения белорусского вопроса в РСФСР. Из таблицы 25 видно, что в пограничных уездах РСФСР осталось совсем немного белорусов, а из таблицы 26 — что, за исключением Гомельщины, белорусы составляли подавляющее большинство на тех территориях, которые располагались на белорусской стороне от границы между Белоруссией и РСФСР. Таким образом, граница между Белоруссией и РСФСР была проведена в соответствии с этнической границей между белорусами и русскими, что и было отражено в результатах переписи 1926 г. В спорных районах граница проводилась в пользу белорусов, но незначительно¹⁶. И это создало прецедент для перемещения границы между Украиной и РСФСР.

Таблица 26. Численность белорусов и русских, живших на территориях Белорусской ССР, граничащих с РСФСР

Области	Белорусов	Белорусов в процентах от общей численности населения	Русских	Русских в процентах от общей численности населения	Всего
Витебский округ	454 402	77,9	53 508	9,2	583 391
Гомельский округ	194 712	47,8	150 472	36,9	408 074
Калининский округ	346 449	92,4	6 321	1,7	374 923
Оршанский округ	368 467	88,5	13 943	3,3	416 309
По четырем округам в целом	1 364 030	76,5	224 344	12,6	1 782 697

Рассчитано по кн.: Всесоюзная перепись населения в 1926 г. Т. X.

Учитывая ту важность, которую Пьемонтский принцип имел в пограничном споре Белоруссии и РСФСР, можно было бы ожидать, что в процессе определения границы между этими республиками он будет иметь еще большее значение. Украинское меньшинство Польши

¹⁶ Если бы этнический принцип соблюдался, то к РСФСР следовало бы присоединить четыре пограничных района Гомельской губернии, где большинство населения составляли русские — Добрушский, Краснодубский, Носовичский и Светиловичский. Население этих районов составляло всего 130 728 человек.

было и более многочисленным, чем белорусское, и более революционным¹⁷. И тем не менее здесь внешнеполитические соображения никакой роли не сыграли, и центр, вопреки ожиданиям, так не пошел на расширение территории Украины. Украина и так уже была самым крупным экономическим и политическим образованием Советского Союза. Более того, в центральных планово-хозяйственных органах считали, что она чересчур велика и потому пытались разделить Украину на два экономических района¹⁸. Кроме того, положение на восточной границе Украины с РСФСР было весьма шатким. В индустриальном Донбассе была создана почти исключительно русская городская культура, тогда как местное крестьянство, говорившее на украинском языке, не имело никакой ярко выраженной национальной культуры¹⁹. В январе 1918 г. местные большевистские руководители даже предприняли дерзкую попытку отделиться от Украины, образовав недолго просуществовавшую Донецко-Криворожскую советскую республику²⁰. В декабре 1919 г. Украинская республика была восстановлена, и в ее состав вошел не только этот регион, но и часть бывшей территории донского казачества.

Поэтому русские коммунисты, жившие в республике, считали, что Украина уже и так получила достаточно привилегий. А в 1924 г. был образован большой и политически влиятельный Северо-Кавказский край, руководство которого заявило о территориальных претензиях на пограничные районы Восточной Украины. Северо-Кавказский край предъявлял претензии и на район вокруг промышленного города Шахты, заселенный в основном русскими, и на район вокруг портового города Таганрог, заселенный в основном украинцами. Следуя знакомой схеме, руководство Северо-Кавказского края обратилось за поддержкой к местному населению, и его усилия оказались вполне успешными. Комиссия ЦИК, созданная в апреле 1924 г. для разрешения спора, сообщила, что в ее адрес поступил «целый ряд ходатайств» от местного населения, поддержавшего позицию руководства Северо-Кавказского края²¹.

Украинское руководство было вынуждено признать, что экономические соображения и желание местного населения свидетельствова-

¹⁷ *Radziejowski J.* The Communist Party of Western Ukraine, 1919–1929. Edmonton, 1983. P. 1–29.

¹⁸ *Александров И. Г.* Экономическое районирование России. М., 1921.

¹⁹ *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas. Cambridge, UK, 1998.

²⁰ *Скрипник М.* Донбасс и Украина // Статті й промови. Т. II. Ч. 1. Харків, 1929. С. 26–28.

²¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 718. Л. 76.

ли в пользу территориальных уступок²². И в соответствии с принятым в ноябре 1924 г. постановлением ВУЦИК Российской республике были переданы населенный по преимуществу русскими Шахтинский округ и часть Таганрогского округа (хотя и не весь округ). Однако в этом же постановлении украинцы выступили с встречной претензией, требуя уступить им гораздо более обширную часть территории РСФСР — земли, расположенные вдоль северо-восточной границы Украины и входящие в состав Брянской, Курской и Воронежской губерний РСФСР (население — 2 050 956 человек; 69 % украинцев)²³. В этих областях усилия украинской пропаганды оказались успешными. Украинцы собрали множество ходатайств и писем в поддержку передачи этих территорий Украине²⁴. Местные русские власти жаловались, что при этом использовались недозволенные методы²⁵:

«Политика украинских властей заключается в использовании разных методов для привлечения [местного] населения — таких, как предоставление более высоких зарплат работникам сельсоветов, искусственное завышение цены на хлеб и сбор прошений в пользу присоединения к Украине путем индивидуальной агитации в каждом доме».

Пререкания и агитация длились 19 месяцев, и наконец в октябре 1925 г. ЦИК принял компромиссное постановление. Северо-Кавказский край получал Шахтинский округ и 3/4 территории Таганрогского округа. А взамен Украина получала около половины территории, которую она добивалась от РСФСР (населением — 1 019 230 жителей; 58,1 % украинцев)²⁶. Это решение удовлетворило Северный Кавказ, но не Украину.

Сравнение границ между Белоруссией и РСФСР и между Украиной и РСФСР, установившихся на момент переписи населения 1926 г., помогает понять, почему была не удовлетворена Украина. Как уже отмечалось выше, административная граница между Белоруссией и РСФСР была проведена почти в точности по этнической границе между русскими и белорусами. Из таблицы 27 видно, какую территорию Украина могла получить вдоль ее восточной границы с РСФСР, если бы и здесь был применен этнический принцип. В це-

²² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1984. Л. 6–7.

²³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 718. Л. 26; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1984. Л. 46–57.

²⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 718. Л. 128; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1984. Л. 9–28.

²⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 720. Л. 83.

²⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1984. Л. 46–57. ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 719. Л. 2–7. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1926. № 4–28.

лом Украина предъявляла претензии на часть территории РСФСР с населением чуть больше 5 млн человек на законных основаниях. Исключительность этого случая заключалась не только в том, что притязания Украины были слишком большими, и не в том, что она посягала на территории РСФСР. На всей территории Советского Союза границы проводились в пользу территорий национальных меньшинств и за счет русских регионов РСФСР²⁷.

Таблица 27. Численность украинцев и русских, живших в регионах РСФСР, граничащих с Украинской ССР

Области	Украинцев	Украинцев в процентах от общей численности населения	Русских	Русских в процентах от общей численности населения	Всего
Курская губерния					
(1 уезд + 7 волостей)	346 344	57,4	248 996	41,3	603 041
Воронежская губерния					
(4 уезда + 3 волости)	970 028	65,9	499 595	33,9	1 472 229
Северо-Кавказский край					
(2 округа + 16 районов)	1 669 634	54,9	950 729	31,3	3 028 997
Всего (5 уездов + 10 волостей + 2 округа + 16 районов)	2 986 004	58,4	1 669 320	33,2	5 104 267

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения в 1926 г. Т. III. М., 1929. С. 72–79; Т. V. М., 1928. С. 252–266. Во всех случаях я включаю в перечень лишь те территории, заселенные в основном украинцами, которые непосредственно граничили с Украиной.

²⁷ Из этого правила не было ни одного исключения. Татарстан пожертвовал районами с татарским большинством в пользу Башкирии, но не в пользу какого-либо русского района РСФСР. И наоборот, в состав почти всех автономных республик и областей входили пограничные районы с русским большинством. Например, если бы при формировании национальных территорий всегда придерживались этнического принципа, то Ойротской АО пришлось бы потерять четыре из десяти своих районов, Бурят-Монгольской АССР — четыре из одиннадцати; Башкирской АССР — четыре из восьми; Татарской АССР — четыре из двенадцати; Дагестанской АССР — два из шестнадцати; Чувашской АССР — один из пяти; АССР немцев Поволжья — три из четырнадцати; Марийской АО — четыре из девяти; Вотской АО — два из трех. Казахстан потерял бы девять уездов.

Реакция Украины на пограничный компромисс отражена в передовой статье газеты «Вісті ВУЦВК», подписанной главным переговорщиком со стороны Украины, секретарем ВУЦИК Буценко. Буценко отказался признать, что соглашения о границах являются окончательными, поскольку «полтора миллиона украинцев живут на территориях, непосредственно граничащих с Украиной, но тем не менее все еще входящих в состав РСФСР». Он доказывал, что и по этническим, и по экономическим соображениям они должны принадлежать Украине, а потому «государственная граница между Украинской ССР и РСФСР остается неурегулированной, а судьба украинского населения Воронежа и Курска — неопределенной»²⁸. Украина настояла на образовании еще одной комиссии, работавшей на протяжении 1929 г.²⁹ Политбюро ЦК КП(б) Украины даже послало представительную делегацию в составе Кагановича, Чубаря и Петровского, чтобы обсудить этот вопрос на заседании Политбюро ЦК ВКП(б)³⁰. Однако успехи были самые скромные. В 1926 г. Украина получила три района с населением численностью 176 508 человек³¹.

Украина по-прежнему надеялась на вмешательство Политбюро, ожидая, что оно примет решение в ее пользу. В 1929 г. Микола Скрипник опубликовал статью, в которой рассматривался вопрос о территориальном расширении Украины³². Когда в 1929 г. ежедневную газету Одессы начали печатать на украинском языке, новый главный редактор дал ей название «Черноморская коммуна», чтобы подчеркнуть притязания Украины на черноморские области Кубани³³. В феврале 1929 г., во время встречи Сталина с членами делегации украинских писателей, украинский специалист по национальному вопросу Андрей Хвиля (Андрей Хвыля) поднял вопрос о границах Украины. И Сталин дал на него в высшей степени интересный ответ³⁴:

«Этот вопрос несколько раз обсуждался у нас [в ЦК], так как часто слишком меняем границы. (Смех.) Слишком часто меняем границы — это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны... Внутри мы относимся осторожнее к этому вопро-

²⁸ До врегулювання кордонів УРСР з РРФСР // Вісті ВУЦВК. 1925. 11 авг. С. 1.

²⁹ Отчеты этих комиссий см.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 718, 720.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 11. Протокол 107, п. 5.

³¹ Характер тероіторії, що їй приєднано Україні // Вісті ВУЦВК. 1926. 23 сент. С. 2.

³² Скрипник М. Про кордони УРСР // Статті й промови. Т. II. Частина перша. Національне питання. Харків, 1929. С. 315–330.

³³ Майстренко І. Історія мого покоління. Едмонтон, 1985. С. 225.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 19–20. В стенограмме Хвыля по имени не назван, но на его вопрос ссылаются, см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 120. Л. 19–20, 26–27.

су, потому что у некоторых русских это вызывает большой отпор. С этим надо считаться... У нас каждый раз, когда такой вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильно украинизировать и так далее. (Смех.) Это вопрос чисто практический. Он раза два у нас стоял. Мы его отложили — очень часто меняются границы... Теперь Белоруссия хочет часть Смоленской губернии. Это вызывает сопротивление русских. Я думаю, что такой вопрос нужно решать деликатно, не забегая слишком далеко вперед, чтобы не вызвать негативную реакцию той или иной части населения».

Сталин признал, что происходившее в 20-е гг. изменение границ привело к обострению этнических конфликтов. Это делает понятным, почему после 1928 г. пересмотр внутренних границ почти совершенно прекратился.

Но, что гораздо важнее, Сталин продемонстрировал растущее внимание к национальным чувствам русских. Он все еще мог шутить по поводу яростного сопротивления проведению украинизации со стороны русского населения Украины, но никак не по поводу сопротивления, которое проживавшие в РСФСР русские оказывали территориальной экспансии Украины и Белоруссии. К этому вопросу он советовал относиться с максимальной осторожностью. Он повторил аргументы, которыми пользовались в это время, но по другим поводам. Как мы уже видели, в феврале 1930 г. Политбюро отказалось от планов перевести русскую письменность на латиницу. В декабре 1930 г. Сталин сурово осудил Демьяна Бедного, поставив ему в вину оскорбление национальных чувств русских. Национальные чувства русских волновали Сталина все больше, и потому пограничный спор между РСФСР и Украиной в конце концов стал поворотным пунктом в советской национальной политике.

Однако Сталина, как и прежде, чрезвычайно заботили и национальные чувства украинцев. Его встреча с украинскими писателями была организована для того, чтобы убедить советскую украинскую интеллигенцию, что социалистическое наступление не означает отказ от советской национальной политики. После своего неофициального выступления Сталин неожиданно задал своим слушателям эффектный вопрос: «Ну и как идут дела в Галиции?». Сталин заметил, что до революции Галиция была политическим и культурным центром украинского движения, и ему хотелось бы знать, «принадлежит ли нам [и сейчас] это преимущество». И Сталину, разумеется, сообщили, что если раньше Галиция считалась Пьемонтом украинской

культуры, то теперь об этом уже не могло быть и речи. Когда Сталин спросил, смогли бы галичане понять тот украинский язык, на котором говорят на Советской Украине, один писатель, уловив, что Сталин намекает на свои ирредентистские внешнеполитические планы, шутливо ответил: «Можете присоединять Галицию к Украине — они нас понимают»³⁵.

В ходе встречи Сталина с украинскими писателями выявилось два существенных обстоятельства, имевших отношение к пограничному спору между Украиной и РСФСР: во-первых, неуклонно возрастало значение, которое придавалось национальным чувствам русских, и, во-вторых, несмотря на влияние «дела Шумского» и ликвидацию КПЗУ, Пьемонтский принцип все еще оставался важным фактором внешнеполитического мышления Сталина. А поскольку эти обстоятельства друг другу противоречили, то Сталину и Политбюро приходилось лавировать. С одной стороны, они никогда окончательно не отвергали притязаний Украины, но, с другой стороны, после принятия в октябре 1928 г. резолюции ЦИК, согласно которой РСФСР передала Украине 14 небольших поселков, никакие другие территории Украине не передавались³⁶.

Украинский вопрос в РСФСР

В той же статье Буценко, опубликованной в газете «Вісті ВУЦВК» в 1925 г., было заявлено также о необходимости защищать национальные права украинцев, проживающих в РСФСР. Буценко утверждал, что 6,5 млн украинцев, проживающих в РСФСР, лишены своих национальных прав и что Украина должна проявить интерес «к вопросу украинского населения РСФСР»³⁷. Статья Буценко была примечательна не только тем, что в ней публично заявлялись притязания на территорию РСФСР, но еще и тем, что в ней открыто порицалось плохое отношение властей РСФСР к проживающему там украинскому меньшинству. По сути, в заявлениях Буценко воспроизводились, хотя и в более корректной форме, обвинения, которые использовались в проводившейся одновременно в прессе шумной кампании в защиту украинского меньшинства в Польше. А Микола

³⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 21–24.

³⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 120. Л. 112.

³⁷ Вісті ВУЦВК. 1925. 11 авг. С. 1; см. также опубликованную ранее статью: Стан української нацменшості в СРСР // Вісті ВУЦВК. 1925. 30 июля. С. 3. Во время переписи 1926 г. обнаружилось, что на самом деле в РСФСР проживало 7,9 млн украинцев.

Скрипник пошел еще дальше, сделав эту аналогию явной. На проходившем в апреле 1925 г. пленуме ЦК КП(б) Украины он поддержал принятую в декабре 1924 г. резолюцию Коминтерна, требовавшую передать Украине все населенные украинским большинством районы Польши, Чехословакии и Румынии. Однако на этом Скрипник не остановился, он предложил распространить этот же принцип на те области РСФСР, в которых украинцев было большинство³⁸. Украинская ССР брала на себя роль Пьемонта не только в отношении украинцев, живущих за пределами Советского Союза, но и в отношении украинцев, живущих в России.

Таким образом, пограничный компромисс 1925 г. привел к появлению украинского вопроса в РСФСР. Важность украинского вопроса объяснялась несколькими причинами. Во-первых, перепись 1926 г. зарегистрировала в РСФСР 7 873 331 украинца. Следовательно, в количественном отношении украинцев было вдвое больше, чем представителей другого следующего за ними национального меньшинства — казахов (а их в РСФСР было 3,85 млн), и украинцы составляли 29,7 % всех нерусских народов, живущих в РСФСР. Если не принимать в расчет автономные республики и области, то выходит, что украинцы составляли 53,1 % всех национальных меньшинств, проживающих в русских областях РСФСР³⁹. И от того, каким будет их статус, в значительной степени зависела судьба РСФСР. От этого зависело, станет ли РСФСР (если не принимать в расчет входящие в ее состав автономные республики и области) многонациональной или она будет почти чисто русской национальной территорией. Во-вторых, украинский вопрос пересекался с не менее важным вопросом ассимиляции. В 1926 г. лишь 67 % проживавших в РСФСР украинцев сообщили, что их родным языком

³⁸ *Скрипник М.* Зліквідувати люксембургіанство // Статті й промови. Частина перша. Національне питання. С. 75–76; см. также: Про кордони УРСР // Там же. С. 315–330. В 1928 г. Скрипник даже попытался добиться, чтобы его позицию поддержал Коминтерн, см.: *Скрытник Н.* Национальный вопрос в программе Коминтерна. Харьков, 1929. С. 35–37

³⁹ Эти цифры рассчитаны на основе результатов переписи 1926 г., см.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том IX. РСФСР. М., 1929. Численность населения в РСФСР в целом составляла 100 623 474 человека; русских было 74 072 096 человек; украинцев — 7 873 331 человек; представителей других национальностей — 26 551 378 человек. Общая численность населения в 23-х АССР и АО в составе РСФСР составляла 19 417 551 человек; русских было 5 404 981 человек; украинцев — 1 318 967 человек; представителей других национальностей — 14 013 570 человек. Общая численность населения РСФСР, за вычетом населения, проживавшего в АССР и АО, составляла 81 205 923 человека; русских было 68 667 115 человек; украинцев — 6 654 364; остальных — 12 437 808 человек.

является украинский⁴⁰. Большинство местных работников считали процесс ассимиляции вполне естественным (в основном благодаря распространенному мнению, что украинцы и белорусы, по сути, не отличаются от русских) и говорили, что ему не стоит искусственно препятствовать. Однако советская политика не допускала ассимиляции. Поэтому то, как решался украинский вопрос в РСФСР, показывало, будут ли власти поддерживать ассимиляцию, в том числе добровольную, или, наоборот, они намерены препятствовать ей.

В-третьих, вопрос о судьбе проживающих в РСФСР украинцев создавал большую напряженность в отношениях между Украиной и сопредельными русскими территориями. А это имело непосредственное отношение к растущей озабоченности Сталина недовольством русских, в частности недовольством, которое проявлялось в среде местного русского партийного руководства. В-четвертых, на Кубани украинский вопрос переплетался с казачьим вопросом, а следовательно, с вопросами землепользования, политической благонадежности и сословной принадлежности. Как мы уже отмечали в главе 2, благодаря всем этим факторам сопротивление образованию национальных советов в Казахской, Кара-Киргизской и Северо-Кавказской автономных областях стало особенно яростным, и местное население даже пыталось изгнать с этих территорий русских. На Кубани казаки были этническими украинцами, а крестьянство представляло собой смесь русских и украинских поселенцев. Совокупность существовавших на Украине сословных, земельных, национальных и территориальных противоречий представляла собой немалую опасность и могла привести к беспорядкам.

И наконец, благодаря возникновению украинского вопроса выяснилось, что положение правительства РСФСР было неясным и неопределенным. В то время как правительства Украины и Белоруссии активно отстаивали национальные интересы этих республик, правительство РСФСР функционировало скорее как второе центральное правительство (Рыков и Калинин руководили правительственными органами и в СССР, и в РСФСР: первый был председателем Совнаркома СССР и РСФСР, а второй — ЦИК СССР и РСФСР). А поскольку правительство РСФСР действовало скорее в интересах центральных властей, то в спорах между русскими областями и их

⁴⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том IX. РСФСР. С. 34–35. Из всех проживавших в РСФСР украинцев (в общей сложности 7 873 331 человек) 5 276 787 человек считали своим родным языком украинский. Белорусский язык называли родным 94 859 этнических белорусов (из 637 634 проживавших в РСФСР белорусов, то есть 14,9 %); еврейский — 278 474 еврея (из проживавших в РСФСР 566 917 евреев, то есть 49,1 %); польский — 83 785 поляков (из проживавших в РСФСР 197 827 поляков, то есть 42,3 %).

нерусскими соседями оно, как правило, занимало нейтральную позицию. Это проявлялось также в том, что в РСФСР жестко противостояли территориальным притязаниям Украины и Белоруссии, и особенно в том, что правительство РСФСР активно поддерживало украинцев, требовавших предоставить им полноценный статус национального меньшинства.

С особым упорством Наркомат просвещения РСФСР настаивал на создании школ, ведущих преподавание на украинском языке. Состояние образования на украинском языке в РСФСР наркомат исследовал еще в конце 1924 г. В результате выяснилось, что имеется всего лишь 193 начальные школы и несколько средних, в которых преподавание велось на украинском языке. В украинских школах обучалось только 5 % украинских детей⁴¹. Для обсуждения этого вопиющего нарушения советских принципов Наркомпрос созвал конференцию, состоящую в апреле 1925 г. Удручающее состояние дел в области образования на украинском языке Наркомпрос объяснил тем, что само существование украинской национальности вызывало у народа сомнения: «Ни одна национальность в Советском Союзе не породила таких сомнений в самом факте своего существования, как украинская». Сотрудники Наркомпроса признали, что, хотя проживающие в РСФСР украинцы и «начали обретать национальное самосознание после окончания мрачных времен царизма... они все-таки сохранили как пренебрежительное отношение к своему собственному языку, [так и] негативное отношение к украинизации своих школ». Участники конференции пришли к выводу, что все это является исторически оправданной трагедией, последствия которой необходимо преодолеть, а отнюдь не аргументом против украинизации, и приняли постановление об украинизации всего начального и среднего образования в украинских районах⁴².

Это постановление вызвало противодействие со стороны местных властей и многочисленных представителей украинского населения РСФСР. В Курской губернии работнику Наркомпроса, присланному проводить украинизацию, сказали, что его ведомство «пытается создать Хохляндию в Курской губернии»⁴³. Разумеется, столь враждебное отношение было связано с тем, что в РСФСР опасались территориальных претензий Украины. В Воронеже написанное по-украински ходатайство было возвращено с таким комментарием: «Пишите по-русски; мы тут пока еще не в составе

⁴¹ ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 97. Л. 3, 62.

⁴² Там же. Л. 29, 62, 68, 83.

⁴³ Там же. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 265–268.

Украине, а в РСФСР»⁴⁴. В Курске один администратор провел опрос среди местных украинцев, хотят ли они, чтобы у них были украинские школы, и «получил неожиданный ответ — в пользу присоединения к Украине»⁴⁵. В результате к 1 января 1927 г. существовало всего лишь 590 школ, ведущих преподавание на украинском языке, которые предназначались для 7,9 млн проживавших в РСФСР украинцев. И тем не менее Наркомпрос продолжал упорно требовать, чтобы их количество было увеличено⁴⁶. В частности, он не признал довода, что местному населению следует предоставить право самому выбирать язык преподавания в школах. И в 1926 г. Наркомпрос принял программный документ об образовании на родном языке, в котором мнение властей выражалась с абсолютной ясностью⁴⁷:

«Главным принципом определения языка преподавания для представителя любой национальности должен быть родной язык ребенка... От определения языка преподавания путем проведения опросов населения, как это кое-где делалось раньше, следует отказаться».

Эта же формулировка была воспроизведена и в резолюции Наркомпроса по украинизации, принятой в августе 1927 г.: «От опросов населения, как это зачастую происходило при переходе школ на преподавание на родном языке (а иногда прибегали даже и к референдумам), следует отказаться»⁴⁸. Эти документы свидетельствуют о решении советской власти не допустить ассимиляции.

Наркомпрос был не настолько влиятельным, чтобы принудить местные власти исполнять его постановления, и потому он постоянно обращался к центральным властям с просьбами о поддержке⁴⁹. А центральные партийные власти вмешивались в разрешение украинского вопроса лишь опосредованно. В апреле 1925 г. на основании доклада Сырцова пленум ЦК принял резолюцию по казачьему вопросу⁵⁰. Поводом для этой резолюции стали сообщения ОГПУ о массовом недовольстве казачества, «массовой контрреволюционной работе» среди кубанских казаков и угрозе казачьей Вандеи⁵¹. Сырцов отмечал, что

⁴⁴ *Островский Э. С.* Проблема украинизации и белорусизации в РСФСР. М., 1931. С. 60.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 323. Л. 66.

⁴⁶ Там же. Д. 444. Л. 58; Д. 97; Д. 168; Д. 172; Ф. 1235. Оп. 120. Д. 36.

⁴⁷ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 169. Л. 4–5.

⁴⁸ По Раднацмену // Новим шляхом. 1927. № 1. С. 82.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 172. Л. 15; Д. 297. Л. 10об.; Д. 97. Л. 6.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 172.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 1149. Л. 18; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 904. Л. 82.

неказацкое население считало казаков «единственной объединенной контрреволюционной массой». А в результате в казачьих областях «разделения по сословным линиям» возобладали над классовым делением, что привело к созданию надклассового альянса богатых и бедных казаков⁵². Пленум принял обычное в таких случаях решение: казакам был предоставлен статус национального меньшинства с соответствующими правами, включая право создавать казачьи национальные советы. На Кубани, где казаки говорили на диалекте украинского языка, и где во время переписи 1926 г. подавляющее большинство казаков назвало себя украинцами, это означало украинизацию.

Кубани предстояло стать полигоном украинизации в РСФСР. Украинское население Кубанского округа составляло 915 450 человек (61,5 % всего населения округа), из которых около 580 тыс. человек были кубанскими казаками⁵³. В 1917–1918 гг. кубанские казаки создали местное сепаратистское правительство (Кубанскую раду), было открыто множество украинских школ и учреждений культуры. После победы большевиков в Гражданской войне все они были ликвидированы, и само «слово “украинский” стало синонимом контрреволюционного»⁵⁴. Тем не менее в 1924–1925 гг., несмотря на сильное противодействие властей Северо-Кавказского края, на Кубани было заново открыто 150 украинских школ⁵⁵. Благодаря резолюции ЦК по казачьему вопросу этот процесс пошел гораздо быстрее. Северо-Кавказский крайком сразу же сдался и принял постановление об украинизации школ всего Северного Кавказа⁵⁶. Таким образом, украинизация не ограничилась всего лишь 580 тыс. кубанских казаков, но была распространена и на все 3 млн украинцев Северного Кавказа. А на самой Кубани партийная конференция приняла в июне 1926 г. резолюцию с поддержкой украинизации всей администрации Кубанского округа⁵⁷.

Однако эти постановления так никогда и не были выполнены из-за яростного противодействия, которое было оказано как местными русскими работниками, так и самой администрацией Северо-Кавказ-

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 172. Л. 390–396.

⁵³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. V. 1928. С. 252; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 1149. Л. 21. Перепись 1926 г. не учитывала казаков. Кубанское ГПУ сообщало о 580 тыс. кубанских казаках, говорящих на украинском языке, и 170 тыс. русскоговорящих «линейных» казаках.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 670. Л. 103.

⁵⁵ Культосвітня робота серед української нацменшості на Кубані // Вісті ВУЦВК. 1925. 27 авг. С. 3.

⁵⁶ Вісті ВУЦВК. 1925. 29 авг. С. 3; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 670. Протокол 84, л. 10; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 576. Л. 16.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 576. Л. 16.

ского края. Чтобы разобраться в причинах этого противодействия, ВЦИК командировал на Северный Кавказ особую комиссию, которой местные власти представили четыре довода против украинизации: 1) кубанские «украинцы» говорят на особом «кубанском» языке; 2) они уже подверглись ассимиляции; 3) это усилит межсословную вражду; 4) казачье руководство воспримет это как уступку и потребует предоставления еще более широкой автономии⁵⁸. Последние два довода сделали украинский вопрос на Кубани особенно значимым. Один ответственный работник так прямо и сказал представителям комиссии ВЦИК: «Вопрос украинизации связан с вопросом о том, кто именно окажется во власти — мы («иногородние», то есть казаки. — *Т. М.*) или они (казаки. — *Т. М.*)». Другой ответственный работник заявил, что казаки понимают украинизацию в том смысле, что они «станут “едиными, неделимыми” и выгонят всех коммунистов». Еще один утверждал, что «если мы будем проводить украинизацию, то тогда ГПУ придется проявить особую бдительность»⁵⁹. И все эти опасения нашли свое выражение в секретном циркуляре властей Северо-Кавказского края, составленном в августе 1926 г. В нем предписывалось положить конец украинизации. И это всего через год после того, как она была официально одобрена!⁶⁰

Во время инспекционной проверки, которую проводила комиссия ВЦИК, начальник Кубанского окружного отдела ГПУ Миронов написал полное тонких наблюдений письмо, в котором объяснялось, почему украинизация 1925–1926 гг. завершилась провалом⁶¹. Миронов заметил, что после Гражданской войны много казачьей земли было захвачено и передано неказацкому населению. Эта земельная реформа происходила в 1925 г., то есть тогда, когда начали проводить украинизацию. Кроме того, Миронов подчеркнул, что память о том времени, когда политическая власть принадлежала казакам, была очень сильна и обе стороны прекрасно понимали, какая «перемена ролей» произошла после революции. Миронов согласился с тем, что большинство казаков по-прежнему мечтали о восстановлении Кубанской рады и что для борьбы с массовыми контрреволюционными выступлениями казачества в 1925 г. требовалось постоянное применение репрессий⁶²:

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 576. Л. 15.

⁵⁹ Там же. Л. 30, 58, 80; *Островский З. С.* Указ. соч. С. 35.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 576. 17–18; Оп. 22. Д. 56. Л. 7–11; *Островский З. С.* Указ. соч. С. 53–54.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 1149. Л. 16–22.

⁶² Там же. Л. 18–19.

«Весь партийно-советский актив полагает, что [украинизация] означает передачу власти в руки казачьей контрреволюции, а особенно если она совпадает с передачей земли и ожесточенной борьбой по поводу земельной реформы... Неказацкое население, едва только получив землю, но еще не поселившись на ней, встретило [украинизацию] с ужасом и оказало ей яростный отпор...».

Рассказанное в докладе Миронова было удивительно похоже на то, что происходило в Казахстане. В обоих случаях столкновения на национальной почве, из-за земли, в борьбе за статус и власть на данной территории оказывались в своей совокупности исключительно сильными.

На Северном Кавказе межнациональный конфликт был осложнен вмешательством Украины. Как уже отмечалось, соглашение о границах, которое было заключено в 1925 г., Украину не удовлетворило, и она начала действовать в двух направлениях, требуя пересмотреть пограничные соглашения и одновременно настаивая на том, чтобы РСФСР предоставила украинцам статус национального меньшинства. В этой кампании Украина, как правило, вела борьбу бюрократическими методами и не нападала на своих соперников открыто. Однако когда Юрий Ларин публично осудил политику в отношении национальных меньшинств, которую Украина проводила в 1925–1926 гг., украинские работники вынуждены были нанести ответный удар. На проходившей в апреле 1926 г. сессии ЦИК Затонский в ответ на критику Ларина поднял вопрос об отношении к украинцам в Курске⁶³. Хвыля написал статью об украинцах, живущих в РСФСР, и опубликовал ее в газете «Коммунист», органе ЦК Компартии Украины⁶⁴.

Однако шумную публичную кампанию в печати Украина начала против своих соседей только после того, как в 1926 г. была прекращена украинизация на Кубани. Газета «Вісті ВУЦВК», орган правительства Украины, в 1925–1926 гг. опубликовала всего лишь несколько статей об украинцах в РСФСР, а в 1927 г. в ней велась постоянная колонка об «украинцах в РСФСР»⁶⁵. Материалы этой колонки пора-

⁶³ Вторая сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик третьего созыва. Стенографический отчет. М., 1926. С. 513.

⁶⁴ В номере газеты «Комунист» от 14 апреля 1926 года, см. также: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2522. Л. 59; Українці в РРФСР // Комунист. 1926. 16 июня. № 1.

⁶⁵ В 1925 г. об украинцах, живших в РСФСР, было опубликовано четыре статьи, в 1926 г. — шесть. В 1927 г. украинцам, жившим в РСФСР, было посвящено 34 колонки, большинство которых состояло из нескольких статей.

жали полемическим тоном и нападками на ответственных работников Северо-Кавказского края и на центральные органы Российской республики: украинцы обвиняли их в том, что они отказались от советской национальной политики⁶⁶. В центре внимания авторов большинства статей находился Северный Кавказ, однако кампания, которая развернулась в печати в 1927 г., привела к тому, что украинский вопрос стали решать на Дальнем Востоке, в Казахстане и Сибири, где жило много украинцев⁶⁷. Однако самым поразительным было то, что в этих статьях выражалась пламенная этническая солидарность⁶⁸:

«Мы, граждане Украинской ССР, интересуемся тем, как живут украинцы за пределами Украины. Мы не безразличны к тому, как живут украинцы в Западной Украине, и не безразличны к условиям жизни тех украинцев, которые эмигрировали в Америку. Но интересуемся мы и тем, как живут украинцы, рассеянные по всему Советскому Союзу».

В таком духе был написан целый цикл из 12 статей, представлявший собой отчет о поездке по Северному Кавказу. Читателям, жившим на Украине, рассказывали об истории украинского присутствия в этом регионе и сообщали о том интересе, который северокавказские украинцы проявляют к своим «этническим братьям» на Украине⁶⁹.

Действительно, украинцы, живущие в РСФСР, судя по всему, проявляли к Украинской ССР все больше интереса и были готовы признать ее своей культурной и политической покровительницей. И украинские государственные органы, и украинские газеты сообщали о том, что они получают от украинцев из РСФСР множество жалоб на плохое отношение к ним по причине их национальной принадлежности, а также просьбы оказать культурную помощь со стороны Украины⁷⁰. И Украина посылала в РСФСР книги, журналы и даже украинских учителей⁷¹. Таким образом, ее начали воспринимать

⁶⁶ См., напр.: Українці в РСФСР // Вісті ВУЦВК. 1927. 15 февр. С. 3; 1927. 18 июня. С. 4; 1927. 12 окт. С. 5; 1927. 15 дек. С. 4.

⁶⁷ Українці на Далекому Сході // Вісті ВУЦВК. 1926. 13 апр. С. 2; Українці в Казахстані // Там же. 1927. 27 авг. — 1 сент.; Українці в Сибіру // Там же. 1927. 7 окт. С. 4.

⁶⁸ Українці на Далекому Сході // Вісті ВУЦВК. 1926. 13 апр. С. 2.

⁶⁹ Вісті ВУЦВК. 1927. 27 апр. — 13 июня.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 670. Л. 96; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 220, 243; Українська книжка в українських колоніях Союзу // Вісті ВУЦВК. 1925. 13 июня. С. 1; Стан української нацменшості в СРСР. 1925. 30 июля. С. 3; Неукраїнські українці. 1927. 15 окт. С. 3.

⁷¹ Культосвітня робота серед української нацменшості на Кубаї // Вісті ВУЦВК. 1925. 29 авг. С. 3; Неукраїнські українці. 1927. 15 окт. С. 3; *Скрипник М.* Зустріч // Статті й промови. Т. II. Частина перша. Національне питання. С. 351–352.

в качестве Пьемонта для украинцев из РСФСР, а Украина поступала соответственно. И это не только возмущало, но и пугало руководителей Северо-Кавказского края⁷²:

«Я не буду говорить об официальной полемике, которая велась на страницах украинской печати. Об этом все уже знают. Но нам известна и другая, неофициальная, сторона. Мы знаем об этом на основании информации из ГПУ. Речь идет о курсе на создание независимой Украины».

Этот комментарий принадлежит главе администрации Северо-Кавказского края. И речь в нем, скорее всего, идет о той группе лиц, которые в 1927 г. были арестованы ГПУ за попытку организовать присоединение Кубани к Украине. Один из членов этой группы подтвердил подозрения руководства Северо-Кавказского края. И в этом, как оказалось, была своя ирония, потому что он попросил о снисхождении на том основании, что его вдохновила газетная статья Андрия Хвыли, опубликованная в 1926 г.⁷³ А может быть, этот комментарий имел отношение к информационным отчетам ГПУ — таким, например, как нижеследующий, составленный в октябре 1928 г. и посвященный антисоветскому движению в сельской местности⁷⁴:

«На Северном Кавказе не следует забывать, что на Кубани помимо сословного антагонизма существует еще и национальное стремление антисоветских элементов к установлению связей с антисоветскими элементами на Украине. Шовинистические лозунги последних присутствуют и в кубанском антисоветском движении. А потому при расследовании деятельности контрреволюционных групп национального характера необходимо проверить, не связаны ли они с украинскими контрреволюционерами».

Связи, якобы существовавшие между националистами Кубани и Украины, и стали впоследствии основанием для националистической интерпретации голода, которая возникла в декабре 1932 г.

В 1926–1927 гг., когда на территории РСФСР происходило расширение сети национальных советов, ВЦИК оказал поддержку Наркомпросу РСФСР, создававшему украинские национальные институты. Эти организации объединили свои усилия. В конце 1927 г. инструктора ВЦИК З. Островского командировали исследовать состояние

⁷² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 1149. Л. 12.

⁷³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2522. Л. 58–60.

⁷⁴ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. II: 1923–1929. Документы и материалы. М., 2000. С. 817.

украинизации в Воронеже и Курске. Там он обнаружил, что постановления ВЦИК о создании национальных советов почти полностью игнорировались⁷⁵. Отчет, который по итогам своей поездки составил Островский, оказался резко критическим. После того как Казахстан был вынужден уступить и создал в 1927 г. русские национальные советы, самый большой и вопиющий изъян в пирамиде национальных советов приходился на украинцев, проживавших в РСФСР. Так что когда в 1928 г. ВЦИК организовал конференцию для рассмотрения положения национальных меньшинств, на ней обсуждался главным образом украинский вопрос⁷⁶. Благодаря этому, а также началу культурной революции дело очень быстро сдвинулось с мертвой точки. В 1929 г. Воронежская и Курская губернии объединились, образовав Центрально-Черноземный район. И там незамедлительно был принят амбициозный план украинизации 27 районов и 780 сельсоветов с украинским большинством⁷⁷.

А Северо-Кавказский край оказал нажиму со стороны центра более упорное сопротивление. Сначала его власти даже отказались участвовать в совещании представителей национальных меньшинств, которое в 1928 г. организовал ВЦИК. Но и потом, когда, уступив угрозам со стороны ВЦИК, они все-таки послали своего представителя, тот категорически отказался признать необходимость украинизации⁷⁸. ВЦИК ответил на это объединенной кампанией четырех центральных органов. Весной 1928 г. Наркомпрос послал на Кубань комиссию, которая приняла резолюцию, подтвердившую решение об украинизации⁷⁹. В марте 1928 г. Совет национальностей по инициативе Скрипника начал масштабное исследование положения украинцев в РСФСР, уделив особое внимание Северному Кавказу⁸⁰. И наконец, в июле и августе 1928 г. Островский возглавил объединенную исследовательскую группу ВЦИК/ЦКК, которая изучала вопрос о проведении советской национальной политики на Северном Кав-

⁷⁵ *Островский З. С.* Указ. соч. С. 46–47. В 1927 г. власти Воронежа провели экспериментальную украинизацию трех волостей. Власти Курска приняли резолюцию об украинизации 35 сельсоветов, но ничего не сделали. *Скрипник М.* Про кордони УРСР. С. 321–327.

⁷⁶ Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетов, 1928 г. Стенографический отчет. М., 1928. С. 196–203; см. также: Украинизация трех округов ЦЧО // *Правда*. 1928. 24 окт. С. 4.

⁷⁷ *Островский З. С.* Указ. соч. С. 70; *Аристидов Н.* Обслуживание нацменьшинств — на высшую ступень // *Работа Советов*. [Воронеж], 1932. № 12. С. 23–24.

⁷⁸ Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств. С. 83.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 576. Л. 13.

⁸⁰ Там же. Оп. 20. Д. 204. Л. 3–5, 29–47, 60–61; Оп. 22. Д. 56. Л. 7–11.

казе⁸¹. В конце концов все это вынудило руководство Северо-Кавказского края уступить, и в декабре 1928 г. оно одобрило трехлетний план украинизации всех 37 районов Северного Кавказа, населенных украинцами⁸². А после того как власти Северо-Кавказского края капитулировали, украинизация быстро распространилась на Нижнюю Волгу, Казахстан и Дальний Восток⁸³. Триумф украинизации в РСФСР свидетельствовал не только об окончательной победе системы национальных советов, но и о победе центральной бюрократии, лоббировавшей интересы национальных меньшинств (Совета национальностей, отдела национальностей ВЦИК, Совнацмена при коллегии Наркомпроса) и преодолевшей мощное сопротивление местных партийных органов.

Но это была и победа Украины, и она привела к дальнейшему усилению ее роли как культурного и политического Пьемонта. Из регионов РСФСР к ней теперь все чаще обращались с просьбами помочь в проведении украинизации⁸⁴. В феврале 1929 г. Наркомпрос Украины принял резолюцию, в которой был приведен хотя и предварительный, но впечатляющий перечень того, чем он может помочь украинизации других республик СССР. В списке перечислялись: украинские учителя, учебники, литература, журналы, учебно-методические программы, художественные выставки, музыкальные и театральные представления, фильмы, радиопрограммы, а также помощь в организации музеев и литературных обществ, бронировании мест в украинских университетах и многое другое. Это постановление начиналось с краткого определения Пьемонтского принципа⁸⁵:

«Наркомпрос, в качестве органа украинской советской государственности готовый возглавить процесс создания общих культурных ценностей для всего украинского народа, обязан осознанно поставить перед собой задачу практического обслуживания культурных интересов и потребностей всего украинского народа,

⁸¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 576; *Островский З. С.* Указ. соч. С. 55–56.

⁸² *Островский З. С.* Указ. соч. С. 76; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 56. Л. 66–67.

⁸³ О работе среди национальных меньшинств в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1929. С. 7–9; *Горб Т.* Становище української людності // *Більшовик України*. 1930. № 19/20. С. 60–66; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1356. Л. 17. Вторая сессия ВЦИК пятнадцатого созыва. Стенографический отчет. М., 1931. Бюлл. 9. С. 1–9; *Островский З. С.* Указ. соч. С. 70; Smolensk Archive («Смоленский архив»), микрофильм 52. 1929. WKP 482. С. 1–8; WKP 483. С. 1–19.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 36. Протокол 1, п. 7; Д. 48. Протокол 62, п. 1; ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 475. Л. 311.

⁸⁵ Постанова колегії НКО // Бюлетень народного комісаріату освіти. 1929. № 11. С. 2.

то есть не только населения Украинской ССР, но и украинцев, живущих в других советских республиках».

Украинские газеты призывали своих читателей не быть «равнодушными» и оказывать помощь «далеким колониям украинцев... [в] братских республиках»⁸⁶. Наиболее существенным «предметом экспорта» Украины были учителя. Например, Дальний Восток рассчитывал, что 30 % необходимых ему учителей приедут с Украины⁸⁷. Зачастую эти учителя приезжали сами. В 1932 г. Наркомпрос Украины официально послал в РСФСР лишь 85 учителей, однако свыше 5 тыс. прибыли туда по собственной инициативе⁸⁸. И это стало еще одним свидетельством наличия стихийных связей, которые устанавливались между Украиной и украинцами, живущими в РСФСР.

Благодаря помощи Украины и относительно высокому культурному уровню украинцев в РСФСР украинизация осуществлялась гораздо быстрее, чем аналогичные программы других национальных меньшинств РСФСР. К 1932 г. Центрально-Черноземный район почти полностью украинизировал свою систему образования, что подразумевало создание десятков университетов⁸⁹. Численность украинцев, посещавших украинские школы на Северном Кавказе, возросла с 12 % в 1928/29 уч. году до 80 % в 1931/32 уч. году⁹⁰. В 1929/30 уч. году украинских школ на Дальнем Востоке не существовало, однако всего через два года там было уже 1076 начальных и 219 средних украинских школ⁹¹. Ни одно другое национальное меньшинство не достигло столь быстрых успехов. Создание литературных организаций, театров, музеев, институтов и множества газет тоже произошло необыкновенно быстро⁹².

137

⁸⁶ Українці в союзних республіках // Вісті ВУЦВК. 1930. 9 янв. С. 6; 7 февр. С. 3.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 544. Л. 61.

⁸⁸ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 10. Д. 914. Л. 69. Спонтанный приток учителей был вызван голодом в деревнях Украины, довольно жестоким уже в 1931–1932 гг., но затем, в 1932–1933 гг., он распространился и на все остальные зернопроизводящие районы Советского Союза.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 475. Л. 309–313.

⁹⁰ Там же. Д. 542. Л. 87–101; ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 9. Д. 784. Л. 69–70.

⁹¹ Голубовский М. Ленинская национальная политика в действии. Хабаровск, 1932. С. 23.

⁹² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 56. Л. 109–109об.; Саратовский Л. Боевые вопросы украинизации на Северном Кавказе // Ленинский путь (Ростов-н/Д). 1931. № 6. С. 34–39; Зозуля О. Культурно-национальное строительство в ЦЧО // Работа Советов (Воронеж). 1931. № 10/11. С. 40–42; Замч И. Парторганизация на борьбу за украинизацию. Ростов-н/Д, 1932. С. 3–9.

Таблица 28. Количество национальных советов, 1931–1935 годы

	Районы	Сельсоветы
Украинские в РСФСР	130 (приблизительно)	4000 (приблизительно)
Неукраинские в РСФСР	161	3004
в автономных республиках (АССР) / автономных областях (АО)	54	660
за пределами АССР/АО	107	2344
В Украинской ССР	27	1085
В Белорусской ССР	0	67
В Закавказской СФСР	18	нет данных
В Средней Азии	нет данных	нет данных

Источники: Национальные районы и сельские советы РСФСР. М., 1935; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 130. Д. 3.

Украинизация в РСФСР оказала огромное воздействие на всю систему жизни национальных меньшинств в СССР. Из таблицы 28 видно, что большое количество украинского населения в РСФСР (7,9 млн человек) привело к тому, что украинские национальные советы составили значительную часть общей численности всех советов⁹³.

Большинство национальных советов в русских областях РСФСР составляли именно украинские советы, а большинство других советов представляли малочисленные народы Севера, из-за чего эти области не были чисто русскими. Украинские советы имели также важное политическое значение — они оставались постоянными очагами напряжения в отношениях между Украиной и сопредельными областями РСФСР.

⁹³ Цифры по Украине являются приблизительными. Имелось 37 национальных районов на Северном Кавказе, 27 — в Центрально-Черноземной области, 29 — в Казахстане, 9 — на Дальнем Востоке. Чтобы вычислить 28 других национальных районов, я использовал данные переписи. В Центрально-Черноземной области имелось 780 сельсоветов. Проведя аналогию с соотношением между райсоветами и сельсоветами на Украине, я рассчитал, что было около 4000 сельсоветов. Несколько регионов не предоставили данных о численности сельсоветов, и потому их численность слегка уменьшена. Для сравнения: в декабре 1933 г. отдел национальностей ВЦИК сообщал о наличии 117 национальных районов и более 3 тыс. сельсоветов — и это сопоставимые цифры. *Нурмаков Н. Н.* III Всероссийское совещание работников среди национальных меньшинств // Революция и национальности. 1934. № 1. С. 81.

«Кубанское дело»

В конце 1932 г., во время хлебозаготовок, это напряжение в конце концов привело к взрыву, которым стало «Кубанское дело». В «Кубанском деле» усиливавшаяся тревога центральных властей по поводу коренизации была связана с надвигавшимся голодом. В результате это привело к возникновению национальной интерпретации кризиса хлебозаготовок. В результате в декабре 1932 г. вышли два важнейших постановления Политбюро по Украине, которые положили начало коренному пересмотру советской национальной политики. Однако прежде чем приступить к анализу этого процесса, следует выяснить что вынудило советские власти к осени 1932 г. отказаться от коренизации. Во-первых, национал-уклонизм в КПЗУ, который не только породил сомнения в действенности Пьемонтского принципа, но и вызвал опасение, что межгосударственные этнические связи могут быть использованы для подрыва единства наций в СССР. Возникновение радикального национализма в Восточной Европе, и прежде всего в Германии, усилило эти опасения, вынудив Советский Союз избрать оборонительный внешнеполитический курс. Во-вторых, сохранение объединенных по этническому признаку группировок в партийных организациях национальных республик (наиболее ярким примером стало «дело Шумского»). И это все более убеждало власти, что коренизация только усиливает националистические настроения, и в результате не националисты «сменят вехи» и перейдут на сторону коммунизма, а совсем наоборот, на позиции национализма перейдут коммунисты. Национал-коммунизм может превратиться в националистический коммунизм.

В-третьих, кампании террора эпохи культурной революции были нацелены против «местных националистов», рьяно поддерживавших коренизацию, а не против «великодержавных шовинистов», сопротивлявшихся ее осуществлению, то есть борьба с национализмом велась гораздо более жесткими методами. А если учесть, что террор использовался властями в качестве сигнальной системы, то нельзя не признать, что это вызывало сомнение в том, что центр действительно поддерживает коренизацию. Кроме того, хотя террор был направлен в основном против национальной сменовеховской интеллигенции, при этом был арестован и ряд национал-коммунистов, что усиливало подозрения в их лояльности. В-четвертых, социалистическое наступление сопровождалось усилением централизации страны. Но самым главным, пожалуй, была уверенность в том, что национал-коммунисты, по существу, противопоставляют себя центру и потому являются предателями. В-пятых, возникало ощущение, что

положительная деятельность не способствует укреплению единства наций в СССР, потребность в котором была велика в условиях, сложившихся в результате социалистического наступления и усиления внешнеполитической угрозы. И все это толкало к пересмотру русского вопроса. В империи положительной деятельности русское национальное самосознание сознательно притуплялось для того, чтобы укрепить единство многонационального советского государства. Но уже в 1930 г. Сталин выразил озабоченность недовольством русских, к которому привела эта стратегия. Враждебное отношение к традиционной русской культуре в Белоруссии и на Украине (но не на советском Востоке) также воспринималось как свидетельство прозападных и, следовательно, антисоветских настроений. Восприятие антирусских настроений и недовольства, существовавшего среди русских, в качестве свидетельства антицентристских и, следовательно, антисоветских настроений сильно подрывало доверие и к политике коренизации, и к самой империи положительной деятельности.

Борьба Украины за присоединение сопредельной территории РСФСР, а также ее стремление покровительствовать украинцам, живущим в РСФСР, и в области культуры, и в области политики привели к тому, что большинство из этих пяти проблем приобрели особую остроту. В качестве оправдания Украина использовала Пьемонтский принцип — и это только усилило опасения центра в отношении межгосударственных этнических связей, которые могли бы быть использованы не только для того, чтобы распространить коммунистическое влияние на сопредельные государства, но и для того, чтобы распространить украинский национализм на ключевые пограничные с Украиной республики Советского Союза и, что опаснее, на центральные области РСФСР. Действия Украины показали, насколько сильны национал-коммунистические настроения: их целью было осуществление давних планов украинской сменовеховской интеллигенции — присоединение к Украине южных областей Курской и Воронежской губерний и Кубани. И наконец, борьба Украины за присоединение сопредельной территории РСФСР усилила недовольство среди местных русских, являвшихся членами влиятельных партийных организаций Северо-Кавказского и Центрально-Черноземного районов. Это воспринималось как свидетельство существования на Украине прозападных и антирусских настроений, являвшихся угрозой советскому единству. Такой трактовке действий Украины способствовал также шестой, главный, фактор — коллективизация и кризис хлебозаготовок 1932 г.

С началом коллективизации озабоченность центра ростом украинского национализма (а также национализма нерусских народов во-

обще) усилилась: коллективизация была возвратом к политике Гражданской войны и потому могла вызвать сопротивление украинского крестьянства и привести к повторению «жесточкого урока 1919 года». Однако теперь власти к этому были готовы. Советские работники центрального и районного уровней относились к украинскому крестьянству и кубанским казакам с большим недоверием, потому что во время Гражданской войны они оказывали мощную поддержку Петлюре, Махно и белогвардейцам⁹⁴. Еще в марте 1928 г., после окончания проводившейся в 1927–1928 гг. кампании принудительных хлебозаготовок, Каганович, выступая на заседании пленума ЦК Политбюро Компартии Украины, заявил: «Надо сказать, что кампания хлебозаготовок привела к росту шовинизма... Идут разговоры, что Москва забирает наш хлеб, сахар. И этот шовинизм исходит не только сверху (от интеллигенции. — Т. М.), но и снизу (от крестьян. — Т. М.). Вопросы [о колониальном правлении] Москвы и Советского Союза, безосновательно поднимавшиеся Волобуевым (незадолго до этого исключенный из партии украинский экономист. — Т. М.), теперь активно муссируются кулаками»⁹⁵. В отчетах ОГПУ Украина и казачьи области Северного Кавказа представлялись регионами, где существует наибольшая опасность контрреволюционных выступлений в деревне⁹⁶. Когда в феврале–марте 1930 г. в районе польско-украинской границы вспыхнуло массовое крестьянское восстание, в котором участвовали десятки тысяч украинских и польских крестьян, советские власти усмотрели в этом осуществление самых худших своих опасений⁹⁷. В марте 1930 г., в период наивысшего сопротивления коллективизации, 45,1 % массовых крестьянских бунтов (2945 из 6528) произошло на Украине (где проживало только 19,5 % населения СССР). А за 1930 г. в целом на Украине произошло 29,8 % (4098 из 13 754) всех массовых беспорядков⁹⁸. В сообщениях украинского ГПУ о сопротивлении крестьян коллективизации и раскулачиванию (а особенно о бунтах) за 1930 г. несколько раз упоминалось о звучавших националистических лозунгах, и особо отмечалось, если

⁹⁴ *Graziosi A.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М., 1997.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 15. Л. 21.

⁹⁶ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. II. С. 814–817, 1016–1038. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. II: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 89–92, 94–98, 642.

⁹⁷ *Graziosi A.* Collectivisation, revoltes paysannes et politiques gouvernementales a travers les rapports du GPU d'Ukraine de fevrier–mars 1930 // *Cahiers du monde russe et sovietique.* 1994. № 35. С. 437–632.

⁹⁸ *Viola L.* Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1996. P. 138–139.

оказавшая сопротивление деревня проявляла активность и во время Гражданской войны⁹⁹.

Украина была не единственной республикой, где имели место массовые восстания против коллективизации. И хотя сопротивление коллективизации распространилось по всему Советскому Союзу, сильнее всего оно было в национальных и казачьих областях, где оно сопровождалось насилием¹⁰⁰. Начало коллективизации привело не только к восстанию на Украине (февраль 1930 г.), но и к массовой эмиграции западных национальных меньшинств Советского Союза. Хотя в восточных национальных регионах СССР коллективизация проводилась не так энергично, вооруженное сопротивление коллективизации там было гораздо сильнее. Из 1197 советских сельских работников и активистов, убитых в 1930 г., 438 человек (36,59 %) погибли в восточных республиках — Средней Азии, Казахстане, Закавказском и Северо-Кавказском национальных районах, Башкирии и Татарстане¹⁰¹. В феврале 1930 г. в среднеазиатской Ферганской области вспыхнуло восстание, в котором участвовало 5200 человек и которое привело к возрождению басмаческого движения, подавленного лишь с помощью регулярных частей Красной армии¹⁰². Войска Красной армии были направлены также в Чечню, Ингушетию, Карачаево-Черкессию и Дагестан: там действовали вооруженные банды, численность которых, как правило, составляла от 200 до 800 человек, а в одной банде было «1200 штыков, 400 сабель и артиллерия»¹⁰³. И в Карачаево-Черкесии, и в Чечне Красная армия вела бои с мятежниками в течение 10 дней, причем в последнем случае было убито 8 человек, ранено 18 и 278 взято в плен¹⁰⁴. Вооруженное восстание

⁹⁹ *Graziosi A.* Op. cit. P. 437–632; см. также: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 318, 3195, 2522, 3185; *Viola L.* Op. cit. P. 120–121. Сильно подозреваю, что на самом деле ОГПУ было склонно преувеличивать значение украинского национализма и его влияние на возникновение крестьянских мятежей на Украине, но само по себе это говорит о многом.

¹⁰⁰ О заявлениях по этому поводу см.: *Viola L.* Op. cit. С. 164, а также: *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 92. См. обширные статистические таблицы, приведенные в кн.: *Viola L.* Op. cit. С. 100–180. Многочисленные примеры см. в кн.: Трагедия советской деревни. Т. II. С. 191–194, 235–241, 368, 405–409, 430–432, 704–706, 787–808.

¹⁰¹ *Viola L.* Op. cit. С. 110. В этих регионах проживало 18,05 % всего населения Советского Союза. Убийств в этих регионах было в 2,6 раза больше, чем во всем остальном Советском Союзе.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2140. Л. 88–91; *Hayit B.* «Basmatschi»: Nationaler Kampf Turkestans in den Jahren 1917 bis 1934. Köln, 1992. S. 362–375.

¹⁰³ *Ивницкий Н. А.* Указ. соч. С. 156–157; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Протокол 118, п. 17; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 131. Л. 81–82; Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы // Военно-исторический архив. 1997. № 2. С. 118–175.

¹⁰⁴ *Ивницкий Н. А.* Указ. соч. С. 157.

в Чечне вспыхнуло чуть позже, в 1932 г.¹⁰⁵ В Казахстане численность одной вооруженной группы составляла от 2 до 3 тыс. человек, а в двух других бандах было примерно по 500 человек¹⁰⁶. Войска Красной армии пришлось направить и в Азербайджан, где несколько тысяч крестьян образовали вооруженные повстанческие банды¹⁰⁷. Вооруженное сопротивление наблюдалось почти исключительно в восточных национальных регионах, хотя и в казачьих областях Северного Кавказа сопротивление тоже было очень сильным.

В связи с этим Политбюро созвало чрезвычайную конференцию ЦК ВКП(б) по коллективизации на Востоке. На этой конференции 20 февраля 1930 г. было принято секретное постановление под названием «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах». В нем запрещались применять в национальных районах Средней Азии, Казахстана, Закавказья, Северного Кавказа и Бурят-Монголии те методы коллективизации, которые использовались в развитых русских районах¹⁰⁸. В процессе исполнения этого постановления в перечень были включены и некоторые другие районы¹⁰⁹. В начале марта Калинин обвинил председателя татарского ЦИК в «контрреволюции», инкриминировав ему содействие массовому раскулачиванию в Татарстане¹¹⁰. Таким образом, центр был вынужден пойти на кратковременную уступку, замедлив темпы коллективизации в восточных районах. А со временем советское руководство признало, сколь сильным оказалось сопротивление коллективизации, оказанное национальными меньшинствами СССР. А это стало дополнительным фактором, заставившим понять, что в политическом отношении русский центр гораздо надежнее национальных окраин. Это же стало и одной из предпосылок создания «Кубанского дела».

Коллективизация не только возродила враждебное отношение к кубанским казакам, которое существовало во времена Гражданской войны, не только вызвала с их стороны ожесточенное сопротивление, но и усилила противодействие украинизации Северного Кавказа со стороны местной администрации. Ответственные работники Северного Кавказа утверждали, что «украинизация мешает проводить эту

¹⁰⁵ Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы // Военно-исторический архив. 2000. № 8. С. 99–121.

¹⁰⁶ *Ивницкий Н. А.* Указ. соч. С. 158; Голод в казахской степи: письма тревоги и боли. Алматы, 1991. С. 142–143; *Омаров М.* Расстрелянная степь. Алматы, 1994. С. 3–56.

¹⁰⁷ *Ивницкий Н. А.* Указ. соч. С. 159; РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 25с. Д. 1, 2.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Протокол 118, п. 44.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 38. Л. 83. Трагедия советской деревни. Т. II. С. 260, 305.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 13. Л. 276–277.

кампанию», а северокавказских поборников украинизации зачастую называли «националистами», содействовавшими «принудительной украинизации русского населения»¹¹¹. В конце 1931 г. было принято решение о том, что украинизация будет проводиться не в 37, а лишь в 20 районах Северного Кавказа¹¹². Тем не менее центр продолжал поддерживать украинизацию как на Украине, так и на Северном Кавказе. В октябре 1932 г. Наркомпрос Украины провел заседание, на котором обсуждался амбициозный план отправки украинских учителей в РСФСР¹¹³. И, что еще важнее, 28 октября «Правда» опубликовала большое письмо И. С. Замча, самого шумного защитника украинизации на Северном Кавказе, в котором он осудил противодействие украинизации. Редакция «Правды» снабдила это письмо примечанием, в котором говорилось, что газета получила несколько писем, авторы которых соглашались с обвинениями, выдвинутыми Замчем, и требовали объяснений от ответственных работников Северного Кавказа¹¹⁴.

Однако в ноябре 1932 г. ответственных работников Северного Кавказа волновало куда более серьезное обвинение: в провале хлебозаготовок. С началом коллективизации становилось все труднее и труднее выполнять нормы хлебозаготовок, устанавливавшиеся центром¹¹⁵. К концу кампании 1931 г. Украина и Северный Кавказ уже находились на грани голода, грозившего обернуться катастрофой¹¹⁶. Весной 1932 г. Политбюро приняло ряд мер (например, разрешение на колхозную торговлю и неоднократные, хотя всегда «в виде исключения», дополнительные ссуды семенами), которые, казалось бы, наводили на мысль о смягчении линии¹¹⁷. Однако скудный урожай 1932 г. сопровождался недостижимо высокими нормами хлебозаго-

¹¹¹ Супренко. В проведении украинизации. С. 72; *Михаевич Н.* Некоторые итоги советской украинизации на Северном Кавказе // Революция и горец. 1932. № 1. С. 88; см. также: *Гофферт.* На высшую ступень // Там же. 1930. № 2. С. 17–18; *Замч И.* Указ. соч. С. 12.

¹¹² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 56. Л. 109; *Михаевич Н.* Указ. соч. С. 90.

¹¹³ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 10. Д. 914. Л. 2–12.

¹¹⁴ *Замч И. С.* Как не надо проводить национальную политику партии. (Письма инструктора по украинизации) // Правда. 1932. 28 окт. С. 3.

¹¹⁵ *Penner D'A.* Stalin and the *Ital'ianka* of 1932–1933 in The Don Region // *Cahiers du monde russe.* 1998. № 39. P. 27–68; *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991. С. 9–19.

¹¹⁶ О голоде на Украине см.: Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 121; о событиях на Северном Кавказе см.: *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 9–20.

¹¹⁷ О семенных займах см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Протоколы 93, п. 98, 41; 94, п. 41, 55; 95, п. 41, 13, 45; 97, п. 29, 46; 98, п. 23; *Davies R. W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. L., 1996. P. 201–228.

товок. 21 июня Сталин и Молотов написали украинскому руководству, что установленные для Украины нормы должны быть выполнены «любой ценой»¹¹⁸. Каганович и Молотов были командированы на проходившую в июле 1932 г. украинскую партийную конференцию, чтобы добиться исполнения этих требований. 4 августа «Правда» напечатала разгромную статью, в которой Северный Кавказ критиковался за невыполнение плана хлебозаготовок¹¹⁹. А через три дня был принят знаменитый закон от 7 августа 1932 г., утвердивший применение смертной казни за расхищение государственной собственности, в том числе и зерна¹²⁰. И наконец, 25 августа в ответ на просьбу руководителей Северного Кавказа о снижении норм хлебозаготовок Политбюро не только «решительно отвергло всякие попытки сократить план хлебозаготовок», но и приказало усилить террор для изъятия зерна¹²¹.

Таково в общих чертах содержание официальной документации, в которой отразилось развитие кризиса хлебозаготовок летом 1932 г. Благодаря нескольким письмам, которые Сталин написал Кагановичу с июня по сентябрь 1932 г., мы имеем представление о мыслях Сталина, которыми он решился поделиться лишь с узким кругом членов Политбюро¹²². 2 июня Сталин написал Кагановичу и Молотову чрезвычайно язвительное письмо, в котором говорилось о недостатках украинских руководителей¹²³:

«1. Обратите серьезнейшее внимание на Украину. Чубарь своей разложенностью и оппортунистическим нутром и Косиор своей гнилой дипломатией (в отношении ЦК ВКП) и преступно-легкомысленным отношением к делу — загубят в конец Украину. Руководить нынешней Украиной не по плечу этим товарищам. Если поедете на Украинскую конференцию (я на этом настаиваю), — примите там все меры к тому, чтобы переломить настроение работников, изолировать плаксивых и гнилых дипломатов (невзирая на лица!) и обеспечить подлинно-большевистские ре-

¹¹⁸ Голод 1932–1933 років на Україні. С. 186–187.

¹¹⁹ Первые итоги хода уборки на Северном Кавказе // Правда. 1932. 4 авг. С. 1.

¹²⁰ Блистательный рассказ об этом законе и его исполнении см. в кн.: *Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, UK, 1996. P. 111–129.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 897. Протокол 113, п. 93; Оп. 162. Д. 13. Протокол 113, п. 54.

¹²² Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 45–174. Сталин находился в рабочем отпуске в Сочи. В его отсутствие работой Политбюро руководил Каганович. Некоторые из писем Сталина были адресованы только Кагановичу, а другие — также некоторым членам из узкого состава Политбюро.

¹²³ Там же. Л. 45–47.

шения конференции. У меня создалось впечатление (пожалуй, даже убеждение), что придется снять с Украины обоих — и Чубаря, и Косиора. Возможно, что я ошибаюсь. Но вы имеете возможность проверить это дело на конференции...».

Через 13 дней Сталин снова излил свой гнев на украинцев¹²⁴:

«...4. Письма Чубаря и Петровского не понравились. Первый разводит “самокритику” — чтобы получить из Москвы новые миллионы пудов хлеба, второй играет святошу, отдавшего себя в жертву “директиве ЦК ВКП” — чтобы добиться сокращения плана хлебозаготовок... Чубарь ошибается, если он думает, что самокритика нужна не для мобилизации сил и средств Украины, а для получения “помощи” извне. По-моему, Украине дано больше, чем следует. Дать еще хлеб незачем и неоткуда. Самое плохое в этом деле — молчание Косиора. Чем объяснить это молчание? Знает ли он о письмах Чубаря — Петровского?».

Как уже отмечалось выше, в начале июля Молотов и Каганович действительно посетили Украинскую партконференцию и, по всей видимости, добились там принятия в достаточной мере «большинства решения», которое, судя по всему, удовлетворило Сталина. 25 июля он одобрил сокращение плана хлебозаготовок для Украины, заметив, что его прежние возражения против сокращения плана были всего лишь тактикой, чтобы не «деморализовать окончательно (и так уже деморализованных) украинцев»¹²⁵.

Однако всего через несколько недель, 11 августа, Сталин набросился на украинских руководителей с еще большей яростью¹²⁶:

«Самое главное сейчас Украина. Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной линии. Говорят, что в двух областях Украины (кажется, в Киевской и Днепропетровской) около 50-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным. В других райкомах обстоит дело, как утверждают, не лучше. На что это похоже? Это не партия, а парламент, карикатура на парламент... Плохо по линии советской. Чубарь — не руководитель. Плохо по линии ГПУ Реденсу не по плечу руководить борьбой с контрреволюцией в такой большой и своеобразной республике, как Украина.

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 63. Копии писем Чубаря и Петровского см.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 139. Л. 144–165.

¹²⁵ Там же. Л. 115–116.

¹²⁶ Там же. Л. 145–151.

Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается немало (да, немало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое — это то, что украинская верхушка *не видит* этих опасностей.

Так дальше продолжаться не может.

Нужно:

а) взять из Украины Косиора и заменить его Вами с оставлением Вас секретарем ЦК ВКП(б);

б) *вслед за этим* перевести на Украину Балицкого на пост преда украинского ГПУ с оставлением его замом председателя ОГПУ, а Реденса сделать замом Балицкого по Украине;

в) *через несколько месяцев после этого* заменить Чубаря другим товарищем, скажем, Гринько или кем-либо другим, а Чубаря сделать замом Молотова в Москве (Косиора можно сделать одним из секретарей ЦК ВКП).

Поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть.

Без этих и подобных им мероприятий (хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь — ее *приграничных* районов и т. п.), повторяю — мы можем потерять Украину...». (Везде курсив оригинала. — Т. М.)

Эти замечания были куда более грозными, чем июньская критика Сталиным Косиора, Чубаря и Петровского как людей некомпетентных и разложившихся, которая по существу (если не считать ее грозного тона) не отличалась от критики, которой тогда подверглось руководство всех зернопроизводящих районов¹²⁷. На этот раз Сталин выделил Украину как «единственную» национальную республику, в партийную организацию которой проникли украинские националисты (петлюровцы), помогавшие Пилсудскому в осуществлении его неизменного плана — воспользоваться национализмом украинцев для аннексии Украины. Может показаться, что в этих высказываниях Сталин несколько преувеличил свои опасения по поводу возможной

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 65–68.

потери Украины, но его последующие действия наводят на мысль, что это не так. Сталин скоро решил, что он не может себе позволить послать Кагановича на Украину¹²⁸. Крупные изменения в кадровом составе произошли лишь в январе 1933 г., после «Кубанского дела» и принятых в декабре 1932 г. постановлений Политбюро по Украине.

Летом 1932 г. отношение Сталина к руководству Северо-Кавказского крайкома и его первому секретарю Борису Шеболдаеву было хорошим — до тех пор пока тот не допустил промах и не попросил сократить план хлебозаготовок. После этого Сталин подверг его резкой критике в своем письме Кагановичу от 23 августа, приказав, чтобы «Правда» «выругала северокавказских *руководителей* за их плохую работу по хлебозаготовкам»¹²⁹. С этого времени террор был направлен главным образом против Украины и Северного Кавказа, хотя его применение усилилось во всех зернопроизводящих регионах. 22 октября, чтобы «увеличить сбор хлеба», Политбюро создало комиссии для инспекционных поездок на Украину (комиссия Молотова) и Северный Кавказ (комиссия Кагановича)¹³⁰. В ответ на просьбу прибывшего в Москву Шеболдаева о сокращении норм хлебозаготовок Сталин дополнительно ввел в состав комиссии Кагановича представителей государственных, в том числе карательных органов: А. И. Микояна (от Политбюро), Г. Г. Ягоду (от ОГПУ), М. Ф. Шкирятова (от ЦКК), Я. Б. Гамарника (от Красной армии)¹³¹. 29 октября члены этой чрезвычайной комиссии встретились лично со Сталиным и беседовали с ним больше часа¹³². С их прибытием на Северный Кавказ 1 ноября там началась кампания террора, известная под названием «Кубанское дело»¹³³.

1932-1933

¹²⁸ Там же. Л. 171–172. «Можно лишь заменить Косиора Кагановичем. Другого кандидата я не вижу. Микоян не подходит, и не только для Украины — он не подходит и для должности наркома снабжения [его нынешней должности] (неуклюжий и неорганизованный “агитатор”). Однако нельзя ослаблять секретариат ЦК, посылая Кагановича на Украину сейчас (нет никакой срочности!). Пока что немного подождем».

¹²⁹ Там же. С. 161–162.

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 904. Протокол 120, п. 39.

¹³¹ *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 27–29. Первоначально в состав комиссии входили также М. А. Чернов и Т. А. Юркин, затем в нее включили А. В. Косарева (от ЦК ВЛКСМ).

¹³² *Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив.* 1995. № 2. С. 154.

¹³³ О «Кубанском деле» см.: *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 30–79; *Shimotomai N.* A Note on the Kuban Affair (1932–1933) // *Acta Slavica Iaponica.* 1983. № 1. P. 39–56. «Дневник» Кагановича, по сути — заметки о его наблюдениях, беседах и выступлениях, сделанные его личным секретарем, во время поездок на Северный Кавказ в ноябре 1932 г. см.: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214.

В первую очередь этот террор был направлен против северокавказского крестьянства и особенно кубанских казаков. На встрече с партийными руководителями и активистами, состоявшейся 2 ноября в Ростове — столице Северного Кавказа, Каганович объяснил своим слушателям, что кулаки «больше не осмеливаются выступать против нас открыто. Вместо этого классовый враг продолжает свою борьбу против нас в замаскированной форме» и проникает в колхозы, чтобы «саботировать» хлебозаготовки и «превращать колхозы в своего рода профсоюзы крестьян». Реакцией на это должно стать усиление репрессий: Каганович призвал «зверски драться и выполнить план»¹³⁴. Да и Шеболдаев в своем выступлении подхватил тему, поднятую Кагановичем: «Мы должны осуществить полную программу репрессий, чтобы они не осмелились смеяться над нашей беззащитностью»¹³⁵. В присутствии Кагановича Северо-Кавказский крайком принял постановление о хлебозаготовках на Кубани, требовавшее для выполнения норм хлебозаготовок прибегать к чрезвычайным экономическим и судебным санкциям¹³⁶. Постановление передали телеграфом Сталину в Москву, он его отредактировал и велел на следующий же день опубликовать в ростовской газете «Молот»¹³⁷. Самой «дикой» мерой было занесение трех кубанских казачьих станиц на «черную доску». Как объяснял Каганович, занесение на «черную доску» включало в себя полную экономическую блокаду этих уже и без того голодающих станиц, арест «контрреволюционеров» органами ОГПУ, проведение показательных процессов и чистку партийных и советских органов¹³⁸. Если какая-либо станица не выполняла установленных для нее норм хлебозаготовок, то ее население депортировалось на Крайний Север¹³⁹. Высылке на Крайний Север подлежало население трех казацких станиц в полном составе и, кроме того, в индивидуальном порядке свыше 60 тыс. кубанских казаков. В ноябре свыше 200 казаков были арестованы как контрреволюционеры. В общей сложности в течение всей хлебозаготовительной кампании 1932 г. на одной только Кубани ОГПУ арестовало 16 тыс. крестьян, причем большинство арестов было произведено в ноябре и декабре¹⁴⁰.

¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 10; *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 35.

¹³⁵ Там же. Л. 8.

¹³⁶ *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 38.

¹³⁷ *Ивницкий Н. А.* Указ. соч. С. 50.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. С. 1–4.

¹³⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3377. Л. 84. Знаменательно, что этот декрет был направлен лишь в ЦК Компартии Украины. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5244. Л. 46–50.

¹⁴⁰ *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 42–43, 50–51, 55, 66.

Вторым объектом кубанского террора были сельские коммунисты низового уровня. Во время своей поездки Каганович неоднократно подчеркивал, что провал хлебозаготовок на Кубани был результатом не одного только кулацкого саботажа, но еще и действий некомпетентных, слабовольных, а иногда и сознательно враждебных местных коммунистов: «Наши сельские коммунисты никогда по-настоящему не изучали новых форм классовой борьбы: они о них даже не задумываются и совсем их не понимают. А ведь главная опасность исходит теперь от вожаков кулацкого саботажа посевных и хлебозаготовительных кампаний... А быть плохим коммунистом хуже, чем не быть коммунистом вообще: ведь своим партбилетом они освящают, благословляют кулацкие настроения»¹⁴¹. Шкирятов высказался еще более резко: «Если коммунист не исполняет наше решение, то он враг, а не коммунист»¹⁴². Чтобы устроить местных коммунистов, были приняты две меры. Во-первых, постановлением крайкома от 4 ноября было положено начало партийным чисткам на Северном Кавказе, местом проведения которых были «в первую очередь области Кубани»¹⁴³. Каганович публично заявил кубанским коммунистам, что вычищенные будут не просто исключены из партии, как во время прежних чисток, но и «сосланы в районы Крайнего Севера как предатели рабочего класса, как политически опасные»¹⁴⁴. В ноябре и декабре 1932 г. из партии были исключены 44,8 % списочного состава коммунистов — после того как их дела были пересмотрены действовавшей на Кубани комиссией по чисткам под руководством Шкирятова. На Кубани жертвами чисток стала половина партсекретарей станичных советов и колхозных партячеек¹⁴⁵.

Коммунисты подвергались также судебным преследованиям. В общей сложности на Кубани было арестовано 5 тыс. коммунистов, а на Северном Кавказе в целом — 15 тыс.¹⁴⁶ Более того, коммунистов публично приговаривали к смертной казни. Еще до прибытия Кагановича председатель колхоза Н. В. Котов был приговорен к 10 годам заключения за то, что он предоставлял своим колхозникам семенные ссуды в удвоенном объеме. 4 ноября состоялся новый суд, после которого он и двое его коллег были расстреляны¹⁴⁷. Дело Котова получило

¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 4, 11.

¹⁴² *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 34.

¹⁴³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5422. Л. 49–50.

¹⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 83.

¹⁴⁵ *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 60–61.

¹⁴⁶ *Ивницкий Н. А.* Указ. соч. С. 50.

¹⁴⁷ *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 47–51.

широчайшую огласку и в Москве, и на Северном Кавказе. Каганович и Микоян публично одобрили вынесенный ему смертный приговор и пригрозили тем же самым любому другому коммунисту, который «проявит мягкотелость и будет относиться к колхозам в народническом духе»¹⁴⁸. В течение нескольких недель после казни Котова газета «Молот», орган Северо-Кавказского крайкома, сообщала о казнях десятков других коммунистов¹⁴⁹.

Таким образом, комиссия Кагановича настояла на том, что главной причиной кризиса хлебозаготовок был саботаж кулачества при содействии мягкотелых и враждебно настроенных сельских коммунистов. И ответом на этот саботаж стало усиление террора. Однако в ходе поездки Кагановича выявилось и третье, хотя и не столь афишируемое объяснение кризиса хлебозаготовок: пагубное влияние украинских националистов, и в особенности тех, кто прибыл на Северный Кавказ с Украины. Вкратце об этой проблеме Каганович упомянул в своей речи, с которой вечером, сразу же после прибытия, он выступил перед членами бюро Северо-Кавказского крайкома партии: «Несомненно, среди прибывших с Украины были и организованные группы, осуществлявшие [контрреволюционную] деятельность, а особенно на Кубани, где говорят по-украински»¹⁵⁰. Объясняя почему не выполнены планы хлебозаготовок на Кубани, Каганович подчеркнул наличие казачьей проблемы, но при этом указал на тех кубанских казаков, которые были украинцами по национальности, а во время своих поездок по некоторым кубанским станицам он даже говорил на языке, который он называл «смешанной украинской речью»¹⁵¹.

Действительно, весной 1932 г. происходил массовый отток украинцев в соседние области РСФСР, потому что в это время голод на Украине был сильнее, чем в других зернопроизводящих районах. 18 июня 1932 г. Сталин в своем письме Кагановичу сетовал на то, что «несколько десятков тысяч украинских колхозников все еще разъезжают по всей европейской части СССР и разлагают нам колхозы своими жалобами и нытьем», хотя пока он не связывал появление беженцев и усиление контрреволюционной деятельности в этих регионах¹⁵². Впервые на эту связь со всей определенностью было указано во время второй поездки Кагановича на Северный Кавказ, в которую он отправился после краткого пребывания в Москве с 12 по 16 ноя-

¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 10.

¹⁴⁹ Осколков Е. Н. Указ. соч. С. 50.

¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 4.

¹⁵¹ Там же. Л. 37.

¹⁵² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 66.

бря¹⁵³. 23 ноября он заявил партийным активистам Ростова: «В нескольких кубанских колхозах мы разоблачили петлюровских агентов, которые этой весной прибыли на Кубань [с Украины]... Местные кадры не уделили достаточно внимания подрывной деятельности [этих украинцев], несмотря на то что нам очень хорошо известно как о связях между кубанскими контрреволюционерами и украинскими петлюровцами, так и об их возможных связях с польскими шпионами, поскольку петлюровцы тесно сотрудничают с поляками»¹⁵⁴. Проникновение агентов Пилсудского и петлюровцев в Коммунистическую партию Украины, о котором Сталин говорил в августе, теперь, как считалось, приобрело уже более широкие масштабы, а сфера их действия распространилась и на Кубань¹⁵⁵.

Кризис хлебозаготовок и национальный вопрос

Свою вторую поездку на Северный Кавказ Каганович завершил 25 ноября. Одновременно завершилась работа на Украине комиссии Молотова, и он тоже вернулся в Москву. Комиссия Молотова отвечала за усиление террора на Украине в ходе хлебозаготовок, который был лишь чуть менее суровым, чем на Кубани¹⁵⁶. В ноябре и в первые пять дней декабря ГПУ Украины под наблюдением Молотова арестовало 1830 руководящих работников нескольких колхозов. Кроме того, было арестовано 327 коммунистов¹⁵⁷. К 15 декабря арестовали около 16 тыс. человек, включая 435 членов партии и 2260 колхозных работников. 108 человек из них были приговорены к смертной казни¹⁵⁸. После возвращения Кагановича и Молотова в Москву состоялось заседание Политбюро, проходившее 14 декабря. На нем было принято секретное постановление по хлебозаготовкам на Украине и на Северном Кавказе¹⁵⁹. В этом постановлении центр уделил нацио-

¹⁵³ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. С. 154–157.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 104.

¹⁵⁵ Прочие ссылки Кагановича и других на контрреволюционную деятельность украинцев на Кубани и в остальных регионах Северного Кавказа см.: Там же. Л. 71–75, 89–90, 133.

¹⁵⁶ См., в частности, резолюции ЦК Компартии Украины от 5 и 18 ноября в кн.: Голод 1932–1933 років на Україні. С. 247–248, 250–261, а также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Протокол 123, п. 71. А также: *Ивницький Н. А.* Указ. соч. С. 50–56.

¹⁵⁷ *Ивницький Н. А.* Указ. соч. С. 56.

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 215. Л. 3.

¹⁵⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 910. Протокол 125, п. 6; Д. 911. Протокол 126, п. 46. Постановление от 14 декабря воспроизведено в кн.: Голод 1932–1933 років на Україні. С. 291–294. Постановление распространялось и на Западную область, но в его фокусе находились Украина и Северный Кавказ.

нальной политике наибольшее внимание со времени постановлений 1923 г., в которых были впервые систематизированы основные положения советской национальной политики. Этим постановлением советское руководство впервые официально признало, что разработанная в 1923 г. политика коренизации (если судить по итогам ее осуществления на Украине и Северном Кавказе) не только не уничтожила национализм, как это предполагалось, а, наоборот, усилила его.

В постановлении Политбюро от 14 декабря 1932 г. причины кризиса хлебозаготовок 1932 г. были сформулированы с точки зрения национального фактора. Особое внимание было уделено Украине и Северному Кавказу, где не была проявлена бдительность, из-за чего «кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы, сторонники Кубанской Рады сумели проникнуть в колхозы в качестве председателей». Кроме того, из-за отсутствия бдительности там поднял голову «злейший враг партии, рабочего класса и колхозного крестьянства — саботажник хлебозаготовок с партбилетом в кармане»¹⁶⁰. Политбюро осудило отсутствие бдительности, которое в ходе украинизации отмечалось как на Украине, так и на Северном Кавказе¹⁶¹:

«ЦК и Совнарком отмечают, что вместо правильного большевистского проведения национальной политики в ряде районов Украины украинизация проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и проч. создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций».

Вердикт по делу украинизации на Северном Кавказе был чрезвычайно суровым¹⁶²:

«ЦК и Совнарком указывают Северо-Кавказскому крайкому, что легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевистская “украинизация” почти половины районов Северного Кавказа, при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов дала легальную форму врагам Советской власти для организации сопротивления советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской рады и т. д.».

¹⁶⁰ Голод 1932–1933 років на Україні. С. 292.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же. С. 292–293.

Одним словом, кризис хлебозаготовок возник в результате противодействия, которое оказывали хлебозаготовкам предатели в советском и партийном аппарате, а многие из них получили свои должности благодаря политике украинизации. Таким образом, кризис хлебозаготовок объяснялся с точки зрения национального фактора.

Появлению такой интерпретации содействовали три причины. Во-первых, как подчеркивалось в главе 6, в политике властей постепенно формировалась «жесткая линия», направленная против коренизации. Распространилось мнение, что коренизация только усиливает националистические настроения. Оно сформировалось в связи с предполагаемым националистическим уклоном национал-коммунистов, вроде Шумского, которые, как считалось, перешли на позиции национализма. Возникновению уклона способствовали межгосударственные этнические связи. Эти представления были усилены проходившей во время культурной революции кампанией террора против национальной сменовеховской интеллигенции, а также централизацией, связанной с социалистическим наступлением. Постановление Политбюро от 14 декабря 1932 г. явилось первым свидетельством того, что центр одобрил «жесткую линию» в национальной политике. Во-вторых, как уже рассказывалось в этой главе, Украина стремилась аннексировать сопредельные области РСФСР и стать покровительницей живущих в РСФСР украинцев. Это не только усиливало опасения центральных властей по поводу украинского национал-коммунизма. Была установлена политическая взаимосвязь между двумя наиболее значительными зернопроизводящими районами Советского Союза — Украиной и Северным Кавказом. В-третьих, наиболее ожесточенное сопротивление коллективизации было оказано в национальных приграничных районах Советского Союза, и это не только усугубило боязнь национал-сепаратизма, которую испытывал центр, но и вылилось в крупный политический кризис весны 1932 г. И руководство приняло меры к тому, чтобы свести на нет опасность сепаратизма на Украине.

Таким образом, причинами репрессий и голода в период кризиса хлебозаготовок отнюдь не были попытки решить таким образом национальный вопрос. Скорее наоборот, формирование «жесткой линии» в национальной политике властей СССР стало следствием кризиса. На Украине не наблюдалось никаких признаков сомнения в правильности или пересмотра этой политики вплоть до 14 декабря 1932 г., хотя к началу 1932 г. украинизация пошла на спад¹⁶³. Более того, неза-

¹⁶³ Ни в одной из двух украинских национальных газет — «Вісті ВУЦВК» и «Комуніст» за 1932 г. — я не обнаружил ни одной статьи, в которой украинизация ставилась бы под сомнение.

долго до этого постановления Наркомпрос Украины начал проверку проведения украинизации¹⁶⁴. Кроме того, как отмечалось выше, статью в защиту украинизации на Северном Кавказе «Правда» опубликовала всего за два дня до того, как комиссия Кагановича отправилась в Ростов. Но еще удивительнее то, что в доступной нам внутренней переписке по поводу хлебозаготовок на Украине национальный фактор до ноября 1932 г. упоминался всего лишь один раз¹⁶⁵. Из письма Сталина Кагановичу известно, что к 11 августа Сталин уже связал проникновение украинских националистов в партию с кризисом хлебозаготовок на Украине, но еще не связал его с кризисом на Кубани и Северном Кавказе. Кроме того, мы видим, что в своей речи, произнесенной 1 ноября после прибытия в Ростов, Каганович лишь мимоходом намекнул на контрреволюционный саботаж, организованный группой людей, прибывших с Украины. Вину за кризис Каганович возложил на кулаков, кубанских казаков и сельских коммунистов.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основание предположить, что национальный фактор в интерпретации кризиса хлебозаготовок окончательно возобладал и получил одобрение центра в начале ноября, после первых поездок Молотова и Кагановича на Украину и Северный Кавказ. И Молотов, и Каганович вернулись в Москву, чтобы с 12 по 16 ноября провести всесторонние консультации со Сталиным¹⁶⁶. После совещаний Молотов поехал на Украину, а Каганович — и на Украину, и на Северный Кавказ. И во время этих поездок украинскому вопросу было уделено гораздо более пристальное внимание. 18 ноября на собрании харьковского партактива Молотов сказал: «Вы должны бороться с этими пережитками буржуазного национализма в виде петлюровщины и полупетлюровщины; необходимо понять, что здесь действует не только внутренний враг, но еще и... враг заграничный»¹⁶⁷. В тот же день появилось два постановления ЦК Политбюро Коммунистической партии Украины, и в них говорилось о необходимости бороться с «петлюровщиной» и «ликвидировать кулацкие и петлюровские гнезда»¹⁶⁸. Кроме того,

¹⁶⁴ Бюлетень НКО. 1932. № 59. С. 3–8.

¹⁶⁵ Моя точка зрения основана как на многочисленных документах (см.: Голод 1932–1933 років на Україні; Колективізація і голод на Україні, 1929–1933. Збірник матеріалів і документів. Київ, 1992), так и на изучении решений Политбюро ВКП(б) и КП(б)У из «особой папки» (см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 20; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 162. В адресованном Сталину письме от 26 апреля 1932 г. Косиор упомянул о недавней «открытой контрреволюционной акции петлюровского характера» (Голод 1932–1933 років на Україні, С. 150).

¹⁶⁶ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. С. 154–157.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 140. Л. 48.

¹⁶⁸ Голод 1932–1933 років на Україні. С. 256, 260. См. также замечания Кагановича о внедрении петлюровцев, сделанные им 25 ноября: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 215. Л. 18.

как уже отмечалось выше, Каганович подчеркнул роль украинских контрреволюционеров на Кубани. Украинский фактор был удобным объяснением, почему именно Украина и Северный Кавказ (и прежде всего Кубань) оказались двумя зернопроизводящими районами Советского Союза, где планы хлебозаготовок выполнялись хуже всего. Такое объяснение стало популярным и среди коммунистов Северного Кавказа, которые с удовольствием подхватили нападки Кагановича на украинских контрреволюционеров¹⁶⁹. Как мы уже видели, они были глубоко возмущены попытками украинцев аннексировать их территорию и провести украинизацию территорий РСФСР. Кроме того, их несколько успокоило изменение направления террора, главной мишенью которого стали национальные кадры. И наконец, террор, проводившийся на Украине в 1933 г., был направлен в основном против работников украинских культурных и образовательных учреждений, а также против политических эмигрантов из Галиции, и уже не затрагивал рядовых коммунистов.

Представления Политбюро о национальном факторе кризиса хлебозаготовок в конце 1932 г. изменялись. И это помогает уяснить и схему террора, и ту роль, которая отводилась национальному фактору во время голода 1932–1933 гг.¹⁷⁰ Кампания террора 1932–1933 гг. включала в себя и террор при проведении хлебозаготовок, главной мишенью которого было крестьянство (и русское, и крестьянство национальных регионов), и национальный террор против представителей определенных национальностей, главной мишенью которого стали украинцы и впоследствии белорусы. Террор при проведении хлебозаготовок стал кульминацией начавшейся в 1927–1928 гг. кампании по изъятию максимально возможного количества зерна у враждебно настроенного крестьянства. А потому главными его объектами были зернопроизводящие районы Украины, Северного Кавказа и Нижней Волги, а не те зернопроизводящие районы, которые полностью избежали террора при проведении хлебозаготовок 1932–1933 гг. И национальность преследуемых во время проведения этой кампании имела лишь ничтожное значение. Голод не был намерен-

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 215. Л. 71–75.

¹⁷⁰ Как известно, роль национального фактора (и особенно украинского) в возникновении голода 1932–1933 гг. в высшей степени спорна. Аргументацию сторонников точки зрения, согласно которой голод был геноцидом украинцев, см. в кн.: *Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror Famine*. N. Y., 1986; о диаметрально противоположном мнении см.: *Мерль Ш. Голод 1932–1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 49–61.*

ным актом геноцида, направленным конкретно против украинского народа. Однако в равной степени неправильно было бы утверждать, что национальный фактор вообще не играл никакой роли в возникновении голода¹⁷¹. Террор против определенных национальностей стал результатом формирования «жесткой линии» в политике, направленной против коренизации, и кризиса зернозаготовок на Украине и Кубани, так как упорное сопротивление хлебозаготовкам объяснялось украинизацией этих территорий. Постановление Политбюро от 14 декабря придало этой интерпретации кризиса официальную форму и санкционировало новую волну террора против Украины и Кубани. Второе постановление Политбюро, от 15 декабря, официально отменило украинизацию на всей территории РСФСР¹⁷². Третье постановление Политбюро, принятое днем позже, санкционировало начало террора в Белоруссии¹⁷³.

Понятно, почему террор периода хлебозаготовительной кампании 1932–1933 гг. распространялся и на русские, и на украинские территории и почему он был более жестоким на Кубани и Украине, чем на Нижней Волге. В декабре 1932 г. чрезвычайная комиссия Политбюро во главе с Постышевым посетила район Нижней Волги. После этого начался террор, затронувший и крестьянство, и местных коммунистов, однако он никогда не имел такого размаха, как на Украине и Кубани¹⁷⁴. К марту 1933 года в результате террора, проводившегося в ходе хлебозаготовок, в тюрьмах и концентрационных лагерях Украины оказались 90 тыс. человек, 75 тыс. — в тюрьмах и лагерях Северного Кавказа и 29 тыс. — в тюрьмах и лагерях Нижней Волги¹⁷⁵. Однако в реальности разница была гораздо больше, потому что в январе из северокавказских лагерей были переведены

¹⁷¹ Мерль Ш. Голод 1932–1933 годов...

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Протокол 126, п. 50.

¹⁷³ Там же. Л. 126/1. Гикало, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, упоминал, что на декабрьской сессии 1932 г. он получил от Политбюро директивы по национальной политике. См.: XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 72. Следующее постановление Политбюро о национальной политике в Белоруссии было принято в марте 1933 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 917. Протокол 132, п. 26.

¹⁷⁴ О терроре на Нижней Волге см.: Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья. Дис. канд. ист. наук. М., 1991. С. 93–192. Из документов, хранящихся в «особой папке» Политбюро за 1932–1933 гг., видно, что неоднократно принимались решения о терроре и депортациях на Украине и Северном Кавказе, но никогда — на Нижней Волге. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13–14.

¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Протокол 132, п. 22. Центрально-Черноземный район обычно не считался местом проведения террора, связанного с хлебозаготовками, но в этом документе упоминается и он, сообщается, что в тюрьмах или концентрационных лагерях содержится 43 500 жителей этого региона.

в другие места 30 тыс. заключенных, а численность заключенных в лагерях Украины сократилась еще в конце ноября¹⁷⁶.

И самое главное, проведенное исследование показывает, почему в циркуляре ЦК от 22 января 1933 г. особо подчеркивается требование закрыть внутренние украинские и северокавказские границы для перемещения крестьян¹⁷⁷:

«До ЦК ВКП(б) и Совнаркома дошли сведения, что на Кубани и Украине начался массовый выезд крестьян “за хлебом” в Центрально-Черноземную область, на Волгу, Московскую область, Западную область, Белоруссию. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР не сомневаются, что этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, организован врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации “через крестьян” в северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти. В прошлом году партийные, советские и чекистские органы Украины прозевали эту контрреволюционную затею врагов Советской власти. В этом году не может быть допущено повторение прошлогодней ошибки.

Первое. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР предписывают крайкому, крайисполкому и ОГПУ Северного Кавказа не допускать массовый выезд крестьян из Северного Кавказа в другие края и въезд в пределы края из Украины.

Второе. ЦК ВКП(б) и Совнарком предписывают ЦК КП(б)У, Балицкому и Реденсу не допускать массовый выезд крестьян из Украины в другие края и въезд на Украину из Северного Кавказа.

Третье. ЦК ВКП(б) и Совнарком предписывают ОГПУ Московской области, Центрально-Черноземного округа, Западной области, Белоруссии, Нижней Волги и Средней Волги арестовывать пробравшихся на север “крестьян” Украины и Северного Кавказа и после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, водворять остальных в места их жительства.

Четвертое. ЦК ВКП(б) и Совнарком предписывают ОГПУ дать соответствующее распоряжение по системе транспортных органов ГПУ

№ 65/ш

Предсовнарком СССР В. М. Молотов
Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин».

¹⁷⁶ Там же. Л. 129/51, 123/82. Ивницкий сообщает, что в марте 1933 г. было арестовано 219 460 человек, но не уточняет, из каких регионов были эти люди (Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 61).

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 106–107.

Эта директива в очередной раз свидетельствует о том, что Сталин был озабочен политическим влиянием миграции украинцев внутри страны. Трудно определить, сколько украинских и северокавказских крестьян погибли в результате исполнения этой директивы, но она со всей очевидностью свидетельствует, что на Украине и Кубани было приказано ввести особое положение именно потому, что причиной голода был признан национальный фактор.

И наконец, проведенное исследование показывает, почему террор на Украине и в Белоруссии продолжался и в 1933, и в 1934 г. — в течение длительного времени уже после того, как прекратился террор в русских регионах. Действительно, как мы увидим в главе 9, в конце 1933 г. террор захватил и другие национальные территории и даже области Средней Азии, не производящие зерна. Одним словом, террор, начавшийся в ходе хлебозаготовок, положил начало террору в национальных регионах СССР, который продолжался больше года после того, как террор, связанный с хлебозаготовками, был прекращен (май 1933 г.). И, что важнее, он привел к глобальному пересмотру советской национальной политики.

Выводы: последствия постановлений Политбюро, принятых в декабре 1932 года

Если оценивать ситуацию в ретроспективе, то становится очевидным, что постановление Политбюро от 14 декабря 1932 г. обозначило решающий поворот в эволюции советской национальной политики. Однако тогда это было еще не вполне ясно. Постановление осуждало не украинизацию как таковую, но скорее ее «механическое» осуществление и неумение провести «тщательный подбор большевистских украинских кадров». Для преодоления ошибок предлагалось обратиться «серьезное внимание на правильное проведение украинизации» и при этом «тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры»¹⁷⁸. И только время показало, каким был истинный смысл перехода к «большевистской» украинизации. Действительно, постановлением Политбюро от 15 декабря отменялась украинизация на всей территории РСФСР, и это, безусловно, было новшеством в национальной политике властей. Однако, учитывая высокий уровень русификации украинцев, живущих в РСФСР, это постановление можно без труда истолковать как единственное исключение, подтвердившее правило (а по сути так оно и было на протяжении

¹⁷⁸ Голод 1932–1933 років на Україні. С. 293.

4 лет). Кроме того, постановление было принято в разгар серьезного политического кризиса, включившего в себя широкомасштабную и длившуюся целый год кампанию террора. Официально эта кампания была завершена 8 мая 1933 г.¹⁷⁹ И тогда постановление от 14 декабря можно было без труда признать утратившим силу, особенно учитывая, что оно никогда не публиковалось. Однако этого не произошло. Наоборот, постановление от 14 декабря положило начало целому ряду имевших важные последствия изменений в советской национальной политике. В число этих изменений входили: начало этнических чисток и возникновение понятия «народа-врага», фундаментальный пересмотр (но не отмена) коренизации, переход от этнической дивергенции к этнической консолидации, сопровождавшейся административной русификацией РСФСР, и, наконец, реабилитация русских и традиционной русской национальной культуры, что было составной частью процесса пересмотра советского национального устройства, организующей метафорой которого стала «дружба народов». В главах 8–11 мы рассмотрим процесс постепенного и трудного рождения нового советского национального устройства.

¹⁷⁹ *Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, UK, 1996. P. 124–125.

Часть третья

КОНЕЦ ИМПЕРИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

8

ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ И «НАРОДЫ-ВРАГИ»

Возникновение категории «народ-враг» и практика проведения этнических чисток явились одним из самых важных новшеств советской национальной политики середины 30-х гг. В 1935–1938 гг. этническим чисткам (то есть принудительному перемещению этнически определенного населения с данной территории) подверглись по меньшей мере девять советских народов: поляки, немцы, финны, эстонцы, латыши, корейцы, китайцы, курды и иранцы¹. В 1937–1938 гг. эти и многие другие диаспорные национальности получили название «народы-враги» и стали особым объектом арестов и казней исключительно в силу своей этнической принадлежности. Казалось бы, эта практика полностью противоречила принципам империи положительной деятельности. Действительно, этнические чистки были, к несчастью, довольно широко распространены в XX в., и Советский Союз был чрезвычайно бесчеловечным государством². Однако этнические чистки были, как правило, крайним выражением намерения совместить государственные границы с этническими³. Как мы уже видели,

¹ О термине «этнические чистки» см.: *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *The Journal of Modern History*. 1998. December. № 70. P. 817–824; *Naimark N.* Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge, Mass., 2000. P. 1–16. О первых советских депортациях см.: *Matley I.* The Dispersal of the Ingrian Finns // *Slavic Review*. 1979. March. № 38. P. 1–16; *Бугай Н. Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; *Gelb M.* The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // *Nationalities Papers*. 1996. June. № 24. P. 237–268; *idem.* An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *Russian Review*. 1995. July. № 54. P. 389–412.

² *Martin T.* Op. cit. P. 817–824. *Naimark N.* Op. cit.

³ *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca, N. Y., 1983.

Советский Союз не был моноэтническим государством, и его руководители никогда не собирались превращать его в моноэтническое государство. Не предпринималось никаких попыток создать новую советскую национальность. Не приветствовалась даже естественная ассимиляция. Советский режим выделял немало средств, направляемых на развитие национального самосознания нерусских народов. Более того, как мы увидим, эта политика проводилась и в 30-е гг. Кажалось бы, в Советском Союзе этнические чистки маловероятны.

Парадоксально, но факт: в 30-е гг. одновременно шло и национальное строительство, и уничтожение народов. И этот факт нуждается в объяснении. В первых исследованиях, посвященных советской национальной политике, обычно обращалось внимание на переход от проводившейся в 20-е гг. политики небольших уступок национальным меньшинствам к политике репрессий 30-х гг., характерными чертами которой были этнические депортации, террор против отдельных народов СССР и русификация⁴. А в более поздних, сравнительно недавних исследованиях, акцент ставится на впечатляющее постоянство политики советского национального строительства на протяжении всей сталинской эпохи и в период, наступивший после нее⁵. Тем не менее ни та, ни другая концепция не дает удовлетворительного объяснения этому удивительнейшему парадоксу последних двух десятилетий сталинского правления – одновременному созданию и уничтожению наций. Приступая к изложению причин советских этнических чисток, я попытаюсь разрешить этот парадокс. А для этого я покажу, как принципы, характерные для советского национального строительства 20-х гг., при определенных условиях могли привести (и приводили) к этническим чисткам и этническому террору против ограниченной группы обвиненных в предательстве национальностей, хотя для большинства остальных политика национального строительства оставалась неизменной.

Пограничные районы

Для советской политики 20-х гг. была характерна удивительная этнофилия. Тем не менее даже в те годы можно обнаружить некото-

⁴ К числу показательных работ на эту тему относятся: *Conquest R. The Nation Killers*. L., 1977; *Bennigsen A., Wimbush E. Muslim National Communism in the Soviet Union*. Chicago, 1979.

⁵ *Suny R. The Revenge of the Past*. Stanford, Calif., 1993; *Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Review*. 1994. № 53. P. 414–452.

рые предпосылки для возникновения этнических чисток в Советском Союзе. В главах 2 и 7 я проанализировал три следующих фактора: стихийные этнические чистки, принудительное переселение сельского населения на этнической основе и Пьемонтский принцип. Стихийные этнические чистки представляли собой стремление некоторых народов, составлявших большинство на данной территории, изгнать с нее национальные меньшинства. Это происходило из-за конфликтов между этническими группами по поводу власти на данной административной территории, сельхозугодий и сословных конфликтов. Серьезные этнические столкновения произошли в Казахстане, Киргизии, северокавказских горских районах и на Кубани. Расхожее представление о том, что административные и этнические границы должны совпадать, усиливалось действиями советского режима, проводившего расселение сельского населения по этническому принципу. Территориально рассеянными народами, например евреям и цыганам, выделялись места для компактного проживания в сельской местности. Они могли создавать национальные советы, а свободная земля в границах национальных советов резервировалась за представителями национальности, составлявшей большинство, и они могли туда переехать. Ну и, наконец, благодаря Пьемонтскому принципу вера в первостепенное значение этнической солидарности распространилась и за пределы Советского Союза. Пьемонтский принцип основан на убеждении, что этнические связи простираются за пределы политических границ, а потому Советский Союз может их использовать для того, чтобы распространить свое влияние на зарубежные страны. Образование Молдавской АССР и территориальное расширение Белоруссии были продиктованы Пьемонтским принципом. Таким образом, еще в 20-е гг. советская национальная политика связала этничность с вопросами административной территории, землепользования, внешней политики и расселения. В 20-е гг. эта политика поддерживала этнофилию, в 30-е гг. она же привела к этническим чисткам.

Чтобы понять, почему произошел такой резкий переход от поддержки национальной идентификации к этническим чисткам, следует принять во внимание три фактора: советскую ксенофобию, введение понятия «пограничный район» и политику, которой сопровождалась иммиграция и эмиграция. Советская ксенофобия имеет отношение к непомерному страху советских властей перед влиянием из-за границы и «заграничной заразой». Он не был тождествен традиционной русской ксенофобии. Советская ксенофобия была идеологической, а не этнической. И поддерживалась она ненавистью и подозрительностью к иностранным капиталистическим правительствам, а не к нерусским народам. Не иностранная интервенция во время

Гражданской войны породила советскую ксенофобию. Она всего лишь укрепила уже существовавшую идеологическую тенденцию.

Однако советская ксенофобия получила национальный оттенок из-за продолжавшихся, хотя уже без особого размаха, партизанской борьбы и восстаний, вспыхивавших время от времени вдоль всей советской границы. И если иностранная военная интервенция была кратковременной, происходила в виде отдельных акций, то партизанская борьба выражалась в постоянных нарушениях границ и поддерживалась как извне, так и изнутри. Самым известным проявлением такой партизанской борьбы было басмачество в Средней Азии. Наибольшего накала борьба с басмачами достигала в 1920–1922 гг., но отдельные очаги басмачества продолжали тлеть вплоть до 1934 г. Основой этого движения были клановые и этнические союзы, которые связывали Северный Афганистан и советскую Среднюю Азию⁶. Периодические восстания вспыхивали и в других советских пограничных районах: в Чечне и Дагестане (1920–1922), Карелии (1921–1922), Грузии (1924), Якутии (1924–1925 и 1927–1928), Аджарии (1927) и Кабарде (1928). Как уже отмечалось в главе 6, коллективизация вызвала несколько крупных вооруженных восстаний в советском пограничье. Более того, всю первую половину 20-х гг. ОГПУ сообщало о непрекращающемся политическом бандитизме в пограничных районах. В отчетах ГПУ за вторую половину 1922 г. отмечалось, что выявлено 14 давно существовавших вооруженных политических банд численностью свыше ста членов, все они действовали в национальных районах, расположенных вдоль советской границы, и сохранялись благодаря тому, что часто переходили в сопредельные государства⁷. Политический бандитизм вдоль польско-украинской границы оставался в середине 20-х гг. неразрешимой проблемой, которая вызывала постоянную озабоченность⁸. Власти СССР боялись

⁶ *Hayit B. Basmatschi. Köln, 1992.*

⁷ Девять таких банд действовало около украинско-польской границы в Подолии и Волыни, три — в Азербайджане и две — в Грузии (рассчитано на основании данных, содержащихся в полном собрании отчетов ОГПУ по сельской местности, опубликованных в кн.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. Т. I: 1918–1922. М., 1998; Эта цифра, разумеется, неполна, поскольку в нее не входят многие крупные вооруженные объединения басмачей, действовавшие в Средней Азии. Сообщалось, что бандитизм имел место и в некоторых регионах РСФСР: самая многочисленная банда состояла из 40 человек и действовала в Ставрополе. В первой половине 1922 г. по всему Советскому Союзу все еще шла борьба с действовавшими во время Гражданской войны «зелеными».

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 177; Д. 178. Исчерпывающие сведения о бандах, действовавших в 1923–1929 гг. вдоль границ, см. в кн.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. 1918–1939. Т. II: 1923–1929. М., 2000.

тайного иностранного проникновения, поэтому пограничные районы с преимущественно нерусским населением казались наиболее опасными.

В июле 1923 г. советская ксенофобия получила институциональное воплощение. Это стало возможным благодаря правительственному постановлению, определившему создание особой и неделимой административной территории, которая получила название пограничных районов⁹. Все современные государства имеют четко обозначенные границы, в некоторых существует понятие пограничного района, однако ни одно государство не зашло так далеко, как Советский Союз, в идеологическом и административном определении отдельных пограничных районов¹⁰. Постановление 1923 г., проект которого был составлен в ГПУ, определило ряд пограничных полос, статус режимности которых повышался по мере их приближения к границе. Они находились вдоль всей сухопутной и морской границы Советского Союза и простирались в ширину на 4 метра, 500 метров, 7,5 километров, 16 километров и 22 километра¹¹. Вся 22-километровая полоса находилась под особым наблюдением пограничной охраны ГПУ, которой было предоставлено неограниченное право осуществления поиска и захвата нарушителей¹². Таким образом, вдоль всей советской границы была создана новая юридически определенная территориальная единица — пограничные районы.

Постановление 1923 г. было принято исключительно для укрепления безопасности, что служит иллюстрацией того, что в СССР боялись иностранного влияния. Тем не менее, как мы видели в предыдущей главе, вскоре власти Советского Союза успокоились и попытались использовать пограничные районы для распространения советского влияния на население, живущее за границей, и особенно вдоль советской западной границы. С этой целью 16 июля 1925 г. Политбюро приняло общую резолюцию, установившую ряд привилегий для западных пограничных районов: более высокие оклады для специалистов, более значительные капиталовложения в экономику, лучшее снабжение товарами, разрешение иметь бюджетный дефицит

⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 22. Л. 3–12. Основано на принятой ранее резолюции Политбюро, см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 339. Протокол 53, п. 6.

¹⁰ О понятии «пограничье» в дореволюционной России см.: *Martin T. The Empire's New Frontiers: New Russia's Path from Frontier to Okraina, 1774–1920 // Russian History. 1992. № 19. P. 181–201.* Об понятиях «пограничье» в имперской Германии см.: *Hagen W. Germans, Poles, and Jews. Chicago, 1980. P. 188–207.*

¹¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 22. Л. 3–4.

¹² Там же. Л. 3–7; Оп. 64. Д. 218. Л. 51.

и более значительные капиталовложения в культуру¹³. Основанием для принятия этого постановления было «специфическое положение и значение пограничных районов как в военно-стратегическом, так и в политическом смысле»¹⁴. Или, как это было сформулировано в другом постановлении: «Наши пограничные районы являются той частью нашей территории, по которой трудящиеся сопредельных наций конкретно судят о РСФСР»¹⁵.

Естественно, что национальная политика была главной составной частью пограничного режима. Основанием Пьемонтского принципа было представление, что трансграничные этнические связи можно использовать для того, чтобы упрочить советское влияние в соседних государствах. Однако на основе этого принципа иностранные правительства тоже могли воспользоваться этими связями против Советского Союза. Финское, польское и немецкое население СССР вызывало у советских руководителей наибольшую тревогу. В 1925 г. Рабкрин провел исследование западных пограничных районов. В отчете сообщалось, что финское население Ленинграда подвержено сильному «финскому влиянию, которое объяснялось как историко-культурными связями, так и усилиями самой Финляндии, которая всеми средствами пытается расширить сферу своего влияния на финское население наших пограничных районов»¹⁶. Аналогичную озабоченность вызывало польское и немецкое население Украины¹⁷:

«Наша информация свидетельствует о существовании национального шовинизма среди польского населения, огромного влияния ксендзов, что создает основу для влияния белополяков. Немецкая, польская и в определенной степени чешская колонии являются плацдармом для распространения влияния их правительств и шпионскими гнездами, представляющими поддержку этим правительствам. Интересно отметить, что в связи с избранием Гинденбурга в немецких колониях распространяется слух о 15-летней немецкой оккупации Украины».

Можно было бы ожидать, что из соображений безопасности в пограничных районах советская национальная политика будет осуществляться менее энергично. Однако на самом деле все происходило как

¹³ РГАСПИ. Ф 17. Оп. 16. Д. 1396. Протокол 85, п. 5; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 11. Л. 1–21.

¹⁴ РГАСПИ. Ф 17. Оп. 3. Д. 511. Протокол 71, п. 34.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 11. Л. 4.

¹⁶ Там же. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 594. Л. 45.

¹⁷ Там же. Л. 79.

раз наоборот. Постановление Политбюро от 1925 г. предписывало особенно внимательно относиться к национальным меньшинствам в пограничных районах Советского Союза. Там было больше национальных школ, национальных территорий, широкое распространение получила пресса на родном языке, происходил активный набор и выдвижение национальных кадров, а всякое проявление русского шовинизма требовалось сурово наказывать¹⁸. Выступая против моноэтничности, советское правительство сознательно ставило перед собой цель усилить и поддержать этническое разнообразие пограничных районов.

Таким образом, советская национальная политика в пограничных районах имела в своей основе существенное противоречие. Государственная ксенофобия была причиной недоверия к народам, живущим по западной границе СССР, и стремления ограничить их национальное самовыражение, тогда как Пьемонтский принцип требовал проведения шумной пропаганды национальных институтов. В 20-е гг. Пьемонтский принцип возобладал. Однако ему предстояло испытать ряд потрясений как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического порядка, начиная с «дела Шумского» и национал-уклонизма КПЗУ, которые привели к отказу от этнофилии 20-х гг. и этническим чисткам 30-х. Однако как в 20-е, так и в 30-е гг. советская национальная политика в этих районах имела одно основание — твердую веру большевиков в политическое значение трансграничных этнических связей.

¶

Политика иммиграции

Наиболее ярко иллюстрирует противоречия, существовавшие между советской ксенофобией и Пьемонтским принципом, пожалуй, отношение к иммиграции. С одной стороны, с точки зрения Пьемонтского принципа иммиграция была победой и убедительным свидетельством того, что Советский Союз притягателен для населения, живущего за его границами. С другой стороны, иммиграция вызывала опасения, потому она служила отличным прикрытием для иностранного шпионажа. Несмотря на эти опасения, нелегальных иммигрантов, как правило, не депортировали. Им предоставляли те же права, что и представителям коренных советских национальностей. Например, афганским иммигрантам (белуджи, джемшидам и хазарейцам) выделяли землю в пограничных районах, создавались афганские национальные территории, ионии получали различные

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 677. Л. 107–109.

права: «Позитивные советские настроения среди них вызовут симпатию и привлекут к нам классово-дружественные элементы из иностранных [афганских] пограничных районов»¹⁹.

Если по поводу иммигрантов советское правительство испытывало беспокойство, то реэмиграции коренных жителей советских национальных республик оно активно добивалось. Условием для заключения договоров с Финляндией и Польшей было предоставление эмигрантам права вернуться в Советский Союз. И этим воспользовались около 12 тыс. финнов и гораздо больше поляков²⁰. Кроме того, была предпринята попытка выманить из эмиграции немцев Поволжья²¹. В Средней Азии, где Гражданская война и басмаческие восстания привели к массовой эмиграции, власти приняли решительные меры для улучшения условий жизни в пограничных районах, чтобы таким образом предотвратить дальнейшую эмиграцию и вернуть эмигрантов обратно: «С политической точки зрения крайне негативным является тот факт, что ежегодно в афганских пограничных районах собирается все больше и больше открыто враждебных нам сил, которые, если политические условия ухудшатся, будут использованы против нас»²².

Однако привлечение иммигрантов вызывало и немало опасений. Как мы уже видели, советское правительство предпринимало большие и в высшей степени успешные усилия, агитируя украинских и белорусских эмигрантов-националистов (сменовеховцев) вернуться в Советскую Украину и Белоруссию. Однако сразу же после возвращения они поступали под надзор ОГПУ, и к ним относились как к серьезной внутренней угрозе. Более того, нелегальных иммигрантов зачастую перемещали из пограничных районов, чтобы предотвратить возможность шпионажа²³. С наибольшей очевидностью подобное отношение к иммигрантам проявляло себя на советском Дальнем Востоке, где в результате массового притока корейцев межэтнические отношения приобрели крайнюю напряженность. С 1917 по 1926 г. корейское население Советского Союза увеличилось втрое — с 53 600 до 168 009 человек. К 1926 г. корейцы составляли свыше четверти сельского населения Владивостокского округа (145 511 человек из

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2205. Л. 6, 33–34; Оп. 1. Д. 829; Д. 467; Д. 882; Оп. 3. Д. 465. Л. 18–23.

²⁰ *Matley I.* Op. cit. P. 5. *Iwanow M.* Pierwszy naród ukarany. Warszawa, 1991. S. 72.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 517. Протокол 77, п. 12.

²² Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1261. Л. 1. Об огромных усилиях, предпринимавшихся для возвращения эмигрантов, см.: Там же. Оп. 1. Д. 1106. Л. 92–102; Д. 467. Л. 240–249; Д. 829. Л. 49–61.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 467. Л. 248–249; Оп. 62. Д. 1829. Л. 51.

572 031)²⁴. В 1922 г. 84,3 % корейских семей были безземельными, и даже советское гражданство имелось лишь у 32,4 % корейцев. Даже в 1925 г. 68,8 % корейцев по-прежнему обрабатывали только арендованную землю (по сравнению с 7,8 % русских). Площадь земли, находившейся в пользовании средней корейской семьи, была в три раза меньше, чем у местных русских (4,6 акра по сравнению с 15,9 акра)²⁵. Конфликты разгорались в основном из-за владения землей, потому что советская политика требовала передать землю тем, кто ее обрабатывает. А это означало, что русскую землю положено передать корейским арендаторам-иммигрантам. На это русские ответили тем, что перестали сдавать землю в аренду и, согласно донесениям ОГПУ, начали «требовать переселения корейцев в другой район»²⁶.

Однако советская политика, строившаяся на основе Пьемонтского принципа, предписывала прямо противоположное: образовать автономную корейскую национальную территорию. Массовая иммиграция корейцев из оккупированной Японией Кореи со всей наглядностью продемонстрировала привлекательность Советского Союза для них. Образование автономной корейской территории могло бы способствовать дальнейшему привлечению корейцев, что оказало бы давление на японский колониальный режим. Именно такой была аргументация Восточного отдела Коминтерна, когда в мае 1924 г. он обратился к советскому правительству с просьбой об образовании Корейской автономной области²⁷. Эта просьба была подана в то время, когда на советском Западе был создан молдавский Пьемонт, целью которого было оказать политическое давление на Румынию. Из таблицы 29 видно, что имелась возможность создать Корейскую АССР, почти равную по площади Молдавской АО и населенную этнически преобладающей национальностью. ОГПУ сообщало, что идея корейской автономии была чрезвычайно популярна среди советских корейцев, а особенно среди коммунистов и комсомольцев²⁸. Это предложение серьезно обсуждалась в ЦИК и ВЦИК, но к 1925 г. было решительно отвергнуто²⁹.

²⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 141. Л. 4; *Аносов С. Д.* Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток, 1928. С. 7–8; Всесоюзная перепись населения 1926 года: в 66 т. Т. VII. М., 1928. С. 8, 126–127. Во Владивостокском округе, включая Владивосток, корейцы составляли 22,4 % населения.

²⁵ Там же. С. 4.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 199. Л. 96.

²⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 141. Л. 20–34; о предпринимаемых ранее усилиях см.: *Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах.* Книга первая. Москва, 1992. С. 40, 46–47.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 199. Л. 101; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1706. Л. 34.

²⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 141. Л. 42–47.

Таблица 29. Молдавская АССР и корейские автономные территории

Существующая территория	Численность населения титульной национальности	Общая численность населения	Доля титульной национальности от общей численности населения
Молдавская АССР	170 263	572 339	29,7 %
Предполагаемые территории			
Корейская АССР (Владивостокский округ)	152 424	680 011	22,4 %
Корейская АО (5 пограничных районов)	85 299	157 438	54,2 %

Источник: Всесоюзная перепись населения в 1926 г. Т. VII. С. 126–127; Т. XI. С. 36.

Судя по всему, отказ от образования Корейской АССР объяснялся двумя факторами. Самое главное — советское руководство ощущало свою политическую и военную слабость на Дальнем Востоке. А потому и потенциальное японское влияние на советское корейское население волновало его больше, чем распространение советского влияния на Корею, находившуюся под властью Японии. В отчете Рабкрина за 1929 г. без обиняков говорилось, что корейскую иммиграцию в Советский Союз Япония рассматривала «как естественное расширение границ Кореи, о котором в надлежащий момент можно было заявить и официально»³⁰. Боязнь распространения японского влияния привела к тому, что в январе 1926 г. Наркомат иностранных дел потребовал принять чрезвычайные меры, чтобы остановить корейскую иммиграцию³¹. Да и коммунистические руководители Дальнего Востока говорили о распространении враждебного отношения к корейцам. Они разделяли существовавшее среди местных русских отношение к корейцам как к потенциально нелояльным и экономически вредным чужакам, которых следовало переселить подальше от пограничных районов³².

Возобладавшая политическая линия была глубоко противоречивой. С одной стороны, было дано разрешение создать небольшие корейские национальные территории — один корейский национальный

³⁰ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1706. Л. 3.

³¹ Там же. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 141. Л. 141об.

³² Там же. Л. 54–75. Белая книга о депортации корейского населения. С. 46–49. *Gelb M.* An Early Soviet Ethnic Deportation. P. 394–395.

район и 171 корейский сельсовет³³. Были открыты школы с преподаванием на корейском языке и корейские газеты. Был создан особый отдел, отвечавший за населяющие Дальний Восток национальные меньшинства, и в его состав вошел полномочный представитель по корейским делам. Корейцев систематически выдвигали на ответственные посты в дальневосточной администрации³⁴. Эта политическая линия представляла корейцев неким образцовым советским национальным меньшинством, которое можно было резко и открыто противопоставить несчастным корейцам, жившим в условиях японской колониальной оккупации.

Однако практически одновременно, 6 декабря 1926 г., центральные власти приняли секретное постановление, содержащее план переселения большинства корейцев в районы, расположенные севернее 48,5 градуса широты (к северу от Хабаровска). Согласно этому постановлению, всех корейцев, которые не получили земли (чуть больше половины населения), предписывалось переселить на север³⁵. Для корейцев было зарезервировано два больших земельных фонда. Чтобы эта политика получила публичное оправдание (что происходило редко), она была представлена аналогичной плану переселения евреев. Безземельные национальные меньшинства предполагалось компактно поселить на свободной государственной земле, выделить им землю и предоставить возможность развивать свою национальную культуру³⁶. Однако это не прошло. Жившие в рассеянии евреи добровольно переселялись на превосходные земли сельскохозяйственного назначения, где они образовывали компактные поселения. А корейцы и так жили компактно на пригодной для ведения сельского хозяйства земле, а их собирались принудительно рассеять, и их земли заселить крестьянами-славянами из центральных областей³⁷. Эта последняя мера вызвала крайнее возмущение корейских коммунистов, поскольку она служила ясным указанием на то, что советские корейцы считались нелояльными³⁸.

Программа переселения корейцев могла стать первой этнической чисткой в Советском Союзе, если бы ее осуществили. Однако к концу 1928 г. не было сделано буквально ничего³⁹. Противодействие корей-

³³ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1706. Л. 25.

³⁴ Там же. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 60. Л. 71–78; Белая книга о депортации корейского населения. С. 37–39; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1706. Л. 28.

³⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 141. Л. 144.

³⁶ Там же. Оп. 120. Д. 60. Л. 17–20; *Аносков С. Д.* Указ. соч. С. 64.

³⁷ Там же. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 141. Л. 144.

³⁸ Там же. Л. 146–152.

³⁹ Там же. Оп. 141. Д. 1356. Л. 3; Ф. 3316. Оп. 64а. Д. 1078. Л. 5; Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1706. Л. 7–9.

ских коммунистов, пассивное сопротивление корейских крестьян, отсутствие центрального финансирования, нехватка русских переселенцев и глубоко противоречивая государственная политика — все это привело к тому, что план переселения корейцев так не был выполнен. И тем не менее формально закон оставался в силе и использовался для того, чтобы обвинить в измене советских корейцев. Таким образом, на Дальнем Востоке возобладало своего рода равновесие между советской ксенофобской политикой и политикой, основанной на Пьемонтском принципе. Но, прежде, чем полномасштабные этнические чистки начались, и на Дальнем Востоке, и в западных пограничных районах произошли еще два политических потрясения.

Коллективизация и эмиграция

Первым из этих потрясений стала коллективизация и эмиграционное движение, которое она вызвала. После того как зимой 1927–1928 гг. были вновь введены принудительные хлебозаготовки, миграционные потоки эпохи нэпа сразу же изменили свое направление. Из Средней Азии и Закавказья стали поступать сообщения о внезапном увеличении числа эмигрантов и тех, кто собирался эмигрировать⁴⁰. Однако наиболее впечатляющее и политически значимое эмиграционное движение было зафиксировано осенью 1929 г. В сентябре 1929 г. имевшие советское гражданство этнические немцы начали стекаться в Москву, требуя выдать им выездные визы, чтобы навсегда покинуть Советский Союз. Слухи об этом вскоре достигли посольства Германии, командировавшего для проведения расследования своего представителя, Отто Аухагена — атташе по сельскому хозяйству. Его сопровождали два немецких и три американских корреспондента. Они выяснили, что в предместьях Москвы собралось около 4,5 тыс. немцев, в основном меннонитов. Немцы рассказали им о страшных репрессиях и сообщили, что они продали или бросили все свое имущество и готовы эмигрировать в Канаду⁴¹.

Иностранцы немедленно опубликовали сенсационные рассказы о репрессиях, от которых пострадали немец-

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1261. Л. 1–17, 42–43, 75–76; Ф. 157. Оп. 5. Д. 83. Л. 229–230.

⁴¹ В 1923–1926 гг. разрешение эмигрировать в Канаду получили около 20 тыс. меннонитов. Теперь оставшиеся также стремились уехать. Captured German Materials (CGM). (Трофейные немецкие материалы.) Пленка микрофильма 4763. 11.10.29. L192465–75; *Dyck H.* Weimar Germany and Soviet Russia, 1926–1933. N. Y., 1966. P. 162–174; *Buchsweiler M.* Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweites Weltkriegs — ein Fall Doppelter Loyalität? Gerlingen, 1984. S. 58–64.

кие крестьяне, что, в свою очередь, вызвало целую бурю сообщений в прессе и привело к возникновению в Германии весьма крупного политического скандала. Чтобы собрать деньги для советских немцев, была создана организация под названием «Братья в нужде», и сам президент Гинденбург пожертвовал из собственных средств 200 тыс. марок⁴². Посольство Германии, которое сначала, опасаясь обидеть советских хозяев, отказалось поддержать являвшихся советскими гражданами этнических немцев, на сей раз решительно выступило в их защиту⁴³. Удивленное этим непредвиденным развитием событий, советское правительство повело себя нелогично. Сначала оно разрешило немцам (в количестве 5461 человека) эмигрировать, а потом депортировало оставшиеся 9730 человек в места их прежнего проживания⁴⁴. Этот инцидент не только создал осложнения для советского правительства именно тогда, когда коллективизация достигла своего апогея, но и значительно ухудшил советско-германские отношения.

Теоретически коллективизация не имела никакой этнической составляющей, но, как продемонстрировала немецкая эмиграция, эта составляющая быстро сформировалась. Анархия и насилие, которыми сопровождалась коллективизация, стремительно ликвидировавшая порядки эпохи нэпа, способствовали проявлениям межэтнической вражды. В местах, где была почва для стихийных этнических чисток, взяли реванш те, кто «проиграл» в эпоху нэпа. В Казахстане местные русские выместили свой гнев на казахах-кочевниках, в одночасье лишившихся защиты. Аналогично на Украине распространилось представление, будто все немцы — кулаки. В докладе ЦК отмечалось, что «у некоторых ответственных работников высокого уровня сложилось неправильное мнение, будто все немецкие деревни являются исключительно кулацкими»⁴⁵. Один коммунист сформулировал это еще колоритнее: все немцы, по его мнению, были «кулаками-колонизаторами до мозга костей»⁴⁶. Авторы многочисленных отчетов, пытавшиеся объяснить эмиграцию немцев, единодушно соглашались с тем, что она стала результатом чрезвычайно грубого обращения с немцами во время коллективизации⁴⁷. Подобное было и во время Гражданской войны, и было связано с их привилегированным положением до революции.

⁴² *Dyck H.* Op. cit. P. 163, 171.

⁴³ СГМ. Пленка 5213. 01.08.29. К480944–49; Пленка 4763. L192270–475.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 759.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 786. Л. 44.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 561. Л. 59.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 786. Л. 42–46; Д. 822. Протокол 181, п. 4. Л. 1–250; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 561; Ф. 3316. Оп. 64. Д. 928; Д. 759–761.

Жестокое обращение в период коллективизации стало причиной и менее масштабных эмиграционных движений, которые в 1929–1930 гг. возникли среди почти всех «западных национальных меньшинств» Советского Союза — поляков, финнов, латышей, греков, эстонцев, литовцев, чехов, шведов и болгар⁴⁸. Подавались коллективные и индивидуальные обращения к советским властям и иностранным консулам. Кроме того, происходили демонстрации и, что смущало советские власти больше всего, нелегальные переходы через западную границу⁴⁹. Наиболее активными были поляки⁵⁰. К ним местное население и местные коммунисты относились во время коллективизации наиболее враждебно. Общепринятое отождествление поляка и кулака было обобщено в поговорке «Раз поляк — значит кулак». Полякам без обиняков говорили: «Вас раскулачили не потому, что вы кулаки, но потому, что вы поляки». Это отражало широко распространенное мнение, высказанное одним русским крестьянином: «Если он поляк, то он нас раздражает, и его надо выгнать из деревни как чуждый элемент»⁵¹. Сотням поляков, в том числе и многим коммунистам, удалось бежать через польско-советскую границу. Другие поляки проводили массовые марши протеста к границе, двигаясь туда толпами до двух тысяч человек, чтобы публично заявить о том, что они требуют позволить им эмигрировать⁵².

Эмиграционное движение быстро отрезвило советское руководство, вынудив его признать, что Пьемонтский принцип потерпел крах. Предполагалось, что положение национальных меньшинств, живущих на западных границах, сделает Советский Союз привлекательным их этнических «братьев» за рубежом к коммунизму. Однако они сами потянулись на историческую родину и отреклись от советского отечества. И это создало немалые затруднения. Их действия привели к официальным протестам со стороны германского и финского министров иностранных дел⁵³. Кроме того, как мы уже видели, нерусская периферия в целом оказала более яростное сопротивление коллективизации, чем русский центр. Более того, центрами сопротивления зачастую становились пограничные районы. Помощь басмаческому движению оказывали из-за границы родственные среднеазиатские

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 760, 928; Оп. 23. Д. 1356. Л. 14–15.

⁴⁹ Там же. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1360. Л. 6–6об.; Оп. 64. Д. 928. Л. 12–16.

⁵⁰ Там же. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 561. Л. 135–137; Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1360. Л. 6; Оп. 1318. Д. 12–15.

⁵¹ Там же. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 760. Л. 79; Д. 1355. Л. 19; Д. 928. Л. 15.

⁵² Там же. Д. 760. Л. 62–63; Д. 928. Л. 12; Оп. 23. Д. 1360. Л. 6.

⁵³ СГМ. Пленка 5213. 07.01.31. К481216; 09.02.30. К481276; 04.03.30. К480975–77.

кланы. Самое мощное крестьянское восстание эпохи коллективизации вспыхнуло на польско-украинской границе в конце февраля 1930 г. Эмиграционное движение и массовые восстания усилили недоверие советских властей к национальным меньшинствам, вызвав беспокойство по поводу лояльности нерусской периферии и безопасности пограничных районов.

Учитывая все это, можно было бы ожидать резких перемен в политике. Однако официальной реакцией, выраженной как в секретных, так и в опубликованных резолюциях, стало требование усилить проводившуюся национальную политику⁵⁴. Заявлялось, что эта политика не провалилась, а просто никогда не осуществлялась надлежащим образом и была серьезно искажена во время коллективизации. И это не было словесным прикрытием реальных перемен в политике. В 30-е гг. предпринимались огромные усилия, чтобы увеличить количество и улучшить качество немецких национальных организаций⁵⁵. То же самое относилось к полякам и другим западным национальным меньшинствам⁵⁶. Разумеется, при этом происходило усиление репрессий против «пресловутых злостных элементов», но акцент по-прежнему ставился на национальной идентификации.

Однако имелись и два существенных исключения. Особую тревогу советских властей вызвали массовые шествия поляков к польской границе, поскольку они происходили в конце февраля 1930 г., во время массового восстания против коллективизации, которое было поднято в украинских пограничных районах. И хотя в этом восстании участвовали в основном украинские крестьяне, в нем были замешаны и поляки⁵⁷. В донесениях ОГПУ и правительственных отчетах говорилось о том, что шпионаж со стороны Польши усилился, а польское правительство поддержало восстание⁵⁸. Материализацией кошмарного сна стало для Советов массовое движение за эмиграцию в Польшу, которое было сродни движению за эмиграцию в Германию, но устремлено оно было не в Москву, а к польской границе⁵⁹:

«Недавно нами были отмечены факты того, что проводится работа по подготовке массового демонстративного отъезда поляков из СССР в Польшу... Нет сомнений, что эта кампания имеет своей

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 821. Протокол 181, п. 4; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 561. Л. 10–12, 23, 201; Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 443. Л. 10–12.

⁵⁵ Этому вопросу посвящены буквально тысячи страниц документов. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 561; Ф. 3316. Оп. 64. Д. 928; Д. 968; Д. 759–761.

⁵⁶ Там же. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 443. Л. 1–2; Оп. 64. Д. 760. Л. 8–10.

⁵⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3184. Л. 17–18.

⁵⁸ Там же. Л. 17; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1318. Л. 3, 15.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 928. Л. 1.

целью подготовить общественное мнение к оправданию вооруженного нападения на Советский Союз».

В такой обстановке советское руководство одобрило проведение первой этнической депортации.

5 марта 1930 г. Политбюро приняло следующее решение⁶⁰:

«Выселить из пограничных округов Белоруссии... и Правобережной Украины...

а) семьи лиц, осужденных за бандитизм, шпионаж, активную контрреволюцию и профессиональный контрабандизм;

б) независимо от того, проживают ли они в районах сплошной коллективизации, — кулацкие семьи трех категорий (в первую очередь — польской национальности) в дополнение к уже выполненной норме: из Белоруссии — 3000–3500 семей и из Украины — 10 000–15 000 семей...

В Белоруссии и на Украине в их числе должны быть высланы те польские шляхетские семейства, безотносительно к их материальному положению, нахождение которых вблизи границы ОГПУ и местные партийные работники признали опасным...».

Это решение касалось ОГПУ, которому предписывалось усилить надзор за границей, чтобы прекратить «несанкционированные пересечения границ». Это стало первым случаем этнических депортаций⁶¹. В следующем постановлении Политбюро от 11 марта 1930 г. недвусмысленно указывалось, что депортации направлены главным образом против поляков (а не шляхты) и вызваны опасностью иностранной интервенции⁶²:

«По имеющимся данным, есть основание предположить, что в случае серьезных кулацко-крестьянских выступлений в Правобережной Украине и Белоруссии, особенно в связи с предстоящим выселением из приграничных районов польско-кулацких и контрреволюционных элементов, польское правительство может пойти на вмешательство. Чтобы помешать этому...

5. Подготовить операцию, имеющую своей целью арест и выселение кулацких польских контрреволюционных элементов. Провести ее с большой осторожностью и в максимально сжатые сроки.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Протокол 119, п. 5.

⁶¹ Если не считать, что казаки являются этнической группой. А если считать, то тогда первым случаем была происходившая в период Гражданской войны депортация терских казаков.

⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Протокол 120, п. 72.

6. Провести операцию по выселению кулацко-польских элементов с максимальной организованностью и без шума...».

Таким образом, причинами первой волны советских этнических чисток стали коллективизация, раскулачивание, польское эмиграционное движение и озабоченность безопасностью пограничных районов⁶³. Но даже после депортаций советская политика по отношению к полякам не претерпела существенных изменений. Примечательно, что в 1932 г. около белорусско-польской границы даже был создан новый национальный польский район⁶⁴.

На советском Дальнем Востоке коллективизация также привела к усилению и межэтнической напряженности, и внимания к безопасности. В 1928–1932 гг. резко возрос уровень стихийных выступлений против корейцев и китайцев⁶⁵, что стало причиной массового оттока китайских трудовых мигрантов⁶⁶. Кроме того, около 50 тыс. корейцев бежали обратно в Корею⁶⁷. Власти этому не препятствовали, но реанимировали планы перемещения большей части оставшегося корейского населения подальше от советско-корейской границы. 13 апреля 1928 г. было принято постановление, требовавшее «переселения корейцев Владивостокского округа и наиболее стратегически уязвимых пунктов Приморья в Хабаровский округ». Землю переселенных корейцев предполагалось немедленно передать «поселенцам из перенаселенных аграрных районов Советского Союза»⁶⁸. Имелся и план поселить в дальневосточных пограничных зонах демобилизованных солдат Красной армии и создать там «красноармейские колхозы»⁶⁹. Нелояльных корейцев предстояло заменить лояльными славянами.

⁶³ Вероятно, имела место и депортация финнов. В постановлении Политбюро от 5 марта от ОГПУ требовалось обследовать ленинградские приграничные районы и предложить соответствующие меры. В Финляндии некоторые утверждали, что имела место этническая депортация, направленная против финнов. См.: The Ingrian Committee // The Ingrian Finns. Helsinki, 1935. P. 8. Я не обнаружил ни одного постановления, которое подтверждало бы факт этой депортации (правда, я не работал в архивах Санкт-Петербурга), но и Гелб тоже сомневается в том, что имела место депортация по этническому принципу. *Gelb M. The Western Finnic Minorities...* P. 238–242.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1284; *Iwanow M.* Op. cit. P. 128–138.

⁶⁵ См.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1078. Л. 14, 20–53, 76–77; Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1076. Л. 59–63; *Нугис А.* Против великодержавного шовинизма и местного национализма Хабаровск, 1933. С. 26–28; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1078. Л. 5об.; *Закир А.* За ленинскую национальную политику в колхозном движении среди корейцев ДВК // Революция и национальности. 1931. № 2/3. С. 76–81.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1706. Л. 40об.

⁶⁷ *Wada H.* Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union. Honolulu, 1987. P. 40.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 384. Л. 1–2.

⁶⁹ Там же. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 258. Л. 41–42.

По официальному пятилетнему плану 88 тыс. корейцев (свыше половины корейского населения) намечалось поселить севернее Хабаровска⁷⁰. Собирались переселить всех корейцев, не имевших советского гражданства, «за исключением тех, кто доказал свою абсолютную лояльность и преданность советской власти»⁷¹. То есть большинство советских корейцев подозревалось в нелояльности. Теперь всякому, кто отказывался от переселения, грозил арест. Кроме того, арест грозил и тем председателям корейских сельсоветов, которые укрывали нелегальных чужаков, а это указывало на то, что под подозрением были и корейские советские работники⁷². По плану переселение должно было начаться в 1930 г. 10 тыс. корейцев предполагалось переместить к северу, а 10 тыс. демобилизованных солдат Красной армии и членов их семей — в дальневосточные пограничные зоны⁷³. Однако фактически в 1930 г. было переселено лишь 1342 корейца, «включая 431 человека, переселенных принудительным способом»⁷⁴. В 1931 г. от этого плана официально отказались. В итоге были переселены лишь 500 корейских семей (около 2500 человек)⁷⁵. Судя по всему, отказ от переселения корейцев был вызван опасением Наркомата иностранных дел, что выселением японских подданных из советских пограничных районов японцы могут воспользоваться как поводом для объявления войны⁷⁶.

Таким образом, как на западе, так и на востоке от проведения широкомасштабных этнических чисток советское правительство после окончания коллективизации, создававшей критическое положение, отказалось. Однако последствия этого кризиса давали о себе знать, проявляясь в усилении режимности в пограничных районах. К 1929 г. понятие «пограничные районы» было расширено, и в их число были включены не только все районы, прилегающие к советской границе (названные первыми пограничными зонами), но также и все районы, прилегающие к пограничным районам (вторая пограничная зона)⁷⁷. На одной только Украине население пограничных районов составляло около 2–3 млн человек⁷⁸. В соответствии с новой, воинственной риторикой, о пограничных районах часто говорили как о «фронтных» —

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1706. Л. 8об.

⁷¹ Там же. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 359. Л. 3.

⁷² Там же. Л. 3–4.

⁷³ Там же. Д. 1356. Л. 18–19; Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1078. Л. 83; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 42с. Д. 5. Л. 113.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1356. Л. 18–19.

⁷⁵ Там же. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1078. Л. 83.

⁷⁶ Там же. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 67. Л. 18.

⁷⁷ Там же. Ф. 393. Оп. 1с. Д. 283. Л. 1.

⁷⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 8. Л. 167–173.

в противоположность «тыловым» районам⁷⁹. Кроме того, ежегодно увеличивалась численность войск пограничной охраны ОГПУ⁸⁰. Выселение «активных контрреволюционных и кулацких элементов» из пограничных районов приобрело еще больший размах⁸¹.

Еще одним новшеством, применение которого началось во время коллективизации, стало создание в пограничных районах красноармейских колхозов. Были составлены амбициозные планы переселения в пограничные районы Дальнего Востока десятков тысяч демобилизованных солдат Красной армии, хотя фактически в 1930–1931 гг. там поселилось лишь около 10 тыс. человек, и около половины из них вскорости вернулись домой⁸². В ответ на это массовое бегство демобилизованных красноармейцев постановлением ЦК ВКП(б) от 16 марта 1932 г. в Дальневосточной армии был создан Особый колхозный корпус, состоявший из 50 тыс. находившихся на действительной службе красноармейцев, которым предстояло отслужить свой срок в красноармейских колхозах пограничных районов Дальнего Востока, а затем, после демобилизации, остаться там в качестве поселенцев⁸³. Однако из-за кризиса, который привел к голоду, была осуществлена всего лишь часть этого плана, и энтузиазм, вызванный идеей красноармейской колонизации, сошел на нет. Ему предстояло возродиться лишь во время следующей волны этнических чисток, прокатившейся по Дальнему Востоку в 1937 г.⁸⁴ Идея создания красноармейских колхозов стала частью выработанного в 1928 г. плана корейской депортации и постоянно сопутствовала советским этническим чисткам. Если национальные территории в пограничных районах были символом Пьемонтского принципа, то красноармейские колхозы стали символом советской ксенофобии.

Украинский кризис

Коллективизация и сопутствовавшее ей эмиграционное движение привели к тому, что предметом советской ксенофобии оказались диаспорные национальности Советского Союза — немцы, поляки, корей-

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 829. Л. 33.

⁸⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 124/80; Д. 11. Л. 78/80, 90/45; Д. 12. Л. 96/21.

⁸¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 8. Л. 136; Д. 35. Л. 16; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Протокол 124, п. 80; Д. 14. Протокол 136, п. 94; Спецпереселенцы — жертвы «сплошной коллективизации» // Исторический архив. 1994. № 4. С. 156.

⁸² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 42с. Д. 8. Л. 42–55; Д. 5. Л. 113; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 262. Л. 20; Д. 258. Л. 41–42.

⁸³ Там же. Л. 42–55; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 262. Л. 20.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 65. Л. 115–119.

цы, бегство которых было истолковано как предательство Советского Союза. Их действия, что естественно, подорвали веру в Пьемонтский принцип и усилили советскую ксенофобию. Однако для внутренней советской национальной политики диаспорные национальности не имели большого значения. А с точки зрения внешнеполитических советских планов они значили еще меньше — по сравнению с такими крупными пограничными республиками, как Украина и Белоруссия, трансграничные этнические связи которых имели ключевое значение для стоявшей перед советским правительством цели подорвать польскую власть на территориях Польши, заселенных украинским и белорусским большинством. Однако более существенным и решающим было совокупное влияние «дела Шумского», прихода к власти в Польше Пилсудского, военной угрозы 1927 г. и национал-уклонизма КПЗУ. Все это не только подорвало веру в Пьемонтский принцип, но и привело к убеждению, что «благодаря мудрой политике Пилсудского» Западная Украина стала «Пьемонтом для привлечения недовольных элементов на [Советской] Украине»⁸⁵. По мере того как трансграничные этнические связи все больше и больше рассматривались в качестве важного канала, через который проникало иностранное капиталистическое влияние, советская ксенофобия приобретала этническое измерение.

Равновесие между верностью Пьемонтскому принципу и советской ксенофобией решительно сместилось в пользу последней из-за того, что хлебозаготовительный кризис осени 1932 г. был интерпретирован с точки зрения национального фактора. Идея о том, что трансграничные этнические связи существенно усугубили внутриполитический кризис, стала официальной доктриной. Постановление Политбюро от 14 декабря 1932 г. явилось не только поворотным пунктом в истории коренизации, но еще и триумфом этнизированной советской ксенофобии и важной вехой на пути к советским этническим чисткам. Помимо критики украинизации постановление от 14 декабря содержало еще и приказ выселить все население кубанской казачьей станицы Полтавская, «за исключением действительно преданных советской власти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок»⁸⁶. На основании этого постановления 9187 казаков Полтавской были высланы на Крайний Север⁸⁷. Кроме того, в следу-

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 58. Л. 167.

⁸⁶ Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 293.

⁸⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 36с. Д. 613с. Л. 6; *Ивницький Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 51.

ющем месяце были депортированы жители еще двух кубанских казачьих станиц (Медведовской и Урупской) и большинство жителей станицы Уманской⁸⁸. Окончательная численность всех высланных кубанских казаков превысила 60 тыс. человек⁸⁹. В соответствии с новой советской нормой, депортированных казаков заменили 14 090 демобилизованными красноармейцами⁹⁰. Большинство из них были русскими, но поселенцев набирали также из Белоруссии и Украины. Нет никаких свидетельств того, что целью переселения красноармейцев была русификация⁹¹. То же самое относилось и к заселению наиболее пострадавших от голода областей Южной Украины обычными крестьянскими семьями⁹².

Высылка кубанских казаков свидетельствовала о том, что произошедший имевший большое значение переход от депортаций на классовой основе к этническим депортациям. Начавшаяся в феврале 1930 г. кампания по раскулачиванию дала толчок длительной эпохе массового принудительного перемещения, которая продолжалась вплоть до смерти Сталина в 1953 г. В 1930–1931 гг. было выслано около 1,8 млн человек, объявленных кулаками, в 1932–1933 гг. — еще 340 тыс. человек⁹³. Ссылным был присвоен статус «спецпоселенцев», и они использовались для принудительных работ в период индустриализации и для колонизации отдаленных районов Крайнего Севера, Сибири и Казахстана⁹⁴. Основаниями для высылки кулака были его классовый статус или наличие кулацких политических взглядов, признаком которых считалось сопротивление коллективи-

⁸⁸ *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933 г. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991. С. 55.

⁸⁹ *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 66. Осколков говорит о депортациях из восьми кубанских казачьих станиц: общая численность депортированных, по его сведениям, составляла 63,5 тыс. человек. Но в действительности их численность наверняка была значительно выше и, возможно, приближалась к 100 тыс.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Протокол 147, п. 112; РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 24–25, 88.

⁹¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1, Д. 33, 39, 43, 52, 55; РГВА. Ф. 9. Оп. 36s. Д. 613s; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 261; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 933. Протокол 148, п. 73.

⁹² В конце 1933 и в начале 1934 г. в Харьковскую, Донецкую, Днепропетровскую и Одесскую области были перемещены в общей сложности 44 026 крестьянских хозяйств, 21 557 из них были перемещены из РСФСР, 16 983 — из украинских областей, а 5486 — из Белоруссии. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 261. Л. 1–4.

⁹³ *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 4–6. Общая численность высланных в 1932–1933 гг., скорее всего, включала и кубанских казаков, а также тех, кого выслали из городских центров в 1933 г. во время кампании паспортизации.

⁹⁴ Об истории спецпереселенцев см. замечательную подборку документов в кн.: Спецпереселенцы в Западной Сибири: в 4 т. Новосибирск, 1992–1996.

зации. Все кулаки выслались в индивидуальном порядке (или выслались в индивидуальном порядке главы семей). Целые деревни никогда не депортировались, и им никогда официально не угрожали депортацией.

Следовательно, высылка трех больших кубанских казачьих станиц явилась первой официально санкционированной массовой высылкой целого поселения со времен депортации терских казаков из Горской АССР в 1920–1921 гг. В процессе «Кубанского дела» Шеболдаев и Каганович указывали на необходимость применения принципа коллективной ответственности: «В нынешних обстоятельствах каждый должен отвечать за своих соседей»⁹⁵. Кроме того, Каганович провел явную параллель с прежними депортациями казаков: «Надо, чтобы все кубанские казаки знали, как в 1921 году переселяли терских казаков. Так и сейчас»⁹⁶. Депортация кубанских казаков не была, строго говоря, актом *этнической* чистки. До революции казаки были привилегированной сословной группой, и их сопротивление коллективизации воспринималось с этой точки зрения, а депортация казаков могла считаться и считалась особым случаем раскулачивания⁹⁷.

Тем не менее депортация казаков имела много общего с этническими чистками, проводившимися позднее. Во-первых, на основании принципа коллективной ответственности и коллективной вины выслались целые станицы. Во-вторых, кубанские казаки были особой *сословной* группой. Они были не прослойкой общества, наподобие знати, но полноценным региональным сообществом со своими собственными традициями, со своим диалектом и своей идентичностью — по сути, непризнанным советским этносом. В-третьих, как и многие другие этнические чистки, этническая чистка на Кубани осуществлялась в условиях сильной неприязни между кубанскими казаками и местным славянским крестьянством. В ее основе была совокупность конфликтов, возникших на сословной, территориальной, землевладельческой и этнической почве. В-четвертых, в постановлении от 14 декабря кубанские казаки были названы украинскими националистами, связанными с украинским национализмом в советской и польской Украине. Таким образом, депортация кубанских казаков стала свидетельством перехода от депортаций на классовой основе, которые преобладали до 1933 г., к этническим депортациям, которые преобладали с 1933 г. вплоть до смерти Сталина в 1953 г.

⁹⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 36s. Д. 613s. Л. 15.

⁹⁶ Осколков Е. Н. Указ. соч. С. 52.

⁹⁷ Там же. С. 5–6.

Интерпретация кризиса хлебозаготовок с точки зрения национального фактора положила начало террору на Украине в 1933 г., во время которого были арестованы десятки тысяч «украинских националистов»: им инкриминировалось участие в заговорах, инспирированных нацистским руководством в Германии и Польшей Пилсудского и имевших своей целью отторгнуть Украину от Советского Союза. Пагубная роль трансграничных этнических связей стала главной темой пропаганды во время террора 1933 г., а главным объектом арестов стала диаспора западноукраинских эмигрантов, большинство которых были коммунистами⁹⁸. Отношение к немецкому и польскому населению Украины было в 1933 г. неоднозначным. Поскольку украинских руководителей обвинили в плохом обращении с национальными меньшинствами, то были предприняты определенные усилия, чтобы усовершенствовать национальные учреждения (а особенно школы) поляков и немцев⁹⁹. Однако страх перед этническим влиянием из-за границы возобладал. Впервые стали арестовывать по этническому признаку этнических немцев и поляков (и граждан, и не являвшихся гражданами СССР)¹⁰⁰. ГПУ Украины «раскрыло» подпольную Польскую военную организацию (ПОВ)¹⁰¹, якобы базировавшуюся в Институте польской культуры в Киеве, и «большинство сотрудников и студентов института были арестованы ГПУ». Обнаружилось, что и другие польские организации «на самом деле являются логовами шпионов и контрреволюционеров»¹⁰². Чистки прошли и в немецких научных организациях¹⁰³. Режим пограничных районов на Украине был в очередной раз усилен за счет выселения нескольких категорий «неблагонадежных элементов», в числе которых были 1200 хозяйств этнических немцев¹⁰⁴. От применения Пьемонтского принципа отказались окончательно. А после возникновения в Восточной и Центральной Европе фашистских и авторитарных режимов официальная советская пропаганда, позаимствовав выражение из письма Сталина Кагановичу от 11 августа, заявила, что Украина (а по

⁹⁸ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20–50 роки ХХ ст. Київ, 1994.

⁹⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6213. Л. 1–71.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 18. Оп. 3. Д. 215. Л. 2–6; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 128. Д. 3. Л. 216–217; Іwanow M. Op. cit. P. 351–356.

¹⁰¹ Mitzner P. Widmo POW // Karta. 1993. № 11. С. 21–23; Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993. С. 131.

¹⁰² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 328. Л. 48.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 128. Д. 3. Л. 216–217.

¹⁰⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6390. Л. 2; Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 37.

сути Советский Союз) стала «крепостью», противостоящей всякому иностранному влиянию¹⁰⁵.

Этнические чистки

Широкомасштабные этнические чистки начались в западных пограничных районах Советского Союза в 1935 г. На сей раз они были направлены против диаспорных национальностей, то есть против национальных меньшинств (поляков, немцев, финнов), имевших этнические связи в иностранных моноэтнических государствах. Как мы уже видели, советское руководство еще в 20-е гг. разрешило проводить «положительное» переселение этнических групп. Кроме того, диаспорные национальности являлись объектами ненависти со стороны местного населения, что и стало причиной жестокого обращения с ними во время коллективизации и привело к возникновению эмиграционного движения, которое, в свою очередь, поставило под сомнение их лояльность. Опасения усилились в 1933–1934 гг., когда в Германии развернулась кампания помощи голодающим немецким советским «братьям в нужде», которым посылали десятки тысяч продуктовых посылок и денежных переводов в иностранной валюте (Советы называли их «помощью Гитлера»)¹⁰⁶. Эта кампания стала еще одним свидетельством возможности использовать диаспорные национальности иностранными правительствами в качестве оружия против Советского Союза: «Со времени прихода к власти Гитлера отмечается и значительный всплеск активности в наших немецких национальных советах и среди немецких консулов на Украине... Правительство Гитлера через его [пангерманские] организации организовало в фашистской печати широкую антисоветскую кампанию по поводу голода на Украине, организовало показ фотографий голодающих [украинцев] и опубликовало провокационные заявления немецких жителей Украины с просьбой о помощи»¹⁰⁷. ГПУ Украины сообщило, что поляки также обратились за помощью к польскому консулу в Киеве¹⁰⁸. А когда Гитлер укрепился у власти в Германии

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 150; *Постишев П.* Радянська Україна непохитний форпост великого СРСР // У боротьбу за ленінську національну політику. Київ, 1934. С. 5–32.

¹⁰⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6426. Л. 1–23; *Buchsweiler M.* Op. cit. P. 64–71; CGM. Пленка 5213. 25.05.32. K481339–41. 06.06.32. K481348–50; *Німці в Україні: 20–30-ті рр. ХХ ст.* Збірник документів державних архівів України. Київ, 1994. С. 179–185.

¹⁰⁷ Там же. С. 13–14.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1537. Л. 14.

и с удивительной легкостью разгромил мощную Германскую коммунистическую партию, озабоченность советских властей возросла, достигнув своего пика в январе 1934 г., когда был заключен зловещий германо-польский пакт о ненападении.

В ответ на эти события советское правительство пересмотрело свою политику по отношению к польскому населению СССР и снова, более радикально, усилило режим западных пограничных районов. В результате исследования положения поляков в Белоруссии была выявлена «неправильная политика и практика создания польских школ в районах и селах с преимущественно белорусским населением и принудительного обучения на польском белорусских детей»¹⁰⁹. Н. М. Голодед, председатель Совнаркома Белорусской ССР, дал этому открытию новое толкование¹¹⁰:

«Мы забыли, что с образованием польского национального района наша задача становится гораздо более трудной. Враг тоже воспользовался этим действием советской власти. Неужели же вы действительно думаете, что “Дефензива” и другие органы Польши не принимают во внимание этого действия советской власти? Нет, они это учли, и они, нельзя исключить, даже и предприняли действия (на закрытом пленуме мы можем об этом сказать): польские органы могли, в частности, работать над полонизацией [наших] школ... Не исключена и возможность того, что с целью полонизации белорусского населения через эти школы проводилась и особая работа. Не исключено, что здесь мы являемся свидетелями того, как польский фашизм пытается что-то создать, чтобы при удобном случае воспользоваться этим в будущем...».

Это заявление свидетельствует о коренном изменении национальной политики, поскольку в нем утверждается, что польские национальные организации содействовали распространению национализма, и впоследствии это стало оправданием ликвидации национальных организаций и для начала этнических чисток¹¹¹.

¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 404. Л. 2, 18–21. Белорусы-католики зачастую считали себя поляками и требовали образования на польском языке для своих детей, и это официально разрешалось до 1934 г. То же самое относилось и к украинцам-католикам. См., напр.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2019. Л. 10.

¹¹⁰ Там же. Л. 87–88.

¹¹¹ Об аналогичном заявлении относительно подпольной деятельности польских властей, нацеленной на «принудительную полонизацию» украинцев в Советской Украине, см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6453. Л. 1.

Осенью 1934 г. Политбюро установило в западных пограничных районах новый режим¹¹². Он предполагал создание еще одной пограничной категории — категории «запретных пограничных зон», куда никто не мог попасть без специального разрешения НКВД¹¹³. Официально эта зона имела лишь 7,5 километра в ширину, однако в Ленинградской области она простиралась на 90 километров в глубину вдоль латышской и эстонской границ¹¹⁴. Это постановление вводило множество дополнительных мер по обеспечению безопасности границ. Одной из них были этнические чистки. С 20 февраля по 10 марта 1935 г. из пограничных районов Киевской и Винницкой областей в восточные области Украины были депортированы в общей сложности 8329 семей (около 41 650 человек). Хотя немцы и поляки составляли всего лишь несколько процентов от общей численности местного населения, среди депортированных их было 57,3 %¹¹⁵. Эта акция, первоначально ограниченная действиями, направленными против «неблагонадежных» элементов, расширила сферу своего применения в 1935 г. В июле 1935 г. киевские ответственные работники писали в Центральный комитет компартии Украины, что «высылка и переселение нескольких хозяйств не привела к полной очистке Мархлевского [польского] района от антисоветских элементов». Они попросили разрешения выслать дополнительно еще 300 польских хозяйств, и это разрешение получили¹¹⁶. На сей раз депортация была чисто этнической. В октябре 1935 г. ЦК Компартии Украины обратился к Москве за разрешением выслать еще 1,5 тыс. польских семей¹¹⁷. В ответ нарком внутренних дел СССР Генрих Ягода написал Молотову, что весенние высылки «значительно очистили пограничные районы, особенно Киевскую область, от контрреволюционных националистических (польских и немецких) и антисоветских элементов... [однако] в пограничных районах Винницкой области все еще остаются немалочисленные представители контрреволюционных польских националистических элементов»¹¹⁸. То есть и обвине-

¹¹² РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 425. Л. 1.

¹¹³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 13. Л. 104–109; Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935. 17 июля. № 45. С. 377.

¹¹⁴ Ленинградская правда. 1935. 23 мая. С. 1; ВФОРС. Пленка 3. 03.06.35. Vol. 19454, 171–174.

¹¹⁵ Из общего числа депортированных семей 2866 были польскими и 1903 — немецкими. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 265. Л. 14; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 11. С. 316–317; Д. 39.

¹¹⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 396. Л. 166–167; Д. 12. Л. 267–268.

¹¹⁷ Там же. Д. 12. Л. 314.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 265. Л. 14–15.

ния в контрреволюции, и риторика этнических чисток были с этого времени задействованы в полной мере.

В январе 1936 г., еще до завершения третьей депортации, было принято постановление о новом массовом выселении 15 тыс. немецких и польских хозяйств — на сей раз в Казахстан, а не в Восточную Украину¹¹⁹. В Казахстане они были на положении спецпоселенцев, так же как и депортированные ранее кулаки, а это означало, что они поступали под надзор НКВД и подвергались принудительному труду и прочим лишениям¹²⁰. Однако эти депортации были частичными. Не всех немцев и поляков окрестили контрреволюционерами и выслали. В 1935–1936 гг. депортировали приблизительно половину немецкого и польского населения украинских пограничных районов¹²¹. Ни поляки, ни немцы за пределами пограничных районов депортированы не были.

Оставшиеся на Украине немцы и поляки стали свидетелями постепенной ликвидации своих национальных организаций¹²². К июню 1935 г. на Украине и в Белоруссии были ликвидированы 36 польских сельсоветов и 367 польских школ. Однако для всех этих действий была характерна странная двойственность. Они отчетливо указывали на то, что политика национального подавления проводилась вполне осознанно. Однако, в отличие от происходившего во время репрессий против кулаков и кубанских казаков, никаких упоминаний об этих действиях в открытой печати не появлялось. Наоборот, в публичной риторике настойчиво звучало утверждение, что в национальной политике ничего не изменилось. Эта двойственность пронизывала даже действия советской бюрократии. Совет национальностей (парадигматическая организация «мягкой линии», осуществлявшая надзор за национальной политикой) настолько опасался полной отмены коренизации, что в июне 1935 г. заявил о том, что ликвидация немецких и польских учреждений должна быть прекращена¹²³. Однако

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 209. Л. 1; ЦДАГОУ Ф. 1. Оп. 16. Д. 12. Л. 346; Д. 13. Л. 25; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 186. Л. 6–10; Д. 208. Л. 15.

¹²⁰ Вначале депортированных официально не лишали гражданских прав, но селили в «трудпоселках» НКВД вместе с кулаками. И позже их статус официально понизили до статуса спецпереселенцев, который был у кулаков. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 209. Л. 30, 70–73; *Bugaj N. F.* «Specjalnateczka Stalina». *Deportacje i reemigracja Polaków // Zeszyty Historyczne*. 1994. № 107. С. 137–138.

¹²¹ Это приблизительный подсчет, основанный на данных переписи 1926 г. К 1941 г. из Пулинского немецкого района было депортировано 70–80 % немцев (*Buchweiler M.* *Op. cit.* P. 157).

¹²² *Martin T.* *An Affirmative Action Empire*. Ph. D. diss., University of Chicago. P. 757–759.

¹²³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1537. Л. 43.

это заявление было проигнорировано. В июле 1935 г. Политбюро ЦК КП(б) Украины ликвидировало единственный на Украине польский район, Мархлевский, и немецкий пограничный район, Пулинский: во время весенних депортаций оба этих района сильно пострадали¹²⁴. Кроме того, было ликвидировано несколько польских и немецких культурных учреждений¹²⁵. В октябре было ликвидировано 40 польских сельсоветов и 117 польских школ: все это, как считалось, было «искусственно создано» («штучно створено»)¹²⁶. Позднее это стало стандартным оправданием ликвидации национальных учреждений. Примеру Украины последовала Белоруссия. К сентябрю 1936 г. было упразднено 19 из 40 существовавших на ее территории польских советов¹²⁷.

Тем не менее двойственность в проводимой политике сохранялась. Большинство немецких и польских национальных учреждений продолжали функционировать. В публичных выступлениях о поляках и немцах в основном говорили так же, как и раньше. Они изображались в качестве лояльных советских национальностей. Противоречие между реальностью и официальными заявлениями ощущалось везде, но только не в верхних эшелонах советского государства. Например, отвечая на критику со стороны Совета национальностей, киевский ответственный работник в оправдание ликвидации польских и немецких сельсоветов мог лишь деликатно сослаться на депортации 1935–1936 гг.: «Процент польского и немецкого населения в национальных советах изменился в сторону уменьшения»¹²⁸. Поэтому в 1934–1937 гг. Совет национальностей постоянно требовал от местных украинских и белорусских властей сохранять польские и немецкие учреждения. Даже в 1937 г. Совет национальностей все еще обвинял Украину в искажении политики по отношению к немцам и полякам¹²⁹. Эта двойственность, характерная для советской национальной политики, проводимой после декабрьских постановлений 1932 г., разрешится лишь в годы Большого террора, когда возникнет понятие «народов-врагов».

Этнические чистки в Ленинградской области почти в точности воспроизводят украинскую модель. Объектами масштабной депорта-

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4676. Протокол 46, п. 30.

¹²⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 12. Л. 303, 309.

¹²⁶ Там же. Л. 325–330, 333–339.

¹²⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 775. Л. 232.

¹²⁸ Там же. Ф. 1235. Оп. 30. Д. 831. Л. 151.

¹²⁹ Там же. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 831; Оп. 29. Д. 631; Оп. 28. Д. 775; Оп. 27. Д. 766; Оп. 64, Д. 1869; Д. 1537.

ции, которая началась 25 марта 1935 г. с санкции наркома внутренних дел СССР Генриха Ягоды, стали малочисленные эстонское и латышское и более крупное финское население пограничных районов Ленинграда¹³⁰. Согласно финским источникам, от 7 до 9 тыс. финнов были высланы в Сибирь и Среднюю Азию¹³¹. Как и на Украине, в первую очередь были депортированы крестьяне-единоличники, лишеныцы и представители других категорий населения, с ограниченными правами¹³². Весной 1936 г., опять-таки воспроизводя украинскую модель, власти провели вторую, более масштабную депортацию, в результате которой около 20 тыс. финских крестьян были высланы в Сибирь¹³³. Однако были депортированы не все финны. 30 тыс. высланных финнов составляли около 30 % финского населения Ленинграда¹³⁴. И (опять-таки как на Украине) депортации сопровождались ликвидацией многих национальных учреждений. И опять против этого заявил протест Совет Национальностей, и на сей раз тщетно¹³⁵.

Особенностью Ленинградской области было то, что сам город Ленинград находился внутри пограничной зоны. Массовые аресты и выселения «неблагонадежных элементов», происходившие в конце 1934 г., после убийства Кирова, на самом деле осуществлялись в рамках нового пограничного режима и были запланированы еще до этого события. В ответ на гневное письмо академика Павлова, протестовавшего против репрессий, Молотов четко заявил: «В Ленинграде предприняты специальные меры против злостных антисоветских элементов, что связано с особым приграничным положением этого города»¹³⁶. Так что и на сей раз главной мишенью кампании репрессий стали западные национальные меньшинства: финны, латыши, эстонцы, немцы, поляки¹³⁷.

Таким образом, к 1936 г. западные диаспорные национальности Советского Союза получили клеймо нелояльных и были подверг-

¹³⁰ BFORC. Пленка 3. 1935. Vol. 19453, 259–264; Vol. 19453, 171–174; Пленка 5. 1936. Vol. 20349, 169; Пленка 6. 1936. Vol. 20353, 14–17; *The Ingrian Finns*. P. 12–14. *Gelb M. The Western Finnic Minorities*. P. 242–244; *Бугай Н. Ф.* Указ. соч. С. 20. Ягода одобрил депортацию 3547 семей, но не все из них были финскими.

¹³¹ *The Ingrian Finns*. P. 14.

¹³² BFORC. Пленка 6. 1936. Vol. 20353, 16.

¹³³ *Matley I.* Op. cit. P. 9; BFORC. Пленка 16. 29.07.36. Vol. 20353, 14–17; *Gelb M. The Western Finnic Minorities*. P. 243.

¹³⁴ *Matley I.* Op. cit. P. 8–10.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 825.

¹³⁶ «Пощадите же Родину и нас». Протесты академика И. П. Павлова против большевистских насилий // *Источник*. 1995. № 1. С. 143 (Письмо Молотова Павлову. 1935. 15 марта).

¹³⁷ BFORC. Пленка 5. 31.01.36. Vol. 20349, 169–170.

нуты этническим чисткам. На Дальнем Востоке этнические чистки откладывались, хотя корейцам угрожали депортацией еще в 1926 г. Массовые аресты корейцев были произведены в 1935 г.¹³⁸ В июле 1936 г. Дальневосточный крайком сам попросил у Совнаркома разрешения установить на Дальнем Востоке пограничный режим, чтобы помешать «активной политике местных властей Маньчжурии и Японии, использующих каждое пересечение границы с нашей стороны или для вербовки шпионов и диверсантов, или для выдвижения разного рода обвинений против Советского Союза»¹³⁹. Этому воспротивился Максим Литвинов, который заметил, что Портсмутский договор запрещает проводить «военные мероприятия на корейской границе»¹⁴⁰. В данном случае нежелание встревожить японцев оказалось сильнее, чем боязнь японского влияния на корейское население дальневосточных пограничных районов. И лишь 28 июля 1937 г., после вмешательства Николая Ежова и Климента Ворошилова, Наркомат иностранных дел был вынужден согласиться с установлением на Дальнем Востоке нового пограничного режима¹⁴¹.

18 августа 1937 г. Сталин и Молотов направили дальневосточному руководству проект выселения корейцев¹⁴². В нем было много сходного с тем, что происходило в 1935 г. на Украине и в Ленинградской области (высылки ограничивалась 12 пограничными районами), но были и отличия (депортировать должны были исключительно корейцев, и при этом всех). Через три дня официальное постановление о высылке, принятое ЦК и Совнаркомом, было распространено на 23 района, в результате чего численность депортируемых корейцев увеличилась с 44 023 до 135 343 человек¹⁴³. Кроме того, в корейские колхозы предполагалось переселить демобилизованных красноармейцев¹⁴⁴. Размах депортации продолжал расширяться до тех пор, пока в конце концов 22 сентября 1937 г. заместитель наркома НКВД В. В. Чернышев не попросил у Ежова разрешения выслать из Дальневосточного края всех до единого корейцев. Его аргументация была в высшей степени откровенной¹⁴⁵:

¹³⁸ Корейцы // Так это было. Т. I. М., 1993. С. 47–84. *Gelb M.* An Early Soviet Ethnic Deportation. P. 397

¹³⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 67. Л. 42–43.

¹⁴⁰ Там же. Л. 18.

¹⁴¹ Там же. Л. 18–25.

¹⁴² РГВА. Ф. 33879. Оп. 2. Д. 181. Л. 8–11.

¹⁴³ Белая книга о депортации корейского населения. С. 64–67; РГВА. Ф. 33879. Оп. 2. Д. 181. Л. 3–6.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 113.

¹⁴⁵ Белая книга о депортации корейского населения. С. 85–86, 88, 109–110.

«Оставить этих несколько тысяч корейцев в Дальневосточном крае, когда большинство уже выслано, будет опасно, поскольку у всех корейцев очень сильны семейные связи. Территориальные ограничения для оставшихся на Дальнем Востоке, несомненно, повлияют на их настроения, и эти группы станут богатой почвой для деятельности японцев».

Иными словами, мы причинили зло нескольким корейцам, следовательно, мы можем предположить, что теперь нашими врагами являются все корейцы. Это психологическое оправдание привело к расширению не только масштабов этнических чисток, но и сферы действия террора вообще. Просьба Чернышева была удовлетворена¹⁴⁶. И 29 октября Ежов сообщил Молотову, что 171 781 кореец был выселен в Казахстан и Узбекистан, и осталось собрать всего 700 живущих в рассеянии корейцев¹⁴⁷. Так была проведена первая этническая чистка целого народа, включая коммунистов.

Когда колхознику Ким Сен Мену сказали, что всех корейцев выселяют в Среднюю Азию, он ответил, что, «скорее всего, они там создадут для нас Корейскую автономную область»¹⁴⁸. Высказывание Кима так же красноречиво, как и рассуждение Чернышева, и свидетельствует о прямой связи между политикой переселения сельского населения, проводившегося на этнической основе в 20-х гг., и политикой этнических чисток 30-х гг. Удивительно, но Ким оказался недалек от истины. Депортированных корейцев поселили в отдельных корейских колхозах. Были созданы школы с преподаванием на корейском языке¹⁴⁹. Сам Ежов дал разрешение переместить в Среднюю Азию целое корейское педагогическое училище, корейское издательство и редакцию корейской газеты¹⁵⁰. Даже при стопроцентной этнической чистке, когда шпионами и предателями объявили всех корейцев, от догматов советской национальной политики не могли отказаться полностью.

146-150

¹⁴⁶ Белая книга о депортации корейского населения. С. 111.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 48. Л. 156. Он отмечал, что оставалось собрать 700 рассеянных корейцев. Кроме того, вместе с корейцами были депортированы и 11 тыс. китайцев и были арестованы 600 поляков и несколько сот немцев, латышей и литовцев. Бугай Н. Ф. «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортации 1937 года // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 4. С. 158.

¹⁴⁸ Белая книга о депортации корейского населения. С. 133.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 48. Л. 156, 176.

¹⁵⁰ Белая книга о депортации корейского населения. С. 100; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 20а. Д. 509. Л. 1-12.

«Народы-враги»

Депортация корейцев проходила в начале массовых репрессий Большого террора. Этим и объясняется ее тотальный характер. «Большой террор» стал кульминацией процесса перехода от классового к террору, объектом которого были, помимо прочих, целые народы. Именно тогда исчезла двойственность советской национальной политики, в силу которой депортировали всех корейцев, и одновременно создавали национальные учреждения в местах их ссылки. На состоявшемся в 1937 г. съезде КП(б) Украины Александр (Александр) Шлихтер, специалист в области идеологии, упомянул «вредительство разных наций», имея в виду немцев и поляков Украины¹⁵¹. Мало кто мог так прямолинейно, как Шлихтер, высказаться на подобном относительно открытом мероприятии. Однако именно эта идея лежала в основе нового внутривластного партийного курса, который оправдывал коллективный террор против диаспорных национальностей Советского Союза и положил конец протестам организаций, осуществлявших «мягкую линию», таких как Совет Национальностей.

Во время Большого террора этнические чистки проводились во всех советских пограничных районах и в отношении всех диаспорных национальностей Советского Союза. 17 июля 1937 г. Совнарком принял постановление, распространявшее новый пограничный режим на территории, граничащие с Ираном и Афганистаном. Новый режим предполагал и этнические чистки: выселение тысячи с лишним курдских семей в конце 1937 г. и двух тысяч иранских — в 1938 г.¹⁵² В сентябре 1937 г. ЦК приказал «очистить» Нахичеванскую автономную республику, расположенную вдоль турецкой границы¹⁵³. В следующем месяце он потребовал выслать «кулацкие и басмаческие элементы» из пограничных районов Таджикистана, хотя до 1938 г. это не делалось¹⁵⁴. К концу 1938 г. новый режим был распространен на все приграничные советские территории¹⁵⁵.

¹⁵¹ Німці в Україні... С. 13.

¹⁵² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 20а. Д. 933. Л. 7–8; Оп. 23а. Д. 50. Л. 1–2; Бугай Н. Ф. Канун войны: репрессии в отношении советских курдов // Советские курды: время перемен. М., 1993. С. 48; Курды // Так это было. Т. I. С. 95–125; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 29. Л. 23. На самом деле слово «иранский» не было этническим термином: «иранцы» включали персов, азербайджанцев и курдов иранского происхождения (даже если они были советскими гражданами), что опять-таки служило указанием на ключевую роль трансграничных этнических связей.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 56. Л. 99.

¹⁵⁴ Там же. Л. 117–118; Д. 58. Л. 68.

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 96. Л. 1–10; Д. 67. Л. 52.

Этнические депортации продолжались и в западных пограничных районах. В ноябре 1937 г. Одесский обком отдал приказ о депортации 5 тыс. немецких семей¹⁵⁶. Снижение численности немецкого и польского населения Украины и Белоруссии между переписями населения 1937 и 1939 гг. наводит на мысль, что там тоже проводились депортации¹⁵⁷.

Однако этнические чистки проводились не только во всех советских пограничных районах. Важнее то, что террор против диаспорных национальностей распространился на всю страну, охватив весь Советский Союз¹⁵⁸. Этот процесс начался с антинемецкой и антипольской кампаний, осуществлявшихся в ходе террора 1933 г. на Украине. А всесоюзные масштабы он приобрел после принятия постановления Политбюро ВКП(б) от 5 ноября 1934 г. «О борьбе с контрреволюционными фашистскими элементами в немецких колониях», которое привело к массовым арестам и показательным процессам не только на Украине, но и на таких российских территориях, как немецкий Славгородский район в Сибири¹⁵⁹. Начавшиеся после убийства Кирова репрессии в Ленинграде тоже были нацелены (помимо прочего) на диаспорные национальности. В 1936 г. Комиссия партийного контроля (КПК) и НКВД начали «чистку» политических эмигрантов в Советском Союзе, главной мишенью которой были поляки и кото-

¹⁵⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 458. Л. 9/7, 63–70.

¹⁵⁷ Польское население Украины сократилось примерно на 90 тыс. человек, а ее немецкое население — на 40 тыс. В Белоруссии польское население сократилось с 119 881 человека в 1937 г. до 54 500 человек — в 1939 г. (на 45,46 %). (Рассчитано с поправкой на раздутые числа 1939 г. по кн.: Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991. С. 94 и Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 68.) С другой стороны, эти потери населения могут отражать аресты и казни во время Большого террора, а не депортации.

¹⁵⁸ Террор не был направлен против евреев, ассирийцев, цыган и других диаспор, не имевших государственности и компактных общин по соседству с Советским Союзом. И хотя во время Большого террора к ним относились более подозрительно, а некоторые из их институтов были ликвидированы, я не обнаружил ни одного постановления, в соответствии с которым они бы определялись как особые объекты репрессий. Статистические данные, свидетельствующие о репрессиях против этих народов, также отсутствуют. Согласно Ваксбергу, имевшему доступ к бывшему архиву КГБ в Москве, первые собственно еврейские дела были возбуждены в 1939 г. после подписания пакта Молотова — Риббентропа. *Vaksberg A. Stalin Against The Jews*. N. Y., 1994. P. 80–102. См. также: *Martin T. An Affirmative Action Empire*. P. 782–785.

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 51. Л. 71–72; Д. 64. Л. 85. *Belkovec L. P. Der Beginn des Massenterrors. Die Getreiderequirierung von 1934 im westsibirischen Deutschen Rayon // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen*. 1994. № 4. С. 121; *Chentsov V. Die deutsche Bevölkerung am Dnepr im Zeichen des stalinistischen Terrors // Ibid.* 1995. № 5. С. 11–13; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 831. Л. 7–8; Оп. 29. Д. 631. Л. 18–19; *Німці в Україні...* С. 186–187.

рая быстро стала массовой¹⁶⁰. Когда летом 1937 г. начались «массовые операции» «Большого террора», террор против иностранных коммунистов слился с массовыми этническими чистками национальных диаспор, проживавших в стране. В результате началась массовая кампания террора против новой категории населения — «народов-врагов»¹⁶¹. 9 августа 1937 г. Политбюро утвердило приказ НКВД за № 00485 «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ»¹⁶². Через два дня Ежов официально обнародовал этот приказ, к нему прилагалась пространная историческая справка о происхождении и деятельности ПОВ, ставшая оправданием антипольской операции. Приказом определялись контингенты лиц, подлежащие арестам: все польские политэмигранты и беженцы и «наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов из польских национальных районов»¹⁶³. В октябре 1937 г. эта категория была расширена и теперь распространялась на всех поляков с «[польскими] консульскими связями»: в нее без труда включали любого советского поляка¹⁶⁴. В 1938 г. НКВД арестовывал поляков (а также представителей других диаспорных национальностей) исключительно на основании их национальной принадлежности¹⁶⁵.

Принятый 11 августа 1937 г. приказ о ПОВ послужил образцом для ряда других приказов НКВД, объектами которых стали все диаспорные национальности Советского Союза¹⁶⁶. Все эти приказы в со-

¹⁶⁰ Хаустов В. Н. Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 10–21; Pietrow N. Polska operacja NKWD // Karta. 1993. № 11. S. 24–27.

¹⁶¹ Существовал также декрет НКВД от 25 июля 1937 г., направленный исключительно против *иностраных* немцев, работавших на военных заводах или транспорте. См.: Ленинградский мартиролог, 1937–1938: в 3 т. Т. II. СПб., 1996. С. 452–453.

¹⁶² «Массовые репрессии оправданы быть не могут» // Источник. 1995. № 1. С. 125. Декрет воспроизведен в: Pietrow N. Op. cit. P. 27–29. ПОВ была реальной подпольной организацией, созданной во время Первой мировой войны для поддержки легионов Пилсудского. В Польше она прекратила свои операции в 1918, а на Украине — в 1921 г. НКВД начал аресты членов ПОВ во время террора 1933 г. на Украине и продолжил в период «Большого террора». Mitzner P. Op. cit. P. 21–23.

¹⁶³ Оба документа воспроизведены в кн.: ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997. С. 347–377.

¹⁶⁴ Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. С. 27. «Консульские связи» были типовой причиной проведения арестов и в других национальных операциях. См.: Chentsov V. Op. cit. P. 14.

¹⁶⁵ Петров Н. В., Рогинский А. Б. Указ. соч. С. 29–34; Pietrow N. Op. cit. P. 32; Білокінь С. Документи з історії НКВС УРСР // Наше минуле. 1993. № 1. С. 40–41.

¹⁶⁶ Петров Н. В., Рогинский А. Б. Указ. соч. С. 28–29; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских

вокупности относились, по формулировке НКВД, к «национальным операциям» (в отличие от других «массовых операций», которые осуществлялись в соответствии с приказом НКВД за № 00447 и были направлены против «бывших кулаков, уголовников и других анти-советских элементов»)¹⁶⁷. Постановлением Политбюро от 31 января 1938 г. предписывалось продлить до 15 апреля 1938 г. «операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, в соответствии с существующими приказами НКВД». Этим же приказом предписывалось начать новую операцию «по разгрому болгарских и македонских кадров»¹⁶⁸. Кроме того, НКВД приказал репрессировать корейцев и афганцев¹⁶⁹, сообщал о проведении «немецкой операции» и «латышской операции»¹⁷⁰. Сотрудники НКВД производили аресты людей «по польской линии» и «по финской линии»¹⁷¹. Но еще красноречивее были заявления, зафиксированные во внутренней документации НКВД. В них говорилось, что операции НКВД направлены против «национальностей иностранных правительств» (а именно так определялись диаспорные национальности), хотя огромное большинство представителей этих национальностей были советскими гражданами, а их предки жили в Советском Союзе и Российской империи в течение десятилетий, а иногда и столетий. Тем самым их принадлежность к проживавшим за границей народам абсолютизировалась, становилась единственной характеристикой их этнической принадлежности, а также достаточным доказательством нелояльности и оправданием арестов и казней¹⁷².

«Национальные операции» были существенным компонентом Большого террора. Согласно недавно обнародованным статистическим данным, из находящегося в Москве бывшего архива КГБ, с июля 1937 по ноябрь 1938 г. в ходе «национальных операций» было

немцев: наказанный народ. М., 1999. С. 35–74; *они же*. «Латышская операция» 1937–1938 годов: архивный комментарий // 2000. 30 окт. № 4. С. 5.

¹⁶⁷ *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* Указ. соч. С. 30–31. О приказе № 00447 см.: *Limity terrogu* // *Karta*. 1993. № 11. S. 8–15.

¹⁶⁸ Там же. Т. I. С. 253.

¹⁶⁹ *Limity terrogu*. S. 8; *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* Указ. соч. С. 33. В июле 1937 года Сталин дал разрешение на арест всех афганских граждан в Туркменистане. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 48. Д. 7. Л. 1.

¹⁷⁰ *Платонаў Р., Сташкевіч М.* Дзве аперацыі супраць «ворагаа народа» // *Беларускі гістарычны часопіс*. 1993. № 1. С. 73–79.

¹⁷¹ *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* Указ. соч. С. 28.

¹⁷² Там же. С. 34.

осуждено в общей сложности 335 513 человек. 767 397 было осуждено в ходе операций, проводившихся в соответствии с приказом за № 00447 (их объектами были «бывшие кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы»)¹⁷³. Мы не располагаем статистикой общего числа арестованных, но у нас имеется следующая цифра: с 1 октября 1936 по 1 ноября 1938 г. по политическим обвинениям был арестован 1 565 041 человек. Даже на основе данных за такой длительный период мы можем сделать вывод, что «национальные операции» дали 21,4 % общего числа арестов, а приказ за № 00447 — 49 %. А если мы примем в расчет общее число приговоренных к высшей мере наказания, то тогда роль «национальных операций» станет еще более существенной. Из 681 692 казненных в 1937–1938 гг. «национальные операции» дали 247 157 человек (36,3 %), а приказ за № 00447 — 386 798 человек (54,1 %). Из общего числа арестованных по политическим и неполитическим обвинениям в 1937–1938 гг., к высшей мере наказания их было приговорено 19 %. Из арестованных в соответствии с приказом за № 00447 к высшей мере наказания было приговорено 49,3 %, а из общего числа арестованных в ходе «национальных операций» к смертной казни было приговорено в общей сложности 73,7 %. Процент казненных в ходе «польской операции» был чуть выше (79,4), а во время «греческой», «финской» и «эстонской» — еще выше. А доля приговоренных к высшей мере наказания в ходе «афганской» и «иранской» операций была гораздо ниже¹⁷⁴. Подводя итог, можно сказать, что «национальные операции» дали около 1/5 общего числа арестов и 1/3 общего числа казней, осуществленных во время Большого террора, и что аресты в ходе «национальных операций» завершались казнями гораздо чаще¹⁷⁵.

К сожалению, нам в точности неизвестно, сколько именно представителей диаспорных национальностей было арестовано или казнено, поскольку не каждый арестованный в ходе «польской операции» был поляком и не все арестованные поляки проходили по «польской операции». Например, в Белоруссии к 1 сентября 1938 г. поляки со-

¹⁷³ За исключением особо оговоренных случаев все статистические данные, приводимые в двух следующих параграфах, взяты из: *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* Указ. соч. С. 32–33, 37–38 и *Pistrow N.* Op. cit. P. 33, 39–40.

¹⁷⁴ Это единственная информация. Данные соответствуют общей схеме, в соответствии с которой наиболее суровые действия предпринимались на западе, а наименее — на юге.

¹⁷⁵ Что касается «национальных операций», то при их проведении в отношении казней и арестов не устанавливалось никаких норм, в отличие от операций, проводимых по декрету № 00447, хотя все казни в ходе обеих операций должны были утверждаться центральными властями (хотя бы формально). Это является единственной возможной причиной большего числа казней в «национальных операциях».

ставляли лишь 43 % арестованных в ходе «польской операции», тогда как немцы — 76 % арестованных в ходе «немецкой операции», а латыши — 74,6 % арестованных в «латышской операции»¹⁷⁶. Кроме того, в ходе всех трех операций преследовались все три национальности. В Московской области к 1 июля 1938 г. поляки составляли 57 % тех, кто проходил по «польской операции», а по всему Советскому Союзу с сентября по ноябрь 1938 г. — 54,8 %. Рогинский и Петров сообщают, что в ходе «польской операции» было арестовано 139 835 человек и от 118 до 123 тыс. поляков было арестовано во время Большого террора во всех «национальных операциях» и в ходе операции по приказу за № 00447. Если это соотношение (от 84,4 % до 88 %) сохраняется и для других «национальных операций», то диаспорные национальности составляют от 25,7 % до 26,8 % общего числа тех, кто был арестован во время массовых операций Большого террора (а доля приговоренных к высшей мере наказания еще больше). А эти национальности составляли лишь 1,7 % от общей численности советского населения¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Платонаў Р., Сташкевіч М. Дзве аперацыі супраць «ворагав народа». С. 78–79.

¹⁷⁷ Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 83–84. Тот факт, что диаспорные национальности были важным объектом террора, подтвержден свидетельствами из Ленинградской и Карельской областей, и Карельской АССР. Используя биографические сведения о 11 547 осужденных, расстрелянных в Ленинграде и Ленинградской области с августа по ноябрь 1937 г., перечень которых приводится в трех томах «Ленинградского мартиролага» (этот перечень считается почти полным и потому пригодным для статистического анализа: национальность не указана лишь в небольшом количестве личных дел), я рассчитал долю каждой национальности в совокупном представительстве этих национальностей в населении Ленинграда и Ленинградской области. И хотя «национальные операции» (за исключением польской, проводившейся с 20 августа) только начинались, а большинство казней происходило в ходе операций, осуществляемых в соответствии с декретом № 00447, диаспорные национальности пострадали непропорционально сильно: численность казненных поляков составляла 3094,2 % от того, что можно было бы ожидать на основании их совокупного представительства в населении города Ленинграда и Ленинградской области. Иными словами, поляки, исключительно в силу их этнической принадлежности, рисковали быть казненными в 30,94 раза чаще, чем граждане других национальностей. В отношении других диаспорных национальностей положение было не столь радикальным: для финнов цифра составляла 230,1 %, для эстонцев — 410,7 %, для немцев — 372,3 %, для латышей — 159,1 %. Для Одесской области статистика казненных доступна по всему периоду массовых операций, и сопоставимые цифры таковы: поляки — 2236,3 %, немцы — 526,0 %, болгары — 148,6 %. В Карелии статистика численности арестованных также доступна по всему периоду массовых операций (за исключением периода с 10 августа по 20 сентября 1938 г.). Там были казнены 85,97 % арестованных. Финнов было арестовано 1515,1 %, то есть финны рисковали быть арестованными в 15,15 раз чаще. Число расстрелянных должно быть чуть выше. Для сравнения этих показателей со статистикой по недияспорным национальностям см. таблицу 45. Опубликованная статистика ГУЛАГа за 1939 г. также свидетельствует о том, что доля арестованных и казненных представителей диаспорных национальностей значительно превосходит их долю в составе населения

Неудивительно, что в соответствии с декабрьскими приказами 1937 г. массовые этнические чистки и «национальные операции» сопровождались упразднением всех национальных советов и школ приговоренных национальностей¹⁷⁸. Эти постановления дали не подлежащее огласке объяснение национальному террору, распространявшееся внутри партии. Национальные учреждения объявлялись «искусственно созданными», то есть их существование не было исторически оправданным. Более того, Маленков заявил, что зачастую их создавала вовсе не партия: «Теперь уже установлено, что во многих случаях национальные районы создавались по инициативе врагов народа, чтобы облегчить осуществление контрреволюционного шпионажа и вредительства»¹⁷⁹. А один делегат, выступавший на октябрьском (1937) пленуме ЦК, утверждал: «Поляки, через своих национальных фашистских и троцкистских агентов наводнили пограничные районы своими людьми настолько, что свой человек становился председате-

и, наоборот, доля арестованных и казненных представителей местных национальностей значительно меньше их доли в составе населения. Статистические данные рассчитывались по кн.: Ленинградский мартиролог, 1937–1938; *Данилов Н. Н.* Зарыты, но не похоронены // Мемориал–Аспект. 1994. № 9. С. 5. Цит. в ст.: *Риттерспорн.* «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги: массовые операции 1937–1938 гг. и этнический вопрос в СССР. С. 100; *Такала И.* Национальные операции ОГПУ–НКВД в Карелии // Вихавайнен Т., Такала И. В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на северо-западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 194–195, 200. *Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N.* Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review.* 1993. October. Vol. 98. P. 1028.

¹⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Протокол 56, п. 75, 76; Оп. 114. Д. 633. Протокол 75, п. 6, 7 Было одно существенное исключение. Ни АССР немцев Поволжья, ни немецкие школы в этой республике ликвидированы не были. Безгосударственные диаспоры Советского Союза — евреи, цыгане и ассирийцы — оказались в промежуточной категории. Не существовало никаких принятых в центре постановлений, делавших их объектами террора, и у нас нет свидетельств того, что они несоразмерно сильно пострадали от Большого террора. Тем не менее некоторые из их национальных институтов были упразднены уже в конце 1937 г. Еврейские и цыганские национальные советы не упоминались в постановлении ЦК, принятом в декабре 1937 г., да и в первоначальном постановлении о ликвидации школ диаспорных национальностей не упоминались ни еврейские, ни цыганские, ни ассирийские национальные школы. Однако в начале 1938 г., в ходе выполнения этого постановления Наркомпросом РСФСР, национальные школы евреев, цыган и ассирийцев упразднялись одновременно со школами других диаспорных национальностей Советского Союза. Еврейские учреждения культуры начали постепенно закрываться в конце 30-х гг., но, в отличие от учреждений других диаспорных наций, не были ликвидированы полностью. И хотя ни одно постановление центра не выделяло евреев в особую категорию для проведения репрессий, однако во время «Большого террора» антисемитизм заметно пошел на подъем, и государство практически не предпринимало никаких усилий, чтобы его побороть.

¹⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 829. Протокол 75, п. 6. Л. 122.

лем колхоза, председателем сельсовета и так далее»¹⁸⁰. Параноидальным языком Большого террора он выразил следующую мысль: мы думали, что национальные советы ликвидируют национализм, но они его укрепили; мы думали, что они обеспечат лояльность диаспорных национальностей, но этого не произошло; мы полагали, что они будут содействовать распространению нашего влияния за границей, но случилось совершенно противоположное.

Недооценивавшийся прежде размах репрессий против национальных диаспор крайне важен для понимания Большого террора. Во время этнических чисток и массовых «национальных операций» 1935–1938 гг. были арестованы, высланы или казнены около 800 тыс. человек. Это составляет около трети общего числа жертв политических репрессий этого периода¹⁸¹. Один только этот факт требует внести по меньшей мере две коррективы в понимание «Большого террора». Во-первых, если говорить о его истоках, то требуется расширить существующий их перечень. Большой террор объясняется с точки зрения столкновения политических (внутри руководящей элиты, т. е. Сталина и его окружения) и региональных интересов (существовала напряженность в отношениях между центром и периферией). Ему дается также идеологическая интерпретация, сторонники которой подчеркивают преемственность террора, имеющего классовую основу («бывшие кулаки» в приказе за № 00447). Его объясняют социальными причинами, т. к. руководство страны было обеспокоено ростом преступности («уголовники» в приказе за № 00447). И ко всему этому мы должны добавить национальное, или ксенофобское, толкование Большого террора, которое я здесь представил¹⁸². Иными словами, невозможно понять происхождение Большого террора, если не учитывать, что советские этнические чистки являются его существенной составной частью.

Во-вторых, в ходе Большого террора, как это ни удивительно, был продемонстрирован и в определенной степени завершен дли-

¹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 627. Л. 55–56.

¹⁸¹ Это по грубым подсчетам. У меня нет статистики арестов за 1935–1936 гг. и полной статистики депортаций за 1937–1938 гг.

¹⁸² О Большом терроре с точки зрения столкновения политических элит см.: *Conquest R. The Great Terror: A Reassessment*. N. Y., 1990; с точки зрения борьбы региональных интересов см.: *Getty J. A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge, UK, 1985; о «классовой» интерпретации см.: *Fitzpatrick S. The Russian Revolution 1917–1932*. Oxford, 1984. P. 163–170; о социальных причинах террора, связанных с проблемами преступности, см.: *Shearer D. Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression // Cahiers du monde russe*. 1998. № 39. P. 119–148. Разумеется, это не означает, что здесь представлен полный перечень факторов, приведших к террору.

тельный процесс перехода от классового террора (а именно таковым он был) к террору этническому. Таковым он был по преимуществу вплоть до смерти Сталина. К такому заключению пришли Рогинский и Петров в результате работы в центральных архивах НКВД. С января–февраля 1938 г. (то есть в течение 6–7 месяцев из всего 16-месячного массового террора) «национальные операции» были главной сферой деятельности НКВД, отодвинув на второй план операции, проводившиеся в соответствии с приказом за № 00447. И в последние месяцы террора по преимуществу проводились именно они¹⁸³. Действительно, лишь совсем немного преувеличивая, можно сказать, что к ноябрю 1938 г. «Большой террор» перерос в этнический террор.

Выводы

Эта глава началась с парадоксального вопроса: как государство, руководство которого совершенно не стремилось сделать его моноэтническим (оно добивалось совершенно противоположного), пришло к широкомасштабным этническим чисткам? Ведь этнические чистки 30-х гг. не сопровождалась действиями, способствовавшими ассимиляции, наоборот, они усиливали примордиальную сущность национальностей в Советском Союзе. И к этому результату привели в совокупности три фактора. Во-первых, в 20-е гг. советское руководство доказало свою приверженность идее переселения народов с целью содействия этнической консолидации и образованию национальных территорий. Двумя выдающимися пропагандистами права наций на самоопределение были Ленин и Вудро Вильсон. И хотя Ленин и Сталин отказались от создания русского моноэтнического государства, они одобряли сам принцип моноэтничности и пытались создать его сущностно необходимые элементы — национальную территорию, национальную элиту, язык и культуру — для каждого советского этнического меньшинства. Они были, если угодно, националистами положительной деятельности¹⁸⁴.

¹⁸³ Петров Н. В., Рогинский А. Б. Указ. соч. С. 30.

¹⁸⁴ Не существует прямой связи между советскими программами этнической консолидации 20-х гг. и участием Советского Союза в одобренных международным сообществом «либеральных» этнических чистках, которыми завершилась Вторая мировая война, то есть «обменами» гражданами между Советским Союзом, с одной стороны, и Польшей с Чехословакией, с другой, и изгнанием немцев из Восточной Европы. Эти действия предпринимались не ради русификации или создания русского моноэтнического государства; скорее, они служили этнической консолидации (посредством этнических чисток) стран Восточной Европы (особенно Польши

Во-вторых, свою роль в советских этнических чистках в СССР сыграла стихийная этническая вражда. Так как сословные и этнические противоречия совпадали с конфликтами по поводу земли и территории, объектами стихийной этнической ненависти стали некоторые из наиболее значительных национальных диаспор (корейцы, немцы, финны, поляки). Эта враждебность стала причиной жестокого обращения с ними во время коллективизации, что привело к возникновению массовых эмиграционных движений. В результате местные коммунисты стали считать эти группы опасными. В результате в годы Второй мировой войны этнические чистки распространились за пределы национальных диаспор, охватив некоторые северокавказские национальности (чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев). Эти национальности стали жертвами самого жестокого стихийного этнического конфликта 20-х и 30-х гг. (хотя они пострадали и в эпоху царизма)¹⁸⁵.

В-третьих (и это самое существенное), вера советских властей в политическую значимость этничности отразилась в поддержке национальных учреждений и вынудила их выдвинуть Пьемонтский принцип, который предполагал использование трансграничных этнических связей для распространения советского влияния за границей. Однако непомерная боязнь иностранного капиталистического влияния и «иностранной заразы», которую я назвал советской ксенофобией, содействовала также росту недоверия к трансграничным этническим связям. Как только советскому руководству стало понятно, что трансграничные этнические связи нельзя использовать для подрыва власти в соседних государствах и что эти связи могли привести к прямо противоположному результату, оно начало этнические чистки советского пограничья и в конечном счете этнический террор, распространившийся по всему Советскому Союзу. Чистки народов, имевших подозрительные трансграничные связи, которые привели к их переселению подальше от советских границ, происходили на протяжении всего позднего сталинского периода. В результате из

и Чехословакии) как будущих союзников СССР и его собственных республик — Украины, Белоруссии и Литвы. Об этих «обменах» см.: *Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing*. P. 817–824. О либеральной идеологии национального самоопределения и этнических чисток см.: *Laitin D. Ethnic Cleansing, Liberal Style // MacArthur Foundation Program in Transnational Security. Working Paper Series. № 4. Cambridge, Mass., 1995.*

¹⁸⁵ Я не хочу сказать, что все национальности, которые были объектами враждебного отношения, депортировались. Дагестан был местом многочисленных этнических конфликтов (но там не было депортаций), а Калмыкия — нет (при том что калмыки были депортированы). Об этих депортациях см.: *Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину... С. 56–162.*

Черноморского и Закавказского пограничных районов были выселены крымские татары, греки, армяне, болгары, турки-месхетинцы, курды, иранцы и хемшины¹⁸⁶.

Зачастую диаспорные национальности считались нелояльными, препятствующими национальному строительству и, следовательно, подлежащими этническим чисткам. Однако советский случай является исключительным, потому что, как я уже подчеркивал, советская ксенофобия была понятием скорее идеологическим, чем этническим. Она была этнизирована лишь из-за того, что Пьемонтский принцип применялся к трансграничным этническим связям, которых, учитывая географию Советского Союза, у русских не было. В конце 30-х гг., наряду с этническими чистками и этническим примордиализмом, появилась довольно резкая, поддерживаемая государством русская националистическая риторика. В период Большого террора ее использование достигло своего пика. Однако, чтобы лучше понять русский национализм, надо учесть, что он был скорее следствием советской ксенофобии, чем ее причиной. Растущий страх перед национализмом и нелояльностью нерусских народов был вызван их ожесточенным сопротивлением коллективизации. К этому добавлялась еще и этнизация советской ксенофобии, произошедшая после отказа от Пьемонтского принципа. В результате советское правительство стало отождествлять государство с его русским центром.

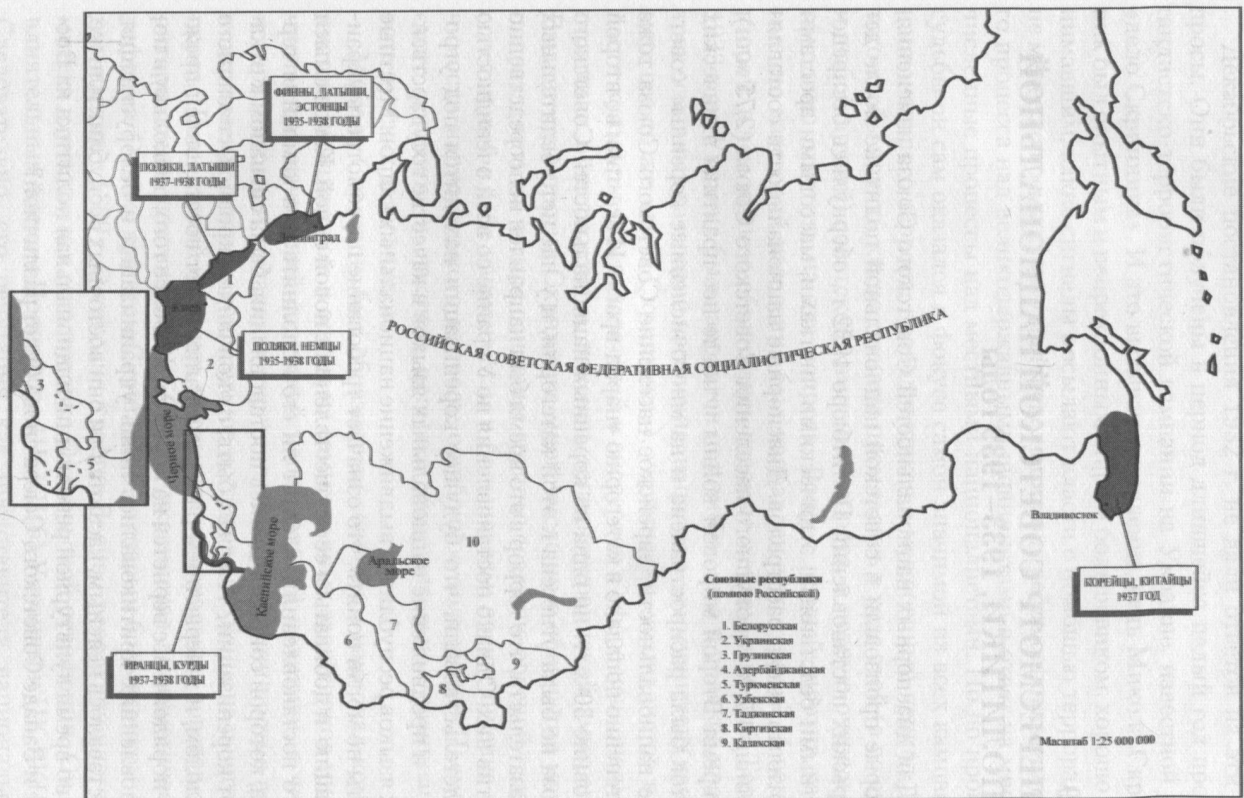
Однако это не мешало при определенных обстоятельствах и русским становиться «народом-врагом». Принятое в январе 1938 г. постановление Политбюро делало объектами террора следующие диаспорные национальности: «поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, китайцев, румын и *харбинцев*»¹⁸⁷. В этом контексте слово «харбинцы» звучит как название какой-то экзотической евразийской национальности. Однако на самом деле Харбин был городом в Северном Китае, где располагалось правление Китайско-Восточной железной дороги (Трансманчжурской магистрали). До середины 30-х гг. железная дорога принадлежала Советскому Союзу и находилась в его управлении. «Харбинцы», в основном этнические русские, были работниками железной дороги. После продажи железной дороги Японии многие возвратились в Советский Союз. Однако хотя они и были этническими русскими, с точки зрения советского руководства их трансграничные этнические связи с

¹⁸⁶ О свидетельствах в пользу того, что эти операции считались «зачистками» пограничных районов, см.: *Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину...* С. 149–150, 163–185.

¹⁸⁷ Так это было. Т. I. С. 253.

остававшимися в Китае харбинцами практически сделали их своего рода диаспорной национальностью. Таким образом, будучи русскими, они одновременно были «народом-врагом» и одной из мишеней «национальных операций» во время Большого террора¹⁸⁸. Это представляется убедительным свидетельством того, что советские этнические чистки диктовались соображениями именно советской, а не русской ксенофобии.

¹⁸⁸ В дополнение к январской резолюции Политбюро 1938 г. о харбинцах см. приказ НКВД, направленный против харбинцев (составлен по образцу антипольского приказа № 00485); Оперативный приказ НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 года // Мемориал–Аспект. 1993. Июль. № 1 (3). С. 2.

Карта 3. Советские этнические чистки, 1935–1938 годы

9

ПЕРЕСМОТР СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, 1933–1939 годы

Для диаспорных национальностей Советского Союза изменения, которые произошли в советской национальной политике после декабрьских постановлений Политбюро 1932 г., обернулись беспрецедентными бедствиями: этническими чистками, массовыми арестами и сотнями тысяч расстрелов. Диаспорные национальности составляли лишь 1,7 % совокупного населения Советского Союза (2,75 млн). Во время Второй мировой войны и после нее практика этнических чисток была распространена и на многочисленные коренные советские национальности, еврейское население Советского Союза тоже постепенно попадало в категорию «народ-враг»¹. И все-таки во второй половине 30-х гг. ни одна из коренных национальностей Советского Союза не была отнесена к этой категории, и у нас нет убедительных доказательств, что террор в это время был направлен непосредственно против них. Однако постановления по Украине со всей очевидностью свидетельствовали, что будущее коренизации находится под угрозой — и продвижение национальных языков в качестве государственных языков республик, и выдвижение национальных кадров. Местные элиты не могли понять, что означает требование пересмотреть украинизацию и добиваться ее осуществления с новой силой. Каков смысл этого постановления? Следует ли его исполнять или кампания террора, которой сопровождалось постановление, была сигналом к отказу от коренизации? А может быть, с окончанием кризиса, связанного с голодом, и завершением раскулачивания будет восстановлен прежний порядок и все вернется на круги своя? Более того, поскольку в постановлениях критиковались лишь украинизация и белорусизация, то оставалось неясным, касаются ли они восточных республик или же, как во время культурной революции, национальная политика на Востоке и Западе Советского Союза снова будет различной?

¹ *Kostyrchenko G. Out of the Red Shadows. Amherst, N. Y., 1995.*

«Дело Скрипника»

Декабрьские постановления 1932 г. не дали ответов на эти вопросы. Они были получены в период длившейся целый год пропагандистско-террористической кампании на Украине, известной как «дело Скрипника». И это вызывает удивление, ведь Микола Скрипник был опытным и непреклонным старым большевиком, хорошо понимавшим, какие сигналы посылают власти с помощью террора, тем не менее во время культурной революции он требовал показательного процесса над великодержавными шовинистами в ответ на многочисленные процессы над местными националистами. Но по иронии судьбы он сам оказался в фокусе самой значимой из всех кампаний национального террора, проводившихся в межвоенный период. Для того чтобы понять, какие сигналы посылались в ходе этой (а по сути, и любой другой) советской кампании террора, в первую очередь необходимо ответить на два вопроса. Вопрос первый: против каких именно категорий населения был направлен этот террор? И вопрос второй: в чем именно обвинялись главные жертвы террора? Террор 1933 г. на Украине был направлен помимо немцев и поляков против трех основных категорий населения: национал-коммунистов (например, все то же «дело Скрипника»), украинских специалистов в области культуры (преподавателей и экспертов в сфере национальной политики в частности) и, наконец, западноукраинской эмиграции. Выдвинутые против Скрипника многочисленные обвинения можно подразделить на четыре основные группы: создание опасной теории, сочетающей в себе национализм и большевизм; преувеличение значимости национального вопроса; ошибочное толкование Пьемонтского принципа и, наконец, попытка принудительно украинизировать русских школьников.

Микола Скрипник был образцовым советским национал-коммунистом, инициатором и одним из самых рьяных защитников многочисленных начинаний советской национальной политики, в число которых входили тотальная украинизация, репрессии против великодержавных шовинистов, научное исследование национального вопроса, Пьемонтский принцип, пирамида национальных советов, территориальные претензии к РСФСР и украинская лингвистическая реформа. Однако при этом Скрипник был старым большевиком, членом партии с 1899 г. Он входил в состав Военно-революционного комитета и участвовал в подготовке Октябрьской революции. Он был влиятельным членом Политбюро ЦК КП(б) Украины и ЦК ВКП(б). Следовательно, его репутация как представителя национального меньшинства и как коммуниста была безупречной. Если уж в укло-

низме, переходе на позиции национализма обвиняли самого Скрипника, то ни один национал-коммунист не мог считать себя в безопасности. Именно на это, вне всякого сомнения, и указывало «дело Скрипника».

«Дело Скрипника» началось с постановления Политбюро от 14 декабря 1932 г. и завершилось принятым в ноябре 1933 г. постановлением об украинизации, а также официальным выступлением Сталина на январском съезде партии 1934 г.² После того как в 1928 г. Каганович покинул Украину, роль ведущего украинского специалиста по национальной политике взял на себя Микола Скрипник. Спорить с ним открыто было невозможно. Однако Скрипник чересчур энергично проводил украинизацию, выступал за территориальную экспансию Украины, поддерживал притязания украинцев на территории РСФСР, ратовал за сотрудничество с западными украинцами. И все это привело к тому, что он все чаще становился объектом критики как на Украине, так и за ее пределами. Во время своей инспекционной поездки по Украине в 1929 г. представители ЦК охарактеризовали его как националиста. А членам Политбюро ЦК КП(б) Украины приходилось несколько раз делать замечания украинским партийцами за то, что они критиковали Скрипника³. А во время кампании против украинского национализма начали преследовать его сторонников. В 1931 и 1932 гг. трое из шести редакторов собрания его сочинений были осуждены как националисты⁴. Ну и, наконец, Скрипник начал конфликтовать со своими коллегами по Политбюро⁵. В марте 1932 г. Политбюро ЦК КП(б) Украины даже потребовало от него объяснений по поводу демонстративного переиздания им теоретических работ по национальному вопросу, которые незадолго до этого вышли в двух больших томах⁶. Однако в связи с началом го-
лода, который стал причиной чрезвычайного положения, внимание

² *Mace J. Communism and the Dilemmas of National Liberation. Cambridge, Mass., 1983. P. 192–231, 264–301; Шаповал Ю. Україна 20–50-х років. Київ, 1993. С. 115–148; Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Указ. соч. С. 104–130.*

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 32. Протокол 103, п. 11; Д. 33. Протокол 4, п. 7.

⁴ А. И. Бадан, Андрий (Андрей) Ричицкий и Матвей Яворский. *Скрипник М. Статті й промови. Національне питання. Т. II. Частина друга. Харків, 1931. С. 361. О Яворском и Бадане см.: Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Указ. соч. С. 86–104.*

⁵ Эти конфликты чрезвычайно подробно описывались в двух письмах Сталину, которые Панас Любченко написал в начале 1933 г. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 76–84, 95–130.

⁶ Там же. С. 79–80; *Косиор С. В. За рішуче проведення ленінської національної політики, за більшовицьку боротьбу проти націоналістичних ухилів // Вісті ВУЦВК. 1933. 23 июля. С. 1–2; Из выступления т. Г. І. Петровського на зборах партосередку ВУАМЛІНу 05.07.33 р. // Вісті ВУЦВК. 1933. 11 июля. С. 2.*

Политбюро сосредоточилось на ситуации в деревне, и Скрипник так и не ответил на этот запрос.

В январе 1933 г. Сталин провел кадровые изменения, осуществить которые он предложил Кагановичу еще в августе 1932 г. Правда, он внес некоторые поправки в свои предложения. Павел Постышев, который покинул Украину в 1930 г. и в 1931–1932 гг. был правой рукой Сталина в Секретариате ЦК ВКП(б), вернулся на Украину на должность второго секретаря ЦК КП(б) Украины, хотя на самом деле с января 1933 по январь 1937 г. выполнял обязанности первого секретаря. Свой прежний пост занял и Всеволод Балицкий, который с 1923 по 1931 г. был председателем ГПУ Украины. К своей прежней должности возвратился и специалист по национальному вопросу Николай Попов, заведовавший в 1924–1927 гг. агитпропотделом ЦК КП(б)У: он стал секретарем ЦК КП(б)У и редактором газеты «Коммунист». И наконец, секретарем ЦК КП(б) Украины и первым секретарем Днепропетровского обкома стал М. М. Хатаевич, еще один сталинский специалист по национальному вопросу⁷. И на Скрипника сразу же началось давление. Уже в январе, несмотря на его протесты, было отменено преподавание разработанного им и преподававшегося во всех университетах обязательного курса национальной политики⁸. На состоявшемся в начале февраля пленуме ЦК Компартии Украины Постышев подверг Скрипника резкой критике, хотя и не напрямую⁹. 14 февраля в своей речи на коллегии Наркомпроса Скрипник нанес упреждающий удар, защищаясь от опасного обвинения в том, что он проводил принудительную украинизацию русских детей. Он даже попытался издать свою речь в виде брошюры¹⁰.

Однако все его усилия ни к чему не привели. 19 февраля ОГПУ арестовало личного секретаря Скрипника Н. В. Ерстенюка, которому было инкриминировано членство в контрреволюционной Украинской военной организации (УВО)¹¹. И тогда Скрипник отправился

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 907. Протокол 123, п. 83; Оп. 26. Д. 68. Протокол 104, п. 4, 5, 14; Постановка ЦК ВКП(б) з 24 січня 1933 р. та завдання більшовиків України // Більшовик України. 1933. № 3. С. 3–21. А Одесский обком возглавил Е. И. Вегер.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 74. Протоколы 133, п. 16; 134, п. 3; Д. 68. Протокол 102, п. 28; Бюлетень НКО. 1933. № 8/9. С. 3–4.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 66. Л. 58.

¹⁰ *Скрипник М.* Нариси підсумків українізації та обслуговування культурних потреб національних меншостей УРСР, зокрема росіян. Промова на засіданні колегії наркомату освіти УРСР з 14.02.33 р. Харків, 1933. Скрипник произнес эту речь 14 февраля, передал ее в издательство 16 февраля, и она была опубликована 23 февраля. Однако Политбюро немедленно приказало ее конфисковать. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 68. Протокол 105, п. 22; Д. 69. Протокол 108, п. 8.

¹¹ *Рубльов О. С., Черченко Ю. А.* Указ. соч. С. 116–117.

в Москву, где 23 февраля у него произошла продолжавшаяся 40 минут конфиденциальная встреча со Сталиным¹². Но, судя по всему, он ничего не добился. 28 февраля, давая показания следователям ОГПУ, Ерстенюк заявил: «Националистическая деятельность Скрипника подстрекала меня и других членов УВО к нашей контрреволюционной деятельности»¹³. С марта по май 1933 г. в украинской печати появилось несколько официальных статей, в которых критиковались меры по украинизации, которые были связаны со Скрипником: украинизация русских детей, проводившиеся в 1928 г. реформы украинского языка, его интерпретация революции на Украине — но при этом Скрипник в них не упоминался¹⁴. Попытавшись оправдать свои прежние действия и писания в последний раз, Скрипник подготовил 92-страничный трактат под названием «Национальная политика на границе двух пятилеток», но он был признан Политбюро неудовлетворительным¹⁵.

И наконец, накануне пленума ЦК Компартии Украины, который проходил с 8 по 11 июня, с разрешения Политбюро ЦК КП(б) Украины журнал «Більшовик України» выступил с открытой и острой критикой Скрипника¹⁶. На пленуме Скрипник признал свои ошибки на «лингвистическом и идеологическом фронтах» и согласился, что слишком рьяно пропагандировал Пьемонтский принцип¹⁷. Однако Постышев не принял его самокритики¹⁸:

«Эти [теоретические ошибки] ничтожны в сравнении с тем вредительством, которое происходило в органах образования, пытавшихся сбить с толку нашу молодежь идеологией, враждебной

¹² Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 2. С. 168. До этой встречи, состоявшейся 23 февраля, со Сталиным (а также Молотовым и Ягодой) встречались Косиор и Постышев: беседа состоялась 15 февраля и длилась свыше трех часов. Косиор, Постышев и Чубарь встречались со Сталиным также 16 и 18 февраля, и в обоих случаях встречи продолжались более четырех часов. На всех встречах, наряду с другими представителями ОГПУ, присутствовали Каганович и Молотов.

¹³ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Указ. соч. С. 117.

¹⁴ Любченко П. Про «націонал-більшовизм» // Більшовик України. 1933. № 3. С. 84–91; В. П. Ліквідувати збочення національної політики по школі // Комуніст. 1933. 25 марта. С. 3; Хвиля А. За більшовицьку пильність на фронті творення української радянської культури // Там же. 4 апр. С. 2–3; Нарада з питань національної політики партії // Там же. 29 апр. С. 2; Щупак С. Неприхований формалізм і націоналізм // Там же. 9 мая. С. 3; Хвиля А. Знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // Там же. 1933. 3 июня. С. 2; Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. 1933. № 18. С. 16–17.

¹⁵ Из виступу т. Г. І. Петровського на зборах партосередку ВУАМЛІНу... С. 2.

¹⁶ Шліхтер О. Г. За більшовицьку непримиренність в теорії // Більшовик України. 1933. № 5/6. С. 69–86.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 66. Л. 82–84.

¹⁸ Там же. Л. 85.

пролетариату... Эти вредители из Наркомпроса внедрили в нашу систему образования своих людей... [И в результате] украинизация зачастую оказывалась в руках петлюровской сволочи, и эти враги с партбилетами в карманах прятались за вашей широкой спиной члена Политбюро Компартии Украины, а вы нередко их защищали. Вам следовало бы рассказать об этом. И это главное».

После пленума украинская пресса наполнилась статьями (а иные из них были написаны членами Политбюро), открыто критиковавшими Скрипника¹⁹ 7 июля Политбюро заявило, «что Скрипник не выполнил своего обещания представить в ЦК краткое письмо, в котором он бы признал свои ошибки и решительно осудил тот факт, что он обнародовал их в печати»²⁰. Это решение было принято в отсутствие Скрипника: до этого он покинул собрание, ушел к себе в кабинет и там застрелился²¹. Из-за самоубийства Скрипник как старый большевик был признан не контрреволюционером, а выдающимся большевиком, который, к несчастью, «ослабил свою революционную бдительность и позволил вредителям, связанным с контрреволюционными организациями, занять видное место на нашем идеологическом фронте»²². Сталин даже воспользовался библейским языком и говорил о «грехопадении Скрипника»²³.

Развязанная в печати кампания борьбы с ошибками Скрипника длилась до осени 1933 г.²⁴ Любопытно, что первым заблуждением

¹⁹ *Таран Ф.* Проти ідеалізації, прикрашування дрібно-буржуазних націоналістичних партій // *Комуніст.* 1933. 15 юнія. С. 2; *Любченко П.* Про «дерусифікацію» та «полурусів» // Там же. 1933. 28 юнія. С. 2; Нешадно викривати і викорінювати наслідки шкідництва та націонал-опортуністичних перекручень на мовному фронті // Там же. 1933. 29 юнія. С. 3; *Шліхтер О. Г.* Дужче вогонь проти буржуазно-націоналістичних недобитків // Там же. 1933. 3 февр. С. 2; Більшовицький вогонь проти перекручень національної політики партії // Там же. 1933. 4 юнія. С. 1; *Любченко П. П.* Про деякі помилки на теоретичному фронті // Там же. 1933. 4 юлія. С. 3.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Протоколы 117, п. 21; 118, п. 14; 120, п. 4; 121, п. 1.

²¹ Там же. Протокол 122, п. 1.

²² Промова тов. Г. І. Петровського // *Вісті ВУЦВК.* 1933. 9 юлія. С. 2. См. также: Похорони М. О. Скрипника // *Вісті ВУЦВК.* 1933. 9 юлія. С. 2; Помер тов. М. О. Скрипник // *Комуніст.* 1933. 8 юлія. С. 4; Вище революційну пильність // Там же. 1933. 9 юлія. С. 2; Микола Олексійович Скрипник // *Більшовик України.* 1933. № 7/8. С. 103–105.

²³ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 31.

²⁴ *Попов М. М.* Про націоналістичні ухили в лавах Української парторганізації і про завдання боротьби з ними. Харків, 1933; Из виступу т. Г. І. Петровського на зборах партосередку ВУАМЛІНу... С. 2; *Косиор С. В.* За рішуче проведення ленинської національної політики. С. 1–2; «Про націоналістичні ухили в лавах Української парторганізації і про завдання боротьби з ними. Резолюція зборів партактиву м. Тирасполя з 15 липня 1933 р. на доповідь секретаря ЦК КП(б)У тов. П. П. Любченка // *Вісті ВУЦВК.* 1933. 24 юлія. С. 2.

Скрипника, подвергнутым публичной критике, было с виду довольно незначительным: Скрипник употреблял словосочетание «национал-большевики» («национал-бильшовики») для обозначения членов небольшевистской Украинской коммунистической партии (УКП), которая легально существовала на Советской Украине вплоть до 1925 г., и бывших членов руководства КПЗУ²⁵. Судя по всему, употребляя это словосочетание, Скрипник имел в виду социалистическую разновидность сменовеховцев — украинских социалистов, ставших большевиками благодаря советской национальной политике, но позже во многих случаях возвращавшихся на свои первоначальные националистические позиции. Однако употребление Скрипником этого словосочетания умышленно толковали неправильно — как попытку оправдать соединение национализма и большевизма. Было заявлено, что подобная идеология сбивала с толку украинскую молодежь и открывала путь к проникновению националистических идей в Коммунистическую партию Украины²⁶. А это, в свою очередь, привело к тому, что на ключевых должностях оказались петлюровцы, хлебозаготовки закончились катастрофой. Постышев заявил вполне определенно: «Скрипник со всей очевидностью показал, что всякая попытка примирить пролетарский интернационализм с национализмом неизбежно приводит этого человека в объятия националистической контрреволюции»²⁷. Трудно было выразиться яснее. Национал-коммунизм был представлен как идеология националистического уклона. И в этом смысле «дело Скрипника» свидетельствовало о расширении масштабов террора, проводившегося в годы культурной революции против сменовеховской интеллигенции, которой так и не удалось «сменить вежи» с национализма на социализм. Под эту кампанию попала не только сменовеховская интеллигенция, но и национал-коммунисты, состоявшие в партии и обвиняемые в том, что, «сменив вежи», они перешли от социализма к национализму.

Такие изменения угрожали положению многих бывших влиятельных боротьбистов, находившихся в руководстве Украины, а в особенности секретарю ЦК Компартии Украины Панасу Любченко. В начале января 1933 г. до Любченко дошла информация о том, что

²⁵ Любченко П. Про «націонал-більшовизм». Согласно Петровскому, Любченко уже критиковал Скрипника за использование этого слова на собрании Политбюро в марте 1932 г. (Из виступу т. Г. І. Петровського на зборах партосередку ВУАМЛІНу...). По поводу этого словоупотребления Затонский спорил со Скрипником на пленуме ЦК Компартии Украины в июне 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 9. Л. 24–30).

²⁶ Любченко П. Про «націонал-більшовизм». С. 91; Таран Ф. Проти ідеалізації, прикрашування дрібно-буржуазних націоналістичних партій // Комуніст. 1933. 15 июня. С. 2.

²⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 420. Л. 125–126.

«14 декабря 1932 года, на заседании Политбюро [Сталин] дал в высшей степени негативную оценку [его] роли в осуществлении национальной политики на Украине»²⁸. Охваченный паникой, Любченко написал Сталину два больших письма, в которых детально описал свои многочисленные споры со Скрипником в течение трех предшествующих лет, и в том числе заявил, что скрипниковскую теорию «национал-большевизма» он осудил на состоявшемся в марте 1932 г. заседании Политбюро Компартии Украины. Любченко подробно описал, как, став секретарем ЦК, он снял со своих должностей в ЦК большинство боротьбистов и западноукраинских эмигрантов, но не смог уволить их из Наркомпроса лишь в силу «того чрезвычайно привилегированного положения, которое занимал Скрипник, которого лучше всего охарактеризовать словами: "Ему все позволено"»²⁹. Любченко уцелел и в 1934 г. стал председателем Совнаркома Украины, но лишь потому, что всех других боротьбистов подозревал в национализме. Эта бескровная чистка административного аппарата от боротьбистов предвещала массовые репрессии Большого террора, во время которого им грозили аресты и расстрелы, и Любченко избежал этой участи только потому, что, последовав примеру Скрипника, заблаговременно покончил жизнь самоубийством³⁰.

Опасение, что национализм исподтишка просачивался в партию под прикрытием коренизации и что этому содействовали сочинения Скрипника о «национал-большевизме», легло в основу «Кубанского дела» и «дела Скрипника». В результате вновь была пущена в ход излюбленная сталинская метафора эпохи Гражданской войны — метафора «национальный флаг». Любченко цитировал слова из сталинской статьи 1918 г.: «Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии»³¹. Риторика маскировки пронизывала собой все выступления 1933 г.: «Преобладающей окраской классового врага, которой он маскируется, прежде всего является национальный флаг, националистические одежды»³². С помощью этой метафоры Скрипника неоднократно обвиняли в том, что он стремился приукрашивать буржуазные украинские партии и идеи³³. И Сталин, и Ленин считали национализм

²⁸ Из письма Любченко Сталину (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 95).

²⁹ Там же. Л. 81, 95–98.

³⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 990. Л. 990/751; Шаповал Ю. Указ. соч. С. 223–240.

³¹ Любченко П. Про деякі помилки на теоретичному фронті. С. 3.

³² XVII съезд ВКП(б). С. 199.

³³ Микола Олексійович Скрипник. С. 104.

идеологией, опасной тем, что она маскирует свою суть, идеологией, которая позволяла выразителям враждебных пролетариату классовых интересов создавать единый национальный фронт. Коренизация была разработана для того, чтобы нейтрализовать этот потенциал национализма, предоставив нациям определенные «формы» национально-государственного устройства. Однако через десять лет Сталин признал, что на Украине эта политика потерпела крах³⁴:

«Я говорил о живучести пережитков капитализма. Следует заметить, что пережитки капитализма гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме. Многие думают, что грехопадение Скрипника есть единичный случай, исключение из правила. Это не верно».

Это было чрезвычайно важное заявление. Оно свидетельствовало о растущей обеспокоенности Сталина невозможностью противодействовать национализму с помощью коренизации. Национализм стал постоянной затаившейся опасностью и требует периодического проведения чисток и кампаний террора.

Но Скрипника критиковали не только за теоретические ошибки относительно национал-большевизма. Его обвинили также в том, что он, по словам Косиора, «чрезвычайно переоценил и преувеличил национальный вопрос»³⁵. Сославшись на Сталина, украинские руководители обвинили Скрипника в том, что он сделал «национальную политику чем-то самодовлеющим, [вместо того] чтобы считать ее частью общей проблемы пролетарской революции»³⁶. Его учебные курсы по национальной политике стали предметом постоянных насмешек. Любченко заметил, что по требованию Скрипника на преподавание национальной политики университеты выделяли 110 часов, а на преподавание ленинизма — всего 60: «Национальный вопрос был раздут до огромных размеров. Во всех речах [Скрипника] на факультете [национальной политики Института марксизма-ленинизма], во всех его статьях по национальному вопросу нет ни марксизма на классовой основе, ни Маркса, ни Энгельса, ни Ленина, ни Сталина, ни ссылок на них»³⁷. Постоянные нападки на Скрипника, обвинявшегося в преувеличении национального вопроса, указывали, что

³⁴ XVII съезд ВКП(б). С. 31.

³⁵ Косиор С. В. За рішуче проведення лєнінської національної політики. С. 2.

³⁶ Любченко П. Про деякі помилки... С. 3.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 99–101; Любченко П. Про деякі помилки... С. 3.

украинизации, проводившейся в русле «жесткой линии», пришел конец. Утверждение, что национальный вопрос является предметом главной заботы большевиков, о чем всего восемь лет назад говорил сам Каганович, критиковали, над ним насмехались. Кроме того, лексикон Скрипника с такими понятиями, как «национальное дело», «национальное сознание», «наши национальные интересы», признали скорее националистическим, чем большевистским³⁸. Как мы уже видели на примере «дела Шумского», большинство партийных украинцев чувствовали себя очень неловко, выслушивая националистическую риторику, сопровождавшую украинизацию. Эта риторика была отброшена. Украинизация проводилась и после 1933 г., но гораздо менее энергично и без постоянного обсуждения. И это отличие весьма существенно. Русских членов партии возмущали ежедневные упреки в том, что они принадлежат к великодержавной национальности, которая должна приносить жертвы ранее угнетавшимся нациям.

Пропагандистская кампания против соединения национализма и большевизма и преувеличения значимости национального вопроса сопровождалась проводившейся ГПУ кампанией террора против украинских специалистов в области культуры и национальной политики. В письме Сталину Любченко заметил, что инструкторы, читавшие курс по национальному вопросу, «вызывали большие подозрения в смысле их верности ленинизму». И большинство из них действительно в 1933 г. были уволены или арестованы³⁹. К ноябрю 1933 г. из Наркомпроса было уволено 2 тыс. служащих, объявленных националистами, свыше 300 ученых и писателей были арестованы или уволены, а еще 200 человек, которых окрестили украинскими националистами, были уволены из 8 центральных советских организаций. На ноябрьском пленуме новый нарком просвещения Володимир (Владимир) Затонский сообщил, что на краткосрочных курсах необходимо подготовить 16 тыс. новых учителей, потому что «те кадры, которые у нас есть, они амортизируются. Кто из них умирает, кое-кого мы сами выгоняем, кого ГПУ заберет (Смех.)»⁴⁰. А когда Затонский сообщил, что были уволены 11 из 29 директоров педагогических институтов, один из членов ЦК пошутил: «Но восемнадцать-то еще

³⁸ Шліхтер О. Г. За більшовицьку непримиренність... С. 82–83; Шліхтер О. Посилимо більшовицьку пильність на фронті здійснення ленінської національної політики на Україні // Більшовик України. 1993. № 9/10. С. 63; Попов М. М. Про націоналістичні ухили в лавах Української парторганізації... С. 16.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 79, 128.

⁴⁰ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 421 (18–22.11.33). Л. 141, 144.

остались?»⁴¹. Кампания террора усилила убежденность в том, что национал-коммунизм представляет собой опасное явление, а решение национального вопроса и строительство украинской национальной культуры низводятся теперь до уровня чего-то второстепенного и будут идти в русле «мягкой линии».

Скрипника критиковали также за то, что он выступал в поддержку Пьемонтского принципа. Ко времени проведения в 1933 г. ноябрьского пленума ЦК Компартии Украины Гитлер уже укрепился во власти, и потому угроза иностранной интервенции с целью отделить Украину от СССР (об этом открыто заявил Альфред Розенберг, гитлеровский специалист по восточной политике) стала доминирующей темой⁴². В речи, озаглавленной «Советская Украина — непоколебимая твердыня великого СССР», Постышев доказывал, что ошибки Скрипника могли привести к «отделению Украины от Советского Союза, [что] могло бы стать началом конца всего Советского Союза, началом конца пролетарской и крестьянской власти»⁴³. Накануне своего самоубийства Скрипник понял, что его шумная пропаганда Пьемонтского принципа была большой ошибкой. Во время своего последнего публичного выступления, состоявшегося на июньском пленуме 1933 г., он сказал: «В 1927 году я говорил, что Советская Украина была Пьемонтом всего украинского народа, всех живущих на этнографической территории Украины. [Однако] с появлением фашизма в Польше и Германии мы стали свидетелями тех перемен, которые произошли с народом Западной Украины, который теперь использует лозунг единой Украины как лозунг фашистского единства для борьбы против Советского Союза». Кроме того, Скрипник извинился за то, что выступал в защиту проводившейся в 1928 г. реформы украинского языка, в ходе которой частично было введено галицийское словоупотребление и которая тем самым «дала возможность приезжающим сюда [с Западной Украины] предателям и провокаторам делать свои подлые и черные дела»⁴⁴.

В 20-е гг. на Советскую Украину эмигрировало множество западноукраинских интеллигентов, стремившихся избежать преследований со стороны польских властей и принять участие в украинизации. В 1933 г. они стали главным объектом террора на Украине. Галичан, которые, как и жители Западной Украины, теперь обязаны

⁴¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 421 (18–22.11.33). Л. 145.

⁴² Там же. Д. 420–421; *Косиор С. В.* Итоги и ближайшие задачи...; *Постышев П.* У боротьбу за лєнінську національну політику. Харків, 1934. С. 7–34.

⁴³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 420. Л. 119.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 66. Л. 83, 83–84.

были указывать свое иностранное происхождение, начали преследовать в декабре 1932 г.⁴⁵ А поскольку многие из ближайших сотрудников Скрипника были из Галиции (Бадан, Ерстенюк, Ричицкий), над ними нависла угроза. По сути, атака на галичан была одновременно направлена против тех, кто контролировал украинизацию. В мае 1933 г. ГПУ передало в Политбюро ЦК КП(б) Украины список арестованных членов партии, состоявший из 31 человека, с просьбой дать согласие на их включение в состав участников показательного процесса над украинскими националистами. Все они были галичанами⁴⁶. Неудивительно, что КПЗУ была вновь подвергнута опустошительной чистке⁴⁷ и в 1938 г. была ликвидирована. После 1933 г. власти отказались от принципа Пьемонта, усилилась советская ксенофобия, а коренизация ослабла.

Страх перед украинским сепаратизмом стал причиной новой пропагандистской кампании с шумными заверениями в нерушимом единстве Советского Союза. В связи с этим Скрипника критиковали за то, что в 20-е гг., будучи наркомом юстиции Украины, он неоднократно заявлял протесты против решений всесоюзных органов⁴⁸. Постышев настойчиво твердил, что Скрипник «принимал всесоюзные органы в штыки. В его понимании СССР был своего рода Лигой Наций, в которой люди сидят и время от времени разговаривают, но которая не имеет никакого влияния на жизнь каждой отдельной республики»⁴⁹. Это так, но Чубарь и Каганович в 20-е гг. также неоднократно и весьма энергично выступали против решений всесоюзных органов, и потому критика Скрипника всего лишь показывала, что такого рода местный патриотизм недопустим.

Однако политическое единство народов СССР всегда входило в концепцию империи положительной деятельности, гораздо более существенным было провозглашение единства культуры русских и украинцев. Скрипника обвинили в том, что он содействовал «ослаблению хозяйственных, политических и культурных связей между

⁴⁵ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Указ. соч. С. 104–105. Галичане тоже были выделены в отдельную категорию лиц, подлежащих террору. Это было сделано в предназначенном для внутреннего использования проекте документа, который был составлен в марте 1933 г. и которому предстояло стать ноябрьской (1933 г.) резолюцией пленума ЦК по украинизации.

⁴⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 10. Л. 90–93. Этот процесс так никогда и не состоялся.

⁴⁷ Стасяк В. Очистити КПЗУ від агентів націоналізму // Більшовик України. 1934. № 3. С. 42–55.

⁴⁸ Жигелев И. И. Скрипник проти УРСР як єдиної союзної держави // Червоий шлях. 1934. № 1. С. 11–24.

⁴⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 420. Л. 127.

Украиной и другими советскими республиками... при максимальном отчуждении украинского языка от русского посредством замены русских слов польскими, чешскими и немецкими»⁵⁰. Это стало частью процесса реабилитации русской культуры и русской национальности, которую после 1933 г. принижать уже не полагалось (как этого требовали принципы, лежавшие в основе империи положительной деятельности), а, наоборот, требовалось активно поддерживать, так как она является объединяющим центром Советского Союза. Риторика украинского террора 1933 г. изобиловала призывами к братству: «расцвет Украинской ССР в братской семье СССР», «пролетарский интернационализм, усиленный братством народов»⁵¹. Скрипниковская пропаганда культурного соперничества между РСФСР и Украиной, а также предпринимавшиеся им попытки присоединить сопредельные территории РСФСР, его стремление украинизировать РСФСР — все это теперь решительно осуждалось⁵². «Братство народов» в 1935 г. было преобразовано в «дружбу народов» и стало повсеместно употребляемой метафорой нового советского национального устройства.

Скрипника обвинили не только в том, что он сеял раздор между Украиной и РСФСР, но и в том, что навязанная им принудительная украинизация создала угрозу русским на Украине. Как мы уже видели в главе 3, к 1932 г. тотальная украинизация потерпела крах, и на Украине возникла двуязычная социальная среда. А неизменная приверженность Скрипника идее украинизировать все начальное образование этому противоречила. В основе его политики в области образования лежало убеждение в том, что русифицированные украинцы говорят на «смешанном диалекте», синтаксической основой которого является украинский. Следовательно, им необходимо учиться в украинских школах даже в том случае, если их родители считают, что их родным языком является русский. Скрипнику чрезвычайно нравилась эта идея, и он повторял ее даже осенью 1932 г.⁵³ Сразу же после устранения Скрипника новый нарком просвещения УССР Владимир (Владимир) Затонский осудил эту идею как «принудительную

⁵⁰ Косиор С. В. Итоги и ближайшие задачи... С. 94.

⁵¹ Маркс і диктатура пролетаріату // Більшовик України. 1933. № 5/6. С. 16; Попов М. Перемога марксизму-ленінізму — перемога партії Леніна // Там же. С. 28.

⁵² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 107–109.

⁵³ Шліхтер О. Посилимо більшовицьку пильність... С. 62. На самом деле Скрипник не отказался от этой теории ни в феврале 1933 г., когда он выступал в свою защиту, ни в июне 1933 г., когда он выступал с самокритикой. Скрипник М. Нариси підсумків українізації та обслуговування культурних потреб національних меншостей УРСР...; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 66. Л. 82–84.

украинизацию» и «дерусификацию»⁵⁴. Один из критиков Скрипника язвительно заметил, что его взгляды имеют поразительное сходство со старой теорией, существовавшей в царской России, согласно которой украинский язык, по сути, является диалектом русского языка и потому украинцам следует говорить по-русски⁵⁵.

Критика теории Скрипника основывалась на ощущении, что она задевает достоинство русских. Когда о русифицированных украинцах Скрипник говорил как о «полурусских», это воспринималось как оскорбление⁵⁶. Этнографическое исследование показало, что речь шахтеров Донбасса, этнических русских, определялась при Скрипнике как «блатной язык»⁵⁷. Студенты Донбасса стыдились говорить по-русски: «Два студента отказались повторить то, что они сказали по-русски. Они мотивировали это так: “Нам стыдно” [“Ми соромились”]»⁵⁸. Затонский, который в 1926 г. доказывал, что русская культура достаточно сильна, чтобы ей что-то угрожало на Украине, утверждал, что русская культура при Скрипнике подавлялась⁵⁹. В сенсационной статье «Правды» цитировалось письмо учителя из Белоруссии, этнического русского по фамилии Степура, на которого набросились за то, что он написал заявление в сельсовет по-русски, и ему запретили «говорить по-русски даже и с его собственной женой»⁶⁰. Белорусское руководство немедленно принесло свои извинения⁶¹. Как мы видели, в 20-е и 30-е гг. русские, как правило, были недовольны советской национальной политикой. Однако лишь в 1933 г. об этом стали говорить открыто, и власти официально выступили в поддержку русских.

На этом фоне реальные изменения, произошедшие в школьной системе Украины в 1933 г., казались на удивление ограниченными. Затонский приказал провести несколько исследований, чтобы выяснить, сколько русскоязычных учащихся обучалось в украинских школах. Согласно полученным сводкам, русскоязычные школы посе-

⁵⁴ ЦДАВОУ. Ф. 166. Оп. 11. Д. 24. Л. 6; Об обеспечении культурных потребностей. С. 16–17.

⁵⁵ Шліхтер О. Посилимо більшовицьку пильність... С. 65.

⁵⁶ Любченко П. Про «дерусифікацію» та «полурусів» // Комуніст. 1933. 28 июня. № 2.

⁵⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 308. Л. 73.

⁵⁸ ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 11. Д. 1112. Л. 64.

⁵⁹ Затонський В. П. З питань національної політики на Україні // Більшовик України. 1933. № 9/10. С. 111.

⁶⁰ Сообщил Гикало в своем выступлении на съезде. См.: XVII съезд ВКП(б). С. 72.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 224. Л. 142; Гикало Н., Голодед Н. Об ошибках партийных и советских организаций Белоруссии в национальном вопросе // Правда. 1933. 4 марта. С. 2.

щало примерно 40–60 % учащихся, родным языком которых был русский⁶². Примечательно, что по мере расширения системы образования во времена культурной революции численность русскоязычных школ на Украине сократилась (с 1287 до 1004) так же, как и количество учащихся в них (с 285, 5 до 211 тыс.). В больших русифицированных городах — Одессе, Николаеве и Харькове — этот показатель был немного ниже (30–50 %); в Киеве — меньше 50 % (8040 из 16 460). В Херсоне, который прежде был преимущественно русским городом, имелась всего лишь одна русская школа. В ходе более детального исследования, проводившегося в 13 промышленных районах Донбасса, наиболее русифицированного региона Украины, обнаружилось, что даже там русские школы посещали лишь 62,7 % детей, родным языком которых был русский (22 746 из 36 303)⁶³.

В 1933/34 уч. году Затонский изменил эту систему совсем несущественно. Численность учащихся в русскоязычных школах возросла с 6,9 % в 1932/33 уч. году до 8,7 % — в 1933/34 уч. году. Но и это было чуть ниже доли этнических русских на Украине (9,23 %). В более крупных городах результаты были лучше. Численность детей в первых классах русскоязычных школ возросла с 20 до 39 % в Харькове, с 21 до 38 % — в Одессе и с нуля до 32 % — в Херсоне⁶⁴. На Донбассе доля учащихся в школах, ведущих преподавание на русском языке, сравнялась с долей русскоязычных детей в регионе⁶⁵. Кроме того, увеличилось количество русских театров. Поразительно, но в 1933 г. на Украине было всего лишь 9 русских театров и 12 театров, в которых спектакли давались на идише. В столице Украины Харькове не было ни одного русского театра. В 1933 г. Политбюро издало указ о создании русскоязычного государственного театра в Харькове и увеличении количества русскоязычных театров на Украине. А газетам большого внимания не уделялось. Количество газет на украинском языке снизилось с 91,6 % от общего числа газет, издававшихся на Украине в 1932 г., до 89,9 % — в 1933 г. и 88,2 % — в 1934 г., а численность русскоязычных газет несколько увеличилась — соответственно с 4,7 до 6,3 % и до 8,3 %⁶⁶.

⁶² ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 11. Д. 1112. Л. 21–23, 62–65, 70–73, 92–93, 113–117; Д. 1121. Л. 50–56; Затонський В. П. Указ. соч. С. 111.

⁶³ Затонський В. П. Школи України розпочинають новий навчальний рік // Вісті ВУЦВК. 1933. 1 сент. С. 3; *он же*. З питань національної політики на Україні. С. 111; ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 11. Д. 1112. Л. 62; Д. 1121. Л. 51–54; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 421. Л. 142.

⁶⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 421. Л. 142.

⁶⁵ ЦДАВОУ. Ф. 539. Оп. 11. Д. 1121. Л. 55–56.

⁶⁶ Преса Української РСР, 1918–1973. Науково-статистичний довідник. Харків, 1974. С. 176–177.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, нельзя утверждать, что с 1933 г. началась русификация Украины. Были проведены незначительные реформы в области образования, театра и прессы, которые должны были привести эти сферы в соответствие с реальным положением, так как в крупных городах Украины существовала двуязычная социальная среда со значительным русскоязычным присутствием. Во-вторых, особое внимание было уделено Донбассу. Если до этого целых 10 лет украинское руководство пыталось распространить украинское культурное влияние на сопредельные районы РСФСР — Центрально-Черноземную область и Северо-Кавказский край, то теперь возобладала обратная тенденция. Попытки украинизации этих регионов были прекращены, и русскоязычное присутствие на Донбассе усилилось. А это, безусловно, означало укрепление связей Украины с РСФСР путем усиления русского элемента в пограничных районах Украины. В-третьих, реформы образования проводились под лозунгом «национального самоопределения самого населения, то есть исходя из его субъективных желаний»⁶⁷. И это говорило о коренном изменении советской национальной политики. До 1933 г. население не имело права выбирать язык, на котором учились дети, а ассимиляции национальных меньшинств власти всеми силами препятствовали. После 1933 г. национальным меньшинствам постепенно предоставили право на ассимиляцию.

Таким образом, «дело Скрипника» имело следующие последствия. Во-первых, национал-коммунизм был признан реальной угрозой единству Советского Союза. Во-вторых, национальный вопрос был окончательно низведен до второстепенного уровня и решался в русле «мягкой линии». В-третьих, новая политика не допускала постоянного упоминания национального вопроса и излишнего теоретизирования по этому поводу. В-четвертых, власти отказались от Пьемонтского принципа, а трансграничные этнические связи стали рассматриваться скорее как внешняя угроза, нежели как возможность распространить влияние СССР на сопредельные территории. В-пятых, подчеркивалось значение культурных связей между Россией и Украиной: теперь они считались республиками, которые скрепляют Советский Союз, делая его «братством народов», а затем «дружбой народов». В-шестых, упрочилось положение русских на Украине (а особенно в областях, граничащих с РСФСР). И наконец, тотальная украинизация была отменена, но и русификация Украины не началась.

⁶⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6213. Л. 8. Об обеспечении культурных потребностей. С. 17.

Принцип главной опасности

Все эти изменения не отразились в резолюции ноябрьского (1933 г.) пленума ЦК Компартии Украины, который официально закрыл «дело Скрипника». Тем не менее в ней было заявлено, что «главной опасностью является теперь местный украинский национализм, поскольку он объединился с иностранной интервенцией»⁶⁸. Это стало существенным новшеством. В 1923 г. власти утверждали, что великодержавный шовинизм более опасен, чем местный национализм, и это утверждение легло в основу империи положительной деятельности. Сознательное принижение традиционной русской культуры и русских объяснялось стремлением помешать росту национализма среди ранее угнетавшихся народов. Принцип главной опасности несколько раз нарушался — в Татарстане, на Украине и в Белоруссии, тем не менее центральные власти всегда ему следовали (и решительнее всего Сталин в своих официальных заявлениях на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г.). Таким образом, отказ от принципа главной опасности на Украине, объясняемый угрозой иностранной интервенции, был чрезвычайно важным сигналом. Какое влияние это изменение имело на политику, проводившуюся в остальных частях Советского Союза?

«Дело Скрипника» получило довольно широкую известность в Советском Союзе, и за ним пристально следили специалисты по национальной политике. «Правда» опубликовала резолюцию состоявшегося в ноябре 1933 г. пленума ЦК Компартии Украины и речи Постышева и Косиора, а также посвятила этому вопросу передовую статью⁶⁹. Эти три документа были переведены на десятки языков, включая цыганский, коми и мордовский⁷⁰. Это подтвердило ведущую роль Украины в выработке советской национальной политики. Белоруссия, как всегда, последовала ее примеру, и в 1933 г. здесь также началась кампания национального террора. Белорусские руководители неоднократно заявляли, что их ошибки в национальной политике аналогичны тем, которые были допущены на Украине⁷¹. Состояв-

⁶⁸ Косиор С. В. Итоги и ближайшие задачи... С. 96. О нескольких более ранних проектах этой резолюции см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 104–119.

⁶⁹ Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине // Правда. 1933. 27 нояб. С. 2; Ленинская национальная политика побеждает // Там же. 1933. 28 нояб. С. 1; о выступлениях Косиора и Постышева см.: Там же. 1933. 2 дек. С. 4; 6 дек. С. 3.

⁷⁰ Литература национальностей СССР. 1934. № 3. С. 15; 1934. № 7. С. 11; 1934. № 8. С. 18.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 21. Д. 401. Л. 38; Кирюшин П. Контрреволюційне беларускі нацыянал-дэмакратызм на службе інтэрвенцыі // Бальшавік Беларусі. 1935. № 1/2. С. 115; XVII съезд ВКП(б). С. 72.

шийся в декабре 1933 г. пленум ЦК Компартии Белоруссии принял резолюцию, идентичную украинской, — с тем же названием и также признававшую, что главной опасностью в Белоруссии стал белорусский национализм⁷². В обеих резолюциях также указывалось, что «великодержавный русский шовинизм остается, как и прежде, главной опасностью в Советском Союзе в целом»⁷³.

После этого в нескольких регионах было объявлено, что местный национализм стал там главной опасностью. В декабре 1933 г. партийный пленум объявил местный национализм главной опасностью в Карелии: «остатки буржуазно-кулацких и националистических элементов Карелии объединились с интервенционистскими кругами фашистской Финляндии с целью аннексии Карелии и присоединения ее к Финляндии под лозунгом “великой Финляндии”, простирающейся до самого до Урала»⁷⁴. Государственным языком Карелии был финский, туда активно привлекались финские переселенцы из Канады и Соединенных Штатов⁷⁵. Теперь эта политика была осуждена, и власти республики начали карелизацию⁷⁶. Как мы уже видели, во время террора 1933 г. на Украине были арестованы поляки, немцы и финны, в конце 1934 г. началась депортация западных национальных меньшинств Советского Союза. И даже в Крыму, где титульная национальность имела статус культурно отсталой, местные националисты были объявлены главной опасностью — они якобы объединились с интервенционистскими силами Турции⁷⁷.

Это решение было особенно важным, так как наводило на мысль, что местный национализм может быть объявлен главной опасностью и в восточных культурно отсталых республиках Советского Союза, в частности во многих тюркских республиках — Азербайджане, Казахстане и Узбекистане. На Украине и в Белоруссии коренизация пошла на спад еще в 1928–1932 гг., а постановления 1933 г. свидетельствовали о продолжении этой тенденции. Однако на советском Востоке

⁷² Итоги и ближайшие задачи проведения ленинской национальной политики в БССР. Минск, 1934.

⁷³ *Косиор С. В.* Итоги и ближайшие задачи... С. 95–96; Итоги и ближайшие задачи проведения ленинской национальной политики в БССР. С. 9.

⁷⁴ *Хюппенен П.* Местный национализм — главная опасность в Карельской парторганизации на данном этапе // Советская Карелия. 1934. № 1/2. С. 16.

⁷⁵ *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 123–160. *Gelb M.* «Karelian Fever»: The Finnish Immigrant Community During Stalin's Purges // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. 45. P. 1091–1116.

⁷⁶ *Хюппенен П.* Местный национализм — главная опасность в Карельской парторганизации... С. 19–22.

⁷⁷ *Сизонов К. П.* Знищити до кінця націоналістичну контрабанду на фронті радянського будівництва і права // Радянська Україна. 1934. № 8. С. 33.

коренизацию всерьез не начинали вплоть до объявления культурной революции, так что отказ от нее стал бы свидетельством гораздо более радикального и неожиданного изменения политики. Действительно, в первой половине 1933 г. возобновились усилия, направленные на то, чтобы ускорить коренизацию Средней Азии. Состоявшийся в августе 1933 г. пленум Среднеазиатского бюро впервые после 1927 г. заслушал отчет о проведении коренизации. В нем были подвергнуты резкой критике великодержавные шовинисты, которые обвинялись в саботаже коренизации Средней Азии⁷⁸. После пленума в прессе началась кампания в поддержку коренизации⁷⁹. В ноябре 1932 г. ВЦИК принял резолюцию с требованием ускорить коренизацию автономных областей и республик РСФСР, что также привело к обновлению этой деятельности⁸⁰. Еще более впечатляющими были результаты, которых удалось достичь в Казахстане. В 1933 г. Голощекина сняли с должности первого секретаря Казахстанского крайкома и подвергли резкой критике, но не за «местный национализм», а за великодержавный шовинизм⁸¹. В апреле 1933 г. новый первый секретарь Казахстанского крайкома Л. И. Мирзоян, опытный армянский специалист по национальному вопросу, вновь принялся за проведение коренизации и в области языка, и в области положительной деятельности⁸². Политбюро ЦК ВКП(б) поддержало Мирзояна и приняло ряд мер по подготовке и выдвижению казахских кадров⁸³.

Хотя эти действия и получили одобрение ЦК и ЦИК, гораздо большее значение для местных властей имели известия о событиях, происшедших после самоубийства Скрипника в июле 1933 г., и резолюция по национальной политике на Украине, принятая в ноябре. Уже 4 апреля 1933 г. первый секретарь Среднеазиатского бюро Бауман послал Сталину следующую телеграмму: «Чтобы нанести внезапный удар по активным контрреволюционным элементам в Средней Азии, Среднеазиатское бюро просит, чтобы политтройке

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1038. Л. 110–166; Оп. 2. Д. 1039. Л. 1–168.

⁷⁹ *Аблянов К.* За большевистские национальные кадры // *Правда Востока.* 1933. 28 авг. С. 2; *Национализация советского аппарата и вопросы культурного строительства в республиках Средней Азии* // Там же. 1933. 26 сент. С. 2–4.

⁸⁰ Постановления Президиума ВЦИК от 1.11.32 и Президиума Башкирского ЦИК от 29.12.32 о коренизации аппарата. Уфа, 1933.

⁸¹ Шестой пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). Стенографический отчет. Алма-Ата, 1936. С. 3–8.

⁸² О коренизации. Сборник руководящих материалов. М.; Алма-Ата, 1934. С. 21–25; О коренизации // *Большевик Казахстана.* 1933. № 6. С. 1–7; *Кабулов И.* За решительную борьбу на два фронта в национальном вопросе в Казахстане // Там же. 1934. № 1/2. С. 9–14.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 933. Протокол 148, п. 44.

ОГПУ было дано право выносить смертные приговоры за саботаж, мятежи, бандитизм и грабежи». На ней Сталин небрежно написал: «Согласен. И. Ст.»⁸⁴. И хотя в тексте этой телеграммы националисты еще не были выделены в особую категорию, ГПУ вскоре начало аресты видных национал-коммунистов во всех среднеазиатских республиках⁸⁵. 24 сентября 1933 г. председатель Совнаркома Киргизской АССР Абдрахманов был исключен из партии и передан в ОГПУ как «националист»⁸⁶. Как и арестованные на Украине, он обвинялся в саботаже хлебозаготовок.

Однако наибольшую огласку получил арест двух главных национал-коммунистов Таджикистана — председателя Совнаркома Таджикской ССР Хаджибаева и председатель ЦИК Таджикской ССР Максума⁸⁷. Их арест сопровождался массовой кампанией террора, развязанной ГПУ против таджикских национал-коммунистов. К 28 октября, в апогей этой кампании, ГПУ уже арестовало 693 человека, включая 14 сотрудников центрального республиканского аппарата, 35 партийных и советских руководителей, 141 работника районного уровня и 145 работников на уровне сельсоветов⁸⁸. В масштабах такой республики, как Таджикистан, где резерв грамотных таджикских коммунистов был весьма ограничен, эту кампанию можно считать массовой. Об устранении Максума и Хаджибаева было объявлено на состоявшемся в декабре 1933 г. пленуме Таджикского обкома. Об этом сообщил первый секретарь Среднеазиатского бюро Бауман, который заявил делегатам, что Максум и Хаджибаев саботировали хлебозаготовки и были настроены решительно антирусски: «Они постоянно вели разговоры о том, что из Таджикистана нужно выгнать всех русских»⁸⁹. Бауман провел прямую параллель с событиями на Украине⁹⁰:

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 21.

⁸⁵ Аресты происходили не только в Киргизии и Таджикистане, но и в Туркменистане и Узбекистане. Сообщения о них см.: На VI съезде Компартии Туркмении // Правда Востока. 1934. 15 янв. С. 2; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 27. Д. 54. Л. 124–129.

⁸⁶ Резолюция объединенного заседания Бюро обкома и президиума ОКК ВКП(б) // Правда Востока. 1933. 30 сент. С. 1; О положении в Киргизской парторганизации. Статья зам. пред. ЦКК–НКРКИ СССР тов. Н. Антипова // Там же. 2 окт. С. 1.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 63. Л. 65–67; Ф. 17. Оп. 3. Д. 935. Протокол 150, п. 100; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 7с. Д. 92. Л. 10–42; РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 2. Д. 362. Л. 1–121; Постановление объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б) Таджикистана от декабря 1933 года // Правда Востока. 1933. 5 янв. С. 1.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 103. Л. 74.

⁸⁹ Бауман К. И. Превратить Таджикистан в образцовую советскую социалистическую республику // Парработник. Орган Средазбюро ЦК ВКП(б). 1934. № 1. С. 16.

⁹⁰ Там же. С. 27.

«Вам известно, что в резолюции по национальной политике на Украине сказано, что в Советском Союзе в целом главную опасность представляет великодержавный шовинизм. Однако в настоящее время на Украине заявляется, что главную опасность представляет местный украинский национализм.

В Таджикистане Хаджибаев и Максум как председатели правительства проводили буржуазно-националистическую линию и объективно объединились с кулацкой контрреволюцией. И поэтому здесь, в Таджикистане, должна быть усилена борьба с буржуазным национализмом. Это ключевой вопрос. Буржуазные националисты в Таджикистане рассчитывают на интервенционистские намерения империалистов. Они нацелены на разрушение единства трудящихся Советского Союза».

Фактически Бауман заявил, что местный национализм следует считать в Средней Азии главной опасностью. А первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Икрамов пошел дальше, он сказал, что местный национализм является в Узбекистане главной опасностью, поскольку «узбекские националистические контрреволюционеры снова и снова объединяются с иностранными интервенционистами»⁹¹.

В защиту использования принципа главной опасности на советском Востоке Сталин выступил дважды. Сначала он высказал свое мнение о положении дел в Казахстане. Резолюция по Украине, принятая в ноябре 1933 г., напугала Мирзояна: ведь он прибыл в Казахстан в связи с увольнением Голощекина, которого осудили как великодержавного шовиниста, и Мирзоян принимал решительные меры, чтобы возродить коренизацию. Для опасений действительно имелись основания. Голощекин заметил изменения политической ситуации, вызванные «делом Скрипника», и 4 августа 1933 г. написал Сталину и Кагановичу письмо, в котором указывал, что, критикуя его, Голощекина, как великодержавного шовиниста, Мирзоян зашел слишком далеко, когда рьяно принялся за проведение коренизации. И Мирзояну приказали умерить пыл, снизив обороты проводимой им пропагандистской кампании⁹². После принятия резолюции по Украине было проведено заседание бюро Казахстанского крайкома, принявшего компромиссную резолюцию, в которой заявлялось, что «в Казахстане главной опасностью остается великодержавный шовинизм. В то же время и с казахским национализмом необходимо бороться более систематично и основательно». Это решение оправдывалось

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 27. Д. 46. Л. 127.

⁹² Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 419. Л. 55–57.

«чрезвычайно слабой коренизацией аппарата управления, крайней отсталостью [казахской] национальной культуры, слабым развитием промышленности и национальных кадров и культурной отсталостью казахских масс»⁹³. Мирзоян послал эту резолюцию Сталину с тем, чтобы тот высказал свое мнение, и сделал к ней секретную приписку. В ней объяснялось, что «связи с публикацией украинской резолюции и речи Косиора районный и областной активы требуют теперь обсуждения национальной политики и борьбы на два фронта», то есть отмены принципа главной опасности. Мирзоян попросил Сталина одобрить проект резолюции⁹⁴.

В тот же день Сталин прислал ответ⁹⁵:

«Борьба с великодержавным шовинизмом ведется не только местными партийными организациями, но и прежде всего ЦК ВКП(б) в целом. Текущая задача для казахских большевиков состоит в том, чтобы они сосредоточили свой огонь против казахского национализма и уклонов к нему, в то же время продолжая борьбу с великорусским шовинизмом. В противном случае нам не создать ленинский интернационализм в Казахстане. Нельзя сказать, чтобы в Казахстане интернациональная подготовка была лучше, чем на Украине. Скорее наоборот. И если, несмотря на это, местный национализм не является в настоящий момент главной опасностью в Казахстане, то это объясняется тем, что установить связь с международными интервенционистами казахскому национализму труднее, чем националистам на Украине. Однако это позитивное обстоятельство не должно привести к ослаблению борьбы против казахского национализма или к компромиссу с ним. Наоборот, нужно усилить борьбу с местным национализмом, чтобы создать условия для насаждения ленинского интернационализма среди трудящихся национальных масс Казахстана. А для ориентировки мы посылаем резолюцию ЦК по Таджикистану».

Упомянутая Сталиным резолюция ЦК по Таджикистану была относительно мягкой. В ней Максуд и Хаджибаев осуждались за нарушение ленинских принципов интернационализма, но ни коренизация, ни принцип главной опасности под сомнение не ставились⁹⁶.

⁹³ VIII Казахская краевая конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Алма-Ата, 1935. С. 221–222.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 48. Л. 64об.

⁹⁵ Там же. Л. 64. Телеграмма Сталина была опубликована без сокращений в: VIII Казахская краевая конференция ВКП(б). С. 222.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 935. Протокол 150, п. 100. Подробную предысторию этого дела см. в: Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 103–104.

Бауман предлагал Сталину принять другой вариант резолюции по таджикскому вопросу, упразднявший принцип главной опасности, но Сталин ответил на эту инициативу лаконичным отказом: «Секретариат ЦК считает нецелесообразным принимать эту резолюцию, и особенно мы считаем неправильной ту формулировку главной опасности в национальных уклонях, которую предложили вы. Мы предлагаем не принимать эту резолюцию, а если она уже была принята, то ее не публиковать»⁹⁷.

Вмешательство Сталина положило конец слухам о том, что принцип главной опасности будет отменен во всем Советском Союзе. Также благодаря вмешательству Сталина утвердилось мнение, что народы, живущие вдоль западных границ Советского Союза, требуют более пристального внимания. Таким образом, в этой сфере различие между советскими восточными и западными национальностями стало скорее географическим, чем девелопментальным. Не только в «отсталом» Казахстане, но и в «культурной» Грузии сложилась ситуация, при которой Берия мог безбоязненно заявить: «Наше положение, разумеется, не такое, каким оно было на Украине. У нас главной опасностью остается великодержавный шовинизм»⁹⁸. В автономных республиках Средней Волги, вдали от всех границ, этот вопрос даже не поднимался⁹⁹. И коренизация в Казахстане, которую проводил Мирзоян, продолжилась.

А на проходившем в январе 1934 г. XVII съезде ВКП(б) Сталин решительно положил конец дальнейшим дискуссиям по поводу принципа главной опасности¹⁰⁰:

«Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность: уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму? При современных условиях это формальный и поэтому пустой спор. Глупо было бы давать пригодный для всех времен готовый рецепт. Таких рецептов нет вообще в природе. Главную опасность представляет тот уклон, против которого пере-

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 48. Л. 64. Телеграмму Сталина без сокращений см.: VIII Казахская краевая конференция ВКП(б). С. 222.

⁹⁸ IX съезд Коммунистической партии (б) Грузии. 10 января 1934 г. Стенографический отчет. Тбилиси, 1935. С. 72.

⁹⁹ См. материалы проходившего в 1934 г. съезда партийной организации Марийской автономной области (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2825. Л. 69–74) и съезда в Башкирии, на котором была выражена озабоченность лишь «татарским [велико]державным шовинизмом по отношению к башкирам и другим местным национальностям» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 274. Л. 144). О Татарстане см.: *Разумов М.* Победа ленинской национальной политики // *Большевик*. 1933. № 21. С. 28–41.

¹⁰⁰ XVII съезд ВКП(б). С. 32.

стали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности. (*Продолжительные аплодисменты.*)».

Так Сталин официально отказался от одного из главных принципов, лежавших в основе империи положительной деятельности. И это расчистило путь к реабилитации русской национальной культуры. С этих пор ни русские, ни русская культура уже не отвечали за грехи царизма. И на практике, разумеется, террор был в большей степени направлен против местного национализма, чем против русского шовинизма. Телеграмма Сталина Мирзояну, в которой подчеркивалось, что местные коммунисты должны сосредоточить огонь на местном национализме, свидетельствовала о том, что существующая схема сохранится и впредь. Так оно и произошло. В январе 1937 г., в начале следующей большой волны террора, принцип главной опасности в последний раз был использован в Казахстане, республике, где больше других настаивали на том, что в 1933 г. главную опасность представляет великодержавный шовинизм, — здесь было официально заявлено, что главной опасностью является местный национализм¹⁰¹. С этого момента и до самого конца сталинского правления проводившиеся периодически кампании террора против местного национализма, как правило, не отменяли коренизацию.

Украинизация после «дела Скрипника»

Постановление Политбюро от 14 декабря 1932 г. осуждало лишь механическое проведение украинизации, но не саму эту политику, и требовало более тщательно подходить к подбору «большевистских украинских кадров»¹⁰². В ходе «дела Скрипника» это выражение трансформировалось в призыв к «большевистской украинизации» вместо механической украинизации и «петлюризации»¹⁰³. А на проходившем в июне 1933 г. пленуме ЦК КП(б)У Постышев дал опре-

¹⁰¹ Отчетный доклад товарища Л. И. Мирзояна первому съезду КП(б) Казахстана о работе крайкома КП(б)К // Большевик Казахстана. 1937. № 6/7. С. 59.

¹⁰² Голод 1932–1933 років на Україні. Київ, 1990. С. 292–293.

¹⁰³ Об истории появления этих словосочетаний см.: Попов М. Перемога марксизму-ленінізму... С. 28; Скрипник М. Нариси підсумків українізації та обслуговування культурних потреб національних меншостей УРСР... С. 5. Черновики обеих резолюций — резолюции Политбюро от 14 декабря 1932 г. и резолюции пленума ЦК Компартии Украины, принятой в ноябре 1933 г., сохранились с поправками Сталина, сделанными перед публикацией. В обоих случаях Сталин неоднократно добавлял в документ словосочетание «большевистская украинизация», поэтому совершенно очевидно, что это словосочетание Сталин сделал центральным в обеих резолюциях, чтобы достичь баланса между продолжением украинизации и суровыми наказаниями за применение

деление механической украинизации: «Товарищи, это факт, что в партию и в комсомол людей принимают только по их национальности, только потому, что они украинцы... [Политбюро ЦК ВКП(б)] привлекло внимание нашей партии к необходимости отменить это механическое проведение украинизации»¹⁰⁴. На пленуме ЦК Коммунистической партии Белоруссии, который состоялся месяцем позже, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Н. Ф. Гикало предложил ту же самую формулировку: «Мы должны наконец порвать с небольшевистским отношением к выдвижению кадров. Мы должны вести яростную борьбу против продвижения кадров не в соответствии с большевистскими принципами, но по принципу того, является ли человек белорусом, евреем, русским, украинцем и т. д.»¹⁰⁵. И, как известно, никто не выдвигал кадры в соответствии с этим принципом энергичнее Кагановича, пребывание которого на посту генерального секретаря ЦК КП(б) Украины в 1933 г. высоко оценивалось¹⁰⁶. Следовательно, украинским большевикам нетрудно было поверить в искренность настойчивого утверждения Косиора (сначала в июле, а потом и в ноябре 1933 г.), будто благодаря «делу Скрипника» выдвижение надежных кадров этнических украинцев приобрело первостепенное значение¹⁰⁷.

На самом же деле кампания террора 1933 г., уничтожившая весь аппарат Наркомпроса, который контролировал проведение украинизации, и его влиятельного покровителя, привела, что неудивительно, к стихийному всплеску деукраинизации. Николай Попов отмечал, что «в провинции существует тенденция отождествлять эксцессы украинизации с самой украинизацией. Некоторые товарищи думают, что ликвидация эксцессов [украинизации] означает ликвидацию украинизации». Он сообщал, что заводские газеты повсюду переводятся с украинского языка на русский. Газета, орган обкома партии Луганска, была полностью переведена на русский, сохранив лишь свое украинское название¹⁰⁸. В Донецке городские власти, осме-

ее якобы националистического варианта, пропагандировавшегося Скрипником (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 968. Л. 101–120; Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 104–119).

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 66. Л. 58.

¹⁰⁵ Там же. Оп. 21. Д. 401. Л. 34.

¹⁰⁶ *Хвиля А.* Знищити коріння українського націоналізму на мовному фронті. Харків, 1933. С. 3.

¹⁰⁷ *Косиор С. В.* За рішуче проведення лєнінської національної політики; *он же.* Итоги и ближайшие задачи... С. 96–76. Той же самой политической линии следовали и в Белоруссии, см.: Итоги и ближайшие задачи проведения лєиинской национальной политики в БССР. С. 11–12.

¹⁰⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 421. Л. 114; 114–115.

лев, перевели все делопроизводство на русский язык, а смешанные украино-русские начальные школы начали вести преподавание исключительно на русском. Вновь перешел на русский и украинизированный незадолго до этого Одесский государственный университет. Заместитель ректора объяснял это так: «Теперь уже пора начинать учить людей»¹⁰⁹. Итальянское посольство в СССР сообщало, что администрация стала все шире использовать русский и что «по всем учреждениям был разослан циркуляр, предписывающий, чтобы среди служащих был проведен опрос на предмет того, изучали ли они украинский язык “ДОБРОВОЛЬНО” или против своей воли»¹¹⁰. Самым честным оказался ректор Одесского художественного техникума: «Еще до начала “дела Скрипника” все наши курсы начали читать на украинском. А после “дела Скрипника” все перешли обратно на русский из опасения, что в противном случае их назовут украинскими националистами»¹¹¹.

Стихийная волна деукраинизации оказалась настолько сильной, что было признано необходимым осудить ее уже на ноябрьском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У¹¹²:

«Великодержавные русские шовинисты и украинские националисты пытаются истолковать решительную борьбу партии с петлюровскими элементами в качестве пересмотра национальной политики. Мы должны дать самый беспощадный отпор этим клеветническим и провокационным попыткам... Партия будет безжалостно разоблачать все попытки пересмотреть решения XII и XVI съездов партии под прикрытием левой фразеологии о том, что в национальной политике теперь уже нет необходимости и что национальные республики больше уже не нужны».

Однако ноябрьский пленум 1933 г. не положил конец террору против «украинских националистов», он продолжался до 1934 г. и привел к стихийному отказу от украинизации. После пленума публичные рассуждения об украинизации прекратились, хотя вновь начали чествовать «украинских национальных героев», приемлемых для властей, и в первую очередь Тараса Шевченко¹¹³. Замалчивание украинизации

¹⁰⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 28, 34, 100.

¹¹⁰ Oral History Project of the Commission on the Ukraine Famine, vol. I. Washington, D. C., 1990. P. 446–447.

¹¹¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 103.

¹¹² Косиор С. В. Итоги и ближайшие задачи... С. 100–101.

¹¹³ Вывод о том, что пресса молчала об украинизации, сделан на основании чтения газет «Вісті ВУЦВК» и «Літературна газета» и журналов «Більшовик України» и «Бюлетень НКО». Все эти издания с 1925 по 1933 г. постоянно писали об украинизации.

после продолжавшейся целый год кампании против ее злоупотреблений привело, разумеется, к широкому распространению мнения, будто после 1933 г. от украинизации полностью отказались¹¹⁴.

И хотя в 1933–1937 гг. об украинизации в публичных выступлениях не говорилось ни слова, архивные документы свидетельствуют, что на протяжении всего этого периода она по-прежнему продолжала заботить украинское руководство. Более того, было очевидно, что сам Сталин определил границы пересмотра коренизации на Украине и в Белоруссии. А в середине 1934 г. он вынужден был заняться белорусскими делами. К этому привели два события. Во-первых, председатель Совнаркома Белоруссии Голодед пожаловался в Москву, что первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Н. Ф. Гикало вмешивается в дела, находившиеся в ведении советских органов¹¹⁵. Во-вторых, исследование ЦК привело факты систематической полонизации белорусских детей в польских национальных советах Белоруссии. Голодеда и Гикало вызвали в Москву. На августовском (1934 г.) пленуме ЦК Компартии Белоруссии Гикало сообщил о соображениях Сталина по этому поводу, высказанных им во время встречи в Москве¹¹⁶:

«В своих высказываниях и в официальном выступлении Сталин заявил, что имела место недооценка значимости советской государственной работы. В частности, он сказал, что имела место недооценка национального момента и в партийной, и в советской работе. Мы не можем недооценивать трудность работы в национальной республике. Например, товарищ Сталин указал, что здесь мы говорим не о какой-нибудь Самарской области, потому что здесь у нас положение очень сложное. К этому следует добавить еще и приграничное положение Белоруссии. И товарищ Сталин прямо указал (а я совершенно определенно допустил эту ошибку, работая в Белоруссии), что как руководитель я ошибался, желая принудительно контролировать повседневные вопросы, недооценивая важность советской административной работы».

Это в высшей степени любопытное высказывание. В декабре 1932 г. Сталин обвинил компартию Украины в том, что ей не удалось проконтролировать ход украинизации, проводившейся советскими

О Шевченко см.: *Каганович Н.* Як українські націоналісти фальсифікували Тараса Шевченка // *Вісті ВУЦВК.* 1934. 8 янв. С. 2–3; *Шаблювский Е.* Проти націоналістичної фальсифікації Шевченка // *Літературна газета.* 1934. 3 янв. С. 3.

¹¹⁴ Напр.: *Масе J.* Op. cit. P. 300–301; *Шановал Ю.* Указ. соч. С. 98–114.

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп 21. Д. 404. Л. 2–5, 86–93.

¹¹⁶ Там же. Л. 23.

органами (скрипниковским Наркомпросом), и приказал партийным органам «жесткой линии» и ГПУ начать кампанию террора против советских организаций «мягкой линии»¹¹⁷. А на сей раз он выступил в их защиту от чрезмерного контроля со стороны партийной бюрократии «жесткой линии». Одновременно Сталин назначил председателем Совнаркома Украины Панаса Любченко — бывшего боротьбиста и специалиста по национальному вопросу, тем самым в очередной раз продемонстрировав, что во главе бюрократии «мягкой линии» на Украине он предпочитает иметь «истинного» украинца¹¹⁸.

Критика Сталиным белорусского руководства была систематизирована в резолюции ЦК, принятой в июле 1934 г.¹¹⁹ На августовском пленуме 1934 г. Гикало заявил, что «на массовых собраниях, на собраниях рабочих и демонстрациях белорусский язык почти совсем забыт» и совершенно «вытеснен» с партсобраний. Голодед потребовал возобновления коренизации: «Мы должны снова обсудить этот вопрос на Бюро ЦК и работать над выдвижением кадров из местного населения — над выдвижением тех, кто знает язык, обычаи и культуру населения, живущего в Белоруссии». Кроме того, пленум выступил против преследований белорусского языка в польских районах и призвал «гораздо сильнее защищать интересы белорусского языка»¹²⁰. Трудно сказать, как вмешательство Сталина повлияло на проведение белорусизации, но в 1935 г. Гикало хвастался, что 1624 из 1858 (87,4 %) школ в Белоруссии вели преподавание на белорусском языке¹²¹.

В 1934 г. украинизация вновь привлекла внимание политического руководства республики. В марте 1934 г. Косиор предложил Политбюро ЦК КП(б) Украины изучить состояние украинизации в государственных органах. О предстоящем расследовании было открыто оповещено в украинской прессе¹²². В мае 1934 г. культпропотдел ЦК ВКП(б) принял проект постановления, которое выглядело почти так, как если бы оно было написано в середине 20-х гг.¹²³:

¹¹⁷ Об этом см.: *Косиор С. В.* За рішуче проведення ленінської національної політики.

¹¹⁸ Докательства того, что Сталин лично выступал в поддержку Любченко, см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 60. Отметим также, что в своем письме Кагановичу от 11 августа 1932 г. Сталин предложил на эту должность бывшего боротьбиста Гринько.

¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 404. Л. 2–5.

¹²⁰ Там же. Л. 2, 20–21, 89.

¹²¹ *Гикало Н.* Большевики Белоруссии в борьбе за социализм // *Большевик.* 1935. № 4. С. 22.

¹²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4672. Протокол 4, п. 12.

¹²³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 352. Л. 68–69.

«Постановления ЦК КП(б)У:

1. Потребовать от всех коммунистов, знающих украинский язык, использовать его в своей работе на собраниях и в выступлениях.

2. Все служащие, которые или не знают украинского, или знают его неудовлетворительно, должны продолжать изучение украинского собственными силами. А поскольку происходит расцвет украинской культуры, уже отпала необходимость в государственных курсах украиноведения.

3. Повторить еще раз, что от каждого служащего государственной или кооперативной организации требуется знать украинский... достаточно хорошо, чтобы: а) точно понимать письменные и устные указания; б) выполнять поручения и в) писать грамматически правильно.

4. Потребовать от наркома финансов Рекиса, наркома здравоохранения Канторовича, наркома легкой промышленности Цуцукливского, председателя кооперативного союза Кузьменко немедленно исправить все недостатки в проведении украинизации в их организациях. В будущем возложить ответственность за состояние украинизации персонально на руководителя каждой организации...».

Политбюро создало официальную комиссию (в нее вошли Косиор, Попов и Любченко), которой было поручено отредактировать это постановление и подготовить его к публикации. Однако оно никогда не было опубликовано.

Вместо того чтобы последовать смелому призыву возродить украинизацию языка образца 20-х гг., Политбюро внезапно возвратилось к политике выдвижения на руководящие должности этнических украинцев. 26 февраля 1935 г. Политбюро ЦК КП(б) Украины приказало отделу кадров ЦК¹²⁴:

«1. Составить список из 120–150 этнических украинцев для выдвижения на должности секретарей райкома и еще из 120 украинцев — для выдвижения на должности председателей райисполкомов.

2. Составить список этнических украинцев, являющихся теперь секретарями райкомов или райисполкомов, для их выдвижения на работу в областных или центральных партийных и советских органах.

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 21. Д. 4675. Протокол 33, п. 1.

3. Составить список студентов сельхозучилищ для выдвижения на руководящие должности в районный, областной и центральный партийный и советский аппарат».

Кроме того, от всех отделов ЦК потребовали:

«4. Найти в комитетах партии и среди партийных активистов не менее 300 украинцев для их выдвижения на руководящую партийную и советскую работу, а также на работу в областном, партийном и советском аппарате.

5. Составить список всех украинцев, работающих в обкомах, облисполкомах и центральном советском аппарате».

И наконец, комсомолу было предписано «представить предложения в ЦК относительно продвижения новых украинских кадров на руководящие должности в комсомоле». Такой активной положительной деятельности на Украине не предпринималось с 1925 г., когда кампания украинизации под руководством Кагановича находилась в самом апогее.

Затем вышло совершенно беспрецедентное постановление ЦК от 3 июня 1935 г., в котором было выдвинуто требование направлять на руководящие должности в наркоматах только этнических украинцев¹²⁵. В итоге достигнутые результаты превзошли результаты механической украинизации 20-х гг. Оргбюро в нескольких своих постановлениях требовало выдвигать этнических украинцев на высокие руководящие должности. Например, в Наркомате здравоохранения этнических украинцев предписывалось выдвигать на должности «руководителей облотделов здравоохранения и горотделов здравоохранения, заведующих учреждениями здравоохранения, директоров подотделов и так далее»¹²⁶. В Комиссариате юстиции их следовало назначать на должности «заместителя генерального прокурора, прокурора Комиссариата юстиции, членов Верховного Совета, областных прокуроров и их заместителей, председателей и заместителей председателей областных судов»¹²⁷.

Из постановлений Оргбюро со всей очевидностью следовало, что этнические русские должны быть замены этническими украинцами. В некоторых случаях русских переводили на другую работу, а в иных — их судьба не уточнялась¹²⁸. Открытое замещение высокопоставленных этнических русских этническими украинцами всего лишь из-за их национальной принадлежности не происходило

¹²⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 26. Д. 4701. Протокол 40, п. 3.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. Оп. 21. Д. 4701. Л. 43/33.

¹²⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4701. Л. 43/2.

даже в апогей украинизации Кагановича. Постановления Оргбюро 1935–1936 гг. возродили также старую практику предоставления украинцам льготного доступа к вакантным должностям. Наркомату коммунального хозяйства предписывалось «отдавать предпочтение украинцам во всех случаях, когда освобождается руководящая должность». Юридическим институтам в Киеве и Харькове было предписано, расширяя профессорско-преподавательские штаты, «заполнять эти штаты в основном украинцами, на 75–85 %». Постановления Оргбюро, требовавшие массового выдвижения украинцев на руководящие должности, принимались в продолжение года с лишним после того, как было обнародовано исходное февральское (1935 г.) постановление Политбюро. Кроме того, Политбюро особо отметило Одесскую, Днепропетровскую и Донецкую области как уклоняющиеся от исполнения решений об украинизации и предписало им немедленно приступить к выдвижению украинцев на руководящие должности¹²⁹.

Так как открытого обсуждения этого вопроса не было, а большинство архивных материалов утрачено во время Второй мировой войны, трудно сказать, что побудило принять эти постановления¹³⁰. Однако три пространных, хотя и недостаточно систематизированных отчета о состоянии украинизации в Одессе, Днепропетровске и Донецке все-таки сохранились: это отчеты об исследованиях, проведенных в 1935 г.¹³¹ Из них видно, что в данных городах, а также в Одесской, Днепропетровской и Донецкой областях в процессе работы использовалась исключительно русская речь, переписка в значительной степени также шла на русском языке в Одессе и области, Донецке и области и в Днепропетровске, хотя областные власти Днепропетровска вели переписку в основном на украинском языке¹³². В отчетах не представлена полная статистика численности украинцев, занимавших руководящие должности, но из них следует, что, хотя украинцы и составляли большинство населения во всех трех областях, на ведущих руководящих должностях они были в меньшинстве. Например, в президиуме Днепропетровского облсовета украинцы составляли 25 %, а в президиуме горсовета — 42 %, хотя их доля в общей численности населения области равнялась 79,7 %¹³³. Все отчеты выяви-

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 4702. Л. 65/13, 65/9, 75/11; Д. 4676. Л. 47/43.

¹³⁰ За исключением документов высших партийных органов — Секретариата, Оргбюро и Политбюро — и немногочисленных материалов из отделов ЦК, почти вся интересующая нас документация была уничтожена советскими властями перед сдачей Киева немцам в 1941 г.

¹³¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 1–124.

¹³² Там же. Л. 1, 7–10, 27–28, 92–94.

¹³³ Там же. Л. 1–5. Ни Одесса, ни Донецк не предоставили точных данных о численности руководящих работников.

ли, что украинизации не уделялось никакого внимания и, как и до 1933 г., «существовало негативное отношение к украинизации»¹³⁴.

Стремительное возобновление украинизации после шумного «дела Скрипника» требовало хоть какого-то публичного объяснения. Однако украинская пресса хранила молчание, а приказы о назначении украинцев на руководящие должности не только принимались, но и, возможно, осуществлялись без огласки. Однако новая кампания украинизации отличалась от прежней не только тем, что ее, как ни странно, проводили без шума. Существовало и два других отличия. Во-первых, теперь в большей степени занимались положительной деятельностью, чем расширением сферы применения украинского языка. Во-вторых, исключительное внимание уделялось выдвижению украинцев на различные руководящие должности (начиная от районного уровня и до центральных комиссариатов). В 20-е гг. в первую очередь стремились украинизировать государственный аппарат и объясняли это необходимостью сделать украинский язык государственным. Для этого нужно было иметь украинцев на тех должностях, где велось делопроизводство. А после ослабления национального террора 1933 г. цель, судя по всему, изменилась: теперь она состояла в том, чтобы снова подчеркнуть украинский характер всего руководства в республике. А это требовало видимых статистических показателей. И хотя Сталин в конце концов отказался от перехода в республиках на национальные государственные языки, он никогда не отбрасывал разумную мысль, что националистические настроения можно умиротворить в том случае, если республиканское руководство будет состоять в основном из представителей титульной нации.

Трудно судить, каков был результат кампании по украинизации середины 30-х гг. Из тех данных, которые были предоставлены Постышевым в январе 1936 г. и Косиором в мае 1937 г., можно сделать вывод, что во время террора 1933–1934 гг. украинизация существенно замедлилась и даже начался обратный процесс, но в 1935–1936 гг. она была продолжена. Постышев предоставил следующие статистические данные о численности этнических украинцев на разных должностях на 1 января 1934 и 1 января 1936 г.: секретари райкомов и их заместители — 179 из 431, начальники облотделов и их заместители — 14 из 32, пропагандисты — 5000 из 9500, главные редакторы районных газет — 213 из 319, директора машинно-тракторных станций — 384 из 604, председатели райисполкомов и горсоветов — 250 из 332¹³⁵.

Согласно Косиору, в 1936/37 уч. году численность студентов-украинцев в вузах колебалась от 74,4 % в сельскохозяйственных ин-

¹³⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 115.

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4668. Л. 126–127; Д. 4665. Л. 44–47.

ститутах до 31–40 % в технических. Для сравнения: в 1932/33 уч. году этническими украинцами в институтах Украины были 54,5 % студентов¹³⁶. В 1937 г. госаппарат на 52,7 % состоял из украинцев, что было чуть выше того уровня, который имелся в 1930 г. (51,4). Партия состояла из украинцев на 57 %, что было значительно выше, чем в 1930 г. (52,9 %) ¹³⁷. Численность украинцев в комсомоле возросла с 66,1 % в 1928 г. до 74 % в 1937 г.¹³⁸ На основании этих весьма разрозненных данных можно предположить, что в 1937 г. в сфере высшего образования и органах власти украинцы были представлены чуть шире, чем в разгар кампании по украинизации. Разумеется, учитывая массовый приток украинцев в города и непрерывное расширение сферы управления и образования, численность украинцев в них должна была вырасти и без усилий властей. И именно поэтому в разгар украинизации программа положительной деятельности не считалась наиболее приоритетной. Естественный рост численности украинских кадров был ненадолго остановлен террором 1933 г. и чистками, однако потом начался снова благодаря кампании по украинизации 1935–1936 гг.

Таблица 30. Тиражи газет, выходящих на Украине, 1930–1939 годы

Год	Тиражи газет на украинском языке	В процентах от совокупного тиража	Тиражи	В процентах от совокупного тиража	Совокупный тираж русскоязычных газет
1930	349 290	76,7	85 080	18,7	455 406
1931	464 642	88,9	37 448	7,2	522 919
1932	950 295	91,7	48 948	4,7	1 037 164
1933	661 495	89,9	46 091	6,3	735 453
1934	480 611	88,2	45 480	8,3	545 104
1935	675 768	79,2	150 813	17,7	853 327
1936	756 193	83,7	113 108	12,5	903 708
1937	845 698	77,1	213 954	19,5	1 096 329
1938	817 480	68,5	351 075	29,4	1 193 948
1939	854 968	67,4	390 237	30,8	1 268 018

Рассчитано по кн.: Преса Української РСР, 1918–1973. Науково-статистичний довідник. С. 176–177.

¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 45.

¹³⁷ Там же. Л. 46–47; *Хвиля А.* До розв'язання національного питання на Україні. Харків, 1930. С. 72–73; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6197. Л. 96.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 47; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1709. Л. 78.

Использование украинского языка в административной работе (что было в 1925–1932 гг. главным вопросом) в середине 30-х гг. имело уже второстепенное значение¹³⁹. Как отмечалось выше, после 1933 г. стремление расширить сферу применения украинского языка заметно убавилось, что привело к появлению сентябрьского (1935 г.) постановления Политбюро с критикой Донецкого, Днепропетровского и Одесского обкомов¹⁴⁰. А в прессе и начальном образовании украинский язык продолжал доминировать. Из таблицы 30 видно, что доля газет, издававшихся на украинском языке, достигла своего максимума в 1932 г., затем произошел спад, на какое-то время прекратившийся в ходе кампании по украинизации 1935–1936 гг., а во время террора 1937–1938 гг. снова начался подъем.

Эти статистические данные, несомненно, преувеличены, поскольку многочисленные источники указывают на то, что газеты с украинскими названиями зачастую издавались на русском языке¹⁴¹. В конце 1935 г. Постышев отмечал, что ни одна из 32 центральных газет Украины не была русскоязычной и что на русском языке издавалась лишь одна из 23 областных газет — в городе Сталино. По его словам, в то время было 17 327, в которых преподавание велось на украинском языке, и лишь 1394 русскоязычные школы¹⁴². Относительно стабильным оставалось положение и в книгоиздательстве. В 1932 г. 71,7 % наименований книг и 84,7 % их общего тиража издавались на украинском языке; в 1937 г. эти цифры составляли соответственно 58,6 и 89,6 %¹⁴³. Таким образом, украинский язык продолжал преобладать в прессе и начальном образовании, но в государственном аппарате его употребление существенно снизилось.

Начало Большого террора, как это ни удивительно, способствовало возрождению движения за превращение украинского языка в государственный язык республики. 13 января 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление с критикой Павла Постышева за то, что он якобы позволил троцкистам пролезть в Киевский обком и аппарат ЦК КП(б)У¹⁴⁴. А через три дня в присутствии Кагановича

¹³⁹ Одно из постановлений Оргбюро предписывало Комиссариату здравоохранения вести записи в медицинских журналах на украинском языке. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4701. Протокол 40, п. 3.

¹⁴⁰ Там же. Д. 4676. Протокол 47, п. 43.

¹⁴¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 32–33.

¹⁴² *Постышев П.* Радянська Україна на порозі 1936 року // *Більшовик України.* 1935. № 11/12. С. 39–41.

¹⁴³ *Затонський В. П.* Національно-культурне будівництво і боротьба проти націоналізму. Київ, 1934. С. 13; *Книга и книжное дело в Украинской ССР.* Киев, 1985. С. 399.

¹⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4682. Протокол 77, п. 1.

Постышеву пришлось выступить с самокритикой и в должности секретаря Киевского обкома его заменили Кудрявцевым¹⁴⁵. Еще через два месяца Постышев потерял свою должность второго секретаря ЦК КП(б)У и был отозван с Украины. В соответствии со сценарием Большого террора, который впоследствии стал стандартным, Постышева обвинили в создании собственного культа личности на Украине. Особенно напирала на то, что «в школах создавались уголки Постышева, а учащимся теперь рассказывали о “друге детей Постышеве”»¹⁴⁶.

Однако Постышев был подвергнут критике и за недостаточно активное проведение украинизации, что было не столь типично. На заседании Политбюро ЦК Компартии Украины, осудившем Постышева, Каганович говорил о «недооценке национального вопроса, что проявилось в подборе кадров. Организационным вопросам уделялось больше внимания, чем политическим»¹⁴⁷. В резолюции февральского (1937 г.) пленума ЦК Компартии Украины в духе Кагановича было заявлено о «недооценке национальной политики на Украине, что является самой серьезной политической ошибкой»¹⁴⁸. Может показаться, что террор привел к усилению политики украинизации. Кудрявцев, сменивший Постышева на посту секретаря Киевского обкома, прокомментировал это так: «Хорошо известно, что Постышев в период своей работы на Украине любил вспоминать уроки 1933 г.» (то есть любил напоминать об опасности украинского национализма), однако «националисты [вычищенные в 1933 г.] были заменены троцкистами, зиновьевцами и правыми, которые занялись вредительством»¹⁴⁹. На основании сказанного Кудрявцевым, можно предположить, что смещение Постышева означало отказ от борьбы с украинским национализмом, которую он вел в 1933 г. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) Постышева осудили еще раз за пренебрежение к национальной политике¹⁵⁰. Более того, и сам Сталин подчеркнул важность выдвижения национальных кадров, хотя в данном случае он говорил не о национальной политике, а о борьбе с «семейственностью». Показательным объектом этой критики стал Мирзоян в Казахстане, которого осудили за то, что он «перетащил с собой из Азербайджана “своих” людей, вместо того чтобы выдвигать местные казахские кадры»¹⁵¹.

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 220.

¹⁴⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 41.

¹⁴⁷ Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 224. Л. 56.

¹⁴⁸ Там же. Л. 91; Ф. 17. Оп. 21. Д. 4669. Л. 42.

¹⁴⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 47, 52.

¹⁵⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) // **Вопросы истории**. 1995. № 11/12. С. 10.

¹⁵¹ Там же. С. 12–13.

Смещение с должности Постышева, замечания Кагановича, резолюция февральского пленума 1937 г. и высказывания Сталина на февральско-мартовском пленуме, а также направленность Большого террора в июне 1937 г. прежде всего против троцкистов, а не «буржуазных националистов» — все это наводило украинских руководителей на мысль, что центр посылает сигналы с требованием возобновить коренизацию. На майско-июньском (1937 г.) съезде компартии Украины Косиор объявил о реабилитации принудительных методов внедрения украинского языка в государственном и партийном аппарате: «Мы в Центральном комитете проводим теперь политику усиления украинизации, осуществляя натиск на те элементы, которые работают в нашем аппарате, но все еще не выучили украинского. Мы будем принуждать [“примушувати”] их его учить. Всякий, кто работает на Украине, обязан знать язык украинского народа»¹⁵². В своей речи он потребовал проводить украинизацию в русле «жесткой линии»: «Думаю, что нам необходимо усилить нажим при проведении украинизации аппарата... Эта [политика] требует лишь внимания и твердой руки»¹⁵³.

Занявший место Постышева Кудрявцев пошел еще дальше. Он заявил о существовании пропасти между украинской культурной и русской хозяйственной сферами, которая возникла в 1932 г., а после 1933 г. углубилась¹⁵⁴:

«В последние годы в речах некоторых товарищей, а особенно в речах Постышева, который и задал тон, отмечалось отождествление национальной политики партии и национально-культурного строительства.

Если вы посмотрите на речи Постышева по национальному вопросу, которые он произносил в эти годы, то вы увидите, что... Постышев считал, будто главным содержанием национальной политики является создание начальных школ, развитие театра, литературы, идеологического фронта и так далее.

Разве не ясно, что это представляет собой неправильное отношение к национальной политике?

Неужели не понятно, что национально-культурное строительство является частью, но всего лишь частью национальной политики партии?.. Неужели не понятно, что рост промышленности, развитие сельского хозяйства, подъем жизненного уровня, увели-

¹⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 42.

¹⁵³ Там же. Л. 50.

¹⁵⁴ Там же.

чение численности украинских кадров — что все это является результатом национальной политики нашей партии?..

Разве это совпадение, что в Киеве у нас имеется относительно значительный слой украинских кадров в культурном секторе, но среди хозяйственных кадров слой украинских кадров совершенно ничтожен...».

Скрипник мог бы гордиться этой речью. Слова, столь благожелательные по отношению к украинизации, можно было услышать разве что в давнем 1930-м или даже в 1927 г. на пленумах ЦК Компартии Украины или украинских партийных съездах.

Однако украинское руководство ошибалось в своих предположениях. В сентябре 1937 г. начались массовые аресты «буржуазных националистов». Более того, действия арестованных в поддержку коренизации теперь оценивались как вредительство. И это свидетельствовало о том, что террор вновь стал средством советской национальной политики. С ноября 1937 г. было принято несколько постановлений Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б), поднявших статус РСФСР, русского языка и русской культуры. Эти постановления касались всех республик в равной степени. Только в одном постановлении особое место уделялось Украине, это было постановление Оргбюро от 1 декабря «О русских газетах на Украине»¹⁵⁵:

«Центральный Комитет ВКП(б) отмечает как одно из проявлений вредительства со стороны буржуазных националистов на Украине отсутствие газет на русском языке, в первую очередь в Харькове, Днепропетровске, Киеве, Николаеве и других городах Украины.

Считать неправильным и политически ошибочным такое отношение ЦК КП(б)У к ликвидации русских газет в республиканском и областных центрах Украины, которое, по сути дела, облегчило преступную работу буржуазных националистов».

Прошло пять месяцев — и лексикон 1933 г. не только вернулся, но и существенно расширился.

В прилагавшейся записке Мехлис настойчиво подчеркивал, что «ни в одной союзной и автономной республике русская печать не находится в таком захудалом состоянии, как на Украине»¹⁵⁶. Кроме того, отражая новые политические настроения, он утверждал, что «украинское население охотно читает русские газеты»¹⁵⁷. В своем по-

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 633. Л. 75/8.

¹⁵⁶ Там же. Д. 829. Л. 135.

¹⁵⁷ Там же.

становлении Оргбюро потребовало создать ежедневную республиканскую русскоязычную газету с тиражом, равным тиражу газеты «Комуніст», выходившей на украинском языке, и русскоязычные ежедневные газеты в Харькове, Днепропетровске, Одессе и Николаеве. В январе 1938 г. началось издание газеты «Советская Украина»¹⁵⁸. Тиражи русскоязычной прессы резко подскочили — с 12,5 % от общего тиража украинских изданий в 1936 г. до 29,4 % в 1938 г. Это свидетельствовало об окончательном отказе от тотальной украинизации. В середине 1938 г. наблюдатель имел полное право предположить, что началась русификация Украины. Однако с окончанием Большого террора и присоединением Западной Украины в 1939 г. положение вновь стабилизировалось. И с тех пор Советская Украина оставалась двуязычной и бикультурной¹⁵⁹.

«Тихая» коренизация на советском Востоке

В 1933–1934 гг. было признано, что на советском Западе отказались следовать принципу главной опасности, и это приводило к мысли, что соответствующие изменения могут коснуться и советского Востока, как это бывало во время культурной революции. И действительно, сходства оказалось больше, чем различий. Здесь так же, как на Украине и в Белоруссии, публичное обсуждение проблем коренизации в основном прекратилось. О коренизации стали меньше говорить, но она по-прежнему оставалась предметом заботы центральных и республиканских властей. И такая практика была характерной для советской политики на протяжении всех последующих лет сталинской эпохи. Как и на Украине, коренизация осуществлялась здесь рывками, спорадически, знала и периоды забвения, и наступающие вслед за ними приступы активности, принимавшие вид кампаний. Другим сходством было повышенное внимание к видным руководителям. И наконец, отказ от попыток сделать национальные языки государственными языками республик на Украине и в Белоруссии (что в восточных национальных регионах СССР никогда не входило в число приоритетных задач) также способствовал сближению между советским Востоком и советским Западом. Главное различие между ними оставалось прежним: на советском Востоке хронически не хватало образованных коренных жителей. А это требовало особо-

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4685. Л. 10/37. В октябре 1937 г. в Белоруссии также начали издавать ежедневную газету на русском языке — орган ЦК партии «Советская Белоруссия».

¹⁵⁹ *Bilinsky Y.* The Second Soviet Republic. New Brunswick, N. J., 1964.

го внимания к высшему образованию в целях подготовки квалифицированных работников, которые могли бы занять управленческие должности в администрации и промышленности. А потому я начну с анализа положительной деятельности советских властей в области высшего образования, затем рассмотрю ход коренизации в республиканских органах управления и завершу обзором этнических конфликтов.

Высшее образование

В 1930–1934 гг. престижные вузы Москвы и Ленинграда были обязаны во время приемных экзаменов резервировать значительную часть студенческих мест для представителей культурно отсталых национальностей (система брони). После того как в 1934 г. бронь для национальных меньшинств была отменена, некоторые наблюдатели предположили, что пришел конец и действовавшей в интересах восточных национальностей программе положительной деятельности в высшем образовании¹⁶⁰. Однако на самом деле это было не так. В апрельском (1934 г.) постановлении об отмене брони сказано следующее¹⁶¹:

«1. Принимая во внимание то, что бронирование мест во втузах, вузах, техникумах и на рабфаках для тех, кого посылают из национальных республик и областей, осуществляется механически, без учета кадровых потребностей национальных республик и областей... представляется нецелесообразным сохранять бронь для националов в системе учебных заведений, находящихся в ведении всесоюзных комиссариатов.

2. Признать необходимым осуществлять плановый прием националов в учебные заведения, находящиеся в ведении всесоюзных комиссариатов. В соответствии с этим дать указания Госплану СССР, чтобы при планировании подготовки кадров для второй пятилетки он особенно учитывал ту потребность в кадрах в национальных республиках и областях, которая имеется для каждой данной специальности.

3. Потребовать от всех всесоюзных комиссариатов, имеющих в своем ведении втузы, вузы, техникумы и рабфаки, чтобы они осуществляли контроль за надлежащим приемом в них националов...»

¹⁶⁰ *Simon G. Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union.* Boulder, Colo., 1991. P. 55. *Fierman W. Language Planning and National Development.* Berlin, 1991. P. 195.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 768. Л. 16.

В декабре 1934 г. ВЦИК обнародовал аналогичный декрет и для комиссариатов РСФСР, таким образом бронь просуществовала в РСФСР на один год больше¹⁶². Постановление ЦИК свидетельствовало о том, что культурная революция в высшем образовании закончилась. Сам язык этого постановления, в котором упоминалось о «механическом» осуществлении этнической программы положительной деятельности, напоминал язык постановления об украинизации от 14 декабря 1932 г., которое тоже предписывало продолжать выполнение программы положительной деятельности, но внести в нее коррективы.

Однако реальные изменения в системе бронирования оказались минимальными: апрельское постановление ЦИК от 1934 г. ее почти не затронуло. Ранее республики сами решали, что им нужно, и их предложения, как правило, принимались без оговорок. А теперь Госплану предстояло определять их потребности в плановом порядке и строго научно, главным образом учитывая вопиющую нехватку кадров специалистов. В соответствии с прежней системой контроль над бронированием осуществлял Комиссариат образования (а впоследствии — ВКВТО при ЦИК СССР), теперь же эта задача была возложена на отделы кадров каждого комиссариата. Как и раньше, республики отвечали за подбор абитуриентов. На самом деле квоты по-прежнему устанавливались ЦИК, ему же докладывали об их заполнении¹⁶³. Самым существенным изменением была отмена самого слова бронь и связанных с ним ежегодных общественных кампаний. Программа положительной деятельности перестала быть публичной. Вместо квот теперь имели значение цели и графики исполнения программ. «Правда Востока» больше не публиковала объявлений о квотах, выделяемых для приема в вузы. Такая «тихая» положительная деятельность была частью общей стратегии, осуществлявшейся в 1933–1938 гг. и имевшей целью успокоить недовольство русских.

Было и два отличия, одно из которых — чисто символическое, а другое имело практическое значение. В последнем пункте постановления, принятого в апреле 1934 г., говорилось: «Сообщить всем организациям, что в настоящее время словосочетание “культурно отсталая” национальность употребляется неправильно»¹⁶⁴. Это также указывало на окончание культурной революции, целью которой было преодоление культурной отсталости советского Востока. Офи-

¹⁶² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 130. Д. 1. Л. 57об.–58.

¹⁶³ Об отчетах, почти таких же детальных, как и те, что составлялись в 1930–1934 гг., см.: Там же. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 768. Л. 1–155; Оп. 29. Д. 536. Л. 1–317.

¹⁶⁴ Там же. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 768. Л. 16.

циально было признано, что эта цель достигнута. Принятие этого решения сопровождалось «большой дракой» в комиссии ЦИК, занимавшейся ликвидацией брони, поскольку «отсталость» и стремление ее ликвидировать были основным социальным капиталом восточных национальностей. Но, как и в случае с бронью, изменения были чисто формальными. Положительная деятельность в восточных республиках продолжалась с тем лишь отличием, что национальности советского Востока теперь деликатно назывались «бывшими культурно отсталыми национальностями»¹⁶⁵.

Второе отличие также отразило переход от утопизма культурной революции к более прагматичной политике «великого отступления», которое за ней последовало. В 1934–1937 гг. внимание властей в основном сосредоточилось на преодолении разрыва в образовании между начальной школой и высшим образованием, или, по словам одного туркменского работника, «подготовке кадров для [подготовки] кадров»¹⁶⁶. Средняя школа, с 5-го по 10-й классы, в большинстве восточных республик существовала чисто формально. Даже в 1935 г. в Таджикистане было лишь 130 таджиков, окончивших семь классов, и не было ни одного, кто бы окончил десять классов, тогда как согласно республиканскому плану на 1935/36 уч. год в техникумы должны были поступить 1402 таджика¹⁶⁷. В 1937 г. в Киргизии на всю республику было всего лишь 30 киргизов, учившихся в 8-м, 9-м или 10-м классе¹⁶⁸. И именно поэтому на протяжении культурной революции и 30-х гг. различные подготовительные курсы и рабфаки выполняли роль связующих звеньев между начальной школой (4-й класс, а зачастую даже и ниже) и высшим образованием¹⁶⁹. В 1938 г. приступили к созданию сети средних школ и одновременно была развернута кампания по улучшению преподавания русского языка. Это также имело целью облегчить коренным жителям национальных республик доступ к высшему образованию, поскольку попытки вести преподавание в вузах (за исключением педагогических) на национальных языках в основном прекратились с окончанием культурной революции.

Отмена брони для восточных республик в 1934 г., так же как и события на Украине, несмотря на формулировку постановления, вначале была воспринята как сигнал к прекращению положительной

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 768. Л. 52.

¹⁶⁶ Там же. Оп. 29. Д. 536. Л. 222–224; Оп. 13. Д. 27. Л. 27, 63, 76–77.

¹⁶⁷ Там же. Д. 536. Л. 12.

¹⁶⁸ Там же. Оп. 30. Д. 872. Л. 105.

¹⁶⁹ Великолепный рассказ о том особом доверии, которое восточные национальности возлагали на систему рабфаков, и об их популярности на Востоке см.: А. С. Рабфаки и горская молодежь // Революция и горец. 1930. № 6/7. С. 73–78.

деятельности. В 1934–1935 гг. Госплану не удалось разработать план поступления представителей национальных меньшинств в вузы¹⁷⁰. Комиссариаты отговаривались тем, что «если бронь отменена, то и не нужно проводить никакой работы по набору националов»¹⁷¹. И в результате в 1934/35 уч. году доля представителей восточных национальностей, принятых в центральные вузы, уменьшилась. Например, численность представителей «бывших культурно отсталых национальностей», принятых во втузы Комиссариата тяжелой промышленности, резко упала — с 1638 из 17 156 человек (8,72 % от общего количества принятых) в 1933 г. до 1060 из 22 558 человек (4,47 %) в 1934 г.¹⁷² Однако Совет национальностей, которым с 1935 по 1937 г. энергично руководил А. И. Хацкевич, белорусский специалист по национальной политике, сделал программу положительной деятельности в высшем образовании одним из своих главных приоритетов и решительно выступал за ее восстановление¹⁷³.

Таблица 31. Доля представителей корейных национальностей советского Востока в составе коммунистической партии (в процентах от общей численности членов партии)

Партийная организация	1927	1932	1937
Казахстан	38	51	49
Узбекистан	36	58	52
Таджикистан	49	53	45
Киргизия	52	57	50
Татарстан	32	42	42
Башкирия	16	22	21
Чувашия	58	62	61
Удмуртия	18	32	30
Марийская АССР	38	41	37

Источник: *Simon G.* Op. cit. P. 32–33. Сведения по Таджикистану указаны не за 1932, а за 1933 г. Сведения о численности казахов — членов партии в 1932 г. взяты из кн.: *Olcott M.* *The Kazakhs.* Stanford, Calif., 1987. P. 277.

В результате с 1935/36 уч. года Госплан и всесоюзные комиссариаты снова стали устанавливать квоты и отчитываться об их заполнении¹⁷⁴.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 536. Л. 159.

¹⁷¹ Там же. Оп. 24. Д. 768. Л. 100.

¹⁷² Там же. Оп. 27. Д. 768. Л. 129–129об.

¹⁷³ О деятельности Хацкевича см.: Там же. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 768; Оп. 29. Д. 536; Оп. 13. Д. 27, 24. Л. 153–183; Оп. 30. Д. 872–874.

¹⁷⁴ Там же. Оп. 24. Д. 768. Л. 18–23, 29–62, 100–109, 115–135.

Во время приемной кампании 1935 г. в вузы Комиссариата тяжелой промышленности было принято 1174 коренных жителя Востока из общего числа поступивших, которое составляло 23 436 человек (4,77 %), что было чуть лучше по сравнению с предыдущим годом. В постановлении ЦИК за 1936 г. однозначно говорилось, что предпочтение отдается представителям национальных меньшинств: «Начиная с 1936 года в техникумы должны приниматься главным образом титульные националы»¹⁷⁵. На специальной конференции по проблеме подготовки национальных кадров Хацкевич назвал положение в туркменском сельскохозяйственном вузе, где туркменов было всего лишь 30 из 450 человек общего количества студентов, «скандальным», усмотрев в этом «грубое нарушение директив партии и правительства, [в соответствии с которыми] специалистов следует готовить прежде всего из числа коренных национальностей»¹⁷⁶. На другой специальной конференции по проблеме подготовки национальных кадров Григорий Петровский подверг критике Госплан и ВКТВО за то, что они недостаточно выдвигали национальные кадры, и сказал: «Если бы товарищ Сталин об этом услышал, то вы знаете, что это было бы очень плохо [для вас]»¹⁷⁷. Резкость этого выступления наводит на мысль о том, что всесоюзные комиссариаты не выполняли планов по квотам для студентов из национальных республик, а также о том, что Советы готовы были продолжить положительную деятельность в области высшего образования для восточных национальностей и на центральном, и на республиканском уровне¹⁷⁸. «Тихая» положительная деятельность продолжалась и в 30-е гг., хотя менее энергично, чем во время культурной революции. Фактически она велась до самого распада Советского Союза в 1991 г.¹⁷⁹

Государственный аппарат

Как и на Украине, в республиках советского Востока с окончанием культурной революции стремление коренизировать республи-

¹⁷⁵ ГА РФ. Оп. 29. Д. 536. Л. 205–206.

¹⁷⁶ Там же. Оп. 13. Д. 27. Л. 86–87; Оп. 29. Д. 536. Л. 44.

¹⁷⁷ Там же. Оп. 13. Д. 27. Л. 89.

¹⁷⁸ Журнал Совета национальностей тоже посвятил немало внимания подготовке квалифицированных национальных кадров. *Акопов С.* Подготовка национальных кадров // Революция и национальности. 1934. № 4. С. 54–60; *Б. Р.* О национальных кадрах специалистов // Там же. 1935. № 10. С. 51–53; *Телиханов А.* О национальных советских кадрах // Там же. 1935. № 12. С. 66–70; *Богданов А.* Подготовка национальных кадров // Там же. 1936. № 4. С. 44–51; *Богданов А., Агишев И.* Подготовка кадров Узбекистана // Там же. 1936. № 7. С. 54–57.

¹⁷⁹ *Zaslavsky V.* The Neo-Stalinist State. Armonk, N. Y., 1994. P. 112–113; *Kaiser R.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princenton, N. J., 1994. P. 234;

канский и партийный аппарат существенно убавилось. После нескольких лет впечатляющего роста доля представителей титульных национальностей в центральном республиканском аппарате сократилась с 18,9 до 13,8 % в Туркмении, с 16,3 до 15,1 % в Таджикистане и с 20,7 до 13 % — в Киргизии¹⁸⁰. Эта тенденция наблюдалась на всем советском Востоке. Как видно из таблицы 31, численность состоящих в партии представителей местного населения достигла пика в 1932 г., а затем слегка снизилась. Ситуация ненадолго изменилась, когда во второй половине 1933 г. Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) (Средазбюро) и Казахстан инициировали новые кампании по коренизации, однако к началу 1934 г. их усилия сошли на нет и, так же как и на Украине, коренизацию перестали обсуждать публично¹⁸¹.

Таблица 32. Доля этнических удмуртов среди служащих госаппарата республики (в процентах)

Аппарат ЦИК Удмуртии	1932	1933	1934	1935
Общее число служащих	48,5	51,2	38,8	36,5
Руководящие должности	62,1	65,2	53,5	68,7
Должности специалистов	45,8	33,3	19,4	15,0
Главы райотделов				
Сельхозотделы	84,7	69,2	66,7	36,0
Финотделы	47,3	62,2	44,4	35,4
Отделы образования	61,0	93,4	78,6	53,5
Плановые отделы	66,7	50,0	55,5	26,0

(В 1935 г. удмурты составляли 59 % от общей численности населения республики.)

Источник: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 822. Л. 4–4об.

Работники центрального госаппарата после 1933 г. также, как правило, коренизацию игнорировали. Исключение составляли спорадически проводившиеся кампании по выявлению особо вопиющих ошибок в ее проведении, в результате их проведения провинившимся назначалось примерное наказание. В подобных случаях виновных не

Lubin N. Labour and Nationality in Soviet Central Asia. Princeton, N. J., 1984. P. 154–158; *Karklins R.* Ethnic Relations in the USSR. Boston, Mass., 1986. P. 110.

¹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 3133. Л. 8; Д. 3163. Л. 163.

¹⁸¹ Он обсуждался лишь в немногочисленных малотиражных журналах, посвященных национальной политике, в частности в журнале «Революция и национальности» в рубрике «Национальные кадры», иногда — в рубрике «Коренизация», а также в журналах «Власть Советов», «Советское строительство» и «Революционный Восток».

увольняли и не арестовывали, а только стыдили и ругали в Москве. Первым в 1935 г. было наказано руководство Удмуртской АССР¹⁸². Из таблицы 32 видно, что доля удмуртов в государственном аппарате центрального и районного уровней после 1933 г. резко упала. Существенно снизилось число удмуртов, занимавших должности квалифицированных специалистов (с 45,8 до 15,0 %), при этом увеличилась численность удмуртов на руководящих должностях (с 62,1 до 68,7 %). И это привлекло внимание центра.

Существовавшая в национальных республиках проблема вакуума посередине (высокая коренизация руководства и сферы услуг при минимальном присутствии коренных жителей на должностях, требующих квалификации) еще в 1925 г. была признана самой тревожной проблемой, что и заставило разработать тактику функциональной коренизации. После 1932 г. эта проблема усугубилась. Хотя решимость центральных властей коренизировать национальные территории и ослабла, они все еще хотели иметь на ведущих должностях в руководстве республик представителей титульных национальностей. Это было нетрудно. Трудно было забыть о том, что работники, занимающие должности, требующие специальной подготовки, обязаны обладать определенными навыками и умениями, и раструбить (механически) о положительной деятельности при приеме на работу. А это означало, что и здесь в большей степени полагались на этнических русских, что влекло за собой преобладание русского языка в административной деятельности, — а это, в свою очередь, еще больше затрудняло выдвижение коренных жителей республик. В принятом в октябре 1928 г. в Удмуртии постановлении Оргбюро выдвигалось требование провести тотальную коренизацию всего за два года, и такое совершенно невыполнимое требование было типичным для времен культурной революции. На короткое время оно вызвало прилив активности¹⁸³. Через год на удмуртский язык перешли 37 % сельсоветов и 4 из 18 (22,2 %) районных совета, областной Наркомпрос также начал использовать в своей работе удмуртский язык. Однако в 1933 г. эта кампания провалилась, потому что, как объяснил работник районного уровня, «в последние годы мы почти никогда не получали директив сверху на удмуртском, и поэтому мы не пишем [по-удмуртски]»¹⁸⁴. Подобная ситуация была на всем советском Востоке.

¹⁸² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 787. Л. 114; Д. 822. Л. 1–206; Д. 823. Л. 1–21; Вопросы коренизации в Удмуртии // Революция и национальности. 1935. № 8. Л. 25–30.

¹⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 669. Протокол 73, п. 1; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 822. Л. 60б.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 822. Л. 46.

Однако удивляло не это, а то, что в 1935 г., после нескольких лет молчания, в дело внезапно решил вмешаться Совет национальностей. Он не только осудил текущее состояние дел в Удмуртии, но и, опять-таки следуя украинской схеме, потребовал исполнения принятой в 1928 г. резолюции ЦК по удмуртизации, в которой заявлялось о необходимости массового выдвижения удмуртов на руководящие должности и повсеместного использования удмуртского языка, для чего вводилось обязательное его изучение местными русскими¹⁸⁵. Все удмуртские ответственные работники предполагали, что постановление 1928 г. давным-давно утратило силу. Это вмешательство Совета национальностей привело к кратковременному всплеску необыкновенной активности, которая быстро пошла на спад сразу же после того, как центр переключил свое внимание на другой регион¹⁸⁶. А в 1936 г. внимание, действительно, сосредоточилось на Северном Кавказе, где Совет национальностей начал кампанию против властей, пренебрегавших коренизацией автономных областей северокавказских республик. И на сей раз было выдвинуто требование выполнять постановления о коренизации, принятые в эпоху культурной революции¹⁸⁷. И наконец, в 1936–1937 гг. Совет национальностей начал кампанию, целями которой было улучшение подготовки национальных кадров всесоюзными университетами и выдвижение их выпускников на ведущие должности в госаппаратах и промышленности Башкирии, Киргизии и Казахстана, где показатели коренизации были признаны «катастрофическими»¹⁸⁸. Как и на Украине, эта кампания продолжалась до сентября 1937 г., то есть до того момента, когда объектами массовых операций Большого террора стали «буржуазные националисты» и последовавшие за этим аресты обезглавили руководство Совета национально-

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 787. Л. 114.

¹⁸⁶ О принятых мерах см.: Там же. Д. 822. Л. 1–206; Коренизация госаппарата в Удмуртской республике // Революция и национальности. 1936. № 2. С. 34–37

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 822. Л. 1–9; Оп. 28. Д. 787. Л. 115; Оп. 13. Д. 25. Л. 27об.; Оп. 13. Д. 27. Л. 170–205; О нарушении национальной политики в Северо-Кавказском крае // Революция и национальности. 1936. № 2. С. 73–74; № 6. С. 39–43; О ходе выполнения постановления Президиума ЦИК СССР от 07.01.1936 г. по вопросу о нарушении национальной политики в Северо-Кавказском крае // Там же. № 8. С. 75–76; Аюпов Т. Коренизация аппарата в Чечено-Ингушетии // Там же. № 2. С. 41–43; О нарушении национальной политики в Северо-Кавказском крае. Пятигорск, 1936.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 872–873; Богданов А. Подготовка национальных кадров // Революция и национальности. 1936. № 4. С. 44–51; Богданов А., Агишев И. Подготовка кадров Узбекистана // Там же. № 6. С. 54–57; Ибрагимов Г. По вузам Казахстана // Там же. 1937. № 5. С. 90–91.

стей¹⁸⁹. В конце 1938 г. Совет национальностей работу возобновил, но его новое руководство от коренизации отказалось. Но даже в апогей Большого террора Андреев, докладывая Сталину о чистках, которые он проводил в партии и пограничных районах Таджикистана в октябре 1937 г., подчеркивал необходимость перемещения таджикских кадров из Узбекистана ради того, чтобы коренизация республики продолжалась¹⁹⁰. И Сталин одобрил предложения Андреева¹⁹¹.

Таким образом, несмотря на замалчивание, политика коренизации не только продолжалась, но и получила активную поддержку центра. Однако эта поддержка существенным образом отличалась от предоставлявшейся до 1933 г., поскольку теперь ее оказывал только Совет национальностей, проводивший «мягкую линию». А в 1928 г. постановление об удмуртизации было принято самим Оргбюро ЦК и в присутствии первого секретаря обкома партии, принято после того, как в республике побывал с официальной инспекцией инструктор ЦК¹⁹². Так Оргбюро поступало в 1923–1932 гг. десятки раз. А в 1933–1938 гг. Оргбюро ни разу не выступило в поддержку коренизации, а инструкторы ЦК не провели ни одного сопоставимого по масштабности расследования. Не было создано ничего, что хотя бы отдаленно напоминало официальную комиссию Оргбюро по коренизации под руководством А. А. Андреева, действовавшую в 1926–1927 гг. Однако в 1937–1938 гг. Оргбюро и Политбюро тщательно контролировали и одобряли ликвидацию национальных институтов и укрепление статуса русского языка и русской культуры. И такое разделение труда отражало намерения Сталина. Постановления, принятые в декабре 1932 г., свидетельствовали о решительном отказе от коренизации в русле «жесткой линии» и об ориентации партии на борьбу с «местным национализмом». После того как в 1934 г. Сталин, вмешавшись в белорусские дела, поддержал проводившие «мягкую линию» советские органы и высказался против полного пренебрежения к коренизации, стало ясно, что коренизация в русле «мягкой линии» была не просто фразой, а реальной, хотя и второстепенной политикой.

Коренизация в 1939 году

Учитывая, что в 1923–1939 гг. коренизация осуществлялась непрерывно, хотя и с различной интенсивностью, мне хотелось бы

¹⁸⁹ Последний архивный документ о башкирско-киргизско-казахской кампании датирован 1 сентября 1937 г. ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 872. Л. 101.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 56. Л. 117–118.

¹⁹¹ Там же. Л. 116.

¹⁹² Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 669. Протокол 73, п. 1.

с помощью статистики проиллюстрировать влияние, которое она оказала на социальную структуру национальных республик СССР. Однако это представляет существенную трудность по двум причинам. Во-первых, совершенно невозможно отделить произошедшее под влиянием коренизации от тех огромных изменений, которые стали результатом сталинского социалистического наступления, то есть массовой индустриализации, урбанизации, бюрократизации, миграции. Если же мы зададимся вопросом о влиянии коренизации в совокупности с этими масштабными социальными процессами, проблема данных усугубится еще больше. За немногочисленными исключениями, статистика советской коренизации всегда была скорее разрозненной, чем систематизированной, а с началом «тихой» коренизации качество этих отрывочных данных серьезно ухудшилось. К счастью, данные переписи 1939 г. о социальной структуре титульных национальностей в республиках СССР были недавно опубликованы (данные по РСФСР не были представлены по ошибке)¹⁹³.

Их результаты не поддаются точному сравнению в силу того, что во время переписей 1926 и 1939 г. использовались совершенно различные категории. Тем не менее увеличение количества представителей титульных национальностей на всех должностях, требующих интеллигентного труда, произошедшее с 1926 по 1939 гг., чрезвычайно впечатляет (таблица 33)¹⁹⁴.

Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что в период с декабря 1926 по январь 1939 г. произошел огромный рост численности представителей титульных национальностей на интеллигентных должностях (и эффект был бы еще сильнее, если бы мы располагали данными за декабрь 1922 г.). В каждой национальной республике (за исключением Армении, где армяне заняли доминирующее положение еще в 1926 г.) произошел существенный рост уровня коренизации должностей, требующих интеллигентного труда. Эффект был еще сильнее на советском Востоке, где в автономных республиках коренизация должностей, требующих интеллигентного труда, состав-

¹⁹³ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 148–227.

¹⁹⁴ Полные данные были доступны лишь по республикам, включенным в перечень, в 1926 г. все они были автономными или союзными. Коэффициент коренизации рассчитывался делением данных второй колонки на данные первой. Например, если в 1926 г. Башкирия с 23,5-процентным башкирским населением имела бы 100-процентный коэффициент коренизации, то это означает, что башкиры составляли 23,5 % всех служащих на интеллигентных должностях. Суммарные средние цифры получены путем простого деления коэффициентов коренизации всех республик, а не их вычисления исходя из численности населения республик. То же самое относится и к таблицам с 34-й по 37-ю.

ляла в среднем 37,5 %, в союзных республиках — 33,1 %, тогда как на советском Западе — всего 11,5. И в результате произошло заметное сближение между советским Востоком и Западом. Поразительно, но в 1939 г. в Бурят-Монголии уровень коренизации был выше, чем на Украине, в Белоруссии и в Республике немцев Поволжья. Появление в восточных национальных республиках внушительного по численности класса местных представителей интеллигентного труда, созданного всего за 15 лет, было, пожалуй, единственным величайшим успехом политики коренизации.

Данные переписи 1939 г. позволяют нам внимательнее рассмотреть состав новой интеллектуальной элиты национальных республик. В таблице 34 работники, занятые интеллигентным трудом, разделены согласно переписи, на шесть официальных категорий. На основании этих данных можно сделать следующие выводы. Во-первых, 1939 г. известный нам вакуум посередине сохранялся. Примечательно, что показатели коренизации руководящих должностей (категория, которая включала руководителей партийных, государственных, кооперативных и массовых организаций от сельского до республиканского уровня) в восточных республиках были практически равны аналогичным показателям на советском Западе (соответственно 90–82 и 91,8 %). На самом деле коэффициент коренизации руководства Украины и Белоруссии был даже ниже, чем в любой республике советского Востока, за исключением Киргизии и Чечено-Ингушетии¹⁹⁵. Если мы примем во внимание лишь высшие должности республиканского уровня (таблица 35), то тут Восток чуть отставал (65,6–43,4 % против 77), но все-таки не кардинально (и на Украине, и в Белоруссии уровень исполнения был все еще недостаточным). А разница в коренизации должностей квалифицированных специалистов огромна. На советском Западе эти показатели более чем в два раза выше, чем в восточных АССР (86,6 % против 41,4) и в три раза — показателей в восточных союзных республиках (27,2 %). Та же самая закономерность сохраняется и для медицинских кадров, а также работников связи. Уровень коренизации интеллигентного труда в сфере культуры и образования почти одинаково высок и в восточных (96,9–96,4 %), и в западных республиках (103 %).

Расхождение между уровнями коренизации специалистов и работников культуры станет еще более выраженным, если мы произведем детализацию переписи по таким категориям, как «специалисты», «медицинские работники» и «работники культуры и образования».

¹⁹⁵ А также Молдавия (54,4 %) и Каракалпакия (72,4 %).

В таблице 36 представлены показатели коренизации работников шести крупных категорий технического и культурного профиля. Для большевиков профессия инженера была особенно ценной. Во время массовых пролетарских программ положительной деятельности в период культурной революции десятки тысяч рабочих проходили обучение, чтобы стать красными инженерами¹⁹⁶. Многие из них впоследствии получили руководящие партийные должности и в конце концов заняли ведущее положение в брежневском Политбюро¹⁹⁷. И хотя аналогичная программа положительной деятельности действовала и для восточных национальностей, там показатели коренизации инженеров (а также менее квалифицированных техников) в 1939 г. оставались катастрофически низкими (16,3–10,3 % против 60). А если считать в абсолютных цифрах, то положение дел будет выглядеть еще безнадежнее. Среди советских инженеров было 7 башкир, 12 бурят, 2 кабардинца, 1 балкарец, 8 чеченцев, 12 туркмен, 102 узбека, 1 каракалпак, 12 таджиков, 108 казахов, 5 киргизов (хотя 1084 азербайджанца и 300 татар) против 15 551 украинца, 993 белорусов, 4011 грузин и 896 армян. С другой стороны, восточные национальности были представлены в избытке в таких профессиях, как учитель (100,6–110,8 %) и писатель/журналист (131,5–109,2 %). И, что выглядит еще эффектней, коренизация была достаточно высокой среди преподавателей вузов и научных работников (43,9–41,7 %), несмотря на то, что эти профессии требуют более высокого уровня образования, чем профессии инженера и техника.

Эти данные подтверждают, что, как было отмечено в главе 4, в процессе массовой социальной мобильности в период культурной революции, несмотря на искреннее желание центра подготовить кадры специалистов (с помощью брони), получив образование, представители восточных национальностей уходили на крупные руководящие должности и в начальное школьное образование. Таблица 37 служит иллюстрацией этого процесса, представляя не показатели коренизации, а данные о том, как распределялись по профессиям скудные ресурсы образованных коренных жителей восточных республик¹⁹⁸. Руководящие кадры и кадры культурно-образовательной сферы составляли 61,4 % всех служащих на интеллигентных должностях в восточных АССР и 75,1 % — в восточных союзных республиках, а в западных республиках их было меньше половины

¹⁹⁶ *Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, UK, 1979. P. 184–211.

¹⁹⁷ *Fitzpatrick Sh.* The Cultural Front. Ithaca, N. Y., 1992. P. 149–182.

¹⁹⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 148–227.

(49,6 %). Учителями начальной и средней школы было около трети работников интеллигентного труда в восточных союзных республиках, а в Таджикистане и Киргизии меньше половины (соответственно 45,2 и 42,5 %).

Подводя итог, можно сказать, что к 1939 г. политика коренизации в сочетании с теми социальными преобразованиями, начало которым положило сталинское социалистическое наступление, создала в национальных республиках СССР — как в восточных, так и западных — многочисленный класс работников интеллигентного труда, представленный коренными жителями¹⁹⁹. На руководящих должностях и в культурном секторе титульные национальности были в этот период представлены в среднем пропорционально (а в некоторых случаях — и более того). Однако они были слабо представлены в сфере производства и медицине, а также связи, что привело к вакууму посередине (существовавшему между руководством и сферой услуг) и ярко выраженного расхождения между численностью технических специалистов и работников культуры. Эту проблему можно рассматривать исключительно с точки зрения девелопментализма. Дело в том, что кадры технических специалистов создаются не так быстро, и для преодоления разрыва между специалистами требуется не одно поколение. Однако данные за 1939 г. и анализ положительной деятельности, представленный в главе 4, дают основания усомниться в возможности этого сценария. Представителям восточных национальностей легче было стать высокообразованными преподавателями вузов, чем гораздо менее образованными инженерами, и вероятность, что они станут преподавателями, была в 3–4 раза выше вероятности стать инженерами. Коренизация создала огромную, никогда не удовлетворенную потребность в учителях, журналистах, писателях, художниках и специалистах по фольклору, а также в крупных руководителях всех сфер деятельности. Титульные национальности, естественно, стремились именно в эти сферы и постоянно привлекали в них своих людей, тогда как русские доминировали в производственной сфере. В результате и вакуум посередине, и разрыв между кадрами технических специалистов и работниками культуры сохранялся в восточных республиках, а особенно в Средней Азии, до самого конца существования Советского Союза²⁰⁰.

¹⁹⁹ Анализ коренизации в период с 1939 г. до смерти Сталина см. в кн.: *Blitstein P. Stalin's Nations: Soviet Nationality Policy between Planning and Primordialism, 1934–1953. Ph. D. diss. University of California–Berkeley, 1999.*

²⁰⁰ *Lubin N. Op. cit. P. 52–111; Kaiser R. Op. cit. P. 198–243; Simon G. Op. cit. P. 265–278.*

Этнические конфликты

В первые 15 лет существования советской власти этнические конфликты представляли собой серьезную проблему. В 20-е гг. они случались в основном в сельской местности из-за сельхозугодий и образования национальных территорий. Во время культурной революции конфликтной стала городская среда, в частности университеты и особенно промышленные предприятия: обе сферы быстро развивались, и в них смешивались прежде обособленные этнические сообщества. Советское правительство предпринимало множество мер для ликвидации этнических конфликтов. За шовинизм всегда строго наказывали, а после 1933 г. борьба против великодержавного шовинизма переросла в борьбу за интернационализм и дружбу народов Советского Союза. «Тихая» коренизация и неафишируемая положительная деятельность были нацелены на то, чтобы сохранить позитивные аспекты советской национальной политики и одновременно учесть настроения этнических русских. В 30-е гг. границы национальных территорий пересматривались редко, а от политики, направленной на увеличение числа наций, отказались. И наконец, после 1933 г. был значительно усилен контроль над окраинными национальными районами, что дало возможность исполнять законы, направленные против шовинистских проявлений, более строго. Но привели ли эти усилия к существенному сокращению этнических конфликтов?

И опять-таки трудно ответить на этот вопрос определенно. Этнические конфликты никогда широко не обсуждались в открытой печати, а с началом «тихой» коренизации эта тема исчезла со страниц газет почти полностью²⁰¹. Важные архивные документы (и прежде всего информационные отчеты НКВД) отсутствуют или недоступны²⁰². И наоборот, документы «Гарвардского проекта», сотрудники которого в 1950–1951 гг. провели исчерпывающие интервью с несколькими сотнями советских граждан, расспрашивая их о довоенной жизни,

²⁰¹ О немногочисленных исключениях, которые представлены специальной литературой по национальной политике, см.: *Абрамов С.* Национальная работа советов в городах. М., 1935. С. 10; *Кочанов А.* Обслуживание рабочих и трудящихся нацмен Московской области // *Революция и национальности.* 1934. № 3. С. 87; *Богданов А.* Усилить работу среди нацмен // Там же. 1935. № 2. С. 79; *Тажуризин А.* Обслуживание национальностей в Сталинградском крае // Там же. № 6. С. 68; *Елбаев А.* О работе среди нацмен Московской области // Там же. 1936. № 8. С. 18–19.

²⁰² Начиная с 1932 г. информационные отчеты ОГПУ возвращались обратно и, как правило, не хранились в рабочих архивах партии. В результате сейчас они хранятся почти исключительно в бывших архивах КГБ, где, как правило, в основном недоступны. Исключение составляет Ленинградская область. О национальностях Ленинградской области см.: *Davies S.* *Popular Opinion in Stalin's Russia.* Cambridge, UK, 1997. P. 82–90.

представляют собой уникальные и исключительно ценные данные об общепринятых представлениях об этнических отношениях в период, непосредственно предшествовавший Второй мировой войне²⁰³. Сама выборка интервьюируемых в точки зрения нашего исследования неидеальна, поскольку опрос проводился в основном среди украинцев, белорусов и русских из Смоленской и Ленинградской областей, которые не были зонами острых этнических конфликтов. Более того, на отношение респондентов к национальному вопросу оказали влияние и нацистский расизм, с которым они столкнулись во время войны (и который они зачастую противопоставляли советской практике), и активная деятельность эмигрантских националистических организаций в лагерях для перемещенных лиц, где и проводились интервью²⁰⁴. Тем не менее при учете всех этих особенностей интервью дают интересные сведения об этнических отношениях, распространенных в СССР.

Об этнических конфликтах интервьюеры напрямую не спрашивали. Наоборот, респондентов просили перечислить отличительные характеристики русских, украинцев, евреев, грузин, армян, калмыков и татар²⁰⁵. И эта просьба рассказать о своих этнических стереотипах вызвала удивительную реакцию. Около 1/5 респондентов (49 из 250) вначале отрицали наличие каких бы то ни было этнических различий вообще²⁰⁶. Зачастую удивленный интервьюер продолжал настаивать, и тогда выяснялось, что респонденты не имели в виду, что никаких культурных различий между национальностями не существует. Нет, они полагали (и, вероятно, правильно), что на самом деле интервьюера интересовали ответы на два совершенно разных вопроса. Вопрос первый: относилось ли советское государство к различным национальностям по-разному? В частности, были ли преследования по национальному признаку (как у нацистов)? И потому на вопрос об отличительных характеристиках респонденты отвечали: «Политически и в смысле жизненных стандартов — нет. По национальным

²⁰³ Образец выборки описан в кн.: *Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen. Cambridge, Mass., 1959. P. 21–40.*

²⁰⁴ О комментариях, в которых противопоставлялась советская и нацистская политика, см.: НІР А4, 60; А26, 71; А108, 42. О влиянии националистических организаций в лагерях см.: НІР А108, 43.

²⁰⁵ Вопрос Р10е: «Каковы отличительные характеристики следующих национальностей: украинцев, евреев, великороссов, грузин, армян, татар?». В другом опроснике, как и в вопросе Р2с, фигурировали и калмыки.

²⁰⁶ Статистические данные основаны на вопросе Р10е (протокол А4). Из-за ошибки интервьюера этот вопрос был задан не всем респондентам (или их ответы не были записаны).

обычаям — да» и «Да. Евреи в Советском Союзе занимали первое место»²⁰⁷. Во-вторых, респонденты часто говорили о существовании в Советском Союзе широко распространенных предубеждений: «Разумеется, они есть (национальные различия. — Т. М.). Но из-за этого национальности не становятся врагами» и «Но это не означает, что между нами обязательно должны существовать враждебные чувства»²⁰⁸.

Отсутствие широко распространенных этнических предубеждений и конфликтов многие респонденты напрямую связывали с официальной государственной политикой. В ответ на вопрос об отличительных характеристиках народов десятки респондентов спонтанно утверждали, что в Советском Союзе не существует открыто выражаемых национальных предубеждений потому, что советское государство чрезвычайно сурово наказывает за такие речи²⁰⁹:

«Нет, это невозможно. В Советском Союзе каждый должен любить каждого... Испытывать чувство национальной вражды — это противозаконно».

«Там нет шовинизма, за него можно получить десять лет».

«В армии рядовой получил семь лет за то, что назвал еврея жидом».

«Все одинаковы. Вы не имеете права сказать кому-нибудь, что он украинец, а самому хвастаться тем, что вы русский. Тогда вас арестуют».

«Закон строго запрещает оскорблять представителя любой национальности независимо от того, русский ли он, украинец, белорус или кто-то еще».

«Если вы обзовете представителя национального меньшинства, то у вас будут серьезные неприятности».

«Если вы назовете еврея жидом, то он может пойти в милицию, и вас приговорят к тюремному заключению».

«В Советском Союзе национальная вражда запрещена, и за нее наказывают. Вы можете не любить человека другой национальности, но вы не имеете права показывать, что он вам неприятен. Употребление одного только слова “жид” означает приговор к пятидесяти годам заключения в концентрационном лагере».

Одна учительница начальной школы рассказала историю о том, как она употребила в общественном месте русскую поговорку «Не-

²⁰⁷ НІР А528, 34; А393, 40.

²⁰⁸ НІР А385, 82; А349, 70.

²⁰⁹ НІР А91, 55; А340, 47; А342, 69; А380, 29; А18, 62; А20, 33; А60, 24; В482, 16.

званный гость хуже татарина», и едва не потеряла работу после того, как на нее донес коллега²¹⁰. А если принять во внимание, что интервьюер не спрашивал ни о национальных предрассудках, ни о государственной политике, то эти спонтанные ответы являются впечатляющим свидетельством успеха советских властей в борьбе против великодержавного шовинизма за интернационализм и дружбу советских народов.

Большинство респондентов были согласны в том, что советское государство ко всем национальностям относится одинаково²¹¹:

«Равенство национальностей нужно считать достижением советской системы».

«Ко всем национальностям относятся одинаково. Между ними нет никаких различий».

«В юридическом и административном отношении ко всем национальностям относятся одинаково».

Нескольких респондентов спросили, действительно ли Конституция 1936 г. гарантирует равенство всех национальностей. Несмотря на утверждения, что в целом Конституция совершенно лживая, подавляющее большинство ответило утвердительно: «Да, правда»; «Это правда, примерно так оно и есть»; «В данном случае противоречий между текстом Конституции и реальностью нет»; «Все народы имеют равные права»²¹². Небольшая группа несогласных с этим мнением (13 человек в общей сложности) утверждала, что преимущества имеются у евреев, грузин или кавказцев, ссылаясь при этом на национальность Сталина и якобы непропорциональное представительство евреев на руководящих должностях²¹³. Другие 9 респондентов указали на советскую политику положительной деятельности, однако у них не было твердой уверенности, что эта политика была фундаментальным нарушением равенства наций, поскольку они рассматривали девелопменталистскую систему как помощь «менее культурным народам»²¹⁴.

²¹⁰ НІР А91, 6.

²¹¹ НІР А131, 99; А145, 67; А1053, 49.

²¹² Вопрос РЗс: «Что вы думаете о статьях советской Конституции, провозглашающих равенство всех национальностей СССР?» На него ответили лишь люди из группы «А2/А3», в общей сложности 61 респондент (и его задавали не всем интервьюируемым). — НІР А13, 47; А23, 20; А25, 52; А46, 39.

²¹³ НІР А300, А1241, А41 утверждали, что в привилегированном положении находятся кавказцы, НІР А60, А48, А1528, А493, А307 — что евреи, НІР А36, А10, А634, А520, А342 — грузины.

²¹⁴ НІР А20, А25, А29, А36, А58, А118, А300, А454.

Уверенность в том, что в СССР все нации равны, не всегда говорит о том, что респондент оценивал советскую национальную политику положительно. На самом деле чаще всего утверждалось, что все национальности одинаково угнетаются²¹⁵:

«У всех одно и то же. И русским, и украинцам, и белорусам — им всем приходится несладко».

«Не могу сказать [есть ли отличительные характеристики], трудно сказать. У всех одно и то же. Все одинаково неимущие».

«Политика Сталина заключается в том, чтобы сделать рабами все национальности».

«У них нет реальных различий. Каждая национальность под властью Сталина страдала точно так же, как и всякая другая».

Вот какими были наиболее распространенные ответы на вопрос о гарантиях национального равенства, предоставляемых Конституцией 1936 г.²¹⁶:

«Они равны только в том смысле, что при советском режиме они одинаково страдают».

«Равны в своей бедности, в своем страхе и в том, как с ними обращаются в концентрационных лагерях».

«В Советском Союзе нет различия между разными национальностями, потому что несчастье делает один народ точно таким же, как и другой».

«Абсолютно верно: они все одинаковы в своем бесправии».

«Они все равны, потому что они все придавлены Коммунистической партией».

Эти слова имеют особое значение для понимания эволюции этнических конфликтов в 30-е гг. Резюмируя результаты «Гарвардского проекта», Инкелес и Бауэр подчеркивают, что для описания советского общества их респонденты пользовались противопоставлением «мы — они». Под словом «они» респонденты понимали деспотическую и чуждую им партийную элиту (которая впоследствии будет широко известна как номенклатура), а под словом «мы» — почти совершенно недифференцированный и угнетенный народ²¹⁷. Сара Дэвис обнаружила, что такое же противопоставление «мы — они» постоянно присутствовало в подслушанных разговорах, о которых сообщалось в информационных отчетах НКВД и партии о настро-

²¹⁵ НІР А107, 25; А379, 30; А516, 55; А633, 23.

²¹⁶ НІР А4, 26; А11, 40; А14, 75; А17, 75; А48, 49.

²¹⁷ *Inkeles A., Bauer R.* Op. cit. P. 321–337.

ениях в народе²¹⁸. Инкелес и Бауэр утверждают, что именно этим постоянным противопоставлением «мы — они» и объясняется отмечавшийся у их респондентов чрезвычайно низкий уровень классового соперничества, несмотря на полную очевидность, что в 30-е гг. объективно Советский Союз был обществом, имевшим классовую основу²¹⁹. Видимо, противопоставление «мы — они» имело такое же влияние и на общераспространенные представления об этническом соперничестве.

С точки зрения положительной деятельности это достижение воспринимается с иронией, поскольку с помощью положительной деятельности власти стремились не допустить, чтобы непопулярную советскую политику (такую, например, как коллективизация) нерусские народы воспринимали как национальное угнетение. Центр также ни в коем случае не должен был восприниматься как русский. И этого достичь удалось. Гарвардские интервьюеры спрашивали своих респондентов, может ли «РСФСР и великорусский народ претендовать на ведущую роль по отношению к другим национальностям Советского Союза» и было ли «равенство национальных меньшинств совместимо с выдающейся ролью русского народа»²²⁰. Эти вопросы соответствовали заявлениям советской пропаганды о руководящей роли русских, которая велась с середины 30-х гг. и усилилась во время Второй мировой войны. И опять-таки почти половина респондентов (16 из 36) отрицали, что русские действительно играют ведущую роль: «Я не усматриваю выдающейся роли русского народа. Я ее просто не вижу»²²¹. 15 респондентов отрицали, что у русских могла быть ведущая роль, даже не задумываясь над тем, играют ли они такую роль в действительности. И лишь пять респондентов согласились, что русские имели и могли иметь ведущую роль, и все они говорили об этом в девелопменталистских терминах, присущих советской пропаганде. Например, один респондент-калмык сказал, что «братский русский народ оказывал помощь [регионам] с низким культурным уровнем»²²². Ни один из респондентов не утверждал, что русские были господствующей национальностью и угнетали другие народы.

²¹⁸ *Davies S.* Op. cit. P. 124–146.

²¹⁹ *Inkeles A., Bauer R.* Op. cit. P. 299–320.

²²⁰ Вопрос P10b: «Считаете ли вы, что РСФСР и великорусский народ могут претендовать на ведущую роль по отношению к другим национальностям Советского Союза?». Вопрос P10d: «Совместимо ли это равенство меньшинств с выдающейся ролью русского народа?». На эти два вопроса тоже отвечали лишь респонденты группы «A2/3».

²²¹ НІР А1, 18.

²²² НІР А23, 19.

Те, кто отрицал, что русским принадлежит ведущая роль, опять использовали противопоставление «мы — они»²²³:

«Самую главную роль играет Кремль».

«Главные различия в России — это различия между партийными и беспартийными».

«Думаю, что вы поставили вопрос неправильно, потому что вопрос, судя по всему, предполагает, что именно русский народ играет ведущую роль. Просто вы не можете сказать, что Политбюро — это русский народ. Политбюро — это группа людей, оторванных от русского народа, который не имеет с ним никакой связи».

«Русские не играют ведущей роли. Возьмите Кремль. Ну и много ли русских вы видите в Кремле?».

«Некоторые думают, будто русские в России находятся на привилегированном положении. Но это неправда. Посмотрите на Политбюро, где всего два русских человека — Ворошилов и Буденный (sic!)».

Судя по этой не небольшой и не вполне репрезентативной подборке народ считал угнетателями большевиков, или партию, но не русских.

Приведенные здесь свидетельства не позволяют сделать окончательные выводы об эволюции этнических конфликтов во второй половине 30-х гг. Тем не менее они наводят на мысль, что, по всей вероятности, после 1933 г. этнические конфликты пошли на спад, и, скорее всего, существенно. Это можно объяснить как причинами, не имеющими отношения к национальной политике, так и некоторыми преднамеренными действиями государства. Первая группа причин включает в себя, во-первых, коллективизацию, которая положила конец этническим конфликтам из-за владения сельхозугодьями, потому что после нее земля потеряла для крестьянства всякую цену; во-вторых, время, смягчившее первоначальный шок от этнического смешивания во время культурной революции; в-третьих, усиление политического контроля за национальными окраинами, что привело к укреплению общественного порядка, и наконец, в-четвертых, огромный рост государственных репрессий и образование привилегированной группы — партийной элиты, а это привело к тому, что в массовом сознании возобладал конфликт по линии «мы — они», а классовое и этническое соперничество стало восприниматься уже

²²³ НР А8, 30; А104, 23; А20, 33; А11, 40; А104, 23. И Ворошилов, и Буденный были русскими, но лишь Ворошилов был членом Политбюро; в Политбюро всегда были и другие русские.

не так остро. Государство вело пропаганду интернационализма и наказывало за шовинистические высказывания и поступки (эти меры, судя по материалам гарвардского опроса, население считало и правильными, и достаточно строгими), а также перестало без конца изменять границы национальных территорий и перешло от открытой к «тихой» коренизации.

Выводы

Эволюция политики коренизации после 1933 г. свидетельствует скорее о сокращении ее масштабов и рационализации, чем об отмене. В 1934 г., после того как проводившийся за год до этого национальный террор привел к спонтанному отказу от коренизации, Сталин выступил в Белоруссии в ее поддержку. Прежде всего Сталин, как и раньше, заявил, что элита титульных наций должна занимать значительную часть крупных руководящих должностей в национальных республиках Советского Союза. И он добился своего. В 1939 г., через 6 лет после того как были приняты постановления по Украине, титульные национальности стали занимать пропорциональную их численности долю руководящих должностей (таблица 34). Для достижения этой цели советское государство продолжало осуществлять программу положительной деятельности в высшем образовании и, кроме того, охотно одобряло (несмотря на обличение «механической» коренизации в 1933 г.) выдвижение на руководящие должности коренных жителей на основе одной лишь этнической принадлежности. На Украине партия согласилась даже на открытое замещение русских украинцами. В 1933 г. индигенизация не окончилась.

И тем не менее она претерпела значительные изменения. Прежде всего в результате «дела Скрипника» была разорвана связь между коренизацией и национал-коммунизмом. Впредь коренизация не должна была вызывать ощущение, что титульная национальность имеет какие-то преимущества в «своей» республике. Чувству национальной уверенности предстояла проверка террором. Чтобы избежать возрождения национал-коммунизма, коренизация была однозначно низведена до уровня второстепенной политики «мягкой линии». Кроме того, так как власти были озабочены недовольством русских, коренизация и программа положительной деятельности теперь осуществлялись тихо, без шумных кампаний, без предупреждений и обличений великодержавных шовинистов. И наконец, хотя от поддержки национальных языков никогда официально не отказывались, она постепенно становилась все менее и менее существенной, а русский

язык занял господствующее положение во всех национальных республиках, кроме Грузии и Армении.

Государство стремилось сохранить позитивное психологическое влияние коренизации, чтобы предотвратить недовольство и национальные притязания нерусских народов и не допустить недовольства русских. Материалы «Гарвардского проекта» говорят о том, что новая политическая линия привела к некоторым успехам и смягчила межэтническое соперничество. Однако нехватка кадров технических специалистов в восточных регионах (вакуум посередине) могла стать постоянной чертой советской жизни. Это вызывало миграцию русских, которые занимали эти должности. Однако, учитывая, что русским после 1933 г. был предоставлен статус объединяющей силы многонационального советского государства, это не было негативным явлением. И в следующей главе речь идет о реабилитации русских.

Таблица 33. Представители титульных национальностей среди канцелярских работников, 1926–1939 годы

Республика	1926			1939			Изменение уровня коренизации с 1926 по 1939 г.
	процент в общей численности населения	процент в общей численности канцелярских работников	уровень коренизации (в процентах)	процент в общей численности населения	процент в общей численности канцелярских работников	уровень коренизации (в процентах)	
Башкирия	23,5	6,8	28,9	21,2	14,9	70,3	+41,4
Бурят-Монголия	43,8	7,6	17,4	21,3	19,1	89,7	+72,3
Дагестан	64,5	18,9	29,3	72,0	45,2	62,8	+33,5
Карелия	37,4	15,4	41,2	23,2	18,1	78,0	+36,8
Крымская АССР	25,1	6,8	27,1	19,4	10,8	55,7	+28,6
Татарстан	44,9	16,5	36,7	48,7	35,5	72,9	+36,2
Чувашия	74,7	28,9	38,7	72,2	60,5	83,8	+45,1
Якутия	81,6	48,0	58,8	56,5	36,9	65,3	+6,5
По восточным АССР в среднем			34,8			72,3	+37,5
Азербайджан	62,1	25,9	41,7	58,4	37,7	64,6	+22,9
Казахстан	57,1	9,8	17,2	37,8	25,9	68,5	+51,3
Киргизия	66,6	8,4	12,6	51,7	30,2	58,4	+45,8
Таджикистан	74,6	33,2	44,5	59,6	37,4	62,8	+18,3
Туркменистан	71,9	8,0	11,1	59,2	29,3	49,5	+38,4

Узбекистан	65,9	21,8	33,1	65,1	35,7	54,8	+21,7
По восточным ССР в среднем			26,7			59,8	+33,1
Армения	84,1	93,3	110,9	82,8	85,6	103,4	-7,5
Белоруссия	80,6	49,0	60,8	82,9	73,5	88,7	+27,9
Грузия	67,1	65,6	97,8	61,4	65,1	106,0	+8,8
Украина	80,0	50,0	62,5	76,5	62,6	81,8	+19,3
Республика немцев Поволжья	66,4	52,1	78,5	60,4	53,1	87,9	+12,4
По западным национальностям в среднем			82,1			93,6	+11,5

Рассчитано по книгам: Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С. 44–51; Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 148–227. Полные данные были доступны лишь для приведенных в перечне республик; в 1926 г. все они были автономными или союзными. Уровень коренизации рассчитан путем деления цифры, находящейся во второй колонке на цифру в первой. Например, если в 1926 г. Башкирия с ее 23,5-процентным башкирским населением обладала бы стопроцентным уровнем коренизации, то это бы означало, что башкиры составляли 23,5 % общей численности всех канцелярских работников. Суммарные средние цифры получены путем простого деления суммы уровней коренизации всех республик на количество самих республик, а не путем их оценки в соответствии с численностью населения. То же относится и к таблицам 34–37.

Таблица 34. Социальная структура нерусских республик, 1939 год

Республика	Процент титульных националов по отношению к общей численности служащих	Процент представителей титульных национальностей по отношению к общей численности всех работников отрасли					
		руководители	специально-технические работники	медицинские работники	работники культуры и искусств	работники связи	работники образования
Башкирская АССР	20,8	18,7 (90,0)	8,8 (42,3)	8,7 (41,8)	20,5 (98,6)	12,3 (59,1)	5,2 (25,0)
Бурят-Монгольская АССР	23,2	22,8 (98,3)	7,6 (32,8)	8,1 (34,9)	30,3 (130,6)	21,7 (93,5)	8,6 (37,1)
Чечено-Ингушская АССР	63,4	46,6 (73,5)	7,4 (11,7)	10,5 (16,6)	53,0 (83,6)	24,7 (39,0)	12,9 (20,3)
Чувашская АССР	74,9	64,9 (86,7)	50,1 (66,9)	58,7 (78,4)	66,6 (88,9)	54,0 (72,1)	43,9 (58,6)
Крымская АССР	16,7	15,2 (91,0)	6,1 (36,5)	10,5 (59,9)	16,3 (97,6)	15,1 (90,4)	7,3 (43,7)
Дагестанская АССР	71,0	59,4 (83,7)	21,1 (29,7)	24,2 (34,1)	66,7 (93,9)	39,5 (55,6)	16,8 (23,7)
Кабардино-Балкарская АССР	52,6	45,3 (86,1)	10,0 (19,0)	15,7 (29,8)	39,2 (74,5)	32,8 (62,4)	23,9 (45,4)
Калмыцкая АССР	45,5	55,5 (123,1)	21,2 (46,6)	17,3 (38,0)	54,1 (118,9)	60,0 (131,9)	26,1 (57,4)
Карельская АССР	20,9	24,1 (115,3)	11,2 (47,8)	17,3 (82,8)	25,7 (123,0)	6,9 (33,0)	15,7 (75,1)
Татарская АССР	48,4	42,8 (88,4)	25,1 (51,9)	25,8 (53,3)	47,3 (97,7)	32,9 (68,0)	26,0 (53,7)

Якутская АССР	53,0	47,4 (89,4)	19,0 (35,8)	19,6 (37,0)	61,3 (115,7)	43,6 (82,3)	12,4 (23,4)
По восточным АССР в среднем		(90,0)	(41,4)	(47,5)	(96,9)	(69,8)	(45,9)
Азербайджанская ССР	55,0	50,3 (91,5)	25,7 (46,7)	31,3 (68,4)	54,6 (99,3)	40,6 (73,8)	7,7 (14,0)
Казахская ССР	39,5	36,3 (92,1)	11,4 (28,9)	7,2 (18,3)	42,1 (106,9)	25,4 (64,7)	6,9 (17,5)
Киргизская ССР	52,1	38,2 (73,3)	9,6 (18,4)	5,1 (9,8)	51,8 (99,4)	34,0 (65,2)	4,8 (9,2)
Таджикская ССР	56,2	47,6 (84,7)	12,9 (23,0)	14,6 (26,0)	59,5 (105,9)	39,2 (69,8)	7,7 (13,7)
Туркменская ССР	56,7	39,8 (70,2)	10,6 (18,9)	21,4 (37,7)	50,4 (88,9)	25,3 (44,6)	1,9 (3,4)
Узбекская ССР	64,8	51,9 (80,1)	15,4 (27,2)	25,1 (38,9)	50,3 (78,0)	46,9 (72,7)	6,1 (9,5)
По восточным ССР в среднем		(82,0)	(27,2)	(33,2)	(96,4)	(65,1)	(11,2)
Армянская ССР	79,6	86,2 (108,3)	81,8 (102,8)	88,9 (111,7)	85,2 (107,0)	82,4 (103,5)	80,0 (100,5)
Белорусская ССР	81,6	63,6 (77,9)	65,8 (80,6)	63,7 (78,1)	73,7 (90,3)	32,7 (40,1)	79,9 (97,9)
Грузинская ССР	59,7	67,1 (112,4)	62,3 (104,4)	69,0 (115,6)	71,4 (119,6)	44,3 (74,2)	55,4 (92,8)
Украинская ССР	76,9	59,6 (74,9)	60,4 (78,5)	58,4 (75,9)	71,3 (92,7)	46,8 (60,9)	69,7 (90,6)
Республика немцев Поволжья	63,0	53,9 (85,6)	42,0 (66,7)	51,9 (82,4)	66,3 (105,2)	50,3 (79,8)	29,3 (46,5)

Окончание табл. 34

Республика	Процент титульных националов по отношению к общей численности служащих	Процент представителей титульных национальностей по отношению к общей численности всех работников отрасли					
		руководители	специально-технические работники	медицинские работники	работники культуры и искусств	работники связи	работники образования
По западным республикам в среднем		(91,8)	(86,6)	(92,7)	(103,0)	(71,7)	(85,7)

Рассчитано по кн.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 148–227. Средние цифры для восточных АССР включают не только 11 вышперечисленных республик, но и другие 8 республик, для которых имеются доступные данные (Коми АССР, Марийская АССР, Мордовская АССР, Удмуртская АССР, Северо-Осетинская АССР, Абхазская АССР, Каракалпакская АССР и Молдавская АССР). Нахичеванская АССР и Аджарская АССР не принимались в расчет потому, что их титульные национальности были теми же, что и в их собственных республиках.

* Уровни коренизации указаны в скобках.

Таблица 35. Коренизация руководящих должностей, 1939 год*

Республики	Процент представителей титульных национальностей в общей численности служащих	Руководящие должности	Республиканские должности
Башкирская АССР	20,8	18,7 (90,0)	17,6 (84,6)
Бурят-Монгольская АССР	23,2	22,8 (98,3)	31,1 (13,4)
Чечено-Ингушская АССР	63,4	46,6 (73,5)	23,4 (36,9)
Чувашская АССР	74,9	64,9 (86,7)	55,0 (73,4)
Крымская АССР	16,7	15,2 (91,0)	13,1 (78,4)
Дагестанская АССР	71,0	59,4 (83,7)	29,6 (41,7)
Кабардино-Балкарская АССР	52,6	45,3 (86,1)	34,4 (65,4)
Калмыцкая АССР	45,5	55,5 (123,1)	47,1 (103,5)
Карельская АССР	20,9	24,1 (115,3)	9,6 (45,9)
Татарская АССР	48,4	42,8 (88,4)	38,0 (78,5)
Якутская АССР	53,0	47,4 (89,4)	26,4 (49,8)
По восточным АССР в среднем		(90,0)	(65,6)
Азербайджанская ССР	55,0	50,3 (91,5)	33,1 (60,2)
Казахская ССР	39,4	36,3 (92,1)	25,8 (65,5)
Киргизская ССР	52,1	38,2 (73,3)	14,8 (28,4)
Таджикская ССР	56,2	47,6 (84,7)	24,7 (44,0)

Республики	Процент представителей титульных национальностей в общей численности служащих	Руководящие должности	Республиканские должности
Туркменская ССР	56,7	39,8 (70,2)	15,9 (28,0)
Узбекская ССР	64,8	51,9 (80,1)	22,3 (34,4)
По восточным ССР в среднем		(82,0)	(43,4)
Армянская ССР	79,6	86,2 (108,3)	95,2 (119,6)
Белорусская ССР	81,6	63,6 (77,9)	41,6 (51,0)
Грузинская ССР	59,7	67,1 (112,4)	62,6 (104,9)
Украинская ССР	76,9	59,6 (74,9)	42,1 (54,7)
Республика немцев Поволжья	63,0	53,9 (85,6)	34,6 (54,9)
По западным республикам в среднем		(91,8)	(77,0)

Рассчитано по кн.: *Всесоюзная перепись населения 1939 года*, 148–227.

Средние цифры для восточных АССР включают не только одиннадцать вышеперечисленных республик, но еще и другие восемь республик, для которых имеются доступные данные (Коми АССР, Марийская АССР, Мордовская АССР, Удмуртская АССР, Северо-Осетинская АССР, Абхазская АССР, Каракалпакская АССР и Молдавская АССР). Нахичеванская АССР и Аджарская АССР не принимались в расчет потому, что в них имелись те же самые титульные национальности, что и в их собственных республиках.

* Уровни коренизации указаны в скобках.

Таблица 36. Представительство титульных национальностей в престижных профессиях, 1939 год*

Республики	Процент представителей титульных национальностей к общей численности всех служащих						
	процент представителей титульных национальностей в общей численности служащих	инженеры	техники	врачи	научные работники / преподаватели вузов	учителя	писатели / журналисты
Башкирская АССР	20,8	3,2 (15,4)	5,3 (25,5)	4,3 (20,7)	10,8 (51,9)	20,2 (97,1)	31,8 (152,9)
Бурят-Монгольская АССР	23,2	2,4 (10,3)	3,9 (16,8)	6,9 (29,7)	26,4 (113,8)	31,2 (134,5)	47,1 (203,0)
Чечено-Ингушская АССР	63,4	1,8 (2,8)	2,4 (3,8)	2,9 (4,6)	8,9 (14,0)	59,3 (93,5)	40,8 (64,4)
Чувашская АССР	74,9	28,0 (37,4)	37,7 (50,3)	38,5 (51,4)	53,4 (71,3)	68,5 (91,5)	82,0 (109,5)
Крымская АССР	16,7	2,7 (16,2)	3,8 (22,8)	4,9 (29,3)	6,5 (38,9)	18,5 (110,8)	20,2 (121,0)
Дагестанская АССР	71,0	8,2 (11,5)	15,8 (22,3)	15,5 (21,8)	13,5 (19,0)	70,1 (98,7)	72,7 (102,4)
Кабардино-Балкарская АССР	52,6	1,2 (2,3)	6,4 (12,2)	6,5 (12,4)	13,5 (25,7)	39,9 (75,9)	49,5 (94,1)
Калмыцкая АССР	45,5	17,0 (37,4)	8,9 (19,6)	16,3 (35,8)	7,7 (16,9)	56,9 (125,1)	72,7 (159,8)
Карельская АССР	20,9	2,1 (10,0)	5,4 (25,8)	1,9 (9,1)	9,2 (44,0)	24,3 (116,3)	44,1 (211,0)
Татарская АССР	48,4	14,5 (30,0)	15,5 (32,0)	16,5 (34,1)	17,2 (35,5)	48,5 (100,2)	56,3 (116,3)
Якутская АССР	53,0	2,6 (4,9)	8,2 (15,5)	7,4 (14,0)	19,6 (37,0)	65,6 (123,8)	62,3 (117,5)

Республики	Процент представителей титульных националов к общей численности всех служащих						
	процент представителей титульных национальностей в общей численности служащих	инженеры	техники	врачи	научные работники / преподаватели вузов	учителя	писатели / журналисты
По восточным АССР в среднем		(16,2)	(25,1)	(25,5)	(43,9)	(100,6)	(131,5)
Азербайджанская ССР	55,0	20,4 (37,1)	22,2 (40,4)	34,6 (62,9)	42,8 (77,8)	57,2 (104,0)	62,5 (113,6)
Казахская ССР	39,4	3,5 (11,7)	5,5 (18,3)	6,1 (20,3)	16,0 (53,3)	44,0 (146,7)	52,5 (175,0)
Киргизская ССР	52,1	0,9 (1,7)	4,9 (9,4)	3,9 (7,5)	13,0 (25,0)	56,5 (108,4)	53,2 (102,1)
Таджикская ССР	56,2	2,6 (4,9)	6,0 (11,4)	5,9 (11,2)	21,2 (40,3)	64,0 (121,7)	46,9 (89,2)
Туркменская ССР	56,7	1,8 (3,2)	5,9 (10,4)	5,7 (10,1)	13,9 (33,5)	56,8 (100,2)	54,4 (95,9)
Узбекская ССР	64,8	2,9 (4,5)	12,9 (20,0)	11,4 (17,6)	13,0 (20,1)	54,3 (83,8)	51,4 (79,3)
По восточным ССР в среднем		(10,3)	(18,3)	(21,6)	(41,7)	(110,8)	(109,2)
Армянская ССР	79,6	80,9 (101,6)	85,5 (107,4)	91,3 (114,7)	90,2 (113,3)	84,2 (105,8)	81,9 (102,9)
Белорусская ССР	81,6	32,8 (40,2)	55,2 (67,6)	33,3 (40,8)	40,8 (50,0)	78,8 (96,6)	54,1 (66,3)
Грузинская ССР	59,7	58,5 (98,0)	57,7 (96,6)	71,2 (119,3)	73,6 (123,3)	72,2 (120,9)	62,5 (104,7)

Украинская ССР	76,9	38,6 (48,5)	56,2 (73,1)	30,4 (39,5)	40,8 (53,1)	76,0 (98,8)	55,0 (69,1)
Республика немцев Поволжья	63,0	10,8 (17,1)	16,1 (25,6)	29,2 (46,3)	49,3 (78,3)	68,3 (108,4)	59,5 (94,4)
По западным республикам в среднем		(61,0)	(74,1)	(72,1)	(83,6)	(106,1)	(87,5)

Рассчитано по кн.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 148-227.

* Уровни коренизации указаны в скобках.

Таблица 37. Распределение представителей титульных национальностей по категориям служащих

Республика	Общее количество представителей титульных национальностей среди интеллигенции	Процент титульных националов, работающих						
		руководителями	техниками	в медицине	сфере культуры и образования	учителями	инженерами	врачами
Башкирская АССР	16 570	29,2	9,9	3,7	38,0	27,7	0,2	0,1
Бурят-Монгольская АССР	5 340	28,9	8,5	2,9	29,5	21,3	0,2	0,4
Чечено-Ингушская АССР	8 455	24,9	5,0	8,0	41,6	36,7	0,2	0,1
Чувашская АССР	21 831	26,2	12,6	7,0	30,2	23,7	0,1	0,2
Крымская АССР	9 102	31,9	11,4	10,3	26,2	18,1	0,5	1,1
Дагестанская АССР	15 674	36,9	7,3	3,2	37,9	29,5	0,3	0,3
Кабардино-Балкарская АССР	4 498	39,3	6,0	4,1	35,7	25,8	0,1	0,3
Калмыцкая АССР	4 102	38,0	6,6	2,4	30,5	23,3	0,2	0,3
Карельская АССР	6 606	29,4	14,3	7,8	22,8	12,1	0,2	0,1
Татарская АССР	42 279	26,5	13,3	8,0	35,3	25,1	0,7	0,7

Якутская АССР	10 450	37,0	4,0	3,3	33,1	24,5	0,1	0,2
По восточным АССР в среднем		30,4	10,4	5,6	31,4	24,7	0,3	0,4
Азербайджанская ССР	55 198	30,9	13,5	6,9	31,7	19,9	2,0	1,9
Казахская ССР	66 847	33,5	8,1	1,8	38,4	29,7	0,2	0,2
Киргизская ССР	16 951	32,0	5,0	1,0	49,1	42,5	0,3	0,1
Таджикская ССР	21 057	37,1	4,2	2,6	49,2	45,2	0,6	0,1
Туркменская ССР	17 004	33,3	5,7	6,7	41,8	31,9	0,7	0,2
Узбекская ССР	86 519	37,5	6,3	5,8	36,0	31,9	0,1	0,4
По восточным ССР в среднем		34,1	7,1	4,1	41,0	33,5	0,7	0,5
Армянская ССР	42 446	23,5	14,8	7,6	29,8	20,0	2,1	1,6
Белорусская ССР	155 054	22,2	17,6	8,0	25,9	19,9	0,6	0,6
Грузинская ССР	110 983	22,9	17,7	8,9	27,1	19,1	3,6	2,6
Украинская ССР	953 419	19,5	21,3	8,3	23,8	17,3	1,6	0,8
Республика немцев Поволжья	13 706	22,2	12,3	7,5	31,4	22,4	0,1	0,4

Окончание табл. 37

Республика	Общее количество представителей титульных национальностей среди интеллигенции	Процент титульных националов, работающих						
		руководителями	техниками	в медицине	сфере культуры и образования	учителями	инженерами	врачами
По западным республикам в среднем		22,0	16,7	8,5	27,6	19,9	1,6	1,2

Рассчитано по кн.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 148–227.

10

РЕАБИЛИТАЦИЯ РУССКИХ

Принятые в декабре 1932 г. постановления Политбюро положили начало чрезвычайно важному процессу полной реабилитации русской культуры и права русских на национальное самовыражение. В 1933–1938 гг. статус русских резко повысился — наряду со статусом РСФСР. Это угрожало самим основам империи положительной деятельности, концепция которой требовала приглушить русское национальное самовыражение для того, чтобы не вызвать ответного национализма ранее угнетавшихся нерусских народов. Однако реабилитация русского национального самовыражения не повлекла за собой перехода от национального строительства к русификации. Как мы уже видели, коренизация хоть и сбавила темпы, тем не менее продолжалась и в 30-е гг., а национальная идентификация нерусских народов, как мы увидим далее, после 1933 г. только усилилась. Дело в другом. Реабилитация русских включала в себя три главных процесса. Во-первых, создание русского национального пространства посредством русификации РСФСР. Во-вторых, повышение статуса и значения объединяющей роли русской культуры во всем СССР. И, в-третьих, интеграцию недавно возвративших себе центральное положение русских в уже существующую национальную структуру советского государства посредством метафоры «дружба народов». В этой главе речь пойдет о первых двух процессах, третьему будет посвящена заключительная глава книги.

«Неудобная» республика — РСФСР

В июле 1980 г., через 58 лет после образования Советского Союза, Вячеслав Молотов признался своему секретарю Феликсу Чуеву, что коммунистическая партия так и не решила русский вопрос — не решила, каким должен быть статус огромной РСФСР и русской нации в Советском Союзе. Когда Чуев выразил недовольство тем, что лишь

Россия не имеет своей коммунистической партии, Молотов ответил, что особое Бюро ЦК по делам РСФСР создавалось: в первый раз — при Сталине, в 1936–1937 гг., второй — при Хрущеве, в 1958–1965 гг., однако в обоих случаях безрезультатно. «Мы не забыли [создать Коммунистическую партию РСФСР], — объяснил Молотов. — Просто для нее не было места»¹. В самом деле: для русского народа никогда не находилось достойного места. Русские в Советском Союзе всегда были «неудобной» нацией — слишком большой, чтобы ее проигнорировать, но в то же время и слишком опасной, чтобы предоставить ей такой же институциональный статус, какой был у других крупных национальностей страны.

А всего через 10 лет после беседы Молотова с Чуевым Борис Ельцин, ухватившись за русский вопрос, воспользовался им для того, чтобы разрушить Советский Союз. Разумеется, отцы — основатели советского государства даже и представить себе не могли, что Советский Союз распадется. Не могли они себе представить и многих проявлений распада, которой произошел в 1991 г. Но то, как Ельцин использует РСФСР в борьбе против СССР, они уж наверняка могли себе представить меньше всего. Наоборот, Ленин и Сталин очень хорошо понимали, что русские представляют для советского единства исключительно опасную угрозу, и именно поэтому настояли на том, чтобы русские не имели ни собственной полноправной национальной республики, ни всех прочих национальных привилегий, которые были даны остальным народам СССР. Как уже отмечалось в главе 1, с 1913 и до середины 1922 г. Ленин и Сталин тесно сотрудничали, разрабатывая советскую национальную политику и ее постулаты, а потому их можно по праву считать создателями империи положительной деятельности.

Но в середине 1922 г. пришло время определить конкретно, каким должен быть официальный состав государства и выработать его Конституцию, и тогда мнения Ленина и Сталина разошлись. И неудивительно, что ключевой вопрос о положении русских и РСФСР вызвал у них разногласия. 10 августа 1922 г. Политбюро создало комиссию под председательством Сталина. Комиссии предстояло определить отношения между РСФСР и формально независимыми в то время советскими республиками — Украиной, Белоруссией, Грузией, Арменией, Азербайджаном, Бухарой, Хивой и Дальневосточной республикой². Сталин сразу же предложил, чтобы независимые республики вошли в состав РСФСР на правах автономных республик. Его план

¹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 208–209.

² Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191.

предусматривал создание комиссариатов трех типов. Во-первых, объединенные комиссариаты, которые должны были существовать на уровне РСФСР (Комиссариат иностранных дел, Военный комиссариат и т. д.). Во-вторых, составные комиссариаты, и тогда соответствующий комиссариат РСФСР должен был курировать свои филиалы в АССР (Комиссариат снабжения, Комиссариат труда и т. д.). И, в-третьих, независимые комиссариаты, которые должны были действовать лишь на уровне АССР (Комиссариат юстиции, Комиссариат просвещения и т. д.). 24 сентября комиссия приняла предложение Сталина³.

Однако Ленин тут же набросился на проект Сталина, назвав его бестактным и подвергающим риску статус независимых республик. Вместо этого он предложил надстроить над РСФСР «новый этаж», который, по мнению Ленина, можно назвать «Союз Советских Республик Европы и Азии». Это была бы «федерация независимых республик», в которую РСФСР и независимые советские республики могли войти в качестве равноправных членов⁴. А автономные республики получили бы более низкий статус. Вначале Сталин не хотел принимать этого предложения, но, столкнувшись с непреклонной решимостью Ленина, быстро отступил и принял его предложение⁵.

Конфликт Ленина со Сталиным по вопросу о составе и структуре Советского государства часто изображается таким образом, будто Ленин защищал национальные меньшинства от великодержавного шовинизма Сталина⁶. В декабре 1922 г. Ленин написал статью с критикой Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского, которых он объявил великодержавными шовинистами⁷. Однако на самом деле это было абсолютно не так. Что касалось прав нерусских народов, то здесь их конституционные проекты почти не различались. Оба проекта предполагали идентичную трехуровневую структуру комиссариатов. Предложение Ленина было чуть более благоприятным для независимых республик, поскольку оно устанавливало видимость их равноправия с Россией (РСФСР), придавало им более высокий статус, чем

³ Из истории образования СССР. С. 192–193, 200–205. Грузия была против, а Украина воздержалась.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211–213.

⁵ Из истории образования СССР. С. 205–215.

⁶ Такой взгляд стал стандартным в эпоху Хрущева. Как об этом писали на Западе см.: *Lewin M. Lenin's Last Struggle*. N. Y., 1968. P. 43–63. Весьма убедительно опровергает такой взгляд Смит, см.: *Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. L., 1999. P. 180–189.

⁷ Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356–362.

уже существующим автономным республикам, и, что самое главное, упраздняло прилагательное «российский» в названии Советского государства. Это прилагательное их задевало, а особенно украинцев, раздражало их⁸. А проект Сталина благоприятствовал автономным республикам, таким как Татарстан и Туркестан, которым, согласно его проекту, предоставлялся такой же статус, как Грузии и Украине.

Принципиальное несогласие между Лениным и Сталиным существовало и по поводу статуса России и русских. Сталин охотно согласился предоставить независимым республикам более высокий статус, чем автономным, но решительно воспротивился созданию отдельных ЦИК и Совнаркома РСФСР⁹:

«Я думаю, что поправки товарища Ленина неизбежно приведут к созданию российского ЦИКа с восемью автономными республиками, которые в настоящее время являются частью РСФСР, но исключены из нее (Татарстаном, Туркестаном и так далее). Это неизбежно приведет к тому, что эти республики будут провозглашены независимыми наряду с Украиной и другими независимыми республиками; приведет к созданию двух палат в Москве (российской и федеративной) и в целом к коренным изменениям, не оправданным ни внутренними, ни внешними потребностями».

В данном случае Сталина волновало не то, что статус восьми автономных республик повышался до уровня Украины. Благодаря его предложению это уже произошло. Его беспокоило только то, что может быть создан отдельный, чисто российский ЦИК, который станет инструментом защиты узкороссийских интересов и таким образом возникнет ситуация, при которой в Москве будут два центра власти; если позволить себе анахронизм, то можно сказать, что его беспокоило, что может сложиться ситуация, которая позволила Ельцину бороться против Горбачева. На деле проект Сталина гораздо больше соответствовал идеологии империи положительной деятельности. Согласно его проекту, русские признавались государствообразующей нацией Советского Союза, и потому русские не могли иметь независимых национальных организаций, которые были гарантированы всем нерусским народам. С другой стороны, по проекту Ленина создавалась полурусская институция — РСФСР, органы которой от-

⁸ То же самое относится и к названию Российская коммунистическая партия, которое впоследствии изменили на Всесоюзная коммунистическая партия. См.: Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 175.

⁹ Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 208.

части представляли Россию, а отчасти выполняли функции второстепенных центральных организаций.

Сталин беспокоился о том, что проект Ленина приведет к созданию российского правительства в Москве, а предложения татарского национал-коммуниста Мир-Саида Султан-Галиева усугубили его тревоги еще больше. В октябре 1922 г. Султан-Галиев и некоторые его татарские соратники выступили с предложением разрешить существующим автономным республикам и областям войти в Советский Союз напрямую, то есть выйти из состава РСФСР¹⁰. Султан-Галиев заявил, что советские народы разделены на «пасынков и настоящих сыновей»¹¹. Сталин яростно обрушился на предложение Султан-Галиева, назвав его «реакционным». И выдвинул тот же довод, что и против предложения Ленина:

«Такое предложение требует разделить нашу федерацию на части и создать русский ЦИК — но не всероссийский, а русский — и русский Совнарком. [Если АССР выйдут из состава РСФСР], то как тогда русским войти в Союз? Другого пути нет. Или они останутся вне Союза, или они организуются сами. Русский ЦИК? Русский Совнарком? Товарищи, на самом ли деле нам это надо?.. Я не вижу оснований для такого предложения».

Из высказываний Сталина видно, что причиной его разногласий с Лениным был русский вопрос. Более того, сохраняя РСФСР, вместо того чтобы создать СССР, Сталин не собирался усиливать позиции русских, наоборот, он хотел их ослабить. Больше всего он боялся отдельной русской республики, создать которую предложил Султан-Галиев, и считал, что РСФСР, созданный по проекту Ленина, станет большим шагом в этом направлении.

Тревога Сталина не прошла. К этой проблеме он обратился снова в 1925 г., когда Микоян в качестве секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) поддержал предложение объединить Юго-Осетинскую АО (часть Грузии) с Северо-Осетинской АО (частью РСФСР), чтобы создать объединенную Осетинскую АССР в составе Грузинской республики¹². Вначале Сталин поддержал это предложение, поскольку разделение осетин между двумя граничившими друг с другом национальными территориями было нарушением принципов советской национальной политики¹³. Однако

¹⁰ Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы. Документы и материалы. М., 1992. С. 102–105.

¹¹ *Султан-Галиев М.* Статьи, выступления, документы. Казань, 1992. С. 229.

¹² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 765. Л. 11.

¹³ Там же. Оп. 33. Л. 80.

вскоре у Сталина возникли серьезные сомнения. В 1925 г. во время отпуска он проехал по всему Северному Кавказу и имел возможность обдумать этот вопрос более тщательно¹⁴. Его письменные заметки о возможных последствиях воссоединения осетин весьма поучительны¹⁵:

«Теперь, живя на Северном Кавказе и пристальнее присмотревшись к здешним реальным условиям, я вижу, что эта политика, если довести ее до крайности, неизбежно приведет к многочисленным серьезным минусам, которые могут ухудшить наше политическое положение в русских и нерусских областях. Печальнее всего, что эти минусы уже возникли, по крайней мере на Северном Кавказе. Во-первых, вслед за осетинами вопрос о превращении в республику и выходе из РСФСР с вхождением в Закавказскую республику ставят чеченцы. Во-вторых, Дагестан подготавливает вопрос о выходе из РСФСР и вхождении в Закавказскую республику. Несомненно, что за ними потянутся ингуши и другие. В-третьих, видя все это, казаки (пока терские и кубанские казаки, а потом к ним присоединятся и донские) уже поговаривают об автономии и создании казачьих республик, заявляя, что они “не хуже осетин и дагестанцев”, что у них “тоже есть свои собственные интересы”, что “зачем обижать русских, не давая им того, что дано нерусским” Это ростки русского национализма, и это самая опасная форма национализма. Я уж и не говорю о том, что такая политика не сможет не подтолкнуть национальные республики северных и восточных частей РСФСР выйти из РСФСР и войти в СССР как союзным республикам.

Распад РСФСР — вот до чего мы дойдем, если мы не изменим теперь нашу политику. Так что же нам делать?

Или же мы согласимся, что северокавказские автономные республики должны превратиться в республики и войти в Закавказскую республику. И тогда, во-первых, нам придется создать такую же федеративную республику из Татарской республики, Башкирской республики, Киргизской республики и других — и тогда согласиться на распад РСФСР. И, во-вторых, нам придется удовлетворить растущие “национальные” желания казаков. Или же мы откажемся от политики превращения национальных областей в республики и твердо заявим, что в первую очередь осетины, чеченцы, дагестанцы и другие должны остаться в РСФСР».

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 68.

¹⁵ Там же. Оп. 1105. Л. 159–161.

Сталин в очередной раз недвусмысленно подчеркнул опасность распада РСФСР и образования этнической русской республики, которые могут вызвать рост русского национализма, «наиболее опасного» для Советского Союза.

Через несколько месяцев на проходившем в декабре 1925 г. пленуме ЦК Сталин был вынужден вновь обратиться к русскому вопросу. Это произошло, когда безобидное на вид предложение изменить название партии с Российской коммунистической партии (большевиков) — РКП(б) на Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) — ВКП(б) встретило яростное сопротивление¹⁶. Еще в 1923 г. Христиан Раковский и Микола Скрипник говорили, что использование слова «российский» по отношению к общесоюзной коммунистической партии является нарушением советской национальной политики, даже если это слово подразумевает сложившееся исторически Российское государство, тогда как «русский» относилось к русскому народу¹⁷. Попытка переименовать партию на пленуме ЦК 1924 г. вызвала спор, и поэтому обсуждение этого вопроса было отложено до следующего года¹⁸. И теперь, через год, официальное предложение, внесенное Молотовым и поддержанное Сталиным, вызвало критику со стороны некоторых ближайших его союзников. Орджоникидзе выдвинул аргумент, уже знакомый Сталину: «Мы создадим такое положение, когда наряду с всесоюзным ЦК у нас будет еще и русский Центральный комитет. Подобное положение, по моему мнению, может не преодолению национализма, а его разжиганию»¹⁹. Ворошилов заметил, что подобные возражения выдвигались еще тогда, когда этот вопрос обсуждался на Политбюро, и поддержал позицию Орджоникидзе: «Если теперь хотят переименовать партию по названию правительства, то тогда, по логике вещей, нужно будет создать Русскую Коммунистическую партию... Нам придется создать Русскую партию, чтобы русские товарищи не сочли себя оскорбленными и чтобы не разжигать русский национализм»²⁰. И наконец, и Микоян тоже предупредил об опасности, которая будет грозить единству партии в связи с созданием Русской партии: «Опасность формального противоречия [между названием партии и названием государства] гораздо меньше, чем опасность создания двух партийных центров в Москве, поскольку наряду с общим ЦК партии будет создан

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 200, 205.

¹⁷ Там же. Л. 16.

¹⁸ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1105. Л. 137.

¹⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 205. Л. 4.

²⁰ Там же.

и ЦК РКП [Русской коммунистической партии], которая объединит две трети целой нашей партии. А это будет опасно и вобьет клин и приведет к тому, что создать раскол в партии будет гораздо легче»²¹.

Эти возражения поставили Сталина в трудное положение. Во-первых, все трое несогласных были его близкими союзниками и имели большой опыт проведения национальной политики на родине Сталина — Кавказе. Во-вторых, их возражения были самым тесным образом связаны с озабоченностью по поводу русского вопроса самого Сталина. А потому реакция Сталина представляет большой интерес. Опасения, что русские могут оскорбиться, он отверг как «комичные» и заблаговременно высказал те мысли, которые потом, в 1930 г., он развил в своем письме Демьяну Бедному. Сталин назвал русских «самым большим, самым культурным, самым индустриальным, самым активным, самым советским из всех народов в нашей стране»²². И, что еще важнее, он обозначил характерное различие между РСФСР и Русской республикой: Орджоникидзе, Ворошилов и Микоян «говорили о Русской партии, однако у нас фактически нет Русской республики. Имеется Российская Федеративная Республика. Она не Русская, она Российская»²³. Для Сталина это различие было ключевым. И в самом деле: свои заметки по осетинскому вопросу он завершил тремя предложениями, направленными на укрепление многонациональности РСФСР: «Принять курс, направленный на укрепление РСФСР и объединение вокруг него национальных областей и республик. Укрепить бюджет РСФСР, в то же время принимая в соображение интересы национальных областей и республик. Выдвинуть национала на должность заместителя председателя Совнаркома РСФСР»²⁴.

Несмотря на усилия Сталина, «неудобство» статуса РСФСР становилось все более и более очевидным²⁵. У органов власти РСФСР было положение полуцентральных организаций. Например, Наркомпрос РСФСР курировал всесоюзную программу положительной деятельности в центральных университетах. Тот факт, что органы власти РСФСР обладали полуцентральным статусом, мешал им защищать интересы русских, что стало особенно очевидным во время пограничных споров между Украиной и РСФСР, которые велись в 20-е гг. С другой стороны, органы РСФСР были, несомненно, вто-

²¹ РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 2. Д. 205. Л. 6.

²² Там же. Л. 5. (О письме Сталина Бедному см. главу 6.)

²³ Там же.

²⁴ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1105. Л. 161.

²⁵ Национальный вопрос на перекрестке мнений... С. 114.

ростепенными центральными организациями, всегда подчинявшимися аналогичным организациям всесоюзного уровня. Следовательно, несмотря на сталинское утверждение о том, что комична и сама мысль о недовольстве русских, русские региональные руководители ощущали, что у них нет своей республики и республиканской партии, которая защищала бы их интересы столь же активно, как Украинская республика защищала национальные интересы Украины. В июне 1926 г. в качестве реакции на это недовольство Политбюро образовало специальную комиссию с громким названием: Комиссия по строительству РСФСР, национальных республик и областных органов в РСФСР²⁶. Комиссии был поручен поиск решения, в том числе и конституционного, тех проблем, которые существовали в отношениях между органами власти РСФСР и общесоюзными властями, а также между властями РСФСР и автономными республиками и областями, входившими в ее состав²⁷. Председателем этой комиссии был назначен Михаил Калинин. Калинин занял эту должность потому, что в качестве председателя ЦИК РСФСР он был членом Политбюро и имел прямое отношение к русским национальным проблемам. Комиссия Калинина просуществовала всего девять месяцев, не афишировала своей деятельности и так и не достигла никаких практических результатов. И все-таки в ходе проведенных ею дискуссий выявились такие вопросы и позиции, которые имели фундаментальное значение²⁸.

В частности, комиссия Калинина стала первой и единственной политически оправданной инстанцией, которая имела возможность выразить возмущение населения РСФСР тем, что республика находится в подчинении у всесоюзных органов, и тем, что другие союзные республики находятся в относительно привилегированном положении. Особую зависть ответственных работников РСФСР вызывала смелость украинцев, успешно опротестовавших решения общесоюзных органов. Действительно, когда некоторые из выступавших стали жаловаться на господствующее положение всесоюзных органов, Калинин пошутил: «Вы так говорите о республиканских правах, что если бы здесь у нас быди украинцы, то они бы вам аплодировали»²⁹.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 566. Протокол 32, п. 25.

²⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 188. Л. 5–6.

²⁸ Материалы комиссии Калинина рассеяны по центральным государственным и партийным архивам: Там же. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 305. Л. 1–85; Д. 435. Л. 1–60; Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 211. Л. 1–3; Д. 212. Л. 1–142; Д. 272. Л. 1–24; Оп. 64. Д. 188. Л. 1–230; Ф. 393. Оп. 1s. Д. 196. Л. 1–96; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 485. Л. 1–77; Оп. 85. Д. 108. Л. 1–208; Ф. 78. Оп. 7. Д. 61. Л. 1–97; Д. 62. Л. 1–274; Д. 83. Л. 1–18; Д. 88. Л. 1–67.

²⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 435. Л. 1, 32, 37.

Выступавшие жаловались также на то, что, в отличие от других республик, почти вся промышленность РСФСР находилась под контролем всесоюзных органов: «Почему РСФСР занимает в Союзе самое худшее положение?» Другой член комиссии посетовал: «Можно по пальцам пересчитать то, что принадлежит РСФСР». Станислав Косиор, который был тогда секретарем ЦК, заявил, что «задача [комиссии] предоставить РСФСР все те льготы, которыми пользуются другие союзные республики»³⁰. А это означало, что ЦК признавал неполноценность статуса РСФСР.

Жаловались и на то, что у РСФСР нет некоторых институтов. Секретарь ВЦИК Киселев даже предложил создать Русскую коммунистическую партию со своим собственным Центральным комитетом; за это его впоследствии подвергли критике, но не наказали³¹. Традиция назначать одного человека на две аналогичные должности в органах власти РСФСР и СССР (Рыков и Калинин были одновременно председателями и российского, и общесоюзного Совнаркомов и ЦИК соответственно) была осуждена потому, что она принижала значимость органов власти РСФСР³². Жаловались и на то, что центральные власти установили для нерусских регионов режим наибольшего благоприятствования: «Эти отсталые национальности по большей части живут за счет русского крестьянства центральных областей»³³. Таким образом, комиссия Калинина стала редким и почти единственным местом для выражения недовольства «великодержавной нации».

Однако это почти ни к чему не привело, разве что российские руководители получили возможность излить свой гнев. Комиссия Калинина завершила работу в марте 1927 г. и передала свои резолюции на рассмотрение Политбюро. Ее требования были самыми скромными и, как уже упоминалось, ни одно из них не было выполнено. Рассмотрение отчета комиссии Калинина Политбюро отложило до февраля 1928 г., когда оно просто и без всяких комментариев передало ее материалы в архив ЦКК–Рабкрина, и это стало бесславным завершением работы комиссии³⁴. Время для изменений Конституции и требований независимости прошло. А с началом первой пятилетки претензии РСФСР к центру стали еще менее значительными.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 62. Л. 37–38, 51–52, 55–56, 78.

³¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 435. Л. 10.

³² Там же. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 188. Л. 198.

³³ Там же. Л. 21, 198.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 625. Протокол 92, п. 3; Д. 626. Протокол 93; в. 1; Ф. 17. Оп. 3. Д. 639. Протокол 111, п. 7; Ф. 17. Оп. 3. Д. 672. Протокол 9, п. 27.

Интернационализация РСФСР

Как мы уже видели в предыдущих главах, положение русской культуры во время культурной революции было как никогда жалким. Латинизация распространилась и на те языки, которые использовали кириллический, или «русский», алфавит, о котором было сказано, что он «в его истории является алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма»³⁵. Началась новая судебная и пропагандистская кампания против великодержавного шовинизма. К тому же, после того как Сталин провозгласил, что ускоренное строительство социализма будет сопровождаться «расцветом» наций, увеличилось число этнических территорий, что, в свою очередь, привело к дальнейшей интернационализации РСФСР. К 1932 г., после образования украинских и белорусских национальных советов, созданных, несмотря на протесты местных русских работников, РСФСР состояла из примерно 290 национальных районов, 7000 национальных сельсоветов и гораздо более 10 000 национальных колхозов, не говоря о входивших в ее состав 10 автономных республиках, 12 автономных областей и 9 автономных округов.

«Расцвет наций» во время культурной революции способствовал обнаружению новых наций. Малочисленный 200-тысячный марийский народ раскололся на «луговых» и «горных» марийцев, причем последней, малочисленной, 50-тысячной этнической группе был выделен собственный национальный район в составе Марийской автономной области³⁶. В Грузии такого же статуса потребовали мингрелы (250 тыс. человек), и им тоже разрешили иметь свою национальную прессу и свои школы, но создавать отдельный национальный район запретили³⁷. Расцвет наций предполагал не только признание новых наций, но и повышение статуса племен до статуса национальности.

В начале 20-х гг. многочисленные малые народы Севера Советского Союза (ненцы, чукчи и т. д.) оказались на особом положении, и для них были созданы специальные институты — в силу их крайней племенной «отсталости». Они были организованы в экстерриториальные клановые советы, которые представляли лишь коренное население и находились под контролем патерналистского Комитета содействия

³⁵ ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 14. Д. 81. Л. 27–28.

³⁶ Там же. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1531. Л. 42. К 1935 г. в этом районе уже было четыре газеты, издававшиеся на горно-марийском языке. *Летопись периодических изданий СССР в 1935 г. (на 1 июля)*. М., 1935. С. 780.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 18. Д. 34. Протокол 21, п. 18; Д. 39. Протокол 50, п. 22; *Летопись периодических изданий СССР*. С. 780–781.

народностям северных окраин (Комитет Севера), администрация которого находилась в Москве³⁸. С точки зрения культурной революции эта система выглядела безнадежно устаревшей и колониальной. Раздавались страстные призывы предоставить малым народам их «полноценные национальные права»³⁹. В декабре 1930 г. ВЦИК принял постановление, согласно которому на Крайнем Севере должны были создаваться национальные советы⁴⁰. К 1931 г. малые народы Севера были объединены сетью из 9 национальных округов, 65 национальных районов и 411 национальных сельсоветов⁴¹. Письменность создавалась для народностей, численность которых была менее тысячи. Несмотря на эту малочисленность, Анатолий Скачко, главный покровитель малых народов, хвастался, что эти национальные советы были местом «создания новых национальностей из племен, которые прежде никогда и не мечтали о национальном существовании... [И] всего за шесть лет они прошли через все стадии развития, через которые другие народы должны были проходить несколько тысяч лет»⁴². Такая риторика свидетельствовала, что своего апогея достигло стремление советских властей осуществить девелопменталистскую идею культурной революции и идею этнической дивергенции.

Русификация РСФСР

Высшей точкой интернационализации РСФСР была ее русификация. «Кубанское дело» и национальная интерпретация кризиса хлебозаготовок положили начало не только прагматизму «бесшумной» коренизации и суровым репрессиям против диаспорных национальностей Советского Союза. Они стали показателем весьма резкого перехода от «этнического размножения» к этнической консолидации. Действительно, ключевое постановление Политбюро от 14 декабря 1932 г. содержало не только критику украинизации и требование депортировать кубанских казаков, но и требование пре-

³⁸ *Slezkine Y.* Arctic Mirrors. Ithaca, N. Y., 1994. P. 131–183.

³⁹ *Смидович П.* Советизация Севера // Советский Север. 1930. № 1. С. 5.

⁴⁰ Постановление Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народов Севера» // Советский Север. 1931. № 1. С. 230–233; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1313; *Slezkine Y.* Op. cit. P. 269–272.

⁴¹ *Скачко А.* VIII пленум Комитета Севера // Советский Север. 1931 № 5. С. 5; *Терлецкий П. Е.* Национальное районирование Крайнего Севера // Там же. 1930. № 7/8. С. 13.

⁴² Вторая сессия ВЦИК пятнадцатого созыва. Стенографический отчет. М., 1931. С. 16.

кратить украинизацию Северного Кавказа и ликвидировать там все украинские национальные советы⁴³:

«Немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов “украинизированных” районов, а также все издающиеся газеты и журналы с украинского языка на русский язык как более понятный для кубанцев, а также подготовить и к осени перевести преподавание в школах на русский язык».

На следующий день было принято второе постановление Политбюро, распространившее отмену украинизации на всю РСФСР⁴⁴:

«ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР решительно осуждают предложения некоторых украинских товарищей об украинизации целого ряда районов Советского Союза (например, на Дальнем Востоке, в Казахстане, Средней Азии, в Центрально-Черноземном районе). Такие предложения могут быть на руку только тем буржуазным националистическим элементам, которые, будучи высланными с Украины как неблагонадежные элементы, проникнут в только что украинизированные районы и развернут там диверсионную деятельность».

Как мы уже видели в главе 7, действия Украины в интересах этнических украинцев, живущих в РСФСР, считались разновидностью украинского империализма по отношению к РСФСР⁴⁵.

Эти два постановления резко изменили политический курс и означали начало русификации РСФСР. Под русификацией я подразумеваю ликвидацию нерусских национальных территорий и других национальных институтов в русских регионах РСФСР (в областях и краях): сфера их действия была ограничена автономными республиками и областями РСФСР, которые не подвергались русификации. Украинцев, проживавших в РСФСР (по переписи 1926 г. — 7,9 млн), было в два с лишним раза больше, чем казаков, следующего за ними самого многочисленного национального меньшин-

⁴³ Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 293.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Протокол 126, п. 50.

⁴⁵ Шліхтер О. Посилимо більшовицьку пильність на фронті здійснення ленінської національної політики на Україні // Більшовик України. 1933. № 9/10. С. 77; Орлов М. Проти націоналістичних настанов у роботі УРЕ // Там же. 1932. № 7/8. С. 67–68; Любченко П. П. Про деякі помилки на теоретичному фронті // Комуніст. 1933. 4 апр. С. 3; Сизонов К. П. Знищити до кінця націоналістичну контрабанду на фронті радянського будівництва і права // Червоний шлях. 1934. № 8. С. 41–42.

ства РСФСР (3,85 млн). Украинцы составляли 29,7 % всех нерусских народов РСФСР и являлись абсолютным большинством (53,1 %) среди нерусских народов в русских регионах республики⁴⁶. Следовательно, упразднение всех украинских национальных институтов, равно как и национальных институтов белорусов, живущих в РСФСР (а их было гораздо меньше — 640 тыс.), явилось большим шагом в направлении административной русификации РСФСР⁴⁷.

Сравнение показателей переписей 1926 и 1937 гг. свидетельствует о том влиянии, которое оказали изменения, произошедшие в административном устройстве РСФСР. В ходе обеих переписей респондентам было позволено выбирать национальность. Таблица 38 демонстрирует резкое сокращение численности живущих в РСФСР украинцев и белорусов — при том, что такого сокращения на Украине и в Белоруссии не произошло. Как видно из таблицы 39, наиболее стремительно число украинцев и белорусов сократилось в тех районах, которые граничили с Украиной, особенно на Северном Кавказе, и в первую очередь на Кубани, где террор против украинцев 1932–1933 гг. был наиболее свирепым.

Так быстро были ликвидированы национальные территории лишь украинцев и белорусов. Во всех других регионах русификация РСФСР происходила более плавно. Тем не менее уже в декабре 1933 г., когда отдел национальностей ВЦИК проводил свою третью конференцию по национальным меньшинствам, стало очевидным, что принятые 14 и 15 декабря 1932 г. постановления Политбюро создали угрозу для самого существования национальных советов⁴⁸. Н. Н. Нурмаков, председатель Отдела национальностей ВЦИК, дал высокую оценку сети национальных советов, которая была создана в РСФСР, но заявил, что процесс образования советов завершен. Фактически же он указал на то, что этот процесс зашел слишком далеко⁴⁹:

«Некоторые национальные меньшинства, выполняя задание буржуазных националистических элементов — сознательно или нет, — потребовали создания особых районов для численно не-

⁴⁶ Эти цифры рассчитаны по результатам переписи 1926 г. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IX. РСФСР. М., 1929. С. 65–95.

⁴⁷ Особого постановления о ликвидации белорусских территорий и институтов в РСФСР не было принято. Постановление Политбюро от 16 декабря 1932 г., распространившего национальный террор с Украины на Белоруссию, оказалось, судя по всему, достаточно, чтобы донести мысль о том, что и с украинцами, и с белорусами в РСФСР надо обращаться одинаково.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 128. Д. 2–3.

⁴⁹ *Нурмаков Н. Н.* III Всероссийское совещание работников среди национальных меньшинств // Революция и национальности. 1934. № 1. С. 81.

значительных групп национальных меньшинств... Создание таких районов, не обладающих необходимыми хозяйственными и финансовыми условиями, отнюдь не способствует быстрому развитию этих национальных меньшинств. И в результате создаются чисто потемкинские районы, не имеющие никаких будущих перспектив».

Политика «этнического размножения» была осуждена как буржуазно-националистическая.

Таблица 38. Украинское и белорусское население РСФСР, Украины и Белоруссии, 1926–1937 годы

РСФСР	Перепись 1926 г.		Перепись 1937 г.	
	население	в процентах от населения республики	население	в процентах от населения республики
Украинцы	7 873 331	7,8	3 087 022	3,0
Белорусы	637 634	0,6	349 214	0,3
Украинцев в Украинской ССР	23 218 860	80,1	22 212 525	78,2
Белорусов в Белорусской ССР	4 017 301	80,6	4 361 804	83,9

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IX–XI; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991. С. 85–86.

Таблица 39. Украинское население в регионах РСФСР, 1926–1937 годы

Регион	Перепись 1926 г.		Перепись 1937 г.	
	население	в процентах от населения республики	население	в процентах от населения республики
Северный Кавказ	3 106 852	37,15	212 857	2,84
Кубань/Краснодар	915 450	61,48	51 588	2,84
Центрально-Черноземная область	1 651 853	15,26	709 126	5,51
Казахстан	860 822	13,24	549 859	10,73
Дальний Восток	315 203	10,43	328 286	14,41

Рассчитано по кн.: Всесоюзная перепись населения в 1926 года. Т. IX–XI; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991. С. 85–86. Высокий показатель для Дальнего Востока в основном объясняется продолжающейся украинской сельскохозяйственной колонизацией региона, которая компенсировала потери, вызванные ассимиляцией.

Перемены в отношении к этнической дивергенции сопровождались переоценкой роли русской культуры. Нурмаков заявил о необходимости улучшать знание русского языка и поставил под сомнение ценность школьного обучения на языках национальных меньшинств: «Мы открываем национальные школы не для того, чтобы проводить обязательное обучение на родных языках, но для того, чтобы дать образование национальным меньшинствам»⁵⁰. Это утверждение полностью противоречило существовавшей политике и дискредитировало образование на языках национальных меньшинств. Тем не менее представитель Комиссариата просвещения согласился с тем, что русскому языку необходимо предоставить преимущество: «Мы должны приспособиться к языку, представляющему более высокую культуру»⁵¹.

Поразительный контраст между этим лаконичным высказыванием и гимном, который спел Скачко новым национальным советам, свидетельствует об огромном различии между тем, что происходило на пике культурной революции, и тем, чем было ознаменовано начало «великого отступления»: язык утопии и «этнического размножения» сменился языком реализма и этнической консолидации. Водоразделом между двумя этими периодами были приняты в декабре 1932 г. постановления Политбюро и кампания против украинского национализма. Влияние этих событий ощущалось во всех сферах национальной политики, однако, как отмечалось в главе 9, точный смысл их политических последствий был пока неясен. В 1933–1937 гг. продолжали сосуществовать два радикально противоположных политических направления. С одной стороны, упразднялись все институты национальных меньшинств и происходила их полная административная русификация (например, украинцев в РСФСР). С другой стороны, слегка корректировалась существующая система национальных меньшинств без ее существенного изменения. Так как политика коренизации изменилась лишь частично, можно было предположить, что предпочтение отдается последнему направлению национальной политики.

Эта таблица составлена на основе довольно полного перечня всех национальных районов и сельсоветов. Когда в перечне приводились «смешанные» советы, я распределял эту цифру по двум национальностям. Когда перечислялись районы, а не сельсоветы, численность сельсоветов я рассчитывал пропорционально количеству районов.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 28. Д. 2. Л. 204.

⁵¹ Там же. Л. 147.

Таблица 40. Национальные советы в РСФСР в 1935 году

Регион	Национальные районы	В процентах от общего числа районов	Национальные сельсоветы	В процентах от общего числа сельсоветов
РСФСР	161	6,8	3004	7,0
Области/края	107	6,2	2344	6,8
Автономные республики (АССР)	50	9,5	615	7,5
Автономные области (АО)	4	4,3	45	3,0

Вначале казалось, что может возобладать последний вариант. Как видно из таблицы 40, к 1935 г. сеть национальных советов в РСФСР, скорректированная с учетом украинских и белорусских потерь, оставалась по своему размеру почти такой же, какой она была в 1932 г.⁵² В 1935 г. в среднем национальном районе имелось население, которое представляло национальное большинство; работали школы и издавалась газета на национальном языке. Администрация состояла в основном из представителей титульной национальности района и могла рассчитывать, что, когда возникнет необходимость, верховная власть окажет району финансовую помощь. Одновременно почти все делопроизводство в национальных районах велось на русском. Таким образом, казалось, что существовавшая в сельской местности система национальных меньшинств устоялась.

А городским институтам национальных меньшинств повезло гораздо меньше. Хотя в некоторых городах национальные советы и существовали, эту систему перенести в город было практически невозможно. Для компенсации была создана тщательно разработанная сеть национальных городских организаций — клубов, школ, рабочих бригад, общежитий, красных уголков⁵³. После 1933 г. она начала быстро разрушаться. В начале 1933 г. идеи о создании на Донбассе отдельных национальных татарских цехов и кооперативных магазинов были осуждены как «воздвигавшие китайскую стену между русскими и национальными меньшинствами» и «чуждыми

⁵² Здесь приведен почти полный перечень всех национальных районов и сельсоветов. Численность смешанных советов я разделил на две национальности. Численность сельсоветов я рассчитывал пропорционально числу районов.

⁵³ *Абрамов С.* Национальная работа советов в городах. М., 1935; *Ибрагимов, Садыков С.* Успехи ленинской национальной политики на Урале. Свердловск, 1932. С. 26–34; Материалы и решения 3-го общегородского нацмен-совещания. 7–8 июля 1932 года. Ростов на/Д, 1932.

пролетарской организации труда»⁵⁴. Эти требования, полностью соответствовавшие прежней системе, теперь были названы контрреволюционными.

Таблица 41. Газеты национальных меньшинств РСФСР (без учета АССР и АО)

Год	Области/края	Городские	В целом
1927	14	2	16
1928	15	2	17
1929	14	3	17
1930	16	4	20
1931	17	9	26
1932	26	12	38
1933	29	15	44
1934	25	12	37
1935	23	12	35
1936	19	7	26
1937	16	4	20
1938	12	3	15
1939	2	2	4
1940	0	0	0

Источник: Газеты СССР. 1917–1960. Библиографический справочник. М., 1970–1984. Газеты областного и краевого уровня – это газеты, издававшиеся областными или краевыми организациями. Городские газеты издавались городскими или районными организациями либо заводами.

Ответственные работники промышленности и профсоюзов всегда крайне враждебно относились к советской национальной политике, а особенно к программе положительной деятельности. Теперь же они просто перестали ее выполнять в русских регионах РСФСР. К 1934 г. образцовые программы положительной деятельности в промышленности Северного Кавказа и Нижней Волги уже не действовали⁵⁵. Впоследствии положительная деятельность в образовании была ограничена союзными и автономными республиками и втихомолку осуществлялась в крупных университетах Москвы и Ленинграда. Положение национальных школ в городах было неплохим, но их чис-

⁵⁴ Сафаров Н. Против извращения нацполитики // Революция и национальности. 1933. № 4. С. 75–76.

⁵⁵ Тажуризин А. Очерки о хозяйственном и культурном строительстве в национальных районах Нижней Волги. Сталинград, 1934. С. 40–41.

ленность после 1933 г. тоже постепенно сократилась⁵⁶. Численность учащихся, поступавших в национальные школы в РСФСР (исключая АССР), уменьшилась с 1 млн в 1932/33 уч. году до 605 383 человек в 1935 г., а затем — до 417 316 человек в 1937/38 уч. году⁵⁷. Как видно из таблицы 41, количество издававшихся в городах национальных газет тоже начало сокращаться в 1933 г.⁵⁸ С упадком институтов национальных меньшинств в городах РСФСР была разделена на русские территории, где национальные меньшинства не имели особого статуса, и нерусские — автономные республики и области РСФСР.

Постепенно национальные институты начали сосредотачиваться в автономных республиках и областях РСФСР. В 1934 г. находившиеся в Москве редакции татарской и чувашской газет были перемещены в соответствующие республики⁵⁹. Центральные учреждения национальных меньшинств были упразднены: в 1934 г. был ликвидирован обслуживающий национальные меньшинства Комнац, а в 1935 г. — Комсевер⁶⁰. Перестали издаваться журналы национальных меньшинств⁶¹.

Общая тенденция и, в частности, преобладание русскоязычного образования привели к тому, что существовавшее раньше табу на обсуждение ассимиляции национальных меньшинств было снято. До 1932 г. советская политика однозначно не разрешала даже добровольную ассимиляцию. В 1929 г. Сталин заявил: «Вам, конечно, известно, что политика ассимиляции безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная»⁶². После 1933 г. сложилось новое отношение к ассимиляции, и появилась новая риторика. В 1934 г. А. Таджиев, секретарь Совета национальностей, публично заявил, что своих детей, родным языком которых является узбекский, он отправил в русскоязычные школы. И добавил, что весьма примечательно, следующее⁶³:

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 825. Л. 92; Д. 831. Л. 76.

⁵⁷ Там же. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 935. Л. 37; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 633 (75/7, 131–132).

⁵⁸ Газеты областного и краевого уровней — это газеты, издававшиеся организациями областного или краевого уровня. Городские газеты издавались городской или городской районной организацией либо заводом.

⁵⁹ Газеты СССР. 1917–1960: Библиографический справочник: в 5 т. М., 1970–1984. Т. I. С. 29.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 280–281.

⁶¹ Журнал «Советский Север», орган Комсевера, перестал издаваться в 1935 г.; орган Северного Кавказа журнал «Революция и горец» — в 1933 г.; журнал «Литература национальностей СССР» — в 1935 г.; журнал «Просвещение национальностей» — в 1935 г. И ни одно из этих изданий не было заменено чем-то подобным.

⁶² Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм // Соч. Т. 11. С. 347.

⁶³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 766. Л. 125–126.

«На местах недопонимание возникает потому, что мы наблюдаем противодействие ассимиляции. Иногда такое наблюдается даже среди коммунистов. Однако нам не стоило бы противиться ассимиляции. Наша национальная политика совершенно ясна, и мы никогда не можем допустить принудительную ассимиляцию. Мы не можем этого позволить, но нам следовало бы всеми средствами приветствовать естественную ассимиляцию, нам следовало бы приветствовать естественную ассимиляцию, которая происходит своими собственными темпами. Это положительный процесс, поскольку он ведет к созданию единой нации, единого языка».

Двумя годами раньше, в силу влияния речи Сталина, произнесенной в 1930 г. на съезде партии, эти слова были бы осуждены как великодержавный шовинизм.

И в таком духе выступал не только Таджиев. В 1936 г. А. И. Хацкевич, сменивший Таджиева на посту секретаря Совета Национальностей, сделал аналогичное заявление⁶⁴:

«Многие неправильно понимают *права* национальных меньшинств в их хозяйственной и культурной деятельности. Они говорят: “Если ты *нацмен*, то, значит, ты должен посещать национальную школу, хочешь ты этого или нет... Ты должен вести делопроизводство своего совета на национальном языке” [Однако] больше внимания должно уделяться реализации *права свободного выбора* на использование любого языка в соответствии с выбором самого населения и каждого гражданина индивидуально... Каждый *нацмен* должен иметь право ликвидировать свою безграмотность на своем родном языке, однако если они хотят ликвидировать ее на русском, *проживая в краях и областях РСФСР*, то тогда следует предоставлять им это *право* и возможность (курсив мой. — Т. М.)».

Здесь бросается в глаза несколько моментов. Во-первых, Хацкевич выделил русские районы РСФСР, заявив, что именно они являются естественным местом ассимиляции. Во-вторых, как и Таджиев, он настаивал на праве на ассимиляцию, в отличие от принуждения к ассимиляции. Теперь это стало общим правилом⁶⁵. В-третьих, Хацкевич ссылаясь на желания отдельных представителей национальных меньшинств, а не просто апеллировал к новым целям государства. И это отнюдь не было лицемерием. Многие нерусские родители

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 27. Л. 246–249.

⁶⁵ См. также: *Диманштейн С.* Отношение марксизма-ленинизма к вопросу об ассимиляции национальностей // *Революция и национальности.* 1935. № 7. С. 57–63.

действительно хотели расширить социальные и материальные перспективы своих детей и поэтому посылали их учиться в русскоязычные школы. Право на ассимиляцию было не только новой государственной политикой, но и давней потребностью значительной части национальных меньшинств, живущих на территориях с преобладающим русским населением.

Право на ассимиляцию предполагало отказ от этнической дивергенции в пользу национальной консолидации. Предвестником такой перемены стало состоявшееся в 1934 г. объединение Чеченской и Ингушской автономных областей в единую Чечено-Ингушскую автономную область. Национальную консолидацию существенно ускорила брошенная мимоходом во время доклада 1936 г., посвященного проекту новой Конституции Союза ССР, реплика Сталина: «В Советский Союз входят, как известно, около 60 наций, национальных групп и народностей»⁶⁶. Но это, разумеется, не было известно достоверно. Перечень, составленный по итогам переписи 1926 г., включал около 200 народностей, а перечень, скорректированный в 1927 г., признавал 172 народности⁶⁷. Более того, в 1936 г. свыше сотни отдельных национальностей имели свои собственные национальные советы⁶⁸. Число, которое привел Сталин, всего лишь представляло советские национальности, имевшие свои национальные округа, области или республики. И таких национальностей было 51⁶⁹.

Замечание Сталина, естественно, сказалось и на подготовке к переписи 1937 г. Еще в начале 1935 г. журнал «Революция и национальности» опубликовал дискуссионную статью, в которой для новой переписи предлагался пересмотренный перечень из 121 советской национальности⁷⁰. В окончательном списке, который был подготовлен для переписи, количество национальностей было сокращено до 107 (а иностранные граждане были представлены национальностями в количестве чуть больше десятка)⁷¹. Перечень 1939 г. был еще более

⁶⁶ Сталин И. В. Соч. Т. I [XIV]. Stanford, Calif., 1967. С. 146. Сталин заявил, что в советскую федерацию входит «около 60 наций, национальных групп и народностей».

⁶⁷ Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category *Nationality* in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // *Slavic Review*. 1997. № 56. С. 263–264.

⁶⁸ Гранде Б. Материалы для уточнения списка народов СССР // *Революция и национальности*. 1935. № 4. С. 78; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 577. Л. 1–132.

⁶⁹ Административно-территориальное деление союзных республик на 1 марта 1937 г. М., 1937.

⁷⁰ Гранде Б. Указ. соч. С. 81–87.

⁷¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 83–84, 228–229. Блистательный и тщательный анализ переписных листов 1937 и 1939 гг. см.: Hirsch F. *The Soviet Union as a Work-in-Progress...* P. 266–276.

сокращен — до 59 «больших национальностей» (57 в опубликованном варианте), а в конечном счете его привели в соответствие с той цифрой, которая была упомянута в сталинской реплике 1936 г.⁷² Перепись 1937 г. была использована для пропаганды права на ассимиляцию. Перед ее началом в газетах были опубликованы статьи, объявлявшие о праве выбирать собственную национальность⁷³. Учитывая массовые перемещения населения и изменения границ, трудно сравнивать переписи 1926 и 1937 гг. Однако таблица 42 свидетельствует о существенном росте ассимиляции. Эта статистика, даже скорректированная с учетом значительного уменьшения численности украинцев и белорусов, показывает заметное снижение количества тех, кто не считал себя русским. Нерусское население русских регионов РСФСР (краев и областей) сократилось с 12 841 825 человек (15,76 %) в 1926 г. до незначительных 4 116 241 человека (4,71 %) в 1937 г.⁷⁴ Таким образом, к началу 1937 г. русификация РСФСР достигла немалых успехов.

Таблица 42. Национальный состав РСФСР, 1926–1937 годы

Год	Общая численность населения	Нерусское население	В процентах от общей численности населения	Нерусские, за исключением украинцев и белорусов	В процентах от общей численности населения
1926	100 623 474	26 551 378	26,39	18 040 413	17,93
1937	103 919 847	17 558 453	17,86	15 122 217	14,56
1939	109 397 463	19 089 187	17,45	15 271 344	13,96

Источники: Всесоюзная перепись населения в 1926 года. Т. IX. С. 34–51, 65–79; Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 85–96; Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 59–79.

В конце 1937 г. административная русификация РСФСР внезапно получила сверху еще один толчок благодаря нескольким постановлениям Политбюро и Оргбюро. В декабре 1937 г. Политбюро приняло постановление, в соответствии с которым ликвидировались школы и учреждения культуры диаспорных национальностей Советского Союза (например, немцев, поляков, финнов, эстонцев, латышей)⁷⁵. В процессе выполнения этого постановления сфера его действия

⁷² Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress. P. 275–276.

⁷³ Там же. P. 268.

⁷⁴ По тем же самым источникам, что и для таблицы 42.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994 (56/75). Этим подтверждалось постановление Оргбюро, см.: Там же. Оп. 114. Д. 633 (75/7).

была расширена на все «нерусские школы в русских районах», что означало ликвидацию 4598 школ национальных меньшинств в русских районах РСФСР⁷⁶. В соответствии с рядом последующих постановлений Оргбюро ликвидировались все педагогические училища национальных меньшинств⁷⁷. Таким образом, к середине 1938 г. в русских областях РСФСР остались только русские школы⁷⁸.

Таблица 43. Газеты национальных меньшинств в сельских районах

Год \ Область/ Край	РСФСР	АССР/АО	Союзная республика
1930	7	7	6
1931	19	17	15
1932	32	25	23
1933	35	30	26
1934	34	35	31
1935	39	41	33
1936	39	41	33
1937	36	43	35
1938	27	41	41
1939	23	38	41
1940	22	39	41
1941	21	39	41

Источник: Газеты СССР. 1917–1960.

Кроме того, в декабре 1937 г. Политбюро приняло постановление о ликвидации советов диаспорных национальностей⁷⁹. Официально сфера действия этого постановления не распространялась на другие национальные меньшинства РСФСР. Но поскольку самые сильные национальные советы существовали именно у западных национальных меньшинств, их упразднение неминуемо ослабило и всю систему. А после 1938 г. о национальных районах и сельсоветах упоминать перестали. Однако можно догадаться об их судьбе, проследив эволю-

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 829 (75/7, 129–132).

⁷⁷ Там же. Д. 640 (82/11); Д. 844 (82/11, 171–174).

⁷⁸ Питер Блитстайн, написавший диссертацию по национальной политике 1934–1953 гг., сообщил мне, что это постановление исполнялось не последовательно и что в некоторых русских областях по-прежнему существовало несколько нерусских школ.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Протокол 56, п. 76. Основано на принятом ранее постановлении Оргбюро, см.: Там же. Оп. 114. Д. 633. Протокол 75, п. 6.

цию существовавшей в Советском Союзе сети районных газет национальных меньшинств (таблица 43)⁸⁰. После 1937 г. численность газет национальных меньшинств в русских регионах РСФСР резко сократилась (с 36 до 21), однако в национальных республиках и областях их численность, как это ни странно, даже немного выросла (с 78 до 80). В 1940 г. в русских регионах РСФСР уже не существовало ни одной газеты какого-либо национального меньшинства более чем районного уровня (см. таблицу 43), однако в национальных республиках и областях Советского Союза их было 20⁸¹. Иными словами, к 1940 г. Советский Союз был разделен на русские территории (области/края РСФСР), где административная русификация была почти завершена, и нерусские территории, где по-прежнему признавался статус национальных меньшинств.

Завершением этого процесса стало упразднение практически всех оставшихся центральных национальных организаций, которое произошло в 1937–1938 г. Комзет, занимавшийся организацией сельскохозяйственного переселения евреев, был упразднен в 1938 г.⁸² Реорганизация ВЦИК, преобразованного в Верховный Совет РСФСР, привела к упразднению отдела национальностей⁸³. За этим последовала ликвидация всех отделов национальностей на краевом, областном и республиканском уровнях. Были также упразднены должности специальных представителей автономных республик и областей при ВЦИК, которые, как правило, успешно лоббировали национальные интересы⁸⁴. Последние издававшиеся в Москве газеты национальных меньшинств были закрыты в 1939 г.⁸⁵ Кроме того, были закрыты и немногочисленные оставшиеся центральные периодические издания, которые были посвящены национальному вопросу⁸⁶. Президиум Совета национальностей, чрезвычайно активно действовавший в 1935–

⁸⁰ К 1939 г. были закрыты газеты следующих диаспорных национальностей: финнов, эстонцев, латышей, поляков, немцев, болгар, греков, чехов, корейцев, китайцев, курдов и иранцев.

⁸¹ В 1940 г. в автономных республиках и областях РСФСР существовало несколько газет национальных меньшинств: три газеты республиканского уровня и одна газета городского уровня; в союзных республиках Советского Союза существовало девять республиканских или областных газет национальных меньшинств и семь городских газет.

⁸² Об упразднении Комзета и его зарубежного финансового спонсора «Агроджойнта» см.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 1–13.

⁸³ Там же. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1880. Л. 1–13.

⁸⁴ Там же. Д. 2153. Л. 1–6; Д. 1880. Л. 4–9.

⁸⁵ Газеты СССР... Т. I. С. 11–66.

⁸⁶ «Революция и письменность» (1937 г.), «Революция и национальности» (1937 г.), «Революционный Восток» (1937 г.), «Советское строительство» (1937 г.), «Власть Советов» (1938 г.).

1937 гг., к концу 1937 г. прекратил всякую заметную деятельность⁸⁷. Тем не менее он сохранился в качестве единственной центральной политической организации, которая официально занималась национальным вопросом.

Таким образом, в 1938 г. началась целенаправленная, тотальная и имеющая точные цели административная русификация РСФСР. В результате этого процесса территория Советского Союза была разделена на русский центр и нерусские «национальные» окраины. Теперь такая этногеография представляется самоочевидной, вряд ли нуждающейся в объяснении, однако на самом деле она является относительно недавним историческим феноменом. В 20-е гг. благодаря государственной поддержке этнической дивергенции понятие «национальность» пронизывало буквально весь Советский Союз, и в частности РСФСР. Она не была чисто русским пространством. Создание русского пространства РСФСР происходило в 30-е гг. и стало результатом осознанно проводившейся стратегии национальной консолидации и институциональной русификации.

Однако эта стратегия привела к существенному противоречию, поразившему самую суть новой советской национальной политики. В 20-е гг. Советский Союз создал логичную, хотя и утопическую модель, благодаря которой можно было снять напряженность между принятой Советами системой национальных территорий и сохранявшейся экстерриториальной личной национальностью каждого отдельного человека. И этой моделью была пирамида национальных советов. Ликвидация национальных районов и сельсоветов в 1937–1938 гг., а также сокращение численности национальных округов и областей во время принятия Конституции 1936 г. отсекали средние пласты этой пирамиды (таблица 44). Этнические чистки периода Второй мировой войны повлекли за собой еще большее ослабление центра пирамиды, что было вызвано ликвидацией нескольких автономных областей и республик. Определенное число советских людей вновь ощутили противоречие между национальностью, которая была зафиксирована в их паспорте, и национальной принадлежностью территории, на которой они жили. Национальные меньшинства, не имевшие собственной территории, лишились государственной поддержки их этнической идентичности. Если процесс ассимиляции был естественным, или их, как украинцев и белорусов в РСФСР, насильственно ассимилировали, то никакого противоречия не возникало. Однако, как мы увидим в следующей главе, введение паспортной си-

⁸⁷ Об этом см.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30, 65; Ф. 7523. Оп. 65s.

стемы и укрепление примордиализма создали новые препятствия на пути ассимиляции.

Это противоречие свидетельствует, что русификация РСФСР не была сиюминутным решением проблемы. Эта политика сформировалась постепенно, после «Кубанского дела» и фундаментального пересмотра советской национальной политики. Одним из важнейших факторов, содействовавших русификации РСФСР, был рост недоверия Советского государства к населению национальных пограничных областей, обусловленный опасностью трансграничных этнических связей и сопротивлением коллективизации со стороны национальных меньшинств. Усиление опасений по поводу «национальных окраин» Советского Союза дало соответствующую реакцию — готовность положиться на русский центр. Русификация РСФСР была задумана именно для того, чтобы укрепить русский центр.

Таблица 44. Пирамида национальных советов, 1932–1938 годы

Около 1932 г.	
Национальная территория	Количество
1. Советский Союз	1
2. Федеративная республика	2
3. Союзная республика	7
4. Автономная республика	15
5. Автономная область	16
6. Автономный округ	10
7. Национальный район	290
8. Национальный сельсовет	7 000
9. Национальный колхоз	10 000
10. Личная национальность	147 027 915
Около 1938 г.	
Национальная территория	Количество
1. Советский Союз	1
2. Федеративная республика	1
3. Союзная республика	11
4. Автономная республика	16
5. Автономная область	8
6. Автономный округ	10
10. Личная национальность	161 753 175

Другим важным и более непосредственным стимулом русификации РСФСР стало неприятие русскими советской империи положительной деятельности. Это неприятие было и глубоким, и повсеместным. Русские крестьяне яростно сопротивлялись передаче сельхозугодий нерусским земледельцам, а территорий, населенных русским большинством, — нерусским республикам. Русские рабочие оказывали сопротивление положительной деятельности в промышленности. И, что еще важнее, советская программа положительной деятельности была непопулярна среди тех партийных работников, которые были этническими русскими: ее осуществлению они противодействовали еще решительней, чем не состоявшие в ВКП(б). Русификация РСФСР была реакцией на недовольство русских. Теперь положительная деятельность в центральных русских регионах (так же как и в высшем образовании) осуществлялась тайком, чтобы не обидеть русских. Шумная кампания 1930–1934 гг. против великодержавного шовинизма прекратилась. Национальные меньшинства в русских регионах РСФСР вынуждены были приспособливаться к русскому окружению. И русские в своей национальной республике снова почувствовали себя как дома.

Таким образом, русификация РСФСР была частью сознательно предпринимавшихся в 30-е гг. усилий, направленных на разрешение постоянно тревожившего власти Советского Союза вопроса: «Какую роль в формировании многонационального Советского государства должны играть русские и русская культура?». Предложение Султан-Галиева создать русскую республику было отвергнуто в 1923 г. потому, что ее размеры и мощь могли стать угрозой для существования централизованного советского государства и нерусских республик. Большевистским решением этой проблемы было создание империи положительной деятельности. Ее создание способствовало единству Советского государства двумя способами. Во-первых, умаляя значение русской национальной культуры и не допуская создания этнической республики русских, власти предотвращали преобладание в СССР русских национальных интересов. Во-вторых, создание пирамиды национальных советов вело к тому, что понятие национальности пронизало весь Советский Союз и представителям любой национальности гарантировалась возможность национального самовыражения независимо от того, где они жили. Предполагалось, что это скрепит народы Советского Союза, сплотит их в одном государстве. Однако к 1933 г. советское руководство ощутило, что эта политика потерпела провал, она возмущала русских и привела к возникновению национал-коммунизма, чреватого опасными сепаратистскими настроениями.

Русификация РСФСР могла снять проблему недовольства русских в РСФСР, но не создала институциональную форму для русского национального самовыражения на территории СССР. И тогда было найдено компромиссное решение: создавалось чисто русское пространство в областях и краях РСФСР, где каждый русский мог чувствовать себя с национальной точки зрения как дома, но это не была чреватая опасностями русская республика. РСФСР так и не стала официальной представительницей русских национальных интересов. В сентябре 1936 г. было создано Бюро по делам РСФСР при ЦК ВКП(б), и это стало своего рода компенсацией: оно восполняло отсутствие Коммунистической партии РСФСР⁸⁸. Однако в Бюро не было влиятельных членов; собиралось оно всего несколько раз, обсуждало рутинные вопросы, не имевшие русского национального содержания, и было распущено в апреле 1937 г.⁸⁹ Аналогичная попытка была предпринята при Хрущеве — и тоже ни к чему не привела. Существовало два возможных способа институционализации разрешенного национального самовыражения русских: или через РСФСР, или на всесоюзном уровне. И, после того как от первого варианта отказались, пришлось принять второй.

Русификация письменности и символы политики «великого отступления»

После декабря 1932 г. централизм и объединяющая функция русского народа и русской национальной культуры постепенно институционализировались на всесоюзном уровне. Реабилитация русских и прославление русской культуры, все более и более усиливавшиеся, были составной частью процесса, который Николай Тимашев назвал «великим отступлением» и который представлял собой постепенный отказ от революционных и утопических социальных и культурных установлений в пользу традиционных, а зачастую и дореволюционных ценностей. Среди многочисленных примеров, приведенных Тимашевым, были: отказ от прогрессивных форм обучения в пользу традиционных методов; запрет аборт; увеличение числа препятствий к разводу; осуждение авангардистского искусства; пропаганда реалистической литературы, фольклора и русской классики, а также переход от имеющей классовую основу интернационалистической пропаганды к патриотическому русскому национализму⁹⁰. В 1946 г.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁸⁹ Там же. Л. 1–166.

⁹⁰ *Timasheff N. S. The Great Retreat. N. Y., 1946.*

Тимашев ожидал, что «великое отступление» продолжится и дальше и, хотя бы с перерывами, «направит нацию к тому положению, в котором бы она оказалась, если бы [большевистская] утопия не прервала бы органического развития [нации]»⁹¹. Этим положением, полагал Тимашев, были бы демократия и рыночная экономика. Но Тимашев оказался плохим пророком и, несмотря на блестящий анализ современной истории, плохим аналитиком происходившего в СССР в 30-е гг. Но в политической и хозяйственной сферах после 1933 г. власти Советского Союза не отказались от самых важных целей сталинского социалистического наступления — форсированной индустриализации, коллективизации, национализации, упразднения рынка, политической диктатуры; наоборот, здесь отмечались большие успехи⁹². Таким образом, термин Тимашева «великое отступление» неуместен. Однако, поскольку он вошел в употребление и приобрел общепринятое значение, я буду им пользоваться для обозначения произошедшего после 1933 г. традиционалистского переворота в социальной и культурной сферах, одновременно отвергая и телеологию Тимашева, и его постулаты применительно к политической и экономической сферам.

Единственным важным аспектом «великого отступления» была реабилитация русской нации. Его важность определяется далеко идущими последствиями, которые он имел. Этими последствиями был отказ от принципа советского единства (империи положительной деятельности), существовавшего до 1933 г., и провозглашение нового принципа единства («дружбы народов»). Существенной была его роль и в более масштабном процессе «великого отступления». Во многих отношениях реабилитация русских стала предпосылкой для «великого отступления», потому что трудно вообразить, как сдвиг в направлении традиционных русских общественных и культурных ценностей мог бы произойти без нее. В этом смысле постепенное возникновение этнизированной советской ксенофобии, способствовавшей росту доверия к русскому центру и яростному противодействию всякому иностранному влиянию, было главной причиной «великого отступления», хотя таким же существенным фактором был и государственный патернализм, возникший в результате сталинской ре-

⁹¹ *Timasheff N. S. The Great Retreat. С. 19.*

⁹² Влияние этих фундаментальных изменений на повседневную жизнь и эволюцию советского общества оказалось куда более существенным, чем влияние «великого отступления». Блистательный анализ неожиданных последствий аналогичных политических и экономических изменений в маоистском Китае см. в кн.: *Walder A. Communist Neo-Traditionalism. Berkeley, Calif., 1986.*

волюции сверху. Этот патернализм наделял особыми привилегиями государство, поскольку оно выступало в качестве движущей силы, которая инициировала и руководила социальными переменами. В результате общество становилось все менее подвижным и все более упорядоченным, поскольку состояло из правящей элиты и почти однородного народа, что представляло собой государственный вариант привычного противопоставления «мы — они». Эта тенденция способствовала осуществлению традиционалистских реформ «великого отступления», включая и реабилитацию русской национальности. Таким образом, «великое отступление» и реабилитация русских усиливали друг друга.

И все-таки у метафоры Тимашева имеется одно достоинство, которое заглаживает ее недостатки. Слово «отступление» очень точно показывает, что «великое отступление» было постепенным, нерешительным, реактивным; могло время от времени развиваться в противоположном направлении; было не вполне последовательным. В национальной политике «великое отступление» началось с «большого взрыва» — «Кубанского дела», декабрьских постановлений 1932 г. и террора 1933 г. на Украине. Эти события сигнализировали о переменах в национальной политике, однако было неясно, что замышляется — то ли ее умеренный пересмотр (как это утверждалось в тексте постановлений, если воспринимать их буквально), то ли радикальный (как это можно было предположить на основании начавшейся кампании террора). Оба варианта развития событий, равно как и возвращение к изначальному варианту, были возможны с 1933 по 1938 г. Такая неопределенность была характерной чертой политики «великого отступления». Этнические чистки и русификация РСФСР во время Большого террора указывали на решительный пересмотр национальной политики. Что касается более широких политических сфер — коренизации и положительной деятельности в высшем образовании, — то здесь имел место ее умеренный пересмотр. Такая же неопределенность была характерна и для политики реабилитации русского народа.

В период с 1919 по 1932 г. политика латинизации позволяла восточным национальным элитам демонстрировать в определенных пределах и пантюркизм, и русофобию, а также осуществлять собственную версию культурной революции. В 1933–1940 гг. политикой русификации алфавита и терминологической реформой воспользовались другие местные элиты и центральные власти, чтобы заявить о новой роли, отводившейся русскому народу и русской культуре в Советском Союзе в целом. Как мы видели в главе 5, латинизация достигла своего пика в 1931–1932 гг., когда было латинизировано не-

скольких кириллических алфавитов и появились предложения латинизировать кириллическую письменность восточных угро-финских народов и чувашей. В ноябре 1932 г. Совет национальностей, заслушав представлявшийся дважды в год отчет Всесоюзного центрального комитета нового алфавита, принял в целом положительную резолюцию⁹³. В 1933 г. ВЦК НА собирался продолжить латинизацию алфавитов восточных угро-финских народов и чувашей. Однако уже в январе 1933 г. от этих планов отказались. Первый номер журнала ВЦК НА за 1933 г., вышедший в преддверии февральского пленума ученого совета ВЦИК НА, имел уже другую тональность, которая тут же была воплощена в озвученной на пленуме концепции⁹⁴.

Суть этой концепции сводилась к тому, что латинизация уже завершилась. В передовой статье, которая была посвящена пленуму, со всей определенностью утверждалось: «Сегодня мы можем сказать, что тяжкий труд латинизации уже завершён. Следующая задача – закрепить и развить те успехи, которых мы уже достигли». И эта дальнейшая работа состояла в том, чтобы усовершенствовать и упорядочить «терминологию, орфографию, создавать письменные языки, словари и грамматики»⁹⁵. В центре внимания пленума была именно терминология, и тот факт, что к проблемам терминологии обратился Семен Диманштейн, стало лучшим свидетельством возникновения новой идеологической установки. Диманштейн подверг критике пантюркизм и русофобию, на которые опирались сторонники латинизации. Тюркологический съезд 1926 г. сделал много хорошего, сказал он, «но огромное множество делегатов имели вредную, чисто националистическую, пантюркскую ориентацию». А в области терминологии она проявила себя в попытках «создания объединенной великотюркской или тюркско-татарской нации, единого тюркского языка, реставрации величия Востока»⁹⁶.

Однако главной мишенью критики Диманштейна была русофобия, которая выразилась в «попытках всеми средствами и любой ценой избегать русских терминов, аргументируя это тем, что лучше использовать любые другие иностранные слова или выражения, но ни в коем случае не русские». Основой этого лингвистического «пуризма» было «старое отношение к русскому языку» как языку ру-

⁹³ Революция и письменность. 1933. № 1. С. 140–141.

⁹⁴ *Алавердов К.* На высшую ступень // Революция и письменность. 1933. № 1. С. 3–7.

⁹⁵ Вперед, к дальнейшим победам на фронте языковой культуры // Письменность и революция. 1933. № 1. С. 4.

⁹⁶ *Диманштейн С.* Принципы создания национальной терминологии // Письменность и революция. 1933. № 1. С. 26–31.

сификации, и это отношение теперь уже неприемлемо: «Остался ли русский язык для нерусских народов тем же самым после революции, каким он был и до нее? Нет, не остался. Во-первых, на этом языке нерусские добровольно приобретают многое из того, что имеет великую ценность... Подлинники трудов Ленина и Сталина и все основные документы революции появились на русском... Кроме того, русский язык имеет теперь другое классовое содержание»⁹⁷. Смысл, который хотел донести Диманштейн, был совершенно очевидным. Нападки на русский язык расценивались как нападки на революцию и, следовательно, на само государство.

Упоминание о том, что русский является языком Ленина и Сталина, было не случайным. В 30-е гг. оно стало обычным словесным оборотом. В результате возникла и постоянно усиливалась одержимость безупречностью переводов «классиков марксизма-ленинизма» на нерусские языки⁹⁸. Диманштейн обратился и к этому вопросу. Он отметил пагубную тенденцию переводить «международные термины». А в их число входили не только такие действительно международные марксистские термины, как «пролетариат», «класс», «социализм», но даже такие чисто русские, как «совет», «пятилетка», «кулак» и даже «генеральная линия партии». Теперь вызывали подозрение поиски синонимов таких терминов в местных языках, хотя это было совершенно естественно и довольно легко: «Путаница понятий приводит к искажению классовой линии, к искажению генеральной линии партии»⁹⁹.

И наконец, Диманштейн подверг критике мнение о превосходстве диалекта и выступил в защиту права на ассимиляцию. Было бы неправильно, сказал он, создавать литературный язык для каждой этнической группы. Некоторым из них следовало бы использовать литературный язык более крупной родственной национальности, как, например, мингрелы пользуются грузинским: «Не имеет смысла увлекаться бесконечным разделением наций». А другим группам следует принять русский язык. Диманштейн справедливо заметил, что в этом отношении многие родители непреклонны: «Не навязывайте нам наш прежний язык. Не заставляйте наших детей становиться такими же беспомощными, как и мы»¹⁰⁰. Вот так впервые со всей решительностью были сформулированы политика этнической консолидации и право на ассимиляцию.

⁹⁷ Диманштейн С. Принципы создания национальной терминологии. С. 33–34.

⁹⁸ Smith M. Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953. Berlin, 1998. С. 151–154.

⁹⁹ Диманштейн С. Принципы создания... С. 35–36.

¹⁰⁰ Там же. С. 37, 38.

Речь Диманштейна и решения пленума показывают, как центр руководил национальной политикой в 1931 г. Они свидетельствуют о том же, что и выступление Нурмакова на состоявшейся в декабре 1933 г. конференции национальных меньшинств, а также декреты по украинизации, принятые в декабре 1932 и ноябре 1933 г., и отмена назначавшейся центром брони: 1) проводившаяся ранее политика содействовала контрреволюции и 2) эту политику не следует развивать, но следует продолжать в том же духе, как и раньше, только с незначительными изменениями. Но, как это бывало и в других сферах политики, официально заявленные оптимистические намерения были пресечены уже в самом начале — страхом перед обвинениями в контрреволюции. И латинисты, конечно, ушли в тень, стараясь не привлекать к себе внимания. А к середине 1933 г. ВЦК НА совершенно исчез из поля зрения общественности. Его журнал перестал издаваться без уведомлений и объяснений, а ранее объявленный 6-й пленум ВЦК НА так и не состоялся¹⁰¹.

Но если латинисты испугались, то их противники, наоборот, ободрились. Впервые новую политическую обстановку прозондировали в Татарстане. Летом 1933 г. в своем публичном обращении первый секретарь Татарского обкома М. О. Разумов предложил перевести татарский алфавит с латиницы на кириллицу. Два других члена обкома поддержали это предложение в печати. Оно было вынесено на обсуждение и принято на следующем пленуме обкома всего лишь при одном голосе против¹⁰². 14 сентября 1933 г. было принято решение обкома, в соответствии с которым перевод на кириллицу был узаконен официально. В этом же решении осуждалась и неудачная попытка внедрить в татарский язык международную терминологию «в ее русской форме»¹⁰³. Однако переход на кириллицу все-таки не состоялся. Латинисты денонсировали эту инициативу, используя бюрократические каналы, и резолюцию обкома пришлось быстро отменить¹⁰⁴. В 1938 г. татарский политик отмечал, что Разумов и его сторонники были «строго наказаны»¹⁰⁵. Они неправильно истолковали сигналы, посланные центром.

Или все-таки правильно? Наказание, которому подвергли Разумова, вряд ли можно было назвать суровым. Его назначили первым секретарем Восточно-Сибирского крайкома (фактически это было

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 766. Л. 22–45; Д. 769. Л. 198–206.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4369. Л. 50; Д. 4370. Л. 152–153.

¹⁰³ Там же. Д. 4390. Л. 170.

¹⁰⁴ Там же. Оп. 114. Д. 571. Л. 222–223; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 65. Д. 1525. Л. 4.

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4353. Л. 212.

повышением), и он продолжил свою борьбу, на сей раз призывая перевести на кириллицу алфавиты малых народов Севера, часть которых проживали в его новых владениях¹⁰⁶. Более того, часть своего выступления на состоявшемся в январе 1934 г. XVII съезде ВКП(б) он посвятил яростной критике латинизации. Свою критику он направил на «Краткий курс истории латинизации», опубликованный в 1932 г. малоизвестным латинистом И. Хансуваровым, который весьма несвоевременно напал на «русификаторскую письменность» и призывал создать «международный алфавит»¹⁰⁷. И Разумов, выступление которого соответствовало новой политике и осуждало русофобию, вышел победителем. Благодаря его речи ошибочные взгляды Хансуварова были подвергнуты критике сначала в партийной газете «Правда», а затем и в теоретическом органе партии — журнале «Большевик»¹⁰⁸.

Судьба брошюры Хансуварова оказалась поучительной. Неприятие русского алфавита как миссионерского было абсолютно типично для культурной революции. В рецензиях на книги, изданные в конце 1932 и начале 1933 г., в этом не усматривали ничего исключительного¹⁰⁹. Однако всего через год подобные взгляды уже считали контрреволюционными. «Правда» была возмущена «войной» Хансуварова «против русского языка», причиной которой было его «национал-демократическое представление о формах письменности, которое в принципе ничем не отличается от украинской и белорусской национал-демократических концепций языка и литературы»¹¹⁰. Это было самое суровое из всех возможных обвинений, потому что украинские и белорусские лингвисты были главной мишенью национального террора 1933 г. Это обвинение было равноценно требованию начать на Востоке такую же политику в сфере языка и террор. Заместитель председателя ВЦК НА немедленно написал в редакцию журнала «Большевик» покаянное письмо, в котором он отрекся от Хансуварова, а Диманштейн выступил с открытыми обвинениями Хансуварова в высшей степени самокритичной статье¹¹¹. Было похоже, что вот-вот начнутся чистки.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 65. Д. 1525. Л. 4.

¹⁰⁷ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 215.

¹⁰⁸ *Ровинский*. Об одной национал-демократической концепции; *Орлицкий Д.* Национал-демократизм... Речь идет о книге И. Хансуварова «Латинизация — орудие ленинской национальной политики» (М., 1932).

¹⁰⁹ Критика и библиография // Письменность и революция. 1933. № 1. С. 211–213; *С-нин В.* Библиография // Революционный Восток. 1933. № 5. С. 157–159.

¹¹⁰ *Ровинский*. Об одной национал-демократической концепции.

¹¹¹ *Диманштейн С.* Библиография // Революция и национальности. 1934. № 6. С. 96–103; об извинениях Коркмасова см.: Там же. С. 102–103.

Но чистки так и не начались. Вместо этого в высших партийных и правительственных органах мучительно медленно шел процесс пересмотра латинизации. 7 августа 1933 г. Оргбюро приказало культпроп-отделу полностью пересмотреть латинизацию и в течение полутора месяцев представить свои предложения¹¹². В отчете культпропа, который был представлен с опозданием, в мае 1934 г., устанавливалась новая официальная линия латинизации. В нем еще раз подтверждалось, что политика латинизации была правильной, но в ходе ее осуществления были допущены ошибки. В отчете предлагалось принять следующие меры: 1) не проводить латинизацию в том случае, когда большинство представителей данного народа живет за границей (например, корейцы и персы); 2) не создавать отдельной письменности в том случае, если этническая группа является двуязычной или очень маленькой и 3) в будущем не латинизировать те алфавиты, которые существуют на основе кириллицы. Эти меры стали отражением тех перемен в национальной политике, которые произошли после 1932 г. К числу этих перемен относились: 1) победа советской ксенофобии над Пьемонтским принципом; 2) этническая консолидация и утверждение права на ассимиляцию и 3) укрепление статуса русской культуры. Кроме того, в отчете критиковалось недостаточное внимание к терминологическим ошибкам и вредительству. На местные языки переводились такие международные термины, как «совет», «совхоз» и «колхоз», слово «партийный» было переведено как «пристрастный» («предвзятый»), а «генеральная линия партии» — как «шахская дорога» («дорога шаха»)¹¹³. Этот отчет, опубликованный 17 августа 1935 г. в качестве постановления ЦК, никоим образом не означал, что с латинизацией случилась катастрофа¹¹⁴. Даже если перечисленные ошибки и были исправлены, то огромное большинство латинизированных алфавитов так и остались в неприкосновенности.

Это постановление позволило возобновить латинизацию (и делатинизацию). Заместитель председателя ВЦК НА незамедлительно опубликовал в журнале Совета Национальностей программную статью¹¹⁵. Снова стал издаваться журнал ВЦК НА, и наконец-то со-

¹¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 357. Протокол 151, п. 22.

¹¹³ Там же. Д. 571. Л. 233–239. В обзоре многие алфавиты критиковались также за свою величину и неудобство, а также излишнее количество различных латинских символов и букв.

¹¹⁴ О бюрократическом политиканстве, предварявшем это постановление, см.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 65. Д. 1525. Л. 1–20; Д. 1645. Л. 2–5; Оп. 13. Д. 23. Л. 111об.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 456. Л. 2–5.

¹¹⁵ *Коржмасов Д.* От алфавита — к литературному языку // Революция и национальности. 1936. № 9. С. 34–42.

стоялся его долго откладывавшийся 6-й пленум. Были восстановлены местные Комитеты нового алфавита, деятельность которых была приостановлена¹¹⁶. С другой стороны, местные работники были напуганы «татарским делом» и начали требовать, чтобы алфавиты их народов были переведены на кириллицу. А принимая во внимание, что латинизация алфавитов малых и обособленных народов была осуждена, совершенно неудивительно, что во главе этого движения встали кабардинцы, которым оказали поддержку работники Северо-Кавказского крайкома и других регионов (Восточной Сибири, Дальнего Востока, Северного края), отвечавшие за малые народы Севера.

ВЦК НА, естественно, сопротивлялся попыткам свернуть латинизацию. Его представителей неоднократно обвиняли в том, что они препятствуют переводу латинизированных алфавитов на кириллицу или отказываются этому содействовать. Н. Ф. Яковлева, занимавшегося латинизацией северокавказских языков, обвинили в том, что во время двух своих поездок на Северный Кавказ он пытался сорвать планы кабардинцев и участвовал в создании новых латинских алфавитов для нескольких малочисленных народов Дагестана¹¹⁷. Действительно, в 1935 г. были одобрены два новых латинских алфавита (как потом выяснилось, они были последними)¹¹⁸. А. И. Хацкевич возмущался сопротивлению латинистов: «В аппарате ВЦК НА отсутствует государственная дисциплина. Специалисты ВЦК НА, находясь на государственной службе, помогали создавать новые алфавиты, несмотря на решения Совета национальностей (“работа” профессора Яковлева). Такая деятельность искажает и мешает проведению политики ВЦК НА и не содействует укреплению латинизации»¹¹⁹.

Как видно из этого высказывания, Хацкевич хотел спасти латинизацию¹²⁰. В отношении к западным национальным меньшинствам, положительной деятельности в высшем образовании, коренизации на советском Востоке, создания советов национальных меньшинств, латинизации — во всех этих сферах советские органы «мягкой линии» (ЦИК и Совет национальностей, ВЦИК и его отдел национальностей) постоянно противились отказу от национальной политики, которая проводилась до 1933 г. Даже в феврале 1937 г., на 7-м пле-

¹¹⁶ Письменность и революция. 1936. № 2; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 769. Л. 220–222; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4399. Протокол 94, п. 11.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 607. Протокол 607, п. 2, 36–37.

¹¹⁸ Яковлев Н. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Культура и письменность Востока. 1936. № 2. С. 33.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 770. Л. 76.

¹²⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 13. Д. 27. Л. 201, 256–258.

нуме ВЦК НА, Хацкевич публично отверг мнение о том, что латинизацию следует прекратить: «Мы должны подойти к этому со всей серьезностью и не перепрыгивать с одного алфавита на другой... Мы должны помнить, что всякий раз, когда мы меняем алфавит, определенная часть населения становится неграмотной»¹²¹.

Таким образом, защищали латинизацию в основном центральные советские органы. А критика латинизации исходила от местных партийных руководителей, обращавшихся в центральные партийные органы через голову ЦИК и Совета национальностей. Показательной является делатинизация кабардинской письменности. О желании кабардинцев перейти на русский алфавит ВЦК НА знал еще в 1933 г., однако в течение трех лет тянул время, чиня всяческие препятствия этому переходу¹²². И в конце концов Кабардино-Балкарский областной комитет ВКП(б) нанес ответный удар: в марте 1936 г. он отправил в Москву делегацию, которая демонстративно унизила ВЦК НА, отказавшись встречаться с его представителями. Вместо этого делегаты обратились непосредственно в Центральный комитет партии с просьбой одобрить переход на кириллицу. Судя по всему, неофициальное одобрение они получили, потому что 7 апреля 1936 г. Кабардино-Балкарский обком проголосовал за перевод кабардинской письменности на русский алфавит. 14 мая Президиум ВЦК НА собрался, чтобы обсудить эти события. Мнения его членов разделились, однако через три дня они все-таки одобрили переход кабардинской письменности на кириллицу¹²³. А вскоре стало ясно, почему они оказались столь уступчивы. Оргбюро ЦК ВКП(б) обсудило этот вопрос и поддержало предложение кабардинцев. Среди материалов в поддержку этого решения имелся доклад, подготовленный заведующим отделом научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) К. Я. Бауманом, который решительно выступил против латинизации¹²⁴. Поэтому Совет национальностей быстро одобрил перевод кабардинского на кириллицу. Это произошло 5 июня 1936 г., и кабардинский стал первым советским языком, который был официально делатинизирован¹²⁵.

Можно было ожидать, что решительное вмешательство ЦК, высказавшегося в пользу кабардинцев, станет началом массового пере-

¹²¹ VII пленум ВЦК НА // Революция и национальности. 1937. № 3. С. 65–66.

¹²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 571. Протокол 15, п. 8, 222; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 769. Л. 233; Оп. 30. Д. 784. Л. 1.

¹²³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 579. Л. 1–10.

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 607. Протокол 51, п. 2, 28–29, 38–45.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 579. Л. 13. Коми-зырянский язык был переведен обратно на кириллицу в 1935 г., но это было сделано по местной инициативе, без одобрения центральных властей.

хода к кириллице. Однако на самом деле к середине 1937 г. на кириллицу перешли лишь малые народы Севера (в феврале 1937 г.), хотя началась делатинизация письменностей других северокавказских народов, а также малых сибирских народностей — ойрогов, хакасов и шорцев. В результате делатинизация распространялась лишь на малые народы РСФСР, языки которых фактически так и не смогли доказать свою жизнеспособность. Как заявил Совету национальностей один карачайский делегат: «Карачайский народ выступает не только за русский алфавит, но и за русский язык»¹²⁶. Таким образом, перевод кабардинцев на кириллицу объясняется желанием властей сделать более доступными для них русский язык и русскую культуру. Хотя вначале, разумеется, тем же самым объяснялось решение не использовать русский алфавит для кабардинской письменности.

Таким образом, с середины 1935 до середины 1937 г. велись постоянные дискуссии о том, в какой степени должен быть изменен ход латинизации и культурная политика, которую латинизация символизировала. ЦК руководил этим процессом крайне сумбурно. Создавалось впечатление, что проводившаяся во время «великого отступления» политика была направлена на постепенное создание нового культурного и политического баланса и восстановление авторитета русского языка и русской культуры во всем Советском Союзе, что должно было усилить их роль в ассимиляции малых и обособленных народов РСФСР. Однако во время «великого отступления» шел и другой процесс, ставший одной из скрытых причин террора.

Террор в первую очередь был направлен против тех, кто обвинялся в «терминологическом саботаже». До 1932 г. эти обвинения предъявлялись в основном на Украине и в Белоруссии, что объяснялось особыми соображениями безопасности и подозрительным отношением к трансграничным этническим связям, существовавшим на границе Советского Союза с Польшей¹²⁷. Риторика делатинизации указывает на желание подчеркнуть привлекательность русского языка и культуры, тогда как язык обвинений — на замысел осудить националистов за намерение разорвать культурные связи, существующие между русским центром и нерусскими окраинами. Арестованным предъявляли обвинения главным образом в том, что они неправильно переводили классиков марксизма, ленинизма и сталинизма.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 27. Л. 193.

¹²⁷ *Шараборин Х. П.* Задачи культурного строительства и строительства языка // Советская Якутия. 1936. № 1. С. 3–19; *Ойунский П. А.* Якутский язык и пути его развития. 1936. № 1. С. 20–34. См. также: «Революция и горец» за 1932 г.; *Жургенев Т.* Вопросы терминологии казахского языка // Большевик Казахстана. 1935. № 6. С. 44–51.

В 1933–1937 гг. эта тема преобладала в журналах, посвященных национальному вопросу¹²⁸. Была создана целая индустрия по производству квалифицированных переводчиков и контролю за переводческой деятельностью. А в 1937–1938 гг. этот процесс стал открытым, набрал обороты и привел к полной отмене латинизации и усилению политики, направленной на придание русскому языку и культуре объединяющих функций.

Политика в сфере языка и Большой террор

Для описания Советского Союза 30-х гг., как правило, пользовались двумя большими историографическими понятиями — «великое отступление» и Большой террор, которые существовали параллельно и никогда не пересекались. «Великое отступление» служит для обозначения фундаментальных изменений социальной и культурной политики, которые затронули широкий круг вопросов. Большой террор в существующей историографии не имеет политического содержания. Он считается проявлением политики, проводимой с позиции силы. Традиционно Большой террор объясняется желанием Сталина утвердить свою личную диктатуру, подавить всех своих соперников и установить тоталитарную власть партии над разьединенным обществом. С точки зрения ревизионизма с помощью Большого террора центр стремился уничтожить неэффективную и порочную региональную бюрократию¹²⁹. Однако в обоих случаях процессы, происходившие в рамках «великого отступления», никак не связываются с Большим террором¹³⁰. Поэтому Большой террор отличался от волн террора 1929–1930 и 1932–1933 гг., которые, безусловно, сопровождались радикальными сдвигами в политике.

Тем не менее в национальной политике «великое отступление» и Большой террор пересекались, и Большой террор оказал сильное политическое влияние на все сферы национальной политики, какими бы разными они ни были. В каждом случае Большой террор дополнял изменения, начало которым положили постановления Политбюро, принятые в декабре 1932 г., и которые осуществлялись посте-

¹²⁸ См. журнал «Революция и национальности» за 1933–1937 гг.

¹²⁹ *Conquest R. The Great Terror. N. Y., 1990; Tucker R. C. Stalin in Power. N. Y., 1990. С. 366–584; Getty J. A. Origins of the Great Purges. Cambridge, 1985.*

¹³⁰ Исключением, пожалуй, является стахановское движение, как оно описано в книге Льюиса Зигельбаума: *Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.* Однако стахановское движение не является свидетельством фундаментальных изменений в политике.

пенно в течение первых пяти лет «великого отступления». Во время Большого террора за национальными диаспорами окончательно закрепился ярлык «народов-врагов», они были подвергнуты массовым депортациям, арестам и уничтожению; были приняты решительные меры для того, чтобы на Украине и в Белоруссии утвердились две культуры — местная и русская; русификация РСФСР была завершена, а латинизация — отменена. Более того, в годы Большого террора была развернута мощная пропагандистская кампания, прославлявшая русскую нацию и культуру и их объединительную роль, возвеличивавшая русский язык, литературу, искусство и традиционных героев. Большой террор ускорил «великое отступление» и стремительно завершил перемены, начавшиеся в декабре 1932 г.

Тем не менее политическая направленность Большого террора не была абсолютно очевидной. На Украине, как мы видели, падение Постышева в январе 1937 г. сопровождалось новым витком громкой кампании в поддержку украинизации, которая продолжалась вплоть до лета 1937 г. Одно из самых важных обвинений против Постышева заключалось в том, что он игнорировал украинизацию. Аналогичную ошибку допустила и татарская элита, которая неправильно истолковала сигналы, посылаемые в связи с изменениями в ходе латинизации. На состоявшемся в марте 1937 г. пленуме Татарского обкома прежнее руководство во главе с Разумовым было подвергнуто критике, причем в перечне его многочисленных прегрешений видное место занимало обвинение в том, что оно пыталось перевести татарский язык на кириллицу¹³¹. И хотя как украинское, так и татарское руководство недооценило политический подтекст террора, их предположения оказались небезосновательными. Когда Постышева в Киеве смещали с должности, Каганович упомянул об ошибках в проведении украинизации, которые он допустил, а Сталин, выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК, сделал упор на необходимости привлечения местных кадров. В церковной политике Большой террор привел к временному отказу от характерной для «великого отступления» тенденции приглушать радикальные антирелигиозные настроения и выступления культурной революции. А в национальной политике Большой террор только усилил «великое отступление».

Политический сдвиг стал очевидным в сентябре 1937 г., через месяц после начала массовых операций Большого террора. До этого момента подвергшихся репрессиям представителей советской элиты относили к троцкистам и критиковали как троцкистов. Например, самый большой из приписывавшихся Постышеву грехов состоял в

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4369. Л. 50; Д. 4370. Л. 151–153, 172; Д. 4372. Л. 230–231.

том, что он якобы позволил троцкистам внедриться в Киевский обком. В сентябре 1937 г. «Правда» и «Известия» опубликовали массу статей о том, что в нерусских республиках были раскрыты буржуазно-националистические заговоры¹³². Однако в этих статьях связь между «великим отступлением» с Большим террором еще не прослеживается. «Буржуазные националисты» обвинялись не в антирусских настроениях, а как враги своего собственного народа¹³³. И их специфический грех (помимо беспричинной злобы, которую приписывали и троцкистам) состоял в том, что они отказывались проводить советскую национальную политику, поддерживать родной язык и культуру, продвигать национальные кадры¹³⁴. Следовательно, целью террора по-прежнему была политическая стабилизация. В ответ на тревожные вопросы Министерства иностранных дел Великобритании, о чем свидетельствует новая волна террора и не означает ли она, что в республиках действительно имеются буржуазные националисты, посол Великобритании в СССР разочаровал своего шефа. «Троцкист — это тот, кого вы называете подвергшимся чистке русским, — сообщил он, — а подвергшийся чистке нерусский — это буржуазный националист»¹³⁵.

Но не ошибся ли британский посол? Правда ли, что у властей не было намерения сделать нерусские народы особым объектом преследований во время Большого террора? Действительно ли, что непомерно высокий уровень проводившихся среди них репрессий — арестов и казней — чистая случайность? Поскольку обвинения в буржуазном национализме были частыми, а в великорусском шовинизме — куда менее распространенными, то сложилось общепринятое мнение, что нерусские народы в целом пострадали от Большого террора гораздо больше русских, и сделано это было намеренно¹³⁶. Как мы уже видели, постановления центра однозначно выделяли национальные

¹³² До сентября 1937 г. на эту тему почти ничего не писалось, но после этого появились, по крайней мере, 7 статей в «Известиях» и 22 статьи в «Правде», посвященные в основном буржуазно-националистическим заговорам.

¹³³ Враги таджикского народа // Правда. 1937. 10 сент. С. 2; Дела врагов армянского народа // Правда. 1937. 28 сент. С. 4.

¹³⁴ Из 29 статей в «Правде» и «Известиях» исключение составляют две о Дагестане, где буржуазных националистов обвиняли во вредительстве в области образования на русском языке, см.: Гнилая позиция Дагестанского обкома // Правда. 1937. 25 сент. С. 2; Буржуазные националисты орудуют в Дагестане // Там же. 21 сент. С. 3.

¹³⁵ BFORC (1937): vol. 21101, 80–82.

¹³⁶ *Tucker R.* Op. cit. P. 486–491; *Nahaylo B., Swoboda V.* Soviet Disunion. N. Y., 1990. P. 73–80. И наоборот, Роберт Конквест, написавший две книги о национальном преследовании в Советском Союзе, доказывал, что «Большой террор» был направлен в равной степени как против русского, так и против нерусских народов, см.: *Conquest R.* Op. cit. P. 223–227.

диаспоры Советского Союза в особую категорию репрессируемых. Существовали ли подобные постановления для других нерусских национальностей? Нет, не существовали. Члены существовавших ранее разнообразных национальных политических партий (например, боротьбисты, мусаватисты, дашнаки) были выделены в особую категорию, но то же было сделано и в отношении членов русских партий (например, к меньшевикам и социалистам-революционерам)¹³⁷.

Если оставить в стороне конкретные постановления, то можно ли сказать, что «туземцы» пострадали от Большого террора больше, чем русские? Пока мы не располагаем достаточными данными, чтобы дать на этот вопрос достаточно определенный ответ. Опубликованная статистика ГУЛАГа заставляет предположить, что нет. В 1939 г. за исключением диаспорных национальностей доля представителей лишь трех национальностей в составе заключенных превышала их долю в совокупном населении страны. Это русские (108,5 %), белорусы (110 %) и туркмены (154,3 %)¹³⁸. Необычно высокая численность туркмен в ГУЛАГе объяснялась не тем, что террор был нацелен конкретно против них, но, скорее, тем, что НКВД Туркмении проявил особую свирепость и существенно перевыполнил норму арестов, из-за чего впоследствии было проведено расследование, и его сотрудники получили выговоры¹³⁹. Доля других семи национальностей в составе заключенных ГУЛАГа была меньше, чем их доля в населении СССР. Это украинцы (83,8 %), татары (75 %), узбеки (65,5 %), евреи (84,7 %), казахи (71,4 %), грузины (67,4 %), армяне (66,7 %). Более того, если мы сравним численность заключенных на 1 января 1937 г. с их численностью на 1 января 1939 г., то обнаружим (для тех 7 национальностей, по которым имеется статистика), что в результате Большого террора выросла численность русских заключенных (с 103,8 до 108,5 %), грузин (с 42,7 до 67,4 %) и армян (с 50,8 до 66,7 %); в 1939 г. доля грузин и армян была значительно меньше их доли в населении. Числен-

¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 751. Протокол 52, п. 751; Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 195–196; Риттерспорн Г. «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги: массовые операции 1937–1938 гг. и этнический вопрос в СССР // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 102.

¹³⁸ Цифра в скобках — это доля представителей национальности в ГУЛАГе, разделенная на их долю в совокупном населении страны. Рассчитано на основании данных таблицы 4 «Этнические группы в лагерях ГУЛАГа, на 1 января 1937–1940 гг.» в кн.: Getty J. A., Rittersporn G., Zemskov V. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // American Historical Review. 1993. October. № 98. P. 1028. Вся статистика ГУЛАГа рассчитана по этой таблице.

¹³⁹ Об этом случае см.: Хлевнюк О. Les mécanismes de la «Grande Terreur» des années 1937–1938 au Turkménistan // Cahiers du monde russe. 1998. № 39. P. 197–208.

ность украинских, белорусских, еврейских и узбекских заключенных во время Большого террора пропорционально сокращалась¹⁴⁰. Данные ГУЛАГа заставляют предположить, что если какие-то недiasпорные национальности и пострадали больше других, то это были русские.

Однако поскольку в «национальных операциях» Большого террора коэффициент осужденных на казнь значительно превосходил коэффициент заключенных, то для того, чтобы оценить, какие именно национальности собирались репрессировать, необходимо проанализировать статистику казней. К сожалению, до сих пор не опубликована полная статистика казней по республикам или национальностям. В таблице 45 представлена недавно выявленная статистика казней, производившихся во время Большого террора в Ленинграде, Одессе и Карелии¹⁴¹.

В целом эти цифры не подтверждают гипотезу, что советские «аборигены» во время Большого террора чрезмерно пострадали. Если не учитывать diasпорные национальности, то можно сказать, что доля русских среди заключенных ГУЛАГа была чуть меньше их доли в населении в Ленинградской области (95,4 %), но больше доли в населении Одессы (162,6 %), тогда как по отношению к украинцам картина складывается обратная (200 и 75 %). Можно предположить, что доля титульных национальностей была тем меньше, чем больше представителей нетитульных национальностей посылались в регион, чтобы занять опасные, элитные должности. И тем не менее доля евреев среди заключенных была немного больше, чем их доля в населении Ленинграда (112,2 %) и существенно меньше, чем в населении Одессы (66,3 %). И это довольно удивительно. Евреев не выделяли в особую категорию как diasпорную национальность, поскольку у них не было собственной родины за рубежом, однако у них имелись обширные трансграничные связи, а некоторые из еврейских национальных институтов были упразднены в 1937–1938 гг. Их доля на элитных интеллигентских должностях была больше, чем доля в населении, и уже

¹⁴⁰ По этим национальностям количество заключенных сократилось следующим образом: украинцы — с 103,2 до 83,8 %, белорусы — с 158,8 до 110,0 %, евреи — с 87,9 до 84,7 % и узбеки — с 126,3 до 65,5 %. У меня нет объяснений столь резкому сокращению численности заключенных узбеков. В действительности узбеки были единственной представленной в списке национальностью, чья численность заключенных за годы Большого террора резко сократилась — с 29 141 человека в 1937 г. до 19 758 в 1939 г.

¹⁴¹ Данные по белорусскому, узбекскому и татарскому сельскому населению Ленинградской области были недоступны, и потому расчеты были сделаны на основе результатов переписи 1926 г. Те же данные использовались и для расчета доли diasпорных национальностей в категории «другие». И наконец, для Одессы и Карелии было необходимо определить, какой процент категории «другие» составляли diasпорные национальности. Во всех случаях представленные цифры были слишком малы, и потому незначительные различия в рассчитанных процентах могут объясняться ошибками в расчетах.

по одной только этой причине они должны были пострадать больше русских¹⁴². Доля татар и молдаван среди заключенных была меньше чем в населении Ленинграда и Одессы соответственно. С другой стороны, карелы были достаточно тесно связаны с Финляндией, и вероятность быть репрессированными в своей автономной республике для финнов была в три раза выше, чем для русских¹⁴³.

Таблица 45. Численность расстрелянных во время Большого террора (по национальностям)

Ленинградская область					
Национальность расстрелянных	Общая численность расстрелянных	В процентах от общей численности расстрелянных, разделенных на проценты от общей численности населения*	В процентах от общей численности расстрелянных, за исключением диаспорных национальностей*	В процентах от общей численности расстрелянных, разделенных на проценты от общей численности населения, за исключением диаспорных	В процентах от общей численности расстрелянных
Русские	6719	58,19	66,1	88,23	95,4
Украинцы	194	1,68	138,8	2,55	200,0
Белорусы	423	3,66	571,9	5,56	829,9
Евреи	300	2,60	77,8	3,94	112,2
Татары	9	,08	12,9	,12	18,2
Карелы					
Молдаване					
Финны	525	4,55	230,1		
Поляки	2465	21,35	3 094,2		
Немцы	202	1,75	372,3		
Эстонцы	531	4,60	410,7		
Латыши	86	,74	159,1		
Болгары					
Всего	11 547				

¹⁴² Напр.: Levin N. The Jews in the Soviet Union Since 1917. T. I. N. Y., 1990. P. 323–329

¹⁴³ Впечатляющий анализ «национальных операций» и их предьстории в Карелии см.: Такала И. Национальные операции ОГПУ–НКВД в Карелии.

Одесская область					
Националь- ность рас- стрелянных	Общая числен- ность расстре- лянных	В про- центах от общей чис- ленности расстрелян- ных, разде- ленных на проценты от общей числен- ности на- селения*	В про- центах от общей чис- ленности расстрелян- ных, за ис- ключением диаспорных националь- ностей*	В про- центах от общей чис- ленности расстрелян- ных, разде- ленных на проценты от общей числен- ности населения, за исключе- нием диас- порных	В про- центах от общей чис- ленности расстрелян- ных
Русские	920	14,44	89,7	28,54	162,6
Украинцы	1 540	24,18	41,2	47,78	75,0
Белорусы	270	4,24	1059,8	8,38	20432
Евреи	329	5,17	36,4	10,21	66,3
Татары					
Карелы					
Молдаване	79	1,24	77,5	2,45	139,2
Финны					
Поляки	997	15,652	236,3		
Немцы	1 876	29,46	526,0		
Эстонцы					
Латыши					
Болгары	142	2,23	148,6		
Всего	8 689				

Карельская АССР					
Националь- ность рас- стрелянных	Общая числен- ность расстре- лянных	В про- центах от общей чис- ленности расстрелян- ных, разде- ленных на проценты от общей числен- ности на- селения*	В про- центах от общей чис- ленности расстрелян- ных, за ис- ключением диаспорных националь- ностей*	В про- центах от общей чис- ленности расстрелян- ных, разде- ленных на проценты от общей числен- ности населения, за исключе- нием диас- порных	В про- центах от общей чис- ленности расстрелян- ных
Русские	2 874	25,34	40,2	45,74	72,3
Украинцы					
Белорусы					
Евреи					
Татары					
Карелы	3 059	26,97	124,1	48,69	223,2
Молдаване					
Финны	4 708	41,51	1515,1		
Поляки					
Немцы					
Эстонцы					
Латыши					
Болгары					
Всего	11 341 (9 750, или 85,97 % расстрелянных)				

Источник: Ленинградский мартиролог, 1937–1938: в 3 т. СПб., 1996–1998; Данилов Н. Н. Зарыты, но не похоронены // Мемориал-Аспект. 1994. № 9. С. 5, цит. в: Риттерспорн Г. «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги... С. 100 и Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // Вихавайнен Т., Такала И. В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на северо-западе России в 1920–1950-е гг. Петрозаводск, 1998. С. 194–195, 200.

* Эта цифра показывает, была ли во время террора доля данной национальности среди заключенных больше (или меньше) ее доли в населении страны. Например, если бы русские составляли половину всего населения в регионе и половину расстрелянных, то тогда цифра составляла бы 100 %. А если бы они составляли половину населения и четверть расстрелянных, то тогда цифра составляла бы 50 %.

Сведения о белорусском, украинском и татарском сельском населении Ленинградской области недоступны, так что подсчет производился на основе данных переписи

си 1926 г. Те же самые данные использовались и для подсчета доли категории «другие» в цифрах переписи всех трех регионов, где проживали диаспорные национальности. И наконец, для Одессы и Карелии было необходимо рассчитать, какая доля категории «другие» приходится на диаспорные национальности. Во всех случаях представленные цифры были очень невелики, так что ошибки в подсчетах могли привести лишь к небольшим расхождениям.

Однако наибольшее изумление вызывают цифры, представленные в таблице 45 по Белоруссии. Если исключить диаспорные национальности, то вероятность быть арестованными для белорусов была в восемь раз выше, чем для небелорусов, а в Одессе — более чем в 20 раз. И в Ленинграде, и в Одессе доля белорусов среди заключенных была выше их доли в населении, и превышала долю в населении любой из диаспорных национальностей, за исключением поляков. Такое положение объясняется, вероятно, тем, что многие белорусы (а также значительно меньше украинцев) были католиками, в 20-е гг. они объявляли себя поляками и посылали детей в польские школы. А потому во время «польской операции» их в больших количествах подвергали арестам. Например, в самой Белоруссии белорусы составляли 47,3 % арестованных во время «польской операции» (больше, чем поляков, которых было 42,3 %). Они составляли 14,2 % тех, кого арестовали в «польской операции» с сентября по ноябрь 1938 г. в СССР в целом, а это больше, чем арестованных любой другой национальности, помимо поляков, (следом за ними шли гораздо более многочисленные украинцы, составлявшие 13,6 %, и еще более многочисленные русские, составлявшие 8,8 %). Учитывая высокий показатель арестованных среди украинцев, не было бы ничего удивительного в том, что, несмотря на статистику по Одессе, Советском Союзе в целом доля заключенных-украинцев была бы немного выше их доли в совокупном населении. А поскольку Белоруссия и Украина были родиной для населения самых больших национальных диаспор Советского Союза и являлись особо охраняемыми пограничными районами, то именно в этих республиках НКВД должен был, как правило, действовать наиболее активно (то же самое должно было происходить и в Ленинграде, Карелии и на Дальнем Востоке).

Одним словом, имеющиеся данные позволяют заключить, что «коренные» советские национальности (возможно, за исключением белорусов и украинцев) не были объектом террора — ни умышленно, ни случайно¹⁴⁴. Однако если говорить о сигналах, передававших информацию об изменениях в политике, то среди них имели значение не указывавшие, против кого готовились репрессии. Такое же, если не

¹⁴⁴ В горных районах Чечни террор вызвал вооруженное восстание, которое было жестоко подавлено. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 147. Л. 1–8.

большее, значение имело преступление, инкриминировавшееся жертве террора. Если в сентябре буржуазные националисты обвинялись в подрыве советской национальной политики, то уже к октябрю состав их преступлений был радикально пересмотрен. И это внезапное изменение объяснялось решительным вмешательством со стороны высших органов партии, ответственных за принятие решений. С октября по декабрь 1937 г. Политбюро, Оргбюро и пленум ЦК приняли ряд резолюций, которые ужесточили идеологический контроль за переводами трудов классиков марксизма-ленинизма, сделали русский язык обязательным предметом во всех школах, ликвидировали национальные районы и сельсоветы, все нерусские школы в русских регионах РСФСР и увеличили численность русских газет на Украине¹⁴⁵. При этом прежняя политика не признавалась ошибкой, которую следует исправить. Вина за упущения возлагалась скорее на буржуазных националистов, которые плели злокозненные интриги: «Искусственные [национальные районы] были созданы врагами народа с целью вредительства»; «Буржуазные националисты ликвидировали русские газеты, несмотря на то что на Украине имеется многочисленное русское население»; «Враги народа, пробравшись в Наркомпрос и его местные отделения, в течение ряда лет срывали преподавание русского языка в нерусских школах»¹⁴⁶. Большинство этих резолюций было направлено на усиление позиций русского языка и в том, что его статус был недостаточно высок, обвиняло националистов-контрреволюционеров. Таким образом, политика в сфере языка и террор и на сей раз были самым тесным образом связаны.

Эта внутривластная риторика вскоре проявила себя и в публичной пропаганде. Украинских националистов снова обвинили в попытках «оторвать украинскую культуру от братской русской культуры и ориентировать украинский народ на капиталистический Запад, на фашистскую Германию»¹⁴⁷. Примечательно, что человек, который в 1933 г. был главным критиком украинских лингвистов, — Андрей (Андрей) Хвыля, теперь был признан главным борцом за чистоту украинского языка, лингвистическая реформа которого на самом деле служила интересам украинских националистов. В результате была создана еще одна лингвистическая комиссия и предпринята новая реформа украинского языка¹⁴⁸. Огромное внимание уделялось

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 628. Л. 120–123; Оп. 114. Д. 631. Протокол 73, п. 2; Д. 633. Протокол 75, п. 6–8; Д. 635. Протокол 77, п. 2, 4; Оп. 3. Д. 994. Протокол 56, п. 75–76.

¹⁴⁶ Там же. Оп. 114. Д. 633 (75/6, 8); Д. 635. Л. 26.

¹⁴⁷ Как «очищали» украинский язык // Правда. 1938. 4 окт. С. 4.

¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4687. Протокол 23, п. 43.

теперь преподаванию русского языка. Отличным примером этого является передовая статья «Учительской газеты» от 7 августа 1938 г.: «Великий и могучий русский язык, язык Ленина и Сталина, Пушкина и Горького, Толстого и Белинского, глубоко близок всем гражданам СССР, его с любовью изучают и взрослые и дети... [что является показателем] исключительного интереса всех национальностей к изучению языка великого русского народа, первого среди равных в братской семье народов СССР». Эту идиллию портило только то, что «троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические агенты фашизма, пытаясь оторвать братские народы от великой культуры русского народа, лишали учащихся нерусских школ учебников и пособий по русскому языку»¹⁴⁹. Эта статья явилась иллюстрацией возникновения новой лингвистической и культурной парадигмы. Русской культуре предстояло стать средоточием советской культуры (хотя они и не были полностью тождественны), а русский язык был главным средством приобщения нерусских народов к этой культуре. Всякий, кто не принимал этой системы взглядов, был буржуазным националистом.

Такая обстановка, естественно, привела к ускорению делатинизации. В декабре 1937 г. был упразднен ВЦК НА, что положило конец хоть какому-то сопротивлению этому процессу¹⁵⁰. К апрелю 1939 г. на кириллицу были переведены 35 языков¹⁵¹. При этом больше всего заботились о том, чтобы как можно сильнее сблизить новые алфавиты с русским — насколько это лингвистически возможно¹⁵². Как сказал Майкл Смит, целью была «вертикальная унификация нерусских письменностей в соответствии с русским стандартом, а не горизонтальная унификация письменностей тюркских народов»¹⁵³. Нормой вместо пантюркизма стала русофилия. Последними алфавитами, переведенными на кириллицу в 1940 г., стали алфавиты союзных республик Средней Азии. Но это было сделано без большой помпы¹⁵⁴. Латинизация завершилась незаметно.

¹⁴⁹ Дать в срок учебники русского языка для нерусских школ // Учительская газета. 1938. 7 авг. С. 1.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 784. Л. 48–49.

¹⁵¹ С латинизированного на русский алфавит // Известия. 1939. 17 апр. С. 4.

¹⁵² ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 2485. Л. 18; другие примеры см.: Д. 2484, 2486, 2489–2491, 2494, 2497, 2499.

¹⁵³ *Smith M.* Language and Power in the Creation of the USSR. P. 158.

¹⁵⁴ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1940. 11 мая. № 16. С. 392; 6 июля. № 20. С. 493; 22 окт. № 29. С. 710; 11 нояб. № 30. С. 734.

Выводы

Удивительно, до какой степени были связаны между собой политика в сфере языка и террор, а кроме того, террор и национальная политика, террор и усиление централизации и объединяющей роли русских. Мы видели, что взаимосвязь террора и политики в сфере языка, террора и национальной политики возникла во время трех больших волн террора, прокатившихся по Советскому Союзу в 1929–1930, 1932–1933 и 1937–1938 гг. Взаимосвязь террора и усиления централизации и объединяющей роли русских возникла в 1932–1933 гг. и играла главную роль в Большом терроре так же, как и в послевоенных кампаниях террора¹⁵⁵. Но почему возникли эти взаимосвязи?

Если мы сейчас признаем две последние взаимосвязи, то тогда первая — между политикой в сфере языка и террором, уже не будет казаться удивительной. Как мы видели, в национальной политике политика в сфере языка выполняла чрезвычайно важную символизирующую функцию. Благодаря политике в сфере языка этнические группы могли заявить о своей программе или целях в косвенной и политически более приемлемой форме. Латинизация позволяла выразить умеренный пантюркизм и русофобию. А потому неудивительно, что ту же самую функцию политика в сфере языка выполняла во время «великого отступления» и Большого террора. Политика в сфере языка была важнейшим средством реабилитации русского патриотизма. Легче было реабилитировать русский язык, чем русскую историю или русскую мысль. Большевики были воспитаны на культуре радикальной русской интеллигенции, которая всегда особенно гордилась только одним достижением русского прошлого — литературой. А потому «великое отступление» предполагало также реабилитацию и прославление выдающихся русских писателей.

3 сентября 1938 г., в ознаменование 55-й годовщины со дня смерти Тургенева, «Учительская газета» опубликовала статью под названием «Великий, могучий русский язык»¹⁵⁶. С безусловным одобрением автор статьи привел в ней цитату Тургенева, свидетельствующую о лингвистическом национализме писателя: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!». Затем автор сообщил читателям, что «бережное отношение к великому русскому языку является делом чести советского наро-

¹⁵⁵ *Kostyrchenko G. Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia. Amherst, N. Y., 1995.*

¹⁵⁶ Великий, могучий русский язык // Учительская газета. 1938. 3 сент. С. 2.

да», и завершил свою статью такими словами: «Поистине велик и могуч язык Пушкина, Тургенева, Толстого и Горького». И лишь, словно опомнившись, в заключение присоединил к этому пантеону Ленина и Сталина. Легко понять, как такого рода лингвистический патриотизм мог быть привлекателен и для старой, и для новой, советской, интеллигенции.

Взаимосвязь между террором и национальной политикой менее очевидна. Почему против «буржуазных националистов» террор применялся чаще, чем против «великодержавных шовинистов» (на что так часто сетовал Скрипник)? И это повторялось снова и снова? Почему террор последовательно разрушал, а не укреплял советскую национальную политику? К этим вопросам существует два взаимодополняющих подхода. Советские кампании национального террора были направлены против считавшегося неуместным, а потому и опасным выражения национальной идентичности нерусскими элитами: сначала — сменовеховцами, а потом — национал-коммунистами. Здесь присутствует некий парадокс. Империя положительной деятельности предполагала систематическое поощрение национальной идентификации не только путем образования национальных территорий и расширения сферы применения национальных языков, но также с помощью пропаганды таких характерных национальных символов, как фольклор, музеи, одежда, кухня, революционные герои, важные исторические события и классические литературные произведения. В очередной раз модифицировав типологию Мирослава Гроха, мы могли бы назвать это национализмом «фазы А» — содействие развитию неполитических смыслов национальной идентичности. Цель заключалась в том, чтобы предотвратить возникновение национализма «фазы Б», то есть возникновение националистической элиты, политизирующей национальную идентичность. Уже во время «дела Шумского» власти опасались, как сказал бы Грох, что национализм из «фазы А» перейдет в «фазу Б». И в целях профилактики (чтобы устранить потенциально опасных и напугать остальных) был использован террор против нарождавшейся националистической элиты. Сталин же по-прежнему поддерживал стратегию национальной идентификации. В результате кампании террора против буржуазного национализма периодически проводились вплоть до конца правления Сталина.

Однако это помогает понять, почему террор против буржуазных националистов применялся чаще, чем против «великодержавных шовинистов», но никак не объясняет взаимосвязь террора и изменений в национальной политике. Куда более существенной была роль террора и советской ксенофобии, которые усиливали друг друга. Все

советские кампании террора проводились на языке советской ксенофобии и сопровождались гипертрофированным страхом перед иностранным капиталистическим влиянием и его потенциальными проводниками. Жертвы террора всегда изображались шпионами, связанными с заграничными антисоветскими группами и их властными покровителями. И в результате советские кампании террора становились по мере их развития более ксенофобскими. А поскольку происходила этнизация советской ксенофобии, усиливались опасения в отношении населения национальных окраин СССР и их трансграничным этническим связям (которые могли привести к национализму элит в «фазе Б»). Поэтому усилились централизаторские процессы и было провозглашено, что русская нация играет объединяющую роль. Так возникла взаимосвязь между террором и реабилитацией русских. Если воспринимать период 1928–1933 гг. как затянувшуюся кампанию террора, то можно сказать, что она началась на интернационалистском и русофобском языке, а завершилась в ксенофобской и русофильской тональности. Большой террор вначале тоже, казалось бы, обещал продолжение коренизации, но становился все более ксенофобским, так что к концу 1938 г. он был направлен в основном против диаспорных национальностей, а его главным политическим результатом стало укрепление и прославление центрального положения, превосходства и объединяющей роли РСФСР и русского народа. В следующей главе мы увидим, как новый статус русских был включен в существующую национальную политику для создания нового советского национального устройства — «дружбы народов».

«ДРУЖБА НАРОДОВ»

Существенные изменения, которые произошли в советской национальной политике после декабря 1932 г., требовали выработки новых принципов единства многонационального советского государства. В декабре 1935 г. Сталин ввел в оборот метафору «дружба народов». Метафора оказалась удачной. Она предоставила русским, русской культуре и РСФСР главную роль в формировании и сохранении дружбы между народами СССР, но при этом не предполагала ни русификации, ни образования советской нации, в которой доминируют русские. И действительно, большие, компактно проживающие «коренные» нерусские национальности, которые пережили процесс этнической консолидации в середине 30-х, видели, как укреплялись их суверенность и статус советских наций. Более того, постепенный переход к примордиальной концепции национальности, который произошёл во время «великого отступления», способствовал ускоренному развитию отдельных имевших древнюю историю национальных идентичностей — и русской и нерусских, которые получили статус советских национальностей. В результате «дружба народов» (равно как и ксенофобская «вражда народов») постепенно проецировалась на прошлое. В 1938 г. «дружба народов» стала официально признанной метафорой многонационального общества, каким его себе представляли власти СССР.

«Братство народов»

Прообраз «дружбы народов» как метафоры, призванной демонстрировать и укреплять советское единство, можно обнаружить в проводившейся раньше и не доведенной до конца советской кампании пропаганды «братства народов». «Братство» было классической социалистической метафорой пролетарского единства как применительно к данной национальной культуре, так и по отношению

к мировому пролетариату. В 20-е гг. метафору «братства» советское правительство использовало именно таким образом¹. Однако его роль в усилиях государства по сплочению советского общества была незначительной. Удивительно, но в 20-е гг. мало внимания уделялось созданию образа Советского Союза как единого многонационального государства. А дискуссии о национальной культуре ограничивались лишь нерусскими республиками. Например, велись активные споры о сущности украинской, белорусской, татарской и бурят-монгольской национальных культур, но никак не о многонациональном масштабе советской культуры². Но так было задумано. Основой империи положительной деятельности было представление о том, что многонациональное советское единство только выиграет от того, что нерусским народам предоставят возможность максимального национального самовыражения в рамках унитарного Советского государства. Советское единство должно было возникнуть само собой, в результате борьбы с национализмом нерусских народов, что давало возможность сосредоточиться на классовых интересах и, следовательно, вело к межэтническому пролетарскому братству. Это был слишком окольный путь к единству народов Советского Союза.

Ощутимая потребность в более прямой и активной пропаганде единства советских народов возникла в результате возбуждения «дела Шумского» на Украине. Микола Хвелевой воодушевленно призывал к тому, чтобы украинская культура ориентировалась на Запад, а не на Москву (которая в данном случае была для него синонимом России). И это вынудило Сталина решительно потребовать, чтобы Украина следовала московской (то есть в данном случае пролетарской), а не западной (то есть польской) ориентации. Однако тогда было еще не ясно, что подразумевает ориентация на пролетарскую Москву. Процессы, происходившие на начальном этапе культурной революции, вызвали в большевистской партии мощное движение против империи положительной деятельности и за единую пролетарскую советскую нацию. Сталин решительно осудил это движение. Вместо этого была предложена альтернативная стратегия — кампания по пропаганде «братства народов», которая не требовала отречения от отдельных национальных идентичностей, но пред-

¹ *Sanborn J.* Family, Fraternity, and Nation-Building in Russia, 1905–1925 // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin.* Oxford, 2001.

² *Shkandrij M.* Modernists, Marxists and the Nation. Edmonton, 1992; *Adamovich A.* Opposition to Sovietization in Belorussian Literature. N. Y., 1958; *Ибрагимов С.* Вопросы национальной культуры. Ашхабад, 1928; Материалы к первому культурно-национальному совещанию БМАССР. Верхнеудинск, 1926.

полагала более активные действия по созданию многонационального советского единства.

Эта кампания, будучи пропагандистской, имела символический смысл и не предполагала отказа от империи положительной деятельности. Главным методом ее проведения были визиты делегаций нерусских народов в Москву — город, который подавался как центр пролетарской революции, а не как столица России. Целями эти визитов были и демонстрация «братства» советских народов, и содействие ему. Первым таким визитом, который сразу же был включен в программу активной пропаганды, стал состоявшийся в феврале 1929 г. визит в Москву делегации украинских писателей. Этот визит стал типичным для братских визитов 30-х гг. Проводились публичные встречи украинских и русских писателей, литературные вечера, выставки украинского искусства, обсуждались планы перевода произведений украинской литературы на русский язык, проходили встречи с московскими рабочими³. Агитпропотдел ЦК партии профинансировал проведение специального «Партийного совещания о сближении русских и украинских писателей»⁴. Цель этого визита, согласно «Правде», заключалась в том, чтобы преодолеть «всем известную изолированность» представителей литературной интеллигенции двух «братских народов» и содействовать «смычке» между ними⁵. Говоря об «историческом и политическом значении» этого «братского визита», Микола Скрипник заявил, что оно состоит в «окончательной ликвидации прежнего недопонимания и недоверия», которое, как он признал, пока еще не полностью преодолено⁶.

Кульминацией визита украинцев (что также стало образцом для будущих братских визитов) стала их личная встреча со Сталиным. Из стенограммы этой встречи видно, что, несмотря на некоторые провокационные вопросы со стороны украинских писателей, Сталин прилагал все усилия, чтобы произвести на них благоприятное впечатление. Он воспользовался этим случаем, чтобы произнести свою первую публичную речь о связи между социалистическим наступлением и национальной политикой, во время которой заверил украин-

³ Украинские писатели в Москве // Правда. 1929. 9 февр. С. 2; Украинская неделя началась // Там же. 10 февр. С. 3; Украинская неделя // Там же. 12 февр. С. 3; Смычка украинских писателей с московскими рабочими // Там же. 13 февр. С. 2; Украинские писатели в Москве // Там же. 14 февр. С. 3.

⁴ Партийное совещание о сближении русских и украинских писателей // Правда. 1929. 9 февр. С. 2.

⁵ Украинские писатели в Москве. С. 2.

⁶ Скрипник М. Український тиждень в Москві // Статті й промови. Т. II. Частина перша. Національне питання. Харків, 1929. С. 353.

ских писателей в готовности содействовать «максимальному развитию и защите национальной культуры». Сталин шутливо намекнул на неослабевающий интерес к вопросу о возможном присоединении Галиции. Он даже согласился подумать о запрещении пьесы Булгакова «Дни Турбиных», в которой украинские писатели усмотрели вопиющий пример русского сменовеховства⁷. Как и Скрипник, Сталин согласился, что исторически сложившееся недоверие между русским и нерусскими народами пока еще не вполне преодолено, но что такие встречи будут содействовать достижению этой цели. В отредактированном варианте этой речи Сталин заявил, что, когда историческое недоверие будет преодолено, возникнет «дружба между народами» СССР⁸. Следовательно, мысленно Сталин уже установил связь между такими братскими визитами и появившимся позднее лозунгом «дружба народов».

За «украинской неделей» в течение двух следующих лет последовало несколько аналогичных литературных мероприятий, происходивших в Москве: визит татарской делегации в сентябре 1929 г. и широко разрекламированная «белорусская неделя» в январе 1931 г.⁹ Непосредственной причиной для ее проведения стал отчет Рабкрин, подготовленный Володимиром (Владимиром) Затонским, который в панике сообщал о росте белорусского национализма. Затонский отметил, что визит украинских писателей в Москву произвел положительное впечатление на украинское литературное сообщество, и настоятельно рекомендовал устроить аналогичное мероприятие и для Белоруссии¹⁰. Помимо подобных мероприятий, проводившихся для представителей одной национальности, летом 1930 г. в Москве состоялась Всесоюзная олимпиада театров и искусства народов СССР, на которой были представлены 15 национальных театров, 10 национальных музыкальных ансамблей и 9 национальных киностудий¹¹. Кроме того, в 1929–1931 гг. была впервые проведена масштабная кампания по переводу литературы советских

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 8, 22–28, 32.

⁸ *Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм // Соч. Т. 11. С. 338.

⁹ Писателям красного Татарстана — наш привет! // Литературная газета. 1929. 16 сент. С. 1; О визите белорусских писателей см. многочисленные статьи в «Литературной газете» (1930, № 61; 1931, № 1–3) и «Правде» (1931, № 4–7).

¹⁰ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27s. Д. 1691. Л. 9.

¹¹ Привет участникам Всесоюзной олимпиады искусств народов СССР // Литературная газета. 1930. 16 июня. С. 4. В конце 1931 г. небольшая северокавказская театральная олимпиада прошла и в Ростове, см.: Национальному искусству — большевистское развитие. (К итогам краевой олимпиады горских искусств) // Революция и горец. 1932. № 1. С. 81–86.

народов на русский язык¹². «Литературная газета» стала публиковать литературные достижения национальных меньшинств Советского Союза¹³. Главная писательская организация Советского Союза, ВОАПП, которая была известна тем, что игнорировала национальную литературу, внезапно посвятила национальной культуре целое заседание своего пленума, проходившего в мае 1931 г.¹⁴

Во всех этих литературных кампаниях были в ходу одни и те же риторические метафоры; все они, разумеется, были частью общей кампании, нацеленной на преодоление ощутимой национальной разобщенности эпохи нэпа. Больше всего говорилось о необходимости преодолеть «национальную обособленность» и «положить конец разобщенности»¹⁵. Заявлялось, что эти мероприятия призваны укрепить «связи между братскими союзными республиками», способствовать «братской солидарности» и усилить «сплоченность национальных рядов советского пролетариата». Но любопытнее всего, что они должны были образовать «смычку между советскими народами»¹⁶. Таким было новое значение слова «смычка». В 20-е гг. в спорах по национальному вопросу этот термин применялся для обозначения союза, создававшегося в каждой национальной республике, между крестьянством, преимущественно коренным, и пролетариатом, преимущественно русским. Эта смычка была частью более значимой смычки — между рабочим классом и крестьянством в целом. Теперь «смычка» была освобождена от классового значения и употреблялась применительно к надклассовому союзу между нациями. Это было важным новшеством, которое в конце концов стало самой сутью теории «дружбы народов», сложившейся в конце 30-х гг.

Однако, как подчеркивали во время визита украинской делегации и Сталин, и Скрипник, «смычка» еще не была достигнута. Недоверие между русским и нерусскими народами еще не было преодолено. И этим литературные встречи эпохи культурной революции отличались от тех, которые продолжают эту традицию во время «великого

¹² Писателям красного Татарстана — наш привет! С. 1; Неделя белорусского искусства и литературы // Литературная газета. 1930. 12 мая. С. 1; На фронте национальной книги // Там же. 1931. 5 мая. С. 3.

¹³ За боевую мордовскую литературу! // Литературная газета. 1931. 25 июля. С. 2; Ногайцы смеются // Там же. 15 авг.; Итоги творческого года в чувашской литературе // Там же. С. 4.

¹⁴ Смотр национальных отрядов пролетарской литературы // Литературная газета. 1931. 30 мая. С. 1; см. также статьи в РАПП (1931, № 3–6).

¹⁵ Сближение национальных отрядов советской литературы // Литературная газета. 1929. 10 июня. С. 1; Усилим взаимодействие культур народов СССР // Там же. 1930. 16 июня. С. 1; За литературную олимпиаду // Там же. 20 авг. С. 1.

¹⁶ Звено братской связи // Литературная газета. 1931. 14 янв. С. 1.

отступления». Первые изображались скорее как битвы за единство, нежели как торжества по этому поводу. Они происходили в атмосфере непрекращающихся арестов и показательных судов над литературными деятелями национальных республик¹⁷. В передовой статье «Литературной газеты», опубликованной в декабре 1930 г., отмечалось: «Это не случайно, что почти во всех случаях члены контрреволюционных организаций были писателями»¹⁸. «Глубоко национальный поэт» Янка Купала был арестован как контрреволюционер всего за несколько недель до того, как ему предстояло отправиться в Москву в качестве главного члена делегации белорусских писателей¹⁹. А потому визиты литературных деятелей изображали в качестве разновидности классовой борьбы, которая должна «нанести сокрушительный удар как по позиции мелкобуржуазного шовинизма, так и по реакционной великодержавной позиции»²⁰. Национальные писатели всегда посещали крупные московские заводы, чтобы подчеркнуть свою преданность пролетариату²¹. А делегацию белорусских писателей даже сопровождала группа белорусских заводских рабочих.

Но до свободного прославления традиционной национальной культуры было пока еще далеко. Во время визитов литературных деятелей эпохи культурной революции часто проявлялось недоверие к «кровному национализму» («фёлькиш-национализму»). В частности, зачастую осуждалось то, что теперь мы бы назвали ориентализмом: «Великодержавные шовинисты понимают национальную культуру прежде всего как экзотику»²². Накануне Всесоюзной олимпиады театров другой полемист также обвинил русскую интеллигенцию в том, что национальное искусство она рассматривает только как «экзотику, как искусство, представляющее лишь этнографический интерес, а не эстетический или социокультурный»²³. А национальных художников обвиняли в том, что они потворствуют этому великодер-

¹⁷ О непрерывной лавине таких сообщений см.: Литературная газета. 1929. 4 дек.; 1930. 24 марта. С. 1; 26 мая. С. 2, 4; 5 авг. С. 2; 30 авг. С. 2; 24 сент. С. 3; 20 нояб. С. 4; 29 нояб. С. 4; 4 нояб.; 14 дек. С. 1; 19 дек. С. 1; 9 янв. С. 2.

¹⁸ Против национал-демократизма! // Литературная газета. 1930. 14 дек. С. 1.

¹⁹ Янка Купала // Литературная газета. 1930. 26 мая. С. 1.

²⁰ Привет участникам Всесоюзной олимпиады искусств народов СССР. С. 4.

²¹ Смычка украинских писателей с московскими рабочими. С. 2; Писателям красного Татарстана — наш привет! С. 1; За всесоюзную литературную олимпиаду // Литературная газета. 1930. 15 авг. С. 1; Дневник «недели» // Там же. 1931. 4 янв. С. 1.

²² Коваленко В. Пролетарская литература СССР в борьбе за ленинское национально-культурное строительство // РАПП. 1932. № 1/2. С. 49.

²³ Усилим взаимодействие культур народов СССР // Литературная газета. 1930. 16 июня. С. 1.

жавному предубеждению тем, что занимаются «гипертрофированной фетишизацией национальных форм»²⁴. На состоявшемся в мае 1931 г. заседании пленума ВОАПП, посвященном национальной культуре, Авербах сказал, что в 90 % случаев национальный фольклор использовался без понимания его классовой природы, что привело к «некритичному отношению к национальной культуре прошлого»²⁵.

Ну и, наконец, статус русской культуры все еще оставался неопределенным. Кампания по пропаганде «братства» способствовала тому, что русская культура снова оказалась на виду, поскольку национальная культура теперь обсуждалась во всесоюзном контексте. Метафора «братство народов» предполагала, что русская культура имеет точно такой же статус, как и все прочие (понятие «старший брат» еще не появилось), а это означало, что принципы, на которых была основана империя положительной деятельности, ставятся под сомнение. В соответствии с этой тенденцией деятелей русской литературы критиковали не только за их великодержавное высокомерие и отношение к национальной культуре как некоей экзотике, но еще и за то, что они «определяют великорусскую культуру как сверхнациональную. Под национальной культурой они понимают лишь культуры ранее угнетавшихся народов... [Это является] проявлением великодержавного хамства»²⁶. Истоки такого «хамства» достаточно ясны. Империя положительной деятельности не предоставляла русским особого национального статуса и таким образом превращала их в своего рода «наднациональную национальность», чья культура отождествлялась с советской культурой в целом либо ее значение преуменьшалось. Тем не менее, несмотря на попытки уравнивать русскую культуру с другими советскими национальными культурами, русских по-прежнему продолжали называть бывшей великодержавной национальностью. Сталин продолжал утверждать, что недоверие нерусских народов еще не преодолено. Главной опасностью оставался великодержавный шовинизм. В возникающем советском «братстве» русские по-прежнему занимали неудобное место. Таким образом, во время культурной революции проблема необходимости создания более действенного способа сплочения советских народов была скорее озвучена, нежели нашла свое разрешение.

²⁴ *Гальперин Е.* Формы проявления великодержавного шовинизма в литературоведении и критике // РАПП. 1931. № 5/6. С. 47.

²⁵ *Авербах Л.* Строительство социализма и национальная культура // РАПП. 1931. № 3. С. 5.

²⁶ *Селивановский А.* О великодержавности // Литературная газета. 1930. № 61. 24 дек. С. 1.

«Дружба народов»

4 декабря 1935 г. в Кремле состоялось собрание в честь 43 таджикских и 33 туркменских «передовых» колхозников, отличившихся во время последнего сбора хлопка. На собрании присутствовали все наиболее влиятельные члены Политбюро: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Микоян, Чубарь, Андреев, Рудзутак²⁷. В течение двух дней «Правда» освещала ход этого собрания на большей части своих полос²⁸. Это собрание не отличалось своеобразием. Подобные собрания уже проводились в честь русских колхозников и работавших в промышленности стахановцев. Среднеазиатское собрание представляло собой лишь национальную версию этого нового советского ритуала. В соответствии с установленной церемонией советские руководители заслушали речи участников, в которых они отчитывались о своих достижениях. Сталин время от времени прерывал их вежливыми вопросами и искренними обещаниями оказать помощь²⁹. Одна из участниц, Эпа Гельдыева, подарила Сталину ручной работы ковер с изображением портрета Ленина: это было подарком от советских женщин в благодарность Сталину за ту «счастливую жизнь, которая нам дана»³⁰. Десятилетняя пионерка Мамлакат Нахангова тоже сделала подарок Сталину: она преподнесла ему экземпляр его собственной книги, «Вопросы ленинизма», в таджикском переводе. Согласно корреспонденту «Правды», «Сталин тронут... быстрыми шагами приближается он к пионерке Мамлакат, дарит счастливой девочке золотые часы, а потом по-отечески обнимает и целует ее»³¹.

Эта встреча, как и аналогичные встречи, участниками которых были русские, должна была подчеркнуть отеческую заботу Сталина о простых людях и их ответную, по-детски искреннюю благодарность и любовь к нему³². Такого рода этатистский патернализм был характерен для эпохи «великого отступления». Однако у национальных вариантов этих мероприятий была своя особая черта — исключительное внимание к национальной самобытности. На многочисленных фотографиях, которыми иллюстрировались проводившиеся в Крем-

²⁷ На совещании в Кремле // Правда. 1935. 5 дек. С. 1.

²⁸ См.: Правда. 1935. 5 дек. С. 1–2; 6 дек. С. 1–3.

²⁹ Совещание передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства // Правда. 1935. 5 дек. С. 2.

³⁰ Великая дружба // Правда. 1935. 5 дек. С. 1.

³¹ Там же. С. 1.

³² По словам «Правды», «с такой любовью и уважением, так тепло и так искренне колхозники и колхозницы Таджикистана и Туркменистана приветствовали товарища Сталина».

ле приемы, их участники одеты в традиционные национальные костюмы³³. Национальные туркменские и таджикские халаты были подарены и каждому члену Политбюро³⁴. Более того, большинство опубликованных фотографий этого мероприятия запечатлели среднеазиатских женщин, и хотя их лица не были закрыты полностью, но все они были в больших платках, скромно закрывавших волосы и шею. Это относится и к главной героине мероприятия, десятилетней Мамлакат³⁵. В официальных репортажах «Правды» настойчиво подчеркивалось, что все участвовавшие в церемонии туркмены и таджики говорили по-туркменски и по-таджикски³⁶. Молотов даже начал свою речь с приветствия «Товарищи!» на туркменском и таджикском языках³⁷.

Таким образом, образцовые «передовые» колхозники из национальных республик не только не отказывались от своей национальной идентичности, но и усердно ее сохраняли и использовали для выражения преданности советской власти. Сталин развил эту тему в своей краткой речи. Он и на этот раз поступил так, как это было принято на проходивших ранее русских собраниях. Сначала он объявил о том, что каждому колхозу, представленному на совещании, подарят по грузовику, а каждому из его участников — по патефону с пластинками и часы, а потом поздравил участников с достигнутыми успехом в сборе хлопка³⁸. Затем он продолжил:

«Но есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок, — это дружба народов нашей страны. Настоящее совещание, ваши речи, ваши дела говорят о том, что дружба между народами нашей великой страны укрепляется. Это очень важно и знаменательно».

Сталин противопоставил эту нынешнюю дружбу эпохе царизма, когда правительство пыталось «сделать один народ — русский народ — господствующим, а все другие народы — подчиненными, угнетенными. Это была зверская, волчья политика». И после 18 лет советской власти, отметил Сталин, опасные последствия политики царизма были преодолены³⁹:

«Настоящее совещание является ярким доказательством того, что былому недоверию между народами СССР давно уже поло-

³³ Правда. 1935. 5 дек. С. 1–2, 6; 6 дек. С. 1–2, 4.

³⁴ На совещании в Кремле. С. 1.

³⁵ Правда. 1935. 5 дек. С. 1–2, 6; 6 дек. С. 1–2, 4.

³⁶ Великое братство свободных народов // Правда. 1935. 6 дек. С. 1.

³⁷ Речь тов. Молотова // Правда. 1935. 6 дек. С. 3.

³⁸ Речь тов. Сталина // Правда. 1935. 6 дек. С. 3.

³⁹ Там же.

жен конец, что недоверие сменилось полным взаимным доверием, что дружба между народами СССР растет и крепнет. Это, товарищи, самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика.

А дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует. Можете не сомневаться в этом, товарищи. (*Бурные аплодисменты, все присутствующие встают и скандируют: "Ура Сталину!"*)».

Краткие высказывания Сталина положили начало созданию новой концепции национального устройства Советского Союза⁴⁰.

В течение следующих четырех месяцев произошло несколько широко разрекламированных национальных «совещаний» и «приемов» в Кремле, которые, разумеется, были частью сознательно проводившейся пропагандистской кампании «дружбы народов». На аналогичную встречу в Кремле, состоявшуюся 19 декабря, собрались «передовые» колхозники из трех других среднеазиатских республик — Узбекистана, Казахстана и Кара-Калпакии⁴¹. А через 11 дней представляющую все социальные группы делегацию из Армении публично приняли в Кремле члены Политбюро⁴². Армянская встреча послужила образцом для происходивших в Кремле приемов делегаций из Азербайджана (21 января), Бурят-Монголии (27 января) и Грузии (19 марта)⁴³. Все руководство Политбюро, включая Сталина, посещало эти приемы. «Правда» посвящала этим мероприятиям первые полосы и сопровождала сообщения многочисленными фотографиями, символически изображающими дружбу народов⁴⁴. Во время приема делегации из Бурят-Монголии была сделана одна из

⁴⁰ Tillet L. The Great Friendship. Chapel Hill, N. C., 1969.

⁴¹ Совещание передовых колхозников и колхозниц Узбекистана, Казахстана и Кара-Калпакии с руководителями партии и правительства // Правда. 1935. 21 дек. С. 1.

⁴² Прием делегации трудящихся советской Армении в Кремле // Правда. 1935. 31 дек. С. 1.

⁴³ Прием делегации советского Азербайджана руководителями партии и правительства в Кремле // Правда. 1936. 24 янв. С. 1; Прием делегатов трудящихся Бурят-Монгольской АССР руководителями партии и правительства в Кремле // Там же. 30 янв. С. 1; Прием делегации советской Грузии руководителями партии и правительства в Кремле // Там же. 21 марта. С. 1. Стереотипные названия свидетельствуют, что эти встречи считались частью единой масштабной кампании.

⁴⁴ Некоторые образцы таких фотографий см.: Правда. 1935. 21 дек. С. 1, 5; 23 дек. С. 1; 31 дек. С. 1; 1936. 2 янв. С. 2; 24 янв. С. 1; 29 янв. С. 3; 30 янв. С. 1; 21 марта. С. 1.

самых знаменитых фотографий периода культа Сталина, на которой он запечатлен с маленькой шестилетней девочкой на руках, Гелей Маркизовой из Бурят-Монголии, она дарит Сталину букет цветов и широко улыбается⁴⁵.

После состоявшегося в марте 1936 г. приема грузинской делегации пропаганда «дружбы народов» вернулась к своим литературным истокам. Символами дружбы стали периодические декады национального искусства, проводившиеся в Москве. Во время каждого из таких фестивалей в Москву приезжала внушительная делегация деятелей искусства данной республики, которые проводили художественные выставки и литературные вечера и устраивали театральные спектакли, что всегда считалось кульминацией декады. Наиболее одобряемым властями театральным жанром были музыкальные постановки в щедром сопровождении фольклорной музыки и танцев. В 1936 и 1937 гг. состоялись четыре большие национальные декады: украинская (в марте 1936 г.), казахская (в мае 1936 г.), грузинская (в январе 1937 г.) и узбекская (в мае 1937 г.)⁴⁶. В печати декадам уделялось даже больше места, чем проходившим ранее приемам в Кремле. Кульминацией каждой декады было посещение театрального представления членами Политбюро. После этого в Кремле проходил прием национальных деятелей искусств, на котором щедро раздавались награды⁴⁷.

На всех этих мероприятиях постоянно звучала новая риторическая метафора «дружба народов». И это едва ли было случайностью. До того как Сталин употребил это выражение во время встречи с таджиками и туркменами, оно почти никогда не употреблялось в советской риторике. Стандартной метафорой было «братство народов». До 1935 г. Сталин также чаще пользовался метафорой братства, хотя время от времени он прибегал и к мотиву дружбы. Однажды в передовой статье, которая была опубликована в апреле 1917 г., Сталин употребил ту же в точности формулировку, которую он впоследствии канонизировал. Эта формулировка была в том месте статьи, где он настаивал, что только предоставление права на отделение может «усилить доверие и дружбу народов»⁴⁸. Во второй раз, в отредактированном ва-

⁴⁵ Правда. 1936. 30 янв. С. 1.

⁴⁶ Декада украинского искусства в Москве // Литературная газета. 1936. 27 марта. С. 4; Привет мастерам литературы и искусства возрожденного Казахстана! // Там же. 15 мая. С. 2; К декаде грузинского искусства // Там же. 1937. 5 янв.; Декада узбекского искусства // Там же. 30 мая. С. 3.

⁴⁷ Напр., см.: Закончились спектакли Казахского музыкального театра в Москве // Литературная газета. 1936. 24 мая. С. 1.

⁴⁸ Сталин И. В. Контрреволюция и народы России // Соч. Т. 3. С. 208.

рианте его речи, произнесенной в феврале 1929 г. перед украинскими писателями (речи, в которой он впервые поднял проблему единства Советского государства, основанного на новых принципах), Сталин снова упомянул задачу установить «дружбу между народами»⁴⁹. Так еще в 1929 г. Сталин связал метафору дружбы с грядущим изменением советского национального устройства.

А потому и неудивительно, что, когда Сталин озаботился созданием новой концепции советского национального устройства, которая отразила бы фундаментальные изменения, совершившиеся в советской национальной политике после декабря 1932 г., он вновь обратился к метафоре «дружба народов». И через несколько месяцев после состоявшейся в декабре 1935 г. встречи с представителями среднеазиатских республик эта метафора получила повсеместное распространение. Репортаж «Правды», опубликованный на следующий день после встречи с таджиками и туркменами, назывался «Великая дружба»⁵⁰. А когда через две недели состоялась вторая встреча со среднеазиатскими колхозниками, Молотов сообщил своим слушателям, что «дружба народов Советского Союза — это наша великая сила в борьбе за лучшую жизнь»⁵¹. Когда Молотов опубликовал собрание своих речей на собраниях в Кремле, проходивших с декабря 1935 по март 1936 г., он, разумеется, дал этому сборнику название «Великая дружба народов СССР». Учитывая тот факт, что беспрецедентную пропаганду новой метафоры для определения многонационального советского государства вели высшие большевистские руководители, мы считаем, что было бы уместно тщательно проанализировать ее смысл.

Взаимное «доверие» с возникновением «дружбы народов» Сталин связал еще в августе 1917 г. А через 18 лет он объявил, что этот процесс уже завершен («былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец») и что сложилась дружба народов⁵². В своей речи о проекте новой советской Конституции, произнесенной в ноябре 1936 г., Сталин еще раз заявил о своей вере в то, что среди народов СССР «исчезло чувство взаимного недоверия», что «развилося чувство взаимной дружбы» и «наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов»⁵³. Эти два утверждения чрезвычайно важны. Исторически оправданное недо-

⁴⁹ *Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм // Соч. Т. 3. С. 339.

⁵⁰ *Молотов В. М.* Великая дружба народов СССР. М., 1936. С. 1.

⁵¹ Там же. С. 19.

⁵² Речь тов. Сталина. С. 3.

⁵³ *Stalin J.* Marxism and the National Question. N. Y., 1942. С. 218.

верие нерусских народов СССР к русским было основой империи положительной деятельности. Поэтому великодержавный шовинизм был объявлен главной опасностью, и русским было отказано в проявлении национального самовыражения и преуменьшалось значение традиционной русской культуры. Однако в 1934 г. Сталин объявил об отмене принципа главной опасности и реабилитации традиционной русской культуры. Заявления Сталина создали идеологическое оправдание для обоих этих процессов. Таким образом, одним из аспектов «дружбы народов» была реабилитация русской национальной культуры.

Однако для этого могла быть использована и уже существующая метафора «братство». Тогда почему так резко ее сменили «дружбой»? Удивительно, но факт, что, хотя братство в буквальном смысле обозначает тесные семейные узы, в коммунистической риторике оно тесно связано с классовой активностью. Оно ассоциируется не с семейной привязанностью, но с социальной солидарностью. И в таком качестве «братство» было идеальной метафорой для наступательной кампании 1929–1931 гг., целью которой считалось создание международного пролетарского союза против внутренних классовых врагов каждой нации и великодержавных шовинистов. С окончанием культурной революции и началом «великого отступления» классовая воинственность исчезла, и о ней уже не упоминалось в пропагандистской кампании «дружбы» 1935–1938 гг. В программах встреч больше не было ни посещений заводов, ни обличений националистического и великодержавного уклонов. Теперь акцент делался не на ненависти к внутренним классовым врагам, а на «чувстве любви» друг к другу и, разумеется, товарищу Сталину⁵⁴. Эмоции, выдвигавшиеся на первый план, были более теплыми и личными. Теперь делегаты не посещали заводов, а получали в подарок часы и граммофоны. И метафора «дружба» передавала эти эмоциональные связи гораздо лучше.

«Дружба народов» допускала существование лишь одной из форм воинственности — той, которая была направлена против внешних врагов. Часто цитируется фрагмент выступления Сталина в декабре 1935 г., в котором он утверждал, что, «пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует»⁵⁵. Внутренние враги, о которых упоминалось в выступлении, теперь определялись уже не как классовые враги, но как

⁵⁴ *Татаршвили А.* Поэзия дружбы народов // Правда. 1936. 4 сент. С. 3.

⁵⁵ Речь тов. Сталина. С. 3.

«враги [советского] народа». В эту категорию входили и «народы-враги», которые отлучались от советской семьи народов и подвергались этническим чисткам. Прилагательными, которыми выражение «дружба народов» сопровождалось чаще всего, подчеркивалось, что речь идет о защите от иностранной агрессии — «крепкая», «нерушимая», «непобедимая»⁵⁶.

Сталинский примордиализм

Кампания «дружбы» 1935–1938 гг. отличалась от кампании «братства» 1929–1931 гг. не только тем, что классовая ненависть была заменена национальной дружбой, но еще и тем, что изменилось отношение к самому понятию национальности. Империя положительной деятельности была основана на представлении, что нации являются, по существу, новыми образованиями, продуктами капитализма и индустриализации. Сталин отчетливо выразил это представление в своей брошюре 1913 г. «Маркизм и национальный вопрос»⁵⁷.

«Что такое нация?

Нация — это, прежде всего, общность, определенная общность людей. Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация — не расовая и не племенная, а *исторически сложившаяся общность людей* (курсив мой. — Т. М.)».

Это было общепринятое положение марксистской мысли того времени. В противоположность широко распространенному представлению о том, что национальная идентичность имеет глубокие исторические корни, марксисты утверждали, что нации в своей основе являются современными образованиями. Или, как говорил Сталин: «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымаю-

⁵⁶ Нерушимая дружба // Правда. 1936. 21 марта. С. 1; Бажан М. Дружба народов // Там же. 15 июля. С. 2; Евдокимов Е. Непобедимый союз народов // Там же. 7 нояб. С. 6; Святая любовь к родине // Там же. 12 дек. С. 1.

⁵⁷ Сталин И. Марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 4.

щегося капитализма»⁵⁸. Однако во время «великого отступления» произошел резкий поворот в представлениях о современных нациях. Внимание было сконцентрировано на их примордиальных корнях⁵⁹.

Изменилось отношение и к национальной экзотике. Во время кампании по укреплению «братства» «экзотизация» национальной культуры — чрезмерное и некритичное употребление фольклора — была одним из главных грехов, приписывавшихся как националистам, так и, в особенности, великодержавным шовинистам. А во время кампании по поддержанию «дружбы» боязнь экзотики совершенно исчезла, и все фольклорное и экзотическое стало приветствоваться. В центре украинской декады 1936 г. были национальные танцы и песни⁶⁰. Они были включены даже в украинские оперы⁶¹. «Правда» приветствовала «уникально своеобразное искусство украинского фольклора»⁶². На казахской декаде главными исполнителями были акыны, традиционные казахские музыканты-импровизаторы: их попросили выступить на кремлевском приеме, проводившемся для деятелей казахской культуры⁶³. «Этнографический хор» выступал на кремлевском приеме в конце грузинской декады⁶⁴. Фотографии, сделанные во время декады и приема в Кремле в честь таджиков и туркмен, неизменно концентрировали внимание на национальной одежде⁶⁵. Возникли многочисленные штампы, применяемые для определения сущности национального характера и особенностей той или иной республики. Во время грузинской декады неизменно говорили о «солнечной социалистической Грузии», а радостный характер ее национального ис-

⁵⁸ *Сталин И.* Марксизм и национальный вопрос. С. 10.

⁵⁹ Я использую здесь слово «примордиальный» для обозначения убежденности в том, что прототипы наций существовали всегда и что людям, принадлежащим к одной этнической общности, изначально и навсегда присущ некий набор культурных свойств. Иногда это называется «эссенциализмом». Спор между примордиалистами и модернистами в исследованиях по национальному вопросу ведется давно, но со временем становится все более и более бесплодным. Краткое изложение вопроса с библиографией см. во введении к кн.: *Ethnicity*. Oxford, 1996. P. 3–16.

⁶⁰ *Литовский О.* Декада украинского искусства в Москве // Литературная газета. 1936. 27 марта. С. 4; *Фольклор народов СССР* // Там же. 5 апр. С. 4; *Хвилья А.* Украинское народное творчество // Правда. 1936. 5 февр. С. 4.

⁶¹ Украинская опера в Москве // Правда. 1936. 23 марта. С. 4.

⁶² *Кеменов В.* Народное искусство Украины // Правда. 1936. 3 авг. С. 4.

⁶³ Акыны Казахстана // Литературная газета. 1936. 10 мая. С. 4; Закончились спектакли // Там же. С. 1.

⁶⁴ Прием в Кремле участников декады грузинского искусства // Литературная газета. 1937. 15 янв. С. 1.

⁶⁵ См., напр., фотографии, сделанные во время казахской декады: Литературная газета. 1936. 10–15 мая.

куства, как правило объясняли хорошей погодой, обычно стоящей в этой республике⁶⁶.

Помимо того что была реабилитирована национальная экзотика, началось создание и прославление национальной классики. Во время проведения кампании по пропаганде «братства» приветствовалось появление новых работ о революции. А в ходе укрепления «дружбы», наоборот, приветствовались дореволюционные классики — там, где они имелись. И это отлично сочеталось с фольклорной темой, поскольку в обоих случаях стремились подчеркнуть глубину и историчность национальной культуры, тогда как прежде хотели особо выделить новизну советских национальных культур. Популяризация классиков народов СССР стала главной темой Первого Всесоюзного съезда советских писателей, проходившего в августе 1934 г.: «Те народы, которые до революции создали культурные сокровища, особенно в художественной литературе, только теперь имеют возможность познакомиться с ними другие [советские] национальности и весь мир»⁶⁷.

В частности, теперь считалось важным, чтобы у каждой нации был свой собственный «народный поэт». Романисты были, очевидно, внешне слишком современными, и поэтому почти все кандидаты на роль «народного» были лирическими или эпическими поэтами. На Украине процветал культ Шевченко⁶⁸. С 1933 по 1938 г. Политбюро ЦК КП(б)У обсуждало вопросы, связанные с Шевченко, по крайней мере 11 раз: и торжества по поводу дней его рождения и смерти, и сооружение памятника Шевченко, и издание его сочинений, и обнаруженные незадолго до того документы, касающиеся Шевченко⁶⁹. «Правда» посвятила немало внимания сооружению памятника Шевченко в Харькове⁷⁰. То же самое относилось и к еще более развитому

⁶⁶ Вахвашишвили Т. Грузинская народная пляска // Литературная газета. 1937. 5 янв. С. 3; Праздник социалистической культуры // Там же. 10 янв. С. 1; Солнечный праздник искусства // Там же. 15 янв. С. 5.

⁶⁷ Давагян Н. Социалистический реализм и национальная литература // Литературная газета. 1934. 22 сент. С. 2.

⁶⁸ Каганович Н. Як українські націоналісти фальсифікували Тараса Шевченка // Вісті ВУЦВК. 1934. 8 янв. С. 2–3. См. также статью, опубликованную одновременно: Шаблювский Е. Проти націоналістичної фальсифікації Шевченка // Літературна газета. 1934. 3 янв. С. 3.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Протокол 117, п. 15; Оп. 21. Д. 4672. Протокол 4, п. 54; Д. 4675. Протоколы 37, п. 1; 41, п. 16; Д. 4676. Протоколы 42, п. 41; 44, п. 26; Д. 4678. Протокол 55, п. 43; Д. 4679. Протокол 60, п. 39; Д. 4682. Протокол 86, п. 11; Д. 4685. Протокол 23, п. 7; Д. 4690. Протокол 5, п. 169, 197.

⁷⁰ Хвьяля А. Художники Украины // Правда. 1935. 16 марта. С. 4; Сегодня в Харькове открытие памятника Шевченко // Там же. 24 марта. С. 3; Соболев Л. Открытие памятника Тарасу Шевченко // Там же. 25 марта. С. 6.

культу средневекового грузинского поэта Шота Руставели⁷¹. Когда подходящих дореволюционных поэтов не находилось, прославляли современного поэта. Удивительна история народника-националиста Янки Купалы, которого в 20-е гг. объявили народным поэтом Белоруссии, потом в 1930 г. арестовали как националиста, однако вскоре отпустили на свободу и в 30-е гг. создали вокруг него литературный культ⁷². Всесоюзный статус был предоставлен дагестанскому и казахскому народным поэтам, акынам – Сулейману Стальскому и Джамбулу⁷³. Те же самые критерии, со всей очевидностью, применялись и при выборе народного поэта России, когда классика русской литературы Пушкина возвысили над революционными кандидатами Маяковским и Бедным.

Но, вероятно, самой поразительной приметой новых веяний было то количество внимания, которое уделялось национальной культуре. До 1933 г. считалось, что развитие национальной культуры гораздо менее важно, чем коренизация и расширение сферы применения языков народов СССР, положительная деятельность или образование национальных советов. Однако, по мере того как внимание к этим темам стремительно падало, проблемы национальной культуры выходили на первый план: теперь ей стали посвящать целые речи такие заметные фигуры, как секретари национальных ЦК. В 1937 г. Постышева отстранили от должности и обвинили (с полным основанием) в том, что национальный вопрос он сводил исключительно к проблеме национальной культуры. На проходившем в 1937 г. пленуме Татарского обкома один из делегатов сетовал не на пренебрежение к татарскому языку и не на то, что татары слабо представлены среди специалистов. Он сетовал, что «национальная гордость татарских трудящихся была задета... Это не секрет, что, когда наш татарский театр приехал на проходивший в Москве фестиваль, он и сам устыдился того, что пьеса, которую он поставил, была произведением вульгарного плагиата»⁷⁴. С другой стороны, Мирзоян, первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана, хвалился успехом казахской

⁷¹ Культ Руставели начал приобретать всесоюзный статус в середине 30-х гг. и достиг своего пика во время всесоюзного празднования 750-летия его поэмы «Витязь в тигровой шкуре» в декабре 1937 г. Праздник социалистической культуры // Учительская газета. 1937. 27 дек. С. 1.

⁷² Купала был реабилитирован поразительно быстро. Уже в сентябре 1932 г. его 50-летний юбилей был отпразднован на всесоюзном уровне (50-летие народного поэта Белоруссии Янки Купалы // Литературная газета. 1932. 11 сент. С. 4).

⁷³ Левшин А. Сулейман Стальский // Учительская газета. 1938. 22 нояб. С. 4; Алтайский К. Джамбул // Литературная газета. 1936. 30 мая. С. 1.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4379. Л. 184–185.

декады в Москве и тем, что «казахские легенды, песни и фольклор стали известны всей стране»⁷⁵.

Одним из наиболее заметных признаков начала лихорадочной кампании по пропаганде национальной культуры было увеличение числа научно-исследовательских институтов национальной культуры. В 1936 г. в национальных республиках Советского Союза было уже более 40 таких институтов⁷⁶. Большинство из них были созданы после 1934 г.⁷⁷ В 1934 г. в Москве был открыт Всесоюзный научно-исследовательский институт национальной культуры⁷⁸. Его задача заключалась не только в том, чтобы «изучать специфические особенности национальных культур различных народов СССР», но еще и в том, чтобы «оказывать помощь развитию национальных культур СССР»⁷⁹. Иными словами, огромная, финансируемая государством система научных учреждений создавалась с одной-единственной целью — прославлять и пропагандировать этническое разнообразие. В этих же самых целях стремительно увеличивалась и численность переводов фольклорных произведений и литературы народов Советского Союза⁸⁰. Был создан Музей народов СССР⁸¹. Пропаганде национальной культуры уделял немало внимания и новообразованный Всесоюзный комитет по делам искусств⁸². Одним словом, после 1933 г. огромное количество денежных средств и усилий было направлено на прославление и популяризацию отдельных фольклорных примордиальных национальных культур. Более того, эта программа была тесно связана с проводившейся одновременно кампанией пропаганды «дружбы народов».

Однако усиленная пропаганда народного творчества и национальных культур может показаться весьма незначительной и поверхностной в сравнении с коренизацией 1923–1933 гг., о которой теперь старались не упоминать. Может показаться, что фольклорно-националистическая этничность «фёлькиш-национализма» плохая замена коренизации в деле национального и государственного строительства. Однако в конце 1936 г. советская пропаганда внезапно снова

⁷⁵ Мизоян Л. Казахстан — союзная республика // Большевик. 1937. № 4. С. 25.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 601. Л. 15–16.

⁷⁷ Там же. Д. 605. Л. 1–54.

⁷⁸ Там же. Оп. 13. Д. 20. Л. 32об.

⁷⁹ Там же. Оп. 29. Д. 601. Л. 3, 6–7.

⁸⁰ Книги писателей народов СССР // Литературная газета. 1934. 14 сент. С. 4; Переводы с языков народов СССР // Там же. 1935. 31 дек.; Творчество народов СССР // Там же. 1936. 10 марта. С. 6.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 787. Л. 19.

⁸² Там же. Оп. 30. Д. 792. Л. 1–3.

начала уделять внимание «государственности» и «суверенитету» союзных республик⁸³. Это было частью пропагандистской кампании, связанной с принятием в конце 1936 г. новой Советской Конституции. По словам «Правды», Конституция создала «пять новых советских республик» и еще пять новых автономных республик⁸⁴. Утверждалось, что такого рода великодушными деяниями советская власть не только содействует формированию государственности, но и сплачивает нации: «Многие нации на самом деле сплотились лишь при советской власти»; «Благодаря помощи диктатуры рабочего класса консолидация наций произошла несравненно быстрее, чем это можно было бы представить в условиях капитализма»; «Создание нации из казахского народа является одной из замечательных побед социализма в СССР»⁸⁵. Упор на недавно созданную государственность и сформированное незадолго до этого национальное самосознание не противоречил тому, что одновременно подчеркивалась историческая глубина «фёлькиш-этничности». Этничность была унаследована Советским Союзом, а он преобразовал народы в суверенные национальные образования со своим государственным статусом и тем самым выполнил роль авангарда наций, что, в свою очередь, привело к возникновению «дружбы народов».

В начале 1937 г. председатель Совнаркома Казахской ССР написал на эту популярную тему статью, озаглавленную «О национальной консолидации казахского народа», в которой он утверждал, что «казахский народ в процессе эволюции перешел от уровня отсталых и феодальных племен на уровень социалистической нации и превратился в социалистическое национальное государство»⁸⁶. Термины «социалистическая нация» и «социалистическое национальное государство», ставшие частью советского дискурса во время пропагандистской кампании в связи с принятием Конституции 1936 г.,

⁸³ К примеру, см.: *Мизоян Л.* Казахстан — союзная республика // *Большевик.* 1937. № 4. С. 25; *Трайнин И.* Суверенитет союзных республик // *Правда.* 1936. 19 дек. С. 2.

⁸⁴ Пять новых союзных республик // *Правда.* 1936. 17 дек. С. 1. Пятью новыми республиками были Казахстан, Киргизия, Грузия, Армения и Азербайджан. Первые две были повышены в статусе — от статуса автономных до статуса союзных республик. А последние три возникли в результате упразднения существовавшей на промежуточном этапе Закавказской Федеративной Республики. Пять автономных областей — Кабардино-Балкарская, Коми, Марийская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская — стали автономными республиками.

⁸⁵ *Диманштейн С.* Ленинско-сталинская национальная политика и проект новой Конституции СССР // *Большевик.* 1936. № 13. С. 68; *Трайнин И.* Братство народов в социалистическом государстве // Там же. 1938. № 8. С. 34; *Исаков И.* О национальной консолидации казахского народа // *Большевик Казахстана.* 1937. № 5. С. 70.

⁸⁶ *Исаков И.* Указ. соч. С. 70.

явились существенным дополнением к парадигме «дружбы». Истоки этих терминов находятся в неопубликованной статье Сталина «Национальный вопрос и ленинизм», написанной им в марте 1929 г. В этой статье Сталин выдвинул идею о том, что помимо буржуазных наций «есть на свете и другие нации. Это — новые, советские нации, развившиеся и оформившиеся на базе старых, буржуазных наций после свержения капитализма в России»⁸⁷. Рабочий класс и его партия, стоящая на интернационалистических позициях, продолжал Сталин, являются той силой, которая «скрепляет эти новые нации и руководит ими». Это была уже известная идея, согласно которой большевики являются авангардом наций. Эти новые нации, продолжал Сталин, «следует квалифицировать как социалистические нации». И их создание, предрекал он, приведет к «установлению дружбы между народами». Однако социалистические нации — «гораздо более сплоченные и жизнеспособные, чем любая буржуазная нация». Они более сплоченные потому, что «свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации», и более жизнеспособные потому, что «являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация»⁸⁸.

По мнению Сталина, вполне очевидно, что с ликвидацией капитализма ликвидированы лишь буржуазные нации, или, скорее, не ликвидированы, а преобразованы в социалистические. Он не утверждал, что социалистические нации стали неизменными атрибутами эпохи социализма. Он по-прежнему настаивал, что они исчезнут, но в далеком будущем, после победы социализма в мировом масштабе. И тем не менее он был близок к мысли, что социалистические нации не исчезнут никогда. После окончания Второй мировой войны речь Сталина была опубликована, и эта идея, основанная на представлении, что нации имеют примордиальные корни, стала каноническим положением советской национальной политики⁸⁹. Однако вполне очевидно, что социалистические нации, которые имел в виду Сталин в 1936 г., были свободны от классовых противоречий и имели «фэлькиш-националистические» основы. Эти нации консолидировались и получили государственность благодаря действиям советской власти и были скреплены «дружбой народов».

Но в этой новой концепции было одно существенное противоречие. С одной стороны, как уже отмечалось в главе 10, во время

⁸⁷ Сталин И. Национальный вопрос и ленинизм. С. 338–339.

⁸⁸ Там же. С. 339–341.

⁸⁹ Блистательно описано в: *Slezkine Y The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994; idem. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, N. Y., 1994. P. 303–335.*

«великого отступления» было вновь провозглашено право советских граждан на ассимиляцию и право выбирать этническую идентичность. С другой стороны, пропагандировались примордиальная «фэлькиш-этничность» и в определенной степени — неизменное советское социалистическое национальное сознание. Первая тенденция, поддержка ассимиляции, предполагала, что этничность была исторически обусловлена и подвержена изменениям, а вторая — пропаганда примордиальности — что этничность присуща человеку изначально и никогда не меняется. Это противоречие полностью объяснить нельзя. Советская национальная политика середины 30-х гг. была более практичной, но менее последовательной, чем национальная политика 20-х, которая была неосуществима, но зато логически последовательна. Право на ассимиляцию было дано ради разрешения двух практических проблем. Первая проблема заключалась в необходимости консолидировать множество национальностей и национальных территорий таким образом, чтобы их размеры позволяли этими территориями управлять, а вторая — в необходимости дать родину этническим русским, что было достигнуто посредством русификации РСФСР. Все понимали, что огромное большинство советских народов не будут ассимилироваться, и не поощряли их к этому. Наоборот, усилия были направлены на консолидацию их национального самосознания, а глубинные исторические корни их этничности подчеркивались и прославлялись. Примордиализм был главной тенденцией советской национальной политики 30-х гг., а в период позднего сталинизма после окончания Второй мировой войны восторжествовал окончательно.

Усиление примордиальных тенденций в отношении к нациям нуждается в объяснении. Империя положительной деятельности была основана на представлении, что этничность — это исторически обусловленное явление и не является неотъемлемой частью человеческой природы. Поэтому этническими чувствами легко манипулировать. Национализм представлял собой попытку такого манипулирования. Он является идеологией, маскирующей свою суть, которая приводит к тому, что законные классовые интересы поневоле выражаются в форме надклассового национального движения. Советская национальная политика была стратегией, направленной на борьбу с национализмом путем предоставления нациям различных форм государственности. Она была именно *стратегией*. Вера в примордиальность этничности в ней отсутствовала. Это была своего рода воспитательная мера, направленная на то, чтобы советское население отбросило общепринятое представление о примордиальности и неизменности наций и усвоило большевистские социологические

представления о них. А большевики считали, что существование нации обусловлено историей и обстоятельствами. Коммунистическая партия, как и раньше, считалась авангардом советских наций. Тем не менее в 30-е гг. само Советское государство стало пропагандировать учение о примордиальности этничности и неизменности существования советских наций. Почему же произошло это изменение?

Отчасти оно стало незапланированным результатом чрезмерного вмешательства большевистского государства в экономику. Империя положительной деятельности нуждалась в постоянной регистрации этничности, и таким образом советскому населению опосредствованно внушалось представление о том, что этничность — обязательный, сущностный признак всех без исключения людей, имеющий ключевое значение. Для осуществления положительной деятельности, проверки ее успешности, создания национальных советов, обучения детей в школах с преподаванием на родном языке и выполнения десятков других национальных программ Советское государство вынуждено было постоянно спрашивать своих граждан об их национальности. Оно спрашивало об этом и служащих, и секретарей партийных ячеек, и профсоюзных деятелей и так далее. Во всех кадровых анкетах имелась графа «национальность». Кроме того, положительная деятельность превратила национальность в форму социального капитала, имеющую особую ценность. Сведения о национальности в заявлении о приеме на работу вовсе не были нейтральной частью информации; они были или имеющим решающее значение преимуществом, или, наоборот, существенной помехой. Тем самым государство недвусмысленно заявляло: национальность — это одно из самых существенных отличительных свойств каждого человека. И это привело к распространению представления о том, что этничность является изначально данной человеку. Определение человека по его национальности вошло в натуру советских людей. Когда в 1932 г. были введены внутренние паспорта, споры о том, записывать ли в них национальность, даже не возникли⁹⁰. Графа «национальность» была включена без рассуждений не только в паспорта, но и во все кадровые анкеты: национальность относили к числу необходимых и существенно важных сведений, и без нее не мог обойтись ни один советский гражданин. Таким образом, графа «национальность» в советских паспортах

⁹⁰ Мне не удалось обнаружить никакой дискуссии по вопросу о национальности в документации, которая относилась к проводившейся в 1932–1933 гг. паспортизации. Не удалось этого сделать и Натали Мюан, см.: *Moine N. Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale // Cahiers du monde russe. 1997. № 38. P. 587–600.*

стала одной из наиболее значимых, ее наличие укрепило представление о том, что национальная идентичность является примордиальной и унаследованной, и это стало фактом общественной жизни.

Провозглашение примордиальности этничности было тесно связано с более масштабными социальными и культурными процессами, происходившими во время «великого отступления». После 1933 г. внимание властей переместилось с класса на народ. Это явление мы уже наблюдали, когда депортации на классовой основе сменились депортациями по этническому признаку, а преследования классовых врагов — разоблачениями врагов народа. Изменение мировоззрения отразилось в представлениях об обществе: в центре внимания была теперь не классовая принадлежность, а общество, которое, как представлялось, состояло из сильного патерналистского государства и по преимуществу классово однородного народа. Конституция 1936 г., положившая конец официальной правовой дискриминации классово чуждых элементов («лишенцев»), стала символическим выражением этих изменений. Один из комментаторов Конституции отмечал: «Конституция должна напомнить нам, что народность — это высший критерий всякой культурной работы»⁹¹. В середине 30-х гг. огромное внимание уделялось фольклору (как русскому, так и народов СССР) и народному искусству, и это также было частью нового культа — культа народности⁹². Смещение акцентов с класса на народ и «народное» помогает объяснить, почему все больше внимания уделялось народной культуре как буквальному воплощению народности и почему произошел сдвиг в сторону примордиального, «фёлькиш-национального» понимания национальных культур.

Культ народности, распространением которого сопровождалось принятие Конституции 1936 г., был связан не только с тем, что в советский дискурс было введено понятие «социалистическая нация», но и с расширением употребления выражения «советский народ»⁹³. Может показаться, что появление этого термина свидетельствует о попытке создать советскую национальность. Но это не так. Выражение «советский народ» (или его близкий синоним «советский патриотизм») чаще всего использовалось в рассуждениях о необходимости дать отпор возможной иностранной агрессии⁹⁴. «Советский народ» всегда представлялся как «наш многонациональный советский на-

⁹¹ *Мирский Д.* О великой хартии народов. Конституция победы // Литературная газета. 1936. 20 июля. С. 2.

⁹² См. журнал «Советский фольклор», издававшийся с 1934 по 1941 г.

⁹³ Напр.: *Быстрянский В.* Советский народ // Правда. 1936. 24 апр. С. 2.

⁹⁴ *Быстрянский В.* О советском патриотизме // Правда. 1936. 18 мая. С. 2.

род». В статье о советском патриотизме, опубликованной в «Правде», говорилось о «нашем великом Советском Союзе — общем доме трудящихся *всех национальностей* (курсив мой. — Т. М.)». Точно так же передовая статья этой газеты восхваляла «украинский народ, воодушевленный советским патриотизмом так же, как и все народы Советского Союза»⁹⁵. И сам Сталин всегда подчеркивал многонациональность советского народа. В своих замечаниях 1934 г., сделанных по поводу нового учебника истории Советского Союза, Сталин в первую очередь обратил внимание на то, что в учебнике недостаточно уделяется внимания истории нерусских народов Советского Союза⁹⁶. Советским аналогом титульной нации современного моноэтнического государства — немцев, французов или японцев — был не «советский народ», а «дружба народов».

Поворот к примордиализму стал следствием не только положительной деятельности советских властей и возникновения культа народности, являвшихся производными от чрезмерного сталинского этатизма. Помимо этих двух факторов имелся и третий. Им был рост этнизированной советской ксенофобии и появление категории «народ-враг», которую можно понять лишь с точки зрения примордиализма. С одной стороны, возникновение категории «народ-враг» свидетельствовало о победе примордиалистского мышления. С другой стороны, поскольку это понятие было несовместимо с представлением о том, что нации созданы в Новое время, оно явилось решающим фактором, который ускорил поворот к примордиальному пониманию национальности. И именно этим объяснялась официальная институционализация унаследованной национальности в паспорте. Как отмечалось выше, когда в 1932 г. были введены паспорта, внесение в них графы «национальность» особой озабоченности не вызвало, и при получении паспорта люди могли выбрать себе национальность. Однако в апогей массовых операций против диаспорных национальностей 2 апреля 1938 г. НКВД приняло постановление, в котором заявлялось, что впредь национальность будет определяться по национальности родителей, а не по свободному выбору индивида. НКВД указал на «немцев, поляков и других», которые пытались выдавать себя за «русских, белорусов и других», поэтому за представителями этих наций стали присматривать осо-

⁹⁵ *Трайнин И.* Суверенитет союзных республик // Правда. 19 дек. 1936. С. 2; *Быстрянский В.* О советском патриотизме // Там же; Литература украинского народа // Там же. 15 июля. С. 1.

⁹⁶ *Сталин И., Жданов А., Киров С.* Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Партийное строительство. 1936. С. 44–46.

бенно внимательно⁹⁷. Опасения вызывали представители «народов-врагов», пытавшиеся сменить свою национальную идентичность, чтобы избежать ареста и казни. Возникновение категории «народ-враг» привело к тому, что единственным способом сохранить примордиальную этничность в Советском Союзе стала фиксация унаследованной национальности в паспорте.

Таким образом, советский примордиализм возник под влиянием ряда факторов. Повсеместно распространившаяся советская традиция называть людей в соответствии с их национальностью, чтобы осуществлять программы положительной деятельности, способствовала превращению национальности в официально зафиксированный наследственный статус. Паспортизация и отразила, и усилила эту тенденцию. Кроме того, сталинская этатистская революция сверху создала патерналистский культ народности, что, в свою очередь, привело к усилению пропаганды примордиальной, «фёлькиш-национальной» культуры. И наконец, возникновение категории «народ-враг» поддержало эту тенденцию. Таким образом, поворот советских властей к утверждению примордиальности наций не был преднамеренным. Он стал следствием первоначальной советской национальной политики в сочетании с процессами, идущими в советском обществе, таким, например, как возникновение этатистского культа народности.

Первый среди равных

Примордиальная этничность была одной из основ концепции «дружбы народов». Другой ее основой был русоцентризм⁹⁸. Утвердив в декабре 1935 г. понятие «дружбы», Сталин заявил, что «недоверие» нерусских народов к русским преодолено. Это подразумевало реабилитацию русской культуры, которая началась еще в 1933 г. В январе 1937 г. у русской культуры уже был свой официальный пантеон классических писателей, художников и ученых⁹⁹:

«Русский народ в своем историческом развитии создал замечательную культуру Ломоносова и Пушкина, Белинского и Чернышевского, Добролюбова и Некрасова, Толстого и Горького. Наша

⁹⁷ Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 36.

⁹⁸ О возникновении и восприятии русоцентристской пропаганды см.: *Brandenberger D. The «Short Course» to Modernity. Ph. D. diss., Harvard University, 1999.*

⁹⁹ Привет избранныкам великого народа! // Литературная газета. 1937. 15 янв. С. 1.

страна имеет право гордиться такими именами, а также именами великих русских ученых — Мечникова и Менделеева, Сеченова и Павлова и великих русских композиторов — Мусоргского и Бородина, Балакирева и Римского-Корсакова, великих художников — таких как Репин и другие».

Разумеется, этих деятелей культуры Советское государство не отвергало никогда — даже в апогей культурной революции. Новым в середине 30-х гг. было усиленное подчеркивание их национальности. Например, статья «Правды» о «великом русском художнике В. И. Сурикове» начиналась с аксиомы: «История учит, что творения художника являются великими и вечными только тогда, когда они глубоко народны и национальны»¹⁰⁰. В июле 1937 г. такие заголовки, как «О национальной форме в советском русском театре», стали типичными¹⁰¹. Теперь русская культура была наделена таким же глубоким историческим прошлым, как и культуры других народов Советского Союза, а ее «народность и национальность» подчеркивались точно так же.

Но одновременно с упорядочением положения русской культуры начался и другой процесс, в результате которого русская культура вновь была поставлена в неравное положение с культурами других народов СССР, на сей раз в привилегированное. О новом статусе русской культуры было объявлено 1 февраля 1936 г. в передовой статье «Правды», озаглавленной «РСФСР» и содержавшей недвусмысленное заявление о первенстве русских¹⁰²:

«Все народы [СССР] — участники великого социалистического строительства могут гордиться результатами своей деятельности. Все они, от самых маленьких до самых больших, в равной степени являются советскими патриотами. Однако первым среди равных является русский народ, русские рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей Великой пролетарской революции начиная с первой победы и до сегодняшнего блистательного периода ее развития была исключительно большой».

¹⁰⁰ *Грбарь И.* Великий русский живописец В. И. Суриков // Правда. 1936. 28 дек. С. 4. Подобные статьи, подчеркивающие национальность некоторых канонизированных деятелей русской культуры, см.: Великий русский критик // Правда. 1936. 14 июня. С. 1 (о Белинском); *Кеменов В.* Илья Репин // Там же. 10 июля. С. 4; *Гениальный сын великого русского народа* // Там же. 18 нояб. С. 1 (о Ломоносове). 1936-й был ключевым годом для канонизации дореволюционных деятелей русской культуры.

¹⁰¹ О национальной форме в советском русском театре // Театр. 1937. № 4. С. 15–22.

¹⁰² РСФСР // Правда. 1936. 1 февр. С. 1.

После публикации этой статьи выражение «первый среди равных» стало шаблонным советским эпитетом русского народа¹⁰³. Кроме того, о русской культуре и русском народе теперь постоянно говорили как о «великих». Русская культура была «самой прогрессивной культурой» и образцом для других советских народов¹⁰⁴. Первенство русской культуры было связано с ее влечением к социализму и ведущей ролью российского пролетариата в Октябрьской революции.

Как мы уже видели, Сталин разделял эту точку зрения на русский народ. На состоявшемся в декабре 1925 г. пленуме ЦК он назвал русских «самым индустриальным, самым активным и самым советским из всех народов нашей страны»¹⁰⁵. В письме Демьяну Бедному, которое было написано в декабре 1930 г., Сталин назвал русский рабочий класс «авангардом советских рабочих», для которых он был «признанным вождем», «проводящим самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран»¹⁰⁶. В своей речи в Кремле, произнесенной в мае 1933 г., Сталин также выразил восхищение русскими как «самой большой национальностью в мире»; он сказал, что русские «первыми подняли знамя Советов вопреки всему остальному миру. Русский народ — самый талантливый в мире народ»¹⁰⁷. Примечательно, что все эти высказывания были или неофициальными, или обращенными к ограниченному кругу избранных лиц, и ни одно из них в свое время опубликовано не было, поскольку они противоречили духу империи положительной деятельности. В речи о «дружбе народов», произнесенной в декабре 1935 г., Сталин впервые соединил идею первенства русских с идеей советского единства. В выступлении 1938 г. по поводу 21-й годовщины Октябрьской революции он недвусмысленно рекомендовал к употреблению оборот речи «первый среди равных»: «Старая Россия теперь превращена в СССР, где все народы равны. Страна могуча и сильна своей армией, своей промышленностью и коллективизированным сельским хозяйством. Среди равных наций государства и страны СССР русская нация — самая советская и самая революционная»¹⁰⁸.

¹⁰³ Привет избранникам великого народа! С. 1; *Маленков Г. М.* Торжество ленинско-сталинской национальной политики // *Правда*. 1938. 9 июня. С. 3.

¹⁰⁴ Единая семья народов // *Правда*. 1936. 30 янв. С. 1; *Знать историю народов СССР* // Там же. 1937. 22 авг. С. 1; *Волин Б.* Великий русский народ // *Большевик*. 1938. № 9. С. 26.

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 205. Л. 5.

¹⁰⁶ *Сталин И.* Тов. Демьяну Бедному // *Соч.* Т. 13. М., 1953. С. 24–25.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1117. Л. 10.

¹⁰⁸ Там же. Д. 1122. Л. 158–159.

К 1938 г. первенство русской культуры также было объявлено изначальным. Превосходство русских теперь уже не ограничивалось эпохой социализма, но простиралось на целое тысячелетие вглубь веков. В 1938 г. советское правительство выступило с пропагандой чрезвычайно откровенного фундаментального русского национализма. Потрясающим примером этого является статья «Великий русский народ», появившаяся в 1938 г. в майском номере главного теоретического журнала партии¹⁰⁹:

«История великого русского народа — это история его героической битвы за независимость и свободу против бесчисленных врагов, завоевателей и интервенционистов, в том числе и против “немецких элементов” В этой полной опасностей трудной битве великий русский народ приумножил и развил свои замечательные качества народа-борца и народа-свободолюбца...».

Далее автор подробно рассказывает о поражении «немецких элементов» XIII в. — тевтонских рыцарей, разбитых Александром Невским, и завершает описание этих событий гимном исконной сущности русского народа¹¹⁰:

«Народ бессмертен. Воинственные качества славянской дружины и мужество, стойкость, изобретательность и решительность русских воинов — все эти качества культивировались в русском народе».

Статья, опубликованная в апогей «национальных операций» Большого террора, является выражением русского национализма, с пропагандой которого выступил главный теоретический журнал партии еще за три года до гитлеровского вторжения.

Наиболее распространенной темой новой пропагандистской кампании было «право русского народа на гордость», «оправданная гордость» русских¹¹¹. Очевидно, что это было реакцией на санкции империи положительной деятельности против национального самовыражения русских. В статье «Правды», которая была опубликована в августе 1937 г. и имела характерный заголовок «О националь-

¹⁰⁹ Волин Б. Указ. соч. С. 28.

¹¹⁰ Там же. С. 29.

¹¹¹ Там же. С. 26; *Кирпотин В.* Русская культура // *Большевик*. 1938. № 12. С. 61; *Гордость русского искусства* // *Театр*. 1937. № 3. С. 19–21; *Великий русский поэт* // *Правда*. 1935. 17 дек. С. 1; *Быстрянский В.* Критические замечания об учебниках по истории СССР // Там же. 1936. 1 февр. С. 2; *Великий русский критик* // Там же. С. 1; *Тимофеев Л.* Основатель русской литературы // Там же. 1936. 18 нояб. С. 4.

ной гордости русских художников», прямо отвергались прежние нормы¹¹²:

«Словосочетание “русская советская живопись” кажется необычным. Нередко мы говорим о грузинских, армянских и других советских художниках, но почему-то избегаем слова “русский”, заменяя его такими эпитетами, как “национальный”, “наш”, “современный”, или говорим еще более уклончиво — “художники РСФСР” Откуда же эта национальная “стыдливость”?».

Автор сам отвечает на свой вопрос. Причина этой «стыдливости» — запуганность: «Под прикрытием “борьбы” против великодержавного шовинизма [“интернационалистские” критики] шумно объявили всю русскую культуру и все русское искусство помещичье-буржуазными, реакционно-националистическими»¹¹³. Так же и автор статьи, озаглавленной «МХАТ — национальный русский театр», также сетовал, что «до недавнего времени главные режиссеры и критики “стыдились” говорить о национальном характере пьес и вообще о национальной форме русского искусства»¹¹⁴. Эта крикливая пропагандистская кампания была адресована тем русским, которые были обижены необходимостью стыдиться своих национальных традиций и культуры.

Второй повсеместно распространенной темой русской националистической пропаганды была огромная «братская помощь», которую русский народ оказывает нерусским народам, и ответная благодарность и любовь, которую они эти народы испытывают к русским¹¹⁵. В империи положительной деятельности от русских требовали спокойно и бескорыстно жертвовать своими национальными интересами, чтобы помочь преодолению исторически оправданного недоверия к ним нерусских народов. Русских партработников всегда шокировало и смущало то, что нерусские не желали отвечать на помощь соответствующей благодарностью. Вместо этого, по мнению партработников, представители нерусских народов за счет бескорыстных русских эгоистично манипулировали своей этнической принадлежностью, чтобы получить максимальные льготы, предусмо-

¹¹² Кеменов В. О национальной гордости русских художников // Правда. 1937. 13 авг. С. 4.

¹¹³ Там же. С. 4.

¹¹⁴ Иванов В. МХАТ — национальный русский театр // Театр. 1937. № 4. С. 23.

¹¹⁵ Привет избранникам великого народа! С. 1; Волин Б. Указ. соч. С. 27; РСФСР. С. 1; От невежества и отсталости — к расцвету культуры // Правда. 1936. 6 янв. С. 1; Торжанов Г. Декада казахского искусства // Правда. 1936. 28 апр. С. 4; Маленков Г. М. Торжество ленинско-сталинской национальной политики. С. 1.

тренные положительной деятельностью. С началом «великого наступления» роли переменились. От нерусских народов теперь требовали постоянно с помощью определенных ритуалов выражать свою благодарность русским за их «братскую помощь», а также восхищение великой русской культурой и любовь к ней¹¹⁶. Коренизация и положительная деятельность теперь выполнялись тихо, без шума.

И наконец, третьей большой темой советской националистической пропаганды была повсеместная «клевета», которую приходилось терпеть русскому народу и русской культуре. Частью она распространялась из-за границы, и особенно из фашистской Германии и Польши: «Ненависть к русскому народу включает в себя, разумеется, и ненависть ко всему советскому, к СССР в целом, однако огонь клеветы наших врагов направляется прежде всего против русского народа, потому что им очень хорошо известно, какая у него огромная воля, какая энергия и стойкость»¹¹⁷. В 1923–1933 гг. в силу исключительной опасности русского национализма официальная советская политика должна была «направлять огонь прежде всего» против великодержавного шовинизма. Отказавшись от этой политики, советское руководство все чаще стало называть ее фашистской. Тех, кто следовал этой политике в 20-е гг., теперь критиковали за их высказывания. Про Бухарина говорили, что он, «к выгоде фашистов, клеветал на русский народ, называя его “страной Обломовых”»¹¹⁸. Так режим ответил на возмущение русских империей положительной деятельности.

Позднее к метафоре «дружба народов» добавилось указание на центральную, объединяющую роль русских: «В центре крепкой семьи народов СССР стоит великий русский народ, страстно любимый всеми народами СССР, первый среди равных»¹¹⁹. Считалось, что русские объединяют Советский Союз тремя способами. Во-первых, «героический, самоотверженный русский рабочий класс помог народам, населяющим Россию, навсегда сбросить иго национально-угнетения»¹²⁰. Благодаря этой бескорыстной помощи «дружба и любовь всех народов СССР к первому среди равных, самому прогрессивному среди прогрессивных — русскому народу — выросли

¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4351. Л. 112; *Гаджибеков У.* Декада азербайджанского искусства в Москве // *Советы Азербайджана.* 1938. № 3/4. С. 24; *Братерський привіт великому російському народові!* // *Вісті ВУЦВК.* 1937. 15 янв. С. 1.

¹¹⁷ РСФСР. С. 1.

¹¹⁸ *Трайнин И.* Братство народов в социалистическом государстве. С. 39; *Кирпютин В.* Указ. соч. С. 61; *Единая семья народов.* С. 1.

¹¹⁹ *Привет избранныкам великого народа!* С. 1.

¹²⁰ *Маленков Г. М.* Торжество ленинско-сталинской национальной политики. С. 1.

и окрепли»¹²¹. Во-вторых, «культура русского народа, став теперь доступной всем народам советской страны, оказала мощное и плодотворное влияние на культурное развитие братских народов СССР»¹²². В-третьих, русский язык является языком взаимного общения и языком классиков мирового социализма. Вначале русскую культуру восхваляли за ее достижения в советскую эпоху, а потом было объявлено о ее величии на протяжении всей русской истории, так и «дружба народов», о которой вначале говорилось, что она возникла в советский период, тоже приобрела примордиальные корни¹²³.

«Культуры народов СССР исторически связаны с культурой русского народа. Они ощущают и в значительнейшей степени продолжают ощущать благотворное влияние прогрессивной русской культуры».

Таким образом абстрактное понятие «дружба народов» получило примордиальные корни и оказалось связано с фундаментальным примордиализмом. Понятие «дружба народов» стало эффективной заменой национализма, объединяющего традиционные моноэтнические государства.

Интегрирование понятия ведущей роли русского народа в концепцию «дружбы народов» не особенно изменило символические ритуалы, которые были связаны с дружбой. Национальные декады в Москве продолжались. Главным изменением стало то, что русские национальные праздники, годовщины и юбилеи стали частью символики дружбы. В частности, самым большим праздником дружбы стал грандиозный юбилей Пушкина в феврале 1937 г. Готовиться к нему начали еще в декабре 1935 г. Затем было объявлено, что Пушкин был не только «великим русским поэтом», но и поэтом для «трудящихся всех национальностей»¹²⁴. Стихи Пушкина, в которых он заявил, что когда-нибудь его будут читать «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык», широко цитировались¹²⁵. Во время подготовки юбилея сочинения Пушкина перевели на 58 языков народов Советского Союза¹²⁶. Все национальности боролись за право

¹²¹ Волин Б. Указ. соч. С. 27.

¹²² Привет избранникам великого народа! С. 1.

¹²³ Волин Б. Указ. соч. С. 34.

¹²⁴ Великий русский поэт // Правда. 1935. 17 дек. С. 1.

¹²⁵ Там же. С. 1; Дмитриев Н. Пушкин на языках народов СССР // Литературная газета. 1936. 10 июня. С. 5.

¹²⁶ Сикар Е. Пушкин на языках народов СССР // Революция и национальности. 1937. № 2. С. 71.

обнаружить связь между Пушкиным и их национальными поэтами¹²⁷. И хотя юбилей Шевченко и Руставели праздновались по всему Советскому Союзу, лишь русский поэт Пушкин был провозглашен национальным поэтом всех народов страны.

Изречение, часто повторявшееся во время пушкинского юбилея 1937 г., звучало так: «Пушкин стал интернациональным поэтом именно потому, что он был глубоко национальным»¹²⁸. Это высказывание свидетельствует о любопытном явлении: преемственности статусов русских в Советском Союзе. В империи положительной деятельности русских отождествляли с государством, им было приказано пожертвовать своими национальными интересами и отказаться от проявления национальной идентичности — и все для того, чтобы сохранить многонациональное государство. В 1937 г. от русских этого уже не требовали (им постоянно грубо льстили), однако русская идентичность по-прежнему отождествлялась с государством. Русские области РСФСР, возможно, и были удобным домом для русского населения, но его родиной был весь Советский Союз. Поскольку Советское государство было социалистическим и интернациональным, то и русская национальная идентичность теперь все чаще определялась как социалистическая и интернациональная: «Русский народ полон национальной гордости, потому что его родина [стала] самой интернациональной из всех, которые мир когда-либо знал»¹²⁹. Следовательно, русская национальная идентичность оставалась невыявленной частью советского целого. Следующая цитата красноречиво свидетельствует о том, насколько неопределенной была природа русской идентичности: «Советский патриотизм русского народа — это любовь к социалистической родине, отечеству трудящихся всего мира»¹³⁰. С одной стороны, русская национальная идентичность непомерно возвеличивалась, а с другой стороны, она выхолащивалась и сливалась с близкой ей советской идентичностью.

Наиболее значительной мерой практической политики, связанной с новым статусом русской культуры, явилось постановление от 13 марта 1938 г., согласно которому изучение русского языка стало

¹²⁷ Шарки З. Александр Сергеевич Пушкин и народный татарский поэт Абдулла Тукаев // Революция и национальности. 1937. № 1. С. 40–45; Ладъженский А. М. А. С. Пушкин и национальности // Там же. № 2. С. 65–67; Арустамов А. Влияние Пушкина на творчество Туманяна // Там же. С. 67–70; Агеев П. Пушкин и Шевченко // Там же. № 4. С. 67–71; Тагиров А. Почему башкирам дорог Пушкин // Там же. С. 71–73.

¹²⁸ Волин Б. Указ. соч. С. 32.

¹²⁹ Там же. С. 27.

¹³⁰ Там же. С. 26.

обязательным во всех нерусских школах¹³¹. Юридически это постановление было излишним. Изучение русского уже было и так обязательным во всех нерусских школах¹³². Однако на практике, согласно статистике Наркомпроса, хоть какое-то обучение на русском языке проводили лишь 190 из 984 начальных школ Дагестана, 508 из 1351 — Чечено-Ингушетии, 321 из 728 — Туркменистана, 189 из 667 — Киргизии, а в Казахстане — 39 из 225 средних школ первого уровня (с 5-го по 7-й классы) и лишь 7 из 75 средних школ второго уровня (с 7-го по 9-й класс). Сообщалось, что положение дел в Таджикистане и Узбекистане было не лучше¹³³. Таким образом, значение мартовского постановления 1938 г. не просто юридически обязывало преподавать русский как второй, но служило сигналом из Центра о том, что теперь это стало государственным приоритетом. Приоритетным стало и выделение значительных финансовых ресурсов, направляемых на обучение преподавателей русского языка¹³⁴. Идеология, выражением которой являлось это постановление, определялась парадигмой «дружбы», утверждавшей «огромное значение русского языка как мощного орудия культуры и средства общения между братскими народами СССР»¹³⁵.

Проблемы изучения русского языка в нерусских школах впервые публично обсуждались на всесоюзном пленуме ЦК в ноябре 1937 г.¹³⁶ Сам Сталин сделал по этому вопросу ряд официальных заявлений. Как и в своей декабрьской речи 1935 г., он непосредственно связал национальный вопрос с защитой Советского Союза¹³⁷:

«Это вопрос был поднят потому, что мы стоим перед большим призывом солдат в Красную армию. У нас есть закон, согласно которому призыву подлежит каждый гражданин СССР, достигший определенного возраста, безотносительно к национальности... Но мы столкнулись с проблемой, что призванные в армию, например, в Узбекистане, Казахстане, Армении, Грузии и Азербайджане не говорят по-русски. При таком положении приходится оставлять их в их местных регионах, и таким образом наши дивизии и брига-

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Протокол 59, п. 166. Великолепный анализ событий, связанных с принятием этого закона, и его последствий см.: *Blitstein P. Stalin's Nations: Soviet Nationality Policy between Planning and Primordialism, 1934–1953. Ph. D. diss., University of California–Berkeley, 1999. P. 101–137.*

¹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 833. Л. 26–29.

¹³³ Там же. Д. 833. Протокол 77, п. 2, 27; Д. 840. Протокол 81, п. 13, 76.

¹³⁴ Об этих планах см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 833. Л. 26–31; Д. 840. Л. 76–87; Ф. 77. Оп. 1. Д. 857. Л. 1–9, 36–42.

¹³⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 114. Д. 833. Л. 25.

¹³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 628. Л. 120–123.

¹³⁷ Там же. Л. 120–121.

ды превращаются в территориальные. Но это не армия. Мы не считаем, что армия должна быть такой. Мы думаем, что каждая дивизия должна быть не местной армией, но армией всего Союза, частью армии всего Союза... В противном случае у нас не будет армии».

Сталин сильно преуменьшил свою неудовлетворенность существующей системой национально-территориальных дивизий. И действительно: за месяц до этого он получил телеграмму от Андреева, который был тогда в Средней Азии. Там он проводил чистку местного партийного руководства. Андреев сообщал, что размещенные в пограничных районах узбекские и таджикские национальные дивизии были связаны с репрессированными руководителями этих республик: «В будущем будут предприниматься попытки вести вражескую работу среди них. Эти попытки будут осуществляться из Афганистана, Ирана и Турции. Было бы лучше переместить эти дивизии в европейские части Советского Союза». Получив эту телеграмму, Сталин торопливо написал записку: «Товарищ Ворошилов! Андреев сигнализирует, что было бы лучше разместить русские части в Ташкенте и Сталинабаде и потом, сначала произведя среди них чистки, перевести [национальные дивизии] в другие, менее отдаленные места»¹³⁸. И постановлением ЦК от 7 марта 1938 г. существующая система территориальных национальных военных соединений будет отменена полностью¹³⁹.

Из речи Сталина со всей очевидностью следовало, что два постановления между собой связаны¹⁴⁰:

«Но у нас есть только один язык, на котором все граждане СССР могут выражать себя более или менее понятно, — и это русский язык. И было бы неплохо, если бы каждый гражданин, призванный на службу в армию, говорил бы по-русски так, чтобы его понимали, — так, если бы, например, узбекскую дивизию перевели бы в Самару, их речь была бы понятной для местного населения. И вот здесь-то, учитывая всеобщую воинскую повинность, у нас и существует абсолютная потребность в том, чтобы все бойцы Красной армии владели каким-то одним языком, на котором они могли бы вести общение во всех частях Союза. И этот язык — русский. Мы изучаем немецкий, французский и английский, но позвольте мне заверить вас, что в нашей повседневной жизни французский,

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 65. Л. 87.

¹³⁹ *Simon G. Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union.* Boulder, Colo., 1991. P. 153.

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 121–122. Эта связь была выявлена и телеграммой ЦК от 21 февраля, в которой утверждалось, что оба вопроса будут обсуждаться *одновременно* на конференции в Москве, которая состоится 7 марта.

немецкий и английский менее полезны, чем русский. (*Смех, голоса: "Правильно!"*)».

Для Сталина было весьма характерно указать на практическую целесообразность вопроса и свести на нет всякий намек на русификацию культуры. И его предложение было принято без обсуждения¹⁴¹.

К этому вопросу Сталин обратился еще раз на состоявшемся 8 марта 1938 г. заседании комиссии Политбюро под председательством Жданова, созданной для подготовки проекта постановления ЦК об образовании на русском языке¹⁴². Текст речи Сталина на этом заседании не доступен для исследователей, но Жданов обобщил три главных аргумента Сталина в пользу этого закона¹⁴³:

«Во-первых, в таком многонациональном государстве, как СССР, знание русского языка должно стать мощным средством, чтобы наладить связи и общение между народами СССР, способствуя их непрерывному экономическому и культурному росту. Во-вторых, [это будет] содействовать дальнейшему совершенствованию специальных и научных знаний среди национальных кадров. В-третьих, это является необходимым условием успешного прохождения всеми гражданами военной службы в Красной армии».

Все эти аргументы соответствовали новой парадигме «дружбы». Русский язык был для советских народов языком связи и общения, а также способствовал приобщению национальных кадров к более высокой культуре. Кроме того, по сообщению Жданова, Сталин подчеркнул, «что здесь не должно быть абсолютно никакого принуждения или сокращения использования родного языка, что учителей следует предупредить, чтобы русский язык они использовали не для преподавания, но только в качестве учебного предмета»¹⁴⁴. Эти замечания Сталина могут показаться циничными, но на самом деле в значительной степени это не так. В годы правления Сталина обучение на родном языке, за немногочисленными исключениями, оставалось в нерусских школах обязательным, а русский язык оставался лишь учебным предметом. Мартовское постановление 1938 г. не стало началом культурной русификации. Его целью был лишь билингвизм (двуязычие) или, самое большее, двойная культура. Парадигма «дружбы» по-прежнему предполагала развитие различных национальных идентичностей.

¹⁴¹ Ibid. P. 123.

¹⁴² РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 857. Л. 1–9.

¹⁴³ Там же. Л. 36–37.

¹⁴⁴ Там же. С. 1.

Таблица 46. Русские, живущие за пределами РСФСР, 1926–1939 годы

1926		
Республика	Общая численность	Доля в населении республики (в процентах)
Украинская ССР	2 707 000	7,3
Белорусская ССР	485 000	5,9
Узбекская ССР	244 000	4,5
Таджикская ССР	6 000	0,7
Туркменская ССР	75 000	7,7
Казахская ССР	1 280 000	20,6
Киргизская ССР	116 000	11,7
Грузинская ССР	96 000	3,6
Азербайджанская ССР	220 000	9,5
Армянская ССР	21 000	2,3
Всего	5 250 000	8,0
1939		
Украинская ССР	4 886 000	11,8
Белорусская ССР	536 000	6,0
Узбекская ССР	744 000	11,7
Таджикская ССР	135 000	9,1
Туркменская ССР	233 000	18,6
Казахская ССР	2 447 000	40,2
Киргизская ССР	303 000	20,8
Грузинская ССР	309 000	8,7
Азербайджанская ССР	528 000	16,5
Армянская ССР	51 000	4,0
Всего	10 121 000	13,5

Источник: Кабузан Н. Русские в мире. СПб., 1996. С. 279.

Но не только русский язык как часть русской культуры проник в нерусские республики в 30-е гг. Там постоянно увеличивалась численность самих русских. Отчаянное сопротивление русской иммиграции, которое оказывал Казахстан, было сломлено в 1928 г. Карелия успешно сопротивлялась русской иммиграции и, наоборот, поощряла иммиграцию карелов и финнов вплоть до 1935 г., когда прежнее

руководство республики было смещено и началось осуществление заранее спланированной программы русской иммиграции. Центр запретил национальным правительствам регулировать иммиграцию, кроме того, в годы первой пятилетки началось широкомасштабное строительство новых заводов в национальных регионах и массовое перемещение населения. В результате численность русских, проживавших за пределами РСФСР, резко увеличилась (таблица 46). Как видно из таблицы, численность русских, проживавших за пределами РСФСР, за 13 лет, с 1926 по 1939 г., почти удвоилась. Наиболее резкий рост был зафиксирован в пяти среднеазиатских республиках, где численность русского населения выросла более чем в два раза (с 1 721 до 3 862 тыс. человек) в абсолютных числах и резко поднялась с 11,2 до 23,2 % по отношению к общей численности населения Средней Азии.

С 1926 г. в республиках стали создаваться русские национальные советы, и к русским стали относиться как к национальным меньшинствам. После 1933 г. словосочетание «национальные меньшинства» мало-помалу перестало применяться для обозначения русских, живущих за пределами РСФСР. А после 1937 г. это словосочетание вообще вышло из употребления — одновременно с упразднением русских национальных советов. Однако это не означало умаления статуса русских. Наоборот, статус национального меньшинства теперь считался недостаточно почетным для «первого среди равных» народов Советского Союза. Для того чтобы русские больше уже никогда и нигде в Советском Союзе не чувствовали себя национальными меньшинствами, были, например, созданы республиканские русскоязычные газеты на Украине и в Белоруссии. В 20-е гг. национальные советы пронизывали всю структуру Советского Союза, а особенно РСФСР, и это помогло связать СССР воедино. С их поэтапным упразднением в 30-е гг. русские, живущие за пределами РСФСР (а теперь их национальная идентичность постоянно поддерживалась государством), стали играть такую же объединяющую роль, какую в прежней системе играли нерусские.

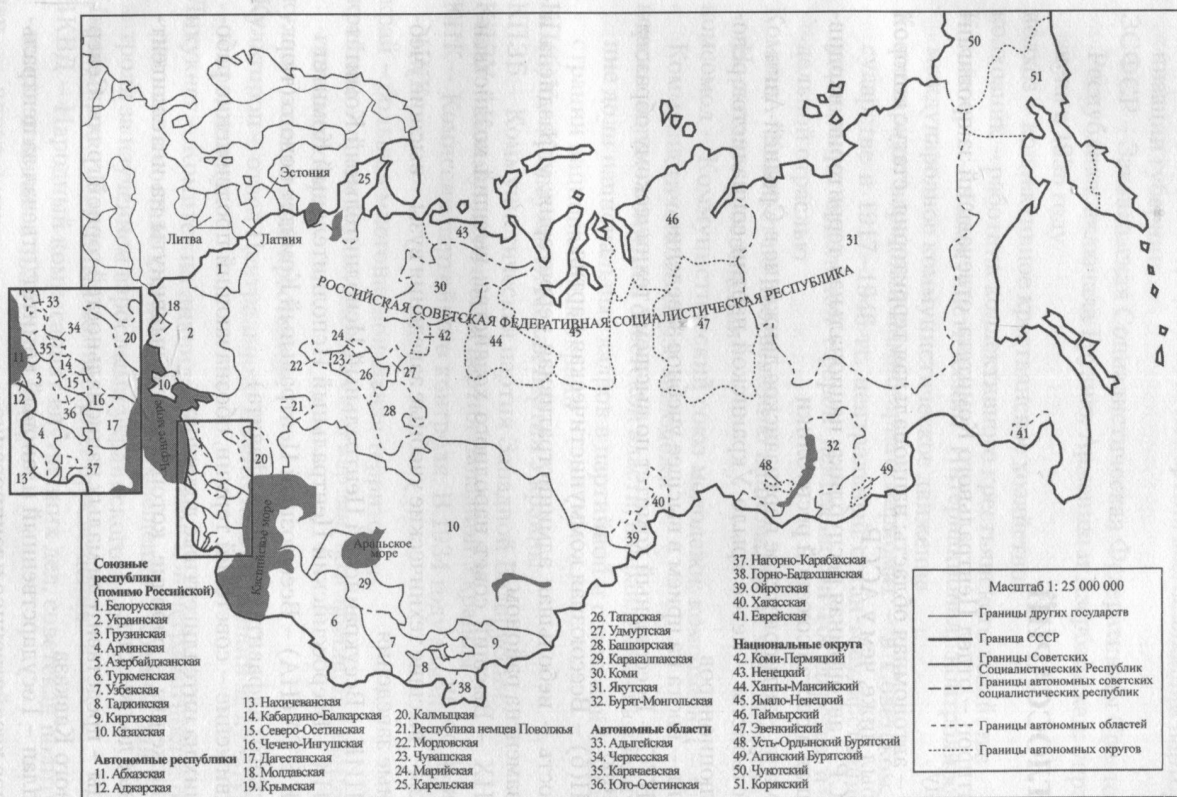
Выводы

К 1938 г. в Советском Союзе сложилось новое национальное устройство. Я предпочел дать ему название, которое дал ему Сталин, — «дружба народов». «Дружба народов» включала в себя следующие элементы. Те советские нации, которые не были ни слишком маленькими и потому подлежащими ассимиляции или этнической консолидации, ни слишком опасными и потому подлежащими депор-

тациям и уничтожению, были признаны социалистическими и имеющими примордиальные этнические корни. В практических целях они были объявлены неизменными, вечными частями социалистического Советского Союза. Их национальные культуры и впоследствии оставались под опекой Советского государства. Положительная деятельность и национальное строительство продолжались, но без оскорбления и унижения русских. Национальным меньшинствам не угрожала принудительная ассимиляция, хотя каждый в индивидуальном порядке мог ассимилироваться, если он этого хотел. Однако все нерусские народы были обязаны не только учить русский язык, но и осваивать русскую культуру. Русская культура должна была стать частью их национальных культур, а Пушкин — их национальным поэтом.

Русские стали играть ведущую роль в Советском Союзе. Их больше никогда не заставляли стыдиться своего национального прошлого и традиций. Наоборот, они обязаны были ими гордиться. Русскую культуру наделили даже более глубокими примордиальными корнями, чем национальные культуры других советских народов. Русский народ, русский язык и русская культура служили объединению Советского Союза. Их ведущее положение следовало открыто признавать и ему способствовать. Русские с национальной точки зрения должны были чувствовать себя как дома в русских областях РСФСР. Положительная деятельность и распространение национальных культур ограничивались национальными регионами Советского Союза (за исключением Москвы, которая оставалась в большей степени социалистическим, нежели русским городом). Однако ни при каких обстоятельствах РСФСР не должна была стать чисто русской республикой, иначе она могла стать силой, направленной на достижение сугубо русских, узко национальных интересов. Вместо этого русских следовало поощрять, чтобы они отождествляли свои национальные интересы с интересами всего Союза.

Советский Союз не был моноэтническим государством. Никогда не предпринимались попытки создать советскую национальность или превратить СССР в русское моноэтническое государство. Термин «советский народ» был прежде всего фигурой речи, чаще всего это словосочетание использовалось в качестве синонима пламенного патриотизма и говорило о готовности различных по своей национальности советских народов защищать Советский Союз от иностранной агрессии. Роль, которую в традиционном моноэтническом государстве играла господствующая национальность, в Советском Союзе была отведена «дружбе народов». «Дружба народов» олицетворяла собой модель единого общества, каким представляли его себе власти Советского Союза.

Карта 4. Административно-территориальный состав СССР, 1939 год

ГЛОССАРИЙ

- Агитпроп – отдел Центрального Комитета, отвечавший за пропаганду
- АО – автономная область; национальная территория, статус которой был ниже, чем у АССР
- АССР – автономная республика; национальная территория, входившая в состав союзной республики
- басмачи – антисоветское партизанское движение в Средней Азии
- боротьбисты – левое крыло Украинской партии социалистов-революционеров
- бронь – квота на прием в высшее учебное заведение
- ВКВТО – Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию
- ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия
- волость – небольшая административная территория; упразднена и заменена районом
- ВСНХ – Высший совет народного хозяйства; высший хозяйственный орган
- вузуы – высшие технические учебные заведения вузы – высшие учебные заведения
- ВУЦИК – Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет
- ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
- ВЦК НТА (НА) – Всесоюзный Центральный Комитет нового (тюркского) алфавита (нового алфавита)
- выдвижение – советский термин, обозначающий продвижение рабочих на интеллигентные должности
- выдвиженцы – рабочие, которые были выдвинуты на интеллигентные должности
- горцы – представители малых национальностей горной гряды Северного Кавказа
- Госплан – Государственный плановый комитет; отвечал за центральное хозяйственное планирование
- ГПУ – см. ОГПУ

губерния – крупная административная территория; упразднена в 20-е годы

губком – орган Коммунистической партии, возглавлявший парторганизации губернии

ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика; включала Грузию, Армению и Азербайджан; упразднена в 1936 году

колхоз – коллективное крестьянское хозяйство

колхозник – работник коллективного крестьянского хозяйства

Коминтерн – Коммунистический Интернационал; контролировал международное коммунистическое движение

Комиссариат, народный комиссариат, наркомат – в Советском государстве в 1917–1946 гг. центральный орган государственного управления отдельной сферой деятельности государства и отдельной отраслью

Комнац – Комитет по просвещению национальных меньшинств при Наркомате просвещения

комсомол – Коммунистический союз молодежи; комсомолец – член Коммунистического союза молодежи

коренизация – политика советской власти, направленная на увеличение доли национальных кадров в партийной и советской администрации национальных окраин

КП(б)У – Коммунистическая партия Украины

КПЗБ – Коммунистическая партия Западной Белоруссии

КПЗУ – Коммунистическая партия Западной Украины

КПК – Комиссия партийного контроля. В 1934 году заменила собой ЦКК

край – большая многонациональная территория

крайком – орган Коммунистической партии, возглавлявший парторганизацию края

кулак – зажиточный крестьянин

Культпроп – отдел Центрального Комитета, отвечавший за культуру и пропаганду

Ликукнег – Комитет по ликвидации украинской неграмотности; образован в составе комиссариата просвещения Украины для контроля за изучением взрослыми украинского языка

Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел, советская политическая полиция в 1934–1941 годах

нэп – новая экономическая политика, проводившаяся в 1921–1928 годах

обком – орган Коммунистической партии, возглавлявший парторганизации области

область – крупная административная территория

ОГПУ – название советской политической полиции в 1922–1934 годах; местные отделения имели название ГПУ

округ – административная территория; среднее звено между районом и областью

Оргбюро – Организационное бюро Центрального комитета ВКП(б); вместе с Секретариатом контролировало деятельность Коммунистической партии

Орграспредотдел – отдел Центрального Комитета, контролировавший деятельность региональных партийных организаций

Рабкрин – Рабоче-крестьянская инспекция; до 1934 года составляла вместе с ЦКК объединенный советско-партийный орган

рабфаки – специальные школы, созданные для того, чтобы дать базовое образование взрослым рабочим

райком – орган Коммунистической партии, возглавлявший парторганизацию района

район – небольшая административная территория, заменила волость и уезд

районирование – регионализация, образование новых административных территорий

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

сменовеховство, сменовеховцы – националистическое движение, участники которого поддерживали советскую власть из убеждения, что она служит национальным целям

смычка – связь; слово употреблялось для обозначения союза рабочего класса и крестьянства во времена нэпа

совет – орган власти, управлявший административной территорией любого уровня

Совнарком – Совет народных комиссаров; высший непартийный орган власти

сословие – дореволюционный термин для обозначения групп людей определенного социального положения

ССР – республика, входившая в состав СССР; наиболее крупная национальная территория, совокупность которых составляла Советский Союз

техникум – ремесленная или профессиональная школа

уезд – территориально-административная единица, больше чем волость и меньше чем губерния; упразднена в 20-е годы

харбинцы – бывшие работники находившейся под советским управлением Маньчжурской железной дороги, возвратившиеся в СССР после того, как железную дорогу уступили японцам

хохол – уничижительное прозвище украинца

ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет, высший орган государственной власти в СССР в 1922–1938 гг.

ЦК – Центральный Комитет Коммунистической партии

ЦКК – Центральная контрольная комиссия; орган, существовавший до 1934 года и отвечавший за партийную дисциплину

БИБЛИОГРАФИЯ

I. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Российский государственный архив политической истории (РГАСПИ). Москва

- Фонд 5. Ленин, Владимир Ильич
- Фонд 17. Центральный Комитет КПСС
- Опись 2. Пленумы ЦК
- Опись 3. Политическое бюро ЦК
- Описи 17–21, 23–30. Сектор информации Отдела руководящих партийных органов
- Описи 31–32, 87. Информационный отдел ЦК
- Описи 33, 84–86. Секретный отдел и Бюро Секретариата ЦК
- Опись 42. Сектор партийной информации Отдела партийных органов
- Опись 60. Отдел агитации и пропаганды ЦК
- Описи 67–69, 74. Организационно-распределительный отдел
- Описи 112–114. Организационное бюро и Секретариат ЦК
- Фонд 62. Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) (Средазбюро)
- Фонд 77. Жданов, Андрей Александрович
- Фонд 78. Калинин, Михаил Иванович
- Фонд 80. Киров, Сергей Миронович
- Фонд 81. Каганович, Лазарь Моисеевич
- Фонд 82. Молотов, Вячеслав Михайлович
- Фонд 85. Орджоникидзе, Григорий Константинович
- Фонд 89. Ярославский, Емельян Михайлович
- Фонд 94. Фракция РКП(б), ВКП(б) во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК), на съездах Советов, в Президиуме ЦИК СССР
- Фонд 121. Уполномоченные ЦКК ВКП(б)–НК РКП в Средней Азии
- Фонд 157. Цхакая, Михаил Григорьевич
- Фонд 445. Центральное бюро еврейских коммунистических секций при ЦК ВКП(б)
- Фонд 558. Сталин, Иосиф Виссарионович
- Фонд 607. Бюро по делам РСФСР при ЦК ВКП(б)

Фонд 613. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) (ЦКК)

2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Москва

Фонд 374. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) – народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции СССР (ЦКК–НКРКИ ССР)

Фонд 393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР)

Фонд 1235. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет РСФСР (ВЦИК РСФСР)

Фонд 3316. Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР)

Фонд 3972. Ликвидационная комиссия народного комиссариата национальностей

Фонд 5446. Управление делами Совнаркома ССР

Фонд 7523. Верховный Совет СССР

Фонд 7543. Всесоюзный Центральный Комитет нового алфавита (ВЦК НА)

Фонд 296. Комитет по просвещению национальных меньшинств при Наркомпросе РСФСР (Комнац)

Фонд 406. Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НКРКИ РСФСР)

Фонд 2306. Народный комиссариат по просвещению РСФСР (Наркомпрос РСФСР)

Фонд 2307. Главнаука Наркомпроса РСФСР

3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Москва

Фонд 5675. Учреждения по руководству переселением в СССР

Фонд 7486. Народный комиссариат земледелия СССР (НКЗ СССР)

4. Российский государственный военный архив (РГВА).

Москва

Фонд 9. Политическое управление РККА

Фонд 33879. Управление Дальневосточного Краснознаменного фронта

5. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Фонд 89. Суд над Коммунистической партией

6. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ)

Фонд 1. Центральный Комитет КП(б)У

Опись 1. Пленумы ЦК КП(б)У

Опись 6. Политбюро ЦК КП(б)У

Опись 7. Оргбюро ЦК КП(б)У
Опись 16. ЦК КП(б)У (особая папка)
Опись 20. Отделы ЦК КП(б)У

7. Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВОУ)

Фонд 166. Народний комісаріат освіти УРСР (Наркомос УРСР)
Фонд 539. Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции УССР (НК РКИ УССР)
Фонд 2605. Всеукраїнська рада професійних спілок УРСР (ВУРПС УРСР)

8. Harvard Interview Project (HIP)

«А» Series. General Interviews
«В» Series. Special Topics Interviews

9. British Foreign Office: Russia Correspondence (BFORC)

10. Captured German Materials (CGM)

II. ГАЗЕТЫ

«Більшовик» (Київ)
«Вісті ВУЦВК» (Харьков–Київ)
«Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (Москва)
«Коммунист»/«Комунист» (Харьков–Київ)
«Ленинградская правда» (Ленинград)
«Литературная газета» (Москва)
«Літературна газета» (Харьков–Київ)
«Молот» (Ростов-на-Дону)
«Правда» (Москва)
«Правда Востока» (Ташкент)
«Советская Белоруссия» (Минск)
«Учительская газета» (Москва)

III. ЖУРНАЛЫ

«Архіви України»
«Асьвета»
«Більшовик України»
«Бюлетень народного комісаріату освіти Української РСР»
«Бюллетень Наркомпроса Карельской АССР»
«Бюллетень народного комиссариата по просвещению РСФСР»

«Бюллетень Центрального Исполнительного Комитета советов раб., крест. и красноарм. депутатов автономной Чувашской советской республики»
«Большевик»
«Большавік Беларусі»
«Большевик Казахстана»
«Власть Советов»
«Вестник Коммунистической академии»
«Жизнь национальностей»
«Известия ЦК КПСС»
Известия ЦК ВКП(б)
«Источник»
«Исторический архив»
«Коми му» («Зырянский край»)
«Коммунистическая революция»
«Коммунистический Восток»
«Коммунистическое просвещение»
«Культура и письменность Востока»
«Ленинский путь» (Ростов-на-Дону)
«Литература национальностей СССР»
«Народное просвещение»
«Национальная книга»
«Новим шляхом»
«Новый Восток»
«Партийное строительство»
«Партработник» (Ташкент)
«Письменность и революция»
«Плановое хозяйство»
«По ленинскому пути»
«По заветам Ильича»
«Прапор марксизму»
«Просвещение национальностей»
«Путь Ленина» (Уфа)
«Радянська Україна»
«Революция и горец»
«Революция и национальности»
«Революция и письменность»
«Революционный Восток»
«Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР»
«Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Татарской республики»
«Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украинской Социалистической Советской Республики»
«Советы Азербайджана»

«Советское государство и право»
«Советская Карелия»
«Советский фольклор»
«Советский Север»
«Советское строительство»
«Советское строительство. Ежемесячный политико-экономический журнал
Госплана БССР»
«Советская Якутия»
«Советская юстиция»
«Театр»
«Червоний шлях»
«Karta»

IV. СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ

A.

Всесоюзные и РСФСР

1. Съезды ЦК и конференции

Восьмой съезд РКП(б). 18–23 марта 1919 г. Протоколы. М., 1933.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Протоколы. М., 1933.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968.

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963.

XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 октября – 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. М., 1927.

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.; Л., 1928.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии – ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930.

XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934.

2. Съезды Советов и сессии ЦИК

III съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет. М., 1925.

Первая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик второго созыва. Стенографический отчет. М., 1924.

Вторая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик второго созыва. Стенографический отчет. М., 1924.

Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик второго созыва. Стенографический отчет. М., 1925.

Вторая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик третьего созыва. Стенографический отчет. М., 1926.

Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик пятого созыва. Стенографический отчет. М., 1931.

3. ВЦК НТА

Первый всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля – 5 марта 1926. Стенографический отчет. Баку, 1926.

Стенографический отчет первого пленума Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Баку от 3-его до 7-го июня 1927 года. М., 1927.

Стенографический отчет второго пленума Всесоюзного Комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в г. Ташкенте от 7-го по 12-е января 1928 года. Баку, 1929.

Стенографический отчет четвертого пленума Всесоюзного Комитета нового тюркского алфавита. М., 1931.

Язык письменности народ СССР. Стенографический отчет 1-го всесоюзного пленума НС ВЦК НА. М., 1933.

4. Другое

Первый Всесоюзный съезд ОЗЕТ в Москве. 15–20 ноября 1926 г. Стенографический отчет. М., 1927.

Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетов, 1928 г. Стенографический отчет. М., 1928.

Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992.

Вторая сессия ВЦИК пятнадцатого созыва. Стенографический отчет. М., 1931.

В.

Белоруссия

XIII конференция Коммунистической партии (больш.) Белоруссии. Стенографический отчет. Минск, 1924.

X съезд Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. 3–10 января 1927 г. Стенографический отчет. Минск, 1927.

XI з'езд Камуністычнай партыі (б) Беларусі. 22–29 лістапада 1927 году.
Стэнаграфічная справаздача. Менск, 1928.

С.

Грузія

IV съезд Коммунистической партии (большевиков) Грузии. 30.11–5.12.1925.
Стенографический отчет. Тбилиси, 1925.

V съезд Коммунистической партии (б) Грузии. Стенографический отчет.
Тбилиси, 1927.

VI съезд Компартии (б) Грузии. 1–10 июля 1929 г. Стенографический отчет.
Тбилиси, 1929.

Второй объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б) Грузии. Июнь 1932 г.
Стенографический отчет. Тбилиси, 1932.

IX съезд Коммунистической партии (б) Грузии. 10 января 1934 г.
Стенографический отчет. Тбилиси, 1935.

Д.

Казахстан

5-я всеказахья конференция Российской коммунистической партии (больше-
виков). Стенографический отчет и резолюции. 1–7 декабря 1925 г.
Кзыл-Орда, 1925.

6-я всеказахья конференция ВКП(б). 15–23 ноября. Стенографический от-
чет. Кзыл-Орда, 1927.

7-я всеказахья партийная конференция ВКП(б). Стенографический отчет.
Алма-Ата, 1930.

Шестой пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). 10–16 июля
1933 года. Стенографический отчет. Алма-Ата, 1936.

VIII Казахстанская краевая конференция ВКП(б). 8–16 января 1934 г.
Стенографический отчет. Алма-Ата, 1935.

Е.

Татарстан

7-я областная партийная конференция Татреспублики. 22–26 марта 1923 г.
Стенографический отчет. Казань, 1923.

Стенографический отчет IX областной конференции татарск. организаций
РКП(б). Казань, 1924.

Стенографический отчет заседания XI областной партийной конференции.
Казань, 1925.

2 пленум областного комитета ВКП(б) Татарской республики одиннадцато-
го созыва. Стенографический отчет. Казань, 1926.

4 пленум Татарского областного комитета ВКП(б). 15–19 сентября
1927 года. Стенограмма отчета бюро ОК ВКП(б). Казань, 1927.

Стенографический отчет заседания XII областной партийной конференции.
Казань, 1927.

Стенографический отчет заседания XIII областной партийной конференции. 23–29 ноября 1927 г. Казань, 1927.

Объединенный пленум ОК и ОКК ВКП(б). 10–23 февраля 1933 г. Стенографический отчет. Казань, 1933.

Е.

Закавказье

III съезд коммунистических организаций Закавказья. 13–15 мая 1924 года. Стенографический отчет. Тбилиси, 1924.

Пятый съезд коммунистических организаций Закавказья. Стенограмма. Тбилиси, 1928.

VI съезд коммунистических организаций Закавказья. Стенографический отчет. Тбилиси, 1930.

Г.

Украина

Бюллетень VIII Всеукраинской конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины. Стенограмма. 12–17 мая 1924 г. Харьков, 1924.

Девятый съезд Коммунистической партии большевиков. Стенографический отчет. Харьков, 1926.

Перша всеукраїнська конференція КП(б)У. 17–21 жовтня 1926 року. Стенографічний звіт. Харків, 1926.

Десятий з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 20–29 листопада 1927 р. Стенографічний звіт. Харків, 1928.

Друга конференція Комуністичної партії (більшовиків) України. 9–14 квітня 1929 року. Стенографічний звіт. Харків, 1929.

XI з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 5–15 червня 1930 року. Стенографічний звіт. Харків, 1930.

Третья конференція Комуністичної партії (більшовиків) України. 6–9 липня 1932 року. Стенографічний звіт. Харків, 1932.

Первое всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств. 8–11 января 1927 года. Стенографический отчет, резолюция, постановления и материалы. Харьков, 1927.

«Співка визволення України». Стенографічний звіт судового процесу. Т. I. Харків, 1931.

V. ПЕРВОИСТОЧНИКИ. КНИГИ И СТАТЬИ

Austro-Marxism / eds. Bottomore T., Goode P. Oxford, Oxford University Press, 1978.

Graziosi A. Collectivisation, revoltes paysannes et politiques gouvernementales a travers les rapports du GPU d'Ukraine de fevrier–mars 1930 // *Cahiers du monde russe*. Vol. 35 (July–Sept. 1994). P. 437–632.

- Khvylovy M.* The Cultural Renaissance in Ukraine: Polemical Pamphlets, 1925–1926 / translated, edited and introduced by Myroslav Sckandrij. Edmonton, 1986.
- Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936. New Haven, Conn., 1995.
- Stalin J.* Marxism and the National Question. Selected Writings and Speeches. N. Y., 1942.
- The Foreign Office and the Famine: British Documents on Ukraine and the Great Famine of 1932–1933 / eds. Carynnyk Marco et al. Kingston, Ont., 1988.
- The Ingrian Finns. Helsinki, 1935.
- The Unknown Lenin. From the Secret Archives. New Haven, Conn., 1996.
- Административно-территориальное деление Союза ССР на 1 марта 1937 года. М., 1937.
- Академическое дело, 1929–1931 гг. Выпуск 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993.
- Александров И. Г.* Экономическое районирование России. М., 1921.
- Аносов С. Д.* Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток, 1928.
- Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927: в 4 т. М., 1990.
- Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994.
- Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Книга первая. М., 1992.
- Бочагов А. К.* Милли Фирка – национальная контрреволюция в Крыму. Симферополь, 1930.
- Бугай Н. Ф.* Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. М., 1992.
- Нацьянальны пытанне / сост. Будзин А. Минск, 1932.
- Будівництво радянської України. Збірник. Випуск I. За ленінську національну політику. Харків, 1928.
- Буценко А. И.* Советское строительство и нацменьшинства на Украине. Харьков, 1926.
- Ваганян В.* Не согласен ни с одним из моих оппонентов. Ответ моим критикам. М., 1927.
- Ваганян В.* О национальной культуре. М., 1927.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года: в 66 томах. М., 1926.
- Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.
- Газеты СССР. 1917–1960. Библиографический справочник: в 5 т. М., 1970–1984.
- Гирчак Е. Ф.* На два фронта в борьбе с национализмом. М.; Л., 1930.
- Гирчак Є. Ф.* Білоруський націонал-демократизм. Харків, 1931.
- Гирчак Є. Ф.* Завдання національно-культурного будівництва. До тримісячника української культури. Харків, 1929.
- Гирчак Є. Ф.* Національне питання та правий ухил. Харків, 1930.
- Гирчак Є. Ф.* Хвильовізм. (Спроба політичної характеристики.) Харків, 1930.

- Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990.
- Голод в казахской степи: письма тревоги и боли. Алматы, 1991.
- Голубовский М. Ленинская национальная политика в действии. Хабаровск, 1932.
- Гольде Ю. Евреи земледельцы в Крыму. Москва, 1932.
- Дурденевский В. Н. Равноправие языков в советском строе. М., 1927.
- Замч И. Парторганизация на борьбу за украинизацию. Ростов н/Д, 1932.
- Затонський В. П. Національно-культурне будівництво і боротьба проти націоналізму. Київ, 1934.
- Зюзькоў А. Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі. Мінск, 1931.
- Ибрагимов А., Садьков С. Успехи ленинской национальной политики на Урале. Свердловск, 1932.
- Ибрагимов С. Вопросы национальной культуры. Ашхабад, 1928.
- Итоги и ближайшие задачи проведения ленинской национальной политики в БССР. Постановление объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б)Б. Минск, 1934.
- Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. Харьков, 1927.
- Итоги разрешения национального вопроса в СССР. М., 1936.
- Каганович Л. Памятные записки. М., 1996.
- Казань – центр Волжско-Камской области. Казань, 1923.
- Калинин М. И. Евреи-земледельцы в союзе народов СССР. М., 1927.
- Кантор Я. Национальное строительство среди евреев в СССР. М., 1934.
- Касымов Г. Пантюркистская контрреволюция и ее агентура – султангалиевщина. Казань, 1931.
- Книга и книжное дело в Украинской ССР. Сборник документов и материалов, 1917–1941. Киев, 1985.
- Колективізація і голод на Україні, 1929–1933. Збірник матеріалів і документів. Київ, 1992.
- Косиор С. Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине. М., 1933.
- Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929.
- Лебедь Д. Советская Украина и национальный вопрос за пять лет. Харьков, 1924.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1966–1978.
- Ленинградский мартыролог, 1937–1938: в 3 т. СПб., 1996–1998.
- Летопись периодических изданий СССР в 1935 г. (на 1 июля). М., 1935.
- Луцький Ю. Ваплітянський збірник. Oakville, Ont., 1977.
- Любченко П. З Варшавським Договором проти п'ятирічки (до процесу СВУ). Харків, 1930.
- Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985.
- Материалы и решения 3-го общегородского нацмен-совещания. 7–8 июля 1932 года. Ростов н/Д, 1932.

- Материалы к первому культурно-национальному совещанию БМАССР. Верхнеудинск, 1926.
- Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД. Трагічне десятиліття, 1924–1934 / сост. Шаповал Ю., Пристайко В. Київ, 1996.
- Молотов В. М.* Великая дружба народов СССР. М., 1936.
- Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930.
- Национальный состав пролетариата в СССР / сост. Зингер Л. Москва, 1934.
- Национальные меньшинства Ленинградской области. Л., 1929.
- Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы. Документы и материалы. Москва, 1992.
- Национальный состав выборных органов власти РСФСР. М., 1928.
- Національні питання на Україні та розлам в КПЗУ. Збірник статей і документів. Харків, 1928.
- Німці в Україні: 20-30-ті рр. XX ст. Збірник документів державних архівів України. Київ, 1994.
- Нугис А.* Против великодержавного шовинизма и местного национализма. Хабаровск, 1933.
- О коренизации. Сборник руководящих материалов / сост. Амрин Х. Ш., Князева Е. И. М.; Алма-Ата, 1934.
- О нарушении национальной политики в Северо-Кавказском крае. Пятигорск, 1936.
- О работе среди национальных меньшинств в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1929.
- Оппозиция и национальный вопрос. Из стенограммы 6-го Объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б)Т по докладу тов. Тера об итогах августовского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Материалы к 3-му съезду КП(б)Т. [Б. м.], 1927.
- Островский З. С.* Проблема украинизации и белорусизации в РСФСР. М., 1931.
- От съезда к съезду. Апрель 1927 – май 1929 г. М., 1929.
- Панфилов В. Н.* Культурная революция и пятилетка нацменпросвещения. М., 1930.
- Платонаў Р., Сташкевіч М.* Дзве аперацыі супраць «ворага народа» // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 73–80.
- Попов М. М.* Про націоналістичні ухили в лавах Української парторганізації і про завдання боротьби з ними. Доповідь на зборах харківського партактиву 9 липня 1933 року. Харків, 1933.
- Постановление 2-го республиканского совещания иацмен Кир. АССР. Фрунзе, 1932.
- Постановление Президиума ВЦИК от 1 ноября 1932 года и президиума Башкирского ЦИКа от 29 декабря 1932 года о коренизации аппарата. Уфа, 1933.
- Постишев П.* У боротьбу за ленінську національну політику. Харків, 1934.

- Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. 1. Белорусизация. Минск, 1927.
- Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. 2. Работа среди национальных меньшинств в БССР. Минск, 1928.
- Преса Української РСР, 1918–1973. Науково-статистичний довідник. Харків, 1974.
- Михайло Грушевський: справа «УНЦ» і останні роки / сост. Пристайко В., Шаповал Ю. Київ, 1999.
- Пристайко В., Шаповал Ю.* Справа «Спілки визволення України». Невідомі документи і факти. Київ, 1995.
- Равич-Черкасский М.* История Коммунистической партии (большевиков) Украины. Харьков, 1923.
- Рахин А., Шауман Л.* За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края. Ростов н/Д., 1932.
- Рубинштейн Л.* В борьбе за ленинскую национальную политику. Казань, 1930.
- Скрипник М.* Джерело до причини розламу в КПЗУ. Харків, 1928.
- Скрипник М.* До реконструкційних проблем. Індустріалізація, колективізація, нацпитання, самокритика. Доповідь на 7-м пленумі Київського ОПК КП(б)У. 27.11.1929. Харків, 1929.
- Скрипник М.* До теорії боротьби двох культур. Харків, 1928.
- Скрипник М.* Нариси підсумків українізації та обслуговування культурних потреб національних меншостей УРСР, зокрема росіян. Промова на засіданні колегії наркомату освіти УРСР з 14.02.33 р. Харків, 1933.
- Скрипник М.* Непремисним шляхом. Доповідь на окрпартконференції в Одесі на 12-го грудня 1928 року. Харків, 1929.
- Скрипник М.* Стан та перспективи культурного будівництва на Україні. Харків, 1929.
- Скрипник М.* Статті й промови. Т. II. Частина перша. Національне питання (Харків, 1929).
- Скрипник М.* Статті й промови. Національне питання. Т. II. Частина друга (Харків, 1931).
- Скрыпник Н. А.* Национальный вопрос в программе Коминтерна. Харьков, 1929.
- Сломить саботаж сева и хлебозаготовок, организованный кулачеством в районах Кубани. М., 1932.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы: в 2 т. Том I. 1918–1922 / сост. Данилов В. П., Берелович А. М., 1998.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы: в 2 т. Т. II. 1923–1929 / сост. Данилов В. П., Берелович А. М., 2000.
- Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР / сост. Лазовский И., Бибин И. М.; Л., 1928.

- Спецпереселенцы в Западной Сибири: в 4 т. / сост. Данилов В. П., Берелович А. Новосибирск, 1992–1996.
- Сталин И. В.* Сочинения: в 13 т. М., 1953–1955.
- Сталин И.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934.
- Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов / сост. Хлевнюк О. В. и др. М., 1995.
- Султангалиев М.* Статьи, выступления, документы. Казань, 1992.
- Супраць контррэвалюцыйнага беларускага нацыянал-дэмакратызму. Мінск, 1931.
- Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. 1917–1936 гг. Сб. документов: в 3 т. М., 1959–1960.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том II. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000.
- Хансуваров И.* Латинизация – орудие ленинской национальной политики. М., 1932.
- Хвиля А.* Від ухилу – у прірву. (Про «Вальдшнепы» Хвильового.) Харків, 1928.
- Хвиля А.* До розв'язання національного питання на Україні. Харків, 1930.
- Хвиля А.* Знищити коріння українського націоналізму на мовному фронті. Харків, 1933.
- Хвиля А.* Национальный вопрос на Украине. Харьков, 1926.
- Чуев Ф. И.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева (Москва, 1991).
- Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы // Военно-исторический архив. 1997. Вып. 2. С. 118–175.
- Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы // Военно-исторический архив. 2000. Вып. 8. С. 99–121.
- ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи / сост. Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. Київ, 1997.
- Шар В.* На карте Кубани новая станица Красноармейская. [Б. м.], 1933.
- Янсон П. М.* От угнетения и бесправия – к счастливой жизни. Л., 1936.

VI. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ. КНИГИ И СТАТЬИ

- After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires / eds. Barkey Karen and Von Hagen Mark.* Boulder, Colo., 1997.
- Anderson B.* Imagined Communities. L., 1991.
- Bahry D.* Outside Moscow Power, Politics and Budgetary Policy in the Soviet Republics. N. Y., 1987.
- Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Vienna, 1907.

- Beissinger M.* The Persisting Ambiguity of Empire // *Post-Soviet Affairs*. 1995. № 11. P. 149–184.
- Bennigsen A. A., Wimbush S. E.* Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago, 1979.
- Bilinsky Y.* The Second Soviet Republic: The Ukraine after World War II. New Brunswick, N. J., 1964.
- Blank S.* The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917–1924. Westport, Colo., 1994.
- Blitstein P.* Stalin's Nations: Soviet Nationality Policy between Planning and Primordialism, 1934–1953. Ph. D. diss. University of California – Berkeley.
- Borys J.* The Sovietization of Ukraine, 1917–1923. Edmonton, 1980.
- Brandenberger D.* The «Short Course» to Modernity: Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Russian Popular National Identity. Ph. D. diss. Harvard University, 1999.
- Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Oxford, 1996.
- Buchswæiler M.* Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweites Weltkriegs –ein Fall Doppelter Loyalität? Gerlingen, 1984.
- Comission on the Ukraine Famine. Oral History Project of the Comission on the Ukraine Famine. 3 vols. Washington, D. C., 1990.
- Connor W.* The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy. Princeton, N. J., 1984.
- Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. N. Y., 1990.
- Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror Famine. N. Y., 1986.
- Conquest R.* The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities. L., 1977.
- Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / ed. Fitzpatrick Sheila. Bloomington, Ind., 1978.
- Davies R. W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. L., 1996.
- Demko G. J.* The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896–1916. Bloomington, Ind., 1969.
- Dyck H.* Weimar Germany and Soviet Russia, 1926–1933: A Study in Diplomatic Instability. N. Y., 1966.
- Edgar A.* The Creation of Turkmenistan, 1924–1938. Ph. D. diss., University of California–Berkeley, 1999.
- Ethnicity / eds. Hutchinson J., Smith A. D. Oxford, 1996 .
- Fairbanks C.* Clientelism and the Roots of Post-Soviet Disorder // *Transcaucasia, Nationalism and Social Change: Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia* / Ronald Grigor Suny. Ann Arbor, Mich., 1996. P. 341–376.
- Fierman W.* Language Planning and National Development: The Uzbek Experience / Berlin, 1991.
- Fitzpatrick S.* Ascribing Class: the Construction of Social Identity in Soviet Russia // *Journal of Modern History*. 1993. № 65. December. P. 745–770.

- Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, 1979.
- Fitzpatrick S.* The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, N. Y., 1992.
- Galanter M.* Competing Equalities: Law and the Backward Classes in India. Delhi, 1991.
- Gans H.* Symbolic Ethnicity: The Future of Ethnic Groups and Cultures in America // Ethnic and Racial Studies. 1979. № 2. P. 9–17.
- Gelb M.* «Karelian Fever»: The Finnish Immigrant Community During Stalin's Purges // Europe-Asia Studies. 1993. № 45. P. 1091–1116.
- Gelb M.* An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // Russian Review. 1995. № 54. P. 389–412.
- Gelb M.* The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // Nationalities Papers. 1996. № 24. P. 237–268.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca, N. Y., 1983.
- Getty J. A., Rittersporn G., Zemskov V.* Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // American Historical Review. Vol. 98. 1993.
- Getty J. A.* Origins of the Great Purges. Cambridge, 1985.
- Glazer N.* Affirmative Discrimination: Ethnic Inequality and Public Policy. Cambridge, Mass., 1987.
- Goldman W. Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge, 1993.
- Graziosi A. G. L.* Piatakov (1890–1937): A Mirror of Soviet History // Harvard Ukrainian Studies. 1992. Vol. 16. 102–166.
- Gurr T. R., Harff B.* Ethnic Conflict in World Politics. Boulder, Colo., 1994.
- Hagen W.* Germans, Poles, and Jews: The Nationality Conflict in the Prussian East. Chicago, 1980.
- Hardeman H.* Coming to Terms with the Soviet Regime. The «Changing Signposts» Movement among Russian Emigrants in the Early 1920s. DeKalb, 1994.
- Hayit B.* «Basmatschi»: Nationaler Kampf Turkestans in den Jahren 1917 bis 1934. Köln, 1992.
- Hirsch F.* The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // Slavic Review. 1997. Vol. 56. P. 251–278.
- Hirsch F.* Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // Russian Review. 2000. Vol. 59. P. 201–226.
- Hirsch F.* Empire of Nations: Colonial Technologies and the Making of the Soviet Union, 1917–1939. Ph. D. diss. Princeton University, 1998.
- Hlevoñjuk O.* Les mécanismes de la «Grande Terreur» des années 1937–1938 au Turkménistan // Cahiers du monde russe. 1998. Vol. 39. P. 197–208.
- Holquist P.* «Conduct Merciless Mass Terror»: Decossackization on the Don, 1919 // Cahiers du monde russe. 1997. Vol. 38. P. 127–162.
- Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, Calif., Press, 1985.

- Hovannisian R. G.* The Republic of Armenia. 4 vols. Berkeley, Calif., 1971–1996.
- Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1985.
- Inkeles A., Bauer R.* The Soviet Citizen: Daily life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass., 1959.
- Iwanow M.* Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa, 1991.
- Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley, Calif., 1994.
- Kaiser R. J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, N. J., 1994.
- Karklins R. Ethnic Relations in the USSR: The Perspective from Below. Boston, 1986.
- Keller S.* The Struggle Against Islam in Uzbekistan, 1921–1941: Policy, Bureaucracy, and Reality. Ph. D. diss. Indiana University, 1995.
- Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, Calif., 1998.
- Language Planning in the Soviet Union. N. Y., 1990.
- Kornai J.* The Socialist System. Princeton, N. J., 1992.
- Kostyrchenko G.* Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia. Amherst, N. Y., 1995.
- Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, Calif., 1995.
- Krawchenko B.* Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. London, 1985.
- Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian–Russian Borderland, 1870s–1990s. Cambridge, 1998.
- Kuromiya H.* Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge, 1988.
- Laitin D.* Ethnic Cleansing, Liberal Style. MacArthur Foundation Program in Transnational Security. Working Paper Series, № 4. Cambridge, 1995.
- Laitin D.* Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca, N. Y., 1998.
- Levin N.* The Jews in the Soviet Union Since 1917: Paradox of Survival. 2 vols. N. Y., 1998.
- Lewin M.* Lenin's Last Struggle. N. Y., 1968.
- Liber G. O.* Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923–1934. Cambridge, 1992.
- Lubin N.* Labour and Nationality in Soviet Central Asia. Princeton, N. J., 1984.
- Luckyi G. S. N.* Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917–1934. Durham, N. C., 1990.
- Macartney C. A.* National States and National Minorities. L., 1934.
- Mace J. E.* Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933. Cambridge, Mass., 1983.
- Maistrenko I.* Borot'bism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism. N. Y., 1954.

- Martin T.* Borders and Ethnic Conflict: The Soviet Experiment in Ethno-Territorial Proliferation // *Jahrbucher fr Geschichte Osteuropas*. 1999. Vol. 47. P. 538–555.
- Martin T.* Interpreting the New Archival Signals: Nationalities Policy and the Nature of Soviet Bureaucracy // *Cahiers du monde russe*. 1999. Vol. 40. P. 113–124.
- Martin T.* Modernization or Neo-Traditionalism: Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // *Stalinism: New Approaches* / ed. Sheila Fitzpatrick. N. Y., 1999. P. 348–367.
- Martin T.* The Empire's New Frontiers: New Russia's Path from Frontier to Okraina, 1774–1920 // *Russian History*. Vol. 19. P. 181–201.
- Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *The Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. P. 813–861.
- Martin T.* The Russification of the RSFSR // *Cahiers du monde russe*. 1998. Vol. 39. P. 99–118.
- Martin T.* An Affirmative Action Empire: Ethnicity and the Soviet State . Ph. D. diss. University of Chicago, 1996.
- Massell G. J.* The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton, N. J., 1974.
- Matley I. M.* The Dispersal of the Ingrian Finns // *Slavic Review*. March 1979. Vol. 38. P. 1–16.
- Matossian M.* The Impact of Soviet Policies in Armenia. Leiden, 1962.
- Moine N.* Pasportisation, statistique des migrations et contr le de l'identit sociale // *Cahiers du monde russe*. 1997. Vol. 38. P. 587–600.
- Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966.
- Nahaylo B., Swoboda V.* Soviet Disunion: A History of the Nationalities Problem in the USSR. N. Y., 1990.
- Naimark N.* Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge MA, 2000.
- Nekrich A. M.* The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. N. Y., 1978.
- Northrop D.* Uzbek Women and the Veil: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ph. D. diss. Stanford University, 1999.
- Nove A., Newth J. A.* The Soviet Middle East: A Model for Development? L., 1965.
- Olcott M. B.* The Kazakhs. Stanford, Calif., 1987.
- Park A. G.* Bolshevism in Turkestan, 1917–1927. N. Y., 1957.
- Payne M.* Turksib: The Building of the Turkestan-Siberian Railroad and the Politics of Production during the Cultural Revolution, 1926–1931. Ph. D. diss. University of Chicago, 1994.
- Penner D'Ann R.* Stalin and the Ital'ianka of 1932–1933 in The Don Region // *Cahiers du monde russe*. 1998. Vol. 39. P. 27–68.
- Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism. Cambridge, Mass., 1964.

- Radziejowski J.* The Communist Party of Western Ukraine, 1919–1929. Edmonton, 1983.
- Révész L.* Minderheitenschicksal in den Nachfolgestaaten der Donaumonarchie: Unter besonderer Berücksichtigung der Magyarischen Minderheit. Vienna, 1990.
- Sabol S.* The Creation of Soviet Central Asia: The 1924 National Delimitation // Central Asian Survey. 1995. Vol. 14. P. 225–241.
- Sakunov K.* Stalinist Terror in the Mari Republic: The Attack on «Finno-Ungrian Bourgeois Nationalism» – «Soviet and East European Review». 1996. Vol. 74. P. 658–682.
- Sanborn J.* Family, Fraternity, and Nation-Building in Russia, 1905–1925 // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. 2001.
- Schafer D.* Building Nations and Building States: The Tatar–Bashkir Question in Revolutionary Russia, 1917–1920. Ph. D. diss., University of Michigan, 1995.
- Famine in Ukraine, 1932–1933 / eds. Serbyn R., Krawchenko B. Edmonton, 1986.
- Shearer D. R.* Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression // Cahiers du monde russe. 1998. Vol. 39. P. 119–148.
- Shevelev G. Y.* The Ukrainian Language in the First Half of the Twentieth Century 1900–1941: Its State and Status. Cambridge, Mass., 1989.
- Shimotomai N.* A Note on the Kuban Affair (1932–1933) // Acta Slavica Iaponica. 1983. № 1. P. 39–56.
- Shkandrij M.* Modernists, Marxists and the Nation: The Ukrainian Literary Discussion of the 1920s. Edmonton, 1992.
- Siegelbaum L. H.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.
- Simon G.* Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. Boulder, Colo., 1991.
- Skocpol T.* States and Social Revolutions. Cambridge, 1979.
- Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. Summer 1994. Vol. 53. P. 414–452.
- Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, N. Y., 1994.
- Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. L., 1999.
- Smith M.* Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953. Berlin, 1998.
- Solomon P.* Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge, 1996.
- Sowell T.* Preferential Policies: An International Perspective. N. Y., 1990.
- Koreans in the Soviet Union. Honolulu, 1987.
- Suny R. G.* The Making of the Georgian Nation. Bloomington, Ind., 1998.

- Suny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, Calif., 1993.
- Szporluk R.* Nationalities and the Russian Problem in the USSR: an Historical Outline // Journal of International Affairs. 1973. Vol. 27. P. 22–40.
- The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective / eds. Dawisha Karen and Bruce Parrott. Armonk, N. J., 1997.
- Tillet L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill, N. C., 1969.
- Tilly C.* Coercion, Capital, and European States, AD 1990–1992. Oxford, 1990.
- Timasheff N. S.* The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. N. Y., 1946.
- Trimberger E. K.* Revolution from Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru. New Brunswick, N. J., 1978.
- Tucker R. C.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N. Y., 1987.
- Tucker R. C.* Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. N. Y., 1990.
- Vaksberg A.* Stalin Against The Jews. N. Y., 1994.
- Viola L.* Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1996.
- Walder A.* Communist Neo-Traditionalism: Work and Authority in Chinese Industry. Berkeley, Calif., 1986.
- Walt Stephen M.* Revolution and War. Ithaca, N. Y., 1996.
- Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Band III. Die Völker des Reiches / eds. Wandruszka A., Urbanitsch P. Vienna, 1980.
- Zaslavsky V.* The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity and Consensus in Soviet Society. Armonk, N. Y., 1994.
- Бугай Н. Ф.* «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортации 1937 года // Проблемы Дальнего Востока. № 4. С. 152–162.
- Бугай Н. Ф.* 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–40.
- Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998.
- Бугай Н. Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.
- Вихавайнен Т., Такала И.* В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998.
- Генис В. Л.* Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова») // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 44–58.
- Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М., 1997.
- Забродский Э.* Каланізацыйна-перасяленчыя працэсы ў Беларусі ў 20–30-я гг. // Гістарычны журнал. 1993. № 4. С. 88–91.
- Загоровский П. В.* Социально-политическая история Центрально-Черноземной области: 1928–1934 гг. Воронеж, 1995.

- Земсков В. Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР // Социологические исследования. 1990. № 11.
- Ивеницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.
- Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР. М., 1979.
- Кабузан Н.* Русские в мире. СПб., 1996.
- Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья. Дис. канд. ист. наук, М., 1991.
- Мерль Ш.* Голод 1932–1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 49–61.
- Омаров М.* Расстрелянная степь. Алматы, 1994.
- Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933 гг. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991.
- Охотин Н., Рогинский А.* «Латышская операция» 1937–1938 годов. Архивный комментарий // 30 октября. 2000. № 4. С. 5.
- Охотин Н., Рогинский А.* «Из истории “немецкой операции” НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35–74.
- Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.
- Пиріг Р.* Життя Михайла Грушевського: останні десятиліття, 1924–1934. Київ, 1993.
- Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.
- Рубльов О. С., Черченко Ю. А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50 роки ХХ ст. Київ, 1994.
- Советские курды: время перемен. М., 1993.
- Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.
- Шаповал Ю. І.* Людина і система. Штрихи до портрету тоталітарної доби в Україні. Київ, 1994.
- Шаповал Ю. І.* Україна 20–50-х років. Сторінки ненаписаної історії. Київ, 1994.

ТАБЛИЦЫ И КАРТЫ

- Таблица 1.* Национальные советы на Украине, 1924–1929 годы
- Таблица 2.* Национальные советы в Белоруссии, 1924–1933 годы
- Таблица 3.* Национальные советы в Ленинградской области, 1929–1936 годы
- Таблица 4.* Национальные советы в СССР, 1930 год
- Таблица 5.* Национальные советы в Средней Азии, 1927–1928 годы
- Таблица 6.* Печатные издания на украинском языке, 1923–1928 годы (в процентах)
- Таблица 7.* Знание служащими украинского языка, февраль 1926 года (по категориям, в абсолютных цифрах и процентах)
- Таблица 8.* Профсоюзная деятельность на украинском языке, июнь 1932 года (в процентах)
- Таблица 9.* Тиражи газет на Украине, 1923–1932 годы
- Таблица 10.* Высшее и среднее специальное образование на украинском языке, 1926–1929 годы (в процентах)
- Таблица 11.* Украинцы в учреждениях высшего и среднего специального образования (в процентах от общей численности студентов)
- Таблица 12.* Знание служащими украинского языка, 1927–1930 годы (в процентах)
- Таблица 13.* Уровень грамотности народов СССР, 1926 год
- Таблица 14.* Представители крупных национальных меньшинств (КМН) Узбекской ССР, занятые в центральных административных и хозяйственных органах республики, 1925–1928 годы
- Таблица 15.* Занятость представителей титульных национальностей, 1925–1926 годы (в процентах от общего числа служащих)
- Таблица 16.* Представительство титульных национальностей в выборных советских органах, 1927 год (в процентах)
- Таблица 17.* Представители титульной нации в центральном государственном аппарате Татарстана, 1921–1930 годы (в процентах)
- Таблица 18.* Национальный состав учащихся профессиональных учебных заведений РСФСР с 1925/26 по 1929/30 уч. год (в процентах)
- Таблица 19.* Состав учащихся профессиональных учебных заведений РСФСР, 1928/29 уч. год (в процентах)
- Таблица 20.* Бронь для культурно отсталых национальностей, 1930/31 уч. год
- Таблица 21.* Официальный перечень культурно отсталых национальностей
- Таблица 22.* Коренные жители автономных областей (АО) Северного Кавказа в составе служащих госаппарата (в процентах)

Таблица 23. Коренные жители автономных республик (АССР) и автономных областей (АО) РСФСР в составе служащих госаппарата, 1930–1933 гг. (в процентах)

Таблица 24. Латинизированные языки

Таблица 25. Численность белорусов и русских на территориях РСФСР, граничащих с Белорусской ССР

Таблица 26. Численность белорусов и русских на территориях Белорусской ССР, граничащих с РСФСР

Таблица 27. Численность украинцев и русских в регионах РСФСР, граничащих с Украинской ССР

Таблица 28. Количество национальных советов, 1931–1935 годы

Таблица 29. Молдавская АССР и корейские автономные территории

Таблица 30. Тиражи газет, выходящих на Украине, 1930–1939 годы

Таблица 31. Доля представителей коренных национальностей советского Востока в составе коммунистической партии (в процентах от общей численности членов партии)

Таблица 32. Доля этнических удмуртов среди служащих госаппарата республики (в процентах)

Таблица 33. Представители титульных национальностей среди канцелярских работников, 1926–1939 годы

Таблица 34. Социальная структура нерусских республик, 1939 год

Таблица 35. Коренизация руководящих должностей, 1939 год

Таблица 36. Представительство титульных национальностей в престижных профессиях, 1939 год

Таблица 37. Распределение представителей титульных национальностей по категориям служащих

Таблица 38. Украинское и белорусское население РСФСР, Украины и Белоруссии, 1926–1937 годы

Таблица 39. Украинское население в регионах РСФСР, 1926–1937 годы

Таблица 40. Национальные советы в РСФСР в 1935 году

Таблица 41. Газеты национальных меньшинств РСФСР (без учета АССР и АО)

Таблица 42. Национальный состав РСФСР, 1926–1937 годы

Таблица 43. Газеты национальных меньшинств в сельских районах

Таблица 44. Пирамида национальных советов, 1932–1938 годы

Таблица 45. Численность расстрелянных во время Большого террора (по национальностям)

Таблица 46. Русские, живущие за пределами РСФСР, 1926–1939 годы

Карта 1. Административно-территориальный состав СССР, декабрь 1922 года

Карта 2. Административно-территориальный состав СССР, 1926 год

Карта 3. Советские этнические чистки. 1935–1938 годы

Карта 4. Административно-территориальный состав СССР, 1939 год

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аболин, А. К. — 264, 265
Агамали-оглы, Самед — 262–269, 273–276, 293, 302
Адамович, Александр — 287, 364, 365, 367
Азатян — 156, 157, 353
Андреев, А. А. — 90, 97, 109, 184, 193, 197, 198, 205, 209, 214, 240, 337, 514, 600, 626
Асфендиаров, С. Д. — 75, 95
Атнагулов, С. — 316, 325
Ахундов, Мирза Фатали — 270
- Балицкий, Антон — 287, 319, 345, 350, 364–367
Балицкий, В. А. — 65, 410, 421, 471
Бауман, К. Я. — 486–488, 490, 577
Бауэр, Отто — 48
Бауэр, Раймонд — 523, 524
Бедный, Демьян — 374, 387, 548, 609, 619
Берия, Л. П. — 424, 464, 465, 490, 644, 654
Бройдо, Г. И. — 269
Буксвайлер, Меир — 55, 435, 447, 450
Бухарин, Н. И. — 11, 12, 14, 17, 31, 316, 542, 622
Буценко, А. И. — 55–57, 59, 121, 122, 124, 125, 132, 386, 388, 644
- Ваганян, В. А. — 128–130, 256, 257, 313, 325–328, 331, 335, 644
Валидов, Ахмет-Заки — 318
Варейкис, И. М. — 321, 322
Вильсон, Вудро — 11, 463
Ворошилов, К. Е. — 453, 525, 547, 548, 600, 626
- Гамарник, Я. Б. — 365, 411
Ганс, Герберт — 257
- Геллнер, Эрнст — 14
Гикало, Н. Ф. — 420, 481, 492, 494, 495
Гитлер, Адольф — 447, 478
Голощёкин, Ф. И. — 92, 96, 192, 203–205, 239, 240, 322, 325, 486, 488
Горбачёв, М. С. — 544
Горовиц, Дональд — 82, 83
Гринько, Григорий (Григорій) — 58, 118, 294, 299–301, 303, 304, 410, 495
Грох, Мирослав — 28–30, 33, 591
Грушевский, Михаил (Грушевський, Михайло) — 307, 308, 363, 364, 646, 647
Гурр, Тед — 82
- Деникин, А. И. — 112
Дзержинский, Ф. Э. — 18, 543
Диманштейн, С. М. — 23, 70, 71, 227–229, 231, 265, 266, 284–286, 314, 334, 335, 338, 341, 368, 560, 571–574, 611
Досов, А. И. — 71, 80, 183
Дэвис, Сара — 523
- Ежов, Н. И. — 324, 453, 454, 457
Ельцин, Б. Н. — 542, 544
Енукидзе, А. С. — 51, 58, 67–69, 71, 79, 80, 92, 139, 163, 180, 313, 380
Ефремов, Сергей (Сергей) — 344, 345, 347–349, 366
- Жданов, А. А. — 616, 627, 636
- Затонский, В. П. (Затонський Володимир) — 18, 58, 59, 73, 112, 115, 118, 124, 125, 127, 128, 132, 134, 137, 186, 294, 302, 303, 311, 312,

- 333, 353, 359–366, 378, 395, 474, 477, 480–482, 501, 596, 645
- Зеленский, И. — 95, 192, 193, 201, 202, 204, 212, 214, 215, 221, 228, 319
- Зимон, Герхард — 27
- Зиновьев, Г. Е. — 29, 30, 36, 56, 57, 326, 327, 331, 352
- Ибрагимов, Вели** — 319
- Игнатовский, В. М. — 287, 362, 369
- Икрамов, Акмаль — 103, 488
- Ильминский, Николай — 260
- Инкелес, Алекс — 523, 524
- Каганович, Л. М.** — 53, 121–130, 135, 137–139, 155, 158, 164, 169, 174, 197, 202, 203, 291–296, 298–300, 303–306, 308–310, 312, 313, 320–322, 333, 341, 342, 356, 357, 369, 370, 386, 404, 408, 409, 411–415, 418, 419, 445, 445, 446, 470–472, 477, 479, 488, 492, 494, 495, 497, 498, 501–503, 580, 600, 608, 636, 645
- Калинин, М. И. — 64, 65, 73, 79, 80, 94, 95, 104, 161, 197, 207, 208, 337, 390, 406, 549, 550, 636, 645
- Квириг, Эммануил — 56, 57, 63, 116, 118, 119, 121, 138, 294, 317
- Киров, С. М. — 452, 456, 616, 636
- Киселёв, А. С. — 81, 95–97, 550
- Колас, Якуб — 363, 369
- Косиор, С. В. — 153, 169, 197, 323, 324, 331, 333, 341, 351, 352, 355, 367, 408–411, 418, 470, 472, 473, 476, 478, 480, 484, 485, 489, 492, 493, 495, 496, 499, 503, 550, 645
- Кравченко, Богдан — 173
- Кравченко, Виктор — 149, 159
- Кудрявцев — 502, 503
- Кульбешеров, Б. — 265, 268, 272
- Купала, Янка — 363, 366, 369, 598, 609
- Ларин, Юрий** — 55, 58, 59, 64, 73, 74, 92, 126, 135, 136, 139, 182, 313, 395, 645
- Лебедь, Д. З. — 29, 30, 113–116, 119, 125, 157, 294, 331, 353, 354, 645
- Ленин, В. И. — 11–20, 24, 26, 29, 30, 34–36, 42, 49, 112, 113, 127, 164, 177, 257, 262, 267, 276, 284, 287, 293, 317, 339, 341, 363, 463, 475, 476, 542–545, 572, 589, 591, 600, 636, 645
- Либбер, Джордж — 173, 174
- Литвинов, Максим — 453
- Луначарский, А. В. — 276, 278
- Лэйтин, Дэвид — 6, 254
- Любченко, П. П. — 308, 346, 348, 350, 354, 470, 472–477, 481, 495, 496, 553, 645
- Люксембург, Роза — 12, 17
- Майстренко, Иван** — 169, 386, 645
- Макартни, К. А. — 49, 54
- Максимович, Карл — 301, 311
- Маленков, Г. М. — 461, 619, 621, 622
- Марр, Н. Я. — 283, 284, 334
- Махно, Нестор — 6, 404
- Мехлис, Л. З. — 504
- Микоян, А. И. — 411, 414, 545, 547, 548, 600
- Милюков, Павел — 307
- Молотов, В. М. — 197, 408–411, 415, 418, 421, 449, 452–454, 456, 472, 541, 542, 547, 600, 601, 604, 636, 646, 648
- Мур, Баррингтон — 329
- Ноув, Алек** — 33
- Нурмаков, Н. Н. — 94, 248, 401, 554, 556, 573
- Ньюф, Дж. А. — 33
- Орджоникидзе, Г. К. (Серго)** — 18, 111, 164, 207, 327, 361, 365, 543, 547, 548, 600, 636
- Островский, З. — 239, 240, 392, 394, 397–399, 646
- Пестковский, Станислав** — 36
- Петерс, Яков — 91
- Петлюра, С. — 112, 127, 130, 404
- Петровский, Г. И. — 58, 112, 122, 125, 127, 128, 133, 136, 223, 300, 357, 386, 409, 410, 474, 510
- Пилсудский — 311–313, 349, 350, 366–368, 410, 415, 443, 446, 457
- Попов, Н. Н. (М. М.) — 113–115, 133, 350, 471, 473, 477, 480, 491, 495, 496, 646

- Постышев, Павел — 159, 420, 471, 472, 474, 478, 479, 484, 491, 499, 501–503, 580, 609
Прищепов, Дмитрий — 364–366, 368
Пушкин А. С. — 589, 591, 609, 617, 623, 624, 630
Пятаков, Г. Л. — 11, 12, 14–18, 30, 112, 113, 316, 317, 325–328, 331
Разумов, М. О. — 240, 305, 324, 490, 573, 574, 580
Раковский, Х. Г. — 23, 113, 115, 116, 547
Реденс, С. Ф. — 409, 410, 421
Реннер, Карл — 48
Рогинский, Арсений — 457–460, 463, 617, 655
Рудзутак, Ян — 98, 600
Рустанели, Шота — 609, 624
Рыков, А. И. — 390, 550
Саид, Эдвард — 176
Саид-Галиев, Сахиб-Гарей — 36, 270, 308, 316, 545
Скрипник, Н. А. (М. О.) — 21, 40, 58, 59, 67–71, 79, 80, 114, 115, 118, 119, 125, 143, 150–154, 156, 157, 159, 160, 164, 182, 183, 288–290, 294, 301, 308, 309, 311, 312, 314, 331, 332, 333, 335, 341, 352–355, 370, 383, 386, 389, 396, 398, 469–481, 483, 484, 486, 488, 491–493, 499, 504, 526, 547, 591, 595–597, 647
Смит, Майкл — 589
Сталин, И. В. — 11–16, 18–26, 30, 31, 34, 36, 37, 42, 44, 49, 55, 94, 101, 104, 108, 109, 121, 124, 127, 129, 130, 136–138, 141, 147, 153, 161–163, 166, 174, 181, 192, 203–205, 207, 219–221, 223, 229, 256, 257, 259, 269, 278, 284, 287, 294–296, 298–300, 302, 304–306, 310, 313, 315, 317–322, 324, 326–328, 330, 332, 334, 336, 338–343, 346, 349, 352, 357, 358, 361, 362, 364, 365, 368, 371–376, 386–388, 390, 403, 408–412, 414, 415, 418, 421, 422, 424, 444–446, 453, 458, 462–465, 470–473, 475–477, 484, 486–491, 494, 495, 499, 501–503, 510, 514, 518, 522, 523, 526, 542–548, 551, 559–561, 572, 579, 580, 589, 591, 593–597, 599–607, 612, 616, 617, 619, 625–627, 629, 636, 644, 648, 654
Султан-Галиев, Мирсаид — 270, 315, 317, 318, 352, 353, 545, 567
Сырцов, С. И. — 93, 392
Таджиев, А. — 559, 560
Тимашев, Николай — 568–570
Троцкий, Лев — 121, 317, 318, 324–327, 337, 644
Тургенев — 590, 591
Фрунзе, Михаил — 115, 116, 646
Хаджибаев — 487–489
Хансуваров, И. — 574, 648
Хатаевич, М. М. — 322–324, 471
Хацкевич, А. И. — 71, 72, 360, 509, 510, 560, 576, 577
Хвильевый, Микола (Хвильовий Микола) — 44, 143, 157, 158, 295–299, 309, 313, 314, 316, 349, 361, 377, 594, 648
Хвыля, Андрей (Хвиля, Андрий) — 115–117, 120, 122–124, 126, 129, 143, 149, 288, 313, 326, 327, 333, 354, 386, 395, 397, 472, 492, 500, 588, 607, 608, 648
Ходжаев, Файзулла — 308
Ходжанов, С. Х. — 92, 182, 203, 308
Чубарь, Влас — 118, 122, 136, 164, 294, 300, 304, 357, 386, 408–410, 472, 479, 600
Шамигулов, Г. К. — 316, 318
Шеболдаев, Б. П. — 126, 411, 412, 445
Шевченко, Т. Г. — 130, 363, 493, 494, 608, 624
Шкирятов, М. Ф. — 411, 413
Шумский, Александр (Шумський, Олександр) — 44, 118, 122, 134, 137–140, 292–296, 298–304, 306, 309, 311, 313, 314, 317, 319, 320, 324, 328, 350, 353, 354, 356, 358, 362–364, 366, 370, 377, 388, 402, 417, 430, 443, 477, 567, 591, 594
Ягода, Г. Г. — 411, 449, 452, 472
Яковлев, Н. Ф. — 261, 263, 267, 272, 276–278, 281, 283, 284, 576

СОДЕРЖАНИЕ

От автора .	6
Аббревиатуры	9
1. Советская империя положительной деятельности	10
Логика положительной деятельности .	11
Марксизм .	14
Модернизация	15
Колониализм и принцип главной опасности . . .	17
Пьемонтский принцип.	20
Сущность империи положительной деятельности .	21
Национальные территории	22
Национальные языки и элиты	23
Национальная культура	24
Федерация	25
Экономическое выравнивание	26
Миграция .	27
Империя положительной деятельности .	28
Партия и империя положительной деятельности .	36
«Жесткая» и «мягкая» линии	37
Террор как сигнальная система	39
География империи положительной деятельности	40
Восток и Запад	40
Украинский вопрос.	41
Русский вопрос.	42
Хронология положительной деятельности .	43
Новая экономическая политика, 1923–1928 годы	43
Социалистическое наступление / культурная революция, 1928–1932 годы	44
Декабрьские (1932 года) постановления Политбюро .	45
Великое отступление, 1933–1938 годы	45
Часть первая. ОСУЩЕСТВЛЯЯ ПРОГРАММУ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	47
2. Границы и этнические конфликты	47
Возникновение национальных советов на Украине . .	51
Национальные советы в Белоруссии и РСФСР	71
Национальные советы и этнические конфликты на советском Востоке .	82
Татарский вариант	85
Казахский вариант	87
Узбекский вариант	98
Выводы.	104
3. Украинизация языковой сферы, 1923–1932 годы . .	108
Предпосылки украинизации, 1919–1923 годы .	112
Украинизация, 1923–1925 годы	114
	661

Украинизация при Кагановиче, апрель 1925 года – июнь 1926 года	121
Провал всеобщей украинизации, 1926–1932 годы .	140
Промышленные предприятия	141
Высшие учебные заведения.	150
Общесоюзные организации и госаппарат.	160
Выводы.	173
4. Положительная деятельность на советском Востоке, 1923–1932 годы	176
Восток и Запад	177
«Культурный фонд»	181
«Механическая коренизация», 1923–1926 годы	187
«Функциональная коренизация», 1926–1928 годы	196
Положительная деятельность и этнические конфликты в промышленности.	206
Культурная революция и коренизация на советском Востоке .	218
Кампания против великодержавного шовинизма . . .	220
Положительная деятельность в высшем образовании .	224
Провал коренизации, 1928–1932 годы .	241
Выводы: коренизация на Востоке и Западе.	250
5. Латинизация и создание символов национальной идентичности	256
Латинизация	260
Латинизация как дерусификация.	273
Язык и террор на советском Западе .	286
Часть вторая. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ИМПЕРИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	291
6. Политика национал-коммунизма, 1923–1930 годы	291
«Дело Шумского»	292
Национальность и левая оппозиция	315
Социалистическое наступление и культурная революция	328
Народное наступление на национальность.	331
Вмешательство Сталина . .	338
Показательные процессы на Украине в период культурной революции. .	343
Показательный процесс над СВУ	344
Террор как сигнальная система . .	350
Террор и пересмотр национальной политики в Белоруссии.	358
Выводы.	371
7. Национальный вопрос и голод 1933 года	376
Пьемонтский принцип и споры о внутренних границах.	377
Украинский вопрос в РСФСР	388
«Кубанское дело» . . .	402
Кризис хлебозаготовок и национальный вопрос.	415
Выводы: последствия постановлений Политбюро, принятых в декабре 1932 года.	422

Часть третья. КОНЕЦ ИМПЕРИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	424
8. Этнические чистки и «народы-враги»	424
Пограничные районы	425
Политика иммиграции	430
Коллективизация и эмиграция	435
Украинский кризис	442
Этнические чистки	447
«Народы-враги»	455
Выводы	463
9. Пересмотр советской национальной политики, 1933–1939 годы	468
«Дело Скрипника»	469
Принцип главной опасности	484
Украинизация после «дела Скрипника»	491
«Тихая» коренизация на советском Востоке	505
Высшее образование	506
Государственный аппарат	510
Коренизация в 1939 году	514
Этнические конфликты	519
Выводы	526
10. Реабилитация русских	541
«Неудобная республика» – РСФСР	541
Интернационализация РСФСР	551
Русификация РСФСР	552
Русификация письменности и символы политики «великого отступления»	568
Политика в сфере языка и Большой террор	579
Выводы	590
11. «Дружба народов»	593
«Братство народов»	593
«Дружба народов»	600
Сталинский примордиализм	606
Первый среди равных	617
Выводы	629
Глоссарий	632
Библиография	636
Таблицы и карты	656
Указатель имен	658

Научное издание

История сталинизма

Мартин Терри

**ИМПЕРИЯ
«ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»
Нации и национализм в СССР
1923–1939**

Перевод с английского *О. Р. Щёлоковой*

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *Н. П. Зимарина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *И. В. Киселева*

Компьютерная верстка *И. Д. Звягинцева*

Корректоры *Н. П. Голубцова, Е. А. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 01.10.2010.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 41,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 10136

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14